

История реформации в Европе во времена Кальвина, Том 6 (из 8)

Ж. Х. Мерль д'Обинье

HISTORY OF THE REFORMATION IN EUROPE IN THE TIME OF CALVIN.

BY
J. H. MERLE D'AUBIGNE, D.D.

TRANSLATED BY
WILLIAM L. B. CATES,
JOINT AUTHOR OF WOODWARD AND CATES'S 'ENCYCLOPÆDIA OF CHRONOLOGY,'
EDITOR OF 'THE DICTIONARY OF GENERAL BIOGRAPHY,' ETC.

'Les choses de petite durée ont coutume de devenir fanées, quand elles ont
passé leur temps.
'Au règne de Christ, il n'y a que le nouvel homme qui soit florissant, qui ait
de la vigueur, et dont il faille faire cas.'
CALVIN.

VOL. VI.
SCOTLAND, SWITZERLAND, GENEVA.

NEW YORK:
ROBERT CARTER & BROTHERS,
530 BROADWAY
1877.

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории Реформации в Европе во времена Кальвина, том 6 (из 8)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Реформации в Европе во времена Кальвина, Том 6 (из 8)

Автор: Ж. Х. Мерль д'Обинье

Переводчик: Уильям Л. Р. Кейтс

Дата выхода: 3 августа 2021 г. [Электронная книга № 65984]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальная публикация: США: Robert Carter & Brothers, 1866

Авторы: Брайан Уилсон, Карин Спенс, Дэвид Эдвардс, Колин Белл и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА", ТОМ 6 (ИЗ 8) ***

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА

Дж. Х. Мерль Д'Обинье, доктор медицинских наук

ПЕРЕВОД УИЛЬЯМА Л. Б. КЕЙТСА,

СОАВТОР "ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ" ВУДВОРДА И КЕЙТСА, РЕДАКТОР "ОБЩЕГО БИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ" И ДР.

‘Les choses de petite durée ont coutume de devenir fanées, quand elles ont passé leur temps.

‘Au règne de Christ, il n’y a que le nouvel homme qui soit florissant, qui ait de la vigueur, et dont il faille faire cas.’

Кальвин.

ТОМ VI.

ШОТЛАНДИЯ, ШВЕЙЦАРИЯ, ЖЕНЕВА.

НЬЮ-ЙОРК:
ROBERT CARTER & BROTHERS,
БРОДВЕЙ, 530
1877.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Автор *Истории Реформации в Шестнадцатом веке* скончался в Женеве 21 октября 1872 года, когда до завершения его великого труда оставалось написать всего несколько глав. Чувствуя, как он часто говорил, что *времени у него теперь в обрез* (ему было недалеко до восьмидесятилетия), и воодушевленный близкой перспективой достижения цели, к которой он неустанно стремился в течение пятидесяти лет, он работал с удвоенным рвением. 'Я считаю минуты', - обычно говорил он; и он не позволял себе отдыхать. К несчастью, в последних минутах ему было отказано, и работа не была закончена. Но не хватает лишь небольшой части; рукописи, публикация которых продолжается в настоящем томе, доведут повествование почти до конца.

Вышло десять томов. Автор намеревался изложить оставшуюся часть своей истории в двух дополнительных томах. Он набросал свою программу на листе бумаги следующим образом:

- С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ.

Порядок предметов, исключая уменьшение или увеличение, в зависимости от степени распространенности каждого.

Том XI "На смерть Лютера".

- Шотландия вплоть до 1546 года.
- -Дания.
- -Швеция.
- - Богемия и Моравия.
- -Польша.
- -Венгрия.
- -Женева, Швейцария, и Кальвин.
- Германия, на смерть Лютера, 1546 год.

Том XII. на смерть Кальвина.

- Нидерланды, 1566 год.
- -Испания.
- -Италия.
- Шотландия вплоть до 1560 года.

- - Англия, к Статьям 1552 года.
- Германия, 1556 год.
- Франция, 1559 год.
- "Кальвин и его работа в Женеве и в христианском мире до его смерти в 1564 году.

Многочисленные рукописи, оставленные месье Мерлем д'Обинье, включают все статьи, изложенные в программе, которые должны были составить том XI (VI. второй серии), и три статьи, предназначенные для тома XII, первые две и пятую.

В работе, несомненно, будут важные пробелы. Тем не менее, великий период, период зарождения, будет описан почти полностью. Но есть одна глава, о которой он очень сожалеет, что не написал. Это последняя глава, касающаяся работы Кальвина и влияния на христианский мир. Человек, который в течение пятидесяти лет жил в тесном общении с Кальвином, который сделал его труды объектами своего постоянного изучения и проникся его духом, возможно, больше, чем кто-либо другой в наше время; человек, который первым взял в руки, читал без перерыва и анализировал почти все бесчисленные произведения, вышедшие из-под пера реформатора, смог бы с непревзойденной авторитетностью проследить для нас грандиозную фигуру своего героя и описать огромное влияние, которое он оказал на шестнадцатое столетие, в целом. в отдаленных регионах, а также в его ближайшем окружении. Отсутствие этой заключительной главы, которую автор задумали которую он долго обдумывал, но все еще откладывал с написанием, остается невосполнимой потерей.

Редакторы (М. ле Пастер Адольф Дюшен, зять выдающегося историка, и М. Э. Биндер, профессорэкзегезы Женевского теологического колледжа, коллега и друг М. Мерля д'Обинье) ограничились проверкой многочисленных цитат, разбросанных по тексту, проверкой точности ссылок, приведенных в примечаниях, и сокращением отдельных изменений, которые автор, несомненно, удалил бы, если бы редактировал работу сам. Поскольку материалов, предложенных для составления тома XI, достаточно для составления двух томов и даже для начала третьего, было необходимо изменить расположение, указанное выше.

Разделение повествования на главы и названия, данные главам, по большей части являются работой редакторов.

За тем, который сейчас представлен публике, последуют еще два тома.

Женева *апрель 1875 г.*

СОДЕРЖАНИЕ ШЕСТОГО ТОМА.

Введение

КНИГА X.

РЕФОРМАЦИЯ В ШОТЛАНДИИ.

ГЛАВА I.

СТРАНИЦА

v

ПОДГОТОВКА РЕФОРМЫ.

(Со Второго века по 1522 год.)

Религия — ключ к истории—Везде одна и та же Жизнь, порожденная Божественным Духом—Три последовательных импульса: Калди, Уиклифф, Ян Гусс—Борьба между членами Королевской семьи и дворянством—Джон Кэмпбелл, лэрд Сесснока—Обвинен в ереси—Оправдан королем—Битва при Флоддене—Смерть Якова IV.—Епископальный Выборы в Шотландии—Алезиус—Патрик Гамильтон—Джон Нокс—Проблемы во время несовершеннолетия короля—Молодой Гамильтон в Парижском университете—Знакомится с лютеранской реформацией

1

ГЛАВА II.

НАЧАЛО РЕФОРМАТОРСКОГО ДВИЖЕНИЯ.

(с 1522 по апрель 1527 г.)

Профессор Джона Мэра в Глазго—Патрик Гамильтон в Университете Сент—Эндрюс—Труды Лютера ввезены в Шотландию—Запрещены парламентом—Характер молодого короля—Яков V. объявлен совершеннолетним— Встает на сторону священников—Клерикальная партия побеждена—Позиция Тиндейла Распространение Нового Завета—Евангельские доктрины, проповедуемые Патриком Гамильтоном—Возобновление влияния архиепископа Беатона—Гамильтон объявлен еретиком—Цитируется перед архиепископом—Сбегает на Континент

18

ГЛАВА III.

ПОСВЯЩЕНИЕ ГАМИЛЬТОНА В ГЕРМАНИИ РЕФОРМАЦИИ ШОТЛАНДИИ.

(Весна, лето и осень 1527 г.)

Гамильтон в Марбурге —Его знакомство с Ламбертом д'Авиньоном—Марбургский университет—Наука и вера—Изучение Гамильтоном Священных Писаний—Причина, по которой он не посещал Виттенберг—Болезнь Лютера—Чума в Виттенберге—Гамильтон Диспут Гамильтона в Марбурге —Его тезисы—Атака и защита—Новые тезисы Гамильтона-Суть богословия в них-Возвращение Гамильтона в Шотландию

30

ГЛАВА IV.

ЕВАНГЕЛИЗАЦИЯ, НЕВЗГОДЫ И УСПЕХ ГАМИЛЬТОНА В ШОТЛАНДИИ.

(Конец 1527 — конец февраля 1528 г.)

Новый Завет запрещен—Рвение Гамильтона—Принятие Евангелия его родственниками—Его проповедь близ Кинкавила—Желание толпы услышать его—Его женитьба—Заговор священников против его жизни—Вызван архиепископом в Сент—Эндрюс—Его возросшее рвение—Ловушки, расставленные ему священниками—Его спор с Алезиусом—Обращение Алезиуса к Истине—Гамильтон предан Александром Кэмпбеллом—Смерть Гамильтона определена—Король устранен с дороги-Попытка попытка сэра Джеймса Гамильтона спасти своего брата-Вооруженное сопротивление архиепископа

42

ГЛАВА V.

ПОЯВЛЕНИЕ, ОСУЖДЕНИЕ, МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ГАМИЛЬТОНА.

(Конец февраля–1 марта 1528 г.)

Появление Гамильтона перед Епископальным советом—Его ереси—Его ответ—
Попытка Эндрю Дункана спасти его—Гамильтон, заключенный в замок—
Инквизиционный суд—Гамильтон в присутствии своих судей—Дебаты—
Оскорбления—Его приговор—Подготовка казни—Гамильтон на костре—
Раздосадованный и оскорбленный Кэмпбеллом—Семья и Родина Гамильтона—
Продолжительность его страданий—Два Гамильтона

56

ГЛАВА VI.

АЛЕЗИУС.

(Февраль 1528 — конец 1531 г.)

"Венцы мучеников" —Различные чувства, вызванные мучеником—Побег короля от
его Хранителей—Бразды правления захвачены Джеймсом V.—Победа
священников—Алезиус подтвержден смертью Гамильтона—Его выступление
перед Провинциальным синодом—Его заключение в темницу—Приказ короля
освободить его—Хитрость приора Хепберна—Удаление Алезиуса в более грязную
темницу—Заговор приора против его жизни—Схема канонов для его побега—Его
бегство с помощью Ночное преследование Настоятеля — Его бегство в Германию

70

ГЛАВА VII.

В ШОТЛАНДИИ МНОЖИЛИСЬ ИСПОВЕДНИКИ ЕВАНГЕЛИЯ И МУЧЕНИКИ.

(Конец 1531-1534 гг.)

Заговор знати против священников—Их соглашение с Генрихом VIII.—Интриги
римской партии—Александр Ситон, духовник короля—Его смелость—Его бегство в
Англию—Письмо Алезиуса королю—Ответ Кохлеуса—Генри Форрест—Его
унижение—Его казнь—Дэвид Стрейтон из Лористона—Его обращение—Его Суд—
И мученическая смерть—Суд над Кэтрин Гамильтон—Бегство евангелистов из
Шотландии

84

ГЛАВА VIII.

РАЗРЫВ КОРОЛЯ ШОТЛАНДИИ С АНГЛИЕЙ—СОЮЗ С ФРАНЦИЕЙ И ГИЗАМИ.

(с 1534 по 1539 гг.)

Союз Якова V., которого добивался Генрих VIII.—Провал—Новые попытки Генриха
VIII.—Томас Форрест—Его верность—Его беседа с епископом Данкельда—
Недовольство народа—Переговоры в Риме—Брак Якова V. с Мадлен Валуа—
Смерть молодой королевы—Второй брак короля с Марией Лотарингской

99

ГЛАВА IX.

ПРЕОБЛАДАЕТ ВЛИЯНИЕ ДЭВИДА БЕАТОНА—ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ .

(1539.)

Кардинал Дэвид Битун—Его полный контроль над королем—Война с богатыми—
Выкуп Балкерли—Многочисленные тюремные заключения—Шотландия под
наблюдением Генриха VIII.—Дерзкая драма Киллона—Суд над Киллоном и

110

Томасом Форрестом—Их казнь—Бьюкенен в тюрьме—Его побег—Кеннеди и Джером Рассел—Их тюремное заключение—Суд—Мужество—И мученичество
ГЛАВА X.

ОТСТУПЛЕНИЯ ДЖЕЙМСА V.—ПЕРЕГОВОРЫ С ГЕНРИХОМ VIII.—ИХ ПРОВАЛ.

(с 1540 по 1542 гг.) .)

Изменившиеся наклонности короля Шотландии—Его осуждение епископов—
Хитрость кардинала—Совещания епископов в Сент—Эндрюсе—Возвращение
короля на сторону Рима—Рождение его сына—Рождение второго Сына—Его
Раскаяние—Сон—Смерть двух его сыновей—Новые попытки Генриха VIII.—Проект
интервью в Йорке—Поездка короля Англии в Йорк—Усилия епископов
предотвратить интервью—Отсутствие Джеймса V. на встрече

124

ГЛАВА XI.

ВОЙНА Между АНГЛИЕЙ И ШОТЛАНДИЕЙ.—СМЕРТЬ Джеймса V.

(1542.)

Гнев Генриха VIII.—Стычки—Опасения Джеймса V.—Цель Генриха VIII.—Корона
Шотландии—Вторжение в Шотландию герцога Норфолка—Отказ шотландской
армии выступить в поход—Список проскрипций, составленный епископами—Их
союз с королем—Набор епископами новой армии—Оливер Синклер назначен
главнокомандующим—Позорный разгром—Тревога Джеймса V.—Его уныние—Его
отчаяние—Рождение Марии Стюарт—Смерть короля. король

136

ГЛАВА XII.

РЕГЕНТСТВО ГРАФА АРРАНА.—ЗАКЛЮЧЕНИЕ БЕАТОНА.—МИРНЫЙ ДОГОВОР С
АНГЛИЕЙ.

(с 1542 по март 1543 г.).

Амбиции Беатона—Притворная воля короля—Собрание знати—Граф Арран
провозглашен регентом—Связанные с ним евангелисты—Два капеллана—
Проекты Генриха VIII.—Переговоры—Арест кардинала—Результаты этого акта—
Шотландия попала под интердикт—Парламент Эдинбурга—Священные Писания
на вульгарном языке—Дебаты на эту тему—Свобода Священного Писания—
Всеобщее ликование—Договор с Англией—Подтверждение Договора

151

ГЛАВА XIII.

ОСВОБОЖДЕНИЕ БИТУНА — ЕГО ЗАХВАТ ВЛАСТИ—НАРУШЕНИЕ ДОГОВОРА—
НОВЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.

(С марта 1543 по лето 1544 г.)

Ультрамонтанская партия—Аббат Пейсли—Освобождение кардинала—Его
интриги—Оскорбления, нанесенные английскому послу—Отказ регента выдать
заложников—Вооруженные сборища—Слабость регента—Его отречение от
престола перед кардиналом—Коронация Марии Стюарт—Объявление войны
Шотландии Генрихом VIII.—Граф Леннокс—Триумф кардинала—Уильям Андерсон,
Хеллен Стирк, Джеймс Равелесон и Роберт Лэмб—Вынесенный им смертный
приговор—Безрезультатно Заступничество—Повлиявшая на смерть Хеллен
Стирк—Английский флот в Лейте—Высадка английской армии—Захват и

166

разграбление Эдинбурга—Планы Генриха VIII. отложено

ГЛАВА XIV.

УИШАРТ — ЕГО СЛУЖЕНИЕ И ЕГО МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ.

(Летом 1544 в марте 1546.)

Проповедь Висхарт в Данди—храмы закрыты, против него—открытая проповедь—
чума Данди—Висхарт вернуться туда—попытка священника, чтобы убить его—
ловушки, подготовленные для него—его объявлением о его приближающейся
смерти—Висхарт присоединились Нокс—подход Висхарт в Эдинбург—его
удвоенным рвением—дезертирство из его друзей—его последняя проповедь—его
арест,—бросил на кардинала—его судебного процесса против регента—
сохранение кардинал—церковный суд—обвинитель Лаудер—Оскорбления—
клеветы, осуждения—отказ от причастия—настоящая ужин—Висхарт обращение к
народу—его мученичество

185

глава XV.

ЗАГОВОР ПРОТИВ BEATOUN—ЕГО СМЕРТЬ.

(Март-май 1546.)

Триумф кардинал—заговора его врагов—совещание заговорщиков на Сент-
Эндрюс—захват замка кардинала слуги прогнали—убийство Beatoun—Висхарт
приговор—осада замка—капитуляция заговорщиков—основания торжество
Реформации в Шотландии—Два короля и два царства—священник и пастор
книга XI.

207

КАЛЬВИН И ПРИНЦИПЫ ЕГО РЕФОРМЫ.

Глава I.

Кальвина в Женеве и в Пеи-де-во.

(1536.)

Женева готовы со своей стороны—Кельвин—его желание для выхода на пенсию—
чтения Священного Писания—учение Кальвина—авторство дисциплина—
прикладная дисциплина до Кальвина—учение Иисуса Христа-душа Церкви,
Кальвин и гугенотов—его взаимодействие с Советом Женевы—его имя не
упоминается в Евангелии в Пэи-де-Во—Viret в Лозанне—картинки—две массы в
неделю—уведомление о великий диспут—запрещены императором—по
распоряжению Совета Бернской—Нерешительность жителей города Лозанны

219

Глава II.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС В ЛОЗАННЕ.

(Октябрь 1536 г.)

Защитники двух партий—Подготовка двух Партий—Десять тезисов Фареля—Его
речь—Начало диспута—Протест против канонов—Ответ Фареля—Доктор
Бланшероз—Викарий Дроги—Оправдание верой—Церковь и Священные
Писания—Кароли—Реальное Присутствие—Свидетельство Отцов—Кальвин—Его
Изложение Доктрины Отцов—Смертное тело Христа и его Прославленное Тело—
Тело и Кровь—Духовное присутствие Христа—Обращение Жана Тэнди—Его

235

монашеское одеяние отложить—Последние тезисы—Троица доктора Бланшероза—Великий пост—Невежество священников—Кальвин и Хильдебранд—Заключительная речь Фареля—Иисус Христос, а не Папа Римский—Спасение не во внешних вещах—Обращение к священникам—Обращение к лордам Берна

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕФОРМЫ В СИСТЕМЕ ОПЛАТЫ ТРУДА ВО.

(Конец 1536 г.)

Моральная реформа в Лозанне—Изображения—Тревога канонов—Удаление изображений по приказу Берна—Успех диспута в Лозанне—Решение о реформации в Лозанне—первый пастор Кароли—Реформация в Веве—В Лютри—Поиск Фарелем евангелических служителей—Служители Pays de Vaud—Формула лордов Берна—Недостойные министры—Эдикт о реформации—Отъезд священников и монахов—Конференция в Женеве

260

ГЛАВА IV.

РЕФОРМАЦИЯ В ЖЕНЕВЕ. —ФОРМУЛЯР ВЕРЫ И ДИСЦИПЛИНЫ.

(Конец 1536-1537 гг.)

Свобода и власть—Пастор Кальвин в Женеве—Христианин в отдельности и христианская община—Анализ и синтез—Разделение среди гугенотов—Катехизис и исповедание веры—Истинный образ мыслей Кальвина—Разнообразие религиозных мнений—Необходимость единства—Представление исповеди Совету—Характеристики исповеди—Ее авторство приписывается Кальвину—Частое причащение—Наказание отлучением от церкви—Истинное начало Церкви—Вмешательство мирян—Различные Правила—Дисциплина, одобренная Советом—Синдикат—Распространение исповеди—Его принятие требуется от каждого гражданина—Собрание народа в церкви Святого Петра—Принесение исповеди—Отказ многих принести ее—Три женевских пастора—Школы—Деятельность реформаторов—Дисциплина—Описание Женевы

274

ГЛАВА V.

СОСТЯЗАНИЕ КАЛЬВИНА С ИНОСТРАННЫМИ ВРАЧАМИ—ПРОТИВ НЕГО ВЫДВИНУТО ОБВИНЕНИЕ В АРИАНСТВЕ.

(Январь—июнь 1537 г.)

Прибытие спиричуэлов в Женеву—Их система—Публичный диспут—Изгнание спиричуэлов—Кароли—Его амбиции и его мораль—Молитвы за умерших—Схоластика—Консистория Лозанны—Обвинение Кальвина в арианстве—Необходимо его оправдание—Ответ Кальвина—Его взгляд на Троицу—Обвинение Кароли Фареля и Вире—Созыв Синода, разрешенный—Беспокойство Фареля—Синод в Лозанне—Еще одна дискуссия о Троице—Разоблачение Троицы Кароли Кальвина—Божественность Христа—Тирания вероучений, отвергнутых Кальвином—Так называемый афанасианский символ веры—Осуждение Кароли Синодом—Апелляция к Берну—Волнение умов людей—Обвинение Кароли—Его осуждение—Его бегство во Францию

299

ГЛАВА VI.

КАЛЬВИН НА БЕРНСКОМ СИНОДЕ.

(Сентябрь 1537 г.)

Диспут о Вечере Господней—Учение Цвингли в Берне—Принятие там учения Лютера—А восстановленный мир—Сентябрьский Синод—Мнения Буцера—Атаки Мегандера—Растущие разногласия—Вмешательство Кальвина—Его проект Формулы согласия—Волнения утихли

323

ГЛАВА VII.

ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ, ПРИНЕСЕННОЕ В СОБОРЕ СВЯТОГО ПЕТРА.

(Конец 1537 г.)

Различные дисциплинарные акты—Партии в Женеве—Раскол среди гугенотов—Принуждение в вопросах веры—Требование присяги на исповеди—Многочисленные оппоненты—Указ об изгнании—Власть недовольных—Неосторожность бернских депутатов—Генеральный совет—Выступление синдиков—Лидеры оппозиции замолчали—Яростное нападение на синдиков—Бурные дебаты—Запутанные жалобы—Растущая оппозиция—Оправдание реформаторов—Обвинение против них со стороны Берна—Их оправдание в Берне—Полное правосудие свершилось над ними

333

ГЛАВА VIII.

БЕСПОРЯДКИ В ЖЕНЕВЕ.

(Начало 1538 г.)

Волнения—Вечеря Господня—Природа Церкви—Причастники и слушатели—Вечеря, открытая для всех—Беспорядки—Луи дю Тийе—Его возвращение в Римскую церковь—Партии лицом к лицу друг с другом—Угрозы—Нет свободы без религии—Выборы новых Синдиков—Их враждебность Кальвину—Умеренность их первых мер—Обманчивое влияние партийного духа—Исключение евангелистов из Советов—Порицание Министров Советами—Соппротивление реформаторов — "Я не могу поступить иначе"

350

ГЛАВА IX.

БОРЬБА В БЕРНЕ.—СИНОД ЛОЗАННЫ.

(Январь 1538 г.)

Изгнание Мегандера из Берна—Протест сельских пасторов—Умиротворение—Сожаление Кальвина по поводу изгнания Мегандера—Враждебность Кунца к Кальвину—Отношения между Церковью и государством—Разнообразие обычаев в Женеве и Берне—Синод в Лозанне—Странное условие—Отсутствие Кальвина и Фареля в Синоде—Принятие Синодом обычаев Берна—Бесплодная конференция—Письма от лордов Берна Кальвину и Фарелю и в Женевский собор

366

ГЛАВА X.

УСПЕХ КОНТРЕФОРМАЦИИ -ОТКАЗ КАЛЬВИНА И ФАРЕЛЯ ПРОВОДИТЬ ВЕЧЕРЮ ГОСПОДНЮ—ЗАПРЕТ НА ИХ ПРОПОВЕДЬ.

(Март и апрель 1538 г.)

Кафедра, запрещенная Куро—Принятие Советом обычаев Берна—Соппротивление

376

Кальвина—Беспорядки на улицах—Возмущение Куро-Его проповедь в соборе Святого Петра—Его тюремное заключение—Требование реформаторов о его освобождении—Отказ Совета—Громкие жалобы—Кафедра, запрещенная Кальвину и Фарелю—Что делать?—Всеобщее замешательство—Растерянность реформаторов—Безразличие к формам —Ужин как праздник мира—Разногласия и насилие сторон—Отказ от проведения Ужина—Решимость реформаторов проповедовать—Героизм

ГЛАВА XI.

ПРОПОВЕДЬ КАЛЬВИНА И ФАРЕЛЯ ВОПРЕКИ ЗАПРЕТУ СОБОРА—ИХ ИЗГНАНИЕ ИЗ ЖЕНЕВЫ.

(Апрель 1538 г.)

Великое душевное смятение—Пасхальное воскресенье—Проповедь Фареля в Сен—Жерве—Беспорядки в Церкви—Проповедь Кальвина в Соборе Святого Петра—Изложение его мотивов—Церковь как Святое Тело—Его выслушали спокойно—Его проповедь в Риве—Великий беспорядок—Обнаженные мечи—Обсуждение Советов—Предложение об изгнании министров—Отказ в правосудии—Изгнание проголосовано Генеральным советом—Ответ Кальвина—Ответ Фареля—Отъезд министров из Женевы—Пророчество Бонивара—Путешествие Фареля и Кальвина в Берн—Радость и печаль

393

ГЛАВА XII.

ВЕЛИКАЯ НЕРАЗБЕРИХА В ЖЕНЕВЕ -БЕСПОЛЕЗНОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО БЕРНСКОГО СОВЕТА.

(Конец апреля 1538 г.)

Насмешки и сарказм—Новые министры—Их некомпетентность—Прибытие реформаторов в Берн—Их выступление перед Советом—Их жалобы—Волнение в Бернском совете—Письмо Совета в Женеву—Ответ Женевского совета

412

ГЛАВА XIII.

ЦЮРИХСКИЙ СИНОД—КАЛЬВИН, ВОЗВРАЩЕННЫЙ В ЖЕНЕВУ БЕРНСКИМИ ПОСЛАМИ—ОТКАЗ ВПУСТИТЬ ЕГО В ГОРОД.

(Конец апреля — конец мая 1538 г.)

Фарель и Кальвин в Цюрихе — Их претензии—Их умеренность—Их смирение—Справедливость их дела—Их Одобрение Синодом Цюриха—Письмо Синода в Женеву—Враждебность Кунца—Его гнев—Его обвинения—Нерешительность Берна вмешаться—Справедливость восторжествовала—Посольство из Берна—Волнения в Женеве—Остановка Кальвина и Фареля в Гентоде—Генеральный совет—Благоприятные выступления—Предательство Кунца—Пьера Ванделя—Страстное возбуждение—Голосование за генеральный совет—Противники—Меньшинство

420

ГЛАВА XIV.

ИЗГНАНИЕ МИНИСТРОВ -ИХ ПРЕЕМНИКОВ В ЖЕНЕВЕ.

(Конец 1538 г.)

Распущенность—Поездка Кальвина и Фареля в Берн—Поездка в Базель—Их прием

439

там—Их оправдание—Колебания относительно выбора последующего соперничества между Базелем и Страсбургом в поисках Кальвина—Фарея вызвали в Невшатель—Поселение Кальвина в Страсбурге—Смерть Куро—Горе Кальвина—Новые министры Женевы—Мнение Кальвина о них—Недовольство—Обвинения—Жалобы небезосновательны—Письмо Кальвина христианам Женевы—Его совет—Письмо Фареля — Его глубокая печаль

ГЛАВА XV.

СТРАСБУРГ И ЖЕНЕВА.

(Конец 1538-1539 гг.)

Кальвин в Страсбурге —Расширение его кругозора—Кальвин Пастор—Его духовная радость—Кальвин Врач—Трактат о Вечере Господней—Богословские дебаты—Бедность Кальвина—Смерть Оливетана—Мужество Кальвина—Деспотизм в Женеве—Очищение—Регенты Колледжа—Их изгнание—Трудности с поиском замен—Друзья реформаторов—Судебные преследования—Новые синдикаты—Подавление беспорядков—Конференция во Франкфурте—Кальвин во Франкфурте—Его общение с Меланхтоном—Об Ужине и дисциплине—О церемониях богослужения—Меланхтон обратился к Генриху VIII.—Мнение Кальвина о Генрихе VIII.—Возвращение Кальвина в Страсбург

456

ГЛАВА XVI.

ПЕРЕПИСКА КАЛЬВИНА С САДОЛЕТО.

(1539.)

Совещание епископов в Лионе—Кардинал Садолето—Его письмо женевцам—Изображение реформаторов—Его заключение—Передача его письма Собору—Непосредственные последствия—Важный шаг на пути к Риму—Два мученика в Савойе—Кальвин Ответ Садолето—Причина его ответа—Отделение Церкви—Христианская древность—Оправдание верой—Судилище Божье—Защита Кальвина—Его первая Вера—Его Соппротивление—Его Обращение—Кто разрывает на куски Супругу Христа—Кому вменяются Разногласия—Книга Радости Лютера, полученная в Женеве—Кароли—Его конец

478

ГЛАВА XVII.

КАТОЛИЦИЗМ В ЖЕНЕВЕ—ЖЕНИТЬБА КАЛЬВИНА В СТРАСБУРГЕ.

(Конец 1539-1540 гг.)

Выступление священников перед Советом —Их позиция—Бывший синдик Балард—Его мужество—Его отречение—Мысли Кальвина о Женеве—Его домашние заботы—Его желание жениться—Различные проекты—Колебания—Иделетт де Буре—Брак—Екатерина фон Бора и Иделетт де Буре—Второе собрание в Хагенау—Ничего не сделано

499

ГЛАВА XVIII.

ЖЕНЕВА—РАЗНОГЛАСИЯ И СТРОГОСТЬ.

(1540.)

Конфликт между Берном и Женевой—Договор с Берном—*Артикулянты*—Отказ Женевы ратифицировать Договор—Решение, вынесенное в Лозанне—Возмущение

512

в Женеве—Судебное преследование артикулянтов—Их осуждение—Жан Филипп
Генерал-майор—Его раздражение—Бунт, вызванный им—Его поражение—Его
арест—Его приговор к смертной казни—Смерть Ришарде—Предсказание
Кальвина—Пути Божьи

история

из

РЕФОРМАЦИЯ В ЕВРОПЕ

ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА.

КНИГА X.

РЕФОРМАЦИЯ В ШОТЛАНДИИ.

ГЛАВА I. ПОДГОТОВКА РЕФОРМЫ. (Со 2 века до 1522 года.)

История бывает разных видов. Она может быть литературной, философской, политической или религиозной; последняя наиболее глубоко проникает в сокровенные факты нашего бытия. Политический историк иногда раскрывает скрытые тайны кабинетов принцев, проникает в их планы, раскрывает их интриги и выхватывает их секреты у цезаря, Карла V, Наполеона, в то время как человеческая природа в ее самых возвышенных аспектах остается для них недоступной. Внутренняя сила совести, которая нередко побуждает человека действовать вопреки правилам политики и требованиям личного интереса, великие духовные эволюции человечества, жертвы миссионеров и мучеников для них покрыты завесой. Только Евангелие дает нам ключ к разгадке этих тайн, так что даже для самых искусных исследователей в истории остаются загадки, которые кажутся неразрешимыми. Как получается, что схемы, разработанные с бесспорным умом, терпят неудачу? Как получается, что предприятия, которые кажутся безумными, преуспевают? Они не могут сказать. Несмотря ни на что, они продолжают свой путь, они переходят в другие регионы и оставляют после себя неизведанные территории.

Об этом приходится сожалеть, поскольку историку следовало бы охватить в своем обзоре всю область человеческих отношений. Он должен, конечно, принимать во внимание земные силы, господствующие в мире, честолюбие, деспотизм, свободу; но он должен также отмечать небесные силы, которые раскрывает религия. Живой Бог не должен быть исключен из мира, который Он создал. Человек не должен останавливаться в своих размышлениях ни на элементарных молекулах, ни даже на политических влияниях, но должен возвыситься до этого

первого принципа, как назвал его Климент Александрийский, — этого существования, идея которого непосредственна, изначальна, не проистекает ни из чего другого, но обязательно предполагается во всяком мышлении.

Бог, который обновляет зелень наших пастбищ, который заставляет зерно расти из недр земли и покрывает деревья цветами и плодами, не оставляет души людей. Бог всего видимого творения в гораздо большей степени является светом и силой душ, ибо одна из них в его глазах драгоценнее всей вселенной. Творец, который каждую весну пробуждает из зимнего льда природу, полную жизни, улыбающуюся светом и украшенную цветами, несомненно, может произвести, когда Ему заблагорассудится, духовную весну в сердце оцепеневшего и замерзшего человечества. Божественный Дух - это сок, который вливает в бесплодные души животворящие соки небес. Мир нередко походил на пустыню, в которой, казалось, вымерла вся жизнь; и все же в те периоды, которые казались такими засушливыми, подземные течения давали пищу то тут, то там одиноким растениям; и в назначенный Божественным провидением час живая вода обильно хлынула, чтобы оживить гибнущее человечество. Так было в две величайшие эпохи истории - эпоху Евангелия и эпоху Реформации.

ДУХОВНАЯ ВЕСНА.

Такие эпохи, наиболее важные в истории человечества, по этой причине заслуживают самого пристального изучения. Новая жизнь, возникшая в 16 веке, была везде одинаковой, но, тем не менее, она носила определенный особый характер в каждой из стран, в которых она появилась; в Германии, в Швейцарии, в Англии, в Шотландии, во Франции, в Италии, в Нидерландах, в Испании и в других странах. В Виттенберге христианская мысль была особенно привязана к человеку, к человеку падшему, но возрожденному и оправданному верой. В Женеве она была обращена к Богу, к Его суверенитету и Его благодати. В Шотландии это было посвящение Христу — Христу как искупительной жертве, но прежде всего Христу как королю, который управляет своим народом и сохраняет его независимо от человеческой власти.

Шотландия населена энергичной расой, энергичной в своих добродетелях и, можно добавить, энергичной в своих недостатках. Энергия также является одной из отличительных черт шотландского христианства, и, возможно, именно это качество побудило Шотландию особенно привязаться ко Христу как к королю Церкви, поскольку идея власти всегда была связана с идеей короля.

Эта страна теперь станет предметом нашего повествования. Он заслуживает того, чтобы быть таким; ибо, несмотря на небольшую протяженность и расположение на границах Запада, он по своей природе и вере обладает движущей силой, которая дает о себе знать до краев земли.

В шотландской реформации следует отметить два периода - Гамильтона и Нокса. Мы сейчас рассмотрим только первый из них. Изучение истоков вещей привлекает и интересуется ум в высшей степени. Верные нашему плану, мы поднимемся к эпохе возрождения Каледонии, эпохе, которой сама Шотландия, возможно, слишком пренебрегала, и продемонстрируем ее простую красоту.

До Реформации Шотландия получила три великих импульса подряд от христианских стран юга.

Гонения, которые в конце второго века, в течение третьего и в начале четвертого обрушились на учеников Евангелия, живших в южной части Великобритании, вынудили многих из них искать

убежища в стране шотландцев. Эти благочестивые люди строили для себя скромные и уединенные обители на зеленых лугах или на крутых горах, а также в узких долинах долин; и там, посвящая себя служению Богу, они проливали мягкий отблеск света среди всевозможных туманов, которые их окружали, обучая невежественных и укрепляя слабых. На гэльском языке их называли *gille De*, слуги Божьи, на латыни *cultores Dei*; и в этих фразах мы находим происхождение названия, под которым они известны до сих пор — *Culdees*. Они внушали такое уважение, что после их смерти их кельи часто превращались в церкви.^[1] От них исходил первый импульс.

КАЛДИ.

Прошло несколько столетий; в Шотландии установился феодальный строй. Гористый характер страны, превращавший каждое владение в своего рода крепость, малочисленность крупных городов, отсутствие какой-либо влиятельной группы граждан, институт кланов, ограниченное число знати — все эти обстоятельства в совокупности сделали власть феодалов более могущественной, чем в какой-либо другой европейской стране; и эта власть в более поздний период защищала Реформацию от деспотизма королей. Но влияние калди, хотя и было действительно ощутимо в средние века, было очень слабым. О благодатных местах Шотландии, как о произведениях Творения, можно сказать, что солнце зашло не для того, чтобы рассеять туманы, нависшие над унылой и однообразной природой, и что влияние ветров, которые, налетая с соседних морей, ревели и неистовствовали над бесплодными вересковыми пустошами или плодородными равнинами Каледонии, не смягчалось божественным дыханием, исходящим с небес.

Но в дни возрождения слышался нежный звук, и поверхность озер, казалось, оживилась. Уиклифф, передав Англии Слово Божье, некоторые из его последователей, и в частности Джон Ресби, прибыли в Шотландию. "Папа римский - ничто", - сказал Ресби в 1407 году,^[2] и в то же время он учил, что Христос - это все. Он был сожжен в Перте.... Таким образом, именно от учеников Уиклифа, *Лоллардов*, исходил второй импульс.

The Пробуждению Уиклифа в Восточной Европе вторило пробуждение Яна Гуса. В 1421 году богемец, некто Пауль Кроуар, прибыв из Праги, изложил в Сент-Эндрюсе Слово Божье, которое он цитировал с готовностью и точностью, поразившей его слушателей.^[3] Когда его вели на казнь и привязывали к столбу, смелый богемец сказал священникам, которые стояли вокруг него: 'Порождение сатаны, вы, как и ваши отцы, враги истины'. Священники, которым не понравились такие речи в присутствии толпы, вложили ему в рот медный шарик,^[4] и мученик, заставленный таким образом замолчать, был сожжен заживо без каких-либо дальнейших протестов с его стороны.

Однако Патрик Грэм, архиепископ Сент-Эндрюсский и примас Шотландии, племянник Джеймса I. и человек, отличавшийся своими способностями и добродетелями, услышал Кроуара. Если сердце священника было твердым, как камень, то сердце архиепископа было подобно плодородному полю. Слово Господне пустило в нем глубокие корни. Он разработал проект реформирования Церкви, но духовенство возмутилось; предстоятель был лишен прав, приговорен к пожизненному заключению и умер в тюрьме.

Затем началась та борьба между королевской властью и дворянством, которой впоследствии суждено было стать одной из характерных черт времени реформ. Короли, подстрекаемые

амбициозными священниками, стремились смирить знать; таким образом, последние были предрасположены к продвижению Реформации. Яков II (1437-1460) боролся против знати как мечом, так и суровыми законами. Яков III (1460-1488) с презрением удалил их от своего Двора и отдался недостойным фаворитам. Яков IV (1488-1503), человек более благородного склада духа, почитал аристократию украшением своего Двора и силой своего королевства. Во время правления этого князя появились первые проблески Реформации. Некоторые благочестивые люди, в большинстве своем проживающие в округах Хилл и Каннингем, были просвещены Евангелием и, противостоя римскому папству, смело заявили, что все истинные христиане каждый день духовно получают тело Иисуса Христа по вере; что хлеб остается хлебом после освящения и что естественного тела Христова нет; что существует вселенское священство, членом которого является каждый мужчина и женщина, верующие в Спасителя; что папа, который превозносит себя выше Бога, выступает против Бога; что непозволительно братья за оружие ради спасения других. о делах веры; и о том, что священники могут вступать в брак.

ДЖОН КЭМПБЕЛЛ, ЛЭРД СЕССНОКА.

Среди защитников этого храброго народа был Джон Кэмпбелл, лэрд Сесснока, человек, глубоко укоренившийся в евангельском учении, скромный даже до робости, но преуспевающий в делах милосердия, и который с благосклонностью принимал не только Лоллардов, но даже тех, чье мнение противоречило его собственному. Его партнершей, обладавшей более решительным характером, чем его собственный, была женщина, хорошо разбиравшаяся в Библии, и, будучи досконально знакомой со Священными Писаниями, она была защищена от запугивания. Каждое утро семья и слуги собирались в комнате особняка, и священник, капеллан, открывал среди них Новый Завет, очень редкую книгу в то время, читал и объяснял ее.^[5] Когда это семейное богослужение и первая трапеза заканчивались, Кэмпбеллы навещали бедных и больных. В обеденный перерыв они созывали кого-нибудь из своих соседей: монахи, а также знатные люди приходили и садились за их стол. Однажды, когда разговор зашел о монастырской жизни и привычках священников, Кэмпбелл высказался на эту тему сдержанно, но и свободно. Монахи, придя в ярость, задавали ему хитрые вопросы, провоцировали его и преуспели в вытягивании из него слов, которые в их глазах были еретическими. Забыв о требованиях гостеприимства, они поспешили в дом епископа и донесли на хозяина и хозяйку дома. Было начато расследование; преступление в виде ереси было доказано. Кэмпбелл увидел грозившую ему опасность и обратился к королю.

Яков IV, женившийся на Маргарет Тюдор, дочери Генриха VII, в то время правил Шотландией. Его жизнь не была безупречной: его часто мучили угрызения совести, и в приступах меланхолии он решил искупить свои грехи, посвятив себя отправлению правосудия. Он приказал обеим сторонам предстать перед ним; монахи привели решения Церкви, достаточные для осуждения заключенного. Слабый и простодушный Кэмпбелл был несколько смущен;^[6] его ответы были робкими и неадекватными. Он мог разговаривать со вдовами и сиротами, но не мог справиться с этими монахами. Но его жена была полна решимости и мужества. Когда король попросил ее высказаться, она взяла одно за другим обвинения монахов и, поставив их лицом к лицу со Священным Писанием, показала их ложность. Ее речь была ясной, серьезной и веской от убежденности. Король, убежденный ее красноречием, заявил монахам, что если они снова будут подобным образом преследовать честных людей, они должны быть сурово наказаны. И затем, тронутый благочестием этой выдающейся женщины и желая оказать ей знак своего уважения, он встал со своего места, подошел к ней и обнял.^[7] Обращаясь к мужу: 'Что касается

тебя, ‘сказал он, - я даю тебе в награду такие-то деревни и хочу, чтобы они навсегда стали свидетельством моей доброй воли к тебе’. Муж и жена удалились, полные радости, а монахи - досады и стыда. Были упомянуты тридцать других евангелистов, исповедующих те же доктрины, что и лэрд Сесснока, но они были отклонены с просьбой удовлетвориться верой Церкви. Это произошло примерно в 1512 году, в тот год, когда Цвингль начал изучать Священное Писание и в который Лютер на лестнице Пилата в Риме услышал слова, которые продолжали звучать в его сердце: ‘Праведный верою жив будет’. Храбрая шотландка участвовала в битве у аванпоста и провозгласила прелюдию к Реформации.

ВЫБОРЫ ЕПИСКОПА В ШОТЛАНДИИ.

К несчастью, восшествие на английский престол Генриха VIII. повернуло мысли короля Шотландии в другом направлении. Генрих VII при жизни старался поддерживать хорошие отношения со своим зятем; но Генрих VIII, монарх надменный, чувствительный и нетерпеливый, который из простого упрямства ссорился со своими соседями, был гораздо менее дружелюбен с мужем своей сестры. Он даже надолго задержал выплату наследства, которое оставил ей отец. Частые нападения англичан и, следовательно, навязанная шотландцам необходимость постоянно следить за границами породили недоверие и ненависть между двумя нациями. В то же время древнее соперничество Франции и Англии перешло Шотландию на сторону французов. Когда английский орел набросился на беззащитную Францию, "шотландская ласка" проскользнула в его гнездо и сожрала королевский выводок.[8] Генрих VIII. возродила эти древние традиции, и Франция воспользовалась ими, чтобы еще больше привязать Шотландию к себе в тот самый момент, когда Медичи и Гизы были близки к тому, чтобы захватить в Париже бразды правления. Оскорбленный Генрихом VIII, Яков IV. решил, несмотря на мудрые увещания старого графа Ангуса, напасть на Англию. Шотландия дала ему *эли*ту своего народа. Он сражался при Флоддене с неустрашимой отвагой, но, сраженный двумя стрелами и боевым топором, пал на поле боя, а вокруг него лежали трупы двенадцати графов, тринадцати лордов, двух епископов, двух аббатов в митрах, множества джентльменов и более десяти тысяч солдат. Несколько студентов, и среди них один по имени Эндрю Дункан, сын лэрда Эйрдри, с которым мы еще встретимся, были либо убиты, либо взяты в плен в тот роковой день.

Сыну короля, Якову V. (впоследствии отцу Марии Стюарт), едва исполнилось два года на момент смерти его отца. Его мать, сестра Генриха VIII, приняла регентство, и во время его совершеннолетия дворяне оказывали влияние, которое в один прекрасный день должно было благоприятствовать свободе и, следовательно, Евангелию. Король и священники, оба стремившиеся к абсолютной власти, первый в государстве, второй в Церкви, теперь сделали общее дело против знати. Тогда между различными державами Шотландии происходили странные конфликты. Один из таких конфликтов только что потревожил первый город королевства, Сент-Эндрюс, и смешался с шумом штормового моря, которое ревело у подножия скал, голосами священников, боровшихся вокруг собора, криками солдат и грохотом пушек. Александр Стюарт, архиепископ Сент-Эндрюсский, примас Шотландии, пал на поле Флоддена, и появились трое соперников за обладание его первосвященническим престолом. Это были Джон Хепберн, приор Сент-Эндрюса, кандидат в каноники; Гэвин Дуглас, брат графа Ангуса, кандидат от знати; и Эндрю Форман, епископ Мюррея, кандидат в папы римского. Королева уже передала Дугласу замок Сент-Эндрюс; но Хепберн, честолюбивый человек высокого духа, с помощью каноников взял его штурмом, укрепился в нем,[9] а затем отправился в Рим, чтобы добиться папской инвеституры. Форман, кандидат в папы, воспользовавшись отсутствием своего

соперника, захватил замок и монастырь и разместил там сильный гарнизон. Хепберн был умиротворен назначением пенсии в 3000 крон; в то время как Дуглас, кандидат от знати, обнаружив, что для него нет ни денег, ни митры, обстрелял из пушек собор Данкельда и захватил его.^[10] Таким образом проводились выборы епископа в Шотландии до Реформации.

Выборы священников проводились несколько иными методами. Меньшие пособия выставлялись на аукцион и продавались бродячими бардами, игроками в кости или придворными фаворитами. Епископы, выдавшие своих незаконнорожденных дочерей за дворян, сохранили лучшие места в Церкви для своих бастардов. Эти молодые мирские люди, спешащие к своим удовольствиям, оставляли свои стада монахам, которые рассказывали с кафедры абсурдные легенды об их святом, о его битвах с дьяволом и бичеваниях или забавляли людей низменными шутками. Эта система, которая, выдаваясь за воплощение христианства, была всего лишь его пародией, разрушила не только христианское благочестие и мораль, но и мир в семьях, свободу народа и процветание королевства.^[11]

В то время как честолубие, праздность и распущенность, таким образом, преобладали среди духовенства, Бог готовил "новые сосуды", в которые можно было налить новое вино, которое старые сосуды больше не могли вместить. Некоторые простодушные люди были близки к тому, чтобы своей христианской верой и жизнью одержать победу над богатыми, могущественными и мирскими понтификами. Трое молодых людей, родившихся почти вместе с веком, только начинали карьеру, борьба и испытания которой были им пока неизвестны. Этим людям предстояло стать реформаторами Шотландской церкви.

РОЖДЕНИЕ АЛЕЗИЯ.

23 апреля 1500 года жена честного гражданина Эдинбурга родила сына, которого впоследствии одни называли Алан, а другие Алес, но который подписался своим собственным именем Алезиус, форму которого мы примем. Александр — так звали его при крещении — был ребенком, отличавшимся живостью, и беспокойство его преданных родителей о том, чтобы с ним не случилось какого-нибудь несчастья, побудило их повесить ему на шею, в качестве защиты от любой опасности, бумажку, на которой священник написал несколько стихов Святого Иоанна. Алезиус любил подниматься вместе с другими мальчиками своего возраста на высоты, окружающие Эдинбург. Огромная скала, на вершине которой стоит замок, прекрасный Калтон-Хилл и живописный холм, называемый Троном Артура, в свою очередь, привлекли их. Однажды — это было в 1512 году — Александр и несколько друзей, добравшись до последнего названного холма, развлекались тем, что снова и снова скатывались вниз по склону, который заканчивался пропастью. Внезапно юноша оказался на краю пропасти: ужас лишил его чувств: чья-то рука схватила его и поместила в безопасное место, но он так и не узнал, кем или чем он был спасен. Священники приписывали это спасение бумаге, которой они снабдили его, но сам Александр приписывал это Богу и молитвам своего отца. "Ах! - сказал он много лет спустя. - я никогда не вспоминаю об этом событии без сильной дрожи во всем теле".^[12] Через некоторое время после того, как его отправили в Университет Сент-Эндрюса для завершения образования.

Другой мальчик, более знатного происхождения, обещал стать выдающимся мужчиной; он принадлежал к семейству Гамильтонов, которое при Якове III заняло самое высокое положение в Шотландии. Родившийся в графстве Линлитгоу, к западу от Эдинбурга, и несколько моложе Алезия, он должен был положить начало Реформации. Линлитгоу в то время был Версалем

королевства и мог похвастаться более древним происхождением, чем дворец Людовика XIV. Его выступающие портики, резьба по дереву, деревянные панели, массивные балюстрады, крыши, нависающие над улицей, производили самый живописный эффект. Замок был одновременно дворцом, крепостью и тюрьмой; это был увеселительный дом, куда обычно удалялся Двор для отдыха, и в его стенах родилась Мария Стюарт.

ПАТРИК ГАМИЛЬТОН.

Недалеко от Линлитгоу находилось баронство Кинкавил, которое было подарено Джеймсом IV в 1498 году сэру Патрику Гамильтону. Кэтрин Стюарт, жена последнего, была дочерью герцога Олбани, сына короля Якова II. Сэр Патрик, со своей стороны, был вторым сыном лорда Гамильтона и, согласно заслуживающим доверия хартиям, принцессы Марии, графини Арранской, также дочери Джеймса II.^[13] У сэра Патрика было два сына и одна дочь, Джеймс, Патрик и Кэтрин.

Следовательно, Патрик, молодой человек, о котором мы говорим, был королевской крови как по отцовской, так и по материнской линии. Вероятно, он родился в поместье Кинкавил и там вырос. Он рос, окруженный всей сладостью материнской любви, и с детства образ матери глубоко запечатлелся в его сердце. Эта нежная мать, которая впоследствии высказала его последние мысли на эшафоте, с восторгом наблюдала в своем сыне стремление к высшей культуре, страсть к науке, вкус к литературе Греции и Рима и, прежде всего, живое стремление ко всему возвышенному и устремление души к Богу.

Что касается его отца, сэра Патрика, то он имел репутацию первого рыцаря Шотландии и двоюродного брата короля Якова IV. У него часто были случаи проявить свою храбрость. Однажды немецкий рыцарь прибыл в Шотландию, чтобы бросить вызов ее лордам и баронам, сэр Патрик столкнулся с ним и сверг. Во время бракосочетания Маргариты Английской с королем Шотландии сэр Патрик снова больше всех отличился на турнире. А позже, когда его отправили послом в Париж со старшим братом, графом Арраном, он по пути завоевал новые почести в Лондоне.^[14] Люди любили рассказывать об этих подвигах двум его сыновьям, Джеймсу и Патрику, и ничто не казалось им более великолепным, чем сверкающие доспехи их отца, развешанные по стенам банкетного зала. Честолюбие пробудилось в сердце младшего из сыновей, но ему было суждено искать другой славы, более святой и долговечной.

У Гамильтонов было много родственников в Париже, и сэр Патрик решил отправить туда своего второго сына, и в возрасте четырнадцати лет юноша отправился в эту знаменитую столицу.^[15] Его отец, предназначавший его для высших церковных должностей, уже добыл для него титул и доходы аббата Ферна в графстве Росс, и из этого источника должны были быть покрыты расходы на путешествие молодого человека и курс обучения. Это был момент, когда огонь Реформации, который только что разгорелся на Континенте, начал выбрасывать искры во все стороны. Одна из этих искр должна была зажечься в душе Патрика. Но если Гамильтону было суждено привезти из Парижа в Шотландию первый камень здания, то другому шотландцу, на год моложе его, было суждено привезти первый камень из Женевы.

РОЖДЕНИЕ ДЖОНА НОКСА.

В одном из пригородов Хаддингтона, недалеко от Эдинбурга, называемом Гиффорд-гейт, жил почетный гражданин, представитель древнего рода Ренфрюшир, по имени Нокс, который, как и его отец и дед, носил оружие при графе Босуэлле. Некоторые члены этой семьи погибли под

знаменами.[16] В 1505 году у Нокса родился сын, которого называли Джоном. Кровь воинов текла в жилах человека, которому суждено было стать одним из самых бесстрашных воинов армии Христа. Джон, проучившись сначала в Хаддингтонской школе, в возрасте шестнадцати лет был отправлен в университет Глазго.[17] Он был активным, смелым, абсолютно честным, прилежно выполнял свои обязанности и был полон сердечности к своим товарищам. Но в нем также были твердость, близкая к упрямству, независимость, очень похожая на гордость, меланхолия, граничащая с упадком сил, суровость, которую некоторые принимали за бесчувственность, и страстная сила, иногда ошибочно приписываемая мстительному характеру. Ему было отведено важное место в истории его страны и христианского мира.

В то время как Бог таким образом готовил этих молодых современников, Алезису, Гамильтона и Нокса, и других к распространению в Шотландии света Евангелия, амбициозные дворяне были вовлечены в конфликт вокруг королевского трона. Старый граф Ангус, потерявший двух своих сыновей в битве при Флоддене и ненадолго переживший их, оставил внука, красивого молодого человека, не очень мудрого и опытного, но с большим честолюбием, умом, живостью и отвагой. Вдова Якова IV, регента королевства, вышла замуж за этого юношу и этим опрометчивым шагом вызвала неудовольствие знати. В ожесточенных столкновениях, которые происходили между партиями Ангуса и Дугласа, с одной стороны, и Гамильтонами - с другой, нередко совершались грабежи, убийства и поджоги. Потребовалось еще одно регентство. Был вызван Джон Стюарт, герцог Олбани, родившийся во Франции от матери-француженки и проживавший при дворе Сен-Жермена, но являвшийся ближайшим родственником короля Шотландии. Он изгнал Ангуса, который удалился вместе с королевой в Англию. Но Олбани вскоре пришлось вернуться во Францию, а королева Маргарита и ее муж вернулись в Эдинбург.

Старое соперничество не замедлило проявиться вновь. Когда парламент собрался в Эдинбурге в апреле 1520 года, Гамильтоны в большом количестве собрались во дворце примаса Битуна. Примас бегал туда-сюда, вооруженный с головы до ног, размахивая факелом раздора.[18] Епископ Данкельда умолял его предотвратить столкновение. Когда предстоятель, приложив руку к сердцу, сказал: 'Клянусь своей совестью, я не в состоянии предотвратить это', послышался звон его кольчуги. 'Ах, милорд, - воскликнул Данкельд, - этот шум говорит мне о том, что с вашей совестью не все в порядке. Сэр Патрик Гамильтон, отец реформатора, советовал заключить мир; но сэр Джеймс Гамильтон, внебрачный сын графа Аррана, вспыльчивый и жестокий молодой человек, крикнул ему: 'Ты боишься сражаться за своего друга'. 'Ты лжешь, наглый ублюдок, - возразил надменный барон. - Сегодня я буду драться в таком месте, куда ты не посмеешь ступить ногой. Спикер немедленно покинул дворец, и все Гамильтоны последовали за ним.

Затем граф Ангус занял Хай-стрит, и его люди, выстроившись за баррикадами, яростно отбивались от своих противников пиками. Сэр Патрик с самыми бесстрашными из своих сторонников очистил окопы, выскочил на Главную улицу и, яростно размахивая мечом вокруг себя, упал смертельно раненный, в то время как опрометчивый молодой человек, оскорбивший его, со всех ног бросился бежать.

ПАТРИК ХЭМИЛТОН ВО ФРАНЦИИ.

Его сына Патрика больше не было в поместье Кинкавил, и он не мог смешать свои слезы с слезами матери. Спасаясь от мрачной атмосферы Каледонии, он отправился в Париж, чтобы насладиться великолепным светом цивилизации, почти в то же время, когда туда прибыл знаменитый Джордж Бьюкенен. 'Да здравствует!' восклицали эти молодые шотландцы, высадившись во Франции. 'да здравствует! о, счастливая Галлия! добрая няня-литераторша! Ты, чья атмосфера так целебна, чья почва так плодородна, чье щедрое гостеприимство приветствует всю вселенную и кто взамен дарит миру богатство своего духа; ты, чей язык так изящен, ты, кто является общей страной для всех народов, кто поклоняется Богу в истине и без унижения себя внешними обрядами! О! разве я не должен любить тебя как сына? разве я не должен почитать тебя всю свою жизнь? Приветствую, о, счастливая Галлия!'"[19]

Вполне вероятно, что Гамильтон поступил в Колледж Монтегю, тот самый, в который Кальвин был принят четыре или пять лет спустя. На момент прибытия Гамильтона мэр (Major), который вскоре после этого переехал в Сент-Эндрюс, был там преподавателем философии.

К сильной неприязни к трудам софистов Гамильтон присоединил большую любовь к трудам истинных философов. Но вскоре в его глазах засиял свет, более чистый, чем у Платона и Аристотеля. Уже в 1520 году труды Лютера с живым интересом читались учащимися парижских школ; одни из них поддерживали Реформацию, другие выступали против нее. Гамильтон слушал эти диспуты и читал книги, присланные из Германии, как вдруг узнал о трагической смерти сэра Патрика. Эта весть глубоко тронула его, и он начал искать Бога с еще большим рвением, чем прежде. Он был еще одним примером хорошо известного факта, что в тот самый момент, когда все печали земной жизни захлестывают душу, Бог дает ей небесную жизнь. Два великих события — смерть сэра Патрика и начало Реформации в Париже, произошедшие одновременно, — вызвали в душе молодого шотландца столкновение, в результате которого погасла божественная искра. Огонь, однажды вспыхнувший в его сердце, отныне ничто не могло погасить.

Гамильтон получил степень магистра искусств примерно в конце 1520 года, что до сих пор значится в реестрах университета. Возможно, он посетил Лувен, где тогда жил Эразм; он вернулся в Шотландию, вероятно, в 1522 году.

ГЛАВА II. НАЧИНАЕТСЯ ДВИЖЕНИЕ ЗА РЕФОРМЫ. (с 1522 по апрель 1527 г.)

Реформация, по-видимому, началась в Шотландии с исповедания тех принципов, католических, но антипапальских, которые были поддержаны столетием ранее на Констанцском соборе. Там присутствовали врачи, которые исходили из мысли, что со времен Апостолов всегда существовала и всегда будет существовать церковь, единая и вселенская, способная своими собственными действиями исправить все злоупотребления в своих формах богослужения, разногласия среди своих членов, лицемерие своих священников и деспотические допущения

первого из своих понтификов. Джона Мэра недавно призвали в Университет Глазго. Среди слушателей Джон Нокс выделялся своей страстью к учебе; а недалеко от него был другой молодой шотландец, менее серьезного склада ума, Бьюкенен. 'Вселенская церковь, — так учил их ученик д'Айи и Жерсона, — когда она собрана на собор, стоит выше папы и может обличать, судить и даже низложить его. Римские отлучения от церкви вообще не имеют силы, если они не соответствуют справедливости. Честолюбие, алчность, мирская роскошь римского двора и епископов подлежат суровому порицанию.' В другой раз профессор, переходя от теологии к политике, исповедовал доктрины, намного превосходящие его возраст. Он учил, что народ в целом стоит выше монарха; что власть короля исходит от народа и что если принц действует вопреки интересам своих подданных, последние имеют право свергнуть его с престола. Мэр пошел еще дальше, даже до предосудительной крайности, утверждая, что в определенных случаях король может быть предан смерти.[20] Эти политические принципы, исповедуемые человеком, занимавшим кафедру римско-католической церкви, насквозь схоластичным и суеверным, должно быть, повлияли на убеждения Бьюкенена, который впоследствии в своем диалоге *"Де юре Правн апуд Скотос"* высказывал мнения, которые вызвали бурные споры даже у протестантов. "В начале, — сказал он, — мы создали законных королей и установили законы, обязательные в равной степени для них и для нас самих".[21] Эти политические ереси шестнадцатого века являются истинами наших дней. Принципы мэра, конечно, не были приняты Ноксом без исключения, но они, вероятно, имели какое-то отношение к твердости, с которой он отстаивал права Слова Божьего в присутствии Марии Стюарт. На данный момент Нокс, испытывая отвращение к бесплодной теологии своего учителя — непреклонного схоласта по многим пунктам, — оставил пустыню школ и посвятил себя поиску живых источников Слова Божьего. В 1523 году мэра перевели из Глазго в Сент-Эндрюс.

ПАТРИК ГАМИЛЬТОН В СЕНТ-ЭНДРЮСЕ.

Именно в Сент-Эндрюс отправился Патрик Гамильтон, вернувшись с Континента после визита к скорбящей семье Кинкавил. 9 июня того же года он был принят в Университет метрополитен-сити, а 3 октября следующего года был принят на филологический факультет. Сент-Эндрюс имел для него огромную привлекательность. Ни в одном другом университете королевства не работало столько просвещенных людей; и колледж Святого Леонарда, в который он поступил, был тем, чье преподавание имело самые либеральные тенденции. Учеба, которой он занимался, знания, которые он приобрел, и ранг, который он занимал, выделяли его среди других учеников. Бьюкенен, суровый судья, считал его "молодым человеком большого интеллекта и поразительной образованности".[22] Гамильтон считал лицемерие монахов настолько отвратительным, что никогда не принял бы ни их одежду, ни образ жизни; и хотя он был аббатом Ферна, он никогда не поселялся в своем монастыре. Искушенный в музыкальном искусстве, он сочинил песнопение по частям, которое было исполнено в соборе и привело слушателей в восторг. Он сделал больше: он мечтал, как и все реформаторы в начале своей карьеры, о преобразовании Католической церкви; он решил добиваться наложения рук, 'чтобы, — говорит Фрит, — проповедовать чистое Слово Божье'. Гамильтон, конечно, не проповедовал в то время со смелостью и силой Лютера или Фарела. Он любил слабых; он чувствовал себя слабым; и, будучи полон смирения, он был доволен тем, что добросовестно передавал истину, которую он получил.

Примерно через год после боя, в котором был убит сэр Патрик, герцог Олбани вернулся с намерением заключить тесный союз между Шотландией и Францией. Маргарет Тюдор,

желавшая союза с Англией и оказавшаяся лишенной власти с приходом Олбани, писала 13 сентября 1523 года своему брату Генриху VIII: "Личность и королевство моего сына подвергаются очень большой опасности; придите к нам на помощь, придите со всей поспешностью, или с моим сыном все кончено!"[23] Возможно, все это было бы покончено и с Реформацией — гораздо более важным вопросом. Но Олбани, хотя и стоял во главе прекрасной армии, дважды бежал от англичан и, будучи всеми презираемым, навсегда покинул Шотландию в конце мая 1524 года.[24]

ТРУДЫ ЛЮТЕРА ЗАПРЕЩЕНЫ.

Он только что отплыл, когда дело Реформации, которому угрожало его присутствие, получило мощное подкрепление. В 1524 году и в начале 1525 года некоторые книги Лютера и других реформаторов были доставлены в Шотландию торговыми судами и, будучи рассеяны по стране, произвели там тот же эффект, что и во Франции и в Италии. Гавин Данбар, старый епископ Абердина, был первым, кто осознал это. Однажды он обнаружил в своем родном городе том Лютера. Он был в ужасе, когда увидел, что огненные стрелы, брошенные рукой еретика, пересекают море. Поскольку подобные открытия были сделаны в Линлитгоу, Сент-Эндрюсе и других местах, дело было передано на рассмотрение парламента. 'Отвратительные ереси распространяются в разных странах', - говорили сторонники Рима. 'Это королевство Шотландия, его правители и их подданные всегда твердо стояли в святой вере с тех пор, как они приняли ее в первобытную эпоху; в настоящее время предпринимаются попытки отвратить их от нее. Давайте предпримем все необходимые шаги, чтобы отразить нападение'. Следовательно, 17 июля 1525 года парламент постановил, что ни одно лицо, прибывающее в какую-либо часть королевства, не должно представлять какую-либо книгу Лютера или его учеников или должно публиковать мнения этого немца, кроме как с целью их опровержения, "Шотландия всегда пользовалась всякой грязью и пороком".[25]

Этот закон был немедленно опубликован по всей стране, и особенно во всех портах, чтобы никто не мог притвориться, что не знаком с ним. Примерно через четыре дня после закрытия парламента шерифы получили приказ от королевского совета без промедления начать расследование, необходимое для выявления лиц, у которых могут быть какие-либо книги Лютера или которые будут исповедовать его ошибки. 'Вы конфискуете их книги,' гласил приказ, 'и передадите их нам'. Реформация, которая до того времени была почти неизвестна в этих регионах, внезапно стала публичным фактом, провозглашенным высшим органом власти в королевстве, и была близка к тому, чтобы занять все умы. Враги истины готовили ее триумф.

Однако вопрос заключался в том, склонится ли молодой король на сторону Рима или на сторону Евангелия. Яков V, от имени которого был издан декрет против Реформации, на самом деле не имел к ней никакого отношения. Дружелюбный и щедрый, но слабый и любитель удовольствий, он был настолько отсталым в учебе, что из-за незнания английского языка не мог прочитать письма своего дяди Генриха VIII.[26] Он был ребенком под опекой; он ни с кем не разговаривал, кроме как в присутствии какого-нибудь члена совета, и Ангус позаботился о том, чтобы привить ему вкус к удовольствиям, чтобы отвлечь его внимание от общественных дел. Более того, этот вкус был вполне естествен для молодого принца. Его жизнь была посвящена играм, оружию, охоте; он обратился с просьбой к Генриху VIII. послать ему мечи и щиты, потому что доспехи, сделанные в Лондоне, гораздо красивее, чем в Эдинбурге. Он с большей готовностью пожертвовал бизнесом ради удовольствий, потому что те, кто был рядом с ним, жили в

состоянии полного разобщения. Три главных лица королевства, архиепископ Битун, глава священников, Ангус, предводитель знати, и королева-мать, которая интриговала с обеими сторонами, находились в состоянии открытой войны.^[27] Маргарет желала как развестись с Ангусом, так и отомстить архиепископу, который препятствовал ее планам.^[28] Среди всех этих честолюбцев молодой король был подобен добыче, за которую дерутся стервятники.

В мае 1525 года Джеймсу исполнилось четырнадцать лет, и он был объявлен совершеннолетним в соответствии с законом Шотландии. Это был просто вопрос формы. Ангус, поддержанный самой могущественной знатью и парламентом, оправдал опасения королевы; он отдал все места Дугласам и, взяв Большую Печать у архиепископа Битуна, сохранил ее у себя. Королева-мать с негодованием умоляла своего очень дорогого брата добиться вмешательства папы римского от имени ее сына.^[29] Все было бесполезно: авторитет смелого и амбициозного Ангуса оставался непоколебимым.

Иаков V. И СВЯЩЕННИКИ.

Тогда молодой принц, утомленный ярмом, бросился, по традиции своих отцов, в объятия священников и, чтобы избежать аристократии, подчинился духовенству. Это был печальный прогноз для Реформы. В конце лета 1526 года королева, архиепископ Битун и другие члены священнической и королевской партии собрались в замке Стерлинг, и там был рассмотрен и определен план, который заключался в том, чтобы отобрать верховную власть у знати и передать ее епископам. Джон Стюарт, граф Леннокс, друг Якова V. 4 сентября выступил из этой крепости во главе от десяти до двенадцати тысяч человек и двинулся маршем на Эдинбург. Но Ангус уже был проинформирован о том, что готовится, и Арран, заключивший с ним мир, был готов. В тот же день, утром, в столице зазвучала труба, и вождь Дугласов выступил во главе своей армии, увлекая за собой молодого монарха. Последний надеялся, что настал час его ухода из жизни: он медленно продвигался в тыл армии, несмотря на жестокие угрозы сэра Г. Дугласа, своего опекуна. Вскоре послышался грохот пушек: король остановился. Джордж Дуглас, воображая, что он попытается сбежать, закричал: 'Не думай о бегстве, потому что, если бы наши враги схватили тебя с одной стороны, а мы - с другой, мы скорее разорвали бы тебя надвое, чем отпустили'. Король никогда не забывал этого слова. Ангус одержал победу. Леннокс был убит дикарем Джеймсом Гамильтоном, и отец последнего, когда услышал об этом, накинул свой алый плащ на тело Леннокса, воскликнув: 'Здесь покоится человек, самый смелый, самый могущественный и мудрый, которым когда-либо обладала Шотландия!' При известии об этом великом бедствии в замке Стерлинг воцарилось смятение. Королева бежала переодетая и спряталась сама: архиепископ Битун снял свою папскую мантию, переоделся пастухом и удалился на покой к пастухам Файфширских холмов, где почти три месяца пас стадо, при этом никто не подозревал, что он был лордом-канцлером королевства. Таким образом, ожидаемый триумф примаса и священников, который был бы фатальным для Реформации, сменился полным разгромом, и Шотландии была предоставлена большая религиозная свобода.^[30]

Но этого было недостаточно. Реформы Церкви, проведенной самой Церковью, было бы недостаточно, равно как и реформы с помощью трудов реформаторов; нужен был более могущественный принцип - Слово Божье. Это Слово не просто передает голое знание; оно производит трансформацию в воле и в жизни человека, и как только такая перемена совершается в двух или трех индивидуумах в каком бы то ни было месте, возникает церковь. Возросшая свобода, которой пользовались в Шотландии после бегства примаса,

способствовала введению этого могущественного Слова, за которым было закреплено полное предоставление избирательных прав нации.

ИМПОРТИРОВАНЫ НОВЫЕ ЗАВЕТЫ ТИНДЕЙЛА.

В начале лета торговцы из Лейта, Данди, Сент-Эндрюса, Монтроуза и Абердина отправили свои корабли, груженные шотландскими товарами, в порты Нидерландов, Мидделбург, Антверпен и другие города, чтобы закупить там товары, на которые был спрос среди шотландцев. В то время не существовало запрета на распространение Нового Завета в Шотландии: были запрещены только книги Лютера и других реформаторов. Эти добрые шотландские моряки воспользовались этим, и однажды Хэкет, получивший приказ от Генриха VIII. чтобы сжечь все Заветы, переведенные Тиндейлом (и это "для сохранения христианской веры"), узнал в Берг-оп-Зуме, где он тогда находился, что шотландские торговцы погрузили на борт много экземпляров Евангелий, поскольку они собирались отплыть в Эдинбург и Сент-Эндрюс. Он со всей скоростью направился к портам, которые были названы ему: "Я захвачу эти книги, - сказал он, - даже если они уже находятся на борту кораблей, и я устрою из них хороший пожар".^[31] Он добрался туда: но увы! шотландских судов больше нет; они отплыли за день до его прибытия. 'Судьба, - сказал он, - не позволила мне добраться туда вовремя; ну что ж, наберись терпения'. И он дал хорошие инструкции по этому поводу месье де Беверу, адмиралу Фландрии, и мистеру Моффиту, защитнику шотландской нации в этой стране.^[32]

Именно в то время, когда архиепископ Битун, заклятый враг Реформации, пас своих овец на Файфширских холмах в сентябре, октябре и ноябре 1526 года, прибыли Новые Заветы и были распространены в городах и соседних округах. Шотландия и Англия получили Священное Писание из одной и той же страны и почти в одно и то же время. Жители Эдинбурга и каноники Сент-Эндрюса читали эту удивительную книгу так же, как жители Лондона и каноники Оксфорда. Были монахи, которые заявляли, что это плохая книга, "недавно изобретенная Мартином Лютером", но чтение ее не было запрещено. Особенно в Сент-Эндрюсе, где эти священные писания вскоре пролили евангельский свет на души людей.^[33]

ПРОПОВЕДЬ ПАТРИКА ГАМИЛЬТОНА.

В том городе жил молодой человек, который уже был знаком с великими фактами спасения, изложенными в этой книге, и который был хорошо подготовлен для распространения и объяснения этого. Патрик Гамильтон, одаренный острым умом и христианским сердцем, умел кратко и естественно излагать истины, в которых он был убежден. Он знал, что в Священных Писаниях содержится мудрость, превосходящая человеческое понимание, и что для их понимания необходимо озарение Святым Духом. Он считал, что с письменным необходимо сочетать устное учение; и что, поскольку Заветы были получены из Нидерландов, Шотландия нуждалась в устном слове, которое должно было призвать беспокойные и выродившиеся души искать в них живую воду, которая ведет к жизни вечной. В то время Бог готовил Своих свидетелей в Шотландии, и первым был Патрик Гамильтон. Он открыл Новый Завет; он изложил факты и доктрины, содержащиеся в нем; он защищал евангельские принципы. Его отец, выдающийся шотландский рыцарь, не сломал на турнире столько копий, сколько Патрик сломал сейчас в своем колледже, в университете, с канониками и со всеми, кто шел против истины.^[34] В начале Великого поста 1527 года он публично проповедовал в соборе и в других местах доктрины (ереси, гласил его приговор), которым учил Мартин Лютер.^[35] У нас нет дальнейших подробностей о его проповеди; но их достаточно, чтобы показать нам, что в тот

период люди, собравшиеся в древних церквях Шотландии, слышали, как этот верный служитель объявил, что "не закон, этот ужасный тиран, как сказал Лютер, должен править в совести, но Сын Божий, король справедливости и мира, который, подобно плодотворному дождю, нисходит с небес и удобряет самую бесплодную почву".[36]

Обстоятельства ни в коем случае не благоприятствовали Реформации. Архиепископ Битун вскоре сбросил свою пастушью одежду и покинул стада, которые он пас на уединенных пастбищах Богриана в Файфшире. Простая, грубая и изолированная жизнь пастуха овец была достаточно суровым наказанием для честолобивого, интригующего и мирского духа: поэтому днем и ночью он искал какие-нибудь средства к избавлению. Хотя в то время он спал на земле, у него было много золота и обширных поместий: этого богатства, всемогущество которого он хорошо знал, было бы достаточно, сказал он себе, чтобы откупиться от жалкой службы, к которой его принудил политический переворот. После победы при Линлитгоу Ангус осуществлял королевскую власть без сопротивления. Тогда было необходимо, чтобы Битун одержал победу над этим ужасным завоевателем. Королева-мать, которая тоже сначала бежала, два месяца спустя отважилась приблизиться к Эдинбургу, и ее сын вновь встретил ее и проводил во дворец Холируд. Это ободрило архиепископа. Его племянник Дэвид Битун, аббат Арброата, был таким же умным и честолобивым, как и его дядя, но еще более страстно ненавидел всех, кто отказывался подчиниться Римской церкви. Архиепископ умолял его договориться о его возвращении; партию знати было трудно склонить на свою сторону; но аббат, заручившись поддержкой мэра Эдинбурга сэра Арчибальда Дугласа, дяди Ангуса, заключил сделку. Архиепископ должен был выплатить две тысячи шотландских марок Ангусу, тысячу - Джорджу Дугласу, королевскому тюремщику, тысячу - жестокому Джеймсу Гамильтону, убийце Леннокса, и подарить аббатство Килвиннинг графу Арранскому. Очарованный Битун выбросил свой посох, отправился в Эдинбург и возобновил свои епископские функции в Сент-Эндрюсе.

ГАМИЛЬТОНА ОБЪЯВИЛИ ЕРЕТИКОМ.

Спустя некоторое время после возвращения Битуна двоюродный брат короля начал проповедовать в Сент-Эндрюсе радостную весть о свободном спасении через веру во Христа. Подобные доктрины нельзя было преподавать, не вызывая волнений. Духовенство встревожилось, несколько священников и монахов отправились в замок и умоляли архиепископа наказать молодого проповедника. Битун приказал провести расследование: оно было проведено очень тщательно. Были заслушаны лица, с которыми Гамильтон вел дискуссию, и некоторые из его слушателей дали показания относительно сути его выступлений. Он был объявлен еретиком. Битун не был жестоким; возможно, он удовлетворился бы попытками вернуть молодого и интересного Гамильтона отеческими увещеваниями на путь Церкви. Но рядом с примасом было несколько фанатиков, особенно его племянник Дэвид, и они удвоили свою настойчивость до такой степени, что архиепископ приказал Гамильтону предстать перед ним и рассказать о своей вере.[37]

Расследование не могло быть проведено без того, чтобы об этом не услышал этот благородный христианин. Он понимал, какая судьба его ожидает; его друзья тоже это понимали. Если он предстанет перед архиепископом, то все будет зависеть от него. Все были тронуты состраданием; даже некоторые из его врагов, тронутые его молодостью, красотой его характера и знатным происхождением, желали, чтобы он избежал смерти. Нельзя было терять времени,

поскольку приказ архиепископского суда был уже подписан; несколько человек заклинали его улететь. Что ему делать? Всем его желанием было показать другим мир, который наполнял его собственную душу; но в то же время он знал, как многого ему еще не хватало. Кто мог бы лучше просветить и укрепить его, чем реформаторы Германии? Кто более способен дать ему возможность вернуться впоследствии, чтобы проповедовать Христа с силой? Он решил пойти. Двое его друзей, Гамильтон из Линлитгоу и Гилберт Уинрэм из Эдинбурга, решили сопровождать его. Приготовления к их отъезду велись в строжайшей секретности. Гамильтон взял с собой одного слугу, и трое молодых шотландцев, тайком пробравшись к побережью, сели на борт торгового судна. Это было во второй половине апреля 1527 года. Этот неожиданный побег сильно раззадорил тех, кто намеревался лишить жизни евангелиста. "Он, как можно предположить, обладал дурным умом и покинул королевство", [38] сказали приближенные архиепископа. Нет: его намерением было получать наставления, изо дня в день возрастать в духовной жизни. Он высадился в начале мая в одном из портов Нидерландов.

ГЛАВА III.

ГАМИЛЬТОН ГОТОВИТСЯ В ГЕРМАНИИ К РЕФОРМАЦИИ ШОТЛАНДИИ.

(Весна, Лето, осень 1527 г.)

Ко времени прибытия Гамильтона на Континент зародыш Реформации Шотландии уже лежал в его сердце. Его связь с врачами Германии доказала бы идентичность этого великого духовного движения, которое повсюду ниспровергало одни и те же злоупотребления и заново выносило на поверхность одни и те же истины. В каком направлении теперь должен повернуть свои шаги молодой христианский герой Шотландии? Всем его честолюбием было поехать в Виттенберг, послушать Лютера, Меланхтона и других реформаторов; но обстоятельства вынудили его сначала отправиться в Марбург. Этот город лежал на его пути, и известный печатник Ганс Люфт в то время публиковал там произведения Тиндейла. На самом деле, 8 мая 1527 года, в момент прибытия Патрика на Континент, в Марбурге появилась *Притча о нечестивой Маммоне*; а семь месяцев спустя, 11 декабря, Люфт опубликовал *"Истинное послушание христианина"*. Но Гамильтон льстил себя надеждой, что найдет в Марбурге нечто большее, чем труды Тиндейла, — самого Тиндейла. Английские евангелические произведения в то время должны были печататься в Германии и, насколько это возможно, под присмотром автора. Молодой шотландец надеялся тогда встретить в Марбурге переводчика Нового Завета, реформатора Англии и даже Фрита, который, возможно, будет с ним. Еще одна причина, более позитивная, все же повлияла на Гамильтона. Он знал, что Ламбер д'Авиньон, единственный человек из всех реформаторов, чьи взгляды наиболее приближались к возобладавшим впоследствии в Шотландии, был вызван ландграфом в Марбург. Сам Филипп Гессенский был самым решительным, самым мужественным из всех протестантских принцев. Сколько мотивов побудило его остаться в этом городе! Экстраординарное обстоятельство решило судьбу молодого шотландца. Ландграф, защитник благочестия и литературы, [39] собирался основать там первый евангелический университет "для восстановления свободных наук". [40] Его

инаугурация должна была состояться 30 мая. Гамильтон и его друзья могли прибыть вовремя. Они взяли курс на Гессен и достигли берегов Лана.

МАРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ.

Во время их прибытия в маленьком городке царило непривычное движение. Не обращая внимания на этот переполох, Гамильтон поспешил разыскать француза, чье имя было упомянуто при нем, и других ученых людей, которые, вероятно, также находились в Марбурге. Он нашел бодрого, набожного и решительного Ламберта, такого же противника полумер, как и ландграф, и человека, преисполненного решимости действовать таким образом, чтобы Реформация не была остановлена на полпути. Так встретились молодой настоятель с Севера и престарелый монах с Юга, поняли друг друга и вскоре стали жить вместе в большой дружбе.^[41] Ламберт сказал ему, что скрытые вещи были открыты Иисусом Христом; что отличает нашу религию от всех других - это тот факт, что Бог говорил с нами; что Священных Писаний достаточно, чтобы сделать нас совершенными. Он мало философствовал, убежденный, что с помощью философствования человек отклоняется от истины. Он с равной энергией отвергал суеверия, создающие чудесную мифологию, и недоверие, отрицающее божественные и сверхъестественные действия. "Все, что было извращено [*деформировано*], должно быть реформировано [*переформулировано*]", - сказал Ламберт, - и все реформы, которые проводятся иначе, чем в соответствии со Словом Божьим, - ничто.^[42] Все изобретения человеческого разума в вопросе религии не что иное, как пустяки и мусор.'

Волнение, которое тогда царило среди населения Марбурга, было вызвано приближающимся открытием университета, основанного ландграфом. 30 мая канцлер председательствовал на этой церемонии. Ни одно учебное заведение никогда не основывалось на такой основе; надо полагать, что союз, который должен был существовать между наукой и верой, в данном случае был непризнанным. В трудах Гамильтона нет ничего, что указывало бы на то, что в этом вопросе он разделял мнение Ламберта. С большой евангельской простотой в том, что касается веры, шотландец скорее проявлял в своей манере излагать ее метафизическую, спекулятивную тенденцию, которая является характерной чертой шотландского ума. Принципы, которые должны были характеризовать новый университет, были таковы: "Священное Писание, - говорится в сохранившемся документе из Марбурга, - должно толковаться чисто и благочестиво, и никто, кто этого не делает, не должен преподавать в школе. Из юридической науки должно быть вычеркнуто все, что является либо нехристианским, либо нечестивым."^[43] На факультеты права, медицины, естественных наук и литературы должны быть назначены не просто ученые, но люди, которые должны сочетать с наукой знание Священного Писания и благочестие".

НАУКА И ВЕРА.

Таким образом, мы видим, что оппозиция между наукой и верой уже привлекала внимание, и ландграф решил этот вопрос, исключив науку и тех, кто в ней разбирается, поскольку они не согласуются со Священным Писанием; точно так же, как в другие века люди отложили бы в сторону науку и теологов, поскольку они не согласуются с человеческим образованием. Никто не должен преподавать в богословских школах иначе, как в соответствии с Писаниями Бога, высшей власти в Церкви. Пренебречь этим принципом - значит взять в свои руки уничтожение Божьего стада. Фанатизм Школы, однако, не может оправдать фанатизм Церкви. Это серьезное дело - изгнать науку из-за опасностей, которым она нас подвергает. Убирать огонь из очага из-

за боязни возгорания было бы неразумно; гораздо лучше принять меры предосторожности, на которые указывает здравый смысл, чтобы предотвратить зло. Если науке и вере суждено продвигаться вместе, не подвергаясь опасностям, это может быть достигнуто только вмешательством морального принципа. Существование так называемых вольнодумцев проистекает из морального разложения; некоторые излишества преувеличенной ортодоксальности, возможно, проистекают из той же причины. Самонадеянная и страстная поспешность, утверждающая и отрицающая первому встречному, является серьезной ошибкой. Сколькораз случалось, что какой-то закон, какой-то факт, провозглашенный наукой в какой-то период как достаточный для того, чтобы уличить Священные Писания в ошибочности, вскоре после этого самой науке приходилось отвергать как ошибку. Но пусть религиозные люди будут остерегаться лени и трусости, которые заставили бы их отвергнуть науку из страха, что она останется хозяйкой поля битвы. Поступая таким образом, они лишили бы себя оружия, наиболее пригодного для защиты своих сокровищ, а также наиболее подходящих случаев для распространения его за границы. Ламберт не заходил так далеко; но он был убежден, что до тех пор, пока божественное дыхание, исходящее свыше, не вдохнет жизнь в академическое преподавание, университет будет не более чем мертвым механизмом, и что наука, вместо того чтобы пропагандировать здоровое и просвещенное развитие, будет только затемнять и извращать умы людей. Это, безусловно, очень разумная и очень практичная мысль, и следует сожалеть, что она не всегда регулировала общественное обучение.

После произнесения вступительной речи ректор Монтанус, профессор гражданского права, открыл список университета, чтобы внести в него имена его сотрудников. Профессора, пасторы, государственные чиновники, дворяне, иностранцы, студенты - всего сто десять человек назвали свои имена. Первым поставил подпись ректор, вторым был Ламберт; затем выступили Адам Крато, профессор Эхрард Шнепф, один из первых немцев, обращенных Лютером, Энрициус Кордус, сопровождавший Лютера в Вормс, и Герман фон дем Буше, профессор поэзии и красноречия. Вскоре подошли трое молодых людей иностранной внешности. Первый из них подписал свое имя так: *Патриций Гамильтон, литгорист, Скотт, парижский магистр*;[44] двое его друзей подписали после него.

С тех пор француз и шотландец часто изучали Священное Писание вместе, и всегда с интересом, как что-то новое. Обширное знакомство со Словом Божьим, которым обладал Гамильтон, поразило Ламберта: свежесть его мыслей и воображения очаровала его; целостность его характера внушила ему высокое уважение; его глубокие замечания о Евангелии назидали его. Вскоре после этого француз, обращаясь к ландграфу Филиппу, сказал: "Этот молодой человек из прославленного рода Гамильтонов, который тесно связан кровными узами с королем и королевством Шотландия,[45] которому едва исполнилось двадцать три года, он привносит в изучение Священного Писания очень здравые суждения и обладает большим опытом. огромный запас знаний прибыл с края света, из Шотландии, в вашу академию, чтобы более полно утвердиться в Божьей истине. Я почти никогда не встречал человека, который выражал бы себя с такой духовностью и правдивостью по Слову Господа.' Таково свидетельство, данное в Германии французом молодому реформатору Шотландии.

БОЛЕЗНЬ ЛЮТЕРА.

Останется ли Гамильтон в Марбурге? Не увидится ли он с Лютером, Меланхтоном и другими докторами Реформации? Обычно предполагалось, что он действительно учился в Виттенберге;

но об этом нет никаких свидетельств ни в университетских реестрах, ни в письмах Лютера или Меланхтона. Таким образом, эта традиция представляется нам необоснованной. Однако, поскольку Гамильтон намеревался посетить Лютера, когда покидал Шотландию, какой мотив побудил его отказаться от своего замысла? Дело было вот в чем. В начале июля, в то самое время, когда молодой шотландец мог отправиться в Виттенберг, за границей распространился слух о том, что Лютер внезапно заболел. 7 июля он потерял рассудок, его тело лежало неподвижно, сердце едва билось, в то время как его жена и плачущие друзья стояли вокруг кровати, на которой он был распростерт как мертвый. Однако он пришел в себя и, убедившись, что находится при смерти,^[46] он полностью верил себя руке Божьей и молился с большим рвением. В то же время в Германии распространилось сообщение о том, что в Виттенберге свирепствует чума. Когда Лютер немного оправился, он написал Спалатину: "Пусть Господь сжалится надо мной и не оставит своего грешника!"^[47] Вскоре после этого у него были новые приступы. 'Ах, ' говорил он своим друзьям, ' люди воображают, что я хожу по розам, потому что радость обычно озаряет мое лицо, но Бог знает, как тяжела для меня жизнь!' Однажды, когда Джонас пришел поужинать с ним, Лютер, почувствовав себя плохо во время еды, внезапно встал и, сделав несколько шагов, упал в обморок. ' Воды, воды, - закричал он, - или я умру. Лежа на кровати, он поднял глаза и сказал: 'О мой возлюбленный Господь, ты - повелитель жизни и смерти, поступай, как тебе заблагорассудится. Только помни, что это ты поручил мне взяться за эту работу, и что я сражался за твою правду, за твое Слово".

На следующий день, в шесть часов вечера, когда Йонас снова стоял у постели своего друга, он услышал, как тот взывает к Господу, иногда по-немецки, иногда по-латыни. Мысль о том, что он недостаточно сделал и недостаточно пострадал за своего Спасителя, огорчала его. 'Ах, ' сказал он, ' я не был признан достойным пролить свою кровь за любовь ко Христу, как это сделали некоторые из моих братьев'. Вскоре его утешила мысль: "Святой Иоанн Евангелист также, — сказал он, - не удостоился такой чести - тот, кто, тем не менее, написал книгу (Апокалипсис) против папства, гораздо более суровую, чем любая из тех, что я когда-либо мог написать".^[48] После этого он велел привести к нему своего маленького Джона и, посмотрев на мать мальчика, сказал: "У тебя ничего нет; но Бог позаботится о тебе".

ЧУМА В ВИТТЕНБЕРГЕ.

Чума, как мы уже говорили, была в Виттенберге. Два человека умерли от этого в доме Меланхтона; на одного из его сыновей было совершено нападение, а один из сыновей Ионы лишился жизни. Ганс Люфт, марбургский печатник, находившийся в Виттенберге по делам, заболел, и его разум помутился.^[49] Его перевели в Марбург, где находился Гамильтон.

Террор в Виттенберге стал всеобщим. Все, кто мог это сделать, и особенно студенты, покинули город; университет был переведен в Йену. Лютер настаивал на том, чтобы курфюрст отправился туда со своей семьей, но, добавил он, в таких бедствиях пасторы должны оставаться на своем посту. Поэтому он остался, и Меланхтон, посещавший церкви Саксонии, получил приказ отправиться в Йену и возобновить там свои лекции. В этот период Лютер, немного восстановив силы, навещал больных и утешал умирающих. В течение нескольких дней вокруг него было восемнадцать умерших, некоторые из которых даже скончались почти у него на руках.^[50] Он принимал в свой дом бедных, вдов, сирот и даже больных чумой; его дом превратился в больницу.^[51] Его жена и сын подверглись нападению. 'Какие конфликты!' воскликнул он. - какие ужасы! Не важно; хотя болезнь и истощает тело, Слово Божье спасает душу'. Он сам

снова заболел и, думая, что близок к смерти, написал Меланхтону: 'Молись за меня, мерзкий и жалкий червь. У меня есть только одна слава, и это то, что я учил чисто слову Божьему.[52] Тот, кто начал работу, завершит ее. Я ищу только Его; я не жажду ничего, кроме его милости'.

Таковы, несомненно, были обстоятельства, задержавшие Гамильтона в Марбурге. Услышав, что из-за чумы курсы лекций, по крайней мере частично, были перенесены в Йену, он отказался от Виттенберга; и таким образом вполне естественно объясняется отсутствие оригиналов документов, касающихся его предполагаемого пребывания в саксонском университете. Таким образом, от него потребовалась очень болезненная жертва. Ламберт решил обратить разочарование во благо. Имея высокое представление о вере, суждениях и способностях Гамильтона, он упросил его составить несколько тезисов по евангельскому учению и публично защитить их. Все поддержали эту просьбу, поскольку академическое торжество, на котором иностранный богослов, принадлежащий к королевской семье Шотландии, должен был занимать главное место, не могло не придать новому университету определенный *престиж*. Гамильтон согласился.[53] Его тема была быстро выбрана. В его глазах религия человека не была здоровой, если только она не имела своего источника в Слове Божьем и в сокровенном опыте души, которая принимает это Слово и таким образом приходит к истине. Он счел необходимым представить доктрину в этом практическом аспекте, а не теряться в спекулятивных теоремах малоизвестной схоластики.

В назначенный день Гамильтон вошел в большой зал университета, в котором собрались профессора, студенты и, кроме того, многочисленная публика. Он объявил, что собирается установить определенное количество истин, касающихся *закона и Евангелия*, и что он будет отстаивать их перед всеми желающими. Все эти тезисы, носившие практический характер, однако, имели некоторый диалектический дух, отличавший в последующий период философские школы Шотландии, и были выдержаны в чистом *лапидарном* стиле, который обеспечивает этому двадцатитрехлетнему теологу достойное место среди врачей шестнадцатого века.

ТЕЗИСЫ ГАМИЛЬТОНА.

'Между законом и Евангелием есть разница и даже противопоставление', - сказал Гамильтон. Закон показывает нам наш грех; Евангелие показывает нам средство от него. Закон показывает нам наше осуждение; Евангелие показывает нам наше искупление. Закон - это слово гнева; Евангелие - это слово благодати. Закон - это слово отчаяния; Евангелие - это слово утешения. Закон - это слово беспокойства; Евангелие - это слово мира.[54] Закон говорит: заплати свой долг; Евангелие говорит: Христос заплатил его. Закон говорит: ты грешник — отчайся, и ты будешь проклят; Евангелие говорит: "Прощаются тебе грехи твои"; утешься, и будешь спасен. Закон говорит: искупи свои грехи; Евангелие говорит: Христос сотворил это для тебя. Закон говорит: "Отец Небесный разгневан на тебя"; Евангелие говорит: "Христос умиротворил его своей кровью". Закон говорит: "где твоя праведность, благость и удовлетворение?" Евангелие говорит: Христос есть твоя праведность, твоя благость, твое удовлетворение. Закон говорит: "Ты связан и обязанный мне, дьяволу и аду"; Евангелие говорит: "Христос избавил тебя от них всех".[55]

Началась атака, и защита молодого магистра искусств была столь же замечательной, как и его выступление. Несмотря на то, что он использовал силлогизм, он страхнул школьную пыль и

поставил на ее место что-то наглядное и поразительное. Когда один из оппонентов утверждал, что человек оправдан законом, Гамильтон ответил следующим силлогизмом: —

"То, что является причиной осуждения, не может быть причиной оправдания.

"Закон - причина осуждения.

"Следовательно, закон не является причиной оправдания".

Его фразеология, ясная, лаконичная и выразительная — редкие качества в Германии, за исключением, пожалуй, Лютера — его практичного, прозрачного, добросовестного христианства — поразили умы его слушателей. Несомненно, сказал Ламберт, Гамильтон выдвинул полностью христианские аксиомы и поддерживал их с большим знанием дела.^[56]

Гамильтон участвовал и в других публичных спорах, помимо этого. Поскольку вера во Христа и оправдание верой - это принцип, отличающий протестантизм от других христианских систем, он чувствовал себя обязанным установить природу, важность и влияние этой доктрины. Он верил, что вера рождается в сердце человека, когда, когда он слышит или читает Слово Божье, Святой Дух свидетельствует в его сердце о главной истине, которая содержится в нем, и показывает ему с ясным доказательством, что Иисус действительно всемогущий Спаситель. Вера была для молодого шотландца божественным делом, которое он тщательно отличал от веры чисто человеческой. По этому вопросу он выдвинул и защитил следующие положения: 'Тот, кто не верит Слову Божьему, не верит самому Богу. Вера - корень всего доброго; неверие - корень всего злого. Вера делает Бога и человека друзьями; неверие делает их врагами. Вера позволяет нам видеть в Боге отца, исполненного кротости; неверие представляет его нам как страшного судью. Вера укрепляет человека на скале; неверие оставляет его постоянно колеблющимся. Желать спастись делами - значит делать своим спасителем себя, а не Иисуса Христа. Сделаешь ли ты себя равным Богу? Откажешься ли ты принять от него самую малость, не воздав ему по достоинству?"

Фрит, который, несомненно, принимал участие в дискуссии, был настолько поражен этими тезисами, что перевел их на английский, и таким образом они дошли до нас. "Истины, изложенные Гамильтоном, таковы, - сказал он, - что человек, знакомый с ними, постигает *суть* всего божественного".^[57] "Этот небольшой трактат короток, - говорили другие, слушавшие его, - но, по сути, он охватывает материал, способный заполнить большие тома".^[58] Да, Христос - автор искупления, а вера - это око, которое видит и принимает его. Есть только эти две вещи: принесенный в жертву Христос и глаз, который созерцает его. Глаз, это правда, не единственный орган человека; у нас есть еще руки, чтобы работать, ноги, чтобы ходить, уши, чтобы слышать, и другие члены, предназначенные для нашего служения. Но никто из всех этих членов не может видеть, а только глаз.^[59]

ТЕЗИСЫ ГАМИЛЬТОНА.

Однако в разгар всех этих трудов Гамильтон думал о Шотландии. Дело было не в дарованных ему благах, не в Сент-Эндрюсе, не в туманных озерах или живописных долинах; даже не о своей семье или друзьях он думал больше всего. Что занимало его мысли днем и ночью, так это невежество и суеверия, в которых жили его соотечественники. Что сильно привлекало его, так

это необходимость воздавать славу Богу и творить добро своему собственному народу. И все же не было бы безумием возвращаться к ним? Разве он не видел враждебности шотландского духовенства? Разве он не знал хорошо о власти примаса Беатона? Разве всего шесть или семь месяцев назад он не покинул свою страну в спешке? Откуда тогда эти мысли о возвращении? Для них были веские основания. Гамильтон укрепился духом за время своего пребывания в Марбурге; его вера и мужество возросли; живя с убежденными христианами, которые были готовы отдать свою жизнь за Евангелие, он закалился как сталь и стал сильнее. Не могло быть сомнений в том, что в Шотландии его ожидала чрезвычайная опасность; двое его друзей, Джон Гамильтон и Уинрэм, не понимали егонетерпения и были полны решимости ждать. Но ни их пример, ни настойчивость Ламберта не смогли угасить пыл юного героя. Ему было горько расставаться с Ламбертом и окончательно расставаться с надеждой увидеть Лютера и Меланхтона; но он услышал Божий призыв; его единственным долгом было откликнуться на него. Примерно в конце осени 1527 года он сел на корабль со своим верным слугой и поплыл к берегам Каледонии.

ГЛАВА IV.

ЕВАНГЕЛИЗАЦИЯ, НЕВЗГОДЫ И УСПЕХ ГАМИЛЬТОНА В ШОТЛАНДИИ.

(С конца 1527 по конец февраля 1528 г.)

Римская церковь в шестнадцатом веке, особенно в Шотландии, была далека от апостольства, хотя и носила этот титул: ничто так не походило на Святого Иоанна или Святого Петра, как ее предстоятели и прелаты, миряне, а иногда и воины, какими они были. Настоящими преемниками апостолов были те реформаторы, которые преподавали доктрины апостолов, трудились так же, как они, и, подобно им, подвергались гонениям и были преданы смерти. Объединенные в Риме теократические и политические элементы, за некоторыми исключениями, заменили Евангелие законом, то есть внешним богослужением, церемониальными таинствами, паломничествами и упражнениями в аскетической жизни. Реформация была мощной реакцией евангельских и моральных элементов на правовые, жреческие, аскетические и ритуалистические элементы, которые вторглись в Церковь. Эта реакция должна была вот-вот проявить свою энергию в Шотландии, и Гамильтону поначалу предстояло стать ее главным органом.

Еще до его возвращения священные книги в большом количестве прибыли в главные порты королевства. Внимание было привлечено, но в то же время невежество, нечестность и фанатизм восстали против Евангельских Писаний. Священники говорили, что *Ветхий* Завет был единственно верным, и делали вид, что *Новый* был недавно изобретен Мартином Лютером.^[60] Следовательно, в августе 1527 года граф Ангус по наущению Данбара, епископа Абердинского, подтвердил указ 1525 года и постановил, что подданные короля, распространяющие священные книги, должны подвергаться тем же наказаниям, что и люди из-за границы. Поэтому, если судно прибывало в Лейт, Данди, Сент-Эндрюс или Абердин, королевские

офицеры немедленно поднимались на борт, и если там обнаруживались какие-либо экземпляры *Нового Завета*, судно и груз конфисковывались, а капитан заключался в тюрьму.

РВЕНИЕ ГАМИЛЬТОНА.

Через некоторое время после этого таинства корабль, на котором находился Гамильтон, прибыл в порт, и хотя у этого молодого христианина в кармане всегда был Новый Завет, он сошел на берег без ареста и отправился своим путем в Кинкавил. Это было примерно в конце 1527 года. Патрик нежно любил свою мать и сестру; все ценили его дружелюбный характер; слуги и все соседи были его друзьями. Эта мягкость облегчала его работу. Но его сила заключалась прежде всего в глубине и искренности его христианского духа. "Христос взял наши грехи на себя и купил нас своей кровью";[61] это был главный аккорд, который вибрировал в его душе. Излагая любую тему, он заставлял замолчать свои собственные рассуждения и позволял Библии говорить. Ни у кого не было более ясного восприятия аналогий и контрастов, которые характеризуют евангельское учение. С этими интеллектуальными качествами были связаны выдающиеся моральные добродетели; он с непоколебимой преданностью следовал принципам, которые считал истинными; он учил им с трогательным милосердием; он защищал их с энергичной решимостью. Обращался ли он к рабочему, монаху или дворянину, это было с желанием сделать ему добро, привести его к Богу. Он напрягал всю свою изобретательность, чтобы изобрести все способы свидетельствовать об истине.[62] Его мужество было непоколебимым, настойчивость неослабевающей, и в его величественной серьезности была забыта его молодость. Его социальное положение добавляло веса его влиянию. Мы видели, что аристократия играла в Шотландии гораздо большую роль, чем в любой другой европейской стране. Шотландцам показалось бы странным, что человек из народа вмешивается в такой вопрос, как реформа Церкви; но если человек, говоривший с ними, принадлежал к знатной семье, позиция, которую он занимал, казалась им законной, и все они были склонны прислушаться к его голосу. Таков был реформатор, которого Бог дал Шотландии.

Старший брат Патрика, сэр Джеймс Гамильтон, унаследовав поместья и титулы своего отца, был назначен шерифом Линлитгошира. Джеймс не обладал способностями своего брата, но он был полон прямоты и смирения. Его жена, Изабелла Семпилл, принадлежала к старинному шотландскому роду, и десять маленьких детей окружали эту дружелюбную пару. Кэтрин, сестра Патрика, была немного похожа на него; у нее был простой характер, здравый смысл и решительность. Но больше всего в обществе своей матери, вдовы доблестного рыцаря, Патрик искал и наслаждался чистым и острым наслаждением семейной жизни. Он открыл свое сердце всем этим возлюбленным; он поведал им о мире, который он обрел в Евангелии, и постепенно его родственники были приведены к вере, о чем они впоследствии дали блестящее свидетельство.

ПРОПОВЕДЬ ГАМИЛЬТОНА.

Снедавшее его рвение не могло долго сдерживаться рамками его собственной семьи. Его любовь к Евангелию заглушила в нем всякий страх, и, полный мужества, он был готов сносить оскорбления, которые могла навлечь на него его вера. "Яркие лучи истинного света, которые по милости Божьей были посажены в его сердце, начали наиболее обильно изливаться наружу, как публично, так и тайно".[63] Гамильтон разъезжал по окрестностям, его имя повсюду обеспечивало ему радушный прием. Когда увидели приближающегося молодого лэрда, работники оставили поле, которое они обрабатывали, женщины вышли из каждой бедной

хижины, и все почтительно собрались вокруг него и внимательно слушали.[64] Священники, горожане из соседнего города, знатные женщины, лорды, покидающие свои замки, люди всех классов собрались там вместе.[65] Патрик встретил их с доброй улыбкой и грациозной осанкой. Он обратился к душам с первым словом Евангелия: *Обратитесь!* но он также указал на ошибки Римской церкви.[66] Его слушатели вернулись, пораженные его знанием Священных Писаний, и людей, тронутых спасением, которое он провозгласил, становилось все больше день ото дня. К югу от поместья Кинкавил тянется цепь скалистых холмов, чьи высокие вершины и склоны, усеянные купами деревьев, производили посреди этой местности самое живописное впечатление. Там он не раз свободно беседовал о Евангелии с сельскими жителями, которые в разгар дня приходили отдохнуть в тень скал. Иногда он взбирался на холмы и с их вершин обозревал всю обширную местность, по которой он возвещал благую весть. Этот *Крейг* все еще существует, являясь живописным памятником Евангельской миссии Гамильтона.[67]

Вскоре он начал проповедовать Евангелие в скромных церквях соседних деревень; затем он осмелел и проповедовал даже в прекрасном святилище Святого Михаила в Линлитгоу, среди многочисленных и богатых алтарей. Как только слух о его проповеди начал распространяться по всему миру, все захотели его услышать. Имя, которое он носил, его грациозный вид, его ученость, его благочестие привлекали к нему день ото дня все большее число слушателей; уже давно никто не видел, чтобы в церковь стекалась такая толпа.[68] Линлитгоу, любимая обитель двора, иногда сиял непривычным великолепием. Члены королевской семьи и самые знатные вельможи королевства пришли, чтобы объединиться с горожанами и народом в церкви. Эта модная публика, взгляды которой были прикованы к двадцатитрехлетнему реформатору, нисколько его не испугала; простота, ясность и сжатость, характерные для стиля Гамильтона, были лучше приспособлены для воздействия на умы великих, чем напыщенная декламация. "Знаешь ли ты, что означает это изречение, - сказал он, - *Христос умер за тебя?* Воистину, ты должен был умереть навечно; и Христос, чтобы избавить тебя от смерти, умер за тебя и заменил твою вечную смерть своей собственной смертью; ибо ты совершил ошибку, а Он перенес боль.... Он ничего не желает от тебя, кроме того, чтобы ты признал то, что Он сделал для тебя, и помнил об этом; и чтобы ты помогал другим ради него, даже если Он держал тебя ни за что и без награды".[69]

ЕГО БРАК.

Среди его слушателей была молодая девушка благородного происхождения, которая с радостью приняла благую весть о спасении. Гамильтон распознал в ней душу, родственную его собственной. Он принял принципы Лютера в отношении брака; он был знаком с беседами реформатора со своими друзьями на эту тему, о которых сообщалось по всей Германии. "Мои отец и мать, - сказал однажды Лютер, - жили в святом браке, даже патриархи и пророки поступали так же; почему бы мне не поступить так же? Брак - самое святое состояние из всех, и безбрачие священников было причиной отвратительных грехов. Мы должны пожениться и таким образом бросить вызов папе римскому и отстоять свободу, которую Бог дает нам и которую Рим осмеливается украсть".[70] Однако женитьба была смелым шагом для Гамильтона, учитывая *нынешнюю необходимость*, как говорит апостол Павел. Как аббат Ферна и связанный с первыми семьями Шотландии, его брак должен был вызвать в высшей степени гнев священников. Кроме того, для того, чтобы объединиться как бы перед эшафотом, потребовалось бы большое решение со стороны Патрика и искреннее сочувствие со стороны юной христианки. Однако свадьба состоялась, вероятно, в начале 1528 года. "Незадолго до

своей смерти, - говорит Алезиус, - он женился на благородной молодой девушке".[71]
Возможно, что знание об этом союзе не вышло за пределы семейного круга. Это осталось неизвестным его биографам до наших дней.[72]

В то время как Гамильтон проповедовал в Линлитгоу, архиепископ Битун находился в монастыре Данфермлин, примерно в четырех лигах отсюда, на другом берегу Форта. Прелат, когда узнал о возвращении молодого дворянина, который так чудом избежал его, ясно увидел, что миссионер, воодушевленный духом Лютера, досконально знакомый с нравами народа и пользующийся поддержкой могущественного семейства Гамильтонов, был грозным противником. Новости, которые пересекали Форт или приходили из Эдинбурга, лишь усиливали опасения архиепископа. Битун был решительным врагом Евангелия.[73] Правя Шотландией во время меньшинства короля, он был возмущен мыслью о бедах, которыми проповедь Гамильтона угрожала Церкви и королевству. Духовенство разделяло тревогу своего главы; особенно город Сент-Эндрюс, который один шотландский историк называл "метрополией царства тьмы", [74] был в состоянии сильного волнения. Декан Спенс, настоятель Уэддел, чиновник Симсон, каноник Рамзи и главы различных монастырей посовещались между собой и воскликнули, что опасность неминуема и что абсолютно необходимо избавиться от столь опасного противника.

Поэтому архиепископ посоветовался со своим племянником и некоторыми другими священнослужителями относительно наилучшего способа избавиться от Гамильтона. Потребовалась большая осторожность. Они должны убедиться в склонностях Ангуса; они должны отвлечь внимание молодого короля, который, с его великодушием характера, мог пожелать спасти своего родственника; они должны каким-то образом заманить евангелиста в ловушку, ибо Битуну и в голову не приходило посылать латников схватить Патрика в Кинкавиле, в доме его брата шерифа. Поэтому архиепископ решил прибегнуть к хитрости. Следуя этому плану, Гамильтон всего через несколько дней после женитьбы получил приглашение отправиться в Сент-Эндрюс с целью дружеского совещания с архиепископом по вопросам религии. Молодой дворянин, который годом ранее разгадал коварные планы духовенства, хорошо понимал значение предложенного ему свидания и сказал тем, кто был ему дорог, что через несколько дней он лишится жизни.[75] Его мать, его жена, его брат, его сестра приложили все свое влияние, чтобы удержать его от поездки; но он был полон решимости не бежать во второй раз; и он спрашивал себя, не наступил ли момент, когда может быть нанесен сильный удар, и будет достигнут триумф Евангелия. Поэтому он заявил, что готов отправиться в шотландский Рим.

ГАМИЛЬТОН В СЕНТ-ЭНДРЮСЕ.

По прибытии в Сент-Эндрюс молодой реформатор предстал перед архиепископом, который оказал ему самый любезный прием. Возможно ли, что эти добрые отношения были искренними, а не вероломными, как обычно предполагалось? Надеялся ли Битун таким образом вернуть его в лоно Церкви? Каждый во дворце выражал уважение Гамильтону. Прелат предоставил ему жилье в городе, куда его и проводили. Патрик, когда он увидел уважение, с которым к нему относились, почувствовал еще большее воодушевление, чтобы откровенно выразить веру, которая была в его сердце. Он вернулся в замок, где должна была состояться конференция с архиепископом и другими врачами. Все они демонстрировали примирительный настрой: все, казалось, признавали зло в церкви; некоторые из них, казалось, даже разделяли по некоторым пунктам чувства Гамильтона. Он покинул замок, полный надежды. Он думал, что видит в

плотной стене римских предрассудков маленькую брешь, которая рукой Божьей вскоре может быть расширена.

Он не терял времени даром. Оставшись совершенно свободным, он ходил и приходил, куда хотел, и ему позволялось отстаивать свое мнение без каких-либо препятствий на его пути. Это было частью заговора. Если сам архиепископ был способен на какие-то добрые чувства, то его племянник Дэвид и еще несколько человек были безжалостны. Они хотели, чтобы Гамильтон заговорил, и говорил много; он должен быть уличен в самом факте, что они осмелились предать его смерти. Среди тех, кто слушал его, присутствовали, без его ведома, некоторые, кто записывал его высказывания и немедленно делал свой отчет. Его враги не удовлетворились тем, что позволили ему свободно передвигаться по частным домам, но для него были открыты даже залы университета; он мог "преподавать там и обсуждать там открыто", как сообщает нам очевидец,[76] уважая доктрины, таинства, обряды и управление Церковью. Многим людям было приятно услышать, как этот молодой дворянин с разрешения примаса Шотландии огласил столь странные догмы. 'Они заблуждаются,' сказал Гамильтон своей аудитории, 'чья религия заключается в человеческих заслугах, в традициях, законах, канонах и церемониях, и которые мало или вообще не упоминают о вере Христа. Ошибаются те, кто считает Евангелие законом, а Христа - Моисеем. Поставить закон на место Евангелия - все равно что надеть траурное платье на брачный пир'. [77] Затем он повторил то, что уже утверждал в Марбурге, что сказал Лютер, что сказал Иисус Христос: "Не добрые дела делают хорошего человека; но хороший человек совершает добрые дела". [78] Прежде всего из-за этого предложения, такого христианского, такого ясного, на него должны были напасть.

Враги молодого реформатора ликовали, когда слышали, как он провозглашает принципы, столь противоположные принципам Рима; но, желая еще больше скомпрометировать его, они вовлекали его в частные беседы, в которых изо всех сил пытались довести его до крайности в его антиримских убеждениях. Тем не менее, среди его слушателей были праведники, которые любили этого молодого шотландца, столь полного любви к Богу и людям, которые приходили к нему домой, делились с ним своими сомнениями и просили его руководства. Он принимал их с добротой, часто приглашал к своему столу и старался делать добро им всем.

ЕГО БЕСЕДА С АЛЕЗИУСОМ.

Среди каноников Сент-Эндрюса был Александр Алейн, более известный под латинским именем Алезиус, который в детстве чудом избежал смерти на Троне Артура. Этот молодой человек скромного характера, с нежным сердцем, умеренным, но решительным духом и тонким умом, развившимся благодаря изучению древних языков, добился больших успехов в схоластическом богословии и в раннем возрасте занял свое место среди противников Реформации. [79] Его самым горячим желанием было преломить копье с Лютером; полемика с реформатором была в то время великим полем битвы, на котором врачи, молодые и старые, стремились доказать свою доблесть. Поскольку он не мог сравняться лично с человеком, которого он назвал *архиеретиком*, Алезиус опроверг его доктрину в ходе публичной дискуссии, проходившей в университете. Богословы Сент-Эндрюса встретили его аплодисментами. [80] "Несомненно, - сказали они, - если бы Лютер присутствовал, он был бы вынужден уступить". Самые радужные надежды возлагались и на молодого врача. Алезиус, восприимчивый к этим похвалам и искренний католик, думал, что ему будет нетрудно убедить молодого Гамильтона в его

заблуждениях. Он был знаком с ним до своего путешествия в Марбург; он любил его; и он хотел спасти его, вернув из скитаний.

С этой целью он посетил молодого дворянина. Завязался разговор. Алезиус был вооружен до зубов, напичкан схоластическими знаниями,^[81] и со всеми формулами *"как сидеть, как не сидеть"*. Гамильтон не имел перед собой ничего, кроме Евангелия, и на все рассуждения своего противника он отвечал ясным, живым и глубокомысленным словом Священного Писания. Не раз случалось, что искренние люди принимали истину через некоторое время после того, как высказывались против нее. Алезиус, пораженный и смущенный, замолчал и почувствовал, что 'в его сердце восходит утренняя звезда'. Он был убежден не только в своем понимании. Дыхание новой жизни проникло в его душу, и в тот момент, когда строительные леса его силлогизмов рухнули на землю, истина предстала перед ним во всем сиянии славы. Он не удовлетворился той первой конференцией, но часто приходил снова, чтобы повидаться с Гамильтоном, получая день ото дня все больше и больше удовольствия от его бесед. Его совесть была побеждена, его разум просветлен. Вернувшись в свою монастырскую келью, он с изумлением размышлял о пути, которым только что прошел. "Результат моего визита противоречил всем моим ожиданиям, - сказал он. - я думал, что должен вернуть Гамильтона к римской доктрине, а вместо этого он заставил меня признать мою собственную ошибку".^[82]

АЛЕКСАНДР КЭМПБЕЛЛ.

Однажды в Гамильтон приехал еще один оратор. Это был молодой священнослужитель Александр Кэмпбелл, приор доминиканцев, который, как и Алезиус, обладал прекрасным гением, отличной образованностью,^[83] и добрым нравом.^[84] Архиепископ, сознававший свое превосходство, умолял его почаще навещать Гамильтона и не жалеть усилий, чтобы вернуть его к римской доктрине. Кэмпбелл подчинился своему начальнику; но в то время как некоторые священники или монахи хитроумно допрашивали молодого доктора с намерением уничтожить его, приор доминиканцев намеревался спасти его. Было бы ошибкой с самого начала приписывать ему какие-либо другие намерения. Кэмпбелл, как и Алезиус, был открыт истине, но любовь к миру и его благосклонности возобладала в нем, и в этом заключалась его опасность. Он часто беседовал с Гамильтоном об истинном смысле Священных Писаний и признавал истинность слов Патрика. "Да, - сказал приор, - Церковь нуждается в реформировании во многих отношениях".^[85] Гамильтон, довольный этим признанием, надеялся привести его к вере, подобно Алесию, и, не боясь друга, на которого он уже смотрел почти как на брата, он не скрывал ни одной из своих мыслей и привязался к нему со всей искренностью. Но после нескольких бесед Кэмпбелл получил приказ от архиепископа явиться к нему и отчитаться о результатах своего разбирательства. Эта просьба удивила и встревожила приора; и когда он предстал перед Битуном и его советниками, его охватил ужас при мысли о том, что он оскорбил примаса и навлек на себя порицание Церкви. Он охотно повиновался бы одновременно и Господу, и епископу, — он охотно служил бы Богу и *впитывал* почести; но он не видел способа примирить Евангелие и мир. Когда он увидел, что все взгляды обратились на него, он разволновался, поколебался и пересказал все, что молодой дворянин из Кинкавила сказал ему по-братски. Он, казалось, осуждал его и даже согласился стать одним из его судей. Выбрав легкость, репутацию и жизнь вместо преследований, поношения и смерти, Кэмпбелл повернулся спиной к правде и покинул Гамильтона.

Когда молодой реформатор услышал о предательстве Кэмпбелла, это было для него большим горем, но он не впал в уныние. Напротив, он продолжал преподавать с удвоенным рвением, как у себя дома, так и в университете. Он свидетельствовал 'рукой и ногой', как обычно говорилось в то время (то есть всем своим сердцем и всей своей мощью), о Слове Божьем. Для начала работы реформации в королевстве не было места более важного, чем Сент-Эндрюс. Гамильтон нашел там студентов и профессоров, священников, монахов ордена Св. Августин, святой Франциск и святой Доминик, каноники, деканы, члены церковных судов, дворяне, юристы и миряне всех классов. Это было широкое и, по-видимому, благоприятное поле, на котором в течение одного месяца он обильно разбрасывал божественное семя.^[86]

Противники Нового Завета, видя успех учения Гамильтона, с каждым днем встревоживались все больше и больше. Больше не должно быть никаких задержек, думали они; всякое подчинение должно прекратиться, и должен быть нанесен серьезный удар. Было указано, что Патрик явился в архиепископский дворец, чтобы ответить на выдвинутое против него обвинение в ереси. Его встревоженные друзья заклинали его бежать: казалось, даже архиепископ был бы рад видеть, что он снова отправляется в Германию. Лорд Гамильтон, граф Арран, был одновременно дядей Патрика и племянником примаса по браку. Примат, естественно, проявил бы некоторое уважение к молодому человеку, семью которого он уважал;^[87] но препятствие должно было возникнуть со стороны самого Гамильтона. Когда он пересекал Северное море, чтобы вернуться в Шотландию, он решил, что, если понадобится, отдаст свою жизнь, если только его смертью *возвеличится Христос*. Радость чистой совести так прочно воцарилась в его душе, что никакие телесные страдания не могли ее отнять.

Поскольку Патрик не собирался спускаться с эшафота, его враги решили избавиться от столь грозного противника.

Однако на их пути стояло одно препятствие. Позволит ли король, слабый и легкомысленный, но все же гуманный и великодушный, принести в жертву этого молодого члена своей семьи, который вызывал восхищение даже у его противников? Джеймс V. действительно заинтересовался Патриком: он хотел его видеть и убеждал его примириться с епископами.^[88] Если в последний момент Гамильтоны будут умолять его о помиловании, как он мог отказать им? Чтобы избежать этого затруднения, римское духовенство решило убрать молодого монарха с дороги. Его отец, Яков IV, совершал ежегодное паломничество в часовню Святого Дутака, основанную Яковом III, в Росс-шире, на севере Шотландии. Епископы решили убедить этого принца, которому тогда было всего семнадцать лет, предпринять это долгое путешествие, хотя стояла глубокая зима.^[89] Король согласился, либо потому, что священники искусно ввели его в заблуждение, либо потому, что, видя, что они полны решимости избавиться от Гамильтона, он предпочел бы оставить их в покое и умыть руки. Он отправился в Сент-Дутхак,^[90] и священники немедленно приступили к выполнению своей задачи.

РЕШЕНИЕ О СМЕРТИ ГАМИЛЬТОНА ПРИНЯТО.

Известие о неминуемой опасности, угрожавшей Патрику, вызвало тревогу в поместье Кинкавил. Его жена, мать и сестра были глубоко тронуты: сэр Джеймс был полон решимости не ограничиваться бесполезными стенаниями, а вырвать своего брата из рук его врагов. Как шериф Линлитгоу и капитан одного из королевских замков, он мог легко собрать несколько вооруженных людей и отправиться в Сент-Эндрюс во главе небольшого отряда, уверенный, что в случае успеха Джеймс V. по возвращении из Датхака выдаст ему вексель о возмещении

убытков.[91] Но когда он достиг берегов реки Форт, которую нужно было пересечь по пути в Файфшир, он обнаружил, что воды взбаламутились из-за сильного шторма, так что он, возможно, не смог бы совершить переход.[92] Сэр Джеймс и его воины остановились на берегу, со скорбью в сердце наблюдая за волнами, и с тоской прислушиваясь к реву шторма. Когда архиепископ услышал о появлении войска на другом берегу Форта, он собрал большой отряд всадников, чтобы отразить атаку.[93] Те, кто стремился спасти Гамильтона, были так же полны энтузиазма, как и те, кто стремился его уничтожить. Какая из двух сторон победит в этот день?

ГЛАВА V. ЯВЛЕНИЕ, ОСУЖДЕНИЕ, МУЧЕНИЧЕСТВО. (Конец февраля—1 марта 1528 г.)

Слово Божье, когда его слышат среди людей, оказывает двоякое воздействие. Первый, как мы видели, заключается в завоевании душ для Бога очарованием божественной любви, которую он раскрывает; но это еще не все. Она не только дает, но и требует: она настаивает на новом сердце и новой жизни. Гордыня человека восстает против заповедей Божиих: разгневанное сердце ожесточается против тех, кто возвещает их, и побуждает к гонениям. Евангельское слово, как и созидательное, отделяет свет от тьмы, тех, кто послушен, от тех, кто бунтует. Это то, что тогда происходило в Шотландии.

ГАМИЛЬТОН ПЕРЕД ЕПИСКОПАМИ.

Гамильтон рано встал в день, когда ему предстояло предстать перед епископским советом.[94] Спокойный и в то же время пылкий духом, он горел желанием исповедать истину в присутствии этого собрания. Не дожидаясь назначенного часа, он покинул свою обитель и неожиданно появился во дворце архиепископа между семью и восемью часами, вскоре после восхода солнца. Битун уже приступил к своей работе, желая посоветоваться с членами своего совета перед заседанием. Они подошли и сказали ему, что Гамильтон пришел и спрашивает о нем. Архиепископ позаботился о том, чтобы не давать ему частной беседы. Были сформулированы несколько ересей, в которых обвинялся Гамильтон. Все, кто принимал участие в этом деле, были согласны с главами обвинительного заключения. Битун сразу же решил воспользоваться рвением Гамильтона и ускорить заседание. Архиепископ приказал суду построиться: каждый член занял свое место в соответствии со своим рангом, и перед ними предстал обвиняемый. Одному из членов совета было поручено изложить молодому врачу длинный перечень ересей, предъявленных ему в качестве обвинения. Ввели Гамильтона. Он ожидал поговорить с Битуном наедине, но внезапно оказался перед мрачным трибуналом инквизиторского вида; пасть льва была раскрыта перед ним. Однако перед судьями он оставался мягким и спокойным, хотя и знал, что они решили лишить его жизни.

- Вы заряженный, - сказал комиссар, с преподавания ложных доктрин: 1-ое, что коррупция греха остается у ребенка после крещения; 2-е, что никто не способен по простой силой воли, чтобы сделать что-нибудь хорошее; 3-е, что никто по-прежнему не грехи тех пор, пока ему в этой жизни; 4-е, что каждый истинный христианин должен знать, если он находится в состоянии благодати; 5-й, что человек оправдывается не делами, а только верой; 6-го, что добрые дела не

делают доброго человека, но добрый человек делает добрые дела; 7-е, что вера, надежда и любовь столь тесно Соединенных, что тот, кто обладает одним из этих добродетелей имеет и другие; на 8 месте, что можно утверждать, что Бог является причиной греха в этом смысле, что, когда он удерживает свою милость от человека, то последний не может не грешить; 9-е, что это дьявольское учение учит, что прощение грехов может быть получено с помощью определенных покаяния; 10-я, аурikuлярные, что исповедь-это не необходимы для спасения; 11-ой, что нет чистилища, 12-м, что святые праотцы жили в раю до страсти Иисуса Христа; и 13-м, что папа является Антихристом, и что священник имеет столько же силы, как Папа Римский. '[95]

Молодой реформатор Шотландии внимательно выслушал этот длинный ряд обвинений, составленных в несколько схоластических выражениях. В официальное обвинительное заключение священников были включены некоторые доктрины, за поддержание которых Гамильтон был готов отдать свою жизнь; другие, которые, по его признанию, были достойными темами для обсуждения; но теологи примаса в своем рвении собрали в кучу все, что смогли найти, истинное или ложное, существенное или случайное, и бросили эту беспорядочную массу в молодого человека, чтобы раздавить его. Один из священнослужителей, посетивший его с целью заставить врасплох в какой-то ереси, выдал, что реформаторы сделали Бога виновником греха. Патрик отрицал это, говоря, — и это было предметом упрека в 8—й статье, — что грешник может дойти до такой степени упрямства, что Бог оставит его, потому что он больше не будет слышать его. Таким образом, Гамильтон провел различие между различными главами обвинительного заключения. 'Я заявляю,' сказал он, 'что считаю первые семь статей несомненной правдой и готов подтвердить их торжественной клятвой. Что касается других пунктов, то они являются предметом обсуждения; но я не могу объявить их ложными, пока мне не будут приведены более веские причины для их отклонения, чем те, которые я до сих пор слышал'.

Доктора посоветовались с Гамильтоном по каждому пункту; затем тринадцать статей были переданы на рассмотрение комиссии богословов, назначенной примасом. День или два спустя уполномоченные выступили со своим отчетом и объявили все статьи без исключения еретическими. Затем примас, чтобы придать приговору особую торжественность, объявил, что приговор будет оглашен в кафедральном соборе в последний день февраля перед собранием духовенства, знати и народа. '[96]

ПОПЫТКА ЭНДРЮ ДУНКАНА.

В то время как священники готовились предать смерти одного из членов прославленной семьи Гамильтонов, несколько благородных мирян готовились спасти его. Жители Линлитгоу были не единственными, кто вмешался в это дело. Джон Эндрю Дункан, лэрд Эйрдри, который, как мы видели, был взят в плен англичанами в битве при Флоддене, во время своего плена нашел друзей в Англии, которых приобрел ради Евангелия. Вернувшись в Шотландию, он открыл свой дом как приют для евангелистов и сблизился с Гамильтонами. Услышав об опасности, нависшей над Патриком, возмущенный поведением епископов и горящий желанием спасти молодого реформатора, Дункан вооружил своих арендаторов и слуг, а затем направился к метрополитен-сити, намереваясь войти в него ночью, похитить своего друга и увезти его в Англию. Но всадники архиепископа, предупрежденные об этом предприятии, выступили вперед и окружили слабый отряд Дункана, обезоружили их и взяли Дункана в плен. Жизнь этого благородного христианина-евангелиста была спасена благодаря заступничеству его шурина,

который командовал войсками, захватившими его в плен, но ему снова пришлось покинуть Шотландию.[97]

Эта попытка была сорвана как раз в тот момент, когда члены комиссии представили свой отчет о предполагаемой ереси Гамильтона. Со стороны архиепископа больше не было необходимости колебаться; поэтому он приказал арестовать молодого евангелиста. Желая предотвратить любое сопротивление, комендант замка Сент-Эндрюс, который должен был выполнить приказ, дождался ночи; а затем, встав во главе хорошо вооруженного отряда, он молча окружил дом, в котором жил Гамильтон.[98] По словам одного историка, он уже удалился на покой; по словам других, он находился в обществе благочестивых и преданных друзей и беседовал с ними. Молодой реформатор, хотя и ценил привязанность и рвение своего друга Дункана, не желал, чтобы для его спасения применялась сила. Он знал, что какой бы природы ни была война, таким должно быть и оружие; что для духовной войны оружие должно быть духовным; что воины Христа должны сражаться только мечом святого Слова. Он оставался спокоен в убеждении, что Бог распоряжается всем, что выпадает на долю его детей, таким образом, что то, что мир считает злом, оборачивается для них добром. В тот самый момент, когда солдаты окружали его дом, он чувствовал себя окруженным прочными валами, зная, что Бог направляет свои силы вокруг своего народа, словно для защиты крепости. В этот момент раздался стук в дверь: это был комендант замка. Гамильтон знал, что это значит. Он встал, вышел вперед в сопровождении своих друзей и, открыв дверь, спросил губернатора, кого он хочет;[99] получив ответ от последнего, Гамильтон сказал: 'Это я!' - и сдался. Затем, указав на своих друзей, он добавил: "Вы позволите им удалиться";[100] и он умолял их не оказывать никакого сопротивления законной власти. Но эти ревностные христиане не могли смириться с мыслью потерять своего друга. 'Обещай нам,' сказали они губернатору, 'обещай нам вернуть его целым и невредимым'. Офицер в ответ только увел своего пленника. На вершине огромных скал, которые поднимаются перпендикулярно из моря, и основание которых непрерывно омывается волнами, в то время стоял замок, живописные остатки которого до сих пор служат маяком для моряков. Именно в стенах этой феодальной твердыни Гамильтон был схвачен и заключен в тюрьму.

ГАМИЛЬТОН В ЗАМКЕ.

Наконец наступил последний день февраля, день, назначенный архиепископом для торжественного собрания, на котором должен был быть вынесен приговор. Прелат, сопровождаемый большим количеством епископов, аббатов, врачей, глав религиозных орденов и двенадцатью уполномоченными, вошел в собор — здание, построенное несколько столетий назад, которое должно было быть разрушено за один день по слову Нокса, и чьи великолепные руины до сих пор поражают путешественников.[101] Беатон сидел на скамье инквизиционного суда, и все церковные судьи заняли свои места вокруг него. Среди них был замечен Патрик Хепберн, приор Сент-Эндрюса, сын графа Босуэлла, никчемный и распутный человек, у которого было одиннадцать незаконнорожденных детей и который прославлялся тем, что приносил горе и бесчестье в семье. Этот ветеран безнравственности, который должен был бы сидеть на месте виновного, но чья гордость была даже больше, чем его распущенность, с бесстыдным видом занял свое место на судейской скамье. Недалеко от него был Дэвид Битун, аббат Арброата, честолубивый молодой человек, который уже домогался сана своего дяди и который, как бы готовясь к долгой работе преследования, энергично настаивал на осуждении Патрика. Среди этих лицемеров и фанатиков сидел один человек в состоянии возбуждения и

отчаяния — приор доминиканцев Александр Кэмпбелл — с мрачным и поникшим лицом. Огромная толпа каноников, священников, монахов, дворян, горожан и просто народа заполнила церковь; некоторые из них жаждали зрелища, которое им предстояло увидеть, другие сочувствовали Гамильтону. "Я сам присутствовал, - сказал Алезиус, - был зрителем этой трагедии".[102]

Вскоре послышался конский топот: приближался отряд войск, посланный на поиски Гамильтона. Молодой евангелист вошел в церковь и должен был взобраться на высокий стол, с которого его легко могли видеть и слышать собравшиеся. Все взгляды были обращены к нему. "Ах, - сказали благочестивые люди, - если бы этот молодой христианин был мирянином и посвятил себя, подобно другим придворным лордам, жизни разгула и буйства,[103] его, несомненно, любили бы все; и этот цветок юности, на который мы сейчас смотрим, расцвел бы среди лести и удовольствий. Но поскольку к своему рангу он добавил благочестие и добродетель, он должен пасть под ударами нечестивцев".

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС.

Разбирательство началось. Члены комиссии представили суду свой отчет, должным образом подписанный. Затем поднялся Александр Кэмпбелл, ибо архиепископ поручил ему зачитать обвинительный акт, и несчастный человек не посмел отказаться от этой ужасной задачи. Гамильтон был тронут, увидев, что человек, которого он принимал за своего друга, предстал в роли его обвинителя. Однако он спокойно выслушал обращение. Его спокойствие, его благородная простота, его откровенность, его вера в Господа произвели впечатление на каждого. - Воистину, - сказал Алезиус, - ни один человек никогда так полно не осознавал этого изречения: "Уповай на Господа и твори добро".[104] Между приором доминиканцев и молодым реформатором началось состязание. Последний, преисполненный решимости защищать свою веру в присутствии этого великого собрания, указал на софистику своих обвинителей и установил истину свидетельством Священного Писания. Кэмпбелл ответил, но Гамильтон, всегда вооруженный Словом Божиим, возразил, и его противник замолчал. Кэмпбелл, несчастный и огорченный, внутренне убежденный в доктрине, исповедуемой его старым другом, больше ничего не мог сделать. Он обратился к трибуналу за инструкциями. Епископы и теологи, не желая устраивать публичные дебаты, приказали Кэмпбеллу громким голосом перечислить некоторые ошибки, которые еще не были сведены к формальным статьям, и назвать Гамильтона *еретиком*. [105] Это означало подвергнуть бедного доминиканца новым пыткам; но он должен был держаться до конца. Поэтому он повернулся к Гамильтону и громко сказал— 'Еретик! ты сказал, что все люди имеют право читать Слово Божье. Ты сказал, что поклонение изображениям противоречит божественному закону. Ты сказал, что бесполезно призывать святых и Пресвятую Деву. Ты сказал, что бесполезно служить мессы ради спасения душ из чистилища...."Здесь несчастный Кэмпбелл остановился. "Чистилище! - воскликнул Патрик. - ничто не очищает души, кроме крови Иисуса Христа". [106] При этих словах Кэмпбелл повернулся к архиепископу и сказал: 'Милорды, вы слышите его; он презирает авторитет нашего святого отца папы'. Затем, словно желая заглушить оскорблениями голос благородного и мужественного христианина, он воскликнул: "Еретик! - воскликнул он. - Мятешник! отвратительный! омерзительный! нечестивый!.. Гамильтон, повернувшись к нему, сказал тоном, полным доброты: "Брат мой, ты в глубине души не веришь в то, что говоришь". [107] Этого было слишком много. Слово нежного упрека, как стрела, пронзило душу несчастного доминиканца. Осознание того, что с ним так мягко обошелся человек, смерти которого он добивался,

разорвало его сердце, и обвиняющий крик прозвучал в глубине его души.^[108] Кэмпбелл смутился и замолчал. Благотворительность Гамильтона подбросила ему на голову горящих углей.^[109]

Затем начался подсчет голосов. Члены суда единогласно осудили невинного человека, примас встал и сказал: "*Christi nomine invocato*, — Мы, Джеймс, милостью Божьей архиепископ Сент-Эндрюсский, примас Шотландии, заседающий в суде нашей столичной церкви, обнаружили, что Патрик Гамильтон заражен различными ересями Мартина Лютера, которые уже были осуждены генеральными соборами. Поэтому мы объявляем упомянутого Гамильтона еретиком; мы осуждаем его; мы лишаем его всех достоинств, орденов и привилегий и передаем его в руки светских властей для наказания".^[110]

Сказав это, предстоятель положил на стол приговор, который он только что зачитал, и присутствующие епископы, приоры, аббаты и врачи один за другим подошли и подписали документ. Затем примас, с целью придания акту большего авторитета, пригласил таких лиц, которые имели определенный ранг в университете, также приложить к нему свои руки. Маленькие мальчики — например, граф Кассилис, которому было всего тринадцать, — были из их числа. Священники убеждали их, что тем самым они служат Богу, и это было очень лестно для таких детей. Придворные встали, и эскорт из нескольких тысяч вооруженных людей проводил Гамильтона обратно в замок.^[111]

Этот многочисленный эскорт свидетельствовал о страхах, которые питало духовенство. Попытка Дункана провалилась, но сэр Джеймс Гамильтон все еще стоял во главе своих солдат, и многие другие люди в Шотландии интересовались этим молодым человеком. Но ничто, кроме смерти их жертвы, не могло успокоить священников. Они решили, что приговор должен быть приведен в исполнение в тот же день. Предстоятель был уверен в сотрудничестве правительства. Ангус не стал возражать против этого незаконного поступка. Таким образом, едва был вынесен приговор, как слуги палача были замечены перед воротами колледжа Святого Сальватора, возносящими костер, на котором Гамильтон должен был быть сожжен.

НА КОСТРЕ.

Пока они собирали дрова и вбивали кол, Патрик в последний раз ужинал в одной из комнат замка; он ел умеренно, по своему обыкновению, но без малейшего волнения; лицо его было совершенно безмятежным. Он собирался встретить смерть с добрым мужеством, потому что это позволило бы ему войти в дом его Отца; он также надеялся, что его мученичество принесет пользу Церкви Божьей. Пробыл полдень: это было время, назначенное для казни. Гамильтон велел позвать коменданта замка. Тот явился; он был глубоко взволнован. Гамильтон, не вставая из-за стола, осведомился у него, *все ли готово?*^[112] Губернатор, чье сердце разрывалось при виде такой невинности и благородства, вознагражденных жестокой смертью, не смог найти в себе мужества произнести ни единого слова, которое указывало бы на эшафот, и он взволнованно ответил, *Dii meliora*: 'Дай вам Бог лучшей участи!' Гамильтон понял его, встал, взял Евангелие в одну руку, другой нежно пожал руку сочувствующего губернатора и пошел, как агнец на казнь.^[113] Его сопровождали несколько друзей, за ним следовал его верный слуга и многочисленная охрана. Он поставил крест Христов, который тогда нес, превыше всех радостей жизни.^[114] Его душа была полна великолепной и прочной радости, которая стоила больше, чем радость мира.

Он прибыл на место. Все было готово— дрова, уголь, порох и другие горючие материалы. Стоя перед грудой, он обнажил голову и, подняв глаза к небу, несколько мгновений оставался неподвижным в молитве.[115] Затем он повернулся к своим друзьям и вручил одному из них свой экземпляр Евангелий. Затем, позвав своего слугу, он снял свой плащ, шубу и шапку и, протянув руки, протянул их ему и сказал— 'Возьми эти одежды, они не смогут сослужить мне никакой службы в огне, но они еще могут пригодиться тебе. Это последний дар, который ты получишь от меня, за исключением примера моей смерти, воспоминание о котором я молю тебя помнить. Смерть горька для плоти ... но это вход в вечную жизнь, которой не может обладать никто из тех, кто отвергает Иисуса Христа".[116] Архиепископ, желая снискать расположение могущественной семьи Гамильтонов, приказал некоторым из своего духовенства предложить молодому реформатору свою жизнь при условии его подчинения абсолютной власти папы римского. 'Нет, ' ответил Гамильтон, - ваш огонь не заставит меня отречься от веры, которую я исповедовал. Лучше, чтобы мое тело сгорело в твоём пламени за то, что я исповедал Спасителя, чем чтобы моя душа горела в аду за то, что отреклась от него. Я взываю к Богу в связи с вынесенным мне приговором и веряю себя его милосердию".[117]

ОСКОРБЛЕНИЯ КЭМПБЕЛЛА.

Палачи пришли, чтобы выполнить свою часть работы. Они обмотали тело жертвы железной цепью и таким образом привязали его к столбу, возвышавшемуся над кучей. Сознавая, что острая боль может привести его к ошибке, Гамильтон молился Богу, чтобы пламя не вырвало у него ни малейшего слова, которое могло бы огорчить его божественного учителя. 'Во имя Иисуса, ' добавил он, ' я предаю свое тело огню и предаю свою душу в руки Отца'. Трижды разжигалась куча, и трижды огонь гас, потому что дрова были зелеными.[118] Внезапно порох, насыпанный среди хвороста, взорвался, и кусок дерева выстрелил в Гамильтона, содрал кожу с части его тела; но смерть еще не наступила. Повернувшись к смертоносцу, он мягко спросил: 'У вас нет сухих дров?' Несколько человек поспешили за ними в замок. Александр Кэмпбелл присутствовал при этом, борясь со своей нечистой совестью и находясь в состоянии сильного возбуждения, которое нарастало вместе с его горем. Слуги палача принесли немного сухих дров и разожгли огонь. 'Еретик, ' сказал Кэмпбелл, ' обрати себя! отрекись! призови Пресвятую Богородицу; только скажи: *Salve Regina*. "Если ты веришь в правдивость того, что говоришь, - ответил Патрик, - засвидетельствуй это, сунув только кончик своего пальца в огонь, в котором горит все мое тело.[119]' Несчастный доминиканец позаботился о том, чтобы ничего подобного не делать. Он начал оскорблять мученика. Тогда Гамильтон сказал ему: 'Отойди от меня, посланник сатаны'. Кэмпбелл, разъяренный, метался вокруг жертвы, как рыкающий лев. 'Подчинись папе! - воскликнул он. - Нет спасения, кроме как в союзе с ним". Сердце Патрика было разбито от горя, когда он увидел, до какой степени упрямства дошел его старый друг. 'Ты нечестивый человек, ' сказал он ему, ' ты достаточно хорошо знаешь обратное; ты сам мне это говорил'. Итак, эта благородная жертва, прикованная к столбу и уже наполовину обгоревшая, почувствовав свое превосходство над несчастным человеком, который досаждал ей, говорила как судья, приказывала как король и сказала доминиканцу: "Я призываю тебя к суду перед престолом Христа Иисуса".[120] При этих словах Кэмпбелл, прекратив свои крики, замолчал и, покинув это место, в ужасе убежал в свой монастырь. Его разум блуждал; он был охвачен безумием; он был подобен одержимому демоном, и вскоре он умер.[121]

На смену этим самым скорбным эмоциям в сердце Гамильтона пришли самые нежные чувства. Он приближался к моменту душераздирающей разлуки, но его мысли, хотя и были обращены к

небесам, не были обращены прочь от его дома в Кинкавиле. Он лелеял надежду стать отцом, и некоторое время спустя его жена родила дочь, которую называли Иссобель. В последующие годы она жила при дворе и не раз получала знаки королевской милости.[122] Гамильтон, который всегда испытывал глубочайшее уважение к своей матери, не забыл ее на костре, но оценил ее любовь своих друзей.[123] В честь своей жены и матери он вспоминал о своем родном месте. "О Боже, - сказал он, - открой глаза моим согражданам, чтобы они могли познать истину!"

СМЕРТЬ ГАМИЛЬТОНА.

В то время как сердце мученика было переполнено любовью, несколько несчастных, стоявших вокруг него, усугубляли его страдания. Пекарь взял охапку соломы и бросил ее в огонь, чтобы усилить его интенсивность; в тот же момент порыв ветра с моря раздул пламя, которое поднялось выше костра. Цепь, обвивавшая тело Патрика, раскалилась докрасна и к этому времени почти разрубила его надвое.[124] Один из прохожих, вероятно, друг Евангелия, крикнул ему: 'Если ты все еще придерживаешься учения, за которое ты умираешь, дай нам знамение'. Два пальца его руки были сожжены; вытянув руку, он поднял остальные три и держал их неподвижно в знак своей веры.[125] Мучения продолжались с полудня, и сейчас было почти шесть часов. Гамильтон был сожжен на медленном огне.[126] Было слышно, как посреди суматохи он издавал этот крик: 'О Боже, доколе тьма будет покрывать это царство, доколе ты будешь позволять торжествовать тирании людей?' Конец приближался. Рука мученика начала слабеть: у него отвалились три пальца. Он сказал: 'Господи Иисусе! прими дух мой'. Его голова поникла, тело обмякло, и пламя довершило свое опустошение, превратив его в пепел.

Толпа разошлась, взволнованная этим грандиозным и скорбным зрелищем, и память о смерти этого молодого реформатора никогда не изгладилась из сердец тех, кто был ее очевидцами. Это глубоко запечатлелось в душе Алезиуса. "Я видел, - сказал он несколько лет спустя в каком-то городке в Германии, - я видел у себя на родине казнь высокородного человека, Патрика Гамильтона".[127] И он рассказал историю в кратких и проникновенных словах. 'Какой странной была судьба двух Гамильтонов! Отец и сын оба умерли насильственной смертью: первый умер смертью героя, второй - мученика. Отец был в Шотландии последним из рыцарей Средневековья; сын был в той же стране первым из воинов Христа в новое время. Отец прославил свою семью, много раз завоевывая пальму первенства в турнирах и единоборствах; сын, - говорит выдающийся человек Теодор Беза, - облагородил королевскую расу Гамильтонов, запятнанную впоследствии некоторыми из ее представителей, и украсил ее венцом мученика, который бесконечно драгоценнее всех королевских корон".[128]

ГЛАВА VI. АЛЕЗИУС.

(С конца февраля 1528 по конец 1531 года.)

ПОСЛЕДСТВИЯ СМЕРТИ ГАМИЛЬТОНА.

Это высказывание христианской древности: 'Кровь мучеников - семя церкви', пожалуй, никогда не подтверждалось более поразительным образом, чем в случае с Гамильтоном. Слух о его

смерти, разнесшийся громким эхом по Высокогорью, разнесся по всей стране. Это было почти то же самое, как если бы выстрелила знаменитая большая пушка Эдинбургского замка Монс Мег, и звук разнесся эхом от Границ до Пентленда Фрита. Ничто так не могло склонить феодальную Шотландию на сторону Реформации, как смерть, одновременно столь святая и столь жестокая, члена столь прославленной семьи. Знать, горожане и простой люд, нет, даже священники и монахи, были на грани возбуждения от этого мученичества. Гамильтон, который своим служением был реформатором Шотландии, стал еще большим реформатором после своей смерти. Для Божьего дела долгая и кропотливая жизнь принесла бы меньше пользы, чем если бы его суд, осуждение и казнь свершились в один день. Отказавшись от своей земной жизни ради жизни нетленной, он объявил о конце религии чувств и начал богослужение в духе и истине. Костер, на который отправили его священники, превратился в трон, его пытки были триумфом, и когда в Шотландии праздновали *Венцы мучеников*, раздавались голоса, восклицавшие:

E cœlo alluxit primam Germania lucem,

Qua Lanus et vitreis qua fluit Albis aquis.

Intulit huic lucem nostræ Dux prævius oræ.

О феликс terra! hoc si foret usa duce!

Dira superstitio grassata tyrannide in omnes,

Omniaque involvens Cimmeriis tenebris,

Illa nequit lucem hanc sufferre. Ergo omnis in unum,

Fraude, odiis, furiis, turba cruenta coit.

Игн кремант. Vivus lucis qui fulserat igne,

Par erat, ut moriens lumina ab igne daret.[129]

Люди повсюду хотели знать, за что этот молодой дворянин отдал свою жизнь, и все встали на сторону жертвы. 'Как раз в то время, когда эти жестокие волки, - сказал Нокс, - как они и предполагали, дочиста сожрали свою добычу, огромная толпа окружила их и потребовала от них отчета за пролитую ими кровь'. 'Вера, за которую был сожжен Гамильтон, - говорили многие, - это то, что у нас будет'. Тщетно было то, что виновные люди, осужденные своей собственной совестью, воспалялись гневом и произносили гордые угрозы;[130] ибо повсюду злоупотребления и ошибки, которые до того времени почитались, подвергались сомнению.[131] Таковы были счастливые результаты смерти Гамильтона.

Однако по мере того, как эта новость распространялась в чужих странах, возникали совсем другие чувства. Врачи Лувена в письме к духовенству Шотландии сказали: "Мы в равной степени восхищены работой, которую вы проделали, и тем, как вы это сделали".[132] Другие показали себя не настолько очарованными такой ненавистью, хитростью и жестокостью. Христианин из Англии написал шотландской знати: 'Гамильтон сейчас живет со Христом, которого он исповедовал перед князьями мира сего, и голос его крови, подобный крови Авеля, взывает к небесам'.[133] Фрэнсис Ламберт, особенно его друг и компаньон, был жертвой сильного горя:

он сказал ландграфу: "Гамильтон принес в жертву Богу и Церкви не только блеск своего сана, но и расцвет своей юности".[134]

ДЖЕЙМС против ФЛАЙТА.

Несколько дней спустя король вернулся с севера Шотландии, куда священники отправили его поклониться каким-то реликвиям. Гамильтона больше не было. Каковы были чувства Якова V, когда он узнал о смерти этого благородного отпрыска королевского дома? У нас нет возможности установить их. Молодой принц, казалось, больше переживал унижение, которому подвергли его вельможи, чем жестокость священников. Обеспокоенный зависимостью, в которой Ангус держал его, он пожаловался на это Генриху VIII.[135] Охота была его единственным развлечением, и ради этого он поселился в Фолклендском замке. Внезапно, не заботясь больше о гончих, лисах или оленях, он задумал проект восстановления своей свободы и своей власти. Это могло быть чревато серьезными последствиями для Реформации. Если бы в то время, когда знать крепко держала в руках священническую партию, Гамильтон был казнен, что могло бы произойти в Шотландии, когда священники, на которых опирался Джеймс в поисках поддержки, снова захватили бы верховную власть? Однако освобождение молодого короля оказалось делом нелегким. Сотня человек, отобранных Ангусом, были при нем днем и ночью, а капитан его стражи, министр королевского дома и лорд-казначей королевства получили приказ постоянно не спускать с него глаз. Он решил прибегнуть к военной хитрости. Однажды вечером он сказал своим придворным: 'Завтра мы встанем очень рано, чтобы поохотиться на оленя; будьте готовы'. Все рано разошлись отдыхать; но как только принц вошел в свои покои, он позвал одного из своих пажей, которому полностью доверял. 'Джоки,' сказал он ему, - любишь ли ты меня?' "Больше, чем меня самого, сир'. — 'Пойдешь ли ты на некоторый риск ради меня?' 'Рискну своей жизнью, сир. Джеймс объяснил ему свой план, а затем, переодевшись конюхом, отправился в конюшню вместе с пажом и камердинером. 'Мы пришли подготовить лошадей к завтрашней охоте,' сказали трое конюхов. Прошло несколько минут; они бесшумно вышли из замка и галопом направились к замку Стерлинг, где проживала королева-мать. Король прибыл туда ранним утром. 'Наведите мосты', - сказал он, так боялся он своих преследователей. 'Опустите опускные решетки, расставьте часовых во всех точках'. Он был измучен усталостью, проведя всю ночь верхом; но он отказался лечь, пока ключи от всех ворот не были положены ему под подушку; тогда он положил на них голову и заснул. На следующее утро после этого бегства сэр Джордж Дуглас, королевский опекун, проснулся без всяких подозрений, думая только об охоте, назначенной Джеймсом. Пока он принимал определенные меры предосторожности против побега принца, прибыл незнакомец и попросил разрешения поговорить с сэром Джорджем. Это был бейлиф Абернети. Он вошел в покои королевского тюремщика и объявил ему, что ночью король пересек мост в Стерлинге. Сэр Джордж, пораженный этим неожиданным известием, побежал в покои короля; он постучал, и поскольку никто не ответил, он приказал распахнуть дверь. Он огляделся по сторонам и воскликнул: 'Предательство! король бежал!' Он немедленно уведомил своего брата, графа Ангуса, и разослал гонцов во все стороны с приказом арестовать короля, где бы его ни нашли. Все было бесполезно. Весть об этом событии распространилась по всему миру, и враги Дугласов толпами поспешили в Стерлинг. Не теряя времени, король созвал парламент и добился издания указа об изгнании Ангуса. Последний, внезапно низвергнутый с высоты величия, бежал в Англию, благополучно преодолев множество трудностей и опасностей.

С этого времени Яков V правил сам, по крайней мере, настолько, насколько ему позволяли священники. В характере этого странного принца сочетались ненасытное честолюбие и беспримерная слабость, доброта, полная приветливости, и непримиримое негодование, большое уважение к справедливости и неистовые страсти, горячее желание защитить слабых от гнета сильных мира сего и приступы ярости, которые не щадили даже низших. Король правил, но правило духовенство. Поскольку целью Якова V было смирение знати, тесный союз с духовенством был для него необходимостью, и, однажды встав на сторону священников, он пошел на многое. Архиепископы Сент-Эндрюса и Глазго, епископ Данкельда и аббат Холируда были поставлены во главе правительства, а наиболее выдающиеся представители аристократии были немедленно заключены в тюрьму или отправлены в изгнание. Ни одному Дугласу, и даже ни одному приверженцу этого дома, не разрешалось приближаться ко двору ближе чем на двенадцать миль. В то же время гонения обрушились на евангельских христиан; люди, которые могли бы возвысить свою страну, погибли на эшафоте. Курс, проводимый священниками, имел тенденцию сводить на нет их собственную цель. Знать, раздраженная тиранией епископов, начала испытывать к Римской церкви то же отвращение, которое они испытывали к ее руководителям. На самом деле они порвали не с римской религией, а только с амбициозной и безжалостной иерархией. Но вскоре мы обнаружим, что дворяне, все больше и больше раздражаемые духовенством, начинают охотно прислушиваться к евангельскому учению тех, кто выступал против духовенства.

ALESIIUS.

Еще до того, как наступил этот момент, в Шотландии начались завоевания Реформации. У нее уже было много скромных, но набожных приверженцев в монастырях, домах священников и коттеджах. Во главе канонам ул. Августин в Сент-Эндрюсе был аморальный человек, враг Евангелия, перед Хепберн; тем не менее, он был среди них, что началось пробуждение. Один из каноников, Алезиус, был утвержден в вере в Евангелие свидетельством, которое Гамильтон дал об истине во время судебного процесса, и простой и героической красотой своей смерти, свидетелем которой он стал. Вернувшись в свой монастырь, он еще глубже ощутил необходимость реформации. 'Ах,' сказал он, - как плачевно положение Церкви! Лишенная учителей, способных обучить ее, она оказывается вдали от Священного Писания, [136], которое привело бы ее ко всей истине.' В то же время Алезиус выразил любовь, которую он испытывал даже к преследователям. 'Я не испытываю ненависти к епископам, - сказал он. - Я не испытываю ненависти ни к одному из религиозных орденов; но я трепещу, видя, как учение Христа погребено под густой тьмой, а благочестивые люди подвергаются ужасным пыткам. Пусть все узнают, какую силу проявляет религия в душах людей, внимательно изучив ее божественные источники'. [137] Смерть Гамильтона изо дня в день была предметом разговоров каноников, и Алезиус упорно отказывался осудить его.

Никчемный Хепберн и его спутники не смогли этого вынести. Они осудили Алезию перед архиепископом как человека, принявшего веру, за которую был сожжен Гамильтон, и добавили, что другие каноники, скорее всего, пойдут тем же путем. Чтобы выяснить чувства молодого человека, примас решил устроить ему ловушку; и когда провинциальный синод собрался в Сент-Эндрюсе, он назначил Алезию произнести проповедь на ее открытии. Алезиус взобрался на кафедру и, избегая всего, что могло бесполезно оскорбить его слушателей, изложил доктрины истины и смело призвал духовенство подавать пример святой жизни и не быть камнем преткновения для верующих из-за скандальной распушенности.

ЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Когда они выходили из церкви, многие выражали одобрение. Архиепископ был серьезен и не сказал ни слова; но Хепберн, гордый, вспыльчивый и властный человек, чьи бесстыдные связи, по словам Бейла,^[138] были известны всем, подумал, что Алезиус хотел указать на него и настроить против него начальство, и он решил отомстить ему. Его опасения не были беспочвенными. Речь Алезия произвела впечатление на лучших людей среди каноников, и они, убежденные в необходимости положить конец общественным скандалам, объединились и решили подать королю жалобу на приора. Хепберну немедленно сообщили об их цели, и, будучи по конституции более пригодным для солдата, чем для каноника, он взял с собой несколько вооруженных людей и внезапно вошел в зал, в котором проходила конференция, к великому изумлению собравшихся. 'Схватите этого человека!' приказал он своим воинам, указывая на Алезия. Молодой каноник умолял приора сдержаться, но при этих словах гордый Хепберн, уже не владея собой, выхватил меч, двинулся к Алезиусу и собирался напасть на него, когда два каноника заслонили своего начальника и отразили удар.^[139] Пылкий прелат, однако, не был успокоен и, призвав на помощь своих людей, последовал за Алезиусом, чтобы ударить его. Последний, в смятении и ужасе, оказавшись на волосок от смерти, пал к ногам приора и умолял его не проливать невинную кровь. Хепберн, чтобы показать свое презрение к нему, не оказал ему такой чести, как проткнул его шпагой, но нанес ему несколько ударов ногами, причем с такой силой, что бедный каноник потерял сознание и растянулся на полу перед своим врагом.^[140] Придя в себя, свирепый приор приказал солдатам отвести его в тюрьму вместе с другими канониками; и все они были брошены в грязную и нездоровую темницу.

Об этих актах насилия заговорил весь город, и чувства людей разделились между презрением и ужасом. Однако некоторые из дворян, которые уважали Гамильтона, были глубоко возмущены; они отправились к королю и умоляли его положить конец невыносимой тирании приора. Молодой король отдал приказ освободить всех каноников и любезно добавил, что "он бы пошел сам и освободил их собственноручно, если бы не знал, что место, в котором они были заключены, заражено чумой".^[141] Приор подчинился королевскому приказу, но только частично; он приказал засунуть Алезия в место, которое было еще более скверным.^[142] И теперь он был один; у него больше не было друга, который мог бы пожать ему руку; видел только враждебные лица. Он знал, что Бог с ним; но страдания, причиненные ему жестоким приором, грязь, неприятные запахи, паразиты, которые начали охотиться на него, темная и вечная ночь, заполнившая эту ужасную раковину, подвергали опасности его жизнь. В городе было известно, что он болен; однажды даже сообщили, что он умер. У Якова V. был приор церкви св. Августина вызвали к нему и он приказал ему освободить Алезия. Лицемерный приор поклялся святыми, что каноник на свободе; и, немедленно вернувшись в монастырь, он приказал вывести из страшной темницы несчастного, который томился там двадцать дней. Вышел Алезиус, покрытый грязью, и на него было страшно смотреть.^[143] Для него было некоторым утешением еще раз увидеть дневной свет. Несколько слуг забрали его; они сняли с него грязную одежду, тщательно вымыли его, а затем надели на него чистую и даже элегантную одежду.^[144] Одетого таким образом пострадавшего привели к Хепберну, который запретил ему кому-либо рассказывать о том, как с ним обращались. Затем приор созвал городских судей и, с видом триумфатора показав им Алезия, чистого и хорошо одетого, сказал— 'Вот человек, который, по слухам, содержится мной в тюрьме и даже мертв. Идите, господа, и опровергните эту клевету'. Негодяй усилил свою жестокость, лживость, хитрость и бесстыдство.

Затем судьи, обратившись с добрыми взглядами к заключенному, потребовали от него от имени короля рассказать всю правду, и Алезиус рассказал о позорном обращении, которому он подвергся. Приор, смущенный, не мог отрицать этот факт, но заверил проректора и его коллег, что с этого момента заключенный был и останется свободным, на что совет удалился. Едва дверь закрылась, как разъяренный приор осыпал Алезию упреками и приказал отвести его обратно в тюрьму. Прошел год, но ни король, ни магистрат так и не отняли у этого свирепого зверя добычу, на которую он нацелился. Напрасно Алезиус подал жалобу архиепископу; последний ответил, что заметил в его речи склонность к лютеранству и что он заслужил постигшее его наказание. Его освобождение казалось невозможным.

АЛЕЗИУС СНОВА ЗАКЛЮЧЕН В ТЮРЬМУ.

Однако однажды в монастыре стало известно, что настоятель уходит и будет отсутствовать несколько дней. Каноники, немедленно поспешив к своему несчастному другу, вывели его из тюрьмы, вывели на свежий воздух и оказали ему самое нежное внимание. Постепенно его силы восстановились; он набрался смелости и однажды взялся за богослужение у алтаря. Но этот акт благочестия был внезапно прерван. Приор вернулся раньше, чем его ожидали; он вошел в церковь и увидел совершающего богослужение Алезию и капитул вокруг него. Кровь бросилась ему в лицо, и, без малейшего колебания прервав богослужение, он приказал увести узника от алтаря и снова бросить в его грязную темницу.^[145] Каноники, возмущенные этим приказом, поднялись со своих мест и заявили своему настоятелю, что прерывать богослужение незаконно. Затем Хепберн позволил Алезиусу продолжить службу, но как только она была закончена, он снова заключил его в то место, из которого его спасли коллеги.

Чтобы каноники больше не позволяли себе подобных вольностей, приор назначил смотрителем тюрьмы некоего Джона Хэя, жестокого и фанатичного священника, человека, который раболепно выполнял приказы своего хозяина. Каноники, друзья Алезию, не сомневались, что приор передал должность этому негодяю с намерением покончить с заключенным. Они сказали друг другу, что если они немедленно не осуществят его побег, то его лишат жизни. В тот же день, еще до того, как Хэй вступил в свой кабинет, первые ночные тени едва опустили свою вуаль на древний город, когда несколько человек тайно пробрались в подземелье. Им удалось, хотя и не без труда, проникнуть туда, где лежал пленник, и сказали ему, что Хэя назначили его сторожем и что, следовательно, ему нечего ждать, кроме ужасных пыток и верной смерти. Они добавили, что в отсутствие короля, несомненно, будет использована возможность избавиться от него, как это было в случае с Гамильтоном; и что поэтому он может спасти свою жизнь, только спасшись бегством и покинув Шотландию.^[146] Алезиус был в изумлении; бросить свою страну и друзей казалось ему крайностью. Он предложил сначала пойти к тем, с кем был наиболее тесно связан, чтобы посоветоваться с ними о том, что ему следует делать. "Будьте осторожны, не делайте этого, - ответили каноники. - немедленно уезжайте из страны, никому не сказав ни слова, потому что, как только приор обнаружит, что вас больше нет в вашей темнице, он пришлет всадников схватить вас на дороге или увезти из дома ваших друзей".

ЕГО ЛЮБОВЬ К ШОТЛАНДИИ.

Алезиус никак не мог решиться последовать этому совету. Мысль о том, чтобы попрощаться с Шотландией, возможно, навсегда, наполнила его глубочайшей печалью.^[147] Его мечтой было

посвятить всю свою энергию спасению своих сограждан и творить добро даже тем, кто причинил ему зло; и теперь он был обречен никогда больше не увидеть шотландских лиц, Эдинбурга, его долин, его высоких домов, его узких улочек, его замка Холируд, плодородных равнин Каледонии, ее низких холмов, покрытых пастбищами, ее вересковые пустоши, окутанные туманом, и его болотистые местности, однообразные и в то же время поэтичные, которые окружает мрачное море со своими водами, то печальными и тихими, то взволнованными яростью ветров. Все это ему пришлось бросить, хотя он любил их с детства. "Ах! - воскликнул он. - Что может быть дороже душам, родившимся счастливо, чем их родная земля?"[148] Но вскоре он исправился. "Церковь, - сказал он, - это родина христианина в гораздо большей степени, чем место, где он родился.[149] Несомненно, имя родной земли очень дорого человеку, но имя Церкви еще дороже." Он понял, что если он не уйдет, то с ним все кончено; и что если он все-таки уйдет, то может внести свой вклад, даже издали, в торжество истины на земле своих отцов и, возможно, вернется туда позже. 'Идите!' - повторили благородные каноники, которые любой ценой хотели бы спасти столь драгоценную жизнь. "Этого желают все честные люди". 'Хорошо, - сказал Алезиус, 'я подчиняюсь ярму необходимости; я пойду'. Каноники, у которых все было готово, немедленно тайно вывели его из монастыря, вывели за город и дали ему денег, необходимых для путешествия. Эти великодушные люди, менее продвинутые, чем их друг, в знании Священного Писания, понимали, что с его уходом они потеряют бесценное сокровище; но они думали скорее о нем, чем о себе — они старались рассеять его меланхолию и призывали его вспомнить прославленных мужей и святых, которые были вынуждены, подобно ему, бежать подальше от гнева тиранов. Наконец наступил торжественный момент прощания, и все они, глубоко тронутые мыслью о том, что, возможно, они никогда больше не встретятся, разразились слезами.[150] Они отдавали должное природе, ибо, как говорит Кальвин, "Совершенство верующих заключается не в том, чтобы отбросить все привязанности, а в том, чтобы лелеять их ради достойных целей".[151]

Была полночь. Алезиусу пришлось пройти пешком через север Файфшира, затем пересечь залив Ферт-оф-Тэй и направиться в Данди, откуда должен был отплыть корабль. Он отправился в путь один и бродил попалатам в густой темноте.[152] Он направился к Тэю, имея море на некотором расстоянии справа от себя; пересек Лейшар и прибыл в Ньюпорт, напротив Данди, где ему пришлось сесть на лодку, чтобы пересечь Ферт. Во время этого ночного путешествия его одолевали самые печальные мысли. "О! — сказал он себе, - какая жизнь, полная горечи, предлагается мне - оставить своих родственников и свою страну;[153] подвергаться величайшим опасностям до тех пор, пока не достигнешь корабля; лететь в чужие земли, где нет гостеприимного крова, готового принять меня; иметь в перспективе все невзгоды изгнания; жить среди чужих людей. народы, где у меня нет ни одного друга; быть призванным беседовать с людьми, говорящими на неизвестных языках; скитаться взад и вперед по Континенту в то время, когда на стольких бродяг, изгнанных из собственной страны за фанатичные или крамольные мнения, справедливо смотрят с подозрением. О, какие тревоги, какие горести!' Его душа упала в нем; но, подняв глаза ко Христу с полным доверием, он внезапно утешился и после грубого конфликта вышел победителем из испытания.[154]

Однако его опасения были слишком хорошо обоснованы. Как только буйный Хепберн узнал о побеге заключенного, он собрал несколько всадников и пустился в погоню за ним,[155] и достиг Данди, из порта которого, как он знал, отправлялось судно в Германию. Алезиус каждую минуту ожидал его появления. 'Как постыдно для сановника Церкви жестокость этого человека, '

сказал он! Какая ярость овладела им, когда он обнажил свой меч против меня! Каким страданиям он подверг меня и какими опасностями угрожал! Это настоящая трагедия!.."

БЕГСТВО АЛЕЗИЯ.

Утром Алезиус въехал в город Данди. Опасаясь, что в случае ареста он попадет в руки приора, он немедленно поднялся на борт корабля, который собирался отплыть; и капитан, который был немцем и, вероятно, протестантом, принял его очень любезно.^[156]

Приор и всадники, выехавшие из Сент-Эндрюса, немного позже прибыли в Данди и, сойдя с лошадей, отправились на поиски Алезиуса. Его нигде не было видно; судно уже вышло из порта. Приор, взбешенный тем, что его добыча ускользнула от него, должен был выместить свой гнев на ком-нибудь. 'Это вы, - сказал он гражданину, хорошо известному своей приверженностью Реформации, 'это вы снабдили каноника средством к бегству'. Этот человек отверг обвинение, и тогда проректор или мэр, сэр Джеймс Скримджер из Дорнлопа, признался приору, что он от всего сердца предоставил бы Алезиусу сосуд; и добавил: 'Я бы выделил ему необходимые средства для спасения его от опасностей, которым подвергла его ваша жестокость'. Скримджеры, глава которых был проректором Данди, составляли многочисленную и могущественную семью, связанную с несколькими другими благородными домами королевства. Они были не единственной семьей среди аристократии, благосклонно относившейся к Евангелию; несколько знаменитых домов с самого начала приветствовали Реформацию — Киркалди и Мелвиллы из Файфшира, Скримджеры и Эрскины из Ангуса, Форрестеры и Сэндиленды из Стирлингшира, Лотианы и другие. Приор, который вовсе не ожидал такого увещевания, какое он только что получил, вернулся в Сент-Эндрюс раздосадованный и разъяренный.

Пока корабль, на который сел Алезиус, плыл во Францию, беженец почувствовал собственную слабость и обрел силу в Господе. "О Боже, - сказал он, - ты вливаешь елей своего сострадания только в сосуд непоколебимого и сыновнего доверия.^[157] Я, несомненно, спустился бы к вратам ада, если бы вся моя надежда не была только на твою милость'. Корабль был в пути совсем недолго, когда яростно дувший западный ветер понес его на восток, загнал в пролив и вынудил сойти на берег в Мальмо, в Швеции, чтобы переоборудовать его. Шотландцы, поселившиеся в городе, с большой любовью встретили Алезия.^[158] Наконец он достиг Франции, пересек часть побережья этого королевства,^[159] затем отправился в Кельн, где был благосклонно принят архиепископом Германом, графом из Вид.

ГЛАВА VII.

В ШОТЛАНДИИ УМНОЖАЕТСЯ ЧИСЛО ИСПОВЕДНИКОВ ЕВАНГЕЛИЯ И МУЧЕНИКОВ.

(Конец 1531 - 1534 гг.)

Епископы Шотландии, казалось, торжествовали победу. Гамильтон был мертв, Алезиус в изгнании, и в королевстве больше не было слышно ни одного голоса евангелистов. Теперь они обратили свои мысли к уничтожению той гордой аристократии, которая предполагала, что функции государства принадлежат знати, а не священникам. Поместья графа Кроуфорда уже были конфискованы; графы Аргайл и Босуэлл и несколько других были заключены в тюрьму, а графу Мюррею, лорду Максвеллу, сэру Джеймсу Гамильтону и их друзьям были нанесены оскорбления.^[160] Архиепископ Глазго, канцлер Шотландии, пошел еще дальше; он лишил дворян их древней юрисдикции и учредил на ее месте *Коллегию правосудия*, состоящую исключительно из духовенства. Дворяне думали теперь только об освобождении Шотландии от ига духовенства и решили обратиться за помощью к Генриху VIII. Некоторые из них начинали даже испытывать интерес к тем скромным верующим-евангелистам, которые, как и они сами, были объектом ненависти священников. Однажды этот интерес способствовал триумфу Реформации. Было решено, что граф Босуэлл должен начать переговоры с Генрихом VIII., и это в то самое время, когда этот принц отделялся от Рима. Этот союз мог иметь большое значение.

БОСУЭЛЛ И НОРТУМБЕРЛЕНД.

Граф Нортумберленд находился тогда в Ньюкасле, которому король Англии поручил следить за делами на севере. Именно к нему обратился Босуэлл. Нортумберленд обратился к Генриху по этому поводу, и было решено, что два графа встретятся ночью в Дилстоне, местечке, почти одинаково удаленном от Ньюкасла и от шотландской границы. В середине долгой ночи 21 декабря 1531 года Босуэлл в сопровождении трех своих друзей прибыл в назначенное место, где его ожидал Нортумберленд.^[161] Они немедленно приступили к совещанию. Английский лорд был поражен умом, знаниями и утонченными манерами Босуэлла. "Поистине, - сказал он Генриху VIII, - я никогда в своей жизни не встречал такого приятного и красивого лорда". Босуэлл, возмущенный гордыней священников, сообщил об их поведении по отношению к Ангусу, Аргайлу и Мюррею. "Они и меня держали взаперти в Эдинбургском замке шесть месяцев, - сказал он, - и, если бы не вмешательство моих друзей, они предали бы меня смерти. Я знаю, что такая участь все еще надвигается на меня". Босуэлл добавил, что если король Англии избавит шотландскую знать от зла, которого у них были причины бояться, он сам (Босуэлл) готов присоединиться к Генриху VIII. с тысячей джентльменов и шестью тысячами латников. "Мы коронуем его через некоторое время, - добавил он, - в городе Эдинбурге".^[162] Разъяренные дворяне на самом деле предавались странным фантазиям: по их мнению, единственным лекарством от бед их страны был союз Шотландии с Англией под скипетром Генриха VIII. Шотландия в этом случае подчинилась бы реформе со стороны короля; но она была предназначена для других целей, и ее реформа должна была исходить от народа и осуществляться Словом Божьим.

У короля Англии не было недостатка в мотивах для вмешательства в Шотландию. Яков V только что заключил столетний союз с Карлом V, смертельным врагом Генриха VIII, и даже просил руки сестры императора, бывшей королевы Венгрии. Эта принцесса отказалась от брака, и император предложил Якову свою племянницу Доротею, дочь короля Дании.

Босуэлу удалось даже рассказать Нортумберленду на этом ночном совещании о еще более серьезных вещах. Тайный посол Карла V. По его словам, Петер фон Розенберг недавно был в Эдинбурге и в долгой беседе, которую он имел с королем в его личных апартаментах, пообещал ему, что император предоставит ему возможность до Пасхи принять титул *принца Английского* и

герцога Йоркского.[163] Римская партия, отчаявшись в Генрихе VIII, была готова передать корону его племяннику, королю Шотландии. Босуэлл добавил, что Джеймс, покидая конференцию, встретился с канцлером королевства и несколькими дворянами и поспешил сообщить им о великолепном обещании Карла V. Канцлер ограничился словами: "Молю Бога, чтобы я дожид до того дня, когда папа подтвердит это". Король ответил: "Только позвольте императору действовать; он будет усердно трудиться для нас". На трон Тюдоров должен был взойти не Яков V, а его внук.

Разработанный шотландскими дворянами проект подчинения Шотландии скипетру Англии оказалось не так просто осуществить, как они себе представляли. Священники, полагавшие, что они преодолели опасности, исходящие от реформы, обязались подобным же образом устранить те, которыми им угрожала знать. Но они ошибались, когда верили, что огонь, зажженный Словом Божиим, погас. Языки пламени внезапно взметнулись даже в тех местах, где их меньше всего ожидали увидеть.

АЛЕКСАНДР СИТОН.

Монах доминиканского ордена, ордена, столь преданного инквизиции, Александр Ситон, духовник короля — человек высокого роста, прямолинейный, находчивый и смелый даже до дерзости[164]— пользовался большим уважением при дворе. Состояние Церкви глубоко огорчало его, и поэтому, получив назначение проповедовать в Великий пост (1532 г.) в соборе Сент-Эндрюс, он мужественно решил проповедовать в этом шотландском Риме небесное учение, которое делало изгнанников и мучеников. Проповедуя перед большой паствой, он сказал: "Иисус Христос — это конец закона, и никто не способен своими делами удовлетворить божественное правосудие. Только живая вера, опирающаяся на милость Божию во Христе, может обеспечить грешнику отпущение грехов. Но в течение скольких лет закон Божий, вместо того чтобы добросовестно преподаваться, был омрачен человеческими традициями?" Люди были поражены этой речью: некоторые недоумевали, почему он ни словом не обмолвился о паломничествах и других достойных подвигах; но сами священники побоялись подать на него жалобу. "Он духовник короля, - сказали они, - и пользуется благосклонностью как принца, так и народа".[165]

В отсутствие Ситона после Великого поста архиепископ и духовенство набрались смелости, осудили доктрину, которую он проповедовал, и назначили другого доминиканца опровергнуть его. Ситон немедленно вернулся из Данди, куда он ездил, приказал зазвонить в соборные колокола и, взойдя на кафедру, повторил с еще большей энергией и ясностью то, что сказал ранее. Затем, вспомнив все, каким должен быть епископ, согласно святому Павлу, он спросил: "Где можно найти таких епископов в Шотландии?" Узнав об этой речи, примас вызвал его к себе и упрекнул за утверждение, что епископы - всего лишь бессловесные собаки. Ситон ответил, что это необоснованное обвинение. "Ваш ответ меня вполне устраивает", - воскликнул Битун. Но свидетели подтвердили свои показания. "Это лжецы," снова сказал королевский духовник архиепископу. "Подумайте, какие уши у этих ослов, которые не могут разобрать Павла, Исайю, Захарию и Малахию, а также брата Александра Ситона. На самом деле, милорд, я сказал, что Павел говорит, что епископу подобает быть учителем. Исайя сказал, что те, кто не пасет стадо, бессловесные псы. А Захария говорит, что они праздные пастыри. Я от себя лично ничего не утверждал, но провозгласил то, что прежде провозгласил Дух Божий".

БЕГСТВО СИТОНА.

Битун не колебался: этот смелый проповедник, очевидно, подносил ко рту трубу Гамильтона и Алезиуса. Примас взялся за получение полномочий от короля для возбуждения дела против своего духовника, и это оказалось более легкой задачей, чем он предполагал. Ситон, как и Иоанн Креститель, не боялся навлечь на себя неудовольствие короля и упрекнул его враспущенности. Джеймс тогда ничего не сказал, думая, что исповедник всего лишь выполняет свой долг. Но когда он увидел архиепископа, осуждающего Ситона, "Ах", - сказал этот молодой принц, предавшийся разгульной жизни,^[166] 'Я знаю больше, чем вы, о его дерзости'; и с тех пор он проявлял большую прохладу по отношению к Ситону. Последний, поняв, какая участь его ожидает, покинул королевство и укрылся в Бервике. Это было примерно через два года после Великопостной проповеди, произнесенной им в 1532 году.

Он не бездействовал. У него был последний долг перед своим господином королем. 'Епископы вашего королевства, - писал он ему, - выступают против нашего учения Евангелию Христа. Я предлагаю предстать перед вашим величеством и убедить священников в заблуждении.'^[167] Поскольку король не дал ему ответа, Ситон отправился в Лондон, где стал капелланом герцога Саффолка, шурина Генриха VIII., и красноречиво проповедовал перед большой аудиторией.

Королю Англии было достаточно приятно принимать друзей Евангелия, изгнанных из Шотландии. Один священник, более просвещенный, чем остальные, Эндрю Чартерис, назвал своих коллег детьми дьявола; и он сказал вслух: Если кто-нибудь заметит их хитрость и лживость и обвинит их в нечистоте, они немедленно обвинят его в ереси. Если бы сам Христос был в Шотландии, наши отцы-священники обрушили бы на него больше позора, чем это делали сами евреи в старые времена.' Генри пожелал увидеть этого человека, долго беседовал с ним и остался им очень доволен. "Воистину, - сказал ему король, - очень жаль, что тебя когда-либо сделали священником".^[168]

Теперь духовенство избавилось от Гамильтона, Ситона и Алезиуса, но, тем не менее, они были встревожены, потому что знали, что Священное Писание находится в Шотландии. Поэтому в каждом приходе было объявлено, что 'запрещается продавать или читать Новый Завет'. Все экземпляры, найденные в магазинах, было приказано сжечь.^[169] Алезиус, находившийся в то время в Германии, был сильно огорчен и решил выступить.

ПИСЬМО АЛЕСИЯ.

'Я слышал, сир, ' писал он королю, ' что епископы отгоняют души от пророчеств Христа. Могли ли турки сделать что-нибудь хуже? Существовала бы ли мораль независимо от Священного Писания?^[170] Была бы религия сама по себе чем-то иным, кроме определенной дисциплины общественных манер? Таково учение Эпикура; но что станет с Церковью, если епископы будут распространять эпикурейские догмы? Бог предписывает, чтобы мы слушали Сына не как врача, философствующего о теории морали, а как пророка, открывающего святыни, неизвестные миру. Если епископы будут способствовать наложению самых суровых наказаний на тех, кто слышит его слово, знание об Иисусе Христе исчезнет, и люди усвоят языческие взгляды.'^[171]

' Светлейший король, не поддавайтесь этим нечестивым советам! Те, кто достиг совершеннолетия, младенчество и грядущее поколение, объединяйтесь, умоляя вас сделать это. Мы наказаны, мы преданы смерти.... Эврибиад из Спарты, главнокомандующий, в ходе дебатов поднял свой посох против Фемистокла, запретив ему говорить, афинянин ответил: "Бей,

но слушай!" Мы скажем то же самое. Мы будем говорить, ибо только Евангелие может укрепить души среди бесконечных опасностей настоящего времени".

Ни король, ни священники не ответили на *Письмо Алезия*; но известный немец Кохлей, противник Лютера, попытался убедить Якова V. не обращать внимания на эту речь. "Сир, - писал он ему, - бедствия, которые Новый Завет, распространяемый Лютером, обрушил на Германию, настолько велики, что епископы, уводя своих овец с этого смертоносного пастбища, показали себя верными пастырями. Неисчислимые суммы были выброшены на печатание ста тысяч экземпляров этой книги. Итак, какую выгоду извлекли из этого его читатели, если только это не преимущество быть брошенным в тюрьму, быть изгнанным и подвергаться другим невзгодам? Указа недостаточно, сир; необходимо действовать. Епископ Тревский приказал выбросить Новый Завет в Рейн, а вместе с ним и книготорговцев, которые им торговали. Этот пример напугал других, и, к счастью, это так, ибо эта книга - Евангелие сатаны, а не Иисуса Христа".^[172] Это была модель, предложенная королю Джеймсу.

В то же время римская партия пыталась поссорить Шотландию с Англией, и Джеймс уже участвовал в нескольких стычках. Однажды под предлогом охоты он отправился с "небольшой компанией" из *трехсот человек* в поместья, владение которыми оспаривал его дядя.^[173] Вскоре после этого четыреста шотландцев вторглись в Марши (пограничные районы) на рассвете и уносили то, что они там нашли. Нортумберленд дал им отпор и предал смерти пленных, которые попали к нему в руки. Шотландцы захватили и сожгли несколько английских городов; англичане вторглись в Шотландию и разорили ее города и сельские районы. Король Шотландии, запуганный, обратился к папе римскому и королю Франции и изо всех сил взывал о помощи. И тогда, чтобы одновременно угодить священникам, папе римскому и Франциску I., он последовал совету Кохлеуса; за исключением того, что в Шотландии огонь на костре был заменен водами Рейна.

ГЕНРИ ФОРРЕСТ.

Молодой монах по имени Генри Форрест, служивший в бенедиктинском монастыре в Линлитгоу, человек одинаково острый в своих симпатиях и антипатиях, был тронут словами Гамильтона и повсюду громко выражал свое сожаление по поводу смерти этого молодого родственника короля, называя его мучеником. Этот монах был вскоре осужден за еще более тяжкое преступление: он читал Новый Завет. Архиепископ заключил его в тюрьму Сент-Эндрюс. Однажды к нему пришел монах (посланный прелатом) с целью, по его словам, утешения; и, предложив исповедать его, он хитрыми вопросами заставил молодого бенедиктинца высказать ему все, что он думает об доктринах Гамильтона. Форрест был немедленно приговорен к передаче светским властям для смертной казни, и было созвано духовное собрание с целью унижить его. Едва юный друг Евангелия переступил порог, за которым заседало собрание, как, увидев архиепископа и священников, выстроившихся в круг перед ним, он понял, что его ожидает, и воскликнул голосом, полным презрения: 'Тьфу на ложь! тьфу на лжебрахов, разоблачителей исповеди!'^[174] Когда один из клерков подошел к нему, чтобы унижить его, бенедиктинец, уставший от такого вероломства, воскликнул: "Прими от меня не только свои собственные ордена, но и свое собственное крещение". По словам историка, он имел в виду суеверные обычаи, которые Рим привнес в институты Господа. Эти слова еще больше раззадорили собрание. 'Мы должны сжечь его, - сказал примас, - чтобы утешить остальных'. Простодушный и откровенный человек, находившийся рядом с Битуном, сказал ему с иронией в

голосе: 'Милорд, если вы сожжете его, позаботьтесь о том, чтобы это было сделано в пещере, ибо дым от костра Гамильтона заразил ересью всех, кто уловил его запах'.

Этот совет не был принят. К северу от Сент-Эндрюса, в графствах Форфар и Ангус, жило очень много людей, которым нравился Новый Завет, привезенный из Германии. В этом районе до сих пор существуют деревня с названием *Лютермур*, *поток Лютера*, впадающий в Северный Эск, *мост Лютера* и *Мельница Лютера*.^[175] Преследователи Форреста решили воздвигнуть его погребальный костер в такой ситуации, чтобы население Форфара и Ангуса могло увидеть пламя,^[176] и таким образом узнать об опасности, которая угрожала им, если они попадут в Протестантизм. Поэтому костер был установлен к северу от церкви аббатства Сент-Эндрюс, и огонь был виден в тех районах севера, которые впоследствии стали носить имя Лютера. Генри Форрест был вторым мучеником Шотландии.

ДЭВИД СТРЕЙТОН.

Вскоре после этого в том же районе появился тот, кому суждено было стать третьим, кто отдал свою жизнь за Реформацию в Шотландии. Небольшое загородное поместье, расположенное на морском побережье недалеко от устья Норт-Эска, было населено одним из стрейтонов Лористона, семьей, которая владела поместьем с таким названием с шестого века. Члены этой семьи по большей части отличались высоким ростом, физической силой и энергией характера. Дэвид, младший сын (старший проживал в замке Лористон), человек, достойный своих предков, отличался грубыми манерами и упрямым нравом. Он проявлял большое презрение к книгам, особенно к религиозным, и находил главное удовольствие в том, чтобы спускать свою лодку в море, распускать паруса по ветру, забрасывать сети и бороться рука об руку с ветрами и волнами. Вскоре ему пришлось ввязаться в борьбу другого рода. Настоятель Сент-Эндрюса Патрик Хепберн, впоследствии епископ Мюррея, очень скупой человек, услышав, что Дэвид добился больших успехов в рыбной ловле, потребовал десятину со своей рыбы. 'Скажи своему хозяину,' сказал гордый джентльмен, 'что, если он хочет получить это, он может прийти и взять это на месте'. С тех пор каждый день, закидывая сети, он восклицал рыбакам: "Заплатите десятину приору Сент-Эндрюса", - и мужчины тут же выбрасывали каждую десятую рыбу в море.

Когда приор Сент-Эндрюса услышал об этом странном методе удовлетворения своего требования, он приказал викарию Эглесгрега отправиться за рыбой. Викарий ушел; но как только грубый джентльмен увидел, что священник и его люди принялись за работу без всяких церемоний с их стороны, он бросил ему рыбу, да так резко, что несколько рыб упали в море.^[177]

Затем настоятель возбудил дело против Стрейтона по обвинению *впреступлении ереси*. Никогда еще совет не применял это название к способу человека платить десятину. Неважно; слово "*еретик*" в то время внушало такой ужас, что мужественный джентльмен начал сдаваться; его гордость была смирена, и, исповедуясь в своих грехах, он почувствовал потребность в прощающем Боге. Поэтому он искал всех, кто мог бы рассказать ему о Евангелии или прочесть его ему, потому что сам он читать не умел.

Недалеко от его жилища находился замок Дан, лорд которого, Джон Эрскин, мэр Монтроуза, потомок графов Мар, окончил несколько университетов в Шотландии и за рубежом и был обращен в евангелическую веру.

"Бог, - говорит Нокс, - чудесным образом просветил его'. Его замок, в котором были услышаны слова пророков и апостолов, всегда был открыт для тех, кто жаждал истины; и поэтому евангельские христиане по соседству часто встречались там. Эрскин заметил перемену, происходившую в душе его грубого соседа; он пошел навестить его, поговорил с ним и призвал изменить свою жизнь. Стрейтон вскоре стал постоянным посетителем собраний в замке, "и он, - говорит Нокс, - преобразился словно чудом".[178]

У его племянника, молодого барона Лористона, был Новый Завет. Стрейтон часто ходил в замок, чтобы послушать чтение отрывков из Евангелий. Однажды дядя и его племянник вышли вместе, побродили по окрестностям, а затем уединились в уединенном месте, чтобы почитать Евангелия. Молодой лэрд выбрал десятую главу Евангелия от Матфея. Стрейтон слушал так внимательно, как будто Господь обращался к самому себе с речью, о которой там сообщается. Когда они дошли до этого заявления Иисуса Христа: "Всякий, кто отречется от Меня перед людьми, от того отрекусь и Я перед Отцом Моим Небесным", Стрейтон, взволнованный и пораженный, упал на колени, простер руки вверх и долгое время обращал смиренный и серьезный взор к небу, но при этом ничего не говорил; казалось, он был в экстазе.[179] Наконец, не в силах больше сдерживать переполнявшие его чувства, он воскликнул— 'Я был грешен, о Господи, и Ты был бы справедлив, если бы лишил меня своей благодати! Тем не менее, ради твоего милосердия, пусть страх боли или смерти не заставит меня когда-либо отрицать тебя или твою истину".[180] С тех пор он стал ревностно служить учителю, чью могущественную любовь он испытывал. Мир представлялся ему безбрежным морем, полным движения, по которому людей всегда грубо швыряет, пока они не войдут в гавань Евангелия. Рыбак стал ловцом людей. Он призывал своих друзей и знакомых искать Бога и твердо отвечал священникам. Однажды, когда они убеждали его совершить несколько благочестивых дел, которые избавят от чистилища, он ответил: 'Я не знаю ни о каком другом чистилище, кроме страстей Христовых и невзгод этой жизни'. Стрейтона увезли в Эдинбург и бросили в тюрьму.

Был еще один шотландец, Норман Гурли, который после принятия священного сана путешествовал по континенту и там был просвещен словом Евангелия. Убежденный в том, что "брак во всем почетен", Гурли женился по возвращении в Шотландию; и когда священник напомнил ему о запрете Рима, "папа, - ответил он, - не епископ, а антихрист, и у него нет юрисдикции в Шотландии".

26 августа 1534 года этих двух слуг Божьих ввели в зал аббатства Холируд. Судьи сидели, и вместе с ними король, который, одетый в красное с головы до ног, казалось, был там для того, чтобы помогать им. Иаков V. настаивал на том, чтобы эти два убежденных христианина отреклись от своих доктрин. "Отрекитесь; сожгите свой счет", [181] он сказал им; но Стрейтон и Гурли предпочли, чтобы их самих сожгли. Король, растроганный и уступивший, охотно простил бы их; но священники заявили, что у него нет на это полномочий, поскольку эти люди были осуждены Церковью. Во второй половине дня 27 августа огромную кучу засветился на суммунит холма Калтон, для того, что пламя может быть видна на большом расстоянии; и огонь пожрал этих двух знатных христиан. Если впоследствии Реформа была так сильна в Шотландии, то только потому, что семя было священным.

Однако сделано было еще недостаточно. Считалось, что вся эта ересь исходит от Гамильтона; следовательно, его семья должна быть стерта с шотландской земли. Но сэр Джеймс, добродушный человек, честный судья и любитель Евангелия, несмотря на все это, был не в том

настроении, чтобы позволить сжечь себя, как его брата. Итак, получив однажды приказ предстать перед трибуналом, он немедленно обратился к королю, который в частном порядке велел ему неявляться. Поэтому сэр Джеймс покинул королевство; затем он был осужден, отлучен от церкви, сослан и лишен своих поместий, и почти десять лет прожил в Лондоне в крайней нужде.

СУД НАД КЭТРИН ГАМИЛЬТОН.

Его сестра Кэтрин была одновременно добросердечной шотландкой и убежденной гугеноткой. Она не сбежала, а явилась в Холируд в присутствии церковного трибунала и самого короля. ‘Какими средствами, - спросили они ее, ‘ ты ожидаешь спастись?’ — ‘Верой в Спасителя, - ответила она, - а не делами’. Затем один из канонистов, мастер Джон Спенс, пространно сказал— ‘Необходимо проводить различие между различными видами работ. Во-первых, есть произведения *конгруэнтности*, во-вторых, есть произведения *достоинства*. Труды праведников относятся к этой последней категории, и они заслуживают жизни *ex condigno*. Есть также *благочестивые* дела; затем дела *сверхзадачи*’; и он объяснил в схоластических терминах, что означают все эти выражения. Эти странные слова прозвучали в ушах Кэтрин как звук фальшивого баса (*faux-bourdon*). Устав от этой богословской болтовни, она разволновалась и воскликнула— ‘Работает здесь, работает там.... Что означают все эти работы?... Есть только одна вещь, которую я знаю с уверенностью, и это то, что никакая работа не может спасти меня, кроме работы Христа, моего Спасителя’. Доктор сидел пораженный и ничего не отвечал, в то время как король тщетно пытался скрыть приступ смеха. Ему не терпелось спасти Кэтрин, и он сделал ей знак подойти к нему; затем он умолял ее заявить суду, что она уважает Церковь. Екатерина, которой никогда и в голову не приходило поднимать бунт против высших сил, разрешила королю говорить все, что он пожелает, и удалилась сначала в Англию, затем во Францию. Вероятно, она вошла в семью своего мужа,^[182] который при жизни был французским офицером в свите герцога Олбани.

Но эти наказания и изгнания не положили конец шторму. Несколько других евангельских христиан также были вынуждены в то время покинуть Шотландию. Гавин Логи, каноник Сент-Эндрюса и главный регент колледжа Святого Леонарда, в котором Патрик Гамильтон пользовался таким сильным влиянием, до такой степени распространил принципы Священного Писания среди студентов, что люди привыкли говорить, когда хотели дать вам понять, что кто-то является евангельским христианином: ‘Он пил из колодца Святого Леонарда’. Логи покинул Шотландию в 1534 году. Джонстон, эдинбургский адвокат, Файф, друг Алезиуса, М'Элпайн и несколько других были вынуждены отправиться в изгнание в то же время. Последний из названных, известный на континенте под именем Маккавей, завоевал расположение короля Дании и стал профессором Копенгагенского университета.

ГЛАВА VIII.

КОРОЛЬ ШОТЛАНДИИ ПОРЫВАЕТ С АНГЛИЕЙ И ВСТУПАЕТ В СОЮЗ С ФРАНЦИЕЙ И ГИЗАМИ.

(1534–1539.)

ПОРВАТЬ С АНГЛИЕЙ.

Несмотря на литературные и либеральные притязания Франциска I., ультрамонтанский дух, казалось, был уверен в триумфе во Франции. Несомненно, существовали более свободные и святые устремления, но некоторые епископы были более папистскими, чем папа римский, и короли сочли удобным проявлять большую снисходительность к распущенности духовенства при условии, что оно в свою очередь протянет руку помощи в поддержку их деспотизма. Поэтому священники Шотландии удвоили свои усилия, чтобы поссорить Якова с его дядей из Англии и заключить союз со старшей дочерью папства.

Генрих VIII, принявший в свои владения многих изгнанников, изгнанных из собственной страны, был встревожен, увидев, как его племянник бросился в объятия римского понтифика. В интересах Англии было, чтобы Шотландия не избрала курс, противоположный ее собственному: в то же время вся Великобритания должна была отказаться от власти папы римского. Тюдору не терпелось достичь этой цели, и он задумал выдать свою дочь Марию замуж за короля Шотландии; и чтобы постепенно добиться примирения, он решил послать в Шотландию лорда Уильяма Говарда. Для этого у него были составлены во всех подробностях инструкции следующего содержания:[\[183\]](#)—Сначала после вашего прибытия ко двору короля, моего племянника, вы передадите ему от нашей стороны самые дружеские приветствия, поблагодарите его за благородный подарок в виде соколов и заверите его, что кровные узы, которые нас объединяют, заставляют меня радоваться каждой удаче, которая выпадает мне. постигает его. Затем вы каким-либо образом потренируетесь с лордом-казначеем, чтобы получить мерку особы короля, и добьетесь, чтобы для него сшили самую богатую и элегантную одежду, какую только возможно, у портного, который будет у вас под рукой для этой цели. Тогда вы скажете ему, что я очень хочу переговорить с ним.

Генрих VIII, полный ненависти к папству и желающий видеть, как другие королевства укрепляют его позиции, следуя его примеру, призвал своих ближайших соседей основать, как это сделал он, национальные церкви, не признающие никакого другого главы, кроме короля. Он видел, что его усилия потерпели неудачу во Франции, и еще больше желал добиться успеха в Шотландии. Как дядя короля, задача казалась ему легкой. Для достижения этой цели он был полон решимости использовать все средства, и среди прочего он стремился завоевать расположение короля с помощью изысканной одежды, сшитой по лондонской моде. В то же время он прислал ему несколько книг против узурпированной власти папы римского.

ПОСОЛЬСТВО ДОКТОРА БАРЛОУ

В октябре доктор Барлоу, приор Бишема, один из королевских советников, "человек, достаточно осведомленный, - писал Генрих Джеймсу, - в вопросах, связанных с некоторыми великими и весомыми делами",[\[184\]](#) прибыл в Шотландию, и вдовствующая королева Маргарет добила от него частной беседы со своим сыном.[\[185\]](#) Сторонники папы сразу же подняли тревогу и заклинали Джеймса не читать книг, написанных Генрихом VIII. они были посланы ему; в них описывались неслыханные опасности, которым он подвергнет свою личность, свою корону и свое королевство, следуя примеру своего дяди. Они воспользовались этим, и Яков приказал написать ответ Кромвелю, в котором говорилось, что, несомненно, не будут упущены никакие средства для укрепления уз дружбы между двумя государями; но что в Шотландии не

может быть согласия с королем Англии *"во мнениях относительно власти папы римского и киркмена"*.^[186] "Здесь, - писал Барлоу Кромвелю, - множество священников самых разных религий, множество монахов, стекающиеся группы монахов, но среди всего этого множества нет ни одного, кто искренне проповедует Христа".

"Для меня уход будет не более неприятен, - писал он 23 мая 1536 года, - чем для Лота уход из Содомы".^[187]

Генрих не был обескуражен и послал лорда Уильяма Говарда во второй раз, в феврале 1535 года. На торжественном заседании, которое проходило в Холируде с большой помпой, Говард вручил Якову V. В одно и то же время орден Подвязки, который уже получили Карл V., Франциск I. и король Фердинанд, и декларацию, касающуюся церковного превосходства. Король принял приказ с уважением и передал декларацию своим епископам, чтобы те делали с ней все, что пожелают.^[188] Напрасно Генрих намекнул Джеймсу на перспективу сесть на английский трон, женившись на его дочери Марии; священники, и особенно Битун, получили отказ от предложений, от которых они не ожидали ничего, кроме зла. Они представляли ему риск, которому он подвергнется, если отправится в Лондон и отдаст свою голову в распоряжение такого вероломного и жестокого принца; и какое восхищение было бы у потомков по отношению к нему, если бы в то время, когда вся Европа угрожала Церкви, он остался верен вере своих предков.

Среди шотландского народа были искренние стремления к Евангелию, но в этой стране, как и во Франции, священство и правительство насильственно подавляли их. Чем больше государство отделялось от папы римского на юге Британии, тем больше оно цеплялось за него на севере. Король, ставший теперь прямым орудием духовенства, потребовал от парламента проконтролировать прогресс, которого, по-видимому, достигла Библия в Шотландии; и 8 июня этот орган, ужесточив прежние законы, постановил, что всякий, у кого есть Новый Завет, должен передать его своему епископу под страхом конфискации и тюремного заключения, и что всеобсуждения *о религиозных взглядах* были запрещены. Однако он разрешил *школьным клеркам читать эту книгу, чтобы они могли более эффективно бороться с ее приверженцами*. Поэтому многие священники, монахи и студенты читали Новый Завет; но это чтение произвело совершенно противоположный эффект, поскольку побудило их принять Евангелие и защищать его. Это не могло не раздражать короля и его священников и еще больше заставляло их чувствовать необходимость союза с какой-нибудь ультрамонтанской силой. Обращение церковника, который через свою семью был связан со двором, особенно привлекло их внимание.

ТОМАС ФОРРЕСТ.

На небольшом острове в заливе Ферт-оф-Форт, недалеко от Эдинбурга, стояло древнее аббатство Святого Колма, построенное по канонам августинцев. Среди них выделялся сын хозяина конюшен короля Якова IV. Его звали Томас Форрест, и его не следует путать с бенедиктинцем Генри Форрестом, о котором мы уже говорили. Между настоятелем и канониками вспыхнула ссора; последние, чтобы подкрепить свои претензии, наложили арест на документы об основании монастыря. Вошел аббат, резко отругал их, забрал книгу и дал им вместо нее старый фолиант святого Августина. Каноники презрительно повернулись к книге спиной и разошлись по своим кельям.

Форрест, оставшись один, взглянул на книгу. Его заинтересовал труд великого Августина. Он взял его в свою келью, прочитал и вскоре смог сказать вместе с епископом Гиппона— ‘То, что предписывает устройство дел, совершается устройством благодати. О счастливая и благословенная книга! - часто говорил он. - Бог использовал тебя, чтобы просветить мою душу’.[189] Святой Августин привел Форреста к Евангелию, и он вскоре поведал своим братьям о сокровище, которое он нашел в трудах этого Отца и в Новом Завете. Пожилые люди затыкали уши. "Увы, - сказал сын королевского главного конюха, - в *старые* бутылки не влезет *новое* вино".[190] Старые каноники пожаловались аббату, и аббат сказал Форресту: ‘Позаботься о своем собственном спасении, но говори так, как говорят другие люди’.

‘Прежде чем я отрекусь,’ ответил он, приложив руку к груди, - это тело будет сожжено, и ветер развеет его пепел’. Аббат, желая избавиться от этого новатора, подарил ему долларовый приход.

Форрест был одним из тех людей, которые принимают благодать, предлагаемую им, не только с любовью, но и с неистовой порывистостью. В то время как многие спали, он энергично шел вперед, чтобы завоевать царство Божье. В нем были те чудесные порывы, та великая серьезность, которые в Евангелии обозначены изречением: ‘жестокий берет это силой’. Раньше он занимался с шести утра до полудня: каждый день заучивал по три главы из Библии, во второй половине дня навещал семьи, наставлял своих прихожан и старался привести души к Богу. Когда он возвращался вечером в свой дом викария, утомленный своими трудами, он обычно говорил своему слуге: "Пойдем, Эндрю", и, усадив его рядом с собой, благочестиво декламировал три главы Слова Божьего, которые он выучил утром, надеясь таким образом запечатлеть их в своей памяти и запечатлеть в душе своего слуги.[191] Группа монахов вторглась в его приход, чтобы продавать там индульгенции, и Форрест взошел на кафедру и сказал, подобно Лютеру: ‘Вы не можете получить прощение своих грехов ни от папы римского, ни от любого сотворенного существа в мире, но только кровью Иисуса Христа’.

ФОРРЕСТ И ЕПИСКОП.

Его враги поспешили донести на него епископу Данкельда, призывая его прекратить столь странное поведение. ‘Радость моя, дин Томас,’ сказал ему епископ, - мне сказали, что вы проповедуете каждое воскресенье. Это уж слишком. Послушайтесь моего совета и не проповедуйте, пока не найдете какое-нибудь хорошее Евангелие или какое-нибудь хорошее послание, утверждающее свободу Святой Церкви’. — ‘Милорд, - ответил Форрест, - я бы хотел, чтобы ваша светлость также проповедовала каждое воскресенье’. "Нет, нет, дин Томас, — встревоженно сказал епископ, - пусть будет так". - "В то время как ваша светлость велит мне проповедовать, - продолжал Форрест, - когда я нахожу какое-нибудь *доброе* послание или *доброе* Евангелие, воистину, милорд, я прочитал Новый Завет и Ветхий, все Евангелия, и среди всего этого я никогда не смог бы найти злого послания или злого Евангелия; но если ваша светлость укажет мне доброе и злое, я сделаю это". проповедуйте первое и пренебрегайте вторым.’ Епископ, все больше и больше пугаясь, воскликнул изо всех сил:[192] "Слава Богу, я никогда не знал, что такое Ветхий и Новый Завет, и я не хочу знать ничего, кроме своего *португальского* и мой *понтификал*!"

На данный момент Форрест избежал смерти. Высказывание епископа распространилось по Шотландии, и люди долгое время говорили любому невежественному человеку: *"Ты подобен епископу Данкельдена, который не знал ни нового, ни старого закона"*.^[194]

Недовольство народа духовенством продолжало расти, и на провинциальном совете, собравшемся в Эдинбурге в марте 1536 года, сэр Джеймс Гамильтон от имени короля потребовал различных реформ. Люди из кирки были возмущены. "Никогда еще они не были так недовольны", - сказал Ангус.^[195]

Монахи в тревоге начали нападать на Реформацию со своих кафедр.

Епископ Барлоу, английский посланник, счел момент благоприятным для проведения реформ в Шотландии. 'Если я смогу получить разрешение короля, ' писал он Кромвелю, тогдашнему первому государственному секретарю Генриха VIII, - в противном случае мне не позволять проповедовать, я не пощажу себя ни за что, чтобы смело распространять среди них истину Слова Божьего. При этом, хотя духовенство будет роптать, все же многие миряне с радостью послушают. И до тех пор, пока Слово Божье не будет насаждено среди них, я полагаю, что их надуманные обещания в конце концов будут признаны невыполненными без какого-либо реального эффекта".^[196]

Казалось, что надежды англиканского епископа начинают сбываться. Ходили слухи, что король Шотландии, оскорбленный тем приемом, который его требования встретили в совете, собирался провести совещание со своим дядей. Прелаты считали, что если этот проект будет осуществлен, то они будут уничтожены. "Прошу вас, - сказали они королю, - не позволяйте королю Англии произнести ни единого слова, чтобы побудить вас принять его новые конституции Священного Писания".^[197] Джеймс хотел и не хотел: но он уступил, и от интервью с ужасным Тюдором отказались. Но епископы еще не избавились от своей тревоги; они опасались влияния английских послов и королевы-матери и опасались, что в другой раз они могут оказаться недостаточно сильными. Чтобы утвердить принца в его решимости, они разработали план, как заставить его запросить у папы краткое указание *запретить* ему поддерживать связь с Генрихом VIII. Томпсону, апостольскому протонотарию, было тайно поручено выполнение этой странной миссии, и священники сочли отличным ходом попросить короля Англии выдать этому агенту паспорт, тщательно скрыв от него цель миссии. Генри, несколько не заподозривший неладного, согласился на их просьбу, и эти хитрые клерки могли вместе посмеяться над их ничтожной уловкой. Но королева-мать, когда ей стало известно обо всех этих интригах, резко упрекнула своего сына. Чувствительный и вспыльчивый, какими часто бывают слабые люди, Джеймс забыл всякое уважение и обвинил свою мать в том, что она принимала подарки от короля, своего брата, чтобы предать короля, своего сына. Маргарет с негодованием заявила, что вернется в Лондон,^[198] и два английских посланника ускорили свой отъезд из Шотландии. Шотландское духовенство было очень встревожено проектом Генриха VIII. выдать свою дочь Марию за своего племянника; но дочь Екатерины Арагонской не испытывала бы недостатка в покорности папе. Клерикальная партия, преуспев в разжигании ссор в королевской семье, между матерью и сыном, между дядей и племянником, и стремясь навсегда сделать невозможным предполагаемый союз, намекнула молодому принцу, что старшая дочь короля Франции, невестка Екатерины Медичи, была бы для него гораздо более славным и выгодным союзом. Этот план понравился Джеймсу, и когда разнесся слух, что император собирается вторгнуться во Францию, король Шотландии, чтобы завоевать

расположение отца невесты, которого он желал, предложил ему помощь своей армией.[199] Затем он отплыл 1 сентября на шести судах в сопровождении свиты из пятисот человек, все благородного происхождения. Через десять дней он добрался до Дьеппа,[200] и, не посоветовавшись с мнением своего дяди, он попросил и получил руку мадам Мадлен, которая была очень нежно воспитана своей тетей, Маргаритой Валуа.[201] Шотландские священники ликовали, потому что, по их мнению, этот союз с Францией имел тенденцию укреплять папство в Шотландии; но их радость была преждевременной. Короли Франции начали проявлять чувство превосходства по отношению к Шотландии, что было оскорбительно для гордой, хотя и маленькой нации. Гораздо хуже было потом, когда Генрих II, король Франции, женив своего сына на Марии Стюарт, потребовал, чтобы принцесса подписала контракты, унижительные для древней Каледонии.

MADELEINE DE VALOIS.

Джеймс нашел в Мадлен совершенную принцессу. Здоровье у нее было слабое, но сердце добродетельное, а душе не чуждо благочестие ее тети. Каким великим приобретением для Реформации было бы, если бы на троне Шотландии восседала королева, любящая Слово Божье! Джеймс вместе со своей молодой женой отправился во флот из семнадцати парусников. Добравшись до Лейта, любезная королева, отличавшаяся благородной осанкой, хотя и нездоровым видом, ступила на сушу, преклонила колени на берегу и, взяв горсть шотландского песка, поцеловала его с глубоким чувством и попросила Божьего благословения на своего любимого мужа и на свою новую страну. Мадлен была принята в Эдинбурге народом и знатью с большим энтузиазмом; но церковники, более информированные, чем они были вначале, были встревожены и боялись, что эта принцесса распространит вокруг себя евангелические взгляды сестры Франциска I. Шотландии это счастье не уготовано. Цветок, пересаженный в этот суровый климат, увял и опал. 2 июля [1537] королева испустила последний вздох. Все, кто ее знал, за исключением священников, глубоко сожалели о ней. Бьюкенен, пораженный такой славой и такой скорбью, сочинил ей эпитафию в латинских стихах следующего содержания: 'Я была женой короля, дочерью короля, племянницей короля, и, согласно моему желанию и моей надежде, я должна была стать матерью короля. Но жестокая смерть, не желая, чтобы я стоял на высочайшей вершине чести, которой может достичь смертное создание, уложила меня в эту могилу еще до того, как забрезжил тот светлый день".[202]

ВТОРОЙ БРАК ЯКОВА V.

Прелаты немедленно начали вести переговоры о другом французском браке, но таком, который в то же время должен был стать тем, чего не было в первом, — римским браком. Они не собирались сдаваться во второй раз. Пылкий Дэвид Битун, племянник примаса, сопровождавший короля в Париж, вернулся во Францию сразу после смерти молодой королевы, чтобы добиться для Якова V. нового союза, приемлемого для священников. Давид, которого очень любили при дворе Сен-Жермена, был назначен Франциском I епископом Мирепуа, а впоследствии, благодаря его вмешательству, стал кардиналом. Вся его жизнь должна была быть посвящена борьбе с Евангелием в Шотландии. Теперь для этого ему нужна была фанатичная королева, и найти такую было нетрудно.

В то время при французском дворе жила семья, которая начинала прославляться своим рвением к папству. Клод де Лоррен, герцог де Гиз, который женился на Антуанетте де Бурбон, отличился несколько раз, и особенно в битве при Мариньяно. Окруженный шестью сыновьями

и четырьмя дочерьми, он основал могущественный дом, который в более поздний период был близок к тому, чтобы отнять трон у Валуа и Бурбонов. Следовательно, последним словом Франциска I своему сыну было: 'Остерегайся Личин!' Похоже, что Джеймс во время своего визита во Францию видел старшую из детей герцога, Марию, молодую женщину двадцати трех лет, вдову Людовика Орлеанского.[203] К ней обратился Битун. Союз был заключен незамедлительно. Шотландское духовенство восторжествовало; но евангельские христиане с грустью увидели "это яйцо, взятое из кровавого гнезда Гизов"[204], привезенное в их родную землю.

Молодая королева, прибыв в Сент-Эндрюс 16 июня 1538 года, стремилась завоевать расположение короля и своей свекрови. Ей не удалось завоевать благосклонность народа, но священники были очарованы ею и, чувствуя себя отныне уверенными в победе, в своих выступлениях стали как никогда возвышать авторитет папы.[205]

Затем папа римский через кардинала Поула предложил союз между императором и королями Франции и Шотландии для вторжения в Англию; и в то же время он отказался от Генриха VIII. а его преемники получили титул *Защитника веры* и передали его короне Шотландии.

Яков V, раб одновременно своей жены и своих епископов, казалось, был прикован цепями к колеснице римского понтифика.

ГЛАВА IX.

ДЭВИД БИТУН УКРЕПЛЯЕТ СВОЕ ВЛИЯНИЕ: ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ВОЗОБНОВЛЯЮТСЯ.

(1539.)

ДЭВИД БИТУН.

Человек, с которым мы уже познакомились, в течение восьми лет играл видную роль в Шотландии и энергично боролся против Реформации. Это был Дэвид Битун, один из членов семьи Файфшир и племянник архиепископа Джеймса. Он принадлежал к тому классу умов, которые с энтузиазмом занимают свое место при абсолютном правительстве и становятся его самыми грозными инструментами. Чувствуя себя как дома и высоко почитаемый при французском дворе, именно он вел переговоры о браке короля сначала с Мадлен Валуа, а затем с Марией Лотарингской. Но его намерением было посвятить свою жизнь более возвышенному союзу — союзу Шотландии и папства. Питая искреннюю симпатию к Григорию VII, Бонифацию VIII и Иннокентию III, он, как и они, верил, что Рим, некогда владыка языческого мира, теперь должен стать владыкой христианского мира. В его глазах от нее исходила вся власть, и он был полон решимости посвятить ей свою жизнь, свою энергию и все, чем обладал. Поскольку он намеревался сражаться плотским оружием, он должен был обрести некоторое достоинство, которое наделило бы его властью использовать его. Он быстро достиг своей цели. Павел III, встревоженный отделением Англии от Рима и опасавшийся за Шотландию, поскольку у нее был племянник Генриха VIII. ибоее король, которому следовало последовать ее примеру, стремился

иметь в этой стране человека, который был бы ему абсолютно предан. Дэвид Битун предложил себя. Папа сделал его кардиналом в декабре 1538 года, и с тех пор *красный*, цвет, полностью ему соответствующий, стал его собственным и как бы его символом. Не то чтобы он был религиозным фанатиком; он не был сведущ ни в теологии, ни в моральной философии. Он был иерархическим фанатиком. Его больше всего оскорбляли в евангельских христианах два момента: во-первых, то, что они не были покорны папе; во-вторых, то, что они осуждали безнравственность духовенства, поскольку его собственная распущенность навлекала на себя подобные упреки. Он стремился стать в Шотландии чем-то вроде Вулси, только с большим количеством насилия и кровопролития. Единственной важной вещью в его глазах было то, что все в церкви и государстве должно подчиняться двойному деспотизму. Наделенный большим умом, непревзойденными способностями и неукротимой энергией, он обладал всеми качествами, необходимыми для обеспечения успеха в достижении цели, к которой постоянно был устремлен его ум, никогда не отвлекаясь от нее. Страстно стремясь к осуществлению своих проектов, он был нечувствителен к бедам, которые должны были возникнуть в результате их осуществления. Его занимал только один вопрос: уничтожение всякой свободы. Папство разгадало его характер и сделало его кардиналом.

Для подавления евангельского христианства, которое поддерживало высший авторитет Божественного Слова в присутствии тиары и ее оракулов, Битуну нужна была королевская поддержка. Следовательно, его первым шагом должно было стать подчинение королю. Это было нетрудно. У знати были права, которые они хотели обеспечить уважением и которые корона хотела отнять. Король и кардинал, естественно, были вынуждены объединиться против евангелистов и знати. Кроме того, Яков V, принц с хорошими природными данными как тела, так и ума, а также откровенным и дружелюбным нравом, был сильно склонен к чувственным удовольствиям. Чтобы держать его подальше от государственных дел, придворные и регент воспитали в нем вкус к интригам и галантным приключениям - пороку, от которого он так и не избавился даже после женитьбы.^[206] Распутный как мужчина, расточительный как король и суеверный как католик, он не мог не попасть под влияние высших умов,^[207] особенно, если они пообещали ему деньги, и это Беатон мог бы сделать.

Генрих VIII, который, как и его племянник, постоянно нуждался в деньгах, искал их в сокровищницах монастырей и других церковных учреждений. Король Шотландии мог бы поддаться искушению последовать этому примеру. Беатон и другие церковные сановники, находившиеся рядом с принцем, нашли определенный способ предотвратить это. Вместо того чтобы забирать деньги духовенства, говорили они, пусть король заберет деньги Евангелистов; пусть имущество тех, кто может быть приговорен к смерти за свою веру, и даже имущество тех, кто, приняв Реформу, может отречься от нее, будет конфисковано в пользу его величества. Этот план был тем более соблазнительным, что, хотя он и обеспечил духовенству их богатство, в то же время лишил их друзей Реформации. Это убивало двух зайцев одним выстрелом. Этот план придает особый характер преследованиям в Шотландии. Жестокий Гардинер сказал в Англии, что, когда люди отправляются на охоту на оленей, они должны стрелять в вожака стада, и что того же самого следует придерживаться при охоте на Евангелистов. В Шотландии было решено не преследовать тех бедных христиан, которым нечего было оставить после смерти. Зачем хватать этих тощих овец? Нож должен быть направлен на больших и жирных — на тех, у кого богатая шерсть. Война богатым! Таков был клич, поднятый партией преследователей. Около четырех лет меч не вынимался из ножен, и ужас, вызванный гонениями 1534 года, как казалось, утих. Евангелие извлекло выгоду из затишья: число тех, кто исповедовал Христа своим

единственным Спасителем, увеличилось, и таким образом вскоре снова возникло раздражение священников.

ВОЙНА С БОГАТЫМИ.

Мартин Балкерли, богатый гражданин Эдинбурга, был заключен в замке в то время, когда Дэвид Битун собирался стать кардиналом в Риме. Последний уже приобрел большое влияние. В качестве коадьютора своего дяди, архиепископа Сент-Эндрюсского, который был тогда преклонных лет и обладал слабым здоровьем и которому он должен был стать преемником, управление всеми церковными делами уже тогда находилось в его руках.^[208] Балкерли, который был заключен в тюрьму за чтение запрещенных книг, пожаловался следующим образом: 'Я ничего не сделал, - сказал он, - но отказываюсь отдать офицеру мою заутреннюю книгу'. Король отправил его обратно в Битун, который затем передал дело в тайный совет. Лорды, входящие в совет, пообещали обвиняемому свободу при условии, что он внесет выкуп в размере тысячи фунтов стерлингов, огромную сумму по стоимости денег в то время. Этот выкуп был выплачен 27 февраля 1539 года, но Балкерли остался в тюрьме. Этого было недостаточно. Беатон, который тогда был кардиналом месяц или два, потребовал дополнительный выкуп в двойном размере. 7 марта трое богатых шотландцев предложили себя в качестве залога, поклявшись, что заключенный выполнит волю короля. Пять дней спустя он был освобожден. Таким образом, выплаченная сумма в три тысячи фунтов была в конце концов сочтена достаточной для искупления преступления, связанного с чтением Нового Завета.

Битун не считал необходимым впредь обращаться к тайному совету. Его высокомерие возросло, и он принял надменный вид. Подобно тому, как консулы древнего Рима имели своих ликторов, которые несли перед собой *фасции* как символ своей власти, так и кардинал, куда бы он ни пошел, нес перед собой крест; и этот символ любви Божьей, означающий *прощение*, когда он предшествовал Битве, означал *осуждение* и сеял повсюду ужас. Кардинал утверждал, что является повелителем душ и распоряжается жизнями людей. Деньги, которые он приобрел таким позорным путем, только подстегнули его желание получить больше тем же путем. Несколько выдающихся и богатых граждан — Уолтер Стюарт, сын лорда Очилтри, Роберт Форестер, брат лэрда Арнгиббона, Дэвид Грэм, Джон Стюарт, сын лорда Метвена, и другие представители *элиты* Шотландии — были брошены в тюрьму. В замках и городах Стерлинг, Эдинбург, Перт и Данди многочисленные семьи остались без крова.^[209]

МИССИЯ ГЕРЦОГА НОРФОЛКСКОГО.

Генрих VIII, усмотрев в этих действиях правительства своего племянника сигнал о готовящемся нападении, он послал одного из величайших лордов своего двора, герцога Норфолка, в Бервик и Карлайл наблюдать за Шотландией. Норфолк внимательно исследовал состояние этой страны и заметил там два противоположных течения. "Духовенство Шотландии, - писал он в Лондон, - так боится, что их король поступит там так, как его королевское высочество поступило в этом королевстве, что делает все возможное, чтобы вовлечь своего повелителя в войну; и многими способами мне сообщают, что большая часть тамошнего духовенства хотела бы, чтобы их король последовал нашему примеру, на что я молю Бога даровать ему благодать".^[210] Вскоре Норфолк узнал, что Яков V готовит свои пушки; что в Эдинбурге и во всех частях Шотландии было опубликовано воззвание, предписывающее каждому мужчине в возрасте от шестнадцати до шестидесяти быть готовым выступить; и что кардинал-фанатик отправился на континент, чтобы убедиться в помощи, на которую Шотландия может надеяться, как от короля Франции, так

и от папы римского. Вскоре Норфолк собственными глазами увидел печальные последствия интриг духовенства. Не прошло и дня, как несколько джентльменов и священников, которые были вынуждены бежать из страны из-за того, что имели наглость читать Священное Писание на английском языке, пришли к нему в поисках убежища. "Ах, - сказали они ему, - если нас схватят, нас предадут казни".[211] В разгар этих преследований и приготовлений к войне Иаков, искушенный в искусстве римской политики, изображал самые миролюбивые чувства. 'Вы можете быть уверены, ' сказал он одному из английских агентов, ' что я никогда не порву с королем, моим дядей'. Но Норфолк не был обманут: он испытывал величайшее недоверие к влиянию Марии де Гиз. "Молодая королева, - писал он Кромвелю, - сплошь папистка".[212] Этот злополучный брак связал в его глазах семью и королевство Стюартов с Францией и папством.

Норфолк не ошибся. Кардинал, завоевавший расположение короля лестью и большими штрафами, вымогаемыми у евангельских христиан, стремился воспользоваться этим обстоятельством для уничтожения Реформы и удовлетворения некоторых давних обид. Монах по имени Киллон, обладавший некоторым поэтическим талантом, сочинил, по моде того времени, трагедию о смерти Христа. Утром в Страстную пятницу, вероятно, в 1536 году, в Стерлинге собралась многочисленная публика, чтобы послушать это. Присутствовали сам король и двор. Пьеса представляла собой живую картину духа и поведения римского духовенства. Действие было оживленным, персонажи хорошо обозначены, а слова энергичными, а иногда и грубыми. Фанатичные священники и жестокосердные фарисеи подстрекали народ требовать смерти Иисуса и добились от Пилата его осуждения. Замысел этой работы был настолько очевиден, что самые простые люди говорили друг другу: "У нас то же самое: епископы и монахи преследуют тех, кто любит Иисуса Христа".[213] Священнослужители на данный момент воздержались от приставаний к Киллону, но они приняли к сведению его дерзкую драму.

Другой Евангелист оставил в памяти Битуна очень неприятные воспоминания. Это был добрый декан Форрест, который смело заявил, что никогда не находил ни плохого послания, ни плохого Евангелия. Кардинал только ждал возможности арестовать его, Киллона и других. Долго ждать ему не пришлось. Когда венчался викарий из Таллибоди, недалеко от Стерлинга, на церемонии присутствовали Форрест и Киллон, а также монах по имени Биверидж, сэр Дункан Симпсон, священник, джентльмен по имени Робин Форрестер и еще трое или четверо жителей Стерлинга.[214] На брачном пиру, в начале Великого поста, они ели мясо, согласно слову Святого Павла: "Ешьте все, что продается на прилавках". 1 марта 1539 г. или, согласно некоторым источникам, в последний день февраля,[215] все они были схвачены и доставлены к кардиналу и епископам Глазго и Данкельда, которые занимались гораздо более преступными делами, чем поедание того, что Бог создал для этой цели.

СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ФОРРЕСТА И КИЛЛОНА.

Официальный обвинитель, Джон Лаудер, одно из созданий Битуна, грубо обращаясь к Форресту, сказал ему— 'Лживый еретик! ты говоришь, что киркменам не дозволено брать свои налоги [десятину], пожертвования и трупные подарки'. И настоятель Форрест ответил: "Брат, я этого не говорил; но я сказал, что киркменам не дозволено тратить достояние церкви так, как они это делают, например, на буйные пиршества, на красивых женщин, на игру в карты и кости; и ни кирка не содержится в хорошем состоянии, ни люди, обученные Слову Божьему, ни таинства, должным образом совершаемые для них, как заповедал Христос".

Обвинитель: 'Смеешь ли ты отрицать то, что открыто известно в стране? что ты снова отдал своим прихожанам корову и верхнюю одежду, сказав, что не имеешь на них права?

Декан: "Я снова отдал их тем, кто нуждался в мистере больше, чем я"

Обвинитель: 'Ты лживый еретик! ты научил всех своих прихожан произносить Патерностер, символ веры и Десять заповедей *по-английски*.

Декан: 'Брат, мой народ настолько груб и невежествен, что не понимает латыни, так что моя совесть побудила меня выучить им слова их спасения на английском и Десять заповедей, которые являются законом божьим, посредством которых они могли бы соблюдать то же самое. Я учил вере, с помощью которой они могли бы познать свою веру в Бога и Иисуса Христа, его Сына, а также в его смерть и воскресение. Более того, я обучил их молитве Господней на родном языке, чтобы они знали, как им следует молиться".

Обвинитель: 'Почему вы это сделали? Нашими действиями и постановлениями нашего святого отца папы Римского?"

Декан: "Я следую деяниям нашего учителя и Спасителя Иисуса Христа и апостола Павла, который говорит, что он предпочел бы сказать пять слов для понимания и назидания своего народа, чем десять тысяч на незнакомом языке, которого они не понимают".

Обвинитель: "Где ты это находишь?"

Декан: "Здесь, в моей книге, у меня в рукаве".

При этих словах обвинитель одним прыжком бросился к настоятелю, выхватил у него из рук Новый Завет и, подняв его, сказал громким голосом: "Смотрите, господа, у него в рукаве книга ереси, из-за которой весь шум и забавы в нашей церкви".

Декан: "Брат, ты мог бы сказать лучше, если бы тебе было угодно, и не называть книгу Евангелия Иисуса Христа книгой ереси".

- Этого достаточно, чтобы сжечь тебя на костре, - холодно сказал обвинитель.[\[216\]](#)

Пятеро из этих благочестивых людей были немедленно приговорены к смерти и в тот же день доставлены на замковую гору, где были готовы костры; и король, следуя примеру Франциска I., присутствовал со своим двором при этой жестокой казни.[\[217\]](#) Те, кто первыми пошли на костер, благочестиво и чудесно утешали тех, кто должен был последовать за ними. "В начале 1539 года, - говорит Бьюкенен, - многие подозреваемые в лютеранстве были арестованы; пятеро были сожжены в конце февраля, девять отреклись, а остальные были приговорены к изгнанию".[\[218\]](#) В тот же день были изданы приказы о конфискации имущества тех, кто был объявлен еретиками.[\[219\]](#) Король, кардиналы и их подчиненные вычли свою награду из штрафных санкций.

ДЖОРДЖ БЬЮКЕНЕН.

Прославленный Бьюкенен сам в то время находился в тюрьме. Ему было тридцать два года, и после учебы в Парижском университете он вернулся в Шотландию и был назначен наставником графа Мюррея, побочного сына Джеймса V. Он был не только историком, но и поэтом, и его гений рос и развивался под влиянием классической поэзии, которая очаровывала его в часы

досуга. В его темпераменте было что-то резкое и язвительное, особенно склонное к сатире; и он не щадил духовенство в своем "*Сомнии*", в своем "*Палиноде*", и прежде всего в своей сатире против *францисканцев*. Именно за это последнее стихотворение он был заключен в тюрьму. Компании монахов остро возмутил его сарказм, и во всей Шотландии не было человека, смерти которого римская партия желала бы с большей готовностью. Говорили, что кардинал предложил королю значительную сумму денег, чтобы заполучить его. Как бы то ни было, в то время Бьюкенен был заключенным и находился под тщательным наблюдением в тюрьме Сент-Эндрюс, некоторые охранники даже ночевали в его комнате. Молодой человек, уже ставший известным писателем, знал, что они добиваются его жизни; смерть пяти мучеников достаточно ясно показала ему, какая участь его ожидала. Однажды ночью он заметил, что его стражи заснули.^[220] Он на цыпочках подошел к окну и, взобравшись по стене, сумел, хотя и с трудом, выбраться наружу. Затем он прошел дальше и преодолел другие препятствия, столь же серьезные;^[221] и, таким образом, с Божьей помощью и побуждаемый желанием спасти свою жизнь, "он избежал ярости тех, кто жаждал его крови".^[222] Он отправился во Францию, несколько лет преподавал в Коллеж де Гиен в Бордо, а затем в колледже в Париже. Генри Стивенс, когда он опубликовал в Париже первое издание "*Пересказа Псалмов*" Бьюкенена, называет его на титульном листе книги "*Poetarum nostri sæculi facile princeps*". Насколько нам известно, его побег произошел в марте 1539 года. Как мы уже говорили, многие евангелисты последовали примеру Бьюкенена в том же месяце. Что касается его самого, то, по-видимому, в тот период своей жизни он был не более чем одним из многочисленных поэтов и прозаиков, которые тогда нападали на пороки и безумства римского духовенства. Но, нападая на суеверия, Бьюкенен не впал, как многие, в неверие: в более поздний период он искренне придерживался евангелической реформы, и Нокс благородно свидетельствует о нем.^[223]

Беатон, принеся в жертву множество жертв, разжег костер на возвышенности, "чтобы показать, что остальные бишоппы не менее ревностно стремятся подавить свет Божий".^[224] Этот сигнал был подан не зря. В городке Эйр, расположенном посреди плодородных равнин этого плодородного графства, жил молодой джентльмен по имени Кеннеди, примерно восемнадцати лет от роду, который получил гуманитарное образование и вкусил Евангелия, не обретя, однако, твердой веры; состояние, достаточно объяснимое его годами. Одаренный некоторыми поэтическими способностями, он не пощадил невежество священников. Кеннеди был схвачен и брошен в тюрьму.

В той же епархии, что и Глазго, в монастыре Кордельеров жил один из тех просвещенных и благочестивых монахов, которые сияли, как звезды в глубокой ночи века. Его звали Джером Рассел; у него был хороший характер, остроумие налицо, а ум обогащен литературными познаниями. Уортон в письме лорду Кромвелю в ноябре 1538 года говорит о монахе Джоне, хорошо информированном человеке, который был заключен в тюрьму в Дамфрисе по настоянию епископов и которого заковали в цепи за то, что он исповедовал в отношении закона Божьего те же взгляды, которых придерживались в Англии.^[225] Не подлежит сомнению, что он говорит о Расселе. Дамфрис находится недалеко от Эйра.

Архиепископ Глазго Гавин Данбар не был таким гонимым духом, как Битун, и как лорд-канцлер он был облечен высшей властью в государстве. Было тогда лето 1539 года, и поскольку Битун, хотя и был назначен кардиналом, еще не получил папского акта, который наделял его этим достоинством, он не мог осмелиться появиться в епархии Глазго со своим крестом, несомым перед ним. Но ему было недостаточно знать, что ученый Рассел и молодой Кеннеди сидят в

тюрьме, он должен был сжечь их. Поэтому он отправил в Глазго своего любимого агента Лаудера, который умел демонстрировать вкрадчивые манеры и напускать на себя преувеличенные претензии для достижения своих целей. Его сопровождали умный нотариус Эндрю Олифант и пылкий монах Мортман, которым было поручено получить от архиепископа обещание, "что он обагрит свои руки кровью друзей Божьих". Поэтому Нокс называет этих троих людей *сержантами сатаны*.

СУД НАД КЕННЕДИ И РАССЕЛОМ.

Добравшись до Глазго, трое мужчин обошли канцлера-прелата и потребовали от него гораздо большего, чем он мог предоставить по закону: он должен был не только допросить двух евангельских христиан, но и предать их смерти. Какие упреки он навлек бы на себя, если бы защищал еретиков! каких похвал он бы не заслужил, если бы ревностно служил Церкви! Гавин уступил, и Рассел и Кеннеди предстали перед судом. Они предстали перед судом, на котором председательствовал сам архиепископ, и разбирательство началось. Благодаря изобретательному рвению Лаудера и его коллег, против обвиняемых были выдвинуты многочисленные обвинения. Кеннеди обладал честной душой, но имел скорее склонность к вере, чем саму веру. Внушительная демонстрация судебной помпезности, серьезность обвинений, суровость готовившегося наказания и ужасные мучения, которые должны были ему предшествовать, - все это взволновало молодого человека; он был огорчен, и, поскольку на него резко настаивали, чтобы он взял свои слова обратно, он испугался и сбился с пути.

Рассел, с другой стороны, чья вера, ставшая результатом тщательного изучения Слова Божьего, была развита и утверждена в результате длительных исследований, казался полным решимости. Он мудро отвечал своим обвинителям, защищал убедительными доказательствами доктрины, которые исповедовал, и со спокойствием, достоинством и бесстрашием отвергал ложные обвинения своих врагов. Его слова возымели неожиданный результат: они вновь пробудили совесть его юного спутника. Дух Божий, Дух всякого утешения, действовал в нем. Христианская жизнь, которая едва зародилась в его сердце, теперь расширилась. "Он почувствовал себя как бы новым существом; его разум изменился"; живая вера наполнила его сердце; он утвердился в своем решении.^[226] С того времени он без колебаний отдал свою жизнь за правду. Счастье, которого он лишился, вернулось к нему; его лицо просветлело, язык развязался, вся его фигура озарилась сиянием; и, упав на колени, он радостно воскликнул: "О вечный Боже, как чудесны те любовь и милосердие, которые ты несешь человечеству, и мне, самому жалкому негодяю из всех остальных; ибо даже теперь, когда я хотел отречься от тебя и твоего Сына, Господа нашего Иисуса Христа, моего единственного Спасителя, и таким образом обрек себя на вечное проклятие, ты своим собственной рука вытащила меня с самого дна ада и дала мне почувствовать то небесное утешение, которое избавило меня от того нечестивого страха, которым я раньше был угнетен. Теперь я бросаю вызов смерти". Затем, встав, он повернулся к своим преследователям и сказал: "Делайте, что вам заблагорассудится; слава Богу, я готов".^[227]

Молитва Кеннеди тронула архиепископа Глазго. Он был встревожен. 'Лучше пощадить этих людей, - сказал он. - казни, подобные той, что произошла, только вредят делу, которому они призваны служить'. Агенты кардинала решили напугать прелата, слабость которого они хорошо знали, и громко закричали— 'Будьте осторожны в том, что делаете, милорд. Осудите ли вы все, что сделали милорд кардинал, другие епископы и мы? Если вы это сделаете, вы покажете себя

врагом церкви. Страх охватил архиепископа. Подавив охватившую его жалость и заставив замолчать свою совесть ради сохранения своей репутации и безбедной жизни, он уступил.

ИХ МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ.

Рассел до тех пор сохранял спокойствие, но, раздраженный клеветой своих врагов, возмущенный слабостью архиепископа и уверенный в собственной невиновности, он с достоинством сказал: "Настал ваш час и власть тьмы; теперь вы сидите как судьи, мы несправедливо обвиняемы и еще более несправедливо должны быть осуждены; но придет день, когда обнаружится наша невиновность, и вы увидите свою собственную слепоту, к вашему вечному замешательству. Идите вперед и исполните меру своего беззакония". Рассел и Кеннеди, приговоренные к сожжению, были немедленно переданы светской власти.

На следующий день, когда они направлялись к месту казни, Расселу показалось, что он уловил некоторое беспокойство в голосе своего друга. 'Брат, ' сказал он, - не бойся: тот, кто в нас, более могуществен, чем тот, кто в мире. Боль, которую мы будем испытывать, непродолжительна и будет легкой, но нашей радости и нашему утешению никогда не будет конца'. Те, кто слышал это, были удивительно тронуты. Когда двое мучеников подошли к куче, они упали на колени и помолились; затем, поднявшись, их привязали к столбу, не произнося ни слова, и они терпеливо поддерживали огонь, не выказывая никаких признаков страха. "Они одержали победу над смертью, с верой ожидая, - говорит историк, - вечного жилья".

ГЛАВА X.

УСТУПКИ КОРОЛЯ ЯКОВА V.—ПЕРЕГОВОРЫ С ГЕНРИХОМ VIII.—ОНИ ПРОВАЛИВАЮТСЯ.

(1540–январь 1542 г.)

Римская партия все еще не была удовлетворена. 'Эти жестокие звери, - говорит Нокс, - не замыслили ничего, кроме убийства, во всех уголках королевства'. Джеймса окружали люди, которые подталкивали его в этом направлении. Многие из его придворных, сподвижников его распутства, подстрекали его к преследованиям, потому что для этой цели они были пенсионерами у священников.^[228] Оливер Синклер был главным из этих секретных инструментов духовенства. Влияние кардинала усилилось в связи с обстоятельствами, произошедшими в то время. Архиепископ Джеймс Битун умер осенью 1539 года после того, как присутствовал в качестве свидетеля на крещении старшего сына короля. Своим последним завещанием он оставил свой архиепископский сан Сент-Эндрюса своему племяннику Дэвиду, который после утверждения королем отныне был одновременно кардиналом и примасом Шотландии.

ЯКОВ V И ЕГО ЕПИСКОПЫ.

Генрих VIII. эти перемены побудили его предпринять новые шаги по завоеванию власти своего племянника. Он был знаком с кардиналом и знал о его отношениях с Францией и папством. В

начале 1540 года сэр Р. Сэдлер был отправлен в Шотландию.[229] Момент был выбран удачно. Джеймс V. как раз тогда был полностью настроен заключить мир со своим дядей. Лорды Мюррей, Хантли и Босуэлл были в опале, и Джеймс написал Генриху VIII. как его 'самый дорогой брат и дядя', и похвалил себя перед ним в своей самой сердечной и нежной манере. Генрих посылал ему подарки и самые любезные послания, искренне справляясь о его здоровье; и всю эту любезность Джеймс принимал самым дружелюбным образом, какой только можно себе представить. Генрих, однако, намеревался перейти к главному, и Томас Юр, один из его посланников, попытался выяснить, каковы были цели короля Шотландии в отношении римского епископа и Реформации. Один из членов совета, Балленден, ответил ему с большой вежливостью: "Сам король Скоттов, со всеми своими временными советниками, был весьма благосклонен к реформированию поведения водителей автобусов, религиозных деятелей и священников в королевстве".[230] Джеймс уже тогда привел некоторые доказательства такого расположения. В день Богоявления, 6 января 1540 года, при дворе был устроен грандиозный пир, а во дворце Линлитгоу было дано драматическое представление. Присутствовали король, королева и все советники, духовные и светские; и смысл произведения состоял в том, чтобы показать самонадеянность епископов, беззакония духовных судов, злые пути священников, и, одним словом, "нулевки" той религии, которая тогда существовала. Возможно, король был намерен позволить епископам послушать проповедь в такой форме. Очень маловероятно, что кто-либо осмелился бы устроить такое зрелище без его разрешения. Как бы то ни было, Джеймс был поражен этим; и когда пьеса была закончена, он вызвал к себе архиепископа в Глазго, канцлера королевства, а также других епископов, чьи мысли и страхи во время представления можно себе представить. 'Я призываю вас,' обратился к ним король, 'изменить свой образ жизни. Если вы этого не сделаете, я отправлю шестерых самых гордых из вас моему дяде в Англию,[231] и после того, как он приведет их в порядок, я сделаю то же самое с остальными, если они не изменятся.' Канцлер, охваченный ужасом, смиренно ответил: 'Одного слова из уст вашей светлости будет достаточно, чтобы они подчинились приказу'. Джеймс немедленно и гневно возразил: 'Я с радостью передам любые слова из моих уст, которые смогут их исправить', - идею применить к Генриху VIII. восстановить в правах своих епископов было оригинально, и шотландские прелаты, зная, что этот наставник не жалеет ни розги, ни даже меча, трепетали до мозга костей. Балленден, в подтверждение этих новых намерений Джеймса, сказал Томасу Юру: 'Король твердо намерен отстранить всех духовных лиц от какой-либо власти под началом его светлости, будь то в доме или где-либо еще'. Похоже, что автором драмы, а также частью изменений, произошедших в принце, был сэр Дэвид Линдси, который был опекуном и компаньоном короля во время его совершеннолетия. Этот смелый литератор сочинил множество сатир против суеверий того времени, и прежде всего против невежества и распущенности духовенства; но король никогда не позволял кардиналу и пальцем пошевелить, чтобы причинить ему вред.

Убеждения Джеймса были не очень глубокими, а его собственная жизнь не была такова, чтобы давать ему право критиковать жизнь епископов. Пока длился этот либеральный настрой принца, кардинал, похоже, воздерживался от демонстраций, враждебных реформе Церкви. Он был уверен, что заставит его изменить свое мнение, и не утруждал себя комедиями, на которые тот был склонен отвечать трагедиями. Ему не пришлось долго демонстрировать свою непреклонность, и капризный юмор короля снова подчинился его непоколебимой твердости. Других людей называли великими, справедливыми или хорошо воспитанными. Битун

заслуживал того, чтобы его называли гонителем. К этой фамилии, которую история налагает на него как позор, он, похоже, стремился как к славе.

СЭР ДЖОН БОРТВИК.

Битун собрал в Сент-Эндрюсе прелатов и дворян, пользовавшихся его доверием. В соборе ему было предоставлено место на возвышении, и он восседал там в своем двойном качестве примаса и кардинала. Графы Хантли, Арран и Монтроуз, граф Маршалл и лорды Эрскин, Линдси, Флеминг, Ситон и многие другие бароны и высокопоставленные люди, Гавин, архиепископ Глазго и канцлер, епископы Абердина, Галлоуэя и другие, кроме того, аббаты и приоры, деканы и доктора богословия, были рядом с ним. Дэвид Битун, гордый тем, что видит под собой это прославленное и блистательное собрание, начал говорить. Он с теплым чувством описал опасности, которым подвергало римскую веру размножение еретиков: смелость, с которой они открыто высказывали свои мнения даже при дворе, где они находили слишком большую поддержку, добавил он, намекая таким образом на знаменитое драматическое представление, которое так поразило Джеймса. Затем, желая показать серьезность своих слов, он объявил, что процитировал перед собранием сэра Джона Бортвика, брата лорда с тем же именем, мэра Линлитгоу, который, вероятно, приложил руку к сатирической драме. 'Этот еретик утверждает, - сказал он, - что папа обладает не большей властью, чем другие епископы, что его индульгенции не имеют иного эффекта, кроме как вводить народ в заблуждение, что религиозные ордена должны быть упразднены, что все священнослужители могут свободно вступать в брак, и, короче говоря, что шотландцы, ослепленные своим духовенством, не исповедуют истинную веру. Он читает и распространяет Новый Завет на английском языке и различные трактаты Меланхтона, Колампадия и Эразма и отказывается подчиняться римскому престолу'.

Бортвик, вместо того чтобы отправиться в Сент-Эндрюс, со всей поспешностью отправился в Англию, где был хорошо принят Генрихом VIII, а впоследствии был нанят им в качестве одного из своих уполномоченных при князьях Германии. Но хотя Битун не мог отправить ягненка на заклание, он мог, по крайней мере, найти способ завладеть руном самому. 28 мая было объявлено о конфискации имущества сэра Джона, и его изображение было сожжено, сначала в Сент-Эндрюсе, а через два дня в Эдинбурге. Пожар не причинил ему большого вреда, но придал определенный смысл речи кардинала.^[232]

Теперь король снова вернулся под влиянием кардинала на сторону Рима. Этот принц, такой легкомысленный, поспешный, жестокий и беспринципный, склонялся перед каждым дуновением ветра и менял свое мнение и свою волю по одному слову тех, кто был рядом с ним. Ему нужны были деньги, и он получил бы их как от одной партии, так и от другой, как от знати, так и от священников; но последние были более настойчивы и более искусны в поиске корон, в которых он нуждался. 'Они всегда на слуху у короля', - сказал Сэдлер, один из посланников Генриха VIII. Сэр Джеймс Гамильтон, его казначей, стоял у его левого уха, а Битун, кардинал, - у правого. Казначей в то время получал от кардинала крупные суммы для короля, и Джеймс, выигравший этот спор, выступил против друзей Реформации со страстью, которую он прежде проявлял по отношению к прелатам. Сэр Джеймс Гамильтон, брат графа Аррана, человек с бесчестным характером, жестокий и убийца графа Леннокса, затем по приказу короля был наделен функциями, напоминающими функции инквизитора. 'Я приказываю вам,' сказал Джеймс, 'арестовать всех лиц, подозреваемых в ереси, и после суда подвергнуть их такому

наказанию, какого они заслуживают'. В порыве своего папистского рвения он воскликнул: 'Ни один человек такого сорта не получит пощады от моих рук, даже мой собственный сын, если будет доказано, что он был в числе виновных'. Это заявление встревожило многих. Было ясно, что должен быть учрежден инквизиционный суд, и Гамильтон уже готовил все для достижения этой цели. Но внезапно его самого бросили в тюрьму, в которую он намеревался заточить друзей Реформации. Справедливо или несправедливо обвиненный в государственной измене, даже в заговоре против жизни короля, он был арестован, и Джеймс в гневе приказал казнить его в августе 1540 года.

РОЖДЕНИЕ СЫНА У ДЖЕЙМСА.

Джеймс говорил о своем сыне. У него действительно был сын, но недостаточно взрослый, чтобы вызывать какие-либо опасения по поводу того, что он называл ересью. Ребенок родился 22 мая 1540 года и был назван Джеймсом в честь своего отца. "Он справедлив и жизнерадостен, - писал король своему дяде Генриху VIII, - иунаследует нас и это наше королевство".[233] Очень гордый своим сыном и наличием наследника, он чувствовал, что его корона в большей безопасности, чем когда-либо,[234] и начал презирать дворян. "Они больше не посмеют, - сказал он, - предпринимать что-либо против моего дома".

Крещение мальчика состоялось 28 мая, а на следующий день король отправился в какое-то путешествие. Никто не мог объяснить этот внезапный отъезд. Одни говорили, что король собирается во Францию, другие говорили, что в Ирландию, где, как сообщалось, ведущие люди примут его за своего короля.[235] 'Я собираюсь посетить острова только для того, чтобы привести все в порядок', - писал он Генриху VIII. Кардинал и прелаты решили воспользоваться его отсутствием. Они видели, что король был не в духе со знатью, и от всех, кого подозревали в вопросах доктрины, следовало избавиться. Но один благоразумный человек, Джеймс Киркколди из Грейнджа, лорд-казначей, получив информацию об этом проекте, поставил его в известность короля и рассказал ему обо всех бедствиях, которым он подвергнет себя, если поддержит заговор. Джеймс, еще раз обернувшись, был взбешен этой интригой, вынашиваемой в его отсутствие. Кардинал в сопровождении многих епископов прибыл во дворец Холируд, чтобы поприветствовать его, и вручил ему бумагу, на которой были написаны имена дворян, подозреваемых в ереси и от которых было бы неплохо избавиться. Он остановился даже на выгоде, которую получит корона от этого курса. Джеймс резко сказал: "Собирайся, джефвелли![236] Займитесь своими делами и исправьте свою собственную жизнь: не будьте орудиями раздора между мной и моей знатью: иначе, клянусь Богом, я исправлю вас резким нытьем, если когда-нибудь снова услышу от вас подобное предложение.'

Прелаты, пораженные этим упреком, в замешательстве удалились и на время отказались от своего плана.

СКОТТ ИЗ ПИТГОРНО.

В апреле 1541 года у Джеймса в городке Стерлинг родился второй сын, и это событие одновременно усилило его радость и гордость. Однако его счастьем часто мешали. Определенные люди постоянно пытались обмануть его. Ненавистные доносчики доносили на него тому или иному из его графов, баронов и других подданных, что они намеревались лишить его жизни, и таким образом повергали его в состояние сильной тревоги. С другой стороны, некоторые из его фаворитов подталкивали его к достойным порицания поступкам. Ему

пришлось дорого заплатить за свои ошибки, и он был наказан самими своими преступлениями. Его ум часто пребывал в состоянии мрачной задумчивости. Томас Скотт из Питгорно, придворный, пользовавшийся его благосклонностью и получивший от него титул лорда Лефриса, а затем повышенный до более высокого поста в системе отправления правосудия,^[237] был виновен во многих проступках. Его обвинили, среди прочего, в том, что он грабил мнимых лютеран, и было добавлено, что король кое-что на этом выиграл. Угрызения совести терзали этих двух несчастных людей. Однажды ночью, когда Джеймс был в Линлитгоу, ему приснилось, что он видит Скотта, идущего к нему в окружении шайки дьяволов, и что он слышал, как тот говорит замогильным голосом— ‘Горе тому дню, когда я узнал тебя или твою службу. Ибо за служение тебе против Бога, против его слуг и против правосудия Я приговорен к бесконечным мучениям’. Король проснулся в ужасе. Громким голосом он потребовал факелов (была полночь), заставил встать всех, кто был во дворце, и сказал им— ‘Томас Скотт мертв! Он явился мне’. Затем он рассказал свой ужасный сон. В ту же ночь Томаса Скотта, находившегося тогда в Эдинбурге, постигла ужасная агония. ‘Я проклят,’ сказал он, ‘я проклят! Это по справедливому суду Божьему — *justo Dei judicio condemnatus sum*.’ Он умер посреди этих мучений. Джеймс услышал об этой смерти на следующее утро и пришел в еще больший ужас. Таков рассказ хронистов и историков Шотландии.^[238] Это, конечно, замечательно, но известны и более странные совпадения.

У Джеймса были и другие причины для беспокойства. Его бессонные ночи были тревожными, мрачными и взволнованными; и даже утренний свет не рассеял его внутреннюю тьму. Смерть Гамильтона, казнь которого он поспешно приказал на основании простого подозрения, часто причиняла ему сильную боль. Этот несчастный лорд сделал для принца все, что тот желал; и теперь последний спрашивал себя, правильно ли он поступил, лишив себя столь преданного секретаря. Возможно, он был невиновен. Возможно, на него оклеветали. Однажды ночью в Линлитгоу Джеймс увидел во сне, как Гамильтон с обнаженным мечом бросился на него и отрубил сначала правую, затем левую руку,^[239] сказав ему: ‘Возьми это! пока ты получишь последнюю расплату за все свое нечестие’. Джеймс проснулся, дрожа, и спросил себя, что мог означать этот сон. Он поразил его воображение. Он скорбно размышлял о странном видении и ожидал, что на него вот-вот обрушится какой-нибудь тяжелый удар. Именно в таком состоянии духа он получил сообщение от Стирлинга о том, что его сын Артур только что умер. Вскоре после этого из Сент-Эндрюса пришло еще одно сообщение, извещавшее его о смерти сына Джеймса. Этих двух юных принцев, его надежды, его радости и его славы, больше не было. С разницей в двадцать четыре часа (некоторые говорят, что в один и тот же час) они были отняты у него. Теперь он понял свой сон. Две его руки уже были отрублены: ему оставалось только расстаться с собственной жизнью, и все было бы кончено. Ничто не могло отвлечь этого принца, виновного одновременно и в расточительстве, и в преследованиях; ничто не могло заглушить его скорбь. Его сердце было разбито, разум в смятении.

Он заперся, и единственным человеком, которого он видел, была его мать. Несчастный отец! несчастный король! Вдовствующая королева делала все, что могла, чтобы утешить своего сына и невестку. ‘Я никогда не бываю от них,’ писала она своему брату Генриху VIII 12 мая 1541 года, ‘но всегда в их компании’. Похоже, что из-за этого большого горя в короле вновь пробудились естественные чувства. Он написал своему дяде, что желает видеть добрую волю, самую совершенную дружбу и мир, воцарившиеся между ними.^[240]

ПРОГРЕСС РЕФОРМАЦИИ.

Пока Яков был таким образом поглощен своими горестями в одиночестве, доктрина Реформации продвигалась вперед, и, если бы только ей была предоставлена свобода, ее триумф в Шотландии, казалось, был бы близок. Великое множество простых людей, как в сельской местности, так и в городах, более или менее тайно проводили собрания, на которых они слышали чтение Святого Слова и даже его объяснение. К 1540 году многие выдающиеся люди приняли евангельское учение. Графы Эррол и Гленкэрн, лорды Рутвен и Килмаурс и их дети, сэр Дэвид Линдсей, сэр Джеймс Сэндилендс, Мелвилл Рейтский и большое количество других влиятельных людей, казалось, были искренне привержены Евангелию.

Генрих VIII, узнав о таком положении вещей, подумал, что ему следует воспользоваться этим в своих интересах. Его любимой идеей было привлечь короля Шотландии к тому, чтобы сделать свою страну независимой от Рима, и поскольку Джеймс был его племянником, он не отчаивался в успехе. Еще в 1535 году он послал к нему Барлоу с книгами, направленными против власти папы римского. Эта мера не удалась. Затем он отправил лорда Говарда к Джеймсу, который все еще не был женат, предложить ему руку своей дочери Марии, а вместе с ней и корону Англии, если он установит королевское главенство в Церкви. Еще одна неудача. В 1540 году Генрих поручил сэру Ральфу Сэдлеру рассказать Джеймсу о преимуществах, которые он получит от Реформации, и предложить ему встретиться с ним. Садлер, чтобы заранее противодействовать влиянию кардинала, передал королю Шотландии несколько писем этого прелата к папе римскому, которые были перехвачены англичанами и из которых явствовало, что целью Беатона было подчинить государство Римской церкви. Принц с улыбкой ответил, что кардинал уже показывал ему эти письма.[\[241\]](#)

Все усилия английского посланника оказались тщетными. По сути, целью, к которой стремился Беатон, было разорение Генриха VIII.; и чтобы более уверенно достичь этого, он честолюбиво добивался назначения легатом *latere*, сана, который наделил бы его в Шотландии чрезвычайными полномочиями, которые он действительно получил. Он сделал все, чтобы привести к счастливому исходу союз против Англии, который ранее был запланирован папой. Английский совет Севера написал Кромвелю— ‘Мы думаем, что кардинал Шотландии намеревается отправиться в Рим в ближайший Великий пост, и мы думаем, что из прилагаемого к настоящему письму списка инструкций, который был взят на корабле, затонувшем в Бамборо, следует, что шотландцы намереваются сохранить тайну с некоторыми из своих союзников’.[\[242\]](#) Генри, встревоженный этой новостью, обратился к своему племяннику с новыми просьбами. Его послы пообещали Джеймсу, что, если он отправится в Йорк для переговоров со своим дядей, эта встреча будет иметь для него самые счастливые последствия и послужит самым неопровержимым доказательством любви, которую питал к нему Генрих.[\[243\]](#) Похоже даже, что один из них, говоря о слабом здоровье принца Эдуарда, имел в виду перед глазами Джеймса Стюарта блестящую перспективу получения короны Англии, совершенно упуская из виду Марию и Елизавету. Шотландская знать, естественные враги священников, убеждали короля согласиться на встречу с его дядей. Статьи были составлены в начале декабря 1541 года уполномоченными Шотландии и Англии. Они предполагали, что король Яков встретится со своим дорогим дядей, королем Англии, 15 января 1542 года в городе Йорк с целью взаимного общения, направленного на усиление их сердечной любви, сближение кровных уз и содействие процветанию их королевств.[\[244\]](#) Эти статьи вознесли Генри на вершину его желаний, и он немедленно принял меры для придания этому интервью необычайной торжественности и блеска. Эта конференция двух королей наделала много шума в Шотландии, и там тоже велись приготовления. Генрих VIII. отправился в Йорк, полный надежд. Дядя и

племянник наконец-то смогли увидеть друг друга и поговорить, и каждый понимал, что эта встреча будет иметь серьезные последствия. Никогда Шотландия не была так близка к проведению реформ в духе Генриха VIII.

ЗАПЛАНИРОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ В ЙОРКЕ.

Никто не понимал этого лучше Беатона. Чего он боялся больше всего, так это того, что власть римской иерархии будет упразднена, а на ее место будет поставлено Евангелие. Кардинала впервые в его жизни опередили, превзошли по уму и влиянию. Однако он не потерял мужества, но вместе со всеми приверженцами своей партии отдался делу всей душой. Они посеяли ненависть между королем и знатью. Они использовали все мыслимые средства, чтобы отговорить короля от роковой встречи. Сначала они пытались встревожить его. 'Отправившись в Йорк,' сказал ему кардинал, 'ты навлечешь на себя подозрения императора, наживешь врага своему старому союзнику королю Франции и навлечешь на себя немилость папы. Короче говоря, - и именно это больше всего ужаснуло Джеймса, - ты подвергнешь себя величайшим опасностям. Этот вероломный король будет держать вас в плену в Англии, как держали Якова I. "Джеймс ответил, что он дал свое слово и что король ждет его, что отсутствие на *рандеву* приведет к войне с Англией, и что у него нет средств продолжать ее. Кардинал был поражен такой независимостью короля, ибо не привык к ней. Все более и более отчетливо осознавая величие опасности, епископы и он сам согласились с тем, что есть только одно средство заставить Джеймса отказаться от своей цели. Поскольку этот принц всегда испытывал нужду в деньгах, они стремились заполучить его, поднося крупные суммы.^[245] Этот аргумент попал в цель. Затем они снова обратились к нему и сказали— 'Сир, в Шотландии много денег, и ими легко завладеть. Если начнется война, духовенство будет выплачивать вам тридцать тысяч крон в год, и вы сможете получить еще сто тысяч, конфисковав имущество еретиков, если только разрешите судиться с ними судье, которого мы вам назначим и который хорошо подходит для этой цели. Пощадите ли вы этот нечестивый народ? Разве они не читают Ветхий и Новый Заветы? Разве они не восстают против власти папы и против величия короля? Разве не они своими новыми и отвратительными заблуждениями смутили церкви, разрушили благочестие и ниспровергли институты, установленные на протяжении многих веков? Они отказывают священникам, которых Бог освятил, во всяком послушании и уважении. Но откладывать нельзя,' уступил Джеймс. Он признал вину епископов в инквизиции, на которую они претендовали, и послал сэра Джеймса Лермонта, одного из придворных чиновников, извиниться перед своим дядей. Из всех действий Джеймса это было самым опасным.

ГЛАВА XI.

ВОЙНА Между АНГЛИЕЙ И ШОТЛАНДИЕЙ—СМЕРТЬ ЯКОВА V.

(1542.)

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ.

Легко представить гнев Генриха VIII. когда он оказался один в Йорке. Он заключил соглашение со своим племянником; он уехал из Лондона, чтобы встретиться с ним; он тщательно

подготовился; он отправился на север; и затем молодой человек пропал на *рандеву*! Он был вне себя от гнева. Его сестра, мать Джеймса, умерла в конце ноября 1541 года. Но даже если бы она осталась жива, вряд ли ее влияние смогло бы утихомирить гнев короля. Он был раздосадован не только тем, что его любимый проект сорвался как раз в тот момент, когда он ожидал увидеть его осуществление, но еще больше тем невыносимым оскорблением, которое только что нанес ему король Шотландии. Он не мог этого вынести и поклялся, что смоет свое имя и память об этом оскорблении поразительным актом мести. Он писал Джеймсу письма, полные самых резких упреков и яростных угроз. 'Я все еще держу в руке, - сказал он, - ту самую розгу, которой наказывали твоего отца'. Этим жезлом был герцог Норфолк, который, будучи графом Сурреем, командовал при Флоддене, где был убит Яков IV. Генрих немедленно санкционировал морские пиратские экспедиции и вторжения на шотландские границы; но эти пираты и мародеры были лишь предвестниками карательных мер, которые он готовил.

Яков был напуган; и поскольку то, что он не сдержал своего обещания, должно было доставить удовольствие его прелатам, он пожелал, чтобы расходы на войну легли на них. Он сказал им, что благодаря им собирается воевать с королем Англии, и потребовал обещанных ими субсидий. 'Если вы не предоставите мне их, ' добавил он, - у меня не останется иного выбора, кроме как посоветоваться с моим дядей и удовлетворить его пожелания'. Эта угроза привела прелатов в ужас, "ибо скорее они отправились бы в ад".[246] Что бы сказала Франция? Что бы сказал папа? подумал кардинал. Епископы пообещали золотые горы. После обсуждения вопроса они согласились выплачивать королю пятьдесят тысяч крон в год, пока длится война. Они добавили, что их слуги и другие иждивенцы, освобожденные от военной службы, возьмутся за оружие. Эти обещания наполнили сердце опрометчивого молодого монарха уверенностью и гордостью. В Джеббург и Келсо были посланы войска, а священники и вся их свита хвастались своим богатством и властью и говорили только о своей победе. Они обезумели от радости и уже мечтали о том, чтобы снова подчинить Англию папской власти. На мгновение можно было предположить, что они были правы. Английский парламент не проявил себя столь прямолинейно, как шотландское духовенство; его члены закрыли уши от требований Генриха о деньгах. Это замедлило его подготовку к войне. Однако на границе были какие-то войска, и они планировали захватить Джеббург. Граф Ангус и сэр Джордж Дуглас, его брат, который был изгнан из Шотландии на несколько лет, присоединились к этим войскам, насчитывавшим четыре тысячи человек. Но шотландцы приняли свои меры. 24 августа лорд Хантли во главе крупного отряда столкнулся с английскими войсками при Халидоне. Битва уже началась, когда появился еще один шотландский отряд. Англичане, поняв, что им угрожает окружение, отступили. Лишь немногие были убиты, но очень многие попали в плен.[247]

Радости прелата и священника больше не было предела. Они подбадривали короля; они хвалились собой, как будто лично одержали победу. Во дворцах епископов, в домах священников и в монастырях монахов не было слышно ничего, кроме криков триумфа. 'Все наше, - говорили они, ' они всего лишь еретики. Если нас будет тысяча, а их десять тысяч, они не посмеют сражаться. Франция войдет в одну часть, а мы - в другую, и таким образом Англия будет завоевана в течение года".[248]

ПРОЕКТЫ ГЕНРИХА VIII.

Джеймс, несмотря на свою неосторожность, не тешил себя этими глупыми иллюзиями. Он знал, что Генрих VIII. был намного сильнее его. Удар, нанесенный ему гневом дяди, заставил его

повернуться слева направо. Он хотел воспользоваться незначительной победой Хэлидона для заключения мира с Англией. Преследования в Шотландии прекратились, и свобода совести была предоставлена более щедро. На следующий день после помолвки, еще до того, как Джеймсу сообщили о результатах, он уже написал Генри и попросил у него паспорта для своих полномочных представителей. 1 сентября он снова написал ему: "Уверяем тебя, дражайший дядя, - сказал он, - в нашем королевстве нет ни духовного, ни мирского состояния, которое могло бы изменить наше расположение и доброту к тебе".^[249] Но Генрих был не такого легкого нрава: он помнил оскорбление, нанесенное в Йорке, и намеревался отомстить за него. Он запретил послам своего племянника выезжать за пределы этого города. В это время он собирал всевозможные военные припасы, причем в очень больших количествах. Он собрал армию, какой Шотландия давно не видела у своих границ, и передал командование ею герцогу Норфолку, который должен был победить сына так же, как он победил отца. Король Англии хотел также быть королем Шотландии и желал, чтобы вся Великобритания принадлежала одному принцу. Этой мечте предстояло однажды осуществиться, но с той большой разницей, что не король Англии должен был стать королем Шотландии, а король Шотландии должен был стать королем Англии. В государственных бумагах мы находим следующую депешу, адресованную английским тайным советом архиепископу Йоркскому: 'Стремясь к тому, чтобы титул его королевского величества на королевство Шотландия был более полно, ясно и недвусмысленно изложен всему миру, чтобы была очевидна справедливость нашей ссоры и требования, мы назначили некоторых ученых мужей заниматься тем же самым. И поскольку мы знали, что ваша светлость в прошлые времена прилагали некоторые усилия к тому же, мы просим вас не только разыскать все ваши старые реестры и древние места, где, по вашему мнению, можно найти что-либо для более четкого объявления миру титула его величества на это королевство, и что будет найдено, чтобы подтвердить это соответствующим образом; но также указать нам, какие древние хартии и памятники для этой цели вы видели и где их следует искать.' За то, что Джеймс не смог нанести обещанный визит, он должен лишиться своей короны. Как только король Англии овладеет Шотландией (без сомнения, больше благодаря своим солдатам, чем своим хартиям и имуществу), он изгонит папство и установит на его месте своих собственных епископов, и прежде всего свое собственное папство.

Генрих опубликовал манифест, в котором заявил, что его племянник был агрессором. Он требовал для Тюдоров корону Стюартов. Он так же горько, как всегда, переживал рану, полученную при Йорке, и месть, на которую он рассчитывал, должна была быть жестокой, запоминающейся и революционной. Энергия дяди была столь же заметна, как и слабость племянника; и когда Джеймс снова написал со всей *наивностью*: "Я люблю тебя", Генри свирепо ответил: "Я ненавижу тебя".

Норфолку не терпелось отомстить за отступление из Халидона, и он решил вторгнуться в Шотландию до того, как будет собрана вся армия. Поэтому он выступил из Бервика, расположенного на северо-восточной оконечности Англии, опустошил сельские районы, захватил несколько незначительных мест, попал в различные передраги и объявил, что должен немедленно явиться в Эдинбург. Но в течение восьми или десяти дней после пересечения границы он удалился. Он просто нанес бесцеремонный визит, предварительный для одного официального лица в государстве.

МЯТЕЖ ШОТЛАНДЦЕВ.

Тем временем Джеймс готовился достойно встретить этот визит и собирал свою армию перед Эдинбургом. У него было там около двадцати тысяч человек, не считая еще десяти тысяч на границе, под командованием графа Хантли. Но в его лагере царили разногласия. Были и такие, кого мало заботила старая доктрина, но кто превыше всего стремился сбросить железное ярмо кардинала. Были и другие, прикрепленные к Дугласам и Ангусам, которые служили в английской армии и не собирались воевать против них. Другие, опять же, чувствуя неполноценность шотландской армии, упорно настаивали на том, что они должны оставаться строго в обороне. Внезапно шотландцы, стоявшие лагерем в Фале, узнали, что из-за нехватки припасов англичане отступают по реке Твид. Джеймс, который легко впадал в возбуждение, немедленно созвал своих лордов и воскликнул: 'Вперед! следуйте за мной в Англию!' Его слова были встречены мрачным молчанием. 'Мы готовы, сир, ' сказали ему некоторые из лордов, ' рискнуть жизнью и всем, что у нас есть, чтобы защитить вашу личность и ваше королевство, но мы не видим достаточных причин для вторжения в Англию. Наши припасы израсходованы, наши лошади устали, а что касается нас самих, то мы так долго отсутствовали дома, что считаем, что настало время вернуться.

Джеймс скрыл свое огорчение и даже напустил на себя вид, что одобряет благоразумие своих лордов. Но он трепетал, видя, как его царственная власть попирается ногами его подданных. Он явно больше не был хозяином. Его раболепие перед священниками погубило его. Знать и простые солдаты, вместо того чтобы напасть на англичан, вернулись каждый в свой дом, и король, покинутый и оставленный почти в одиночестве, снедаемый глубокой досадой, которая постепенно изматывала его, печально вернулся в Эдинбург.

Сейчас было 2 или 3 ноября. Он немедленно созвал совет во дворце Холируд. Но в своем гневе против знати он призвал только епископов, священников и их сторонников; всех тех, кто занимался потворством страстям принца и у кого не было другой цели, кроме как обеспечить триумф духовенства. Когда они увидели разочарование короля и его гнев против знати, они убедили себя, что для них настал момент покончить со своими врагами. Они думали, что это будет не очень трудно. Эти люди, заклеянные общественным мнением, не позаботились представить доказательства в поддержку своих обвинений. Единственная забота, которую они предприняли, заключалась в том, чтобы лишить невиновных всех средств оправдания. Они думали, что на данный момент им будет достаточно добиться слушания дела, обвинить какого-нибудь дворянина в ереси и вызвать в качестве свидетелей неких людей с дурной репутацией за их собственное вознаграждение. Поэтому все они единодушно стремились настроить короля против Реформации и ее друзей. Оливер Синклер среди мирян отличился в этом процессе, а среди церковников - Беатон. "Кардинал и священники, - говорилось в нем, - со всей силы подбрасывали хворост в огонь".^[250] Они составили список, содержащий имена всех, от кого хотели избавиться. Там были имена около сотни дворян, среди которых были лорд Гамильтон, первое лицо королевства после короля, графы Кассилис и Гленкэрн, граф-маршал и другие дворяне, все хорошо настроенные к Слову Божьему.^[251] Этот факт показывает, какого прогресса достигла Реформация в Шотландии. Большинство из этих *подозреваемых*, конечно, не были убежденными евангельскими христианами, но у них были к этому склонности. Однажды Иаков уже отказался принять такой список. Но теперь ситуация изменилась, и он сразу же принял его и выразил прелатам свое сожаление по поводу того, что так долго игнорировал их советы. 'В этот момент я ясно вижу, что вы правы, - сказал он. - дворяне не желают ни моей чести, ни моего продолжения, ибо они не проехали бы и мили ради моего удовольствия преследовать врагов. Поэтому, не могли бы вы найти мне средства, с помощью которых я мог бы

совершить набег на Англию без их ведома и согласия, который, как может быть известно, является моим собственным набегом, и я навеки свяжу себя вашим советом.

ЗАПРЕТНЫЙ СПИСОК.

Радости кардинала и его друзей не было предела. Они поздравляли друг друга, хлопали в ладоши;[\[252\]](#) игра была выиграна. Они дали друг другу обещания усердного служения, осмотрительности и верности. Однако они столкнулись с некоторыми трудностями. Королю прежде всего требовалось вторжение, и он хотел иметь возможность сказать знати: 'Там, где вы отступили, я продвинулся вперед и победил'. Как действовать, чтобы обеспечить успех предприятия? Они решили выбрать в качестве поля битвы не восток, а в направлении Бервика, где располагались войска Генриха VIII. лежал, но северо-западный квартал, который был зачищен, остался без армии, почти без гарнизона. Вскоре Карлайл будет взят, и Джеймс восторжествует одновременно над дворянами и королем Англии.

Он придавал этому военному подвигу первостепенное значение. Тайно вывезли королевское знамя, священникам были адресованы письма с приглашением встретиться с королем в такой-то день в таком-то месте. Епископы обязались взять на себя расходы по этому делу. Кардинал и граф Арранский, чтобы отвлечь внимание, направились на восток, как будто шотландцы намеревались перейти границу в том районе, где между ними и англичанами происходили частые стычки. Король, удовлетворенный всеми этими приготовлениями и не сомневающийся в успехе, принял роковой список, представленный кардиналом, и положил его в карман. Сразу после его триумфа и в самый разгар его славы все подозреваемые должны быть схвачены и казнены. Реформация должна быть прекращена, и Рим должен окончательно воцариться. Все должно было быть сделано в строжайшей тайне.

В ночь перед днем, назначенным для отъезда, Джеймс ночевал в Лохмабене,[\[253\]](#) там, где стоял один из королевских замков. Там, не подвергаясь никакой опасности, он был как можно ближе к месту подвигов, всю честь которых он желал снискать. Войска прибывают со всех сторон, не имея ни малейшего представления о том, чего от них хотели. В назначенный день, в полночь, звучат трубы, роты формируются, и дается команда выступить вперед 'в свите короля', который должен был быть с экспедицией. На рассвете начинается кампания, целью которой является передача Шотландии в жестокие руки кардинала. Шотландцы приближаются к территории Англии и переходят реку, не встречая никакого сопротивления. Они поджигают дома и кукурузные поля, лежащие на их пути, и бедные жители этих сельских мест, очнувшись ото сна, видят перед собой, к своему великому изумлению, армию из десяти тысяч человек и языки пламени, вырывающиеся со всех сторон. Они дрожат от страха и предаются отчаянию, удивляясь про себя, как такая армия могла продвинуться так далеко, а они об этом даже не подозревали. Откуда это? Куда оно направляется? Оно пришло из бездны ада?

РАЗГРОМ ШОТЛАНДЦЕВ.

Все в этой экспедиции было действительно экстраординарным, и даже сами шотландцы не знали, кто командовал. Присутствовал лорд Максвелл, начальник западных границ, и ему, естественно, принадлежала эта должность; но ни он, ни войска вообще ничего не знали об этом деле. В десять часов произошло неожиданное событие. Шотландцы оказались на английской земле при Солуэе, зазвучали трубы, армия остановилась, и королевский флаг был поднят и развевался посреди них. Несчастный Оливер Синклер восседал на подобии щита,

образованного копьями, которые покоились на плечах некоторых солдат. Он предъявил письма, присланные ему королем. Этот принц, полагая, что этот никчемный придворный - великий военачальник, назначил его главнокомандующим. Эти письма были зачитаны армии, и фаворит был провозглашен генерал-лейтенантом с приказом подчиняться ему, как самому королю. По словам придворных, поставить Синклера во главе армии означало обеспечить победу. Джеймс не стал бы полагаться ни на кого из своей знати. Ни одному из них не суждено было стать достоянием экспедиции; это должно было стать достижением Джеймса, которому принадлежало командование. Максвелл присутствовал на той церемонии, все видел, все слышал и был поражен этим, "но он больше думал, чем говорил".[254] Другие присутствовавшие лорды сделали то же самое. Не успело быть зачитано воззвание, как по армии распространились ропот, уныние и беспорядки. В то же время англичане со всей поспешностью взяли за оружие: десять человек в одной роте, двадцать - в другой. Карлайл закрыл свои ворота, и вскоре после этого около пятисот всадников появились на соседних высотах с целью разведки шотландских войск.[255] Шотландцы приняли этих всадников за авангард армии герцога Норфолкского, и, охваченные паническим ужасом, многие из них выбились из рядов. Одни хотели сражаться, другие хотели летать. Повсюду царили беспорядок и неразбериха. Войска были распущены и обратились в бегство во всех направлениях. Лорд Максвелл, который с первого момента предвидел конец этого безумного дела, слез с лошади и обратился к нескольким друзьям. "Сесть на коня и улететь", - сказали они ему. "Нет, - ответил он, - я лучше останусь здесь до тех пор, пока Богу будет угодно послать меня, чем вернуться домой и буду повешен".[256] Шотландцы, как конные, так и пешие, побросали оружие и побежали изо всех сил. Большое количество из них было взято в плен солдатами Генриха VIII, а некоторые были захвачены шотландскими авантюристами и проданы англичанам.[257] Солдаты Джеймса до такой степени пали духом, что те, кто не попал в руки мужчин, ворвались в дома и сдались женщинам.[258] Воду пришлось переплывать: прилив был высокий, река глубокая. Многие утонули, и значительное число тех, кто выбрался из реки, погибло в болотах. Оливер Синклер, который "мужественно бежал", [259] был схвачен, не нанеся ни единого удара. Были замечены самые выдающиеся представители шотландской знати, графы Кассилис и Гленкэрн, лорды Сомервилл, Грей и Олифант, которые сложили оружие. Таким образом, Максвелл обрел судьбу, которой желал. Эти лорды и джентльмены были отправлены в Лондон и заключены в Тауэр. Два дня спустя Генрих приказал, чтобы они прошли по улицам Лондона пешком, выставленные таким образом на всеобщее обозрение,[260] подобно пленникам, украшавшим триумфы римских полководцев. Когда они прибыли во дворец, их принял там лорд-канцлер, который обратился к ним с суровыми упреками, обвинил их в нарушении международных договоров и превознес доброту и милосердие Генриха VIII, который выделил им различные дома для проживания.

УБИЙСТВО АНГЛИЙСКОГО ПОСЛАНИКА.

Во время битвы, если можно употребить такое слово, Джеймс, который тщательно следил за тем, чтобы держаться от нее подальше, прятался в своей замке в Лохмабене, к северо-востоку от Дамфриса.[261] Там он ожидал завершения той знаменитой экспедиции, которая должна была стать его титулом к славе. Он позаботился о том, чтобы взять с первого удара город Карлайл, расположенный на расстоянии нескольких миль от границы и бывший одним из главных военных постов римлян, у которого заканчивалась стена Адриана и который не раз подвергался осаде и был взят. Оттуда он надеялся проехать дальше, добраться до Йорка и нанести там *вооруженный* визит своему дорогому дяде. Он ожидал известий о своем триумфе,

когда кто-то из беглецов сообщил ему о полном разгроме его армии. Охваченный внезапным страхом и изумлением, он едва мог вымолвить ни слова. Была ночь, когда он услышал о своем поражении, и, не осмеливаясь отправиться до рассвета в неведомый, нехоженный путь, он лег спать, но не нашел ни малейшего успокоения. Его отчаяние было безграничным. Он испытывал самые острые боли, с трудом дышал и издавал лишь какие-то невнятные крики. То, как его недостойный фаворит обманул его ожидания, его поражение и бегство встревожили его не меньше, чем победа англичан. Он встал, прошелся взад-вперед по своей комнате, причитая и выкрикивая— 'О, сбежал от Оливера? Оливера забрали? О, сбежал от Оливера?'^[262] На него напало нечто вроде каталепсии. Постоянное размышление о том экстраординарном поражении и поведении этого презренного человека, на которого он возлагал свои надежды, в какой-то степени приостановило его восприятие, и он лежал как в долгом и болезненном трансе до самой смерти, постоянно повторяя: "О, сбежал от Оливера?"

На следующее утро, 25 ноября 1542 года, король вернулся в Эдинбург. Он с трудом мог скрыть свой позор в своем великолепном дворце; и там ему сообщили о новом позоре, который еще больше усилил его горе. 14 ноября туда прибыли два посланца от герцога Норфолка с письмом, адресованным королю. Кардинал ответил, что уехал на охоту в Файфшир. Десять дней спустя, в роковой день Солуэя, ближе к вечеру, когда возвращавшиеся английские посланники приближались к Данбару, один из них, Дж. Пондс, Сомерсет геральд, подвергся нападению двух мужчин и был убит. Джеймс, узнав об этом по возвращении, был в ужасе. Это могло серьезно усугубить кризис, который и без того был таким тревожным. Несмотря на болезненное состояние, в котором он тогда находился, он немедленно написал своему дяде: 'Будьте уверены, что впоследствии последует наказание в соответствии с тяжестью преступления, и что нет ныне живущего принца, который мог бы быть более огорчен, чем мы, тем, что такое гнусное преступление осталось безнаказанным'. Он предложил прислать послов и герольдов для объяснения преступного деяния.^[263] Вероятно, это было последнее письмо, написанное королем.

У Джеймса состоялась болезненная беседа с кардиналом, который, возможно, теперь понял, до какого состояния довели короля и королевство его ненависть к Реформации и честолюбие. Джеймс, считавший, что его преследует роковая судьба, оставшись один, с грустью вспомнил о своих сокровищах и драгоценностях; а затем, полный стыда и меланхолии и боясь показаться кому бы то ни было в своей столице, тайно отправился в Файфшир. Он остановился в Холлъярдсе, где был тепло принят леди Грейндж, респектабельной и набожной женщиной, чей муж в то время отсутствовал. Эта христианка, заметив за ужином, что принц погружен в меланхолию, попыталась утешить его и увещевала безропотно подчиниться воле Божьей. 'Моя доля в этом мире коротка, ' печально ответил Джеймс. ' через пятнадцать дней меня больше не будет с тобой'. Некоторое время спустя один из придворных сказал ему: 'Сир, приближается Рождество; где ваше величество пожелаете отпраздновать этот праздник?' Джеймс ответил с презрительной улыбкой: 'Я не могу сказать: выбери место сам. Но вот что я могу вам сказать: в день Святок вы останетесь без хозяина, а королевство - без короля.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ ДЖЕЙМСА V.

Преследуемый этими мыслями, король отправился оттуда в замок Карни, а затем в свой дворец в Фолкланде, где лег в постель. Для него было бы естественно отправиться в Линлитгоу, к своей королеве, которая вот-вот должна была родить ребенка. Он предпочел держаться от нее

подальше. Разгульная жизнь несовместима с семейным счастьем. Ни один симптом не указывал на то, что его смерть была близка. Джеймс, однако, всегда повторял слова: 'До такого-то дня я буду мертв'. Его придворные, изумленные и огорченные, говорили друг другу, что если королева подарит ему сына, то столь желанное счастье восстановит его; но 8 декабря 1542 года она родила девочку — знаменитую Марию Стюарт. Узнав, что новорожденный младенец - девочка, Джеймс, вновь уязвленный своим самым заветным желанием, отвернулся к стене, подальше от тех, кто принес ему печальную весть. "Черт с ним, - сказал он, - все закончится так же, как и началось; это пришло с девушкой, и с девушкой это уйдет".[264] Он увидел, что его семья вымерла, его корона потеряна. Другие Стюарты, однако, перенесли это после Марии. И Шотландия, и Англия, к несчастью, знали, чего им это стоило. Но это обстоятельство — несостоявшаяся надежда на сына, который займет место тех двоих, которых он потерял, — стало новым и смертельным ударом для несчастного Джеймса:

De douleur en douleur il traversait la vie.

Кардинал сам явился в замок. В тот момент его визит был естественным. Но честолюбивый прелат, полагая, что король при смерти, пришел не для того, чтобы утешить его, а для того, чтобы укрепить свое собственное положение. Поскольку король в его нынешнем опасном состоянии мог слышать с трудом, примас прокричал ему в ухо— 'Наведите порядок, сэр, в королевстве. Кто будет править, пока ваша дочь несовершеннолетняя? Вы poznали мою службу; что вы собираетесь делать? Не следует ли избрать четырех регентов, и не должен ли я быть главным из них?' Умному прелату удалось подготовить документ в его пользу. Король тонул. Но воспоминание о Солуэе постоянно крутилось у него в голове и омрачало его последние минуты. 'Тьфу ты! - воскликнул он. 'Оливер сбежал? Оливера схватили? Все потеряно'. 14 декабря 1542 года, в возрасте тридцати двух лет, через шесть дней после рождения Марии Стюарт, Яков V. умер. Когда его раздевали, у него в кармане нашли знаменитый проскрипционный список. Что теперь из этого выйдет?

Джеймс был похоронен в Холируде 8 января, и кардинал, который вел его по этому роковому пути, на котором ему предстояло встретить смерть, председательствовал на церемонии. Этот принц, ушедший из жизни в расцвете сил, умер не столько от болезни, сколько от разбитого сердца.[265] 'Скорбь мира порождает смерть'. У него было понимание, но оно было некультурным; он был умерен в отношении застольных удовольствий, но в юности был вовлечен в другие нарушения, от которых так и не смог освободиться. Его можно было увидеть в самую суровую зимнюю погоду, верхом на лошади днем и ночью, пытающимся застать врасплох флибустьеров во время их отступлений; и бедняки всегда имели к нему легкий доступ. Но из-за отсутствия вдумчивости и твердых принципов он постоянно метался между знатью и священниками, и тот из этих двоих, кто был наиболее ловким, легко брал верх. Он много грешил, но, возможно, против него "грешили" еще больше.

ГЛАВА XII.

РЕГЕНТСТВО ГРАФА АРРАНА.—ЗАКЛЮЧЕНИЕ БИТУНА.—МИРНЫЙ ДОГОВОР С АНГЛИЕЙ.

(1542–март 1543 гг.)

ОБЩАЯ ДЕПРЕССИЯ.

Политические и религиозные события, в разгар которых Яков V был увезен из Шотландии, носили настолько серьезный характер, что самые мудрые головы почувствовали некоторую тревогу и ожидали увидеть разразившуюся бурю, подобной которой никто никогда не видел.^[266] Неожиданный удар, учитывая юные годы принца, обрушился на нацию. Устремив взор в будущее, знать и простой народ вместе говорили о своих страхах и слабости своих надежд.^[267] В Низинах, в сердце Высокогорья, в Эдинбурге, в Глазго, в Стерлинге и в других городах Шотландии люди с бледными лицами и беспокойным видом расспрашивали друг друга в смятении о судьбе, уготованной их стране. Позорное поражение при Солуэе, которое нанесло королю смертельный удар, наполнило народ скорбью и ужасом. Самые знатные лорды Шотландии, взятые англичанами в плен, предстали перед пристальными взглядами жителей Лондона. Те, кто все еще оставался в Шотландии, были разделены непримиримой ненавистью и диаметрально противоположными друг другу религиозными взглядами; и ожидалось, что разногласия, долго подавляемые страхом перед королем, теперь вырвутся наружу. Кардинал и епископы, безудержно отдаваясь своей страсти к господству, собирались воспользоваться смертью Иакова, чтобы подчинить народ. Генрих VIII, радуясь неожиданной победе, которую он только что одержал, не преминул, теперь, когда его племянника больше не было, обратиться к ответу (и каким образом!) за своими притязаниями на Шотландию. Для поддержания порядка в стране существовала королева восьмидневного возраста. Следующий после нее наследник короны, Гамильтон, граф Арран, не подходил ни по своим добродетелям, ни по уму, ни по мужеству для управления народом. В Шотландии действовало множество деструктивных сил; слышались громкие стенания. Спасти страну могло только одно — Евангелие.

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ДЖЕЙМСА V.

После смерти короля Беатону казалось, что общественные беспорядки предоставляют ему благоприятную возможность стать хозяином, обеспечить триумф французской партии, отменить Реформацию и установить верховенство духовенства. Поскольку Шотландия была унижена, он должен был возвыситься. Действовать нужно было быстро. Дворяне, недавно попавшие в плен, и те, кто долгое время жил в изгнании в Англии, вот-вот должны были вернуться. Кардинал хорошо знал, что они ненавидели его раболепие перед папой, его честолубие и высокомерие; и он не сомневался, что они будут решительно выступать против него. Граф Арран, следующий после Марии наследник короны, действительно находился в Шотландии и, казалось, был призван выступить против него; но надменный кардинал мало обращал на это внимания. Граф не честолубив, сказал он; у него нет энергии, и все его желание - ничего не делать. Кроме того, Арран был его близким родственником, сыном одной из его теток.^[268] Король едва успел испустить дух, когда кардинал смело отправился к королеве-матери в Линлитгоу, подкрепленный документом, на котором, как он предполагал, основывались его притязания. ‘Добро пожаловать, милорд,’ сказала королева, которая пока не знала ничего, кроме серьезной болезни своего мужа. ‘Разве король не умер? Мария де Гиз предположила, что первый прелат королевства прибыл исключительно для того, чтобы сообщить ей о смерти государя. Но Беатон преследовал в этом визите другую цель. Не теряя времени, он предъявил королевское завещание, содержащее назначение регента в составе кардинала и графов Аргайла, Хантли и Мюррея, первого из назначенных президентом совета и опекуном королевского младенца.

Обычно считалось, что этот документ был вымоган у умирающего короля. Многие люди даже верили, что агент кардинала руководил рукой мертвого короля и получил незаполненную подпись, которую кардинал впоследствии заполнил по своему собственному желанию. Бьюкенен утверждает, что кардинал, завоевав расположение некоего священника по имени Бальфур, с его помощью подделал фальшивое завещание. Нокс, Сэдлер и Лесли тоже говорят в том же духе.^[269] В понедельник после смерти короля на маркет-кросс в Эдинбурге кардинал объявил о предполагаемом деянии, которое сделало его первой персоной в королевстве.

Многие шотландцы были возмущены таким поведением и открыто заявили, что и регентство, и опека над малюткой Марией принадлежат Гамильтону, графу Арранскому, который, как следующий наследник короны по линии своей бабушки, дочери Якова II, станет королем, как говорили, если маленькой принцессе доведется умереть. Разве два ее брата не умерли в младенчестве? Всеобщая ненависть к кардиналу и ужас, испытываемый при мысли о жизни под властью священника, побудили большое количество людей поддержать дело Гамильтона. 'Случай предлагает тебе себя, - сказали они ему. ' не дай ей пройти'. Лэрд Грейнджа особенно настаивал на том, чтобы этот дворянин сохранил свои права. Но Арран, из-за недостатка духа, был готов покинуть их. Наконец было решено созвать дворянство королевства, чтобы они могли решить, в чьи руки следует передать правительство на время меньшинства. Знать собралась в назначенный день. Кардинал и его сторонники изо всех сил сопротивлялись предложению передать управление королевством графу Арранскому. 'Гамильтоны, ' говорили они, - жестокие убийцы, угнетатели невинных, гордые, алчные, двуличные и лживые и, наконец, чума в этом государстве'. Арран, действительно, отдался во власть бесчестных людей. Однако он оставался спокойным и презирал эти оскорбления. 'Называйте меня как вам угодно, ' ответил он, ' но не лишайте меня моего права. Какими бы ни были мои друзья, по сей день ни у кого нет причин жаловаться на меня. Я также пока не намерен льстить своим друзьям в их злодеяниях, но, по милости Божьей, буду готов исправить их чудовищные поступки. Поэтому еще раз, милорд, во имя Бога я умоляю вас не причинять мне вреда и не лишать меня моего законного титула до того, как вы испытаете на себе мое правление'. Этот призыв тронул слушателей, и все закричали, что до тех пор, пока страх Божий и его праведность не будут попрут ногами, притязания Аррана не могут быть отвергнуты. Таким образом, он был провозглашен губернатором Шотландии, вопреки Битуну; и королевский дворец, его сокровища, драгоценности и другое движимое имущество короны были переданы ему должностными лицами, которые отвечали за них. Это произошло 10 января, через несколько дней после провозглашения кардинала.

АРРАН ПРОВОЗГЛАШЕН РЕГЕНТОМ.

Арран, это правда, не отличался ни добродетелями, ни умом, но его очень любили, как часто любят слабых людей. "Граф Арран, - писал лорд Лайл Генриху VIII, - сам по себе добрый, мягкий Божий человек, и любит заглядывать в Священное Писание, но вокруг него правят многие из его родственников, которые являются пронизательными и злыми людьми".^[270] Никогда еще ни одного регента не принимали с такой симпатией и надеждой, и это было особенно важно, потому что люди были рады избавлению от кардинала. Считалось, что он исправит все, что пошло не так в церкви или государстве, и его первые действия соответствовали этой надежде.^[271] То, что Арран таким образом овладел властью, было удивительно, ибо он был настолько же слаб, насколько Беатон силен, а слабейший, как говорят, всегда идет к стенке. В данном случае произошло обратное. Но многие люди думали, что это соглашение будет лишь

временным. Арран был глиняным горшком из басни, Беатон - железным, и нетрудно было предвидеть, кто из них разобьет другой. Прошло совсем немного времени, прежде чем Арран продемонстрировал свой слишком легкий нрав. Вместо принятия мер по выведению королевства из-под влияния Беатона, как только последний заявил о своем намерении стать канцлером Шотландии, Арран передал этот пост в его руки, чтобы смягчить позор, которому только что подвергло его собрание знати.^[272] Амбициозный кардинал, однако, недолго удерживал этот влиятельный пост.

Многие выдающиеся и благочестивые люди поддерживали дело графа Аррана. Одним из первых его действий было назначение своими капелланами, по рекомендации этих сторонников, двух служителей, проповедовавших чистое Евангелие. Бывший доминиканец, Томас Гийом (или Уильямс), который был очень выдающимся человеком в своем ордене, будучи обращенным Словом Божиим, сбросил свой капюшон. Он был призван проповедовать в Эдинбурге. Здравость его суждений, чистота его учения, сила его красноречия и ясность изложения Священного Писания вкупе с определенной умеренностью в словах привлекли толпу к его проповеди. Регент связал с ним другого евангелического служителя, Джона Рафа. В семнадцать лет он ушел в монастырь, дважды побывал в Риме и, будучи болезненно потрясен тем, что там увидел, принял Реформацию. Менее ученый, чем Гийом, он был более простодушен и более рьяно выступал против суеверий и нечестия, а также против авторитета папы римского. Арран, по настоянию своих друзей-евангелистов, разослал своих верных служителей в разные части королевства. Среди их многочисленных слушателей был Нокс, и именно слушая Гийома, великий реформатор начал знакомиться с красотой евангельской истины.^[273]

Но в то время как те, чьи сердца были открыты истине, с радостью восприняли слова двух капелланов, монахи, священники и все друзья папства яростно атаковали их. 'Ересь! ересь!' воскликнул францисканец по имени Скот. 'Гийом и Раф отправят губернатора к дьяволу. И все монахи и ризничие подхватили крик: 'Ересь!' Человек по имени Уотсон из семьи епископа Данкельдского сочинил сатирическую балладу против капелланов и регента, которая пользовалась большой популярностью. Кардинал, со своей стороны, переворачивал небо и землю и беспокоил Аррана, чтобы тот заставил замолчать двух проповедников. 'Все эти люди,' говорит Нокс, - каркали, как вороны, да, скорее, они вопили и рычали, как дьяволы в аду'. На мгновение эти крики были тщетны. Божественное Слово восторжествовало.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ГЕНРИХА VIII.

Пока все это происходило в Шотландии, Генрих VIII. был полностью оккупирован Англией. Смерть Джеймса потрясла его, и его первой мыслью было, что престолонаследие должно перейти к нему. Он объединил бы два королевства, и для Великобритании было бы огромным преимуществом находиться под властью одного правительства, причем его собственного. С этой целью должен быть заключен брак между его сыном Эдуардом в возрасте пяти лет и молодой королевой Шотландии в возрасте нескольких дней. Он, не теряя времени, послал за самым знатным из шотландских пленников во дворец Хэмптон-Корт, где в то время проживал. Графы Кассилис и Гленкерн, а также лорды Максвелл, Флеминг и Грей, люди, которые всего несколько дней назад были зрелищем для лондонского населения, предстали перед ним. Он изложил им свой план. 'Бог,' сказал он, 'предлагает вам сейчас самый благоприятный случай для установления согласия и мира в Великобритании. Пусть между вашей королевой и моим сыном будет заключен договор. Я предлагаю освободить вас, если вы пообещаете сделать все

возможное, чтобы получить согласие регента и других дворян Шотландии на этот брак. Этот проект очень понравился лордам, поскольку они увидели в нем определенное средство добиться не только свободы для себя, но и прочного мира для своей страны. Было достигнуто соглашение, что королева Мария выйдет замуж за принца Эдуарда, когда ей исполнится десять лет. После этого совещания благородные узники 29 декабря отправились в Шотландию, чтобы обеспечить успех своего плана.

Генрих, однако, еще не чувствовал себя в безопасности и хотел, чтобы молодая королева была в его собственных руках, а вместе с ней и некоторые другие. Он не доверял Шотландии, зная, как легко она может пойти на поводу, и боялся ума кардинала. Следовательно, 9 января он написал виконту Лайлу, тогдашнему лорду-смотрителю военных границ Англии. "Необходимо, - сказал он, - передать в наши руки ребенка, личность кардинала и тех, кто является главными исполнителями наших замыслов, а также главные владения и крепости".^[274] Опасения Генри были небезосновательны. В момент смерти Якова все предвещали войну с могущественным королем Англии. Но 24 января прибыли шотландские лорды, которых Генрих отпустил на свободу. Их сопровождали граф Ангус и его брат, сэр Джордж Дуглас, которые долгое время жили изгнанниками в Англии. Эти лорды поспешили выполнить поручение Генриха VIII. При вступлении в совет, председателем которого был регент, они представили ему предложение о браке между наследниками двух корон. Граф Арран и подавляющее большинство членов совета, по-видимому, отнеслись к этому благосклонно, но кардинал, поддержанный королевой-матерью, решительно воспротивился этому. По их мнению, не было ничего более опасного для Шотландии, ничто не могло быть более оскорбительным для Франции и Рима. Теперь Мария де Гиз и Беатон были представителями этих держав. Чем больше, казалось, было шансов на принятие предложения советом, тем больше Беатон боролся и тем более яростное сопротивление он оказывал этому. Он беспрестанно прерывал прения: задавал вопросы другим членам комиссии; таким образом, он мешал им выступать и делал проведение голосования совершенно невозможным.^[275] Большинство членов совета восстало против столь непарламентского поведения, которое не позволяло им свободно осуществлять свое право. Другие участники, и особенно шотландцы, которые только что приехали из Англии, были возмущены. Последние задумали смелый план, который никому другому не приходил в голову. Они обратили бы дерзость кардинала в свою пользу, добившись его полного отстранения от должности. Было предложено исключить Битуна из собрания и заключить в покои дворца до тех пор, пока не будут собраны голоса. Этот план был немедленно принят и приведен в исполнение.^[276] Какой удар для этого гордого священника! Он, примас, кардинал, легат Рима, самая важная персона королевства, как он думал, оказался исключенным из совета и с ним обращались как с заключенным! Ему даже не суждено было очень скоро вернуться на свободу. Пожалуй, никогда еще ни одно собрание не наносило столь неожиданного удара. Шотландские лорды прибыли 24 января, а обсуждение и исключение кардинала, несомненно, состоялись 25 или 26 числа. Прелата перевели в тюрьму в Далкейте.^[277] Графы Хантли, Мюррей и Босуэлл потребовали его освобождения и предложили себя в качестве залога, но им не удалось его получить. В результате голосования была принята резолюция в пользу брака и союза с Англией; парламенту оставалось только утвердить ее.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРЕСТА БИТУНА.

Шотландские лорды, вернувшиеся из Англии, прежде всего граф Ангус и его брат, за время своего пребывания в Лондоне научились не щадить кардиналов и других римских сановников.

Чрезмерная самонадеянность кардинала на совете послужила поводом для принятия против него мер; но эти лорды прекрасно понимали, что без содержания кардинала в заключении в стране не может быть ни религиозной, ни даже гражданской свободы. 'Невозможно,' говорит Кальвин, 'лишить способного и могущественного тирана его превосходства иначе, как сначала отобрать у него оружие и выставив против него силы, превосходящие его собственные. Он никогда не покинет свой пост по собственной воле'.^[278] Сэр Джордж Дуглас, брат Ангуса, отправился в Бервик, где находился лорд Лайл, и указал ему, что, отправляя кардинала в тюрьму, они предоставили ему определенные доказательства своей деятельности. Лайл немедленно доложил об этом герцогу Саффолку, шурина Генриха VIII.^[279] Все друзья Евангелия и даже шотландская политическая партия рассматривали эту меру как великое избавление. Битун, однако, не был сдан Генриху VIII, как он того требовал.

Едва ли возможно представить, какой эффект произвел в Шотландии этот смелый поступок. Епископы и священники, как только услышали о необычном разбирательстве, были вне себя. Все духовенство, охваченное ужасом, сразу же последовало тому же примеру, как они поступили бы, если бы папа наложил на Шотландию интердикт. Церкви были закрыты, религиозные службы приостановлены, а священники отказались выполнять какие-либо свои функции. Можно было бы предположить, что было совершено какое-то ужасное преступление и что вся нация была отлучена от церкви. Траурная пелена нависла над Шотландией. Римское духовенство обвинило тех, кто поднял руку на кардинала, не только в несправедливости, но и в святотатстве. Народ, покорный в некоторых местах приказам своих священников и даже многих лордов, возликовал вместе с остальными. Аргайл покинул Эдинбург, удалился в свои поместья и собрал свой клан. Лорд Лайл писал в Лондон 1 февраля: "С тех пор как кардинал был схвачен, никто в Шотландии не может нанять священника для отпевания, крещения или погребения".^[280]

ПАРЛАМЕНТ В ЭДИНБУРГЕ.

Шотландский парламент должен был открыться на Пасху, и этот момент приближался. Вместо одного парламента будет (так сказать) два. Партия оппозиции, графы Хантли, Аргайл, Мюррей и Босуэлл, очень большое количество баронов, рыцарей, епископов и аббатов, встретились в Перте за неделю до дня созыва и, выработав определенные статьи, направили их регенту и его совету через епископа Оркнейского и сэра Джона Кэмпбелла, дядю графа Аргайла. "Пусть кардинал, - сказали они, - будет освобожден; пусть Новый Завет будет запрещен; пусть регент совещается с нами по всем делам королевства и пусть к королю Англии будут отправлены другие послы, на которых будет возложена миссия, совершенно отличная от той, которая была определена". Регент по совету своего совета отказался удовлетворить 'столь необоснованные требования'. Следующим шагом, который был предпринят немедленно, было послать герольда с оружием в руках в Перт, чтобы вызвать находившихся там лордов в Эдинбург под страхом наказания за государственную измену для исполнения своих обязанностей. Эта цитата возымела действие. Граф Мюррей, епископы и аббаты прибыли накануне открытия парламента. Другие лорды представились позже. Один Аргайл остался в своих поместьях. Однако два его дяди извинились за него, сославшись на плохое самочувствие.^[281]

Парламент открылся в понедельник, 12 марта. Собрание было многочисленным, поскольку серьезность события была понятна всем. "Этот парламент, - сказал граф Ангус, - самый *солидный*, который когда-либо видели в Шотландии; три сословия присутствуют в

большом количестве, и количество зрителей так велико, что больше не нашлось бы места в двух городах - Эдинбурге и Лите'. Первая резолюция этой важной ассамблеи одобрила брак принца Эдуарда и маленькой королевы Марии и уполномочила послов вести переговоры об этом с Англией.[282] Вторым решением (во вторник) стало утверждение графа Аррана в должности регента. В среду граф Ангус и его брат были восстановлены в почестях и поместьях, которых они были лишены за время своего пятнадцатилетнего изгнания. В четверг должна была быть представлена и обсуждена самая важная из всех резолюций этого органа.

Лорд Максвелл, которого безрассудство Якова V лишило командования в деле при Солузе, был широко известен как 'человек с добрыми намерениями по отношению к Слову Божьему'. Он открыто не исповедовал евангелическое учение до тех пор, пока кардинал обладал верховной властью; но его пребывание в Англии, хотя и короткое, побудило его избрать более решительный курс. Он встал и представил законопроект, предусматривающий, "что все подданные королевства могут читать Священное Писание на своем родном языке'. Дебаты начались немедленно. Данбар, архиепископ Глазго, который после заключения кардинала в тюрьму стал канцлером королевства, заявил, что будет выступать против этого предложения от своего имени и от имени всех прелатов, по крайней мере, до тех пор, пока провинциальный совет всего духовенства Шотландии не примет решение по этому вопросу. 'А потому, - отвечали сторонники Священного Писания, - разве людям, не понимающим латыни, не должно быть дозволено употреблять это слово о своем спасении на языке, который они понимают, подобно тому, как латиняне употребляли его на латыни, а греки и евреи - на своих языках'. 'Церковь, ' ответили священники, - запретила все языки, кроме этих трех'. 'Когда было введено это запрещение?' - возразили друзья Евангелия. Христос повелел проповедовать Свое слово всем народам. Теперь, если это должно быть проповедано всем народам, это должно быть проповедано на понятном им языке. Итак, если законно проповедовать это на всех языках, то почему не должно быть законно читать это и слышать, как это читают на всех языках? С той целью, чтобы люди могли испытать духов в соответствии с заповедью апостола".[283]

СВОБОДА ЧИТАТЬ БИБЛИЮ.

Потерпев поражение, прелаты признали, что Священное Писание действительно можно читать на вульгарном языке, при условии, что перевод верен. Затем некоторые члены собрания вручили священникам несколько экземпляров Священного Писания, которые они достали из своих карманов, и попросили их указать на любые недостатки, которые они смогут найти в них. Прелаты, в великом смущении, начали искать, переворачивая листы книги, открывая ее в начале, в конце и во всех частях, прилагая бесконечные усилия, чтобы найти какую-нибудь ошибку. Но ничего найти не удалось. Наконец, "Вот, - сказал один из них, - вот отрывок, заслуживающий порицания; любовь ставится на место *милосердия*'. 'Какая разница, - был дан ответ, ' между тем и другим? Кажется, вы не понимаете греческого термина *ἀγάπη*'. Перед греческим словом священники онемели.[284]

Затем депутаты от горожан и часть знати потребовали разрешить запрошенное чтение, а также чтение христианских трактатов до тех пор, пока духовенство не даст лучший перевод Библии. Прелаты все еще сопротивлялись; но в конце концов, вынужденные замолчать, они подчинились, и парламентским актом было установлено, что 'все мужчины и женщины должны иметь право свободно читать Священное Писание на своем родном или английском языке, и что все акты, противоречащие этому, должны быть отменены'. Этот законопроект, принятый 15

марта, был обнародован 19 марта и разослан во все части королевства по приказу регента. Священники немедленно начали в один голос кричать против него как распространителя ереси.[285]

Это был первый публичный акт, принятый в Шотландии в поддержку свободы вероисповедания. Победа, которую тогда одержал Иисус Христос над врагами своей истины, говорит Нокс, имела немалое значение. Труба Евангелия сразу же издала определенный звук от Уигтона до Инвернесса, с юга на север. Немалое утешение было дано душам, семьям, которые до тех пор не осмеливались читать Молитву Господню или Десять заповедей на английском языке из страха быть обвиненными в ереси. Библия, которая долгое время лежала спрятанной в каком-нибудь укромном уголке, теперь открыто лежала на столах благочестивых и хорошо информированных людей. Новый Завет действительно уже был широко распространен, но многие из тех, кто обладал им, показали себя недостойными его, так и не прочитав в нем и десяти предложений из страха перед людьми.

Теперь они выпустили свои Новые Заветы и "били ими своих знакомых по щеке".[286] 'Вот, ' сказали они, ' эта книга пролежала спрятанной в ногах моей кровати все эти десять лет'. Другие, напротив, радостно восклицали: 'О, как часто я подвергался опасности из-за этой книги! как тайно я ускользал от своей жены в полночь, чтобы почитать ее в этот одинокий тихий час!' Некоторые, желавшие привлечь все к ответственности, устраивали грандиозный парад своей радости, чтобы засвидетельствовать свое почтение регенту, который в то время считался самым ревностным протестантом во всей Европе. 'Но в целом, ' добавляют историки, ' познание Бога чудесным образом возрастало от прочтения священных писаний, и Святой Дух в великом изобилии давался простым людям'. В то же время в Шотландии было опубликовано много работ, которые были призваны раскрыть злоупотребления Римской церкви, а другие такого же характера были привезены из Англии. Этот важный Акт шотландского парламента так и не был отменен.

МИССИЯ СЭРА Р. СЭДЛЕРА.

Пока принимались эти благотворные меры, союз страны с Англией, по-видимому, становился все крепче; и даже если не следовало ожидать чисто евангелической реформации, узы, связывавшие Шотландию с Римом, несомненно, должны были быть разорваны. В воскресенье днем, 18 марта, на следующий день после закрытия сессии парламента, прибыл сэр Ральф Сэдлер, посланник Генриха VIII. В тот же вечер он отправился в Холируд и там узнал от регента о только что принятых решениях. На Сэдлера была возложена обязанность заключить брачный контракт между Эдвардом и Мэри, а также проект вечного союза между двумя странами.[287] Сэдлер, который действовал в бизнесе с предельной энергией, вскоре обнаружил, что шотландцы не готовы идти на тот же шаг, что и его хозяин. 'По моему мнению, ' писал он (27 марта), - им лучше претерпеть крайности, чем прийти к послушанию и порабощению Англии: они получают свободу в своем королевстве и будут жить сами по себе по своим собственным законам и обычаям.... Я думаю, что, несомненно, вся знать и все светское население этого королевства желают этого брака и соединиться с нами в совершенной дружбе: в этом случае, я также думаю, они полностью покинут Францию. ' Это было не то, к чему стремился Генрих. После смерти юной принцессы Тюдоры, по его мнению, должны были унаследовать ее королевство.

Союз, тем не менее, был заключен. 1 июля граф Гленкэрн, сэр Джордж Дуглас, Лермонт и Балнавс, шотландские посланники, подписали в Гринвиче договор о браке и мире. Этот договор был торжественно зачитан 25 августа в аббатстве Холируд и там подписан, скреплен печатью и одобрен регентом и знатью. Королева должна была оставаться в Шотландии до тех пор, пока ей не исполнится десять лет, а затем быть увезенной в Англию для получения образования. Три шотландских лорда должны были быть переданы Генриху в качестве заложников; и в подтверждение союза освященная облатка, согласно римскому обычаю, была разломана между регентом и сэром Р. Сэдлером, представителем Генриха VIII. Каждый из них получил и съел половину в знак своего единства и как залог своей верности - странный метод скрепления союза, целью которого было разрушение римских суеверий. Международный договор был опубликован повсюду как основа бессрочного соглашения, но союзу двух наций еще предстояло столкнуться со многими бурями.

ГЛАВА XIII.

БИТУН ОСВОБОЖДЕН И ВОССТАНАВЛИВАЕТ СВОЮ ВЛАСТЬ.—НАРУШЕНИЕ ДОГОВОРА.—
НОВОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ.

(Март 1543 г.—Лето 1544 г.)

В настоящее время в Шотландии все шло хорошо, и сохранение этого благополучия было всем, чего можно было желать. Самый строгий взгляд не мог найти ничего, что могло бы вызвать порицание при дворе регента; и он действовал в правительстве с такой умеренностью, что не было услышано ни единой жалобы на его правление. Аррана уважали и ему повиновались настолько, насколько мог бы повиноваться любой король. Все люди обещали себе спокойную жизнь, когда внезапный порыв ветра все перевернул.

Была одна партия, которая была полна гнева по поводу недавних изменений. Союз Шотландии с Англией, заключение кардинала в тюрьму, регентство Аррана, свобода, дарованная Священному Писанию, — все это приводило друзей папства в волнение и ужас, будь то в Риме, во Франции или в Шотландии. Граф Леннокс прибыл из Парижа с целью оказать поддержку французской партии в Шотландии; и он льстил себя надеждой, что его назначат регентом и даже что он женится на вдовствующей королеве. Папа послал легата Марко Гримани в Шотландию с приказом присоединиться к кардиналу, графу Ленноксу и всем другим противникам Аррана; предать анафеме и использовать все другие средства, которые он только мог придумать, для свержения регента и возвышения кардинала.^[288] ГриМани и Леннокс ожидали, что материал будет полностью готов, так что им будет легко поджечь его. Они не совсем ошиблись. Ультрамонтаны Шотландии были в ярости на регента и лордов, которые были на его стороне.^[289] Их план состоял в том, чтобы освободить кардинала, который затем должен был отправиться со своими сторонниками в Линлитгоу, завладеть молодой королевой и свергнуть регента.

АББАТ ИЗ ПЕЙСЛИ.

Леннокс и Гримани приехали с континента не одни. Два шотландских священника, которые долгое время жили во Франции и там глубоко прониклись римским католицизмом, высадились в Шотландии в апреле месяце. Эти люди, вероятно, сделали бы, возможно, больше, чем все другие, для восстановления ультрамонтанства. Это были Джон Гамильтон, настоятель Пейсли, побочный брат регента, и мастер Дэвид Пантер,^[290] который впоследствии был епископом Росса. Об их учености, их скромности и их религии много говорили, и люди думали, что их приход станет большим утешением для Церкви Божьей.^[291] "Скоро, - было сказано, - они взойдут за кафедру и будут истинно проповедовать Иисуса Христа".

Аббат Пейсли был допущен к интимным отношениям с регентом. Он мог поговорить с ним в любое время, и он взялся постепенно разрушать евангелические взгляды Аррана и разрывать его связи с Англией. Прежде всего, необходимо было избавиться от двух евангелических капелланов. Поэтому два священника сразу после своего прибытия начали пренебрежительно отзываться о проповедях Уильямса и Рафа. Аббат Пейсли всегда находил какую-нибудь ошибку. "Их проповеди, - сказал он своему брату, - еретичны и скандальны". Последний, от природы слабоумный, позволил себя поймать. Уильямсу было приказано положить конец его проповеди, и он отправился в Англию. Рафа отправили проповедовать в Кайл, где в течение некоторого времени были любители Библии. Этого было недостаточно. Люди здравого смысла и подлинного благочестия, окружавшие регента и внесшие свой вклад во всеобщее процветание и мир, также должны быть устранены с дороги. Какие ужасы, какие обещания, 'какие шкатулки, полные чар", по словам Нокса, эти два священника привезли с собой из Франции, никто не мог сказать. Как бы то ни было, от одних удалось избавиться хитрыми уловками, от других - ложными инсинуациями. 'Если вы останетесь, ваша жизнь поставлена на карту", - сказали они им. В то же время сторонники духовенства, которые до тех пор держались в стороне от двора, устремились туда, как вороны на падаль.^[292] Однажды, когда в Холируде собралось большое собрание, и регент увидел вокруг себя в один и тот же момент как верных слуг, заслуживших блага своей страны, так и фанатичных сторонников кардинала, один из последних выкрикнул достаточно громким голосом, чтобы его услышали Арран и все присутствующие: "Милорд губернатор и его друзья никогда не будут в покое и никогда не покинут свою страну". тишина до тех пор, пока дюжина этих негодяев, оскорбляющих его светлость, не будет повешена.^[293] После этого люди увидели людей, чьи труды были так полезны Шотландии, — Дарема, Бортвика, Босуэлла, лэрда Грейнджа, Балнавеса, Балландена^[294] и сэра Дэвида Линдси, — покинувших зал суда, в то время как тот, кто угрожал им виселицей, получил пенсию за свои дерзкие речи.

Откладывать освобождение кардинала больше было нельзя. 26 января он был заключен в тюрьму в Далкейте, оттуда его перевезли в Ситон, рядом с замком Блэкнесс на Форте, и, наконец, в Сент-Эндрюс, резиденцию его архиепископства. Там он был отпущен на свободу, в частности, по просьбе королевы-матери, которая никогда не переставала заступаться за него.^[295] Оказавшись на свободе, этот высокомерный человек, взбешенный нанесенным ему оскорблением, думал только о восстановлении собственной власти и восстановлении дела папства.

ИНТРИГИ БЕАТОНА.

Теперь он часто общался с Марией де Гиз и разделял ее возмущение милостями, оказанными шотландским дворянам, только что вернувшимся из Англии, которые прошли путь от изгнания до самых влиятельных должностей. Они решили сделать все возможное, чтобы восстановить

союз с Франциском I и папой римским. Кардинал полностью завоевал расположение графа Босуэлла, лордов Хоум, Бакклю и других. Он побудил тех из них, кто находился на границе, совершить набеги на английскую территорию. 6 июля он собрал в Сент-Эндрюсе графов Леннокса, Аргайла, Хантли и Босуэлла, лорда Хоума и других дворян и джентльменов, благосклонных к папе; и на этой конференции они решили выступить против регента, который вместо того, чтобы исполнять их планы, был только склонен продвигать еретические мнения.[296]

Тем временем Битун находил возможности для тайных бесед с братом регента, который держал все в своих руках; ибо этот бастард отличался такой же силой характера, как его законный брат - отсутствием таковой. Кардинал не ограничивался интригами в высших кругах, но в глубине души стремился привлечь на свою сторону толпу и испробовал все мыслимые схемы, чтобы добиться успеха.[297] Когда он решил, что наконец-то обеспечил себе положение как наверху, так и внизу, он созвал духовенство в Сент-Эндрюсе. Епископ, аббат и примас рассказали этому собранию обо всех опасностях, которые в то время нависали над Шотландией. 'Чтобы предотвратить их,' сказал он, 'внесите щедрый вклад из своих кошельков и призовите всех ваших друзей сделать то же самое. Скажите им, что на карту поставлены их имущество и их жизни. Более того, - воскликнул он, - наша задача состоит в том, чтобы предотвратить гибель, которая угрожает папе вселенской церкви'.[298] Духовенство заявило, что предоставит в его распоряжение все свои ресурсы, и решило начать всеобщую подписку. "Кардинал, - писал посол Сэдлер лорду Парру, брату королевы Англии, - здешний кардинал не только поднял почти все королевство против губернатора, но и подговорил графа Босуэлла [и других] сеять все возможные беспорядки на Границах, прокладывая дороги и вторгаться в Англию только с намерением нарушить мир и посеять раздор и распрю между обоими королевствами".[299] В то же время монахи страстно проповедовали против унии с Англией; и население, возбужденное ими, было в волнении и готово к восстанию, угрожая тем, кто выступал против Римской церкви, и даже оскорбляя английского посла. Шуты обычно осаждали и его, и его свиту дерзкими речами. Но посланник Генриха VIII, зная, что для его повелителя главное - добиться успеха, терпеливо перенес эти унижения, опасаясь ускорить разрыв.

ЗАЛОЖНИКИ ОТКАЗАЛИСЬ.

Поскольку Шотландия была обязана предоставить заложников Англии в качестве гарантии исполнения договоров, кардинал решительно выступил против этой меры не только со стороны своей фракции, но и с другой стороны. Он не скупился на обещания родственникам и друзьям предполагаемых заложников в надежде побудить их воспротивиться их доставке в Англию. То же влияние было оказано и на регента. В день, назначенный для передачи лордов английскому послу, последний отправился к регенту и, пожаловавшись на оскорбления, которым он подвергся, потребовал заложников. Регент пообещал, что виновные в безобразиях, на которые жаловался Сэдлер, должны быть наказаны. 'Что касается заложников,' добавил он, - то власть, которой я облечен, такова, что, хотя у меня есть права по отношению к подданным королевы, у них также есть свои права по отношению ко мне. Вы сами являетесь свидетелем огромного волнения, вызванного кардиналом.[300] Все мои планы расстроены, и, увлекаемый силой народных страстей, я больше ни за что не могу отвечать".[301] Аррану действительно не хватало сил, чтобы противостоять такой буре, которую вызвал кардинал. Будучи сам слабоумным, он склонялся перед насилием тех, у кого были сильные убеждения. Сэдлер, возмущенный его отказом, призвал шотландцев, находившихся в плену в Англии, вернуться в свое заточение, как

они обязались сделать в случае нарушения договора. Кеннеди, граф Кассилис, был единственным, кто сдержал свое слово. Он отправился в Лондон, несмотря на настоятельные просьбы своего окружения.^[302] Генри, тронутый этим актом доброй воли, великодушно отправил его обратно в Шотландию с двумя его братьями, которые остались в качестве заложников.

Клерикальная реакция неуклонно набирала новые силы. В соответствии с соглашением от 6 июля, дворяне, враждебные регенту, собрали некоторое количество войск; и 21 июля они прибыли во главе десяти тысяч человек в Лейт, порт Эдинбурга. В тот же момент Арран, граф Ангус, лорд Максвелл и их друзья были в Эдинбурге во главе своих вооруженных сил. С обеих сторон царило одинаковое оживление. Их можно было бы сравнить с двумя электрическими облаками, молния которых была готова разразиться с неистовством. Однако два противостоящих отряда войск оставались неподвижными в течение пяти или шести дней. "Чем все это кончится, - писал Сэдлер лорду Парру, - я не могу сказать, но мое мнение таково, что они не будут сражаться, несмотря на все свое бахвальство".^[303] На самом деле они не воевали.

НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ АРРАНА.

Две королевы находились во дворце Линлитгоу, в котором родилась юная Мэри. Регент и кардинал заявили, что королевы были на его стороне, но все симпатии королевы-матери были на стороне кардинала. Последний в сопровождении графов Аргайла, Хантли и Босуэлла, а также многих епископов отправился в Линлитгоу. Предположив, что принцессы там не в безопасности, он убедил их поехать с ним в Стерлинг, что они и сделали. Эти лорды без обиняков говорили между собой и с королевой о смещении регента на основании неповиновения их святой матери Церкви. Это сильно встревожило Аррана, который в то же время подвергался преследованиям со стороны аббата Пейсли, своего родного брата. 'Подумайте, ' сказал последний, - об опасности, которой вы подвергаете себя, позволяя подорвать авторитет папы. Это авторитет, на котором зиждется ваш собственный'. Поскольку Арран опасался гнева Генриха VIII, аббат до предела превозносил могущество короля Франции и огромные преимущества союза с ним. Но превыше всего остального он настаивал на обязательстве заключить мир с Церковью, 'вне пределов которой, - повторил он, - нет спасения'. Бедный регент, слабый, непостоянный и вовсе не основанный на вере в Евангелие, колебался между желанием последовать совету своего брата и стыдом, связанным с тем, что он покинул свою партию и отдал первенство кардиналу. Он колебался между папой и Евангелием, между Францией и Англией. Его нерешительность была для него пыткой; он испытывал горькие муки. Настоятель не уставал повторять вопрос: 'Что ты собираешься делать? тогда ты навсегда уничтожишь себя и свой дом?'^[304] Он больше не колебался. Избиваемый со всех сторон противоборствующими волнами; сознавая, что его силы уступают силам его противников; загнанный в ловушки кардинала, который предпочел завоевать его террором, чем подчинить оружием; покинутый многими дворянами; утративший благосклонность народа, оскорбленного его слабостью; униженный в глазах своих друзей и опозоренный в глазах англичан, несчастный человек, наконец, совершил роковой прыжок. Через девять дней после ратификации союза с Англией и всего через шесть дней после того, как он опубликовал прокламацию против кардинала, Арран тайно улизнул из дворца Холируд, 3 сентября прибыл в Стерлинг и бросился в объятия своего кузена Беатона.

Это было еще не все. Он также был полон решимости броситься в объятия папы римского; желая только сделать это без излишней показухи и воображая, по словам Бьюкенена, что таким образом он сможет уменьшить позор этого низменного поступка. Для этой цели был выбран монастырь францисканцев.^[305] Присутствовала королева-мать. Для Гиза эта сцена была одним из изысканных удовольствий, которого Мария добровольно не лишилась бы. Присутствовали также некоторые придворные, преданные Риму. Там, в тусклом свете часовни, этот слабый человек, от которого люди ждали триумфа Реформации в Шотландии, наивно воображая, что он совершает тайное действие, преклонил колени перед алтарем, смиренно признался в своих заблуждениях, растоптал ногами клятвы, которые он давал своей стране и Англии, отрекся от евангелического исповедания Иисуса Христа, подчинился папе и получил отпущение грехов от кардинала.^[306] Зрители ликовали от унижения Аррана. Несчастный действительно продолжал оставаться номинальным регентом, но с того часа у него не было ничего, кроме призрака власти, поскольку его собственным управляющим был лорд кардинал. Поэтому он впал в неуважение, и даже те, ради кого он пожертвовал всем, не испытывали к нему уважения. "Тот, кто спасет свою жизнь, потеряет ее".

Слух о его лжесвидетельстве быстро распространился за границей. Мало кто был удивлен, услышав это, но очень многие были разгневаны. Английский посол написал ему следующее: 'Поскольку я получаю различные сообщения о вашем внезапном отъезде в Стерлинг, которые, если они частично соответствуют действительности ... могли бы сильно затронуть вашу честь: ... Я не могу полностью удовлетворить себя, не адресуя эти мои письма вашей светлости, только для того, чтобы попросить вас проявить доброту и сообщить мне, как вы остаетесь верны королевскому величеству и выполняете вашу клятву и обещание, данные ранее. Я умоляю вашу светлость сообщить мне правду по вашему собственному объявлению с намерением, чтобы я мог незамедлительно написать то же самое королевскому величеству, прежде чем он получит какую-либо зловещую или ложную информацию в этом отношении, которая может повлиять на привязанность и хорошее мнение его высочества о вас. Чего, со своей стороны, я бы прямо не хотел.'^[307]

КОРОНАЦИЯ МАРИИ СТЮАРТ.

За отречением последовала другая церемония. Это была коронация маленькой королевы, которая состоялась 9 сентября с большой помпой. Союз между Шотландией и Францией был возобновлен, и Франциску I были даны новые обещания. Таким образом, кардинал блестяще начал свое правление и, возложив корону на голову маленькой девочки, сказал себе, что, по крайней мере, ему не нужно бояться, что ребенку взбредет в голову помешать его планам.^[308]

Генрих VIII. был в ужасе. Отречение регента и сопровождавшая его политическая революция расстроили его самые заветные планы. Но ратификация договора с ним произошла так недавно, что может возникнуть вопрос, была ли вся эта история со Стирлингом чем-то большим, чем временная ошибка, плод слабости Аррана. Поэтому он приказал своему послу приложить все усилия, чтобы напомнить регенту о его первоначальных намерениях. Генриху казалось невозможным, чтобы Арран поступил так глупо, так бесчестно, так жестоко, так безжалостно по отношению к Шотландии, чтобы не только отказаться от всех предлагаемых ему преимуществ, но и, более того, предать свою страну огню и мечу и всем бедствиям ужасной войны. Все эти соображения, выдвинутые Сэдлером, оказались бесплодными. Наконец, возмущенный

лжесвидетельством и оскорблением, Генрих отозвал своего посла, объявил войну Шотландии, приказал захватить многочисленные шотландские корабли, стоявшие в его портах, бросил в тюрьму моряков и торговцев и послал глашатая объявить шотландцам, "что они заключили договор с благородным принцем, который не оставит их нелояльность безнаказанной и неотомщенной, чья сила и могущество, по милости Божьей, достаточны против них, чтобы заставить их осознать и прочувствовать свои собственные ошибки и оскорбления". Бойтесь, - сказал он, - руки Божьей над вами". Это была война, война со всеми ее ужасами огня и меча, которую Генрих в своем гневе решил развязать с Шотландией. ' Ты разрушишь Эдинбургский замок, сожжешь и разграбишь столицу вместе с Холирудом, Лейтом и окрестными деревнями, предавая мечу мужчин, женщин и детей без исключения. Свергнуть Сент-Эндрюс, чтобы верхний камень стал нижним, а не одна палка стояла рядом с другой".[309] Гнев Генриха был ужасен; но ничто не могло встревожить самонадеянного кардинала. Когда он услышал о заключении в тюрьму шотландских купцов и моряков, он улынулся и шутливо сказал: "Когда мы завоюем Англию, мы выплатим торговцам компенсацию".

ГРАФ ЛЕННОКС.

Когда кардинал вышел из тюрьмы, его взгляд упал на двух мужчин, которые встали у него на пути. Одним из них был регент, и он избавился от него, став его хозяином. Другим был граф Леннокс, человек, внушительный своим положением и притязаниями, который даже предполагал, что может жениться на королеве-матери. Но Мария де Гиз, как и все ее родственники, была фанатичной приверженкой Рима, и по просьбе кардинала она умоляла короля Франции отозвать Леннокса под любым благовидным предлогом, добавив, что его пребывание в Шотландии может привести к нарушению мира. Леннокс видел, что они шутят с ним. Он был столь же разносторонен, как Арран, но более способен, и, видя, что потерял расположение Франции, предложил свои услуги королю Англии, который с готовностью принял их. В то время Леннокс считался главой шотландского протестантизма. Два выдающихся лорда Шотландии совершили подвиг на том, что вульгарно называется *шоссе Круазе*. Лидер протестантов стал папистом, а человек при дворе Франциска I. стал протестантом. Вместо дочери Гизов он женился на леди Маргарет Дуглас, племяннице Генриха VIII. Именно так светские люди управляют делами. Евангелическая религия мало что потеряла, потеряв Аррана. И не приобрела большего, приобретя Леннокса. Этими людьми двигали только политические интересы, и шотландский протестантизм больше, чем какой-либо другой, должен был отвергать эти позорные сочетания Христа и Ваала и иметь только одного царя, Иисуса Христа.

Кардинал, одержавший победу по всей линии, немедленно приступил к делу, которое было ему больше всего по душе, — сокрушить Реформацию. Закон, разрешавший чтение Священного Писания, принес свои плоды, и 'в разных частях Шотландии, - говорит хронист, - благодаря этому у избранных Божьих открылись глаза, чтобы они видели истину и питали отвращение к папистской мерзости".[310] Это отвращение, возможно, подтолкнет их к прискорбным крайностям, пример которых мы скоро увидим.

В Перте, на левом берегу приятной реки Тей, было несколько друзей Реформации. Наделенные по большей части подлинным благочестием, они проводили собрания, вместе читали Священное Писание, выясняли его смысл и давали или слушали его изложение.[311]

Иногда они также устраивали совместные простые светские трапезы. Некоторые священники города, с которыми они были связаны и чей характер они уважали, не разделяя их мнений, были

приглашены на эти собрания. Церковники ели, пили и разговаривали с ними и считали себя счастливыми, что их пригласили в дома этих честных людей.^[312] Это обстоятельство демонстрирует великодушие этих христиан из Перта, которые могли видеть и ценить все хорошие качества, которыми обладали их противники. Однако они не связывали себя римскими правилами о мясных и рыбных днях, правилами, от которых можно было отказаться за небольшие деньги: и однажды в пятницу случилось так, что на их столе появился гусь.

Трое из этих людей, Роберт Лэмб, Уильям Андерсон и Джеймс Равелесон, смелые персонажи, склонные к насмешкам, были среди тех, кто воспринял Реформу с ее негативной стороны. Они испытывали отвращение к злоупотреблениям монашеской жизни, а францисканцы оскорбляли их больше всего. Вид одного из этих нищенствующих монахов на улице, в его коричневом одеянии, шнуровом поясе, капюшоне и с босыми ногами, вызывал у них сильнейшее отвращение. "Эти монахи, - как сказал один очень выдающийся католический священник, - притворяются целомудренными, но они знают, что такое сладострастие, и часто превосходят светских людей в потворстве роскоши".^[313] И все же эти монахи притворяются, что все, что нужно для спасения, - это надеть одежду их ордена в момент смерти. По мнению Андерсона и двух его друзей, основателем этого ордена, который, тем не менее, был лучшим человеком, чем большинство его преемников, должен был быть сам дьявол. Поэтому они взяли изображение Франциска Ассизского, прибили к голове бараньи рога, а сзади подвесили коровий хвост и, придав ему таким образом сходство с демоном, повесили его. Шотландцы по натуре не шуты. Напротив, они серьезны и энергичны по отношению к тем, кому противостоят; и эта достойная порицания казнь была совершена этими тремя людьми с невозмутимой серьезностью.^[314]

РАВЕЛЕСОН И ЛЭМБ.

Среди этих реформированных христиан Перта были некоторые проявления взглядов, отличавшихся простотой и решительностью, которые, однако, иногда принимали странную форму. Одна из женщин, часто посещавших евангелические собрания, Хеллен Стирк, была близка к родам, и в час своих страданий, окруженная подругами и соседками, все они были ревностными поклонницами Девы Марии, она воззвала к Богу и только к Богу во имя Иисуса Христа. Женщины сказали ей— 'Тебе следует воззвать к Пресвятой Деве. Разве Мария не непорочна, как Христос, и даже выше его как первого источника искупления? Разве она не царица небесная, глава церкви?' Монахи-францисканцы постоянно внушали этим добрым женщинам мысль о том, что никто не может получить благословение от Бога, "кроме как по распоряжению своей благочестивой матери".^[315] Эллин почитала Марию как святую и благословенную женщину, но считала, что у нее такой же характер, как у других женщин, и говорила об этом своим соседям. По его милости, как сказала сама Мария, Бог обратил внимание на низкое положение своего слуги. Чтобы ее друзья могли лучше понять, что она имеет в виду, она смело добавила: "Если бы я жила во времена Девы Марии, Бог, возможно, так же отнесся бы к моему смирению и низкому положению, как он отнесся к Деве Марии, и, возможно, сделал бы меня матерью Христа".^[316] Женщины, окружавшие ее, не могли поверить собственным ушам, и ее слова, переданные в городе ее соседями, были сочтены отвратительными по мнению духовенства и толпы.

Если Святой Франциск был кошмаром Андерсона, то папа римский был кошмаром Равелесона. Но последний выразил свои чувства менее оскорбительным образом. Когда он построил четырехэтажный дом, то в качестве украшения поместил наверху своей лестницы, над

последней балясиной и прикрывающей ее опорной табличкой, вырезанную из дерева тройную диадему папы римского. Это был не очень преступный поступок: хороший папист мог бы поступить подобным образом. Но Равелесон, несомненно, хотел показать тем самым, что в его доме папа был на первом месте. Как бы то ни было, он дорого заплатил за это.

Эти протестанты из Перта, безусловно, были оригиналами, копий которых удалось найти не так уж много. Однако были некоторые из них, которые были свободны от этих эксцентричностей, проявляя при этом не меньшее мужество. Однажды, когда монах по имени Спенс очень громко заявил в церкви, что "молитва, обращенная к святым, настолько необходима, что без нее у человека не могло бы быть надежды на спасение", Роберт Лэмб поднялся и обвинил его перед всем собранием в преподавании ложных доктрин. 'Именем Бога,' сказал он, 'я заклинаю вас говорить правду'. Монах, охваченный страхом, пообещал сделать это; но в церкви было такое волнение и суматоха, что монах не мог заставить себя говорить, и Роберт, рискуя своей жизнью, едва избежал насилия людей. Женщины, прежде всего, издавали пронзительные крики и подталкивали толпу к самым жестоким действиям.[317]

ПЕРТСКИЕ ПРОТЕСТАНТЫ.

Кардинал в январе 1544 года, видя, что его власть прочно утвердилась, решил, что пришло время подавить Реформацию и прославить папу. Услышав о том, что происходит в Перте, он отправился туда, взяв с собой регента, нескольких главных лордов, епископов и судей. Когда он прибыл в Перт в день Святого Павла, 19 января, он приказал арестовать Роберта Лэмба, Уильяма Андерсона, Джеймса Хантера, Джеймса Равелесона, Джеймса Финласона и Хеллен Стирк, его жену,[318] и в тот же вечер заключил их в тюрьму в башне карантина.

На следующее утро заключенные предстали перед своим судьей. Их обвинили по нескольким основаниям, и в частности в том, что они собрались вместе, чтобы послушать чтение Священного Писания. Против Лэмба было выдвинуто специальное обвинение в том, что он перебил монаха. "Ни один человек, - ответил он, - который понимает и знает истину, не обязан выслушивать те же обвинения без противоречия. Здесь, на суде, присутствуют разные люди, которые, хотя и знают, что истинно, соглашаются с тем, что ложно; но им придется нести это бремя в присутствии Бога".[319] Шестеро заключенных были приговорены к смертной казни и подвергались жестокому обращению. Многие жители Перта были глубоко заинтересованы в их случае и обратились к регенту с просьбой спасти их жизни. Но когда Арран сказал кардиналу слово в их защиту, тот ответил: "Если вы откажетесь принять участие в приведении в исполнение этого приговора, я низложу вас". Арран задрожал и промолчал.

Друзья жертв, вспомнив, что некоторые священники в городе часто сидели за столами обвиняемых, умоляли их вспомнить о своих старых друзьях, которые тогда были в беде, и заступиться за них перед кардиналом. Но эти бедные священники пришли в ужас при мысли, что кардинал может услышать об их прежних отношениях с осужденными, и они ответили, что предпочли бы видеть их мертвыми, чем живыми. Это был их способ выразить свою благодарность. Поэтому хронист, чьи фразы не всегда изящны, добавляет: "Так жестоки эти звери, от низших до высших".

В городе нарастало волнение. Кардинал подготовил большой отряд вооруженных людей, которым было поручено проводить жертв к месту казни. Роберт Лэмб, стоя у подножия виселицы, обратился к народу: 'Побойтесь Бога и оставьте папу римского'. Затем он объявил,

что беда и разорение не замедлят обрушиться на кардинала.[320] Пятеро христиан утешали друг друга надеждой, "что в ту ночь они будут ужинать вместе в царстве Небесном".

Эллин искренне желала умереть вместе со своим мужем, но ей этого не позволили. В момент их расставания она поцеловала его и сказала: 'Муж, радуйся, ибо мы прожили вместе много радостных дней; но этот день, в который мы должны умереть, должен быть самым радостным для нас обоих, потому что мы должны радоваться вечно. Поэтому я не буду желать тебе спокойной ночи, ибо мы внезапно радостно встретимся в царстве небесном'. Затем ее отвели к пруду, чтобы утопить. Она держала на руках своего младенца и в последний раз кормила его грудью. Но этот трогательный инцидент не тронул безжалостных сердец ее палачей. Она умоляла своих соседей позаботиться о ее детях. Она отняла "сосущего младенца" от груди и отдала его кормилице, а затем была брошена в воду. Кардинал был удовлетворен.[321]

Из Перта кардинал отправился в Форфаршир, всегда таща за собой несчастного регента. Многие жители этого региона предстали перед ним за то, что совершили отвратительное преступление - прочитали Новый Завет. Среди них был доминиканец по имени Джон Роджерс, человек благочестивый и образованный, который, проповедуя Христа в Форфаршире, привел многие души к миру. Его вместе с другими заключили в замок Сент-Эндрюс, и несколько дней спустя его мертвое тело было найдено у подножия стен. Очень многие считали, что кардинал приказал предать его смерти в его темнице и перебросить через стены. Затем было распространено сообщение о том, что заключенный при попытке к бегству упал на камни и разбился насмерть. Значительное число шотландцев, среди них сэр Генри Элдер, Джон Элдер, Уолтер Пайпер, Лоуренс Пуллар и другие, были изгнаны просто по подозрению в чтении Евангелия.[322]

АНГЛИЙСКИЙ ФЛОТ В ЛЕЙТЕ.

Теперь кардинал вернулся в Эдинбург и забрал с собой регента. Он был совершенно доволен своей кампанией и обдумывал новые подвиги того же рода, когда в тот самый момент, когда он произнес 'Мир и безопасность', в море появился флот. Внезапно прибыли гонцы, чтобы сообщить регенту и кардиналу, что множество судов входит в залив Ферт-оф-Форт и направляется в Лейт и Эдинбург. 'Это англичане, - говорило большинство людей, - и следует очень опасаться, что они высадятся'. Кардинал скрыл свое беспокойство, притворился, что улыбается и шутит, и сказал с презрительным видом: 'Это всего лишь островной флот; они пришли, чтобы устроить нам представление и нагнать на нас страху. Я положу глаз на военных людей, которые высадятся в Шотландии.[323] Затем он подошел к своему обеденному столу и заговорил со всеми так, как будто никакая опасность не угрожала. Всему Эдинбургу не терпелось поглазеть на чудесные корабли, и огромные толпы людей собрались с этой целью на замковом холме и на возвышенностях близ города. 'Но что же тогда все это может значить?' - спрашивали друг друга люди. К шести часам вечера более двухсот судов бросили якорь на Лейт-роудс. Адмирал приказал спустить на воду корабельный катер, который начал осторожно проводить зондирование от Грантон-Крейгс до Ист-Лейта. Все здравомыслящие люди понимали, что это значит, но если кто-нибудь из них высказывал то, что думал, священнослужители пожимали плечами. Все люди отправились спать, как будто эти корабли пустили в ход свои бортовые залпы для защиты спящих.

На рассвете в воскресенье, 4 мая, лорд Лайл, командовавший флотом, отдал приказ о высадке. Катера и другие небольшие суда подошли как можно ближе к берегу, в то время как более

крупные суда высадили своих людей в баркасы, и так они добрались до суши. К десяти часам операция была завершена, и зрители из Эдинбурга, к своему великому изумлению, увидели более десяти тысяч вооруженных людей. Кардинал и регент, отбросив напускное спокойствие, казались теперь очень встревоженными, и, забыв о своем нелепом бахвальстве, вскочили в карету и умчались так быстро, как только могли нести их лошади. Они не останавливались до тех пор, пока не преодолели двадцать миль местности, отделявшей их от пугавшей их опасности. Прежде чем отправиться в путь, они отдали приказ с целью умиротворения англичан освободить графа Ангуса, сэра Джорджа Дугласа и двух других лордов, сторонников союза с Англией, которые были брошены в тюрьму в Блэкнесе. Это было сделано в тот же вечер, и сэр Джордж весело сказал: "Я благодарю короля Генриха и моих добрых хозяев Англии".[324]

Высадившиеся войска вошли в Лейт под командованием графа Хартфорда между двенадцатью и часом дня, после того как рассеяли небольшой отряд людей, оказавших им сопротивление. Когда они обнаружили, что во всех домах готов ужин, а столы ломаются от вин и съестных припасов, они сели и освежились. В понедельник, 5 мая, две тысячи английских всадников выступили из Бервика на подкрепление пехоте, и вся армия, отдохнув один день, в среду форсировала ворота Эдинбурга и вошла в город. Люди вспоминали ужасные угрозы Генриха VIII. Город был сначала разграблен, а затем сожжен. Дворец Холируд, Лейт и окрестности постигла та же участь. Англичане не смогли взять замок, и, насытившись грабежом, поджогами и едой, они перенесли свою добычу на корабли. Английская армия вернулась в свою страну через Бервик, разграбив и сожгв Хаддингтон и Данбар, замки, сельские усадьбы и все округа, через которые они проезжали. Армия потеряла всего сорок человек.[325]

Генрих VIII. осуществлял самые грандиозные проекты. Его цели состояли в том, чтобы Шотландия отказалась от союза с Францией; чтобы королева поселилась в его собственном доме; чтобы ему был присвоен титул курфюрста королевства; чтобы Леннокс был назначен регентом вместо Аррана; и чтобы Слово Божье проповедовалось, конечно, по-его собственному. Это следует из инструкций, данных им самим губернаторам пограничных областей.[326] Но он счел необходимым отложить свой план и довольствоваться наказанием, наложенным на столицу. Нам приходится сталкиваться с подобными фактами в истории каждого народа и всех эпох. Невозможно рассказывать или читать их без ужаса. К счастью, Шотландия в эту эпоху предлагает нашему вниманию факты совершенно иного рода, относящиеся к сфере деятельности христианской цивилизации.

ГЛАВА XIV.

УИШАРТ: ЕГО СЛУЖЕНИЕ И ЕГО МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ.

(Лето 1544 -март 1546 гг.)

ДЖОРДЖ УИШАРТ.

Летом 1544 года, вскоре после событий, о которых мы только что рассказали, благочестивый человек Джордж Уишарт вернулся из Англии в Шотландию. Он был братом лэрда Питтароу, что в графстве Мирнс. Находясь в Монтрозе в 1538 году, он читал греческий Новый Завет с несколькими юношами, которых обучал, и епископ Бречинский попросил его предстать перед

ним. Затем Уишарт удалился в Кембридж, и там он посвятил себя учебе в течение шести лет. В 1544 году шотландские уполномоченные, прибывшие в Англию, соблюдали договор с Генрихом VIII. забрали его с собой в Шотландию. Сначала он отправился в Монтроуз, свою старую обитель, а оттуда в Данди, где хотел проповедовать Слово Божье. Его внешность была совершенно располагающей. Он был любезен, непритязателен, вежлив. Его главным удовольствием было учиться и учить. Он был высок, его черные волосы были коротко подстрижены, борода длинная. Его физиономия свидетельствовала о несколько меланхоличном характере. На нем была французская шапочка из лучшего материала, платье до пят и черный камзол. Во всем его облике чувствовались благопристойность и изящество. Он говорил скромно и с большой серьезностью. Он спал на соломе, и его милосердию не было конца ни днем, ни ночью. Он любил всех людей. Он дарил подарки, утешал, помогал: он использовал все средства, чтобы делать добро всем и никому не причинять вреда. Периодически он раздавал беднякам различные предметы одежды, всегда "сберегая свою французскую кепку, которую хранил весь год, пока я был с ним", - говорит студент Кембриджа, нарисовавший этот портрет Уишарта незадолго до того, как последний отправился в Шотландию.[327]

Репутация Уишарта опередила его, и в Данди вокруг него собралось множество слушателей. В последовательной серии бесед он изложил учение о спасении, согласно Посланию к Римлянам, и его знания и красноречие вызвали всеобщее восхищение. Но священники повсюду заявляли, что, если ему будет позволено продолжать, римская система неизбежно рухнет на землю. Поэтому они обратились за помощью к влиятельному мирянину Роберту Миллю, который когда-то исповедовал истину, но с тех пор оставил ее. Однажды, как раз когда Уишарт заканчивал свою речь, Милл поднялся в церкви и именем королевы и регента запретил ему больше беспокоить их. Уишарт некоторое время молчал, подняв глаза к небу, а затем, печально посмотрев на собравшихся, сказал— 'Бог свидетель, что я никогда не возражал против ваших неприятностей, но хотел вас утешить. Но я уверен, что отказ от Слова Божьего и изгнание от вас его послания не уберезет вас от неприятностей, но втянет вас в них. Я предложил вам слово спасения, и, рискуя своей жизнью, я остался среди вас. Но [если] вас постигнет непредвиденная беда, обратитесь к Богу, ибо Он милосерден. Но если вы не повернетесь с самого начала, он посетит вас огнем и мечом'. Сказав это, он спустился с кафедры и сразу же отправился в западную часть Шотландии.[328]

ЕГО ПРОПОВЕДЬ.

Прибыв в Эйр, он проповедовал там большому количеству людей, которые с радостью восприняли его слова. Данбар, епископ Глазго, как только ему сообщили об этом, поспешил в город с группой людей и захватил церковь, чтобы помешать Уишарту проповедовать. Друзья реформатора были возмущены этим шагом. Граф Гленкэрн, лэрд Лох-Норрис,[329] и несколько джентльменов из Кайла отправились к Уишарту и предложили вступить во владение церковью и поставить его за кафедру. 'Нет,' мудро сказал евангелист, 'проповедь епископа не сильно повредит: давайте пойдем на маркет-кросс'. Они так и сделали, и он проповедовал там с такой энергией и воодушевлением, что некоторые из его слушателей, которые до того дня были врагами истины, приняли это с радостью. Тем временем епископ находился в церкви с очень небольшой аудиторией. Его почти никто не слышал, кроме нескольких служителей ризницы и нескольких бедных иждивенцев. Они ожидали проповеди, но он забыл положить ее в карман. Он придумал им лучшее оправдание, какое только мог. 'Придержите нас для вашего епископа, -

сказал он, - и в следующий раз мы обеспечим вас лучше'. Затем он поспешно покинул город, нисколько не стыдясь своего предприятия.[330]

Уишарт упорствовал в своей работе, и его репутация распространилась повсюду. Жители Мочлина пришли и попросили его проповедовать им Евангелие в следующее воскресенье. Но шериф Эйра услышал об этом и ночью послал группу людей занять посты около церкви. 'Мы войдем силой', - сказал Хью Кэмпбелл Уишарту. 'Брат, ' ответил евангелист, - это слово мира, которое Бог посылает через меня; ни одна человеческая кровь не будет пролита сегодня за его проповедь. Я нахожу, что Иисус Христос чаще проповедовал в пустыне, на морском побережье и в других местах, признанных нечестивыми, чем в Иерусалимском храме.' Затем он удалился в деревню, сказав людям, которые последовали за ним, что Спаситель 'так же силен на полях, как и в церкви'. Он взобрался на дамбу, возведенную на краю вересковой пустоши, и там, в погожий теплый день, проповедовал более трех часов. Один из присутствующих, Лоуренс Рэнкен, лэрд Шилда, который ранее вел порочную жизнь, был впечатлен услышанным. "Слезы текли из его глаз в таком изобилии, что все мужчины удивлялись".[331] Обращенный этим дискурсом, лэрд Шилда всю свою последующую жизнь доказывал, что его обращение было подлинным. Уишарт проповедовал с таким же успехом во всем округе. Урожай был отличный, говорит один историк.

Реформатор внезапно услышал, что чума вспыхнула в Данди через четыре дня после того, как он покинул город, и что она свирепствует безжалостно. Он немедленно решил отправиться туда. "Они сейчас в беде, и им нужно утешение", - сказал он тем, кто хотел удержать его. "Возможно, эта рука Божья заставит их сейчас возвеличивать и благоговеть перед тем словом, которое раньше из страха перед людьми они отвергали".

Он прибыл в Данди в августе 1544 года и в то же утро объявил, что будет проповедовать. Необходимо было отделить больных чумой от тех, кто был здоров, и с этой целью он занял свой пост у восточных ворот города. Те, кто был здоров, получили свое место в городе, а те, кто был болен, остались за его пределами. Такого распределения аудитории, конечно, никто раньше не видел! Уишарт открыл Библию и прочитал эти слова— 'Он послал свое слово и исцелил их'. (Пс. cѵii. 20.) "Милость Божья, - сказал он, - скоро снизойдет на всех, кто действительно обратится к Нему, и злоба людей не может ни восполнить, ни дополнить [ни уменьшить] его милостивое посещение".[332]— "Мы не боимся смерти", - сказали некоторые из его слушателей; 'Более того, мы считаем более счастливыми тех, кто должен уйти, чем тех, кто должен остаться'. Эти восточные ворота Данди (Каугейт) остались стоять в память о Уишарте, когда в конце восемнадцатого века были снесены городские стены, и они до сих пор бережно хранятся.

Уишарт не довольствовался одними выступлениями, он лично навещал больных, бесстрашно подвергая себя заражению в самых крайних случаях. Он заботился о том, чтобы больные получали все, в чем они нуждались, а бедные были обеспечены так же хорошо, как и богатые.

Город был в большом отчаянии, опасаясь, что уста, из которых исходило столько сладости, будут закрыты.

ПОПЫТКА УБИЙСТВА УИШАРТА.

Тем не менее, по наущению кардинала, говорит Нокс, священник по имени Уайтон взял шпагу и, спрятав ее под своей рясой, смешался с толпой, как будто был простым слушателем, и встал в ожидании у подножия лестницы, по которой должен был спуститься Уишарт. Беседа была

закончена, люди разошлись. Уишарт, чей взгляд был острым, а суждения быстрыми, спускаясь по ступенькам, заметил священника, который держал руку под рясой, и, как только он приблизился к нему, спросил: "Друг мой, что бы ты сделал?" В тот же миг он схватил священника за руку и вырвал у него оружие. Убийца упал к его ногам и признал свою вину. Быстро распространилось сообщение о том, что священник пытался убить реформатора, и больные, услышавшие это, обернулись и закричали: "Доставьте нам предателя, иначе мы возьмем его силой". И действительно, они бросились на него. Но Уишарт обнял убийцу. 'Всякий, кто побеспокоит его, ' сказал он, - побеспокоит и меня, ибо он ничем не причинил мне вреда'. Его друзья, однако, настояли на том, чтобы в будущем один из них с оружием в руках сопровождал его, куда бы он ни отправился.[333]

Когда чума в Данди прекратилась, Уишарт подумал, что, поскольку Бог положил конец той битве, он призвал его к другой. Действительно, было предложено, чтобы он провел публичный диспут. Он спросил епископов, где его следует выслушать. Но сначала он отправился в Монтроуз, "чтобы поприветствовать тамошнюю церковь", и, хотя иногда проповедовал Евангелие, "большую часть времени он был погружен в тайную медитацию, в которой он был настолько серьезен, что продолжал заниматься ею день и ночь".[334]

ЕГО МОЛИТВЕННАЯ НОЧЬ.

Находясь там, он получил письмо, якобы написанное его другом, лэрдом Киннейра, который, будучи больным, просил его приехать к нему.[335] Это была уловка кардинала. Шестьдесят вооруженных всадников затаились за холмом, чтобы взять его в плен. Он отправился в путь, ничего не подозревая, но, пройдя некоторое расстояние, внезапно остановился среди сопровождавших его друзей и, казалось, погрузился в глубокую задумчивость. Затем он повернулся и пошел обратно. Что ты имеешь в виду? - удивленно спросили его друзья. 'Я не пойду дальше', - ответил он. "Бог запретил мне. Я уверен, что это измена". Указав на холм, он добавил: 'Пусть кто-нибудь из вас отправится вон туда и расскажет мне, что они видят'. Эти храбрые люди со всей поспешностью доложили о том, что они видели. 'Я знаю,' сказал он, 'что закончу свою жизнь в руках этого кровожадного человека, но это будет не так'. Вскоре после этого он отправился в Эдинбург, несмотря на мольбы лэрда Данди, и поселился в Иннергоури в доме христианина по имени Джеймс Уотсон. Вскоре после полуночи двое добропорядочных людей, находившихся в доме, Уильям Сполдинг и Джон Уотсон, услышали, как он открыл дверь и спустился по лестнице. Они тайно последовали за ним и видели, как он вышел в сад и некоторое время ходил взад и вперед по аллее. Уишарт, убежденный, что приближается к своему концу, и думающий об ужасах мученичества и о своей собственной слабости, был сильно взволнован и почувствовал необходимость воззвать к Богу, чтобы он не потерпел неудачу в разгар конфликта. Было слышно, как он вздыхает и стонет, и как только забрезжил день, было видно, как он упал на колени, а затем и лицом вниз. В течение целого часа двое его друзей слышали сбивчивые звуки его молитвы, время от времени прерываемые его слезами. Наконец он, казалось, успокоился и обрел покой для своей души. Он встал и тихо вернулся в свою комнату. Утром его встревоженные друзья начали спрашивать его, где он был. Он уклонился от ответа. 'Будьте откровенны с нами,' сказали они, - ибо мы слышали ваши стоны, да, мы слышали ваш плач и видели вас обоих на коленях и с лицом вашим'. — 'Я бы предпочел, чтобы вы были в своих постелях,' сказал он, - потому что я был мало чем занят". И пока они уговаривали его, он говорил им о своей приближающейся смерти и о своей нужде в Божьей помощи. Они были очень опечалены и плакали. Уишарт сказал им— 'Бог пошлет вам утешение

после меня. Это царство будет озарено светом Евангелия Христа так ясно, как никогда не было ни одного царства со времен апостолов. В нем будет построен дом Божий: да, он не будет нуждаться в самом мысовом камне, что бы враг ни воображал обратного'.^[336] Это означает, добавляет Нокс, что дом Божий должен быть доведен там до полного совершенства. Уишарт продолжал— 'И это не займет много времени; после меня пострадают не многие, пока слава Божья явно не проявится и однажды не восторжествует вопреки сатане. Но увь! если впоследствии люди будут неблагодарны, то страшными и ужасными будут те бедствия, которые последуют за этим". Вскоре после этого Уишарт отправился в Лотиан, то есть в графства Линлитгоу, Эдинбург и Хаддингтон.

Такой человек, как Уишарт, несомненно, принадлежит истории Реформации. Но есть и другой мотив, побуждающий нас рассказать об этих обстоятельствах. Великий реформатор Шотландии обучался в школе Уишарта. Среди тех, кто следовал за последним с места на место, когда он проповедовал Евангелие, был Джон Нокс. Он покинул Сент-Эндрюс, потому что не мог выносить ни суеверий римской системы, ни деспотизма кардинала, и, перебравшись на юг Шотландии, некоторое время был наставником в семье Дугласа из Лэнгниддри. Он открыто исповедовал евангельское учение, и духовенство в своем гневе объявило его еретиком и лишило сана. Нокс, привлеченный проповедью и жизнью Уишарта, привязался к нему и стал его любимым учеником. В дополнение к публичным выступлениям, к которым он прислушивался с жадным вниманием, он получал также инструкции наедине. Он взял на себя перед Уишартом обязанность, которая была полна опасностей, но которую он выполнял с радостью. Во время евангелических экскурсий Уишарт следил за безопасностью своей персоны и носил меч, которым его снабдили друзья после попытки священника Данди убить его. Вскоре Ноксу предстояло носить другой меч, меч Духа, как и его хозяину.

ЕГО ПРОПОВЕДЬ.

Граф Кассилис и некоторые другие друзья Уишарта назначили ему встречу в Лейте, и поскольку этот город находится совсем рядом с Эдинбургом, они посоветовали ему не показываться на глаза до их прибытия. Прождав их день или два, он впал в глубокую меланхолию. 'Чем я отличаюсь от мертвеца, - сказал он, - кроме того, что я ем и пью? До сего времени Бог использовал мои труды для раскрытия тьмы, и теперь я прячусь как человек, который был пристыжен и не осмеливался показаться людям". — "Ты знаешь, ' сказали его друзья, - какой опасности ты подвергаешься'. "Пусть мой Бог, - ответил он, - позаботится обо мне так, как ему заблагорассудится". В следующее воскресенье, за пятнадцать дней до Рождества, он проповедовал притчу о сеятеле.^[337] Из Лейта он отправился в Браунстон, Лэнгниддри и Ормистон и проповедовал в воскресенье утром и днем в Инверэске перед большим скоплением людей. Подошли два монаха-францисканца, встали у дверей церкви и что-то прошептали тем, кто входил, чтобы они вернулись. Уишарт, заметив это, сказал тем, кто был рядом с кафедрой: 'Я от всего сердца прошу вас освободить место для этих двух мужчин; может быть, они пришли учиться'. Затем, обращаясь к монахам, он сказал: 'Подойдите ближе, ибо, уверяю вас, вы услышите слово истины, которое в тот же день либо запечатлеет для вас ваше спасение, либо ваше осуждение'. Он продолжал свою речь, но два монаха, занявшие свои места, не переставали перешептываться направо и налево и беспокоить всех, кто стоял рядом с ними. Уишарт резко повернулся к ним и сказал— 'О слуги сатаны и обманщики душ человеческих, неужели вы не услышите Божью истину и не позволите другим услышать ее? Уходите и примите это как свою долю; Бог вскоре посрамит и раскроет ваше лицемерие в этом царстве; вы будете

отвратительны для людей, и ваши места и жилища будут опустошены'. Затем он возобновил свою проповедь и проповедовал с такой силой, что сэр Джордж Дуглас, брат графа Ангуса, присутствовавший на собрании, публично заявил после проповеди: "Я знаю, что милорд губернатор и милорд кардинал услышат, что я был на этой проповеди (ибо они тогда были в Эдинбурге). Скажи им, что я признаю это и буду поддерживать не только учение, которое я услышал, но и личность учителя в меру своих сил'. Присутствовавшие очень обрадовались этим словам, произнесенным столь влиятельным человеком. Что касается Уишарта, то ему было достаточно знать, что Бог хранит свой народ для той цели, к которой он их призывает.[338] Он проповедовал в других местах перед большим количеством людей, и с тем большим рвением в своих убеждениях и утверждениях, что день его смерти был близок.

После Рождества он переехал в Хаддингтоншир. Кардинал, узнав о его намерении, сообщил графу Босуэллу, который немедленно дал понять как в городе, так и в деревне, что никто не должен идти слушать этого еретика под страхом его неудовольствия. Запрет этого могущественного лорда возымел свое действие. В первый день на слушание Уишарта собралось большое количество людей, но на следующий день его аудитория была очень мала. Теперь его постигло новое испытание. Его друзья из западной Шотландии пообещали приехать в Эдинбург, чтобы обсудить с ним способы продвижения дела Евангелия. И вот, на третий день после его прибытия в Хаддингтоншир, когда он уже вошел в церковь и собирался подняться за кафедру, к нему подошел посыльный и вручил ему письмо. Он вскрыл его. Его друзья в Эйре и других местах написали ему, что определенные препятствия помешали им выполнить свои обещания. Охваченный горем, "он позвал Джона Нокса, который заботливо прислуживал ему с того момента, как он приехал в Лотиан".[339] "Я устал от мира, - сказал он, - ибо я чувствую, что люди начинают уставать от Бога". Нокс удивился, что Уишарт вступает с ним в разговор перед проповедью, чего он никогда не привык делать, и сказал ему: "Сэр, приближается время проповеди, я пока оставляю вас наедине с вашими размышлениями. ' Затем он взял письмо и удалился.

ЕГО ПОСЛЕДНЯЯ ПРОПОВЕДЬ.

Уишарт, предоставленный самому себе, начал медленно расхаживать за главным алтарем. Он ходил взад и вперед, печаль была изображена на его лице, и все в нем говорило о глубокой скорби, которая была в его душе. Это продолжалось около получаса. Наконец он взойшел на кафедру. Аудитория была небольшой, как и накануне. У него не было сил обсуждать предложенную им тему: его сердце было слишком переполнено, и он должен был излить это бремя перед Богом. 'О Господи, ' сказал он, ' доколе будет презираться твое святое Слово и люди не будут думать о своем собственном спасении? Я слышал о тебе, Хаддингтон, что в тебе приняли бы участие при тщеславной игре в клерка две или три тысячи человек, а теперь, чтобы послушать посланника вечного Бога, во всем городе или приходе не наберется и ста человек. Жестокими и страшными будут бедствия, которые последуют за этим твоим презрением, огнем и мечом будешь ты поражен. И это потому, что вы не знали и не узнаете времени милостивого посещения Божьего'. Сказав эти слова, он кратко перефразировал вторую скрижаль закона. Он призывал к терпению, страху Божьему и делам милосердия; и, движимый предчувствием, что это последний раз, когда он должен публично проповедовать, он составил (так сказать) свое последнее завещание, заявив, что дух истины и суда был как в его сердце, так и на его устах.[340]

Он вышел из церкви, попрощался со своими друзьями и приготовился покинуть город. 'Я не оставлю тебя одного', - сказал ему Нокс. Но Уишарт, у которого перед глазами постоянно стоял приближающийся конец, сказал— 'Нет, возвращайся к своим детям [своим ученикам], и да благословит тебя Бог. Для жертвы достаточно одного'. Затем он заставил Нокса отдать меч и расстался с ним. Лэрд Ормистона, который в то время был с Уишартом, пригласил его в свой загородный дом. Они отправились в путь с несколькими джентльменами по соседству. Стоял сильный холод, и поэтому они отправились пешком. За ужином Уишарт заговорил о смерти детей Божьих. Затем он сказал с веселой улыбкой— 'Мне кажется, я искренне желаю поспать. Мы споем псалом'. Он выбрал псалом ли. и сам заиграл мелодию: 'Помилуй меня, о Боже, по твоей любящей доброте'. Как только псалом закончился, он пошел в свою комнату и лег спать.

АРЕСТ УИШАРТА.

Незадолго до полуночи бесшумно приблизился отряд вооруженных людей, окружил дом, чтобы никто не мог сбежать, и потребовал Уишарта. Но ни обещания, ни угрозы не смогли заставить Ормистона выдать своего гостя. Затем они отправились за графом Босуэллом, самым могущественным лордом этого региона. Пришел Босуэл и сказал лэрду— 'Напрасно заставлять его держать свой дом, потому что губернатор и кардинал со всей своей властью приближаются. Но если вы доставите этого человека ко мне, я клянусь честью, что он будет цел и невредим и что кардинал не имеет права причинять ему какой-либо вред. Ормистон, веря в это обещание, рассказал Уишарту о случившемся. 'Откройте ворота', - немедленно ответил он. "Да будет исполнена благословенная воля моего Бога'. Вошел Босуэл в сопровождении нескольких джентльменов. Уишарт сказал ему: 'Я благодарю моего Бога за то, что такой благородный человек, как вы, милорд, принимает меня этой ночью в присутствии этих дворян; ибо теперь я уверен, что ради вашей чести вы не потерпите, чтобы со мной поступили иначе, чем в соответствии с законом'. Граф ответил— 'Я сохраню ваше тело от всякого насилия, ни губернатор, ни кардинал не будут иметь над вами своей воли; но я буду держать вас в своих руках до тех пор, пока либо не освобожу вас, либо не верну в то же место, где я вас приму'. Сразу же после дачи этого обещания граф отправился с Уишартом в Эльфинстон. Кардинал, стремившийся заполучить друзей Уишарта, послал пятьсот всадников в Ормистон, чтобы схватить лэрда вместе с лэрдами Браунстона и Колдера. Браунстон бежал через лес, но двоих других увезли в Эдинбургский замок. Уишарта перевезли в крепкий замок Хейлс на берегу Тайна, главный особняк Босуэлла в Лотиане.[341]

Это не удовлетворило кардинала, которому Уишарт был нужен больше всех. Королева-мать Мария де Гиз, которая не была в дружеских отношениях с Босуэллом, пообещала ему свою поддержку, если он откажется от евангелиста. Кардинал, со своей стороны, 'давал золото, и то в значительной степени'. "Золото и женщины развратили всех мирских и плотских мужчин с самого начала", - говорит Нокс.[342] Граф выдвинул несколько возражений: 'но женоподобный мужчина, ' добавляет Нокс, - не может долго противостоять нападкам милостивой королевы'. Сначала Уишарта доставили в Эдинбургский замок, а в конце января 1546 года регент передал его кардиналу, который заключил его в Сент-Эндрюсе, в морской башне. Помощь судьи по гражданским делам, по-видимому, была необходима для придания законной силы решению суда. Кардинал попросил одного из Арранов, но один из советников регента, Гамильтон Престонский, сказал ему— 'Что, ты отдашь нечестивым людям тех, чья честность признана даже их врагами? Предашь ли ты смерти тех, кто виновен не в большем преступлении, чем проповедь Евангелия Христа? Какая неблагодарность по отношению к Богу!"

Следовательно, регент написал кардиналу, что он не согласится, чтобы этому человеку был причинен какой-либо вред без тщательного расследования его причины. Кардинал, получив это письмо, пришел в неистовство. 'Я обратился к вам с просьбой только из вежливости, - сказал он. У меня и моего духовенства достаточно сил, чтобы подвергнуть Уишарта тому наказанию, которого он заслуживает.' Он пригласил архиепископа Глазго, а также всех епископов и других высокопоставленных лиц Церкви собраться в Сент-Эндрюсе 27 февраля, чтобы проконсультироваться по этому вопросу, хотя он сам уже принял решение".[343]

На следующий день настоятель Сент-Эндрюса отправился в тюрьму, где содержался Уишарт, и от имени кардинала вызвал его завтра предстать перед судьями. "Зачем понадобилось, - ответил подсудимый, - милорду кардиналу призывать меня открыто отвечать за мое учение перед ним, под властью и владычеством которого я так крепко закован в кандалы?" Не может ли мой господин заставить меня ответить за его вымогательство власти? 1 марта кардинал приказал всем домашним слугам своего дворца взяться за оружие. Гражданская власть, как помнится, отказалась принимать участие в разбирательстве, и поэтому ее место занял Беатоун. Его люди сразу же вооружились копьями, мечами, топорами, ранцами и другим воинственным снаряжением. Можно было бы подумать, что готовятся какие-то военные действия, а не собрание священников, которые предполагали, что заняты делами Божьей Церкви. Эти вооруженные воины, построившись в походный порядок, сначала с большой церемонией сопроводили епископов в церковь аббатства, а затем направились к Уишарту. Комендант замка поставил себя во главе отряда, и они повели пленника, 'как агнца на заклание'. Войдя в дверь церкви аббатства, он бросил свой кошелек бедному немощному человеку, лежавшему там, и наконец предстал перед многочисленным и блестящим собранием. Чтобы придать процессу должный формальный характер, Битун распорядился установить две платформы лицом друг к другу. Уишарта посадили на один из них, а обвинитель Лаудер занял его место на другом. Декан, Уинрим,[344] затем на кафедре появился. Этот достойный церковный человек, которому было поручено произнести обычную проповедь, втайне был другом Евангелия. Он прочитал притчу о 'добром семени' и плевелах (Мф. xiii. 24-30) и излагал различные благочестивые соображения, которые говорили больше против судей, чем против обвиняемого, и которые последний выслушал с удовольствием. Однако в заключение Уинрим сказал, что плевелы - это ересь и что гражданский судья должен искоренять еретиков при этой жизни; однако в отрывке, который он рассматривал, стояли слова: 'Пусть оба растут вместе до жатвы'. Оставалось выяснить, кто из них еретики - судьи или обвиняемые.[345]

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ЕГО СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ.

Когда проповедь закончилась, епископы приказали Уишарту подняться на свою трибуну, чтобы выслушать обвинение. Затем поднялся обвинитель, Джон Лаудер, священник, которого хронист называет чудовищем, и, повернувшись лицом к Уишарту, развернул длинную бумагу, полную угроз и дьявольских проклятий, и, обращаясь к невинному евангелисту с жестокими словами, безжалостно обрушил на него все громы папства. Невежественная толпа, слушавшая его, ожидала увидеть, как разверзнется земля и поглотит несчастного реформатора; но он оставался спокойным и с большим терпением выслушивал, не меняя выражения лица, яростные обвинения своего противника. Когда Лаудер закончил во весь голос зачитывать угрожающий обвинительный акт, он повернулся к Уишарту, его лицо "было покрыто потом, - говорит хронист, - и с пеной у рта, как у кабана, он плюнул в лицо мистеру Джорджу, говоря: " Что ты отвечаешь на

эти высказывания, ты, ренегат, предатель и вор, которые мы должным образом доказали достаточными свидетельскими показаниями против тебя?"[346]

Уишарт опустился на колени и помолился о помощи Божьей. Затем, встав, он ответил со всей любезностью: "Милорды, я молю вас спокойно выслушать меня, чтобы вместо того, чтобы несправедливо осуждать меня, подвергая великой опасности ваши души, вы могли знать, что я учил чистому Слову Божьему, и что вы сами могли принять его как источник, из которого для вас произойдут здоровье и жизнь. В Данди я учил Посланию святого Павла к Римлянам и добросовестно продемонстрирую вашему благоразумию, какой стиль и манеру я использовал, когда преподавал, без всякого человеческого страха..."

При этих словах обвинитель прервал его и закричал изо всех сил: 'Ты еретик, ренегат, предатель и вор, тебе не дозволялось проповедовать ... и мы предполагаем, что ты был проповедником слишком долго'. Тогда все прелаты, в ужасе от мысли, что он собирается изложить перед этой огромной аудиторией саму суть своего учения, сказали друг другу: 'Он так хитер и так сведущ в Священном Писании, что склонит людей к своему собственному мнению и поднимет их против нас'. Уишарт, понимая, что у него нет шансов на справедливое слушание в этом церковном суде, сказал: 'Я обращаюсь от милорда кардинала к милорду губернатору'. "Что, - ответил Лаудер, - разве милорд кардинал не второе лицо в этом королевстве, канцлер Шотландии, архиепископ Сент-Эндрюса, епископ Мирепуа [в Лангедоке], комендант Арброата, *legatus natus*, *legatus a latere*...?" Он перечислил так много титулов, говорит хронист, что вы могли бы нагрузить ими корабль, гораздо скорее осла.[347] "Кого ты хочешь видеть своим судьей?" - воскликнул Лаудер.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС.

Уишарт кротко ответил: 'Я не отказываю милорду кардиналу, но я желаю, чтобы Слово Божье было моим судьей, а светское сословие, а некоторые из ваших светлостей - моими слушателями; потому что я здесь пленник милорда губернатора'. Но священники насмеялись над ним, говоря: 'Такой человек, такой судья!' По их мнению, миряне, которые могли быть назначены его судьями, также были еретиками, как и он.

Кардинал без дальнейших проволочек собирался вынести обвинительный приговор; но некоторые из тех, кто стоял рядом, посоветовали ему зачитать статьи обвинения и позволить Уишарту ответить на них, чтобы народ не смог сказать, что он осужден без слушания.

Поэтому Лаудер начал так— 'Ты, лживый еретик, ренегат, предатель и вор, обманщик народа, презираешь святую Церковь и в подобном случае презираешь власть милорда губернатора; ибо, когда ты проповедовал в Данди и власть милорда губернатора потребовала от тебя прекратить, ты не подчинился, но упорствовал в том же самом. Поэтому епископ Бречинский проклял тебя и предал в руки дьявола, и дал тебе повеление, чтобы ты больше не проповедовал; но, несмотря на это, ты упрямо продолжал".

Уишарт: "Милорды, я читал в Деяниях Апостолов, что угрозы людей не позволяют им воздерживаться от проповеди Евангелия".

Лаудер: "Ты, лжееретик, сказал, что священник, стоящий у алтаря и читающий мессу, подобен лисе, виляющей хвостом в июле".[348]

Уишарт: 'Милорды, я этого не говорил. Вот мои изречения: движение тела вовне без внутреннего движения сердца есть не что иное, как игра обезьяны, а не истинное служение Богу'.

Лаудер: "Ты, лживый еретик, предатель и вор, ты сказал, что таинство алтаря - всего лишь кусок хлеба, испеченный на пепле".

Уишарт: 'Однажды я случайно встретился с евреем, когда плыл по водам Рейна. Пророчествами и многими другими свидетельствами Священных Писаний я подтвердил, что пришел Мессия, которого они называли Иисусом из Назарета. Он ответил: "Ты обожаешь и поклоняешься куску хлеба, испеченному на пепле, и говоришь, что это твой Бог. Я повторил здесь только высказывания еврея, которые я никогда не утверждал, что они правдивы.' При этих словах епископы покачали головами, плюнули на землю и закричали, всячески показывая, что они не хотят его слушать.

Лаудер: "Ты, ложный еретик и ренегат, сказал, что каждый мирянин - священник, и что у папы не больше власти, чем у другого человека".

Уишарт: 'Я читал в некоторых местах о святых Иоанне и Петре, о которых один говорит: "Он сделал нас королями и священниками"; другой говорит: "Он сделал нас царственным священством". А потому Я утвердил любого человека, хитроумного и совершенного в Слове Божьем и истинной вере в Иисуса Христа, чтобы ему была дана его сила от Бога. И снова я говорю: любой необразованный человек, не упражняющийся в Слове Божьем и все же не постоянный в своей вере, какого бы состояния или сословия он ни принадлежал, не имеет власти ни связывать, ни освобождать".[349]

Эти слова очень позабавили собрание; преподобные и самые преподобные разразились смехом, высмеивая Уишарта и называя его слабоумным. Мысль о том, что мирянин должен обладать властью, которой не имел святой отец, казалась им верхом безумия. 'Вы смеетесь, милорды?' - сказал посланник Христа. "Хотя эти мои высказывания кажутся вашим светостям презрительными и достойными насмешек, тем не менее они очень важны для меня и имеют огромную ценность, потому что от них зависит не только моя жизнь, но также честь и слава Бога".

Некоторые благочестивые люди, присутствовавшие на собрании, были возмущены безумием прелатов и тронуты несокрушимым терпением Уишарта. Но другие громко закричали: 'Почему мы позволяем ему говорить дальше?' Человек по имени Джон Скот, стоявший позади Лаудера, сказал ему: "Не задерживайтесь на его остроумных и благочестивых ответах, ибо мы не можем их вынести, как и дьявол не может вынести крестного знамения, когда оно произносится".[350] Не было ни надлежащей формы судебного разбирательства, ни какой-либо свободы обсуждения, говорит Бьюкенен, но был сильный шум голосов, крики неодобрения и речи, полные ненависти. Обвинитель прогремел со своей трибуны, но это было все.[351] Епископы единогласно постановили, что благочестивый Уишарт должен быть сожжен. Упав на колени, Уишарт помолился и сказал: "О бессмертный Бог, как долго ты будешь терпеть воду [безумие] и великую жестокость нечестивых, изливающих свою ярость на твоих слуг, которые исполняют твое Слово в этом мире. О Господь, мы, конечно, знаем, что твоим истинным слугам необходимо претерпевать гонения ради имени Твоего, скорби и невзгоды в этой нынешней жизни, которая

является всего лишь тенью; но все же мы желаем тебе, милосердный Отец, чтобы ты защитил свое собрание, которое ты избрал до начала мира".

ПРИГОВОР.

Приговор должен быть вынесен, но епископы побоялись произнести его перед народом. Поэтому они отдали приказ очистить церковь, и сделать это можно было только медленно, поскольку многих людей, которые хотели послушать Уишарта, выводили с трудом. Наконец, когда прелаты и их коллеги остались почти одни, Уишарту был вынесен смертный приговор, и кардинал приказал своим стражникам отвести его обратно в замок. Запертый в комнате губернатора, он провел большую часть ночи в молитве. На следующее утро епископы послали к нему двух монахов, которые спросили его, не нужен ли ему духовник. "Я не буду исповедоваться вам, - ответил он. - Идите и приведите ко мне того человека, который проповедовал вчера, и я исповедуюсь ему". Когда пришел Уинрим, они некоторое время разговаривали вдвоем. Затем декан спросил: 'Есть ли у вас желание причаститься вечера?' 'Несомненно, ' ответил Уишарт, ' если это будет подано в соответствии с установлением Господа, с хлебом и вином'. Затем Уинрим отправился к кардиналу и заявил ему, что этот человек невиновен. Битун, распаленный гневом, сказал: 'А что касается вас, мы давно знаем, кто вы такой!' Уинрим поинтересовался, может ли он причастить заключенного. "Нет, - ответил кардинал, - не подобает даровать еретику какие-либо блага Церкви".[352]

На следующее утро в девять часов комендант замка сообщил Уишарту, что ему отказано в причастии. Затем, собираясь позавтракать со своими иждивенцами и слугами, он пригласил Уишарта присоединиться к ним за трапезой. "Охотно, - ответил он, - особенно потому, что я знаю, что вы и ваши близкие - хорошие люди и соединены со мной в одном теле Христовом".[353]

Когда стол был накрыт и домочадцы заняли свои места, Уишарт сказал губернатору: 'Разрешите мне, ради Спасителя, произнести краткое наставление'. Для него это была возможность совершить истинную Вечерю. Он напомнил своим слушателям об учреждении священного праздника и о смерти Господа. Он призывал тех, кто сидел с ним за столом, отбросить всякую ненависть, любить друг друга и вести святую жизнь. После этого он возблагодарил, а затем взял хлеб, разломил его и раздал тем, кто, как он знал, был готов общаться, и велел им духовно питаться Христом. Взяв чашу, он заговорил о крови, пролитой во оставление грехов, отпил из нее и напоил их. "Я больше не буду пить из этой чаши, - сказал он, - больше не буду есть этого хлеба в этой жизни; для меня припасен более горький напиток, потому что я проповедовал Христа. Молитесь, чтобы я мог принять эту чашу с терпением, как предписано Господом'. В заключение он еще раз поблагодарил и удалился в свои покои.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ.

На участке земли к западу от замка и недалеко от монастыря мужчины уже были заняты: одни готовили сваю, другие возводили виселицу. Место казни было окружено солдатами, а артиллеристы установили свои пушки на позиции и стояли рядом, готовые открыть огонь. Можно было подумать, что ведутся приготовления к осаде. Кардинал распорядился об этих мерах, опасаясь, что многочисленные друзья Уишарта заберут его с собой, и, возможно, еще больше ради того, чтобы продемонстрировать свое могущество. Тем временем окна во дворе замка были украшены портьерами, шелковыми драпировками и бархатными подушками, чтобы

кардинал и прелаты могли спокойно наслаждаться зрелищем казни и мучений, которым они собирались подвергнуть этого праведника.[354]

Когда все было готово, двое смертников вошли в тюрьму Уишарта. Один из них принес и надел на него пальто из черной ткани, другой привязал маленькие пакетики с порошком к различным частям его тела. Затем они крепко связали ему руки за спиной, накинули веревку на шею и цепь на пояс и вывели его вперед в окружении отряда солдат. Подойдя к куче, он опустился на колени и помолился. Затем он встал и сказал людям: "Братья и сестры—христиане, не обижайтесь на Слово Божье за скорби и мучения, которые, как вы видите, уже уготованы мне; но я увещаю вас любить Слово Божье и страдать терпеливо и со спокойным сердцем ради Слова, которое является вашим несомненным спасением и вечным утешением. Мое учение не было бабушкиными баснями после конституций, созданных мужчинами. Но за истинное евангелие, которое было дано мне благодатью Божьей, я страдаю сегодня от рук людей не печально, а с радостью в сердце и разуме. Для этого я и был послан: чтобы я пострадал в этом огне, ради Христа. Этого мрачного огня я не боюсь. Некоторые говорили обо мне, что я учил, что душа человека должна спать до последнего дня. Но я точно знаю, и моя вера такова, что моя душа будет ужинать с моим Спасителем Христом этой ночью (до того, как пробьет шесть часов), ради которого я это терплю".[355] Затем он помолился— 'Я умоляю тебя, Отец небесный! прости тех, кто по какому-либо невежеству или по какому-либо злему умыслу измыслил какую-либо ложь против меня: я прощаю их от всего сердца. Я умоляю Христа простить тех, кто по неведению приговорил меня сегодня к смерти'. Палач упал перед ним на колени и сказал: 'Я молю тебя простить меня'. 'Иди сюда, ко мне", - ответил Уишарт; и он поцеловал его, и добавил: 'Смотри, вот знак того, что я прощаю тебя. Сердце мое, исполни свое служение'. Затем его привязали веревками к столбу и сказали: 'Спаситель мира, помилуй меня! Отец небесный, в твои руки я вверяю свой дух'. Палач зажег костер. Кардинал и его сообщники наблюдали из окон за мучеником и пожиравшим его огнем. Смотритель замка, наблюдавший за пламенем, воскликнул: 'Мужайтесь'. Уишарт ответил: 'Этот огонь терзает мое тело, но никогда не успокаивает мой дух'. Затем, увидев кардинала у окна со своими придворными, он добавил: "Тот, кто в таком состоянии, с высоты своего положения, насыщает свой взор моими муками, через несколько дней будет повешен в том же окне, чтобы его видели с таким же позором, с каким он сейчас гордо стоит там".[356] Некоторые авторы считают эти слова, переданные Бучананом, примером того *второго зрения*, которым, как они утверждают, были наделены шотландцы. Уишарту, однако, не требовалось экстраординарного откровения, чтобы понять, что 'нечестивый уходит в своем нечестии'. Едва он произнес эти слова, как веревка затянулась у него на шее, так что он потерял дар речи. Огонь превратил его тело в пепел, и епископы, полные непоколебимой ненависти к этому слуге Божьему, в тот же вечер распространили по всему городу приказ, согласно которому никто не должен молиться за их жертву под страхом самого сурового наказания. Они знали, какое уважение испытывали к нему многие даже из самих католиков.

Есть люди, которые говорят, что религия - это басня. Жизнь и смерть, подобные жизни Уишарта, показывают, что это великая реальность.

ГЛАВА XV. ЗАГОВОР ПРОТИВ БИТУНА.—ЕГО СМЕРТЬ. (март-май 1546 г.)

ЧТО Я ЧУВСТВУЮ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ УИШАРТА.

Смерть Уишарта вызвала в Шотландии чувства самого разного характера. Епископы и их приверженцы превозносили до небес кардинала, который, не заботясь о власти регента и подавляя дерзость народа, провозгласил себя защитником Рима и священства. "Ах, - сказали они, - если бы у Церкви раньше были такие защитники, она удерживала бы все под своим владычеством самой силой и весом своего величия".

Простодушные христиане оплакивали мученическую смерть, не помышляя о мести. Но часть народа, а вместе с ними и несколько самых выдающихся людей, громко осуждали за столом и повсюду жестокость кардинала и заявляли, что пролитая кровь требует отмщения. Даже те, кто, не разделяя взглядов Уишарта, руководствовались справедливыми и великодушными чувствами, спрашивали себя, какую надежду они могут иметь на сохранение своих свобод при самом жестоком из тиранов; при прелате, который вел войну как с людьми, так и с Богом; который преследовал своей враждебностью каждого, кто обладал богатством или был движим благочестием, и приносил их в жертву своему капризу, как животных, взятых из стойла;^[357] который разрешал связи с никчемными любовницами и расторгал законные браки по своему усмотрению; который в своем собственном доме предавался разврату с проститутками, а на улице, в гневном, упивался убийством невинных людей и кровью еретиков.^[358] Таков портрет Беатона, нарисованный Бьюкененом.

Кардинал, который не мог оставаться в неведении относительно этих речей, желал укрепить свою власть посредством новых союзов. Поэтому он выдал одну из своих дочерей, Маргарет Битун, матью которой была Мэри, дочь сэра Джеймса Огилви, замуж за Дэвида Линдси, сына графа Кроуфорда, с уделом в четыре тысячи марок. Бракосочетание было отпраздновано с почти королевской пышностью. То, что священник мог с таким размахом отпраздновать бракосочетание своей дочери, показывало, что он был лишен даже того благородного стыда, который вызывается страхом перед всем, что нарушает приличия. Он считал себя сильнее всей Шотландии и своими деспотическими мерами постоянно увеличивал число своих врагов.

ЗАГОВОР ПРОТИВ БЕАТОНА.

Среди тех, кто служил ему с предельной преданностью, был Норман Лесли, брат графа Ротса. По случаю того, что Лесли напомнил кардиналу о некоторых обещаниях, которые он ему дал, они перешли к громким словам и расстались заклятыми врагами.^[359] С тех пор Лесли был главой недовольных, и, показав своим друзьям невыносимую гордыню кардинала, он побудил их присоединиться к заговору против его жизни.^[360] Его дядя, Джон Лесли, не постеснялся сказать перед всеми, одновременно похлопав правой рукой по своему мечу: 'Эта рука обнажит этот старый меч, и они двое станут исповедниками кардинала', подразумевая тем самым, что они должны отправить его в мир иной. Об этом высказывании доложили Битуну, но он отнесся к нему легкомысленно, воображая себя в полной безопасности в блолгаузе — своего рода крепости, — который он построил. 'Меня смешит весь этот шум, ' сказал он, - и я бы и гроша ломаного не дал за такое бахвальство. Разве милорд губернатор не мой? Засвидетельствуйте,

как его старший сын дает клятву за моим столом. Разве я не королева из-за своей преданности? Разве Франция не друг мне, и разве я не друг Франции? Какой опасности я должен бояться?' Тем не менее Битун, с целью отсечь тех, кто мешал ему, приказал всем своим подчиненным, джентльменам Файфшира, встретиться с ним на Фолкленде в понедельник, 31 мая. Лесли и некоторое количество их друзей должны были быть взяты в плен и преданы смерти. С другой стороны, Лесли и его сообщники вообще не испытывали постыдных угрызений совести. В ту наполовину варварскую эпоху к праву сильнейшего все еще часто апеллировали.

Государственный переворот, сопровождавшийся актами насилия, был вполне привычным явлением. Эти дворяне рассматривали смерть Уишарта без согласия гражданских судей, в чем законное правительство отказало, как убийство; и они считали, что, поскольку Битун был убийцей, он сам должен быть предан смерти. Они не задумывались о том, что делают себя виновными в том самом преступлении, которое совершил Беатоун, ставя себя на место обычных судей. Права на войну между феодалами, которое еще не перестало признаваться, было достаточно, чтобы оправдать их в их собственных глазах. Было решено, что Норман Лесли со своим братом и четырьмя друзьями отправится в Сент-Эндрюс, где проживал кардинал, и что они поселятся в гостинице, в которой они привыкли останавливаться, чтобы не вызвать никаких подозрений. Они вошли в город соответственно и без страха, хотя это место кишело друзьями, иждивенцами и созданиями могущественного примата. Некоторые жители, разделявшие их взгляды, были готовы по первому сигналу оказать им помощь. Они договорились захватить замок рано утром, до того, как проснутся домочадцы.

ЗАХВАТ ЗАМКА.

В пятницу, 28 мая, вечером Норман Лесли прибыл в Сент-Эндрюс, где его ожидал Уильям Киркалди из Грейнджа. Джон Лесли, на которого пали главные подозрения кардинала, пришел последним. Заговорщики совещались ночью и в субботу, 29 мая, в три часа утра приступили к своему предприятию - захвату укрепленного замка, который удерживало более сотни человек, подготовленных к сопротивлению. Они пришли разными путями и встретились на церковном дворе аббатства, недалеко от замка. Битун, хорошо зная, какое негодование вызвали его действия в стране, даже среди его собственных льстецов, решил превратить свое жилище в цитадель, пригодную для осады.^[361] Работы продолжались, и это обстоятельство облегчило дерзкую попытку, которую теперь предприняли его враги. Предстоятель настаивал на этой работе так настойчиво, что она почти не прекращалась ни днем, ни ночью. Поэтому ворота были открыты ранним утром, а подъемный мост опущен, чтобы рабочие могли завезти камень, строительный раствор и другие необходимые строительные материалы. Лесли, которые вместе с несколькими своими товарищами прятались в маленьком домике у ворот, отправили туда Уильяма Киркалди и еще шестерых человек. Те, миновав ворота, окликнули привратника и спросили его: 'Милорд кардинал просыпается?' 'Нет', - ответил он. Мэри Огилви, мать Маргарет и двух сыновей, Дэвида и Александра Битоун, провела ночь в замке. Видели, как она уходила рано утром через частную заднюю дверь.^[362] Кардинал в момент прибытия Лесли и их друзей крепко спал. Пока Уильям Киркалди разговаривал с носильщиком, а тот собирался показать ему дорогу, один за другим подошли Норман и Джон Лесли с оружием в руках. Встревоженный привратник хотел было перейти к обороне, но один из заговорщиков проломил ему голову, завладел ключами и сбросил его тело в ров. В этот момент рабочие, числом более сотни, на полной скорости выбежали через калитку, и Уильям Киркалди завладел частным задним ходом, 'опасаясь, как бы лиса не сбежала'. Поскольку нападавшим было всего шестнадцать лет, они чувствовали необходимость действовать с большой осторожностью. Предводители послали

четверых из своего отряда, среди которых были Питер Кармайкл, высокий, добросердечный джентльмен, и Джеймс Мелвилл из Кумбека, охранять дверь кардинала и следить, чтобы никто не предупредил его об опасности. Другим членам отряда, которые были немного знакомы с этим местом и людьми, было поручено наблюдать за спальнями офицеров и слуг кардинала. Разделившись на небольшие группы, они поочередно входили в комнаты, находили жильцов полусонными и говорили им: "Если вы издадите хоть малейший крик, вам конец, люди!"^[363] Поэтому эти люди в испуге поспешно оделись и были выведены из замка, причем ни к кому из них не было применено никакого насилия и не было поднято шума. Единственным человеком, которого они оставили в замке, был старший сын регента. Джон Лесли, один в этом огромном жилище, громко постучал в дверь кардинала. 'Что означает этот шум?' спросил он. - Что норманн Лесли захватил замок, - последовал ответ. - Откройте. При этих словах Битун побежал к задней двери, но, увидев, что она охраняется, сразу вернулся в свою комнату, схватил двуручный меч и приказал своему слуге забаррикадировать дверь. "Откройте", - снова закричали они. Кардинал ответил: 'Кто зовет?' — 'Меня зовут Лесли'. — 'Это Норман?' — 'Нет, меня зовут Джон'. Кардинал, вспомнив слова Джона, воскликнул: 'Я хочу Нормана, потому что он мой друг'. — "Довольствуйтесь теми, кто здесь, ибо других вы не получите", - ответил Джон. В то время как стук в дверь становился все громче, кардинал схватил шкатулку с золотом и спрятал ее в углу. Тогда он сказал: 'Ты спасешь мне жизнь?' — "Может быть, мы и спасем", — сказал Джон. 'Нет,' ответил Битун, 'поклонись мне Божьими ранами, и я откроюсь тебе'.

Тогда Джон Лесли закричал: 'Пожар! пожар!' Дверь была слишком прочной, чтобы ее можно было открыть, и они принесли решетку, полную горящих углей. Как только все было готово, кардинал приказал открыть дверь. Лесли и его спутники ворвались в комнату и обнаружили Битуна сидящим на стуле. Лесли яростно бросился на него. 'Я священник! Я священник!' воскликнул кардинал. - Вы не убьете меня!

Но Лесли ударил его своим мечом, и Кармайкл, полный гнева, сделал то же самое. Мелвилл, человек мягкого и серьезного характера, говорит Нокс,^[364] увидев своих товарищей в такой сильной ярости, остановил их. Он сказал: "Эта работа и суд Божий, хотя и являются тайными, все же должны выполняться с большей серьезностью". Мелвилл и другие, по причине невежества и предрассудков того времени, искренне верили в юридическую силу моисеевой системы, отмененной Евангелием, которая давала определенным лицам право убивать убийцу, но в то же время основывала города-убежища, в которых виновный человек должен был быть в безопасности от мести преследователя.^[365]

УБИЙСТВО БИТУНА.

Мелвилл забыл, что для Битуна не существовало города-убежища. Считая его убийцей и не предполагая, что, убив его, он сам навлек на себя вину за убийство, он протянул ему острие своего меча и серьезно сказал ему: 'Покайся в своей прежней порочной жизни, но особенно в пролитии крови этого выдающегося орудия Божьего, мистера Джорджа Уишарта; которое, хотя пламя огня и поглотило на глазах у людей, все же взывает к тебе об отмщении, и мы от Бога посланы отомстить за это. Здесь, перед моим Богом, я протестую, что ни ненависть к тебе лично, ни любовь к твоему богатству, ни страх перед какими-либо неприятностями, которые ты мог бы причинить мне в частности, не побудили и не побуждают меня ударить тебя". И он ударил его своим мечом.

Кардинал упал под многократными ударами, из его уст не вырвалось ни слова, кроме этого: 'Я священник! Я священник! Fie, fie! Все пропало!'"[366]

Очень скоро всему городу стало известно, что замок взят. Друзья и приспешники кардинала очень тихо поднялись со своих постелей, говорит Бьюкенен, вооружились и вскоре появились в толпе у рва. Они кричали изо всех сил, изрыгали угрозы и оскорбления, требовали снарядов и всех необходимых средств для штурма. "Вы производите много шума без всякой цели, - сказали им обитатели замка. - Для вас было бы лучше вернуться в свои дома".

Толпа ответила: 'Что вы сделали с милордом кардиналом? Давайте посмотрим на милорда кардинала!' — 'Человек, которого вы называете кардиналом, - последовал ответ, - получил свою награду и в своем лице больше не будет беспокоить мир'. Но его сторонники только громче закричали: 'Мы никогда не уйдем, пока не увидим его', все еще убежденные, что он жив. Затем один или двое мужчин подняли тело и, отнеся его к тому самому окну, у которого незадолго до этого сидел Битун, с радостью и как бы торжествуя, наблюдая казнь благочестивого Уишарта, выставили его на всеобщее обозрение.[367] Друзья Беатона и население, пораженные неожиданным зрелищем и помня предсказание Уишарта, разошлись во мраке и ужасе.

Весть об этом убийстве быстро распространилась по всей стране, и, в то время как одни гневно осуждали его, другие приветствовали как событие, вернувшее их стране свободу.

Действительно, были такие, кто, подобно Джеймсу Мелвиллу, считал это законным актом. Но даже среди врагов кардинала были люди мудрые и умеренные, которые смотрели на убийство с ужасом. Один историк заметил, что из тех, кто принимал в этом участие, лишь немногие избежали суда Божьего, который наказывает беззаконников, поражая их тем же ударом, которым они поражали других.[368]

Лесли и их друзья оставались хозяевами замка, и они держали при себе Джеймса, лорда Гамильтона, впоследствии графа Аррана, старшего сына регента, которого Битун взял в заложники и который теперь стал их собственностью. Один из заговорщиков, считавший, что, избавив Шотландию от тирана, они совершили достойный похвалы поступок, Уильям Киркалди, отправился в Лондон. Он получил от Генриха VIII, который считал взятие замка и сопровождавшие его события законной революцией, заявление о том, что он готов взять партию под свою защиту, при условии, однако, что брачный контракт между Эдуардом и Марией будет выполнен. Поскольку морское сообщение между замком и Лондоном было легким, английские корабли доставляли туда все необходимые припасы.

МНЕНИЯ ОБ УБИЙСТВЕ.

Гамильтон, незаконнорожденный брат регента, был назначен им архиепископом Сент-Эндрюса и утвержден папой Павлом III. Этот энергичный прелат немедленно возложил на своего брата обязанность осадить замок и наказать всех, кто его захватил. Его решительно поддерживали другие. 23 августа 1546 года основная часть армии выступила из Эдинбурга, чтобы начать осаду; но в конце июля 1547 года,[369] поскольку захват крепости был явно безнадежен, с осажденными были заключены выгодные для них условия, которые ни одна из сторон не собиралась соблюдать. Этот период образует важную эпоху, и мы должны на некоторое время приостановить ход нашего повествования.

Теперь мы проследили историю служения и мученической смерти Патрика Гамильтона и Джорджа Уишарта. Постепенно нам придется проследить, *Deo adjuvante*, могучую деятельность третьего и величайшего из шотландских реформаторов, Джона Нокса.

Период, историю которого мы только что перешли, был периодом активных преследований. Нам остается пересказать события борьбы с папством, в которую энергично вступила шотландская знать, и победу Реформации. Не вдаваясь сейчас в изложение фактов, мы бросим взгляд вперед, чтобы указать на то, что должно было дать победу евангельскому христианству. Несомненно, это были не такие действия, как захват замка и насильственная смерть преследователя. Такие вещи, скорее всего, погубят дело, чем спасут его. Христианская жизнь и смерть Уишарта внесли гораздо более весомый вклад в продвижение царства Божьего, чем смерть Битуна. История шотландской реформации служит доказательством неправдивости одного утверждения, часто выдвигаемого врагами Реформы.

По их мнению, Реформа могла восторжествовать только в тех странах, где она пользовалась покровительством князей. Это серьезная ошибка. Это был не кровожадный Филипп II, кто основал Реформацию в Соединенных провинциях Нидерландов. Ни слабый Яков V, ни папистская Мария Стюарт не обеспечили ее триумфа в Шотландии. Эта достойная племянница Гизов стремилась только сокрушить его. Более сильная рука, чем у них, сражалась против могущественных и подарила победу слабым. Враги Реформации использовали в Шотландии то самое оружие, которое в Италии, Испании и других местах остановило движение возрождения. Реформаторы были сожжены также в Шотландии, но Реформа восстала из их пепла. Шотландцы не приписывали свой триумф ни их характеру, ни их силе. Они знали, что Иисус - царь Церкви и что именно он спасает ее. Это черта, которая больше, чем любая другая, как мы увидим, характеризовала шотландскую реформацию. Эндрю Мелвилл сказал Джеймсу VI: 'Сир, в Шотландии два короля и два королевства. Есть король Яков, глава государства, и есть Иисус Христос, который является главой Церкви'.^[370] Королю, восседавшему на римском троне, Шотландская реформация противостояла королю, восседавшему на небесном троне, и ему приписывала победу.

СВЯЩЕННИК И ПАСТОРША.

Но, провозгласив эту высшую власть, реформация в Шотландии также установила обязанности и права христиан. Руководство Церковью в соответствии с законом Божьим было там возложено на генеральные собрания, избранные по свободному выбору христианского народа.^[371] Духовенство управляло Шотландией на протяжении четырнадцатого и пятнадцатого веков и в первой половине шестнадцатого. Реформация спасла страну от этого клерикального господства и дала ей первую из всех свобод - свободу веры. На протяжении веков там существовали три силы — король, знать и священники, и последняя удерживала верх. После Реформации двое из них все еще оставались: король и знать; но место духовенства занял народ. Шотландская церковь сформировалась в популярной форме пресвитерианства. Феодалы еще некоторое время оказывали заметное влияние на судьбы страны; но волна национальной и христианской жизни неуклонно поднималась вокруг их стен и вскоре захлестнула древние зубчатые стены, венчавшие вершины этих старых крепостей. Миряне, народные избранники, получили право голоса в пресвитерии, в синоде и в генеральной ассамблее. Таким образом,

последовательными шагами голос народа стал, под влиянием Реформы, выражением главной силы страны.

Было бы серьезной ошибкой приписывать, как это делали некоторые, протестантским пасторам Шотландии непостижимое господство, "власть, ничуть не уступающую той, которой они пользовались как католические священники", и представлять их как "самое действенное препятствие народному прогрессу".^[372] На самом деле никто так не походил на надменных католических прелатов Сент-Эндрюса, Глазго и других епархий, как шотландский священник. Реформация дала Шотландии не только христианскую истину, но, кроме того, религиозную и политическую свободу. Там, как и везде, она позаимствовала у жречества его магию и верховенство, которые были двумя ее главными атрибутами в средние века. Служители, которых оно заменило священниками, не обладавшими больше чудесной силой превращения куска хлеба в Бога—Творца, - эти ученики Иисуса, больше не восседавшие на деспотическом троне исповедальни для дарования прощения за грехи, стали простыми глашатаями божественного Слова. Это святое Слово имеет свое место в каждой семье и безраздельно властвует в Церкви. Таким образом, служители перестали быть хозяевами и превратились в слуг. Настоящее преступление этих шотландских пасторов, по мнению их недоброжелателей, заключается в том, что они всегда были большим препятствием не для прогресса народа и цивилизации, как говорили некоторые, а для прогресса неверия и материализма. Теперь эти пагубные доктрины являются смертельными врагами свободы и процветания наций.

КНИГА XI.

КАЛЬВИН И ПРИНЦИПЫ ЕГО РЕФОРМЫ.

ГЛАВА I. КАЛЬВИН В ЖЕНЕВЕ И НА ПЛОЩАДИ ВО. (1536 г.)

В течение многих лет и даже столетий в Женеве предпринимались настойчивые и опасные попытки прочно утвердить свободу. Мы уже описали некоторые впечатляющие сцены, которые ознаменовали успешное завершение этих усилий в начале шестнадцатого века, благородные принципы и могучие слова энергичных работников этого великого предприятия.^[373] Конечно, было бы слишком далеко заходить, рассматривая их труды и истины, которые они провозгласили источником, из которого возникли наши современные свободы. Но невозможно изучать события той эпохи без эмоций или без признания устремлений, принципов, жертв и действий, достойных восхищения, которые на самом деле были первой великой вспышкой света, первым заслуживающим внимания проявлением политики и добродетелей, которые должны определять существование и обеспечивать процветание наций.^[374]

Однако этому маленькому городку предстояло преподать миру еще более важный урок. Это означало сделать для религии то, что она сначала сделала для политики, и оказать вере ту же услугу, которую она оказала свободе. Эти два достижения тесно связаны друг с другом; и одной из характерных черт этой истории является то, что, хотя она придает исключительную важность христианской истине и жизни, она в то же время признает все великое и спасительное в свободе. Если бы автор, как подумали некоторые, допустил ошибку, придав слишком большое значение героической борьбе, которой Женева была обязана своей независимостью, он, несомненно, пожалел бы, что не владел пером историка более искусно с целью увековечения великих людей и героических деяний, зрелищем которых были самые маленькие и скромные государства. Но он считал бы себя счастливым, если бы, тем не менее, внес свой вклад в то, чтобы пролить ясный свет на великую максиму о том, что политическая свобода и христианская истина должны продвигаться рука об руку для спасения наций и душ. Конечно, слепая демагогия, грозный рок нашего века, одновременно противоречит свободе и враждебна религии.

Различные сопутствующие условия позволили Женеве сыграть роль, от которой, казалось, неизбежно ее отгораживала небольшая протяженность ее территории. Поскольку этот город находился между Италией, Францией и Германией, его положение стало центром трех великих наций, которые отличились в первой половине шестнадцатого века своей новой или только что пробудившейся любовью к литературе, философии и искусству. Несколько раз французы, итальянцы и немцы приезжали в большом количестве, чтобы поселиться в Женеве. Принимая эти три различных элемента в свое лоно, она, казалось, была призвана смешивать их друг с другом и гармонизировать их противоположные качества. Если бы какой-нибудь искре от зажженного тогда евангелического костра удалось вырваться из любой из этих стран и упасть на материалы, подготовленные таким образом у подножия Альп, это могло бы разжечь большой пожар и могло бы превратить Женеву в очаг, свет от которого, распространяясь повсюду, способствовал бы рассеянию униженного мрака, который Рим и те князья, чья власть была к его услугам, тогда заставляли тяготеть народы.

ДЖОН КАЛЬВИН.

Это то, что произошло на самом деле. Чтобы превратить искру в чистый, яркий, ослепительный свет, требовались интеллект огромной глубины, воля огромной энергии и вера огромной силы.

Бог послал человека, который был нужен.

Молодой незнакомец, уроженец Пикардии, недавно прибыл в Женеву. Ни ему, ни его друзьям не приходило в голову, что он может быть органом, с помощью которого Бог осуществит такие великие цели. После своего прибытия Фарел все еще продолжал удерживать первое место в городе. Этот молодой человек, Джон Кальвин, был от природы робок и был одержим боязнью огласки, которая уже проявилась в Базеле и которая заставляла его избегать любого случая, который мог бы привлечь к нему общественное внимание. Он любил учиться и писать, и на этом пути, как он верил, ему предначертано внести свой вклад в распространение в мире истины, которая и так была ему дороже жизни. Он намеревался реализовать этот единственный талант на пенсии, не бросая учебы. Именно этим он тогда и занимался в Женеве. Он был упорно занят переводом на французский свою "книжечку" "*Кретьенский институт*", которую он надеялся вскоре отправить своим друзьям во Францию.^[375] Буква, упомянутая в примечании, ясно показывает, что *Учреждение Кретьен* было впервые написано латиницей.

Фарел желал большего: он хотел, чтобы Кальвин стал в Женеве пастором, проповедником и врачом. Молодой человек отказался от этой тройственной функции. Должность пастора потребовала бы от него участия в управлении Церковью, а он не был готов этого делать. Что касается должности проповедника, то у нас есть самые положительные свидетельства его современников и самых близких друзей о том, что в новом сиянии своей веры он просто взял на себя миссию евангелиста в некоторых районах Франции. Но должность, предложенная ему в Женеве, вынудила бы его более или менее вмешиваться в общественные дела и в дебаты советов. Он трепетал при этой мысли и скорее желал строго ограничить себя рамками той литературной и теологической жизни, которую он так любил. Поэтому Он согласился жить в городе, не для проповеди, а для чтения богословских книг.^[376] Он пошел еще дальше. "Я бы не стал, - сказал он, - связывать себя официальными обвинениями".^[377] Он согласился попробовать себя в преподавании, но без какого-либо титула или каких-либо обязательств, и таким образом оставил за собой полную свободу. Вероятно, никто и никогда так не вступал, как он, на путь, одновременно болезненный и блестящий, не подозревая о его результатах и даже отвергая их со всей своей энергией.

ЦЕРКОВНАЯ ДИСЦИПЛИНА.

Кальвин начал свою работу в качестве Чтеца Священного Писания в Женеве, или, как он сам себя называет, профессора священной литературы в Женевской церкви. Его лекции читались не в каком-нибудь доме или академическом зале, а в самом соборе, что придавало его учению важность, о которой Кальвин, конечно, и не мечтал. Двери были открыты для этой новой службы во второй половине дня, и женевцы, которые чувствовали потребность в содержательном обучении, столпились, чтобы послушать молодого доктора. Он изложил несколько книг Нового Завета, особенно Послания. Одной из характерных черт его манеры преподавания в Женеве с самого начала было сочетание простоты и основательности. Затем взошел новый свет. Конечно, это не было солнце в его яркости. Робость и стеснительность, которые Кальвин приписывает себе, вполне могли проявиться в его первых попытках. *Комментарии* к Новому Завету, которые он опубликовал позже, обладают полнотой, которой не могли достичь его ранние изложения. Но они являются достаточно точным отражением того учения, которое он принял в церкви Святого Петра. Это не было грамматическим и этимологическим объяснением текста; с другой стороны, это не было и патетическим дискурсом. Кальвин в ясном свете изложил в Священных Писаниях все, что характеризует христианское учение и жизнь. Сначала он размышлял о своем предмете, затем читал свои лекции экспромтом; и одушевленная и мощная индивидуальность учителя придавала им влияние, которое увлекало и умножало число его слушателей. Не в его характере было выполнять чисто интеллектуальную задачу. Он утешал, он увещевал, он порицал. Но его главной целью было проиллюстрировать труд любви, который совершил Иисус Христос, и показать его необходимость и величие. Два момента в христианском учении особенно поразили его: один темный и скорбный, другой яркий, как солнечный свет. "Наши души, - сказал он, - представляют собой бездну беззакония, так что мы вынуждены прибегать к источнику всякого добра, которым является Иисус Христос".^[378]

ЦЕРКОВНАЯ ДИСЦИПЛИНА.

Изложение, защита и применение великих фактов христианства составляли суть работы Кальвина в Женеве и в христианском мире. Ошибочно полагать, что его основным занятием было введение и поддержание дисциплины в Церкви. Не подлежит сомнению, что он стремился

к порядку: что он абсолютно стремился к христианскому образу жизни; но не он, как полагают некоторые, первым ввел меры дисциплины, и поддержание этих мер не было задачей его жизни. Говоря о них, [379] он защищает себя от обвинения в том, что является их автором. 'Я наблюдаю и делаю все, что обнаружил, - сказал он, - как человек, который не получает удовольствия от каких-либо новшеств'. Это был магистрат, который, будучи в Женеве главой как Церкви, так и государства, предписывал и приводил в исполнение законы дисциплины. До прибытия Кальвина в Женеву мы видели, как Де ла Рив был приговорен к изгнанию за то, что священник крестил его ребенка. Годом ранее несколько мужчин, женщин и судей были приговорены к *кроттону* (черная дыра) за безнравственность. В тот момент, когда этот незнакомец, чье имя было едва известно, только что переступил порог города — накануне дня, когда Фарел должен был представить его магистрату (понедельник, 4 сентября 1536 г.), — в Совете Двухсот происходила примечательная сцена, которая, по-видимому, была перенесена в ту эпоху как будто специально для того, чтобы четко разрешить вопрос, привлекающий наше внимание. 'Джентльмены,' сказали члены синдиката, 'мы все на общественном совете поклялись жить в соответствии с Евангелием, и тем не менее здесь есть некоторые, кто не ходит проповедовать'. При этих словах советник и бывший синдик Ришарде, красивый, высокий и сильный человек, но очень вспыльчивый, вскочил в гневе и громко воскликнул: "Никто не посмеет управлять моей совестью, и я не пойду на проповедь по приказу поррала синдиката". [380] Поррал, человек высокообразованного ума и очень активный судья, решительно выступил за Реформу, и ему даже было поручено преследовать определенные категории правонарушителей. 24 июля было постановлено, что те, кто отказывается идти на проповедь, должны покинуть город в течение десяти дней. Ришарде был не одинок в своем решении. Филиппу и двум другим членам совета был задан вопрос, будут ли они присутствовать на проповеди Слова Божьего, 'Мы не будем принуждены,' сказали они, - но будем жить в нашей свободе'. Эти граждане были правы, сохранив свою свободу, а магистраты были неправы. 24 июля Кальвин был далеко от Женевы; и, вообще говоря, у него был не такой безапелляционный нрав, как некоторые воображают. Была определенная сфера, в которой он сохранял свободу, и сохранял ее даже вопреки могущественным противникам. "Что касается церемоний, — так писал он грозным лордам Берна, — они безразличны, и церкви вольны принимать их разнообразие". [381] Тем не менее, мы не можем отрицать, Кальвин думал - и это его собственные слова, - что, поскольку нет дома, каким бы маленьким он ни был, который можно было бы поддерживать в надлежащем состоянии без дисциплины, это невозможно. гораздо более необходим в Церкви, которая должна быть в лучшем порядке, чем любой дом. Он пошел дальше. Он утверждал, что государство имеет право и обязано обращать внимание на вопросы дисциплины и наказывать нарушителей. Следует сожалеть, что прекрасный гений Кальвина не сделал в этом случае исключения из правила, принятого десятью веками ранее всем христианским миром, и что он не убедил государство в том, что его тяжелая рука не должна вмешиваться в вопросы религии. Однако справедливо спросить себя, не было ли в шестнадцатом веке такое усилие сверхчеловеческой задачей.

Сам Кальвин поделился с нами своей собственной мыслью, когда сказал: "Учение Господа нашего Иисуса Христа - душа Церкви". [382] Он изложил это учение в церкви Святого Петра точно так, как оно содержится в Священном Писании, и таким образом распространил его по миру. Конечно, он добивался успеха в своих поисках не благодаря дисциплине. Он нес факел истины. Лишенный честолюбия, не имея замыслов, выходящих за пределы Женевы, без какой-либо тайной политики, подобной той, в которой искусны иезуиты, и вооруженный только одним

оружием - правдой, он одержал победу над величайшими трудностями. Фарел, Вирет, Беза были бы недостаточны. В этом человеке слабого телосложения и скромного вида были негибкая решимость, энергичная воля. *Он держался крепко, как будто видел того, кто невидим.* Обосновавшись в этом маленьком городке, он стал орудием Бога, сначала для распространения Реформации на Западе, затем для защиты его от нападений Рима, Лойолы и Филиппа II. Для мира родилось новое время.

Тем не менее не только Кальвин, как, по-видимому, полагают некоторые, произвел эту великую революцию. Если бы он появился среди народа, ленивого и женоподобного, таких побед не было бы одержано. Но женефцы веками готовились посредством борьбы, через которую они прошли, к сохранению своей свободы. Жизнь, полная тяжелого труда, непрестанного усердия и грубых драк, приучила их к ударам. Их души были возвышенными. Они были от природы проникательны и решительны, но это железо, и без того блестящее, приобрело в результате закалки непреклонную твердость. Героизм женефских гугенотов стал одним из элементов, способствовавших триумфу Реформации. Характер этих сильных людей был так же важен для работы, как уголь для переработки железа в сталь. Рим победил не Кальвина в отдельности, а Женеву в целом. Энергия Бертелье, Леврие и многих других была одной из составляющих моральной энергии, очагом которой стала Женева и которая почти исчезла из истории. Самые ревностные из женефских гугенотов присоединились к реформатору; массы поддержали его; и некоторые французы, прошедшие через сито преследований, достойные также называться гугенотами, подали руку сынам Женевы. И когда, после достижения своего триумфа, Реформация оказалась атакованной многочисленной и могущественной армией, собранной под знаменами королей, Игнатия Лойолы и папы римского, Женева и люди ее школы, которых можно было найти во всех частях христианского мира, смогли противостоять враждебной силе и сказать ей: "Дальше ты не пойдешь!"

КАЛЬВИНА ОСТАВИЛИ В ЖЕНЕВЕ.

Действительно, в борьбе за обновление христианского мира была одна воля, которая мыслила, одна личность, которая действовала, один голос, который звучал с силой, до тех пор почти неизвестной, и в тысяче направлений: это был, после голоса Лютера, голос Кальвина. Но в то время как великий полководец незаменим в день битвы, так же как и армия, подготовленная им для энергичного конфликта. Роль, которую сыграла Женева в шестнадцатом веке, объясняется не характером одного человека, а многими сопутствующими обстоятельствами, как моральными, так и политическими. Эта армия, созданная животворящим дыханием свыше, вскоре вступала в действие везде, где становилась необходимой борьба. Эти солдаты отправились в мир, не боясь опасностей, выставляя напоказ свои цвета и провозглашая спасение, пока, наконец, Рим не даровал им мученическую смерть, а Бог не даровал им венец бессмертия. Кальвин и гугеноты - вот великий девиз шестнадцатого века.

Фарел, как мы видели, взял на себя ответственность за зачисление молодого врача и открытие для него церкви Святого Петра. Очарованный методом Кальвина изложения Священного Писания, этот ветеран Реформации высказал свое мнение по этому вопросу перед магистратами. Во вторник, 5 сентября 1536 г., на следующий день после знаменитого спора о свободе вероисповедания, произошедшего в Совете Двухсот, Уильям Фарел предстал перед советом и рассказал об обучении молодого иностранца, которое, вероятно, посещали некоторые из членов этого органа, и добавил: "Лекции, которые этот француз^[383] начал в

соборе Святого Петра они очень нужны. Поэтому я умоляю вас сохранить его и позаботиться о его содержании'. Совет постановил рекомендовать оставить незнакомца, чье имя даже не было произнесено. Многие видели его. Бледное лицо, худощавая фигура, скромная осанка, робкий вид этого двадцатисемилетнего беженца не производили впечатления выдающейся личности. Совет даже не подарил ему платье или что-либо в этом роде, как это было принято делать. Без сомнения, он ждал, стоит ли это того. Человек, чье имя вскоре должно было наполнить город и весь христианский мир, прибыл в Женеву почти *инкогнито*. В то время все думали о Фареле. 8 сентября этот реформатор, "обратившись с протестом к совету", постановил, "что, поскольку труды вышеупомянутого Гийома *настолько божественны*, он должен проповедовать в шесть часов утра в церкви Сен-Жермен, и что члены совета должны быть обязаны присутствовать там и проходить оттуда в семь часов в совет".[384]

Лекции Кальвина вскоре были прерваны. В конце сентября Фарель со своим молодым другом в качестве ассистента покинул Женеву, чтобы отправиться в Лозанну, куда их звали неотложные дела. В главном городе Плато Во должно было состояться важное собрание.

Фарель, Вире и другие евангелисты, как уже говорилось, внедрились Реформацию в те части этой страны, которые были подвластны швейцарским кантонам; но другие приходы этой прекрасной страны все еще оставались подвластными папе. Тем временем писания Лютера распространились повсюду, глаза людей начали открываться, и несколько евангелистов, в частности Жан Леконт, дворянин из Пикардии, проповедовали Евангелие в разных местах. Оккупация страны бернцами в связи с экспедицией, которая освободила Женеву в 1536 году, ускорила падение Римского католицизма. Когда бернцы взяли Ивердон мечом, они преобразили церковь этого города на несколько солдатский манер. Они без обиняков положили конец исповеданию римской религии; назначили Малингре министром; 15 марта опубликовали свои религиозные постановления; 17 марта сожгли изображения из церквей на рыночной площади и приказали служителям проповедовать в храмах, очищенных от этой мерзости. Леконт, Тиссо, Мейж и другие евангелисты провели Реформу, но духовными средствами проповеди, в Коссоне, Монтаньи, Ивонане, Сент-Круа и других местах. Аванш и Лутри показали себя убежденными католиками и решили, что, если туда случайно придет священник, они не пойдут его слушать.

ЕВАНГЕЛИЕ В "ПЛАТИ ДЕ ВО".

В марте 1536 года, когда Вире и Фабри проезжали мимо Ивердона во время осады этого города бернской армией, несколько лозаннских офицеров, служивших в нем и знакомых с Вире, остановили его и сказали: 'Когда Ивердон будет взят, мы отправимся в Лозанну: пойдем с нами и будем проповедовать там Евангелие вопреки епископу'. Они так и сделали. Дружелюбный и сдержанный Вире был бы недоволен, если бы увидел, что Лозанна реформируется военным методом, как Ивердон. Он предпочитал меч Духа мечу бернской солдатни. Он предпочел бы, чтобы на наклонных улицах этого города и в его прекрасном соборе был слышен тихий голос, а не шипение бури и раскаты грома. Поэтому он проповедовал 'благую весть великой радости', и проповедовал ее с успехом, в церкви монастыря Святого Франциска. Каноники горько пожаловались совету. "Странно, - говорили они, - видеть в Лозанне двух проповедников одновременно! Целая толпа бездельничающих монахов - это прекрасно! Но два проповедника Иисуса Христа - какая бесполезная трата времени! 'Чем меньше проповедей, тем лучше', - сказали друзья Рима. 'Чем больше проповедовать, тем лучше', - сказали друзья Евангелия. Если

бы каноники выполняли свой долг, заметил кто-то, вместо двух проповедников у нас было бы тридцать.[385] Горожане, как обычно, избрали средний курс, который не должен был удовлетворить ни одну из сторон, ни другую. Они постановили, что евангелисты должны проповедовать в церкви Марии Магдалины, но без демонтажа алтарей, шрифтов, органов, изображений и других украшений, "которые никому не причинили вреда", - сказали горожане; и что монахи доминиканского ордена также должны совершать в той же церкви римско-католическую службу обычным способом.[386] Это то, что великий саксонский реформатор назвал "попыткой сблизить Лютера и папу римского".

ПОКЛОНЕНИЕ ОБРАЗУ.

Поэтому Вирет проповедовал в этой церкви. Но когда наступил Великий пост, доминиканцы Монбусона начали проповедовать в соборе и поддерживали свои римские традиции с помощью насилия и большого количества лжи. Вире был проинформирован об этом, и поскольку он считал, что лучший способ опровергнуть папскую доктрину - это четко изложить ее, он изложил утверждения монаха в письменном виде и публично призвал его защитить их, объявив, что готов ответить ему. Монбусон чувствовал себя достаточно сильным, чтобы отстаивать свой тезис, когда его окружала целая фаланга докторов-схоластов и некому было ему возразить, но в присутствии молодого Вире он побледнел. "Ах, — сказал он, - я бы с радостью сделал то, что вы предлагаете, в Авиньоне, в Париже или в Доле; но в Лозанне нет никого, кто мог бы судить об этом". - "Тогда вам следовало бы проповедовать только в Доле, Париже или Авиньоне, - ответил Вире. - Но поскольку вы солгали в Лозанне, именно в Лозанне полагается удовлетворение'. Затем монах, желая избавиться от своего смущения, самым тихим образом удалился и исчез.[387] Реформатские христиане, как и те господа из Лозанны, не думали, что изображения, алтари и т.д. Никому не причиняют вреда. Они считали, что картины приносили вред. Они верили, что люди благодаря изображениям создали для себя множество второстепенных богов, перед которыми они преклоняли колени, чтобы получить ту или иную милость или исцеление от той или иной болезни; что видимое заставляло их забывать о невидимом; что страшно подумать, что каждый раз, когда какая-нибудь простая душа приходила поклониться Богу в его храме, эти фигуры святых становились поводом для падения или скандала. 'Увы!' говорили они. - сколько бедных созданий, призванных быть детьми Божьими, были превращены этими образами в детей дьявола!' Поэтому те из реформатов Лозанны, по мнению которых изображения святых и ангелов соблазняли и почти неизбежно вводили в заблуждение слабых, начали вмешиваться в это дело. Начав с церкви Магдалины, они убрали изображения и алтари и разбили или сожгли их. Затем, придя в церковь святого Франциска, они сделали то же самое там и сочли себя счастливыми, соблюдая таким образом заповедь: "Да не будет у тебя других богов пред лицом моим".....Старики Лозанны, которые и без того были безутешны из-за того, что остались без епископа, были еще более огорчены, когда оказались лишенными своих изображений и своих месс; и они послали депутатов в Берн жаловаться на это. Бернский совет выслушал их со всей вежливостью и отпустил с добрыми словами. Затем Лозанна направила другую делегацию, состоящую из двенадцати выдающихся персон. В Берне их спросили: 'Чего вы хотите?' "Две мессы в неделю", - ответили они, согласно лозаннской рукописи.[388] Если это утверждение верно, то просьба, безусловно, была очень умеренной для ревностных католиков. Им была сделана уступка, но она сопровождалась условием, что они должны предоставить служителей для всех церквей, которые их попросят. В то же время они дали им понять, что было бы неплохо провести в Лозанне большой диспут о

религии, чтобы сделать выбор между Римом и Реформой. Это было слишком много, чтобы просить за две мессы, которые им были дарованы.

Бернцы, действительно, были озабочены тем, чтобы вода, страну которых они недавно завоевали, присоединилась к Реформации. Несомненно, отчасти они желали этого из соображений политических интересов, но они не упускали из виду интересы религии. Как бы то ни было, реформация религии в этой стране была источником огромного процветания, как мирского, так и духовного. Позднее "Плати де Во" должен был предложить незнакомцу не только те красоты природы, которые вызывают наше восхищение, но и, что еще важнее, многочисленные примеры искреннего и живого благочестия, которое гораздо слаще и приятнее, чем его озера, и возвышеннее, чем его вершины и ледники. Семя, которое было разбросано в эпоху Реформации в ее долинах и на ее горах, воистину было Словом Божиим; и нельзя не видеть в нем исполнения того древнего оракула, что *Сеющий в Дух от Духа пожнет жизнь вечную*.

Обращению Ивердона в христианство несколько помешала осада, которую выдержал город. Бернские лорды вообще хотели, подобно Вире, использовать евангелические средства; раскрыть своим новым подданным более грубые суеверия, под игом которых они находились, и дать им знание истины. С этой целью они решили назначить сначала публичный диспут, подобный тому, который был проведен в Цюрихе, Берне и Женеве. Как только по стране распространился слух о том, что в Лозанне должно состояться большое собрание для обсуждения вопросов веры, священники и их друзья встревожились. Волнение охватило все деревни. Друзья папства ожидали увидеть черные тучи, собирающиеся на горизонте, и жестокий шторм, который вскоре разразится на старом корабле, на котором плавали их отцы, и сделает его основателем, таким образом поглотив в морских глубинах все традиции их учения и всю пышность их богослужения. Они решили сделать все, что в их силах, чтобы воспротивиться такому собранию, и написали епископу и собору во Фрибурге, папе и императору.

НАЗНАЧЕН ДИСПУТ.

Крик отчаяния, который они издали, был услышан. Совет Фрибурга направил депутацию в Берн, чтобы воспротивиться запланированному собранию. Карл V, находившийся в то время в Италии, направил письмо совету *своего имперского города*, требуя от него "предотвратить этот спор, а также любые изменения в вопросах веры, восстановить все в прежнем состоянии, не допускать ничего, противоречащего смыслу его эдиктов, и спокойно ожидать собора". Это послание было датировано Савильяно, 3 июля 1536 года.[\[389\]](#)

Было очевидно, что страна подошла к критическому рубежу и что необходимо найти какой-то способ спастись. Средство, предложенное священниками и монахами, состояло в том, чтобы отступить. Они нападали на Реформацию с кафедры, спешили из дома в дом и распространяли на улицах самые возмутительные репортажи против реформированных и Реформации. Некоторые из них возражали против диспута, утверждая, что 'министры - это маги, у которых на службе множество демонов, с помощью которых они околдовывают своих слушателей'. Другие священники решили сделать хорошее лицо в этом вопросе. Они много бушевали; они хвастались тем, что уже одержали много побед над своими противниками. "Пусть они только разрешат нам бороться с ними в ходе регулярной дискуссии, - сказали они, - и мы достаточно сильны, чтобы победить их".[\[390\]](#)

Бернский совет больше не колебался. Не дожидаясь возможного решения императора, они издали 16 июля эдикт, противоречащий приказам Карла. 'Мы желаем, ' гласил эдикт, - чтобы жители наших территорий (которые по милости Божьей мы справедливо приобрели путем завоевания) от всего сердца следовали тому пути, который заповедал наш Господь. Тем не менее, этого сделано не было, и даже были нанесены грубые оскорбления проповедникам и тем, кто хотел следовать Евангелию. Желая привести в порядок все эти запутанные дела, мы предписываем всем священникам и монахам, а также проповедникам явиться в Лозанну 1 октября следующего года с целью доказать то, во что они верят, свободно и откровенно, аргументируя это на основании Священного Писания. Мы обращаемся с этим призывом не только к жителям наших собственных территорий, но и ко всем приезжим, какой бы нации они ни были, и мы обещаем им безопасность. Мы также приказываем, чтобы наши священники и проповедники присутствовали на ассамблее с момента ее открытия до закрытия, без промедления и под страхом нашего возмущения".[391]

Через несколько дней после Бернского эдикта несколько савойских послов, направлявшихся на бернский сейм, передали письмо императора совету Лозанны. Эти люди, положившие на стол рядом послание его католического величества и эдикт лордов Берна, оказались, к своему великому ужасу, между наковальней и молотом. Прижатые таким образом двумя конфликтующими сторонами, они не предвидели ничего, кроме катастрофы, независимо от того, сопротивлялись ли они той или другой. Императорский документ был зачитан генеральному совету 23 июля. Его члены, большинство из которых были приверженцами Римской церкви, считали, что самый мудрый план - подчиниться самому могущественному, и поэтому, прикрываясь приказом великого государства, они постановили, что стороны должны жить в мире друг с другом, но что никаких нововведений не должно быть сделано до тех пор, пока не будет принято решение собора. В то же время в Берн отправилась депутация, чтобы предотвратить диспут. Но все было бесполезно. Берн был сильнее императора Карла V. Этот принц был в Италии, и отсутствующие были неправы.

ГЛАВА II. ДИСПУТ В ЛОЗАННЕ. (Октябрь 1536 г.)

ДИСПУТ В ЛОЗАННЕ.

Лозаннский диспут с определенным величием открывает Реформацию в Европе. Некоторые рассматривают его просто как бернский проект. Но это внушительное собрание, среди ораторов которого были все или почти все реформаторы западной Швейцарии; на котором обсуждались важные евангельские вопросы; и посредством которого некоторые из присутствовавших были обращены; является свидетельством того, что Реформа действительно была делом Божиим. Реформация началась в этой стране незаметно и скромно, в некоторых округах на берегах Роны, на берегах Невшательского озера и в других местах помимо него. Теперь оно заявило о себе с силой, и массы людей собирались принять его. В книгах мужчины

много рассуждают о прекрасном. Мы находим истинную красоту, христианскую красоту, евангельскую, внутреннюю, возможно, более завуалированную, чем красота мира, но более чистую и более основательную, в доктрине, провозглашенной тогда в Лозанне, и часто в манере, в которой она была изложена, хотя мы должны учитывать время. Мы находим это у Фарелей, Кальвинов, Виретов и других героических людей той эпохи, которые жили с Богом, которые были неутомимы в своей работе и всегда были готовы отдать свои жизни за истину, которую они провозглашали. Этот синод был прекрасным портиком, возведенным для того, чтобы вести людей в храм божественной красоты.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ В ЛОЗАННЕ.

Фарел готовился к диспуту, и со стороны римско-католической стороны было много шума, чтобы найти доблестных защитников. В Лозанне не было ни каноника, ни священника, ни монаха, которые выступили бы в защиту доктрины, по которой они жили до того дня. Необходимо было биться с оружием в руках в другом месте. Они так и сделали, и в конце сентября в город прибыли доминиканец Монбусон, декан Мишо из Веве, викарии Дроги и Беррилли и другие. Только два непрофессионала представляли Лозанну, капитана "юности", [392] Фернан де Луа и французский врач Бланшероз. Последний был *"un homme tenant de la lune"* (что-то вроде сумасшедшего), по словам католика Пьерфлера, 'который смешивает в своих дискуссиях медицину и теологию и вызывает безграничное веселье'. Вире, Маркур и Леконт выступили от имени реформатов. Из Женевы приехали Шапюи, бывший доминиканец, затем пастор в Компесьере, и Жак Бернар, бывший настоятель Кордельеров. Но человеком, который больше всего привлекал внимание, был Фарел, которого сопровождал молодой человек, бледный и скромный, незнакомый большинству в лицо, и который, по-видимому, был его помощником. Это был Джон Кэлвин. Фарель уговаривал его приехать в Лозанну, но Кальвин боялся выступать на этом большом собрании. Тем не менее, он был глубоко заинтересован в его работе. 'Сенат Берна, ' сказал он, - объявил, что каждый волен свободно высказывать свои возражения, не опасаясь, что его из-за этого потревожат. Это самое подходящее средство разоблачить невежество тех, кто выступает против Евангелия". [393] Эти двое мужчин были изложены в компании с государственными Porral, и они приехали со многими другими на собор, в котором состязание должно было состояться. Был построен амфитеатр. Алтари, картины, статуи и богатые украшения римского культа все еще демонстрировали свое великолепие; и даже каноники, которые были полны решимости хранить молчание, но тем не менее хотели что-то сделать, извлекли из своих тайников изображения Пресвятой Девы и всех святых, по-видимому, больше доверяя красноречию этих немых фигур, чем своему собственному.

Со стороны Реформации не было никаких других приготовлений, кроме нескольких простых евангельских тезисов, составленных Фарелем и прикрепленных к дверям всех церквей. Они были озаглавлены 'Выводы, которые будут обсуждаться в Лозанне, новой провинции Берна'. В форме десяти статей было заявлено, что Священное Писание не учит ничему иному оправданию, кроме того, которое дается верой в Иисуса Христа, раз навсегда принесенного в жертву, что оно не признает никакого другого главы, священника, спасителя или посредника Церкви, кроме Иисуса Христа, восседающего одесную Бога; что оно дает название 'Церковь Божья' только собранию тех, кто верит в свое искупление одним Иисусом Христом. Остальные семь статей устанавливали таинства крещения и вечери Господней — служение Слову Божьему — исповедь перед Богом — отпущение грехов, исходящее от Бога -духовное служение Богу,

такое, какое предписано Словом, и без бесконечных насмешек, извращающих религию — гражданский судья, назначенный Богом для поддержания мира в Республике — брак как божественный институт для любого класса вообще — и свободное использование, да будет так с благотворительностью, безразличных вещей.[394]

В воскресенье, 1 октября, зазвонили все колокола, и огромная толпа заполнила собор. Но лорды Берна, в присутствии которых должен был состояться диспут, еще не прибыли. Это было большое разочарование. Однако открытие состоялось в воскресенье, хотя обсуждение началось только в понедельник. Именно Фарель, старший из французских реформаторов, великий поборник Евангелия в округе Женева, Во и Невшатель, этот христианин, одновременно такой образованный и такой благочестивый, такой набожный и такой деятельный, произнес первую речь, в которой его целью было подготовить умы присутствующих к конференции "Становление и христианизация".[395] Он сказал: 'В то время как сатана сбивает овец с пути истинного, чтобы уничтожить их, наш Господь стремится вернуть их к своему святому стаду, чтобы спасти их. Мы никогда не достигнем настоящего единства, кроме как посредством истины. Поэтому всем была выдана охранная грамота, чтобы они ходили и приходили, говорили и слушали, как им заблагорассудится, ибо правду нельзя скрывать. Пусть победит правда! Если бы я сам был полностью побежден и приведен в замешательство, в то время как истина торжествовала, я бы считал это величайшим приобретением и наилучшей возможной победой. Поэтому пусть все, будь то священники или проповедники, проявят уважение к великому пастырю Иисусу Христу, который отдал свое тело и свою кровь за бедных людей. Давайте предпочтем быть никем, лишь бы бедные овечки, так далеко заблудшие, могли найти правильный путь, могли прийти к Иисусу и отдать себя Богу. Это будет лучше, чем если бы мы приобрели весь мир и потеряли тех, за кого умер Иисус. Если кто-то превозносится против Иисуса, если кто-то воссияет против веры, для него было бы лучше, если бы он никогда не рождался. Давайте не будем презирать нашего ближнего. Давайте не будем насмехаться над ним. Давайте не будем закрывать дверь царства небесного и отнимать ключ к знанию. Давайте будем свободны от всякой ненависти и озлобленности. Давайте любить всех людей, молиться за всех людей, делать добро всем людям. Давайте посещать бедных и страждущих, это и есть истинное паломничество. Эти малыши - образы Бога, и именно к этим образам мы должны прибегать, к ним мы должны нести еду и свечи.... Мои дорогие братья, когда вы услышите звон колокола, соберитесь здесь во имя Бога, в мире и единстве, без волнений и ропота.' Это было действительно доброе и христианское обращение, и, выслушав его, собрание разошлось.

РАССУЖДЕНИЯ ФАРЕЛА.

В понедельник, 2 октября, в семь часов утра собор снова был заполнен, и "как только смолк пронзительный звон колокола, на платформе появились послы Берна" Ж. Ж. де Ватвиль, бывший *авойер*, [396] Ж. де Дисбах и *байлифы* из Ивердона и Лозанны. Их легко было узнать по красно-черным камзолам, юбкам и рейтузам. Женевский совет направил в качестве своего представителя синдика А. Поррала, горячего друга реформы. Президенты были выбраны из числа жителей Берна и Лозанны. Затем Фарель поднялся и зачитал свой первый тезис, в котором говорилось об оправдании человека перед Богом, развил и доказал его.

Когда он закончил, заместитель судебного пристава Лозанны громко сказал: 'Если у кого-то есть что сказать против этих первых выводов, пусть он выскажется, и мы охотно выслушаем его'. Затем поднялись каноники собора, которые были полны решимости не продолжать, а

предотвратить дискуссию, и один из них, Перрини, сказал: 'Когда возникают сомнения относительно веры, они должны разрешаться в соответствии с истинным смыслом Священного Писания. Так вот, это законно только для Вселенской Церкви, которая не подвержена ошибкам. Поэтому мы, ректор и каноны этой церкви, торжественно протестуем против этого спора и передаем его на рассмотрение следующего собора".[397]

Это предложение не продолжать было неприемлемым. Отважный Фарель выступил против него. 'Нигде в Священном Писании не утверждается, ' сказал он, ' что какая-либо конкретная Церковь подвержена ошибкам и что Вселенская Церковь свободна от них. Напротив, именно к конкретной Церкви Иисус Христос обращается со словами: *Там, где двое или трое собраны вместе во имя Мое, там Я посреди них*. Это обещание не может не исполниться. Каноники воздержались от обвинения в своем протесте всех первых докторов и святых отцов, к которым они проявляют притворное почтение. На самом деле, в трудах этих древних мы находим только частные диспуты, проводимые с целью изучения статей, которые в то время вызывали споры. У Киприана есть десять таких статей и около двадцати - у Августина. Если они обвиняют нас, собравшихся сейчас здесь, как они смогут защищать свои собственные провинциальные советы, свои монашеские ордена, все свои школы и Сорбонны, в которых они проводят конференции для исследования истины? Большинство из тех, кого они осудили как еретиков, были осуждены не на общем соборе, а на каком-то конкретном собрании. Павел, говоря о церквях, какими они были, рассеянных по городам или деревням, сказал: *Пусть пророки говорят два или три, а другой пусть судит*. (1 Кор. xiv. 29.)

' И как эти почтенные джентльмены доказывают, что генеральный церковный управляющий не может ошибаться? Это их красивое утверждение, тоже выдуманное ими в соответствии с их превосходным обычаем. Они говорят, что наш Господь молился за святого Петра, чтобы его вера не ослабла. Кто же тогда открыл им тот факт, спящим или бодрствующим, что Петр - это Вселенская Церковь? Если бы это действительно было представлено святым Петром, то из этого следовало бы, что Вселенская Церковь может за один день трижды отречься от Иисуса Христа, как это сделал Петр после того, как ему было сказано это слово. Если бы собрание Вселенской Церкви было единственным органом, способным разрешить сомнения, тогда все мученики Иисуса Христа, которые в первые три столетия своей кровью скрепили печать Евангельской истины, претерпели бы смерть за сомнительные вещи, поскольку Вселенская Церковь еще не была собрана на всеобщий собор.

ДИСПУТ.

"Если сейчас существует вселенский собор, претендующий на непогрешимость, пусть он тогда покажет нам, что он собирается *во имя Иисуса*! По истине, священное общество - это общество папы и его кардиналов! Прекрасными столпами церкви являются епископы и прелаты! Великими ревнителями веры являются монахи! Вызывает большие сомнения, что, если бы все это множество было тщательно просеяно, среди них нашелся бы хоть один человек, достойный называться истинным членом Церкви Христовой! Именно из людей, которые все пытаются получить блага и достоинства Церкви, состоит генеральный совет, и он называет себя Вселенской Церковью. Ах, чтобы сохранить свое богатство, свою честь и свою выгоду, они были бы готовы не только растоптать в прах слово Иисуса Христа, но они пошли бы еще дальше и предали бы его самого смерти, если бы он присутствовал здесь собственной персоной. Такова прекрасная группа, в которой, если верить их слову, обитает Святой Дух! Если кто-либо

предложит сразиться с ними на разумных основаниях, против него будет возбуждено дело, чтобы наказать его за дерзость, и, как это было на Констанцском соборе, он будет осужден и сожжен".[398]

Так говорил Фарел. Возможно, некоторые из его замечаний покажутся нам суровыми, но если принять во внимание время, форма его речи, безусловно, неплоха, а содержание ее неопровержимо. После этой речи доминиканец Монбусон и реформатор Вире спорили на ту же тему до одиннадцати часов. Затем раздался призыв 'Удалиться на обед', и собрание разошлось. Во второй половине дня старые священники и монахи Тонона, которые хвастались, что они приведут министров в замешательство, были на собрании. Фабри, который был хорошо знаком с Тононом и его духовенством, пригласил их выступить. Ни один из них этого не сделал. Двое из них заявили, что верят в истинность тезисов, а большинство остальных удовлетворились тем, что присоединились к протесту канонов.

Во вторник, 3 октября, перед ассамблеей выступил доктор Бланшероз (о котором говорилось "*Лунный день*"). Даже если духовенство хранило молчание, он считал себя вполне компетентным отстаивать свое дело. "Великолепные и могущественные лорды, - начал он, - я врач; моя профессия - медицина, а не теология". На что Фарел вежливо ответил: 'Быть врачом нисколько не противоречит истинной теологии. Святой Лука тоже был врачом'. — 'Я преподавал, - сказал Бланшероз, - во многих городах и университетах Франции; более того, когда-то я был врачом короля, а затем принцессы Оранской'. Затем он начал выдвигать странные теории о том, что он называл *монархиями* Отца, Сына и Святого Духа. Присутствовал Кароли. Известно, что этот непоследовательный и капризный человек иногда был папистом, а иногда протестантом. На данный момент он был протестантом. Поэтому он поднял крик, как будто был на охоте: 'Заяц выскочил из норы донатистов!' Сами священники были не особенно довольны своим мирским товарищем по оружию. Поэтому Мимар, школьный учитель Веве, и Жак Дроги, викарий Моржа, поспешили на помощь, надеясь отбить у врага то, что он унес. Но их попытка не увенчалась большим успехом.

Дроги возобновил свою речь в среду, 4 октября. Он, должно быть, хорошо знал, какую жизнь вели многие священники, монахи и миряне, которые в то самое время, когда они делали все, чтобы спастись законными делами, находили в этом поддержку и, так сказать, индульгенцию для того, чтобы бессовестно предаваться нечистой жизни. Тем не менее, он показал, что был сильно встревожен, и, без сомнения, искренне, опасностями, которым учение об оправдании одной верой может подвергнуть дело освящения. Поэтому он сказал: "Если вы говорите, что человек оправдан верой, а не делами, люди не станут утруждать себя тем, чтобы жить хорошо". Дроги искал свет. Высказывания реформаторов встревожили его, и все, чего он желал, - это ясно увидеть истину.

ЦЕРКОВЬ И СВЯЩЕННЫЕ ПИСАНИЯ.

Кароли, некогда романист, а ныне протестант, непоследовательность которого мы видели и увидим снова, высказался по этому поводу справедливо. Как доктор Сорбонны и человек интеллигентный, он был хорошо знаком с доктриной; только он не следовал ее учению. Он встал и сказал: "Утверждать, что дела должны быть соучастниками оправдания, - значит лишать Иисуса Христа сил; то есть говорить, что его одного недостаточно, чтобы оправдать нас. Если человек получает прощение по вере, это, конечно, не для того, чтобы он мог снова начать творить зло. Точно так же, когда король дарует прощение, это не для того, чтобы человек мог

повторить свое преступление. Бог прощает все мои проступки только для того, чтобы я мог творить добрые дела. Разве у вас самих не вошло в привычку говорить умирающему человеку: "Бог больше*прощает*, чем человек - преступник"? Смерть Иисуса более эффективна в наказании за грех, чем смерть всего человечества".[399]

Мирянам было стыдно видеть, что их дело так плохо защищают священники. Поэтому капитан "Молодежи Лозанны" Фернан де Луа вышел на ристалище. Он был человеком с ясной головой; он тщательно изучил некоторые положения римского богословия и обладал некоторой самонадеянностью, которую часто можно увидеть у молодых людей, одним из руководителей которых он был. Он вышел вперед с поднятой дубинкой, говоря прямо и без утайки. 'Церковь выше Писания, она достойнее Писания и облечена более высоким авторитетом. Теперь Церковь учит оправданию делами'. Фарел, воодушевленный такими утверждениями, воскликнул: 'Что первично, Церковь или Писание?... Конечно, Писание важнее Церкви. Церковь существует благодаря Слову Божьему; и сам Иисус доказал то, что он сказал, ссылаясь на Священные Писания.' Услышав это, врач Бланшероз подумал, что он должен прийти на помощь капитану молодых людей, и сказал Фарелу: "Говоря так много о вере и делая ее причиной всего доброго, вы очень похожи на колдунов и чародейки, которые благодаря вере, которую они вкладывают в определенные слова, притворяются, что совершают так много великих и чудесных дел'. Фарел, не обращая внимания на эти шутки, сказал: 'Иисус был избит и изранен; он нес наказание ради нас; за нас он умер'. Присутствовавший при этом магистр католической школы Веве, по-видимому, обладал более истинными христианскими чувствами, чем его коллеги, и, воспользовавшись словами Фареля, сказал: 'Именно так; нас оправдывает Иисус, а не вера'. Это было более серьезно. Поэтому Фарел поддержал первую часть предложения. Возражая против второй части, он сказал— 'Да, только Иисус оправдывает; но он оправдывает только тех, кто принимает его верой, и он обитает в тех, кто верит. Но что касается тех, кто не верит в него, то он для них всего лишь камень преткновения и гибели".

К истине стали подходить более пристально. Преподобный Жан Мишо из Веве, который учился в Париже и был знаком с толкованиями римского богословия, встал и сказал: "Святой Петр говорит нам, что есть необразованные люди, которые извращают Священное Писание к своему собственному разрушению. Я часто слушал мудрых докторов в Париже, и все они заявляли, что этот отрывок из Послания к Римлянам — *Человек оправдывается верой без дел закона* — имел отношение исключительно к еврейским церемониям, таким как обрезание.' Затем, повернувшись к Кароли, сказал: "Вы, сэр, наш учитель, - сказал он. - Я слышал, как вы в Париже, в колледже Камбре, точно так же излагали этот отрывок'. Это был *аргумент против человека*, и Мишо полагал, что обстоятельства, характерные для самого человека, которому он его адресовал, делают его неопровержимым. Но Кароли, у которого не было недостатка в присутствии духа, ответил: "Дело в том, что в то время я был одним из тех необразованных людей, о которых говорит святой Петр в отрывке, который вы только что процитировали, которые *извращают Священное Писание*. Но теперь Бог дал мне истинное понимание этого вопроса. Я изменился, и тебе будет полезно поступить так же".[400]

РЕАЛЬНОЕ ПРИСУТСТВИЕ.

Во второй половине третьего дня они перешли ко второму тезису, утверждая, что Иисус - единственный понтифик. Поскольку никто не выдвинул возражений, даже в пользу папы римского, что было очень важным фактом, они перешли к третьему предложению,

касающемуся уважения истинной Церкви. *Было сказано, что эту Церковь Христос, который в своем телесном присутствии был удален от нас, наполняет, управляет и оживляет своим Святым Духом.* Римско-католики воспользовались этим тезисом, чтобы перевести дискуссию на телесное присутствие. Бланшероз, который всегда был уверен, что может ответить на все вопросы, встал первым и начал говорить о солнце и о всяких других вещах. Он взялся доказать доктрину пресуществления на примере яйца, которое превращается в цыпленка, которого впоследствии съедает мужчина. Вирет не счел этот странный аргумент заслуживающим серьезного ответа. ' Это доказательство, ' сказал он, ' переворачивает порядок вещей. Чтобы сделать его применимым, священникам было бы необходимо сидеть на преобразованном объекте, как курицы сидят на своих яйцах.' Бланшерозу, приведшему другие примеры того же рода, было предложено продолжить дискуссию на основании Священного Писания, а не доказательств, взятых из солнца, которое находится сразу повсюду, из кур, из их яиц, превращающихся в цыплят, и из цыплят, которых съедают, и из других природных превращений.

В четверг, 5 октября, утром президенты, оскорбленные сумасбродством докторов и понимая, что применявшийся до сих пор метод повлечет за собой отступления и бесконечные рассуждения, объявили, что вместо возобновления дебатов в надеждесократить разбирательство, всем каноникам, аббатам, приорам, монахам, кюре и викариям по всей стране, а также министрам будет предложена следующая альтернатива: 'Спорьте, попросите кого-нибудь аргументировать за вас или подпишите тезисы'. Затем всех назвали по имени, и те, кто заявил о своей готовности подписаться, перешли в хор. Мегандер, бернский священник, призвал их не проповедовать ничего, кроме чистого Слова Божьего, и после этого им разрешили удалиться, если они пожелают. Но тем, кто отказался придерживаться тезисов, было приказано оставаться до окончания диспута.

Во второй половине дня появился Мимар с длинной рукописью собственного сочинения, предназначенной для оправдания мессы. Тема обсуждалась в разделе "тринадцать глав", что, по-видимому, не сулило большого сокращения сроков. Мимар, во всяком случае, был серьезным оратором, хотя и немного скучноватым и довольно многословным. 'Вы притворяетесь, - сказал он, - что вы мудрее и просвещеннее Святым Духом, чем святые врачи, святой Августин, святой Иероним, святой Амвросий и святой Григорий, которые все верили в реальное присутствие?' Если ты отвергаешь их как необразованных, это просто потому, что они настроены против тебя.' Фарел ответил на тринадцать глав, не опустив ни одной из них. То, что было сказано каждым из двух чемпионов, можно легко представить. Эта тема уже так часто поднималась, что нет необходимости тратить на нее больше времени. Но на собрании присутствовал один молодой богослов, который радовался, слыша, как его друзья защищают истинное учение, и который по причине своей молодости и скромности до того времени хранил молчание. Это был Кэлвин. Четыре дня он сидел молча, довольствуясь ролью слушателя. Но у него было храброе сердце. Этот Амвросий, этот Августин, эти другие врачи, он был хорошо знаком с ними. Он знал их слова наизусть. Они были его друзьями, и он не мог стоять в стороне и смотреть, как их оскорбляют из-за того, что их причислили к армии папы римского. Он больше не мог молчать; его сердце горело в нем, и он чувствовал побуждение защищать принципы, которые были выявлены Реформацией. Но он хотел также вернуть этим великим людям христианской древности, и прежде всего своему любимому Августину, ту честь, которая им

причиталась. Это был первый случай, когда Кальвин принял участие в какой-либо из великих дискуссий того времени, и к нему стоит прислушаться.

РЕЧЬ КАЛЬВИНА.

‘Я воздерживался от выступлений до этого момента, - сказал он, - и я намеревался воздерживаться до конца, понимая, что в моих выступлениях нет необходимости, потому что мои братья Фарел и Вирет дали достаточный ответ. Но упрек, который вы высказали в наш адрес в отношении древних врачей, вынуждает меня еще раз вкратце показать, как прискорбно вы ошибаетесь, обвиняя нас в этом пункте.

‘Вы говорите, что мы презираем их и вообще отвергаем, и это потому, что считаем их противниками нашего дела. Воистину, мы признаем, что весь мир мог бы считать нас не только опрометчивыми людьми, но и заносчивыми сверх всякой меры, если бы мы высмеивали таких слуг Божьих и считали их *ослами*, как вы говорите, мы делаем. Те, кто делает вид, что относится к ним с большим почтением, часто почитают их меньше, чем мы, и не снизошли бы до того, чтобы потратить на чтение их работ время, которое мы с радостью посвящаем этому. Но мы не превозносим их авторитет до такой высоты, чтобы позволить ему принизить достоинство Слова Господня, которому в Церкви Христовой должно быть исключительно полное послушание. Нам следует опасаться, что нас сочтут бунтарями против этого Слова Господа, которое спрашивает, не должен ли его народ быть довольным *его голосом*, и которое добавляет, *не слушая ни живых, ни мертвых*. Да, мы действительно покоимся на его священном Слове, и мы привязываем к нему наши сердца, наше понимание, наши глаза, наши уши, не отворачиваясь ни направо, ни налево. *Если кто-нибудь говорит*, говорит Петр, *пусть говорит как оракул Божий*; поэтому мы учим народ Иисуса не человеческим доктринам, но небесной мудрости. Вместе с древними учителями мы ищем Божью истину, вместе с ними мы слушаем ее и храним со всем благоговением, оставляя за Господом эту славу, *чтобы только его уста были открыты в Церкви, чтобы говорить с властью*. Пусть же каждое ухо услышит его, и пусть каждая душа будет готова повиноваться ему!

Что касается вашего утверждения, что мы презираем отцов, потому что они не на нашей стороне, мне было бы легко показать, что, какие бы вопросы ни были предметом спора между нами, это утверждение не более верно, чем ваш упрек. Но, чтобы ограничиться обсуждаемой нами темой, я представлю вам лишь небольшое количество отрывков такого характера, что вам не на что будет ответить”.

У Кальвина не было при себе объемистых трудов отцов церкви, но его память была сокращенной библиотекой. Тертуллиан, Златоуст и писатели его времени, особенно Августин, немедленно пришли ему на помощь. “Тертуллиан, - сказал он, - опровергая Маркиона, говорит так: “Христос на вечере оставил на образ своего тела”. Автор комментария к евангелию от Матфея, содержащегося в трудах Златоуста, говорит: “Осквернять самих себя, которые являются истинными сосудами, в которых обитает Бог, - гораздо большее преступление, чем осквернять сосуды, в которых совершается вечеря, поскольку в них *содержится не истинное тело Иисуса Христа*, а только тайна его тела”. Святой Августин в своем двадцать третьем Послании,^[401] говорит: “Хлеб и вино, которые являются таинствами тела и крови Христа, *мы называем их в определенном смысле (quodammodo) его телом и его кровью*”. И в своей книге против Адиманта он добавляет: “Господь без колебаний сказал: “Это мое тело”, когда он дал *знак своего тела*”. Взвесьте все эти слова, каждый их слог, если хотите, и посмотрите, способствуют ли эти

заявления каким-либо образом вашей ошибке. Когда ты насмехаешься над нами, обвиняя древних в том, что они против нас, все видят твою опрометчивость. Несомненно, если бы вы прочитали всего несколько страниц, вы не были бы столь смелы; но вы даже не видели обложки книги. Приведенные выше свидетельства, на которые легко можно указать, доказывают это".

УЧЕНИЕ ОТЦОВ ЦЕРКВИ.

В этот момент Кальвин, желая полностью показать, насколько химерично мнение римлян, предложил одно или два соображения, которые, хотя и демонстрируют его тонкий ум, не лишены основательности. 'Это неспроста, - сказал он, - что мы отвергаем глупое мнение, которое коварство сатаны привнесло в мир. На вечере мы, безусловно, вкушаем то же тело Христа, что и апостолы при ее учреждении, и это должно быть либо его смертное тело, либо его прославленное тело. Если это его смертное тело, то Иисус в этот час смертен и подвержен страсти, в то время как Писание возвещает нам, что он отбросил все немощи. Если это было его бессмертное и прославленное тело, то Иисус на первой вечере находился в определенном месте (сидел за столом) в своем смертном и пассивном теле, и он был в другом месте (в руках и устах своих учеников) в своем бессмертном и прославленном теле. Мечты Маркиона никогда не были такими фантастическими!.."

Кальвин, однако, пошел дальше и, зная значение, которое Рим придавал письму, счел своим долгом показать, к чему приводит этот метод. Он более полно объяснил свою собственную доктрину в другом месте, но мы не должны умалчивать о том, что он сказал по этому торжественному случаю. "Если вы привязываете себя к словам, - сказал он, - если вы так строго настаиваете на этих словах, *Hoc est corpus meum*, вы вынуждены такой словесной строгостью отделять тело Господне от его крови. Ибо он сказал: *сие есть тело мое*, указывая на хлеб, а указывая на вино, *Сие есть кровь моя*. Итак, представлять, что тело Христа было отделено от его крови, - это отвратительно. Я знаю, что вы уклоняетесь от этого, используя то, что вы называете *сопутствием*. Но не утверждайте этого, ибо это просто насмешка. Если настоящее тело находится в чаше, как вы утверждаете, то Господь истины говорил ложь, когда сказал: *Это моя кровь*.

'Нет, это не естественное тело и не естественная кровь Господа нашего Иисуса, которые даются нам на святой вечере. Но существует духовное общение, благодаря которому он дает нам всю благодать, которую мы можем получить от его тела и его крови. *Христос делает нас истинными участниками, но исключительно духовным образом, узами Своего Святого Духа*. Святые Лука и Павел пишут, что Иисус сказал: *Это новый завет в моей крови*; то есть новый союз, который Отец заключил с нами, изглаживая наши беззакония Своей милостью, принимая нас в Свою милость, чтобы мы могли быть Его детьми, и записывая Его закон в наших сердцах Своим Духом; союз действительно новый, утвержденный телом и кровью Иисуса Христа.

'Вынужденные столь вескими доводами, мы истолковываем Священное Писание в соответствии с истинной аналогией веры. Мы не приукрашиваем это из нашей собственной головы и не даем объяснений, которые не выражены сами по себе".

ОБРАЩЕНИЕ ЖАНА ТЭНДИ.

Кальвин молчал. Молодого человека, чье лицо было незнакомо, но полно выражения, слушали с удивлением, и люди признали в нем мастера. Все почувствовали силу его слов, и никто не возразил. 'На этом этапе,' говорится в Актах Диспута, - и Мимары, и Бланшерозы остались, не

предпринимая никаких попыток ответить'. Умы слушателей, казалось, просветлились от новых знаний. Вскоре это стало очевидным.

Монах ордена Кордельеров, францисканец Жан Тэнди,^[402] который присутствовал на диспуте с момента его открытия, с живым интересом выслушал речь Кальвина и почувствовал, что ее истина дошла до него. Его сердце было тронут, его разум удовлетворен. Он принял верой жертву Спасителя; и, по выражению Евангелиста, он ел его плоть и пил его кровь. Некоторое время он сидел молча, ожидая возражений, которые могли быть выдвинуты. Но 'когда он увидел, что те, кто до этого часа принимал участие в обсуждении, закрыли рты', он набрался смелости, встал и сказал, а собрание внимательно слушало его: Священное Писание учит, что нет прощения греху против Святого Духа. Итак, этот грех совершают люди, которые из-за неверия, желая бороться против самой ясной истины, предпочитают скорее превозноситься против Бога и его Слова, чем смирять себя и повиноваться ему. Поскольку сейчас я желаю не противиться истине, а принять ее и открыто исповедовать, я признаю перед всеми вами, что я долгое время заблуждался. В то время как я думал, что живу в состоянии совершенства, как они дали мне понять, я, напротив, был всего лишь слугой людей, подчиняясь их традициям и заповедям. Нет ничего хорошего, кроме того, что повелевает Бог. Я слышал правду. Я вижу, что я должен крепко держаться только за Иисуса, должен придерживаться Его Слова и не должен иметь другого главы, лидера или Спасителя, кроме того, кто своей жертвой сделал нас приемлемыми для Отца. Отныне я буду жить и умру согласно его Евангелию. Я прошу прощения у Бога за все, что я сделал и сказал против его чести. Я прошу прощения у вас и у всех людей, поскольку своей проповедью или своей жизнью я неправильно научил вас или подал вам плохой пример. И поскольку, следуя правилу Кордельеров и надев это одеяние притворства, я сбился с правильного пути, в этот момент, когда я отрекаюсь от всех суеверий, я также отказываюсь от этого одеяния, полного всякого лицемерия и лжи'. Произнося эти слова, Жан Тэнди сбросил с себя монашеское одеяние, а затем добавил:

'Пусть никто не обижается, но пусть каждый исследует себя и признает, что если состояние, в котором он жил, противоречит воле Божьей, он не должен ни упорствовать в нем, ни возвращаться после выхода из него. Я буду жить как христианин, а не как Кордельер; по Евангелию Иисуса, а не по правилам монахов; в истинной и живой вере во Христа и в единстве со всеми истинными христианами. К этому Бог призывает всех нас с намерением, чтобы вместо того, чтобы быть разделенными на множество правил, мы все могли быть едины в Иисусе Христе'.

Это искреннее, благородное и трогательное обращение доставило огромную радость тем, кто любил Евангелие, и Фарел, как их представитель, сказал: 'Как велик Бог! как хорошо и как мудро! Как он поражает и исцеляет, как низвергает в ад и снова возносит на небеса, мы видим своими собственными глазами. Какое суеверие может сравниться с суеверием кордельеров, в котором враг с таким искусством раскрасил свою работу, что даже избранные обманываются! Поэтому давайте радоваться, что бедная овца, которая блуждала по горам и пустыням, среди волков и диких зверей, теперь, по милости Господа, покидает бесплодные пустыни, досадные шипы человеческих традиций, входит в его стадо и теперь находит свое пастбище в святом Слове Божьем'.

"После этого, - добавляют Актеры, - поскольку было поздно, все разошлись по домам".^[403]

Последние тезисы обсуждались в течение оставшихся двух или трех дней, и по большей части одними и теми же бойцами, каждый из чемпионов выражал себя хорошо или плохо, в зависимости от своего характера и духа, который им двигал. "Господь, - сказал умный и духовный Вирет, - повелевает Петру *пастись* своих овец, но, согласно хорошо известной поговорке, римскому двору не нужны *овцы без шерсти*".[404] Истинным ключом к царству Небесному является Евангелие Господа, но папа и его священники изобрели другие, которые закрывают дверь, вместо того чтобы открывать ее. Если папа желает подражать Иисусу и Петру, пусть тогда он ходит туда-сюда по всем местам, разыскивая и спасая души. У апостолов не было святого престола, подобного римскому понтифику. Они не часто даже сидели, за исключением того, что это было в тюрьме. И вместо тройной короны и золотой цепи у них на руках и ногах были железные цепи".[405]

ТРОИЦА БЛАНШЕРОЗА.

Доктор Бланшероз, который без колебаний считал себя самым доблестным из защитников Рима, начал падать духом. Его единственным утешением была мысль, что если его и победили, то не из-за недостатка таланта, а потому, что он был один; и, процитировав слова древних, он сказал: "Противники (реформаторы) слишком сильны, и, как кто-то сказал, сам Геракл ничего не смог бы сделать против двоих".[406] Этими двумя, в его случае, несомненно, были Фарел и Кэлвин.

Он продолжал жаловаться на своих товарищей по борьбе. 'Вместо того, чтобы помочь мне, - сказал он, ' священники умоляли меня уйти. "Нас шесть десятков человек, - добавили они, - которые будут вынуждены, если спор затянется надолго, продать наши мантии и капюшоны, чтобы расплатиться с нашими хозяевами". Затем, после этого пустяка, возвращаясь к своим великим тезисам, доктор-фантаст сказал: 'Святая Троица представляет три монархии. Отец представляет императора; Сын представляет папу римского; и третья монархия, которая только сейчас начинается, - это монархия Святого Духа, и *принадлежит врачам*.' Таким образом, он претендовал на большую роль для себя. Это напомнило ему о его долге, и он занялся делами, находящимися в пределах его досягаемости. "Время Великого поста, во время которого люди постятся, ' сказал он, - было хорошо регламентировано, потому что весной пробуждается природа, кровь разогревается и побуждает к удовольствиям, и, более того, люди много ели зимой'. Энергичный Фарель, который не хуже доктора знал, как быть популярным и саркастичным, встретился с ним на его собственной территории и ответил на своем медицинском языке, 'что, напротив, на Великий пост назначено наименее подходящее время года, потому что весной бедняки работают на полях и виноградниках, и, наевшись за зиму мяса, их кормят хорошо просоленной рыбой, острыми специями и т. Д. Этот метод порождает легионы болезней, так что священники собирают с них урожай, а врачи - урожай. Болезни приносят деньги в кошельки этих двух классов людей, особенно в кошельки римских священников, согласно анаграмме *Roma*. Если каждую букву этого слова принять за начальную для другого слова, мы получим предложение, *Radix Omnium Malorum Avaritia*: Рим - это алчность, корень всего зла. Она показывает это всевозможными способами, но прежде всего тем, что предоставляет за денежную плату свободу есть мясо, что в противном случае она запрещает и объявляет грехом".[407] Ясно, что Фарел знал, как извлечь выгоду из этой заповеди, *Отвечай глупцу по его глупости*.

Викарий Моржа Дрожи, человек более просвещенный, чем другие, и ясно видевший слабость римского учения, как мог, извинился за своих товарищей и извинился за их поражение. 'Бедные священники невежественны, ' сказал он, - и они заслуживают жалости. Не велика слава для священников в том, что они победили их. Чего они хотят, так это времени, отведенного им на учебу, и притом долгого; но вместо этого над ними безжалостно подтрунивают.' ' Не принимайте за оскорбление, ' сказал любезный Вирет, - те милосердные наставления, которые мы им дали. Мы далеки от того, чтобы желать им какого-либо зла, мы готовы пролить свою кровь за их спасение'. 'Без сомнения, ' добавил молчавший до сих пор реформатор Маркур, человек очень здравомыслящий, но несколько более суровый, чем Вире, ' без сомнения, бедные священники заслуживают жалости, но еще больше бедные люди. Ни один человек не доверил бы стадо овец слепому и немому пастырю; почему же тогда церкви отданы под руководство слепых и неспособных объяснить Слово Божье?"[408]

КАЛЬВИН И ХИЛЬДЕБРАНД.

Затем Кальвин снова поднялся, чтобы заговорить, и, не прекращая спорить со слабыми апологетами Рима, которые были достаточно опровергнуты, он избрал своим противником самого прославленного и доблестного из защитников папства, человека, который действительно был его главным основателем, Гильдебранда, ставшего папой под именем Григория VII. Эти два человека были хорошо подготовлены, чтобы сразиться с равной силой на ристалище. Жаль, что пять столетий стояли у них на пути к тому, чтобы померяться силами врукопашную. Именно Гильдебранд распространил по христианскому миру эти грандиозные утверждения, "что имя папы единственно в мире, что Римская церковь никогда не ошибалась и никогда не будет ошибаться, что папа может низложить императора и что все князья должны целовать его ноги".[409] Кэлвин часто выступал против этой самонадеянной лжи,[410] и он делал это до этого, по крайней мере в некоторой степени. В этом случае он воспользовался документом, написанным кардиналом, современником Гильдебранда, в котором, среди прочего, говорится, что этот папа, желая на этот раз *справиться со своими заклинаниями*, взял хлеб, который, как он утверждал, был Богом, и бросил его в огонь.[411] Повод для естественного восклицания: "Скажите теперь, что хлеб - ваш Бог!" Эта история, рассказанная кардиналом за счет папы римского, представляется нам апокрифической. Но это совершенно верно, как мы знаем из отношений, которые существовали между Григорием VII. и Беренгер, что знаменитый понтифик сомневался в доктрине пресуществления и что он не высказывался в ее поддержку до тех пор, пока не понял, что его враги воспользуются его сомнениями по этому поводу, чтобы нанести удар по его иерархическим правам и верховной власти.

Когда дебаты по десяти тезисам были завершены, Фарел поднялся за кафедру днем в воскресенье, 8 октября, и произнес заключительную речь. Мы позволим оратору говорить на его родном языке, хотя это не всегда будет язык нашего времени, поскольку важно, чтобы Реформация была представлена нам именно такой, какой она предстала на самом деле. Фарель был поражен тем фактом, что группа священников, слабых людей и немногочисленных, была способна в ходе этого восьмидневного конфликта вселить в могущественный католицизм тревогу и победить его. Он также помнил, как, когда он приезжал в Эгль, в Невшатель, в Женеву, бедный, слабый и презираемый в глазах многих, он видел, как папство пошатнулось и пало ниц перед Словом Божиим. 'Что же тогда, ' сказал он, ' заставляет вас трепетать, вас, которых великое множество, покрывающее всю землю? Что? появляется бедный пророк, одинокий перед лицом стольких богатых людей; неизвестный и лишенный друзей перед столькими

людьми, у которых есть могущественные союзники; он не знает, куда идти, ему не с кем поговорить, в то время как вы все удобно устроились, вы все знаете друг друга и наполняете весь мир ужасом. Чего же тогда вы боитесь? Пророк не ударит вас, ибо он безоружен. Когда по той или иной причине против вас восстает целый город или даже целый народ, вы совершенно ничего не боитесь и ведете себя еще хуже, чем обычно.... Откуда эта разница? Значит, один - это больше, чем множество? Факт таков: с этим бедным пророком приходит истина, чудесная истина Божья, которая могущественнее всех людей и которая всякий раз, когда сталкивается с врагами, преследует их, приводит в замешательство и обращает в бегство, в то время как они неспособны оказать какое-либо сопротивление".[\[412\]](#)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ФАРЕЛА.

Фарел не ограничился разгадкой этой загадки. Прежде всего он желал учить совести и приводить души к Иисусу Христу, одновременно спасая их от папы Римского. Это было великой целью его долгой жизни. Вот причина, по которой, обращаясь к огромной аудитории, он воскликнул: 'Придите же к Иисусу, к Иисусу, который понес наши печали, и всецело доверьтесь ему, чтобы вы могли быть спасены. Откажитесь от порочных доктрин, которым учат папа и его слуги, от месс и исповедей, от отпущений грехов, индульгенций и пожизненных помилований. Не бегайте больше туда-сюда к разбитым водоемам. Не доверяйте больше таким бессильным и жестоким людям; не принимайте ни папу, ни Мухаммеда, ни кого-либо, кто предполагает управлять вами своими собственными постановлениями. Крепко держитесь за единственную голову Иисуса, который, войдя в великое святилище, предложил своему Отцу свою собственную кровь, таким образом установив мир между Богом и нами, чтобы христиане стали бессмертными. Если вы верите в папу римского, вам будет стыдно, когда вы услышите из уст Бога эти слова: "Кто повелел вам сделать то, что вы сделали?" У вас были папы в качестве ваших богов.... Тогда иди, и позволь им спасти тебя, если они смогут. Тогда постигнет тебя великое опустошение. Искать Иисуса Христа в облатках священников, в хлебе, в вине, в плоти, в слезах, шипах, гвоздях, дереве, саванах, тканях и во всех других насмешках, которые предлагает вам Рим, которые принижают все, что от Бога, - значит сильно обманывать самих себя. Это по-другому, это в его Духе, это верой вы должны искать Спасителя. Церковь Иисуса, управляемая своим супругом, не принимает все эти папские заблуждения; она направляет бедных грешников к Богу, чтобы он открыл их сердца и чтобы они могли молить Его о милосердии.

' Тогда не отправляй своих жен и дочерей к тем, кого ты так хорошо знаешь. Не отдавайте свои души на попечение людей, которым вы вряд ли хотели бы доверить своих овец. Пусть все идут к Богу, идут к нему сердцем, ибо он просит именно сердца, а не наших денег. Отслужить мессу, пробормотать молитвы и *Аве Мария* перед куском дерева, совершить так много поездок туда-сюда - это не то, чего он хочет от нас. Он хочет, чтобы мы всецело полагались только на него, и он спасет нас".

Затем Фарел, повернувшись к священникам, которых присутствовало большое количество, сказал им: 'Тогда прекратите, вы, бедные священники, которые до сих пор были обмануты и обманывали других, прекратите учить тому, что без ваших признаний, ваших епитимий, вашего удовлетворения и отпущения грехов, будь то в этом мире или в мире грядущем, невозможно попасть в рай. Ведите своих овец к пастырю, который отдал за них свою жизнь. Церковь Иисуса ничего не получит от всего вашего мусора. Богу все равно, как вы закутываетесь, какие рубашки

носите под своими мантиями, правильно ли оторочены ваши плащи и содержат ли вы в хорошем состоянии украшения и убранство своих часовен и алтарей. Полагать спасение в этих внешних вещах - значит переворачивать учение Иисуса, ибо *Царство Божье внутри вас*.

ЕГО ОБРАЩЕНИЕ К СВЯЩЕННИКАМ.

Завершая свою речь, Фарел запел победную песнь и указал на то, что Реформация не перенимала оружие своих противников, но что ее методы представляют собой самый разительный контраст с их методами. 'Многие, ' сказал он, ' пытались опровергнуть мои утверждения, но истина оказалась сильнее всего. И все же священников и монахов не подвергали тайным допросам; им не запрещали говорить; им не угрожали тюрьмой или смертью; никакие смертоносцы не появлялись на сцене, чтобы решить стоящие перед нами вопросы огнем или мечом. Все были любезно приглашены. Все желающие поспорить были выслушаны, и никто не обиделся даже на их частые повторения. Примите тогда святое учение Иисуса, которое было изложено перед вами, и позвольте ему одному удовлетворить вас. Мы не можем найти никого лучше, мудрее или могущественнее. Будьте христианами, не будьте больше папистами.

'О священники, каноники и монахи, если отныне вам больше не окажут тех почестей, которыми вы пользовались ранее, если с вами не будут так хорошо обращаться и кормить, не губите из-за этого себя и бедных людей. Лучше войти в вечную жизнь с бедным Лазарем, чем отправиться в ад с богатым злодеем. Тогда оставьте свои песни и мессы и следуйте за Иисусом. Вместо того, чтобы петь перед народом на латыни, проповедуйте им священное Евангелие. Когда некоторые пришли, как разбойники, чтобы убить нас, мы требовали не мести, а милости и прощения для них. А теперь мы просим, чтобы вас приняли радостно и нежно, как заблудшую овцу, возвращающуюся в стадо.

'А вы, милорды, ' сказал Фарель, обращаясь к делегатам из Берна, ' поскольку Бог привел вас к завоеванию этой страны и вверил вам ее народ, как ребенок вверяет его отцу, позаботьтесь о том, чтобы Бога свято чтили на землях, вверенных вашему правлению. Пусть Иисус не будет для вас менее ценным, чем самый бедный человек в стране. Пусть Бог коснется сердец всех королей и лордов, чтобы бедные люди могли жить по воле Божьей, без войны и в мире; чтобы не проливалась человеческая кровь; чтобы человек, созданный по образу Божьему, не мог убивать своего собрата, созданного по тому же образу; но чтобы каждый мог любить ближнего и помогать ему так, как он хотел бы, чтобы ближний помог ему. И пусть все те, кто пострадал за веру в Иисуса, укрепятся, чтобы упорствовать даже до конца и провозглашать благодать и силу Бога, чтобы вся земля могла поклоняться ему".[\[413\]](#)

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕФОРМЫ В PAYS DE VAUD.

(Конец 1536 г.)

Ассамблея в Лозанне была великим событием для водуа; о ней говорили в каждой деревне. Берн своим постановлением, 'чтобы все священники, монахи и другие люди Церкви, кем бы они ни были, явились', привлекла всеобщее внимание. В то время как в Лозанне был один большой диспут, в городах и деревнях было много мелких. Они обсудили плюсы и минусы и поинтересовались, обратятся ли священники по возвращении в *новую веру* или нет. В самой Лозанне, едва закрылось заседание и толпа вышла из дверей прекрасного собора, дебаты возобновились на улицах и в частных домах.

ИТОГИ КОНФЕРЕНЦИИ.

Результаты конференции не заставили себя долго ждать. Некоторые, как Кордельер Тэнди, убедились в своей правоте, встали на сторону Реформации и, в свою очередь, стали ее миссионерами. Было видно, как служители и миряне разъезжали по всей стране, рассказывая о дискуссиях, показывая, что евангельская религия действительно является истинной, и усиливая всеобщее возбуждение. Два депутата, присланные приходом Виллет, Сор и Клавель, были настолько впечатлены истинами, изложенными Фарелем и его друзьями, что забрали Вирета с собой в Калли, чтобы он мог проповедовать там. Вся страна, действительно, не была обращена, но свет проникал с места на место, даже в самые отдаленные уголки. В этих прекрасных краях было не только яркое пламя, но и тепло, которое распространялось дальше, чем свет, оживляя и преображая сердца.

В самой Лозанне первый результат диспута был замечательным и ясно показал, что мораль была таким же делом Реформации, как и доктрина, и что они, возможно, были ее наиболее отличительной чертой. Всего через два дня после завершения диспута, 10 октября, совет, очень поглощенный только что произошедшим великим событием, постановил 'раз и навсегда разрушить дома с дурной славой, которые существовали в городе', чтобы изгнать живших в них развратных женщин, а также всех других, кто, как было известно, вел порочный образ жизни. В четверг, 12 октября, приказ, отданный этим "несчастливым" покинуть город и бейливик, был оглашен звуками труб на всех улицах.^[414] Было сказано, что мораль - это наука о человеке.^[415] Лозаннское правление считало, что это в первую очередь наука магистрата. Эти дискуссии, в которых главным предметом обсуждения было оправдание верой, имели своим первым следствием дела христианской морали. Это решение магистратов доставило огромную радость тем, кто принимал участие в диспуте. Они увидели в этом извинение своей доктрины. "Когда говорится об оправдании верой", - замечает один из них,^[416] 'разум человека неверно подходит к делу и испытывает потрясение, подобно кораблю, который, вместо того чтобы следовать намеченным для него правильным курсом, налетает сначала на одну скалу, затем на другую. Смерть Христа эффективна для искоренения зла нашей плоти, а его воскресение - для зарождения в нас нового состояния лучшей природы".

Люди извлекли из диспута еще одно следствие. Даже самые ярые из реформаторов, пока длились дебаты, терпимо относились к изображениям в соборе. Вирет показал, что Бог запретил их, и что они отворачивают людей от истинного служения Богу. 'Священники,' сказал он, 'для своего удобства ставят на своем собственном месте проповедников из дерева и камня,

истуканов, облачая их в богатые одежды за счет бедных. Что касается их самих, они спят, у них хорошее настроение, и они свободны от забот. Эти изображения - их викарии, они выполняют свою работу, и их прокормить ничего не стоит. И бедные люди остолбенели и целуют дерево и камень".[417] Никто не ответил Вирету. Напрасно были приглашены защитники изображений выступить вперед; ни один из них не появился. Следовательно, для реформатов удаление их из собора казалось законным ходом. Зловещий слух об этом проекте встревожил каноников, и они решили сделать все возможное, чтобы воспротивиться нечестивому поступку. Они взяли ключи от собора и, подбежав к священному зданию, закрыли двери, чтобы никто не смог унести предметы их почитания. Несмотря на все предосторожности, одно из изображений было удалено. Об этом факте немедленно заговорил весь город. Только что на нашу великую леди Лозанны обрушился самый тяжкий удар! Реформаты почитали мать Спасителя как благословенную женщину, но они отказывались делать из нее богиню. Шум и угрозы священников напомнили о криках почитателей Дианы в Эфесе, о которых говорится в Деяниях Апостолов, которые сказали: "Храму великой богини Дианы угрожает презрение, а ее великолепие - разрушение, которой поклоняется вся Азия и весь мир".[418] Каноники, не чувствуя себя сильными достаточно для такого случая, чтобы они отправились в совет, отдали им ключи от собора и умоляли их защитить здание и то, что в нем находится.[419] Но реформированные, которые искренне желали видеть поклонение только Богу, повернулись спиной к этим фигурам из дерева и камня:

Dès maintenant, trompeuse idole,

D'un culte honteux et frivole,

Nous n'entourons plus tes autels.

БЕРНСКИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ.

Намерением властей было противодействовать произвольному удалению изображений частными лицами. Но те же самые власти, не теряя времени, пресекли их собственными действиями по всей стране. Несколькими днями позже, в четверг, 19 октября, главный магистрат и советники Берна обратились ко всем своим верным подданным из Во и объявили им прокламацией, что обязаны управлять ими не только посредством "телесных и внешних предписаний, но и проявляя все усердие, чтобы следить за тем, чтобы они поступали согласно воле Бога, в истинной и живой вере, которая приносит добрые дела; учитывая, что десять выводов, которые обсуждались в Лозанне, были основаны на Священном Писании, они предписали всем воздерживаться от всех папистских церемоний, жертвоприношений и учреждений; ниспровергнуть все изображения и идолов, а также жертвенники, и это в упорядоченном порядке, без помех; слышать Слово Божье, принимать проповедников с добротой и не приставать к ним и не беспокоить их, чтобы все могли жить вместе в истинном мире, братской любви и единении".[420] Эти постановления в вопросах религии и богослужения в наши дни показались бы странными; и мы могли бы задаться вопросом, будут ли к ним относиться терпимо даже в Японии. Но они соответствовали духу того времени, и правители Берна делали все, что в их силах.

Реформация добилась еще больших успехов, чем отмена изображений. Это могло бы подсчитать души, привлеченные к Евангелию, не только среди всего населения страны, но и среди тех самых защитников Рима, которые сталкивались с Фарелом. Дружелюбный капитан

молодежи Фердинанд де Луа принял славные обетования Евангелия и впоследствии с большой серьезностью приложил все усилия для поддержания протестантизма во Франции. Более того, ему было дано блестящее свидетельство его рвения. Субиз послал ему благодарность как от своего имени, так и от имени принца Конде, адмирала (Колиньи) и других принцев и лордов.^[421] По договоренности с лордами Берна, Вале и Невшателя он послал к нему несколько человек; однако мы должны добавить, что эти люди (*род*), по-видимому, были не евангелистами, а солдатами. Священник, принимавший участие в защите папства, но убежденный убедительными словами реформаторов, дом Жан Дроги, также принял евангелическую веру. Впоследствии он стал пастором в Беве на территории Невшателя. Мегандер также написал 19 октября министрам Цюриха: "Лозаннский спор привел к самым счастливым результатам".

КАРОЛИ И ВИРЕТ.

Эти успехи воодушевили сторонников Реформы, и правительство Берна потребовало от властей Лозанны окончательного установления евангельской веры и богослужения. Каноники со всей энергией выступали против этой меры, утверждая, что всем старым обычаям и религиям свойственно благоговение; они заклинали правителей Лозанны не допустить, чтобы их город был неверен Риму. В то же время они послали депутатов в Берн. Но совет уже вел переговоры с лордами Берна, отчасти руководствуясь убеждениями, а отчасти благоразумием. Бернцы были склонны предоставить своим новым подданным различные права, преимущества и привилегии при условии, что они откажутся от иностранной власти папы римского, с которым, как они хорошо знали, невозможно быть в хороших отношениях, и примут Евангелие, которое просвещает разум, дает мир душе и способствует процветанию наций. Они также знали, что для того, чтобы убедить людей, необходимо вести себя по-доброму по отношению к ним. Следовательно, 1 ноября в Берне был заключен контракт, в силу которого их превосходительства уступали гражданам Лозанны высшую, среднюю и низшую юрисдикцию в гражданских и уголовных делах, различные монастыри и аббатства, шалет и мельницу Гобе, а также некоторые виноградники. К этим подаркам бернцы приложили обещание, что, как только 'папство и его ряженье будут упразднены', их превосходительства проявят щедрость по отношению к священникам. Это *великое постановление* было зачитано 5 числа того же месяца на большом совете в Лозанне и было торжественно ратифицировано. Тем временем вожди Берна представили 5 ноября вождям Лозанны в качестве первого пастора Кароли, который был доктором Сорбонны и чья беглая речь и привлекательные манеры располагали людей в его пользу. Такой выбор возмутил друзей Евангелия. Вире, который столько лет трудился для распространения света в своей собственной стране и делал это с совершенной серьезностью, мудростью и самоотречением, рискуя своей жизнью, — Вире, истинный реформатор Водуа, — увидел, что этот новый человек, каким бы непригодным он ни был для предстоящей работы, предпочел его самому себе. Пасторы Женевы написали в Лозанну — 'Все знают труды, веру, рвение Вире, и мы поражены, узнав, что они обращаются с ним таким образом. Мы не можем выносить это без жалоб. Если нам когда-либо и подобает возмущаться, то, несомненно, именно в этом случае.'^[422] Бернские лорды удобно поселили Кароли в доме каноника Бенуа де Понтарез, в котором были прекрасные сады, в которых он мог философствовать и развлекаться, как это делал Эпикур в древности. Кроме того, ему назначили годовое жалованье в пятьсот флоринов. Его жена отличалась такой роскошью, которая была оскорбительной. Вире присоединился к нему в качестве второго пастора, но ему не выделили ни десятины, ни каких-либо средств к существованию. Де Ватвиль ограничился просьбой проявить уважение к

большим заслугам своего коллеги. Бернцы, однако, очень скоро обнаружили, что они ошибались в этом вопросе. Поэтому они написали Вирету 1 декабря, что, поскольку он уже хорошо знаком со страной, а Кароли был своего рода новичком, они посоветовали ему выплатить Кароли вознаграждение, "продвижение по службе, и это в виде благотворительности".[423] Это не давало Вирету своего рода опеки над Кароли, как было сказано. Напротив, несколько дней спустя Фарель пожаловался, что трудно сказать, кто меньше всего заботится о Вирете - бернцы или лозаннцы.[424] Бернцы просто признали, что водский реформатор, будучи уроженцем страны, имел больше опыта в ее обычаях, 'в популярном способе ведения дел'. Впоследствии Вире получил жилье во францисканском монастыре с жалованьем в тридцать флоринов и определенной порцией вина и пшеницы. Это не составляло и трети жалованья Кароли. Кое-что из реформированной мебели было предоставлено скромному священнику в аренду для его комнаты, потому что у него не было средств купить что-либо.[425]

РЕФОРМА В ВЕВЕ.

Из всех районов Плати-де-Во Веве, город, расположенный в этом прекрасном регионе, который на берегу Женевского озера так богат как изяществом, так и блеском, по-видимому, был наиболее склонен принять Реформу. В течение восьми прошедших лет Эгль и окрестные деревни слышали Евангелие от служения Фарела. Министры, которые приезжали и уезжали из Берна в Эгль и из Эгля в Берн, проходили через Веве и оставляли после себя свет в своем переходе. Более того, между людьми из правительства Эгле и жителями Веве часто происходили сношения. Один заслуживающий доверия историк даже склонен полагать, что декан Мишо и регент Ж. Мимар вернулись из Лозанны в свой родной город, убежденные в истинности тезисов, на которые они поначалу напали.[426] Даже если бы они сами не были сильно обеспокоены, они могли бы своими рассказами пробудить в людях желание познакомиться с Евангелием, которое с такой живостью провозглашали Фарель, Вирет и Кальвин. В ту эпоху Реформации не было другого публичного диспута, на котором столь большое число поборников папских догм переходило под знамя Евангелия. Жители Веве спонтанно попросили прислать им пастора, и 24 ноября им прислали пастора по имени Дайле. Это имя стало известным в семнадцатом веке как имя одного из самых ученых служителей Реформатских церквей.

Евангелие встретило противодействие в районе Ла Во, расположенном между Веве и Лозанной. На консультативном собрании, состоявшемся 15 октября, депутаты Ла Во потребовали созыва общего собрания и заявили, что будут выступать против "любых нововведений в церквях". Жители Лютри, небольшого городка, граничащего с Лозанной, были того же мнения. Но когда судебный пристав Лозанны приехал туда три дня спустя, чтобы пообедать, ветер начал меняться. Магистраты, польщенные этим визитом, с высокими комплиментами предложили ему почетное вино (*vin d'honneur*); и все их рвение было ограничено тем, чтобы похоронить папство как можно более пристойным образом. Когда 2 ноября явился судебный пристав, чтобы сжечь изображения и разрушить алтари, муниципальные служащие потребовали разрешения убрать их сами, желая сделать это более деликатно. Они приказали перенести *Тело Господне* в *Грот*, где поставили его на почетное место и зажгли лампы, как если бы оно находилось в церкви. Они также поставили туда сосуд со святой водой, тщательно закрыв его крышкой. Несколько недель спустя, 16 января 1537 года, со стороны Берна появился некто Матье де ла Круа, обращенный монах, человек осмотрительный и доброжелательный. Он сказал совету: 'Я предлагаю

проповедовать, если вы это одобрите, и даже проповедовать каждый день, если вы согласитесь на это; и более того, когда кто-нибудь умрет, я произнесу проповедь в утешение семье'. Стремясь еще сильнее воздействовать на их сердца, он добавил: 'Я предлагаю обратиться к лордам Берна с просьбой в пользу бедных'. Можно подумать, что Де ла Круа всего лишь применил на практике пословицу *"На мед можно поймать больше мух, чем на уксус"*. Но нет ничего, что указывало бы на то, что его милосердный путь не проистекал из искреннего милосердия. Это рвение к своей общине тронуло сердца жителей Лутри, и они приняли служение этого человека доброй воли и в то же время добавили к своему согласию прямую просьбу к Берну поддержать бедных. 8 февраля 1537 года церковь была очищена, и камни алтаря были перенесены на другое место.^[427]

ИЩИТЕ СЛУЖИТЕЛЕЙ.

Великая трансформация происходила во всей стране. Лорды Берна, несомненно, понимая, что их руки не подходят для этой задачи, мудро доверили Фарелю заботу об удовлетворении духовных потребностей народа. К сожалению, это было не так-то просто. 'Он огляделся со всех сторон в поисках верных служителей, но едва ли смог найти таковых'. Назначение Кароли бернскими магистратами вызвало у него раздражение. Он боялся, что люди, проповедующие крест Христов в его чистоте, не будут приняты. 'Им наплевать на тех, кто проповедует Иисуса Христа в чистоте, и они превозносят до небес хвастунов и лицемеров'. Однако он не был обескуражен. 'Напиши, - сказал он своему другу Фабри, - умоляю, приди к нам на помощь; пришли нам компетентных людей'. Одно обстоятельство, печальное само по себе, облегчало работу Фарела. Преследования изгнали многих евангельских христиан из Франции; и эти люди, полные любви к вере, которую они исповедовали на своей родине, радовались возможности проповедовать ее в прекрасной долине реки Леман. Фарель, который в то время был настоящим епископом этих церквей, был неутомим в своих расспросах. Как только он находил благочестивых священников, он рекомендовал их лордам Берна, и судебные приставы расселяли их по различным приходам. Но поскольку служителей на всех не хватало, одному и тому же пастору часто приходилось проповедовать в трех разных церквях. На служение было призвано несколько священников, которые, по-видимому, не были простыми дезертирами, у которых Христос был только на устах. Это были, помимо уже упомянутых, Тиссо, Греда, Гудо, Мейдж, Малингр де ла Мольер, Мотен и Жак д'Ивердон. Некоторые другие также взяли на себя заботу о душах. Дюбуа был отправлен в Пайерн, Дю Ривье - в Мудон, Ле Кок - в Морж, Ж. Валье - в Обонн, Мельхиор д'Ивонан - в Ролль, Моран - в Ньон, Фюре - в Коппе, Коломб - в Консиф, Масуйе - в Коссоне, Эпилон - в Ивонан, а Эсташ Андре (также по имени Фортунат) - в Калли.^[428] По большей части это были иностранцы. Некоторые из них присутствовали на диспуте и были покорены христианским красноречием Фареля, Вирета и Кальвина. Но независимо от того, пришли ли они с битвы при Лозанне или с более жестоких сражений во Франции, все они желали опубликовать благую весть Евангелия; и некоторые из них были охвачены таким пылким рвением, что "эта одна страсть поглотила все остальные". Они прекрасно понимали, что им придется столкнуться с ожесточенным сопротивлением, но "они собирались охотно предложить свои головы, чтобы принять все поношения, которые злонамеренные люди бросают на Бога'. Ниже приводится несколько вольная по характеру формула, которую лорды Берна обычно использовали в своих письмах этим евангелистам: 'Приказали, чтобы ты немедленно по получении этих подарков отправился к нашему управляющему из ..., который представит тебя нашим подданным из ..., и тогда ты будешь исполнять обязанности служителя Евангелия, согласно милости, которую Бог дал тебе'. Судебные приставы, чтобы подготовить умы людей,

часто заранее отправлялись с Виретом и другими служителями в приходы, которые должны были быть обеспечены. Они проповедовали и старались сделать очевидными великие преимущества Реформации. Но было много деревень, в которых кюре пытался удержать людей подальше от проповеди, возбуждал своих друзей, которые бросали камни в слушателей и делали все худшее, что могли.^[429]

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ Над ФАБРИ.

Фарел упорствовал в своих усилиях, увещевая и утешая. Фабри, пастору в Тононе, в Шабле, пришлось пройти через испытания особой суровости. Он написал Фарелю: 'Я не могу передать вам, насколько жестоки кресты, которые налагает на меня столь яростное сопротивление'. Фарель поспешил предложить ему утешение и в своем ответе показывает, как хорошо он сам научился извлекать пользу из ударов, наносимых ему врагами Евангелия. 'Нет никаких оснований для уныния,' сказал он, 'хотя на вас давит так много огорчений. Именно таким образом Господь учит нас полностью полагаться на него и призывать своим воздыханием милость нашего небесного Отца, чего мы так не успеваем делать'. В то же время Фарел поделился со своим другом своим собственным опытом и сделал новый намек на случай Кароли и Вирета, который, по-видимому, сильно беспокоил его. 'Мне приказано,' сказал он, 'созвать министров со всех сторон, но где их найти, я не могу сказать. Люди пренебрегают теми, кто наиболее приспособлен и кто всегда дышит Иисусом Христом; но они превозносят до небес тех, кто всего лишь маски, и не дышат ничем, кроме высокомерия. Некоторые служители, обладающие слишком привередливым вкусом, не желают приезжать в эту страну; они предпочли бы похоронить себя в египетских гробницах, чем есть манну в пустыне и быть ведомыми огненным столпом'.^[430] В то же время, когда Фарель писал Фабри у подножия Альп, он писал также Хьюзу, пастору из Гекса, у подножия Юры. 'Действуй твердо,' сказал он ему, 'но с мудростью и без страсти. Приводите веские доказательства, почерпнутые из Священного Писания, и пусть ваши слова всегда сопровождаются умеренностью Христа'.^[431] Он написал то же самое многим другим. В это время Кальвин начал осуществлять функции, относящиеся к управлению Церковью. Священник Дени Ламбер, в прошлом монах, но который с 1534 года был пастором в стране Невшатель, был избран раздавателем милостыни в маленькой армии, которая выступила в 1534 году на помощь Женеве и участвовала в битве при Джинжене, и был поселен бернцами в качестве пастора по соседству с этим городом. Он по-прежнему был полон монашества (*moinerie*), и у него была жена с плачевной репутацией, так что их жизнь и манеры могли разрушить, но не могли построить Церковь. Поскольку ему предпочли нескольких лучших министров, в частности Анри де ла Мара, он пришел в сильную ярость на коллоквиуме, состоявшемся в начале декабря 1536 года. 'Все преследуют меня, - воскликнул он. - я послан не людьми!' И он осыпал своих коллег оскорблениями, угрозами и бесчисленной клеветой. 'Поистине, - сказал Фарел, - этот человек говорит как Марс или Бахус'.^[432] 'Это не я, - сказал ему Фарел, - сделал тебя проповедником; я всегда слишком сильно подозревал тебя'. 'Нет,' ответил Дени, 'меня послали бернцы, и мы посмотрим, осмелитесь ли вы сопротивляться им'. Затем Кальвин поднялся, чтобы заговорить, и мы должны отметить это как первый случай, когда он принял участие в управлении Церковью. Он умолял Дениса от имени всех них уйти в отставку со священного служения, обещал, что он будет обеспечен. Денису было наплевать на этого молодого врача, и он отказался выполнить его просьбу. Фарел хотел отделить его от населения, для которого его жизнь была скандалом. Бернский бейлиф Тонона считал, что Денис монах с головы до ног и что его следует отправить в монастырь августинцев этого города.

Хотя на них в равной степени влияли политические, а не религиозные мотивы, и они допустили некоторые ошибки, как в случае с Кароли, сеньоры Берна не пренебрегали средствами просвещения воду и побуждения их сердцем принять евангельские доктрины. Они возложили на всех отцов и матерей, всех пасторов и судебных приставов обязанность следить за тем, чтобы дети были хорошо наставлены в соответствии с Евангелием. Не заходя так далеко, чтобы утверждать, как некоторые утверждали, что образование - это все, бернцы действительно верили, что *если ребенка обучить тому, как он должен идти, он не отступит от него*.^[433]

БЕРНСКИЙ ЭДИКТ РЕФОРМАЦИИ.

В завершение своей работы Бернский собор издал в канун Рождества, 24 декабря 1536 г., полный эдикт о реформации для своих новых территорий; а в начале 1537 г. по всей стране было объявлено, что священники должны проповедовать исключительно Слово Божье; что они должны совершать только два таинства, крещение и вечерю; что разрешено есть мясо в любое время; что священнослужителям не запрещено вступать в брак; что все папские церемонии, мессы, процессии, люстрации, паломничества и звон колокола запрещены. колокола по умершим и по случаю плохой погоды были отменены. За ними последовало множество постановлений против чревоугодия, пьянства, нечистоты, прелюбодеяния, богохульства, азартных игр, военной службы за границей и танцев. Однако были разрешены три скромных танца для свадебных торжеств.^[434] Священники и монахи могли свободно оставаться в стране, где они получали соответствующее пособие, или, если они предпочитали это, уезжать в католическую страну. Каноники Лозанны, не желая быть свидетелями такой реформы, избрали последний путь. Они пересекли озеро и поселились в Эвиане. Сестры Сент-Клер из Вева сделали то же самое.^[435]

Кальвин и другие министры Женевы и ее окрестностей с интересом наблюдали за изменениями, происходившими на площади Во. Но они не скрывали от самих себя, как много там еще оставалось сделать. 13 октября Кальвин, прежде чем отправиться в Берн, куда его вызвали, написал из Лозанны одному из своих друзей— ‘Уже во многих местах идола и алтари папства начали шататься, и я надеюсь, что вскоре все суеверия, которые все еще преобладают, будут уничтожены. Даруй Господь, чтобы идолопоклонство было полностью искоренено во всех сердцах’.^[436] Эти слова характеризуют состояние Pays de Vaud в ту эпоху.

21 ноября 1536 года в Женеве состоялась конференция, на которой, по-видимому, присутствовали пасторы окрестных округов. Несомненно, присутствовали представители семьи Пи де Жекс и семьи Шабле.^[437] Письмо, адресованное конференцией своим братьям из Лозанны и Во, в достаточной степени опровергает клевету, брошенную на Реформацию, и показывает, до какой степени реформаторы заботились о чистоте Церкви. "Папская тирания была свергнута, - говорили они. - Монахам было навязано молчание из-за их доктрин и нецеломудренной жизни. Братья, берегитесь, чтобы на месте прежней не установилась другая тирания. Следите за тем, чтобы среди вас поддерживались порядок и дисциплина, и за всем, что становится святым собранием. С этой целью ищите указаний не у какого-либо понтифика и не в обрядах папы римского, но у Иисуса Христа и в его Слове.... Исследуйте с величайшей тщательностью братьев, которых вы принимаете в качестве пасторов; следите за тем, чтобы их учение было чистым, а жизнь незапятнанной. Узнайте даже об их семье и семье их жен, как предписывает Святой Павел. Без такой заботы ты подготовишь гибель себе и своему народу. Что касается церемоний, пусть они будут полезными. Используй свою христианскую свободу,

но так, чтобы никого не оскорблять. ' Пасторы Женевы, по их словам, получили два письма, в которых они вообще не нашли ни христианского милосердия, ни умеренности, но от которых веяло папской властью. Этот отрывок, несомненно, относится к Кароли.

ГЛАВА IV.

РЕФОРМА В ЖЕНЕВЕ. —ФОРМУЛЯР ВЕРЫ И ДИСЦИПЛИНЫ.

(Конец 1536-1537 гг.)

СВОБОДА И ВЛАСТЬ.

Кальвин проявил в Лозанне непоколебимость в вере и способность раскрывать свои взгляды, что привлекало к нему все больше и больше внимания. Буцер и Капито, читая о его *Учреждении*, уже оценили высокий уровень его интеллекта и страстно желали побеседовать с ним о евангельском учении. Они оба написали ему 1 декабря. 'Мы признаем,' сказал Буцер, ' что воля Господа состоит в том, чтобы щедро использовать вас на благо наших церквей и сделать ваше служение весьма полезным. Мы желаем быть с вами во всем согласны и пойдем вам навстречу, где бы вы ни пожелали".[438] Таким образом, страсбургцы признали в Кальвине призвание для всех церквей. Они видели в нем реформатора. Автор *Учреждения* фактически задумал идеал Церкви, которая должна была занять место папства, — идеал, который трудно, возможно, невозможно реализовать в этом мире, но к которому он желал, чтобы Женева приблизилась как можно ближе. Лютер с силой провозгласил учение об отпущении грехов, не особо заботясь об устройстве Церкви. Это учение, проникнув в сердца людей, должно было сформировать конгрегацию Господа. Великой целью Кальвина, несомненно, было провозгласить перед всеми, подобно Лютеру, искупление, совершенное Иисусом Христом, и спасение, которое оно дает; но он также стремился, больше, чем немецкий реформатор, основать верную Церковь, которая, будучи оживленной и освященной силой слова Божьего и благодатью Святого Духа, действительно должна была быть телом Господним. Цвингли также занимался этим вопросом; но есть важное различие между трудами реформаторов Цюриха и Женевы. В Цюрихе Цвингли смотрел сверху вниз: именно люди, поскольку они верили в Священные Писания, были основой Церкви. Кальвин, с другой стороны, смотрел ввысь и возлагал происхождение и опору Церкви на самого Бога. В Цюрихе Церковь существовала по воле реформатского большинства нации; в Женеве ее сформировали воля и Слово Божье. В Цюрихе *точка опоры* находилась в свободе; в Женеве - во власти. И то, и другое полезно, но в каждом есть своя опасность. Лучшая система - это та, в которой сочетаются власть и свобода; но это не всегда легко реализовать.

После возвращения Кальвина с диспута в Лозанне он возобновил свои лекции и изложение Посланий святого Павла в церкви Святого Петра. Эти лекции были хорошо посещаемы и вызвали интерес, который постоянно возрастал. Вскоре превосходство молодого врача и его учения, одновременно такого глубокого и живого, возбудили в женевах желание, чтобы он непременно поселился среди них. Ближе к концу 1536 года должность пастора была добавлена к должности врача. "Он был избран и объявлен таковым в этой церкви путем регулярных выборов и утверждения".[439] Позднее Кальвин счел своим долгом настаивать в своем письме кардиналу Садолето на регулярности этого призыва. 'Во-первых,' сказал он, ' я исполнял в этой

церкви обязанности чтеца, а затем служителя и пастора. И что касается моего второго обвинения, я отстаиваю свое право на то, что я сделал это законно и посредством обычного звонка".[440]

Кальвин не забыл Францию, и он никогда не забывал ее. Он сам только что спровоцировал интервенцию нескольких немецких и швейцарских городов в пользу французских протестантов. Несомненно, именно по этому поводу он писал из Лозанны своему другу Франсуа Даниэлю 13 октября 1536 года: 'Завтра, если Господу будет угодно, я отправляюсь в Берн по делу, о котором расскажу вам в другой раз. Боюсь, что мне, возможно, даже придется отправиться в Базель, несмотря на состояние моего здоровья и нынешний неудачный сезон'.[441] Но, тем не менее, не забывая свою старую страну, он привязался к своей новой. Эта республика, по-видимому, пришлась ему по вкусу. Став пастором в Женеве, он сосредоточил свое внимание на том, что ему предстояло сделать, чтобы заменить Церковь папы настоящей евангелической церковью.

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО.

Фарел, Вирет и Фромант начали работу с правильного конца. При строительстве храма первым процессом является обтесывание камней по одному. Наука иногда принижает личность. Она сказала: "Индивидуум, какого бы вида он ни был, ничто для вселенной; сто индивидуумов или тысяча, они все равно ничто".[442] Это не так с людьми, у которых есть души. Христос предвосхитил и опроверг эти дерзкие утверждения, когда сказал: 'Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?' Именно путем обращения отдельных людей (Корнелия, Лидии и др.) Апостолы установили христианскую религию в мире; и именно поступая таким же образом, Фарел и его друзья заложили основы Реформы. Кальвин, высоко оценивая эту работу, тем не менее чувствовал, что необходима другая. После анализа должен прийти синтез; а после индивида - общество. Католицизм пренебрегал личностью и занимался почти исключительно обществом. Евангелие гласит иначе. Фарел был повсюду, просвещая умы одного за другим факелом Слова. Теперь было необходимо связать воедино души, просветленные таким образом. Сначала должна быть создана христианская личность, а затем христианская церковь. Реформация началась в Женеве с закона жизни. Теперь должен быть выполнен другой закон, закон единства. Кальвин был встревожен, когда подумал о состоянии Женевы. 'Когда я впервые приехал в этот город,' сказал он, — там не было, так сказать, ничего - ни морали, ни дисциплины, ни жизни. Проповедь продолжалась, и это было все. Разумеется, они сожгли идолов, но реформации вообще не было".[443] Это суждение, возможно, слишком суровое. Прошло двадцать восемь лет после того, как Кальвин так выразился; и "удивительные конфликты", в которые он был вовлечен, возможно, побудили его изобразить в слишком мрачных тонах церковь, которую Фарел оставил ему в наследство. Как бы то ни было, Кальвин, придавая первостепенное значение индивидуальному обращению, был глубоко убежден, что еще предстоит решить задачу другого рода. Мы находим, что такое же убеждение владело Лютером, когда он вернулся в Виттенберг после своего заключения в Вартбурге. Это убеждение в том, что на революционном принципе (а революция, мы должны признать, была необходимой и достойной восхищения) должен утвердиться консервативный принцип.

РАСКОЛ Среди ГУГЕНОТОВ.

Когда одерживается блестящая победа, мы обычно обнаруживаем, как в мире, так и в Церкви, что вокруг победителя собирается множество людей, которые действительно имеют с ним что-то общее, но в то же время обладают характерами и склонностями, противоположными его

собственным. Однако все, кто собирается и сражается под одним и тем же флагом, не всегда имеют те же мысли и те же привязанности, что и храбрый воин, поднимающий флаг. Женевцы, которых называли гугенотами, выступали за Реформацию, потому что она нападала на злоупотребления и суеверия папства, и потому что, требуя от них доказательств, она возвращала им те привилегии свободных людей, которых у них отнял Рим; многих также привлекала любовь к новизне, других - перспектива новой карьеры, открывшаяся перед их честолюбием. Несомненно, существовало определенное число граждан, которые искренне соглашались с Реформацией, с верой, которую она исповедовала, и с моралью, которую она предписывала; но они составляли не самый многочисленный класс. Мы знаем, что в любой отважной экспедиции, сопряженной со многими трудами и лишениями, многие солдаты покидали знамя, под которым они сначала стояли; поэтому было неизбежно, что большое количество женевцев покинет знамя, вокруг которого они сплотились, и встанет в оппозицию вождям, за которыми они поначалу следовали. Кальвин недолго наблюдал за этим. "Мерзость папизма, - сказал он, - теперь уничтожена силой Слова.[444] Сенат постановил, что суеверия со всеми их *атрибутами* должны быть подавлены, и что религия в городе должна регулироваться в соответствии с чистотой Евангелия. Однако форма Церкви не представляется нам такой, какой требует законное осуществление нашего служения. Что бы ни думали другие, мы, со своей стороны, не можем представить, что наше служение должно быть чем-то настолько незначительным, что после того, как мы произнесли свою проповедь, нам ничего не остается, кроме как сложить руки, как людям, выполнившим свою задачу".

Первая мысль Кальвина о том, как обеспечить процветание в Женеве — и это заслуживает внимания, — заключалась в том, что необходимо уделять большое внимание христианскому наставлению. Едва вернувшись из своего путешествия, он начал составлять катехизис, к которому добавил исповедание веры.[445] Хотя его собственное слово было полно силы и авторитета, он апеллировал к пониманию, совести и убежденности. Священное Писание обладало в его глазах непогрешимым авторитетом, которому обязана подчиняться каждая душа человека. Тем не менее, он не имел в виду, что люди должны рабски подчиняться, как того требовал Рим; Он хотел, чтобы они понимали Священное Писание, чтобы они могли постичь его истину и красоту. 'Это суший пустяк,' сказал он, 'что слова выбрасываются наружу, пока наши умы не будут просветлены даром разума. Если мы не можем постичь своим собственным пониманием и знать, что правильно, то как же нашей воли должно хватить, чтобы повиноваться?'"[446]

Автору *Кретьенского института* не составило труда составить в соответствии с теми же представлениями книгу, предназначенную для религиозного обучения. Поэтому Кальвин подготовил катехизис на французском языке, который не был разделен на вопросы и ответы. Судя по тому, как она была составлена, она меньше подходила для того, чтобы быть переданной в руки детей, чем учителям, в качестве подсказки; или, скорее, в руки взрослых, чтобы помочь им в их попытках самообучения. Тем не менее, похоже, что этой книгой пользовались и дети. До сих пор не удалось обнаружить ни одного ее экземпляра. Высказывается предположение, что страницы книги были израсходованы, вырваны из-за износа ежедневных уроков, как это часто случается со школьными учебниками до сих пор.[447]

КАТЕХИЗИС КАЛЬВИНА.

Латинский перевод катехизиса появился в Базеле в 1538 году.^[448] Этот катехизис раскрывает в своих первых строках истинную мысль, подлинный разум Кальвина. Мы говорим "истинный разум", потому что он сильно отличается от того, что приписывают Кальвину многие люди, полные предрассудков, и для которых слово *кальвинизм* подобно пугалу, водруженному на верхушку шеста в поле, чтобы пугать пугливых птиц. 'На свете нет ни одного человека,' сказал он, 'каким бы нецивилизованным он ни был, каким бы диким ни было его сердце, которое было бы лишено религиозного чувства. Несомненно, что цель, для которой мы были созданы, - познать величие нашего Создателя, принять его, когда узнаем, и поклоняться ему со всем страхом, любовью и благоговением'.^[449] Конечно, это заявление не показывает, что Кальвин был слеп к злу, присущему человечеству. Это не мешает ему заявлять, что "сердце человека, в которое яд греха проник до самых сокровенных глубин, грешит не потому, что оно ограничено необходимостью, а потому, что воля побуждает его к этому'. Впоследствии Кальвин рукой учителя разъясняет три великих статьи христианской церкви — Десятисловие, Апостольский символ веры и Молитву Господню. Но здесь не место для копии его экспозиции.

Кальвин, в то же самое время, когда он давал наставления молодежи, горячо интересовался характером мужчин и женщин, призванных стать членами Церкви Божьей. Поскольку он стремился к чистой Церкви, его первой заботой было убедиться в чистоте веры и жизни тех, кто ее составлял. Огромное разнообразие религиозных мнений, царившее тогда в Женеве, беспокоило его, поскольку он знал, что *каждый дом, разделенный сам против себя, не устоит*. "Как, - сказал он, - можем мы принять в Церковь Евангелия людей, которые, насколько нам известно, возможно, не отреклись от папистского идолопоклонства и суеверий?"^[450] Члены, составляющие Церковь, должны, по его мнению, быть объединены узами святыми и крепкими. Поскольку Женеве приходилось бороться с Голиафом папства, ее сила должна была заключаться в вере и единстве. Здравая доктрина должна быть запечатлена в сердцах женеверов, чтобы ни мистицизм, ни неверие, ни фанатичный энтузиазм не могли ослабить их и сбить с пути истинного. Христиане должны "полагаться на обетования Божьи с доверием и определенностью, чтобы они могли твердо противостоять всей артиллерии, которая может угрожать разрушением их уверенности".^[451]

Перед прибытием Кальвина Фарель говорил совету о необходимости подготовки эдиктов для установления единства в вопросах религии в Женеве, но ничего сделано не было. Теперь, когда пришел Кальвин, он беседовал со своим старым коллегой о том, как *заставить людей жить в вере в Бога*. Два друга согласились подготовить исповедание евангельской веры, и автору *Института Кретьена* на самом деле было поручено составить его; однако не без консультации с Фарелем, который был лучше знаком с Женевой и лучше понимал, что целесообразно, чем новоприбывший учитель. Биографы Кальвина, которые также были его друзьями и знали его труды лучше, чем кто-либо другой, говорят об этом вопросе. "Когда его назначили пастором, - говорит один из них, - он составил краткий справочник доктрины и дисциплины".^[452] Затем (после Лозаннского диспута), - говорится в другом, - Кальвином была опубликована формула христианской веры".^[453] Утверждалось, что формула Кальвина утрачена, но что Фарель в то же время подготовил другую, и что последняя сохранилась. В этом утверждении есть два утверждения, в высшей степени невероятных: во-первых, что отдельные исповедания веры были составлены в одно и то же время Кальвином и Фарелем с одной и той же целью; во-вторых, что именно Кальвин утерян, а Фарель сохранился.

ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ.

Каким бы ни был факт, Фарел 10 ноября представил Признание совету; и это было вполне естественно. Он в течение многих лет поддерживал тесные отношения с этим органом и был признан им главным лидером в Церкви, в то время как Кальвин, новичок и несколько застенчивый, не любил показываться на людях, и меньше всего - появляться перед Советом Двухсот. Поэтому Фарел, будучи представлен в зале большого совета, передал им документ. Он стоял в присутствии депутатов женевского народа, которые были облечены большими полномочиями и которых было опасно оскорблять. Но, хотя он принимал во внимание религиозное состояние тех, к кому обращался, он излагал им смысл христианского устройства с той свободой, ясностью и мужеством, которые были характерны для эпохи Реформации и которые кажутся странными поколению более ослабленному, более неверующему и более робкому. 'Правилom нашей веры и нашей религии, - сказал он, - является только Священное Писание, без примеси чего-либо выдуманного человеческим умом. Мы поклоняемся только одному Богу, не доверяя ни одному существу, будь то ангел, святой или люди, все еще живущие на земле. Человек, который по природе своей полон растления, нуждается в просвещении от Бога, чтобы он мог достичь истинного знания о своем спасении; и все, чего недостает в нас самих, мы получаем от Христа. Его праведностью мы получаем прощение наших грехов. Пролитием Его крови мы очищаемся от всех наших пятен. Его Святым Духом мы рождаемся свыше в новой духовной природе. Благодаря нашему общению с ним дела, которые мы совершаем, становятся угодными Богу'.^[454]

Было замечено, что это исповедание веры, состоящее из двадцати одной статьи, не излагает христианские доктрины в такой полной и дидактической манере, как это впоследствии сделал Кальвин. Из этого обстоятельства был сделан вывод, что она была составлена Фарелем. Ответ на это рассуждение содержится в заявлении Теодора Безы о том, что исповедь была приспособлена к нуждам Женевской церкви, которая тогда едва избежала коррупции папства. Кальвин и Фарель придавали особое значение тем истинам, которые противостояли папским заблуждениям, и не считали необходимым устанавливать доктрины, которые сохранила Римская церковь: например, доктрину о Троице. В более поздний период, когда эти доктрины были оспорены людьми, которые открыто придерживались Реформации, Кальвин почувствовал необходимость официально признать их; и это он сделал в своем *Обзоре христианской доктрины*. Далее, мы охотно допустили бы, что, возможно, существовало, как предполагают некоторые компетентные судьи, исповедание веры, подготовленное Фарелем, и что именно оно было представлено народу, если бы два современных автора, которых мы процитировали, не умолчали о таком документе и не настаивали на том, автором которого был Кальвин. Но есть еще более веские доказательства. Сам Кальвин, говоря о публикации своего катехизиса, говорит, "что он приложил к нему *исповедь, которая была санкционирована (editam, опубликовано) торжественной клятвой всего народа*".^[455] Для нас это представляется решающим. Вскоре мы увидим, что дух, пронизывающий это исповедание, - это именно тот дух, который в то время вдохновлял Кальвина. Если кто-то утверждает обратное, он, должно быть, забыл спор, имевший место между Кальвином и Кароли. Работа получила наилучший прием с момента ее представления правительству. Совет постановил, сообщают the registers, что все статьи, предложенные Фарелем, должны быть приняты.^[456]

ЧАСТОЕ ПРИЧАЩЕНИЕ.

Если бы правило веры было христианским, то правило морали должно было бы быть чистым. В начале 1537 года Кальвин, несомненно, совместно с Фарелем, подготовил мемуары на тему порядка в Церкви. 15 января Фарель заявил об этом совету; а на следующий день статьи, 'представленные мастером Гийомом Фарелем и другими проповедниками', были зачитаны перед Двумя сотнями.[457] Служители сказали,[458] — "Учитывая, какие проблемы и неразбериха царили в нашем городе до того, как Евангелие было принято по общему согласию, оказалось невозможным привести все в надлежащий порядок сразу. Но теперь, когда Господу было угодно установить здесь свое правление несколько более совершенным, мы сочли благим и полезным обсудить эти вопросы; и мы решили представить вам эти статьи".

Возражений против этого вступления не было никаких оснований.

"Было бы желательно, - продолжали Кальвин и его друзья, - чтобы святая вечеря Иисуса Христа совершалась по крайней мере каждое воскресенье, поскольку мы *становимся на ней причастниками тела, крови, жизни, духа и всех благ Иисуса Христа*, и потому что это наставление нам жить как христианам в братском единстве. Он был учрежден не для того, чтобы отмечаться два или три раза в год, а для частого соблюдения. Такова была практика древней Церкви, пока не была введена мерзость месс, результатом которой стала полная отмена вечери Господней. Однако, поскольку мы предвидим, что из-за немощи людей может возникнуть некоторая опасность того, что это священное таинство подвергнется презрению из-за столь частого празднования, мы рассудили, что святая вечеря должна совершаться раз в месяц".

Было естественно, что такие добрые христиане, как эти реформаторы, стремились к частому причащению. Но малый совет придерживался мнения, что для большинства ужин был бы более торжественным и полезным, если бы проводился реже. Поэтому было решено предложить Совету Двухсот отмечать его не более четырех раз в год.[459] Чтение мемуаров пасторов было продолжено.

Но главное заключается в том, что вечеря, которая была учреждена с целью объединения христиан в одном духе со своим главой и друг с другом, не должна быть осквернена никакими людьми, чья порочная жизнь ясно показывает, что они не принадлежат Иисусу Христу. Мы не должны общаться, говорит Святой Павел, с теми, кто известен своей распущенностью, алчностью, идолопоклонством, злоречивостью, пьяницами или ворами. Поэтому необходимо позаботиться о том, чтобы на вечерю пришли только те, кто является одобренными членами Иисуса Христа. С этой целью наш Господь установил в своей Церкви исправление и дисциплину *отлучения от церкви*. Эта дисциплина существовала в Церкви до тех пор, пока нечестивые епископы, или, скорее, разбойники, принявшие титул епископов, не превратили ее в инструмент тирании и не злоупотребили ею для удовлетворения своих собственных порочных похотей до такой степени, что в наши дни отлучение от церкви является одной из самых проклятых вещей, которые можно увидеть в царстве папы. Поэтому нам показалось целесообразным восстановить эту дисциплину в Церкви в соответствии с правилом, изложенным в Священном Писании.

ОТЛУЧЕНИЕ ОТ ЦЕРКВИ.

Поэтому выберите себе людей с хорошей репутацией, принадлежащих ко всем кварталам города, которые могли бы следить за жизнью каждого человека, с тем чтобы, если они обнаружат в ком-либо явный порок, один из служителей церкви мог по-братски призвать последнего изменить свою жизнь. Если он не прислушается к увещанию, то пусть служитель отчитается перед собранием о том, что он сделал для исправления грешника. Если он все еще упорствует во зле, то придет время отлучить его от церкви, то есть обращаться с ним как с изгнанным из общества христиан. Если найдется кто-нибудь, кто только посмеется над вашим отлучением, вам придется подумать, стоит ли в конечном счете терпеть такое презрение к Богу и его Евангелию.' Настаивая таким образом на нравственной жизни, реформаторы требовали, чтобы исповедание веры, которое они представили, было введено в действие. 'Есть основания подозревать,' сказали служители, 'если даже не быть совершенно очевидным, что многие жители этого города никоим образом не подчинились Евангелию, но все еще лелеют в своих сердцах всевозможные суеверия. Было бы в высшей степени целесообразно начать с того, чтобы в первую очередь выяснить, кто готов признать себя членом Церкви Иисуса Христа, а кто нет. Если те, кто согласен с нами в отношении веры, должны быть отлучены исключительно из-за своих пороков, то тем более должны быть отлучены те, кто полностью противостоит нам в религии; ибо нет разделения большего, чем то, которое производится верой. Пока еще не установлено, какого учения придерживается каждый человек; но это *настоящее начало церкви (право на начало единой Церкви)*. Средство, которое пришло нам в голову, состоит в том, что все жители этого города должны быть обязаны исповедаться и обосновать свою веру. А вы, джентльмены из Совета, исповедуйтесь в своем совете и таким образом на собственном примере покажите, что должен делать каждый человек".

Мы уже говорили, что до прибытия Кальвина в Женеву существовали и действовали правила дисциплины. Однако здесь есть нечто новое, как видно из языка пасторов. Это *отлучение от церкви*. Это очень важный момент, поскольку именно по этому поводу вскоре после этого в Женеве начались ожесточенные конфликты. Однако из официальных отчетов не следует, что статьи встретили какое-либо противодействие в совете. Несомненно, христианская жизнь и христианская вера должны характеризовать христианское общество. Если распутников и пьяниц не следует допускать в то, что мир называет хорошим обществом, то тем более, думали они, их следует исключить из религиозного общества. Более того, они были *мирянами* с хорошей репутацией, которые должны были следить за моральным порядком, и даже эти миряне были назначены другими мирянами, самими членами совета. Этот факт существенно отличал римскую дисциплину от той, к которой стремились реформаторы. В данном случае не было и намека на господство клерикализма; и это, несомненно, способствовало принятию правил. Кальвин был убежден, что мораль должна отличать реформатскую церковь от уродливой ("*Реформаторская церковь*" *de l'église déformée*). Разве не распутный образ жизни, как со стороны мирян, так и еще больше со стороны монахов и священников, вызвал в Церкви самые резкие порицания? Невозможно очистить веру, не очистив жизнь. Это было бы вопиющим противоречием. Если бы Реформация пренебрегла моралью, она уничтожила бы саму себя, как это сделал Рим. Что касается доктрины, то никто не предполагал, что реформатская церковь может содержать в своем лоне ни римских католиков, ни пантеистов, которые не верили ни в Бога, ни в бессмертие души. Почему же тогда она должна терпеть нечистых на руку людей или грабителей? Все это верно: но, тем не менее, в системе есть что-то, что работает не гладко. Кальвин был прав, но он был и неправ. Нам придется сказать, в чем заключается его истина и в чем его заблуждение.

Статьи, представленные сенату, касались также духовных песнопений Церкви. Если говорит только священник, богослужение остается холодным, но пение 'имеет силу возносить наши сердца к Богу, - сказал Кальвин, - и побуждать нас превозносить его имя'. Он настоятельно призывал к образованию детей, "чтобы исправить удивительную грубость и невежество, в которых они остались по небрежности своих родителей, и которые ни в коем случае не допустимы в Церкви Божьей". Затем он рассказал о порядке заключения брака, "предмете, вызвавшем большую путаницу со стороны папы римского, который взялся учреждать степени по собственному усмотрению". Кальвин завершил свои статьи красноречивым обращением к совету. 'Примите эти предостережения, - сказал он, - не как исходящие от нас, а от Того, кто дает их в своем Слове. И если кто-то будет ссылаться на трудность претворения их в жизнь, пусть это вас не беспокоит; ибо мы должны лелеять надежду, что всякий раз, когда мы будем готовы исполнять то, что повелел Бог, Его благость будет способствовать процветанию нашего предприятия и приведет его к благому концу, как вы сами убедились на собственном опыте по сей день".

Таким образом, Кальвин приступил к своей задаче как великий мастер. Катехизис, несущий на себе отпечаток гениальности и благочестия одновременно; исповедание веры, чистой и живой; церковный устав, целью которого было искоренение порока и оживление благочестия, — таков был тройственный труд, с которого прославленный реформатор начал свою работу.

СТАТЬИ ОДОБРЕНЫ.

Эти предметы, после того как они были санкционированы нижним советом, были вынесены в тот же день перед Советом Двухсот и были разрешены. Далее совет постановил, что магазины не должны быть открыты по воскресеньям во время богослужения; что все лица, у которых в домах есть изображения и идола, должны уничтожить их или принести на сожжение; что никто не должен петь глупые песни и играть в азартные игры; и, наконец, что синдик Порралу и Жану Гулазу следует поручить следить за поддержанием добрых нравов в городе и за тем, чтобы люди вели жизнь, соответствующую воле Божьей.^[460] Выбор Поррала был очень хорош: выбор Гулаза, который лично не был противником игр или таверн, был не так хорош. Этими мерами Совет продемонстрировал, с какой серьезностью он намерен приступить к осуществлению Реформы. Вскоре после этого он принял еще одну резолюцию. Многие женевские дети были разосланы по разным местам и вверены иностранным губернаторам. 30 января совет постановил, что те лица, чьи дети учатся в школах не в Женеве, должны привезти их в этот город или поместить в другие *христианские* школы; в противном случае указанные дети будут лишены гражданства.^[461] Это была строгая мера; но это показывает, какой дух руководил советом, и его рвение в деле здорового образования.

Эти важные действия не встретили противодействия даже со стороны граждан, которые впоследствии так упорно сопротивлялись правилам дисциплины. Тем не менее, была определенная демонстрация сопротивления, но это было просто из спортивного интереса. Энергичная молодежь города, легко возбудимая, позволяла себе смех и сарказм. Особенно их раздражало рвение синдика Поррала, который мешал им в их развлечениях; и когда 4 февраля были избраны новые синдики и Поррал ушел в отставку, эти молодые люди на следующий день начали *играть в Пикка-Поррале*. Они носили в шляпе, как значок, лук-порей (*porreau*) и подавали на своих пирах блюдо из лука-порея. Каждый из них уколол бы *поррала* обидами шуток. "Леже Бешо и некоторые другие молодые люди города" были заключены в тюрьму 5

февраля за этот вид спорта.[462] Поррал попросил Фарела сопровождать его в тюрьму, чтобы сделать им замечание. Но молодежь от этого не выиграла. Одни называли их игривыми, другие распутными. Мы думаем, что первый термин наиболее подходит. Поскольку совет увидел в разбирательстве с молодыми преступниками, говорит современник,[463] скорее по молодости и глупости, чем по злему умыслу, они выпустили их на свободу через четыре дня после их ареста, пообещав явиться снова, когда потребуется. Весьма вероятно, что Поррал действовал в этом деле чересчур строго.

ТРЕБОВАНИЯ КАЛЬВИНА.

Народ Женевы засвидетельствовал свое искреннее принятие этой христианской конституции, избрав 5 февраля синдикаты, посвященные Реформации. Другие известные кандидаты были отклонены. Было признано, что равенство граждан было установлено этой конституцией, правила применялись ко всем одинаково, "и семьи самого высокого ранга были обязаны подчиняться, как и другие люди". Это удовлетворило общественность. Кальвин, однако, не тешил себя иллюзиями. Он боялся, что определенное количество граждан и даже некоторые высокопоставленные лица выступят против Реформы; и он настоятельно требовал, чтобы все были призваны исповедовать ее. "В противном случае, - сказал он, - он больше не останется в Женеве".[464] То, что он представил, было на благо всех. Если бы все этого не приняли, он бы ушел, потому что у него не было намерения вторгаться или узурпировать власть силой или обманом. 13 марта совет постановил позаботиться о Вечере Господней и о соблюдении других статей.[465] 17 апреля было постановлено, что синдик, начальник квартала и сборщики десятины (*дизайнеры*) должны посетить все дома сбора десятины (*дизайнеры*), чтобы предложить статьи, уважающие веру. 27-го числа того же месяца было решено напечатать "Исповедание веры" и предоставить достаточное количество экземпляров сборщикам десятины для жителей их десятин, чтобы при посещении людей они могли быть лучше проинструктированы и хорошо информированы.[466] Каждый мужчина должен знать, что он собирается делать; неожиданностей быть не должно. Кальвин, действительно, не был удовлетворен простым наставлением женец в соответствии с исповеданием. Этого было бы достаточно для Сонье, который с сожалением, по крайней мере в то время, осознал, что от каждого женеца требуется соблюдение формулы исповеди.[467] Но Кальвину было недостаточно, чтобы документ был официально признан собором как выражение веры женец, курс, который был признан удовлетворительным в других местах. Он требовал, чтобы каждый человек принял это. Он не верил, что государство в данном случае несет ответственность за людей. Каждый женец несет ответственность перед Богом. Он не хотел, чтобы религия распространялась в массах. Разве Христос не говорит: *всякий, кто исповедует Меня перед людьми?* Всякий, то есть каждый в отдельности. Это совершенно верно; но ошибочно полагать, что для исповедания Христа необходимо подписать богословское исповедание. 'Если будешь веровать сердцем твоим, спасен будешь', - говорит Павел. Нам вспоминается бедная женщина, которая пожелала принять участие в вечере, и чей пастор подверг ее экзамену на знание трехобязанностей Христа как пророка, священника и царя. 'Ах, сэр, ' ответила она, ' я ничего не знаю об этих вещах, но я готова умереть за него'. 'Этого достаточно', - сказал священник с некоторым чувством стыда. Богословие необходимо богословам; его нельзя требовать от простых людей. Три ведущих священника, Фарель, Кальвин и Куро, последний слепой и старый, придерживаясь того же мнения по этому вопросу, предстали перед Двумя Сотнями, представили свою формулу и искренне настаивали на том, чтобы совет воздал славу Богу, исповедав Его истину. 'Это правильно, ' сказал Кальвин, ' что

при выполнении столь священного долга ты, обязанный подавать пример всякой добродетели, должен идти впереди народа'. Но ему этого было недостаточно. "Затем, - добавил он, - соберите по стране десятину, и пусть каждый человек поклянется в этом признании".[468] Совет принял взгляды реформатора, которые разделял и сам Сонье. Все люди, собирающие десятину, были призваны сначала заявить о своей приверженности; и совет поручил им увещевать тех, над кем они были поставлены, следовать заповедям Божиим и приводить своих людей (*leurs gens*) в собор Святого Петра, десятину за десятиной (их было двадцать восемь), придерживаться исповедания. Присоединение осуществлялось через мужчин, вносивших десятину, последовательно, а не одновременно. Принцип, от которого не было никаких отклонений, исключал женщин из генерального совета. Но в данном случае собрание носило скорее религиозный, чем политический характер. Было хорошо известно, насколько велико влияние женщины в семье в том, что касается религии. Следовательно, возможно, что и мужчины, и женщины были вызваны вместе в собор Святого Петра и распределены по группам своими десятинщиками. Указ, который мы только что процитировали, предписывает им приводить свой род, слово, которое может включать оба пола. Однако мы не нашли положительных доказательств по этому поводу. Один-единственный факт, по-видимому, указывает на присутствие женщин. 28 сентября 1537 года совет рассмотрел дело Жанны ла Гибескьер, которая не захотела присягнуть новой реформации, и изгнал ее за это. Но более чем за месяц до этого, 21 августа, та же Жанна, принадлежащая к определенной секте (*спиритуалисты*), когда ей предложили присягнуть новой реформации, отказалась это сделать и, следовательно, была помещена под арест. Таким образом, этот случай не может рассматриваться как абсолютное доказательство того, что женщины также давали клятву на исповеди в соборе Святого Петра.

СОЗЫВ НАРОДА.

Соответственно, в воскресенье, 29 июля, совет собрался в кафедральном соборе, и десятина была передана последовательно. Вперед вышли молодые люди, достигшие совершеннолетия, и старики с седыми волосами, возможно, как женщины, так и мужчины. Розет, секретарь совета, зачитала исповедание веры. Затем последовала клятва верности и послушания, которую каждый в свою очередь принес, подняв руку.[469] "Народ, - говорит Кэлвин, - проявляет не меньшую готовность к принесению присяги, чем сенат проявил усердие при ее публикации".[470] Большое количество Женевцы всем сердцем исповедовали евангельские доктрины.

Тем не менее, мнение Сонье может быть подкреплено вескими причинами. Если он был против навязывания личного обязательства, то это было потому, что он знал, что исповедь не была точным выражением веры каждого человека; что некоторые из тех, кто поклялся бы в этом, не понимали этого ни полностью, ни частично; и что другие, хотя и понимали это лучше, имели лишь интеллектуальную веру, которая могла потерпеть неудачу под натиском придирчивых возражений. В то время индивидуальность, по-видимому, не пользовалась должным уважением. Но публичное исповедание веры 29 июля было настолько торжественным событием, что многие радовались этому. Однако было много людей, которые воздержались от присоединения к нему, потому что они все еще были привязаны к римскому католицизму. Было также определенное количество тех, кто не желал подчиняться моральной дисциплине. Джордж Лесклефс и его слуга сказали, что они не могли заставить себя поклясться соблюдать десять заповедей, потому что они были такими трудными.[471] Другие отказались принести присягу из соображений политической независимости.

Тем не менее, в общих чертах мы можем утверждать, что люди присоединились к исповеданию; и это был славный день Реформации, когда эти руки были подняты за Евангелие в старом соборе Святого Петра. Небо, действительно, впоследствии затянуло тучами, но в тот день было ясно и безмятежно.

КЛЯТВА, ОТ КОТОРОЙ ОТКАЗАЛИСЬ МНОГИЕ.

Кэлвин вполне мог радоваться тому, что добился таких значительных результатов за столь короткое время; и его коллеги радовались вместе с ним. Престарелый Куро, преследуемый во Франции, был вынужден укрыться в Базеле; и Кальвин, зная, что, хотя он и лишен зрения, "он был прозорлив умом", вызвал его в Женеву. Куро был счастлив оказаться в этом городе свидетелем триумфа Реформации, которая подверглась столь грубому нападению в его родной стране. Фарел, со своей стороны, видел, что Бог завершает работу, которая стоила ему стольких усилий. "Он всегда проявлял неутомимое рвение и героическое мужество; и его постоянные молитвы в пользу Реформации были настолько пылкими, что те, кто их слышал, чувствовали себя вознесенными на небеса", - говорит Беза. Фарел бросил семя в землю и увидел, как прорастает стебель. Теперь время посева сменилось временем сбора урожая. Появился колос, зерно сформировалось в колосе, и другой работник, крепкий жнец, пришел срезать пшеницу и связать снопы. Но это не вызвало в нем зависти. Напротив, его христианская душа с благодарностью приняла драгоценные дары, ниспосланные Кальвину. Превосходство его интеллекта, обширность его знаний, точность его суждений и его организаторские способности преисполнили старого первопроходца восхищением и уважением. Он был рад видеть постоянно увеличивающуюся аудиторию, стекающую в собор послушать, как Кальвин излагает Священное Писание. С тех пор старик сидел почти учеником у ног молодого доктора. По всем вопросам он интересовался мнением Кальвина и смотрел на него как на человека, избранного Богом для завершения Реформации. Кальвин, со своей стороны, оказал Фарелю подобающую ему честь. "После того, как вы начали строить эту Женевскую церковь с большим трудом и опасностью, - сказал он, - я неожиданно появился сначала в качестве *дирижера*, а затем остался вашим преемником, чтобы продолжить работу, которую вы хорошо и счастливо начали". Эти сердечные отношения между Кальвином и Фарелем, несмотря на разницу в возрасте, являются одним из самых прекрасных примеров подобного рода в истории. Впоследствии Кальвин превозносил то, что он называл *их священной дружбой и союзом*, и с любовью говорил: "Ты и я - одно целое".[472] Между ними, как говорит Кальвин по другому поводу, было хорошее взаимопонимание и дружба, которые, освященные именем Христа, были полезны для его Церкви.

Школа, находящаяся под руководством Сонье, также процветала. Уроки начинались в пять часов утра.[473] Учеников обучали 'трем самым превосходным языкам: греческому, ивritу и латыни, в дополнение к французскому, которым, по мнению ученых, ни в коем случае нельзя пренебрегать'. Матюрен Кордье, бывший учитель Кальвина, вскоре посвятил себя этой задаче. Многочисленные ученые, привлеченные в Женеву большой работой, которая там велась, приезжали из Базеля, Берна, Бьенна, Цюриха и других мест, чтобы учиться там. Эти товарищи по учебе жили в колледже вместе с Сонье, в доме которого царил христианский порядок. "Ежедневно, прежде чем они садились за стол, один из них читал вслух главу из Библии, а все остальные слушали. Сидя за столом, каждый из них повторил фразу из Священного Писания".[474] Так были созданы сильные мужчины шестнадцатого века. Система, которая

исключает из школы Библию и даже религию, то есть восстанавливающий и обучающий элемент, никогда не сформирует ничего подобного.

ДИСЦИПЛИНА.

Реформаторы, общение которых друг с другом было приятным и освежающим, пользовались, кроме того, одобрением большинства народа, и особенно магистратов. Получая так много поддержки в своем служении, они были смелыми, активными и неутомимыми в своем призвании. Далекие от того, чтобы быть отягощенными своей великой задачей, они, казалось, скорее становились сильнее под этим бременем; и это отличительный признак великих людей. Если возникали какие-либо трудности, если какая-либо деревня нуждалась в проповеднике, Фарел и Кальвин с доверием обращались в совет, который обычно удовлетворял их просьбы и действовал даже великодушно.[475] Когда 13 февраля один добропорядочный гражданин указал, что Кальвин еще ничего не получил, совет постановил наградить его *шестью экю*. [476] На следующий день Фарел со своим братом и Сонье подали заявление о предоставлении гражданства; было решено, что они должны получить его бесплатно. Кальвин стал гражданином Женевы лишь позднее. Он был не единственным, кто откладывал этот вопрос. Другие знаменитые французы отказались от гражданства Женевы, своего города-убежища, на том основании, что они не могли отречься от Франции. Эта любовь к старой родине, вероятно, была одним из мотивов, побудивших Кальвина на двадцать три года отложить становление гражданином города, душой которого он был. 27 февраля они подарили Сонье тридцать мер пшеницы, а 6 июня - *шесть экю* Куро. Подарки были невелики, но у каждого возраста своя мера.

Совет, который заботился о нуждах служителей, следил также, в соответствии с конституцией, за нуждами Церкви и чистотой нравов. 7 февраля по просьбе Фареля были написаны письма в Безансон и Невшатель с уважением к Библии Оливетана.[477] Судьи-миряне были суровы. 23 числа того же месяца игрок и шулер, который обманывал людей на их деньги, был приговорен к часовому разоблачению с повешенными на шею мошенническими картами. "*Великий Франсуа*", виновный в нечистоплотности, должен был выдать в качестве штрафа недоуздок длиной восемнадцать футов, какой используется для привязывания крупного рогатого скота. Мужчина и женщина, виновные в супружеской измене, были изгнаны 1 июня на год. 13 марта совет, вторгшись даже в духовную сферу, решил принять меры по организации Вечери Господней и других мероприятий.[478]

Таким образом, Женева заняла важное место и как церковь, и как школа. Иностранцы посещали ее или отправляли туда своих детей. Красота ее расположения также являлась мощной привлекательностью. Из всех описаний Женевы следующее, несомненно, одно из самых древних. 'Не воображайте,' сказал Сонье, - что Женева - это какой-то ужасный, почти необитаемый город посреди бесплодных и уединенных скал. Улицы, за редким исключением, широкие и в хорошем состоянии, есть несколько больших общественных мест. Окруженный непрерывной цепью гор, он, тем не менее, имеет со всех сторон равнинную местность, простирающуюся вокруг него в форме большого театра. Что касается озера, трудно сказать, в каком отношении оно представляет наибольшую ценность для города, будь то с точки зрения прибыли, для обороны (*parement*) или из-за красоты. Вода совсем не мутная, но до самого дна прозрачная, как тонкое стекло, так что люди получают чудесное удовольствие, глядя на нее.

Подводя итог, упомянутый город расположен на границах трех великих стран, а именно Галлии, Германии и Италии, как бы в месте, выделенном (*députée*) для собраний купцов".[479] Женева должна была быть выделена для проведения других мероприятий. "Уже Матюрен Кордые, - говорит современник, - человек, более искусный в обучении французскому языку, чем кто-либо из людей нашего времени, привел с собой большое количество ученых мужей".[480] Мы уже говорили в другом месте о прибытии молодых англичан к подножию Альп ради наслаждения общением с Кальвином. Описание Сонье показывает, что реформаторы не были равнодушны к красоте природы. Они любили их и созерцали в Женеве во всей высоте и совершенстве их величия.

ГЛАВА V.

КАЛЬВИН СПОРИТ С ИНОСТРАННЫМИ ВРАЧАМИ И ОБВИНЯЕТСЯ В АРИАНСТВЕ.

(март-июнь 1537 г.)

ПРИБЫТИЕ ИНОСТРАННЫХ ВРАЧЕЙ. СПИРИТУАЛИСТЫ.

Мир и удовлетворение, которые были плодом установившегося порядка и даже красоты мест, в которых произошли эти великие перемены, недолго оставались нетронутыми. В Женеву приехали несколько иностранных врачей, Герман Льежский и Эндрю Бенуа, последний также уроженец Нидерландов, оба они принадлежали к той восторженной секте, с некоторыми лидерами которой Кальвин ранее встречался во Франции и которые называли себя Спиритуалами.[481] Эти сектанты нашли свой путь в западную Европу, но Германия и Нидерланды были, прежде всего, их надлежащими странами. Немецкий ум имеет философскую и даже мистическую направленность, которая порождает страстное желание проникнуть глубже, чем сама Библия, в познание божественных вещей. Центральное положение Женевы, только что совершившийся там важный переворот в политике и религии, возбудили в этих сектантах надежду утвердиться в городе с целью последующего распространения по Франции, Италии и другим странам. Эти новые врачи с момента своего прибытия старались распространить свое мнение и приобрели сторонников. Среди них были некоторые члены совета.[482] Гордые этим первым успехом, они рассчитывали заменить Евангелие в Женеве своими мечтами. Провозглашенное этими Спиритуалами стремление проникнуть в истину дальше, чем это сделали реформаторы, придавало им определенную привлекательность для умов, жаждущих новизны. Они смело заявили, что готовы спорить с проповедниками. Уже 9 марта их вызвали на совет, и им было предложено изложить в письменной форме статьи, которые они намеревались сохранить.[483] Герман и Бенуа выполнили эту просьбу и представили свои тезисы совету. Совет принял их к сведению 13 марта. Называя себя *Спиритуалами*, эти люди хотели заявить, что в них действовал только дух. Их доктрина была более или менее грубой разновидностью пантеизма. Они вообще не думали, что душа - это субстанция, существо, обладающее сущностью; по их мнению, это было просто свойство человека дышать, двигаться и совершать другие жизненно важные действия.[484] Они сказали, что вместо наших душ в нас живет Бог, который совершает в нас все действия, относящиеся к

жизни. Бог стал творением, - добавляет Кальвин, - а последнее больше не было ничем".[485] После того, как в Париже было совершено убийство, Квинтен, лидер спиритуалистов, ответил некоторым, кто спрашивал его, кто это совершил: 'Это ты', "это я", "это Бог, за то, что ты и я делаем, "это Бог совершает это'. У них также были особые представления об Иисусе Христе. Они не считали, что он был очень мужественным человеком, но сделали его своего рода фантомом в том, что касается его тела. Они придерживались схожих заблуждений относительно крещения, отлучения от церкви, магистрата, клятв и других вопросов. Мы не располагаем статьями, которые они представили совету, и вполне вероятно, что они не выдвигали наиболее оскорбительных положений своей системы. Но большинство членов совета "полагало, что было бы опасно обсуждать эти статьи публично из-за слабости (*tendrité*) человеческих умов. Поэтому они решили провести их слушание на следующий день, 14 марта, но только в Совете Двухсот".[486]

Сенсация, вызванная в городе присутствием Германа и Бенуа, и то рвение, с которым некоторые горожане с удовольствием слушали их, не ускользнуло от внимания реформаторов. Если бы эти доктрины не были опровергнуты, Женева, отстраненная от заблуждений папства, могла бы погрузиться в мечты о пантеизме. Поэтому реформаторы попросили разрешения присутствовать на заседании. Герман и Бенуа изложили свою систему. Совет хотел замять это дело; но Фарель, уверенный в силе истины, потребовал, чтобы это было публично обсуждено. Его просьбы были услышаны, и дебаты были назначены на следующий день, 15 марта.[487]

Диспут проходил в большом зале Rive 15, 16 и 17 марта и каждый раз длился целый день. До нас не дошло никаких отчетов об этих дебатах. Но некоторое представление о них можно составить из двух трактатов, которые Кальвин посвятил изложению и опровержению системы.[488] Дискуссия была очень оживленной. Реформаторы с такой силой опровергли одним только Словом Божиим доктрины, выдвинутые двумя спиритуалами в публичном диспуте, что с тех пор все племя исчезло из этой Церкви.[489] Совет Двухсот, собравшийся 18 марта, объявил, что нападавший не был *достаточным*, то есть что его мнения были ошибочными. Но они заметили, что этот спор может породить разногласия и что вера может оказаться под угрозой. Поэтому реформаторам было запрещено в будущем участвовать в подобных дискуссиях. Затем были вызваны Герман и Бенуа, и синдики сказали им: "Мы были вполне готовы выслушать вас, потому что мы слушаем всех, но *видя, что вы не в состоянии доказать истинность ваших утверждений Священным Писанием*, мы объявили, что они *противоречат истине*. Готовы ли вы отречься, вернуться к Богу и попросить у него прощения?" "Мы подчиняемся воле Божьей, - ответили они, - но мы ни в коем случае не откажемся от своих слов".

ИЗГНАНИЕ СПИРИТУАЛОВ.

Те женевцы, которые приняли их со времени их прихода за добрых евангельских христиан, называли их *братьями*. Но эти иностранцы показали себя очень сварливыми; и, отказавшись даже молиться вместе с христианами Женевы — оскорбительный признак их сектантского духа, — их больше не называли братьями. Однако в то время на них не было наложено никакого наказания в надежде, что они смогут воспитать в себе больше христианских чувств. Но это было всего лишь иллюзией. Поэтому было постановлено, согласно обычаю того времени, что эти врачи и все члены их секты должны быть навсегда изгнаны из Женевы под страхом смерти. "Самая замечательная черта этого дела, - говорили ранние биографы Кальвина, - заключается в том, что если некоторые церкви Германии и были освобождены от этих докторов, то только

благодаря строгости правосудия; в то время как в Женеве *магистрат к этому не приложил руки*." [490] Конечно, он не применял против них ни тюремного заключения, ни пыток; Кальвин пытался только убедить их аргументами. Но изгнание под страхом смерти, тем не менее, является очень ощутимым актом магистрата. С другой стороны, также было бы ошибкой говорить, что Регистры ничего не знали о победе Кальвина. [491] Напротив, постановление совета было прямо основано на том факте, что врачи не смогли доказать истинность своих утверждений Священным Писанием.

Это были не единственные нападки, которым реформаторам пришлось подвергнуться в начале своей карьеры. Были определенные беспокойные умы, которые с досадой смотрели на Кальвина, Фареля и Вире во главе Реформации во франкоязычных странах и желали лишить их их положения, чтобы они могли занять его сами. Эти новые неприятности, вызванные ревностью и честолюбием, были более острыми и продолжались дольше. [492] Их создателем был доктор Сорбонны Кароли, которого мы видели прибывшим из Франции в Женеву во время великого диспута 1535 года. [493] Кароли был своего рода теологическим авантюристом. В глубине души он не заботился о священной цели, которую преследовала Реформация. Неизлечимое легкомыслие, которое не позволяло ему примыкать ни к одной партии, пристрастие ко всему, что казалось ему новым и модным, жгучая жажда славы и богатства, жажда свободы для удовлетворения своих порочных наклонностей - вот чувства, которые двигали им и бросили его в лагерь, который он вскоре покинул, чтобы искать в другом месте удовлетворения тех же самых порочных желаний. Тщеславный, гордый, пресмыкающийся и непоследовательный, он выступал против монахов, когда во Франции была в моде своего рода реформация. Затем, когда началась эпоха преследований, он сбежал в Женеву. Объектом его мечтаний было стать кем-то вроде епископа, управлять реформатскими церквями во Французской Швейцарии; и он предлагал установить доктрину, которая занимала бы среднее место между Евангелием и папой римским. Он познакомился с главными городами своей будущей епархии. Из Женевы он отправился в Невшатель, где стал пастором и женился. Мы видели, как его назначили первым пастором в Лозанне. "В каждом месте, которое он посещал, он оставлял следы своей низости". [494] Он лавировал при каждом дуновении ветра. Вскоре он перешел из лагеря римлян в протестантский; затем, поскольку реформаторы протестовали против него, он вернулся в свою блевотину, согласно фразе из Священного Писания; во второй раз покинул папскую иерархию, чтобы присоединиться к евангелистам; и, наконец, закончил свою скитальческую и жалкую жизнь в Риме. Кароли — один из самых презренных персонажей той эпохи, один из тех церковных Дон кихотов, которые хвастаются тем, что поражают всех своих врагов. Помимо тщеславия, у него была другая страсть, не менее сильная — ненависть. Он ненавидел Фареля, который знал его в Париже и упрекал в пороках. Он ненавидел Вирета, который когда-то проповедовал о нечистоте до него; проповедь, которую Кароли, осужденный собственной совестью, считал предназначенной ему. Тщетно Вире уверял его, что проповедовал для всех: Кароли так и не простил его. И, наконец, высокое уважение, которым пользовался Кальвин, наполнило этого парижского врача завистью. Едва он обосновался в Лозанне, как, стремясь осуществить свои мечты, потребовал в Берне надзора за определенным количеством пасторов и церквей. Бернцы отказались от этого и в то же время попросили Вирета помочь своим советом иностранцу, который не в совершенстве знал страну, и постановили, что никакие новшества не должны вводиться среди людей каким-либо пастором без предварительного обсуждения со всеми братьями. [495]

ХАРАКТЕР КАРОЛИ.

Кароли вовсе не был склонен подчиняться этому правилу. Фантастический ученый, он любил выдвигать странные парадоксы и поднимать дискуссии, которые раздражали умы людей и давали ему возможность продемонстрировать свой ум. Такого рода вещи были пережитком средневековья; но эпоха Реформации потребовала иного метода. Кароли был анахронизмом. Его звание доктора Сорбонны должно, по его мнению, возвести его на вершину церковной иерархии, перед которой должны склониться грубые пастухи Гельвеции. Он намеревался провести реформацию *sui generis*, продвинуть взгляды, присущие только ему, и установить доктрины, которых никто прежде не придерживался. Вскоре представилась такая возможность. Вире, его молодой коллега, уехал навестить своих друзей в Женеве, Кароли воспользовался его отсутствием и, взойдя на кафедру, прочитал серию тезисов, доказывающих, что за умерших следует молиться. 'У меня нет намерения,' сказал он, заканчивая, 'брать уроки у молодого человека', - указывая при этом на Вирета. По его жестам, голосу, словам, таким высокомерным и полным язвительности, было ясно, что он перевозбужден.^[496] Вирет, которому сообщил об этом один из его друзей, вскоре вернулся и упрекнул его за его причуды. Но Кароли, гордый тем, что он дерзко назвал своим открытием, ответил— 'Я не верю в чистилище и не думаю, что мертвые могут быть утешены молитвами живых; все это просто выдумки. Но я верю, что мы должны просить Бога ускорить его суд ради счастья его святых и всех членов Церкви, Пресвятой Девы, пророков и апостолов, которые первыми извлекут из этого пользу'.^[497] Таким образом Кароли разбил свою палатку между Римом и Евангелием, не будучи ни с тем, ни с другим, а оставаясь просто самим собой. Таково было его желание. Если бы он только призвал Церковь сказать Господу: 'Приди скорее', - он бы говорил в соответствии со Священным Писанием. Но его намерение состояло в том, чтобы молитва была вознесена в пользу умерших, что не находит оправдания в Библии. Вирет ответил ему— 'Вы знаете, что мы не должны проповедовать какие-либо чисто частные взгляды, предварительно не сообщив их друг другу. Если вы нашли в Священном Писании какое-либо наставление, которое мне неизвестно, я охотно приму его; но если вы проповедуете какую-то ошибочную доктрину, позвольте мне, как вашему коллеге, высказать по этому поводу несколько замечаний'.^[498] Это было как раз то, чего Кароли не хотел. Он высокомерно ответил Вирету и гордо отстаивал свою доктрину.

КАРОЛИ В ЛОЗАННЕ.

Многие друзья Евангелия обратились к Кальвину, который пользовался их полным доверием, и умоляли его немедленно отправиться в Лозанну. Что он и сделал. Фарель хотел бы сопровождать его, но бернцы попросили его присматривать за своей собственной церковью, а не за их. Делегаты из Берна были отправлены в Лозанну, и таким образом было сформировано нечто вроде консистории, на которой Кальвин, по-видимому, изложил суть дела. Но гордый Кароли, считавший ниже своего достоинства выступать в какую-либо защиту, самым надменным образом отказался дать хоть малейшее объяснение своему поведению. Он был очень раздосадован, обнаружив, что Кальвин обвиняет его, чье превосходство доставляло ему столько хлопот. Он немедленно разработал свой план. Он решил обратиться против реформатора меч, которым тот угрожал ему, и вонзить его в него по самую рукоять. "Если женевский министр, - воскликнул он, - проявил столько рвения, вынося это дело на рассмотрение вашего собрания, то это позорный заговор, единственная цель которого - окончательно погубить меня". Затем Вире заговорил и так ясно изложил уловки и клевету Кароли, что собрание осудило его взять назад, невзирая на его *любовные наклонности*. Пораженный столь суровым приговором, этот человек, который так легко переходил из одной крайности в другую, смирился и с причитаниями и слезами попросил прощения. Кальвин был тронут таким поведением и в избытке своей

сдержанности взмолился ассамблее избавить Кароли от поступка, который ранил его гордость. Вирет сделал то же самое. Их просьба была удовлетворена. Доктору Сорбонны не оставалось ничего лучшего, как спокойно удалиться к себе домой с чувством благодарности к двум своим благородным противникам. Но их благонамеренное вмешательство на самом деле не смягчило его; его смирение было всего лишь уловкой. Он был полон решимости любой ценой достичь своей цели и стать выдающимся человеком в Церкви. Завидуя влиянию, которым пользовались Кальвин, Фарель и Вире в Швейцарии, он сказал себе, что для того, чтобы прочно сидеть в седле, человек, который уже едет верхом, должен сначала спешиться. Разорение этих трех врачей было задачей, которую он должен был выполнить. Он был уверен в тайной поддержке, по крайней мере в Женеве, некоторых ведущих людей; и он льстил себя надеждой, что сможет поставить Кальвина в безнадежное положение.^[499] Поэтому он решил взять на себя роль обвинителя и заставить своих врагов играть роль виновного и обвиняемого.

Люди думали, что покончили с этим человеком, и собрание уже собиралось расходиться, когда он внезапно поднялся с озабоченным видом, как будто у него на совести было какое-то бремя, от которого он стремился избавиться. 'Во славу Божью,' сказал он декламирующим тоном, 'во имя чести лордов Берна, во имя чистоты веры, во имя безопасности Церкви, во имя общественного спокойствия и для облегчения моей собственной совести я должен сейчас изложить вам, мои достопочтенные лорды, вопрос, о котором я долгое время хранил молчание. Теперь необходимо нарушить молчание. Я должен говорить. В городе Женеве, так же как и в вашей стране, есть много священников, запятнанных арианской ересью.' Выдвигая себя как второй Афанасий, он назвал множество министров, хороших людей, которых объявил виновными в ошибке Ария, но вообще не привел никаких доказательств.^[500] Кальвин был одним из первых в этом каталоге еретиков. Чтобы обвинить его в том, что он арианин, требовались дерзость и страсть, доведенные до крайности безумия. Похоже, что его даже обвиняли, как и его друзей, в поддержании ошибок испанца Сервета.^[501] Женевские теологи совсем недавно столкнулись в Женеве с арианином Клодом Савойским и нанесли ему поражение. В этой атаке было нечто большее, чем страсть; в ней был абсурд. Кальвин действительно склонялся к деизму! Реформация не была началом деизма, в чем ее обвиняли глупые враги: это было восстановление христианства.

КАЛЬВИНА ОБВИНИЛИ В АРИАНСТВЕ.

Реформатор был поражен. "Мне никогда не приходило в голову, - писал он, - что мы должны бояться обвинений по этому пункту".^[502] Кэлвин переоценил масштаб атаки, которую только что предпринял Кароли. Если бы он остался под этим обвинением, его служение было бы скомпрометировано, его рвение заподозрено, а труды бесплодны. Раздор был бы внесен в лагерь евангелистов, и Рим ликовал бы, видя, как самых преданных сторонников Реформации обвиняют в отрицании божественности Спасителя. Реформатор немедленно поднялся; и без всякого проявления жестокости, в чем его враги всегда готовы упрекнуть его, он с большим воодушевлением указал на непоследовательность своего противника. 'Всего несколько дней назад,' сказал он, 'Кароли пригласил меня к своему столу. В то время я былочень дорогим братом. Он попросил меня передать его поклоны Фарелю; он обращался как христианин со всеми теми, кого сегодня считает еретиками, и заявил, что желает навсегда сохранить с нами братский союз. Где в то время была слава Божья, где чистота веры и единство Церкви?' Затем, повернувшись к доктору Сорбонны: "Как вы могли, — сказал он, - добросовестнодважды совершать святую вечерю с единомышленником-арианином?" Из какого источника ты узнал,

что я запятнан этой ересью? Скажи мне, ибо я очищу себя от этого позора.' Поскольку Кароли не привел никаких доказательств, реформатор обратился к недавно опубликованному им катехизису. 'Это вера, - сказал он, - которую я исповедовал совсем недавно. Мы исповедуем, что верим в Отца, в Сына и в Святого Духа; и когда мы называем Отца, Сына и Духа, мы не представляем себе трех богов. Но мы верим, что Священное Писание и опыт благочестия показывают нам Отца, Сына и Духа в простейшем божественном единстве".[503]

Кароли ни в коем случае не был удовлетворен. Не хватало слов, по его мнению, важных. Кальвин считал целесообразным в произведениях практического и популярного характера избегать использования выражений, которых нет в Священном Писании. Поэтому он избегал использования в процитированном отрывке терминов *Троица*, *субстанция* или *лица*. Лютер сделал то же самое. "Этот термин, *Троица*, ' сказал он, ' нигде не встречается в священном Писании; он был изобретен людьми. Более того, это слово холодное, и гораздо лучше говорить "Бог чем "Троица".[504] Кальвин, который был полон духа и жизни, боялся, что при использовании этих теологических терминов христианство следует относить исключительно к пониманию мужчины и ребенка, а не к его совести, его сердцу, его воле и его делам. Годом ранее он использовал их в первом издании своего *Учебного заведения*, которое предназначалось для профессиональных богословов:[505] но он исключил их как из своей *Исповеди*, подготовленной в основном для мирян, так и из своего *Катехизиса*, составленного для детей. Все это не успокоило Кароли, который, если и был ортодоксальным, то только в голове. Он утверждал, что если Кальвин был невиновен в арианстве, то он был виновен в сабеллианстве. 'Вы будете находиться под подозрением в этом вопросе, ' сказал он, - до тех пор, пока не подпишетесь под афанасианским символом веры'. 'Моя практика, - ответил Кальвин, - заключается в том, чтобы не одобрять ничего, что соответствует Слову Божьему, до тех пор, пока это не будет должным образом рассмотрено'. Кароли, думая, что эта сдержанность скомпрометировала афанасианский символ веры, пришел в ярость и закричал, "что это признание недостойно христианина".[506]

СОЗЫВ СИНОДА.

До этого момента Кэлвин сдерживал себя, но он глубоко ощущал несправедливость обвинений доктора. Когда он получал незаслуженный удар, он нередко отвечал тем, что сам наносил другой. Удар был справедливым, но иногда довольно резким. 'Вы не найдете никого, - сказал он Кароли, - более ревностного, чем я, в отстаивании божественности Иисуса Христа. Я думаю, что достаточно ясно изложил свою веру. Мои дела у всех в руках, и все ортодоксальные церкви одобряют мое учение. Но что касается вас, какие доказательства своей веры вы когда-либо приводили, за исключением, возможно, публичных домов и притонов порока? Ибо именно в таких местах ты до сих пор практиковался.

Кароли, знавший все, что можно было рассказать о его брошенной жизни, и столь же трусливый, сколь и опрометчивый, задрожал, когда обнаружил, что Кэлвин затронул эту тему. Чтобы смягчить силу удара, он отказался от своего обвинения и заявил, что труды его оппонента хороши; что он всегда хорошо отзывался о Святой Троице; и что против него не может быть выдвинуто никаких обвинений, "при условии, что он не поддерживал дело Фарела'. Кароли боялась Фарела меньше, чем Кэлвина, и ненавидела его больше. Затем заговорил Вирет и вынудил самонадеянного доктора взять назад то, что касалось его самого (*Viret*). "Этих

отречений недостаточно, - заявили два реформатора. ' мы намерены также защищать дело Фарела и других наших отсутствующих братьев, которых вы несправедливо обвинили'. Делегаты Берна, когда увидели, какой важный характер приобретают дебаты, заявили, что необходимо провести их в генеральной ассамблее, и обязались провести таковую. На этом собрание разошлось.[507]

Эти обстоятельства произошли в феврале. Кальвин по возвращении в Женеву, опасаясь, что бернские делегаты могут не спешить с выполнением своего обещания, и, кроме того, понимая, что это дело касается Церкви, а не государства, убедил женевских министров написать министрам Берна, настаивая на том, чтобы они взяли это дело в свои руки.[508] Он сам написал Мегандеру, главному среди бернских пасторов. 'Я не могу найти слов,' сказал он, ' чтобы адекватно выразить неминуемую опасность, которой подвергнется Церковь, если это дело будет отложено на неопределенный срок. Влияние, которое дает вам ваша должность, возлагает на вас больше, чем на кого-либо другого, обязанность приложить все ваши усилия для содействия скорейшему проведению заседания ассамблеи. Вы не можете себе представить, насколько серьезный удар, нанесенный Кароли, потряс заложенный нами фундамент. Люди говорят, особенно в сельской местности, что мы должны начать с согласия между собой, прежде чем думать об обращении других. Давайте не допустим, чтобы покров Евангелия, сотканный из одного куска, был разорван нечестивыми людьми. Сделайте все возможное, чтобы обеспечить встречу перед Пасхой всех франкоговорящих министров, которые живут при правительстве вашей республики".[509] Пасха в том году пришлось на 1 апреля.

Поскольку реформатор не получил удовлетворительного ответа, он отправился в Берн в первые две недели марта и умолял магистратов, советников и пасторов немедленно созвать синод. В этом ему было отказано, вероятно, из-за дел, накопившихся в течение недель, предшествующих празднику Пасхи; но они пообещали ему, что собрание будет созвано сразу после Пасхи.[510] Мы видим, какое мужество и активность проявил Кальвин; это было одним из признаков его гениальности. Фарель, напротив, был измучен душевным расстройством, которое вызвало у него это дело. Его состояние огорчало его друзей. 'Я бы никогда не поверил,' сказал Кальвин Вирету, ' что при его железном телосложении он мог так пасть духом'. Однако возраст Фарела и его огромные труды объясняли его состояние. Кальвин, встревоженный перспективой потерять столь бесценного сотрудника, написал Вирету: 'Вам необходимо вернуться к нам, если только мы не готовы увидеть, как Фарел умрет от горя. Если мы позволим пробить брешь в Женевской церкви, я боюсь, что раскол разорвет ее на куски".[511] Энергия Кальвина, казалось, не уменьшалась, а возрастала, ибо он чувствовал справедливость своего дела. 'Я готов,' сказал он, ' поддерживать соревнование с предельной энергией. Обвинения, сначала в арианстве, а затем в сабеллианстве, не сильно беспокоили нас; наши уши давно привыкли к подобной клевете, и мы уверены, что все они развеются в прах".[512] Поэтому доблестный защитник бесстрашно ожидал созыва синода. Женевский собор, получив письма от лордов Берна относительно этого собрания, пригласил *проповедников* отправиться туда; и 11 мая казначей вручил Фарелю пятьдесят флоринов на покрытие расходов по поездке.[513]

ЛОЗАННСКИЙ СИНОД.

Ассамблея собралась в Лозанне. 13 мая[514] были замечены входящие в церковь Святого Франциска бандерета Рудольф де Граффенрид, Николас Зеркинден, государственный

секретарь, пастор Гросманн, обычно называемый Мегандером, и еще один депутат от Берна. Из Женевы приехали Кальвин, Фарель и Куро; около двадцати священников из Невшателя и сотня пасторов из Пэй-де-Во, среди которых был Вире. Кароли, похоже, пришел с сумкой, которую, как обвиняют, обязаны носить с собой адвокаты, содержащей краткое изложение его судебного разбирательства.[515] Мегандер был президентом. Он заявил, что ассамблея собралась в связи с обвинением, выдвинутым Кароли против нескольких священников в неверии ни в Троицу, ни в божественность Иисуса Христа. Затем, обратившись к Вирету, подданному Берна, он спросил, каково его мнение об этой доктрине. 'Когда мы исповедуем единого Бога,' ответил пастор из Лозанны, 'мы постигаем Отца с его вечным Словом и его Духом в единой божественной сущности. Тем не менее мы не смешиваем Отца со Словом, а Слово - с Духом. Кароли встала и сказала с горечью: 'Эта профессия слишком короткая, слишком сухая, слишком неясная. В нем не упоминается ни о *Троице*, ни о *субстанции*, ни о *личности*.' Затем, взяв декламационный тон, он начал декламировать Никейский символ веры, затем символ веры Афанасия, делая недостойные жесты руками и вертя головой и туловищем таким необычным образом, что собравшиеся не могли удержаться от смеха. Завершая свою речь, он сказал своему оппоненту: "Ничто не может снять с вас обвинение в ереси, кроме того, что вы подписали три вселенских символа веры".[516]

КАРОЛИ РАЗОБЛАЧЕНА.

Кальвин слушал его, не перебивая; но он больше не мог молчать. Оправдание с его стороны было почти излишним. Он полностью исповедовал эту доктрину в своих популярных произведениях; он даже, как мы видели, использовал школьные термины в своем теологическом *учреждении*. Но самым важным для безопасности Церкви было сделать своего противника известным, сорвать маску с его лица. Этот человек распутной жизни, лишенный убеждений, лишенный веры, единственной мыслью которого было, как завладеть самым высоким местом, и который пытался скрыть распущенность своей порочной жизни под предлогом религии, осмелился лицемерными устами обвинять верных слуг Божьих. Столь отвратительный поступок вызвал негодование Кальвина, и с его уст сорвались такие искренние слова, которые были вдохновлены обманом, пороками и бесстыдством его противника. Он полностью раздел этого человека. 'Какое это беззаконие, - сказал он, - без всякой причины, кроме простых беззаконных страстей, тревожить Церковь и препятствовать распространению Евангелия, выдвигая чудовищные обвинения против совершенно невиновных людей, оказавших самые заметные услуги истине! Кароли затевает с нами спор по поводу различия личностей в Боге. Я собираюсь допросить его в свою очередь, но поднимаю тему на более высоком уровне и спрашиваю его, верит ли только он в Бога. Я заявляю перед Богом и перед людьми, что он верит в божественное Слово не больше, чем собака и свинья, которые попирают ногами святыни'. Возможно, кто-то возразит против такого языка, но следует помнить, что Кальвин взял эти два слова из священного Писания, где они используются для обозначения двух разных персонажей, которых мы должны в равной степени остерегаться.[517] 'Не давайте святыни псам,' сказал Иисус, - и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями'. Свиньи олицетворяют мужчин, оскверненных развратом, а собака - зверя, который лает, преследует и кусает. Эти два вида излишеств точно характеризовали Кароли.

Но Кальвин на этом не остановился. Он не имел в виду, что люди должны иметь возможность говорить, что с министров не были сняты выдвинутые против них обвинения. Поэтому он сделал признание, которое было заранее одобрено его коллегами. "Когда мы различаем Отца, его

вечное Слово и его Дух, - сказал он, - мы верим, как и церковные писатели, что в простом единстве Бога есть три ипостаси или субстанции, которые, хотя и являются одной единственной и тождественной сущностью, тем не менее не смешиваются друг с другом. Что касается Иисуса Христа, - добавил он, - то до того, как принять на себя нашу плоть, он был вечным Словом, рожденным от Отца задолго до того, как появились времена, истинным Богом, имеющим одну и ту же сущность, силу и величие с Отцом, самим Иеговой, который всегда существовал сам по себе и дает другим право существовать".[518]

КАЛЬВИН И РАННИЕ ВЕРОУЧЕНИЯ.

Это заявление сбило Кароли с толку; и теперь, после того как он очень решительно заявил, что Кальвин был недостаточно ортодоксален, он начал кричать, что тот был слишком ортодоксален. 'Как, - сказал он, - вы приписываете Иисусу Христу имя и природу Иеговы; вы говорите, что он сам по себе обладает божественной сущностью!' Кальвин ответил: 'Если мы внимательно рассмотрим разницу между Отцом и Словом, мы должны признать, что Слово исходит от Отца. Но если мы займемся самой сущностью Слова, то, поскольку Слово есть Бог с Отцом, все, что сказано об одном, должно быть также сказано и о другом'.[519] Кароли, отказавшись от темы, укрылся за словами. "В вашем исповедании, - сказал он, - нет слова *Троица*, нет слова *личность*'. Затем, желая заставить Кальвина и других священников принять исповедания, сделанные людьми, он сказал: "Я требую, — сказал он, - чтобы вы подписали три древних символа веры'. Кальвин и бывшие с ним министры поставили бы свою подпись при других обстоятельствах, но сейчас они отказались от этого по очень мудрым причинам. 'Кароли, ' сказали они, - заставляя нас подписать, хочет бросить тень на нашу веру. Мы не считаем уместным проявлять к нему такое почтение. Более того, мы не будем своим примером способствовать введению в Церкви *тирании*, которая заклеивала бы каждого человека как еретика, если он не будет выражать себя в терминах, продиктованных другим".[520] Здесь Кальвин одновременно доказал великодушие и верность, которые делают ему честь. Каждая Церковь, по его мнению, должна исповедовать свое учение, но он предпочел бы, чтобы исповедание было результатом жизни и веры тех, кто его исповедует, а не простым возвращением на десять или двенадцать веков назад, чтобы искать истину в устаревших фразах другой эпохи. Он всем сердцем исповедовал доктрину, изложенную в ранних символах веры, Никейском и так называемом Афанасианском, которые излагали, возможно, с избытком слов, но, тем не менее, с большой силой, веру, которая дорога христианам. Но он чувствовал, что этим писаниям не хватает евангельской простоты. Фразы, Бога от Бога, свет от света (Θεὸς ἐκ Θεοῦ, Φῶς ἐκ φωτός), используется в Никейском Символе веры, явился ему меньше, чем апостольская Восточная в их характере. Его потрясло, что *Quicumque*, более известный под названием "Афанасианский символ веры", как раз в то время, когда он собирается проводить тонкие различия, такие, которые не могут быть поняты простым христианином, должен начинаться с утверждения— 'Всякий, кто хочет спастись, прежде всего необходимо, чтобы он придерживался католической веры (символа веры). Веру эту, если каждый не сохранит целой и непорочной, он, без сомнения, погибнет навеки'. Невежество Кароли относительно этого исповедания веры было настолько велико, что он считал, что оно было составлено в Никее в 325 году нашей эры Афанасием. Это поразило Кальвина. Фактически, символ веры, по-видимому, формировался постепенно в африканской церкви, некоторые из его формул были встречены к концу седьмого века; но в целом он не существовал до эпохи Карла Великого, почти через пять столетий после Никейского собора. Это была эпоха, в которую, если учение о божественной природе было истинно провозглашено, доктрины о справедливости приобщения к благодати и о

новом рождении Духом были затемнены. Полупелагианство все больше и больше вторгалось в Церковь; литературная и научная культура, порицаемые монахами как принадлежащие язычеству, становились редкостью; государство, не довольствуясь определением внешних отношений Церкви, издавало эдикты о символах веры или доктрине; утверждалось, что реликвии творят чудеса; епископы Рима приняли титул вселенского епископа, титул, заклеенный Григорием Великим как антихристианский; споры об изображениях особенно будоражили умы людей; и Церковь, и государство были в крайнем замешательстве; епископы Рима были вынуждены отказаться от своих прав, ополчились на лордов; духовенство, как обычное, так и светское, было лишено культуры и дисциплины; и, одним словом, христианство утратило ту жизнь, которая была ему присуща. Несомненно, именно существование этого меланхолического состояния общества в период формирования *Кикунки* побудило Кальвина сделать оговорки и заявить, что он присягал вере в единого Бога, а не вере Афанасия, чье вероучение не приняла бы ни одна подлинная Церковь.[\[521\]](#)

БЕРНСКИЙ СИНОД.

Синод, выслушав обе стороны и зрело рассмотрев вопрос, признал исповедание женеvских священников добрым и ортодоксальным; они осудили Кароли и объявили его отныне недостойным выполнять функции министерства. "Мы своим опровержением, - сказал Кэлвин, - исчерпали весь запас Кароли;[\[522\]](#) в отношении нас самих теперь не остается ни малейшего подозрения". Кароли подал апелляцию на приговор синода к лордам Берна. Кто был прав? Кто был не прав? Кальвин или Кароли? Решения по этому вопросу разошлись. Некоторые говорили: 'Донос Кароли не был полностью необоснованным; неудивительно, что он заявил о своем недовольстве и настаивал на своем обвинении'. Другие добавляли, что Кальвин обрушился на своего противника с яростью, которая заставила собрание содрогнуться и которая стала первым проявлением того страшного гнева, с которым он так часто впоследствии расправлялся с теми, кто был против него.[\[523\]](#) Это не наше мнение. Что касается его выражений, защита Кальвина не так страшна, не так страстна, если мы вспомним о типе людей, с которыми ему приходилось иметь дело; а что касается самых жестких слов реформатора, то это, как мы видели, два, которые он перенял от самого Спасителя. Что касается сути защиты, то он не стал бы выдвигать, как это делают римские католики, человеческие авторитеты; он предпочитал твердо придерживаться Слова Божьего. В этом его главная слава, и в этом он показывает себя подлинным реформатором, каким был Лютер. Его противник был аморальной личностью, а Реформация не стала бы заключать союз с аморальностью. Кто бы стал винить его за это? Кальвин не мог согласиться с тем, чтобы распутный человек, рука которого была обагрена кровью святых, выдавал себя за Афанасия, одного из благороднейших древних учителей Церкви. Прежде всего, его глубоко огорчала мысль о том, что удар, нанесенный этим человеком, потряс основы духовного здания, которое возводилось во славу Божью.

Эти дебаты наделали много шума в других странах. На расстоянии ходили всевозможные слухи, и о женеvских реформаторах ходили дурные слухи. Люди спрашивали друг друга, что это за состязание между Кароли и Кэлвином, и с нетерпением ждали, чем оно закончится. Французская живость была оскорбительна для некоторых теологов немецкой Швейцарии. Мегандер сам пожаловался Буллингеру на раздражение, которое причинили ему эти буйные французы.[\[524\]](#) Однако людей было так же легко взбудоражить в немецкой Швейцарии и даже в стране Лютера. Некоторые католики начали придавать большое значение этой борьбе и извлекать из нее выгоду. По этому поводу состоялся обмен письмами. Буцер и Капито написали

из Страсбурга, первый - Меланхтону, второй - Фарелю; а Миконий написал из Базеля самой ассамблее. Это должно было придать большую торжественность решению по апелляции, которое должно было вот-вот быть рассмотрено в Берне.

"24 мая Гийом Фарель обратился к совету Женева с просьбой направить в этот город магистра Ковена (Кальвина) на любое предстоящее сражение (*journée*) для участия в диспуте. После чего было решено, что он должен уйти.'[525] Берн проявил определенную благосклонность к Кароли. Поэтому можно опасаться, что приговор, вынесенный в Лозанне, не будет подтвержден. Мы не можем сказать, каким был бы приговор, если бы он был вынесен государственными властями. Но собор, придя к выводу, что это вопрос доктрины, созвал в Берне синод Бернской церкви на конец мая. Дебаты были начаты в присутствии большого совета, который, несомненно, до сих пор принимал участие в этом деле. Будущий Афанасий поддерживал свое обвинение с уверенностью и высокомерием, предполагая сыграть в шестнадцатом веке ту роль, которую великий епископ Александрии сыграл в четвертом. Кальвин полностью оправдал и себя, и своих коллег. В результате реформатор был еще раз полностью оправдан и объявлен свободным не только от всякой вины, но и от всех подозрений. Что же касается Кароли, то он был объявлен клеветником и как таковой осужден.

ОСУЖДЕНИЕ КАРОЛИ.

Когда с этим было покончено, лорды Берна спросили Кальвина, Фареля и Вирета, был ли Кароли, насколько им известно, виновен в каком-либо отношении, будь то в его личной жизни или особенно в его служении. Услышав эти слова, доктор Сорбонны, видя, что настала его очередь, пришел в ужас и яростно воспротивился расследованию. 'Тем, кого я только что обвинил в тяжких преступлениях, ' сказал он, - нельзя позволять выдвигать против меня официальные обвинения'. 'Вы действительно обвинили их, - ответил бернец, - не имея возможности обосновать свои обвинения. Почему же тогда им нельзя позволить обвинять вас?' И врачам было предписано сообщить все, что им известно о нем. Вслед за этим этот человек, у которого не было ни сердца, ни моральных чувств, пришел в замешательство; и поскольку он больше всего боялся разоблачений своих противников, он вообразил, что лучший способ предотвратить их - это обвинить самого себя. Поэтому он начал признаваться в недостатках, с которыми, как он знал, Фарель и его друзья были хорошо знакомы, — в разврате, к которому он пристрастился во Франции, в подлости, с которой он скрывал свои чувства в вопросах религии, и в жестоком вероломстве, побудившем его предать смерти двух молодых христиан, образ мыслей которых он сам одобрял. Это было странное зрелище! Передо мной был странный кающийся грешник, без раскаяния и угрызений совести, напускавший на себя сокрушенный вид и признававшийся в своих проступках исключительно потому, что надеялся таким образом добиться освобождения от наказания. "Кающийся дьявол!" - говорил Тертуллиан в таких случаях.

Фарел позволил ему высказаться; тем не менее он не думал, что таким образом был освобожден от судебного запрета, который был ему дан. Он был знаком с некоторыми чертами жизни Кароли, которые могли бы дать лордам Берна сведения, в которых они нуждались. Он рассказал о постыдной распущенности этого человека, который жил в Париже с женщинами с самой отвратительной репутацией, и которого фактически обвинили в том, что он содержал по пять или шесть женщин одновременно. Он показал, как двум молодым людям, увлеченным своим

рвением против изображений, пришло в голову повесить некоторых из них; и как тот же Кароли, который в то время заявлял, что поклонение изображениям отвлекает людей от познания истинного Бога, приказал держать этих юношей в тюрьме, в которую они были брошены, до прибытия двух судей, которые передали их палачам. Вирет рассказал о дискуссии, которую он вел с Кароли на тему молитв за усопших; и, по просьбе бернцев, сообщил различные подробности своего поведения, среди прочего о его пьянстве, которое не раз выставляло его на посмешище публики.

БЕРН ПРОДВИГАЕТ РЕФОРМАЦИЮ.

В результате этих дебатов синод лишил Кароли своих функций. Великий совет Берна подтвердил этот приговор; объявил Фареля, Кальвина и Вире невиновными по предъявленным им обвинениям; приговорил Кароли к изгнанию как виновного в клевете и других злоупотреблениях; и передал дело в консисторию для официального прекращения. Поскольку самонадеянный врач не желал подчиняться этой власти, стороны были вызваны к гражданским магистрам (*избегателям*) и советам. Кэлвин, Фарел и Вирет, соответственно, явились 6 июня, но Кароли не появился. Швейцар, посланный лордами Берна на его поиски, принес известие, что он исчез.^[526] На самом деле он сбежал ранним утром и направился по дороге в Солейр. Оттуда он удалился во Францию, к кардиналу Турнонскому, злейшему врагу Реформации. Последний добился от папы отпущения грехов Кароли. Несчастный надеялся, что, вернувшись в лоно Римской церкви, он получит хорошее пособие; но он обнаружил, что католики и протестанты одинаково презирают его. Чтобы закрыть это дело, было решено одобрить термины "Троица", "сущность" и "личности" (их использовал сам Кальвин); но в то же время, если какой-либо благочестивый человек откажется их использовать, "он не должен быть изгнан из Церкви и на него не следует смотреть как на человека, который неправильно думает о вере".^[527]

Этот эпизод из жизни Кальвина показывает нам не только его твердую привязанность к истине, которую признают все, но также и дух свободы, в котором ему обычно отказывают. Ясно, что для него Слово Божье стояло превыше всего и что вера, жизнь и сущность христианства имели в его глазах большую ценность, чем простые традиционные термины, которых нет в Священном Писании.

ГЛАВА VI. КАЛЬВИН НА БЕРНСКОМ СИНОДЕ. (Сентябрь 1537 г.)

Это был не единственный триумф, которого добился Кальвин, и не единственный бернский синод, в котором он принимал участие. В то время в евангелических церквях Швейцарии шли острые дебаты. Они постепенно разгорелись после катастрофы при Каппеле в 1531 году. В кантоне Солер Реформация действительно была подавлена вмешательством католиков, хотя большинство в стране и меньшинство в городе были протестантами. Но другие кантоны

остались верны Реформе. В Буллингере Цюрих нашел достойного преемника Цвингли; и Освальд Миконий с радостью занял место любезного Николампадиуса в Базеле. Берн, недовольный тем, что сам принял Реформацию, рьяно способствовал ее утверждению повсюду. Главный вопрос, который тогда обсуждался, заключался в следующем— должны ли швейцарские церкви объединиться с лютеранскими церквями или нет? Буцер в Страсбурге горячо выступал за объединение, и магистраты, прежде всего бернские, нисколько не возражали против этого. Они обладали достаточным политическим мастерством, чтобы понять, что Церкви Реформации, находившейся тогда под столь серьезной угрозой, необходимо объединить все свои силы. Пасторы Берна, Галлер, Мегандер и Кольб, желали протянуть дружескую руку Лютеру; но этим свободным швейцарцам, ученикам и друзьям Цвингли, не понравились двусмысленные формулировки Буцера. Цюрих Мегандер, в частности, ученый профессор и красноречивый проповедник, но с опрометчивым характером, жестокий и несколько властный, которого его оппоненты называли *обезьяной Цвингли*,^[528] поставил перед собой задачу поддерживать в Берне теологию цюрихского реформатора. Поскольку Халлер и Колб в то время были ослаблены возрастом и нездоровьем, Мегандер оказывал мощное влияние на сельских пасторов; и сами магистраты, зная о его способностях, поручали ему самые важные дела. Цюрихцы составили исповедь о вечере Господней в соответствии с пожеланиями Буцера. Базель, Санкт-Галль и Шаффхаузен одобрили ее; но Мегандер убедил своих коллег отклонить ее. Французские дипломаты также, стремившиеся заручиться поддержкой швейцарских и немецких протестантов против Карла V, заявили: "Все швейцарские города согласны с Лютером, за исключением этих бернских болванов, которые пятаются, как крабы, и упрямо придерживаются мнения, которое они никак не могут защитить".^[529]

ЦВИНГЛИАНЦЫ В БЕРНЕ.

Однако бернские магистраты не желали порывать со своими союзниками. Война против Савойи, которую они предприняли в 1536 году для защиты Женевы и оккупации Плато Во, убедила их в необходимости их поддержки. Следовательно, они направили делегатов на четыре коллоквиума, которые состоялись в том же году в Базеле, чтобы принять во внимание соглашение с врачами Виттенберга. Но совет, столь далекий от того, чтобы порвать с Мегандером, поставил его во главе этих теологов. Таким образом, в исповеди, которая была подготовлена на первом из этих коллоквиумов в январе 1536 года (вторая конференция в Базеле и первая в Швейцарии), когда говорилось о вкушении тела и питии крови Христа, добавлялось, что это имело место только в духовном смысле. Это вызвало недовольство Буцера. Цвинглианцы, в свою очередь, называли его 'двуличным человеком' и говорили, что этот мнимый миротворец внес раскол в гельветические церкви. Напрасно его защиту взяли на себя Миконий, который с 1532 года возглавлял церковь в Базеле в качестве надзирателя, и ученый профессор Гриней. Цвинглианская партия и слышать не хотела о соглашении *сstrasбургским триммером*. Произошли различные обстоятельства, которые привели к изменению этого положения вещей. Сами швейцарцы и бернцы были тронуты прекрасным письмом, которое Лютер написал бургомистру Базеля, в котором он одобрительно отзывался о исповеди, составленной в этом городе. Престарелый Кольб, пастор из Берна, умер в конце 1535 года, а 25 февраля 1536 года Галлер тоже отошел в невидимый мир. Затем в Берне произошли большие перемены. Кунц, человек совершенно иного склада духа, чем Цвингли и Галлер, стал пастором вместо Кольба. Учась в Виттенберге, он был страстным поклонником Лютера и его учения. Обладая пылким темпераментом, Кунц страстно желал способствовать торжеству доктрины своего учителя, тем более что он был ниже его по отношению к живой вере Евангелия.

Себастьян Мейер, бывший францисканец, который с самого начала своего служения отличался яростью своих речей и который был другом Буцера, занял место Галлера. Вероятно, на избрание этих людей повлияли страсбургские врачи, проектами которых члены совета были все более и более довольны. Таким образом, казалось вероятным, что в Берне лютеранская партия сменит цвинглианскую. Новые пасторы, однако, не сразу заявили о своих притязаниях; они скорее приложили все усилия к подготовке умов людей, и их завоевания были очень многочисленными, особенно среди политиков. Но Мегандер, непреклонный цвинглианец, все еще держал верх; и именно он выступал от имени Берна в швейцарских ассамблеях. Буцер, несомненно, имел его в виду, когда жаловался Лютеру "на те неподъемные головы, которые водятся в Швейцарии, которые из-за каждого пустяка поднимают столько шума".[\[530\]](#)

ПОДЛАТАННЫЙ МИР.

Новые пасторы Берна, ободренные своими друзьями за границей, сбросили сдержанность, которую они поначалу накладывали на свою речь. Себастьян Мейер, в частности, уступив своему природному характеру, совершенно опрометчивый и неосторожный, публично учил, что на вечере тело Христово истинно вкушается и Его кровь истинно пьется, но позаботился добавить: *верой*. Кунц поддержал его. Так начался конфликт. Мегандер и Эразмус Риттер выступили против этой доктрины; и Мейер, не колеблясь, заявил на коллоквиумах, что доктрина вечери никогда должным образом не преподавалась в кантоне Берн. Бернский совет созвал синод, на котором присутствовали триста министров немецкого и французского кантонов Швейцарии. Мейер вместе с Кунцем живо изобразили зло, которое было бы связано с отказом от соглашения. Эразмус Риттер вместе с Мегандером ответили, что соглашения, безусловно, очень хотелось бы, но ради него нельзя приносить в жертву правду. Цвинглианская партия взяла верх. Они согласились придерживаться второго базельского исповедания и избегать использования терминов, которые послужили поводом для споров; таких как *"телесный"*, *"реальный"*, *"естественный"*, *"сверхъестественный"*, *"невидимый"*, *"плотский"*, *"чудесный"*, *"невыразимое присутствие"*. Но этот улаженный мир длился недолго. Тайная переписка между Буцером и Лютером была опубликована, цвинглианцы были шокированы, умы людей пришли в смятение, и здание согласия, которое они с таким трудом возводили, грозило рухнуть. Затем Буцер обратился в Бернский собор с просьбой созвать синод, на котором ему, возможно, было бы позволено оправдать себя. 'Вся эта история с ужином,' сказал он, - всего лишь словесный спор, но крайне важно положить ему конец; и я взываю к справедливости бернских магистратов, которые не могут допустить, чтобы человека, кем бы он ни был, осудили до того, как он будет выслушан'. В результате в сентябре в Берне был созван еще один синод.[\[531\]](#)

Все осознавали важность этого собрания. Буцер и Капитон прибыли в город, снабженные рекомендательным письмом от магистратов Страсбурга, и в сопровождении двух богословов из Базеля, Микония и Грин, которые, хотя и искренне придерживались реформатской партии, искренне желали объединения. Почти в то же время в Берн прибыли три министра из французских кантонов, которые были специально приглашены; это были Кальвин, Фарель и Вире. Те, кто знал, что в Женеве не разрешались ни пресный хлеб, ни купели для крещения, ни праздники и обряды, к которым были сильно привязаны лютеране, не могли сомневаться, что эти смелые поборники встанут на сторону цвинглианцев. Пасторы кантона Берн были представлены только делегатами от разных классов. Правительство, опасаясь, как бы дух разногласий не омрачил встречу, попросило Буцера и Капито ограничиться собственным оправданием и не вмешиваться в другие дела. Им даже не разрешалось проповедовать, кроме

как при условии, что они не будут затрагивать спорные темы за кафедрой. Собрание собралось в ратуше в присутствии двух советов республики и под председательством мэра (*Шультхайса*) де Ватвиля. После обычных формальностей этот судья пригласил страсбургцев начинать. 'Единство в вопросах, касающихся славы Божьей и пользы Церкви,' сказал Буцер, - уже установлено во многих королевствах, герцогствах и княжествах; и церкви Швейцарской конфедерации составляют почти единственное исключение, именно таким образом сатана противостоит царству Божьему. Да, именно сатане мы обязаны теми подозрениями, которые преобладают в отношении соглашения, которого мы стремимся достичь. Мы требуем, чтобы страсти утихли и чтобы к Богу относились больше, чем к людям. Вы прислушались одним ухом к клевете, теперь прислушайтесь другим к голосу истины. Если вы осудите нас, вы осудите многие другие Церкви, и особенно ту Церковь, представители которой собрались в Смалькальде и которая включает в себя многих ученых и благочестивых людей.' Затем Буцер, желая очиститься от адресованных ему упреков, указал, что Цвингли и Лютер исходили из двух разных точек зрения: Цвингли стремился держаться как можно дальше от римского догмата пресуществления, а Лютер пытался утверждать, что, тем не менее, в хлебе присутствует какое-то реальное присутствие. Делая впоследствии свое собственное исповедание веры, он сказал: 'Нет, хлеб и вино - это не просто знаки; присутствие Христа по вере - это не просто логическое присутствие, не воображаемое, подобное тому, которое я имею, когда говорю, например, что сейчас вижу свою жену в Страсбурге.^[532] Вера требует чего-то более высокого, чем это. Когда я говорю с вами, что Христос присутствует небесным образом, а с Лютером, что Христос присутствует сущностным образом, я выражаю, в сущности, одну и ту же веру.' На следующий день Капитон, поддержав своего коллегу, произнес проповедь, в которой попытался показать, что Цвингли и СЕКолампадий были согласны с Лютером. Таким образом, они были близки к сути поиска и обретения на вечере истинного общения со Спасителем.

ВЗГЛЯДЫ БУЦЕРА.

Мегандеру было поручено выступать от имени синода. Были рекомендованы краткость и умеренность, чтобы любое неосторожное слово не вызвало спора. Для него эта задача была нелегкой. Фактически, на следующий день он с некоторой яростью атаковал Буцера и Капито, упрекая их за то, что они были с Лютером, а не со швейцарцами, и за то, что в других местах они подписали *определенные акты*, которые швейцарцы не могли подписать. 'У меня есть, - сказал он, подходя к концу, - несколько писем, в которых говорится о Буцере. Однако я лучшего мнения о нем, чем об этих письмах, и я был бы рад, если бы мы смогли с ним согласиться'. К сожалению, они были достаточно далеки от такого согласия. Дискуссия становилась все более теплой. 'Вы учите детей в своем катехизисе, - сказал Буцер, - получать знамение на вечере, не напоминая им о том, что это означает'. 'Как же тогда, - воскликнул кто-то из бернских министров, - вы можете притворяться, что мы придерживаемся одной веры?' 'Пусть Буцер выскажется,' сказал Мегандер. 'мы ответим ему днем'. Но на том дневном заседании Буцер снова начал беседовать со швейцарцами о причастии. 'Хватит этих проповедей,' нетерпеливо сказал Мегандер. 'Вы заткнули нам рты,' сказал Буцер. 'Пусть все те, - сказал Мегандер, - кому есть что сказать, говорят свободно'. Но ни один из бернских пасторов не поднялся.

Хорошее взаимопонимание казалось невозможным. Лидеры обеих сторон были разгневаны и провоцировали друг друга. Судно согласия, построенное тщательным трудом страсбургских пасторов, сильно подбросило, и оно могло затонуть в водах Гельветии. Разногласия в доктрине, сказал один из присутствовавших на этом мероприятии, между ними не было ничего, кроме

споров, смертельной чумы в Церкви. Где им было найти последнюю доску, отчаянный способ спастись после кораблекрушения? Они должны затонуть или быть спасены чудом. Молодой человек, которому было всего двадцать восемь лет, но известный своей любовью к Священному Писанию и небольшим уважением к традициям, печально наблюдал за этими дискуссиями. Именно Джон Кальвин назвал дискуссии 'смертельной чумой' для Церкви. Его убеждения были свободными и спонтанными. Они исходили не из стремления к компромиссу, как в случае с другими, а из понимания того, что является сутью веры. Он ни за какие деньги не стал бы искать какого-то средства для объединения умов, принося в жертву истину. Но он на собственном опыте познал силу Святого Духа; и он был человеком, призванным встать между двумя армиями, вернуть меч в ножны и основать единство и мир.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО КАЛЬВИНА.

Мы почти не решаемся сообщать о его словах, потому что их будет трудно понять. Он говорил от имени верующих о полном единении со Христом, даже с его плотью и его кровью, и, тем не менее, о единении, которое осуществляется только Духом. Речь Кальвина имела настолько большое значение, что мы не можем думать о том, чтобы замалчивать ее. Вульгарные умы настаивают на постижении всего, как они постигают работу паровой машины; но величайшие умы признали реальность непостижимого. Декарт сказал, что "для того, чтобы достичь истинной идеи бесконечного, ее ни в каком смысле нельзя постичь, поскольку сама непостижимость содержится в формальном определении бесконечного". - Бесконечность повсюду, а следовательно, и непостижимость тоже, - сказала Николь.^[533] Христианин, однако, в определенной степени постигает тайну, которую мы сейчас рассматриваем, и, прежде всего, он переживает ее реальность. 'Если, как ясно свидетельствует Священное Писание, ' сказал Кальвин на синоде в Берне (1537 г.), - плоть Христа воистину есть мясо, а Его кровь - воистину питье, из этого следует, что если мы ищем жизни во Христе, мы должны быть таким образом действительно насыщены. Духовная жизнь, которую дает нам Христос, состоит не только в том, что Он оживляет нас своим Духом, но и в том, что Он делает нас силой своего Духа причастниками Своей животворящей плоти и посредством этого участия питает нас для вечной жизни.^[534] Поэтому, когда мы говорим о общении, которое верующие имеют со Христом, мы учим, что они получают общение от Его тела и его крови не меньше, чем от его Духа, так что они всецело обладают Христом.

'Это правда, что наш Господь вознесся на небеса, и что его местное присутствие, таким образом, было удалено от нас. Но этот факт не опровергает нашего утверждения и того, что местное присутствие здесь ни в коем случае не обязательно. Пока мы являемся паломниками на земле, мы не находимся в одном месте с ним. Но нет никаких препятствий для действенности Духа; Он может собирать и объединять элементы, существующие в отдаленных друг от друга местах. Дух - это средство, с помощью которого мы являемся причастниками Христа. Этот Дух питает нас плотью и кровью Господа и таким образом оживотворяет нас для бессмертия. Христос предлагает это причастие под символами хлеба и вина всем тем, кто совершает вечерю правильно и в соответствии с его установлением".

Такова была речь Кальвина. 'Я принимаю как ортодоксальный, - сказал Буцер, ' эту точку зрения наших замечательных братьев Кальвина, Фарела и Вирета. Я никогда не считал, что Христос присутствовал на святой вечере локально.^[535] У него есть реальное конечное тело, и это тело

пребывает в небесной славе. Но, вознося нас верой на небеса, хлеб, который мы едим, и чаша, которую мы пьем, являются для нас сообщением Его тела и его крови".

Кэлвин записал свое мнение. Буцер добавил к нему слова, о которых сообщалось в последний раз. Капито подписал их. Буцеру даже удалось, благодаря умеренности и доброте, *приручить* Кунца; и последний проявил в этом случае некоторую доброжелательность. 'Но, ' сказал Кэлвин позже, ' этот единственный момент вскоре прошел, и он стал хуже самого себя'. Синод признал страсбургцев оправданными, верными христианами, а их исповедание веры ни в коем случае не противоречило гельветическим исповеданиям. Мегандеру было предложено немного изменить свой катехизис в той мере, в какой он касался учения о вечере, и он согласился это сделать. Представители пасторов кантона отправились в гостиницу, где остановились Буцер и Капито, и попросили их о сотрудничестве в устранении разногласий, существовавших между городскими священниками. Сам собор призывал этих пасторов к согласию и миру. Такова была сила речи одного человека, что в тот момент, когда волны были в самом бурном волнении, внезапно наступил великий штиль.

Бог был среди нас, сказал один из сопровождающих. Божественная сила использовала речь реформатора, чтобы утихомирить волнения и установить согласие и единство.[\[536\]](#)

ГЛАВА VII.

ЖЕНЕВА. —ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ, ПРИНЕСЕННОЕ В СОБОРЕ СВЯТОГО ПЕТРА.

(Конец 1537 г.)

ЖЕНЕВА.

Усилия Кальвина увенчались успехом не только в его отношениях с этими христианами, Мегандером и Буцером, или с несчастным Кароли. Радостные предзнаменования, казалось, предвещали ему благословенное и могущественное служение в Женеве. Его реформация, как мы видели, была не только доктринальной, но и нравственной, фактом высочайшей важности для Церкви и для народа. Но, как это бывает во всех человеческих делах, несколько пятен омрачили этот прекрасный аспект его работы. Были введены правила, которые были слишком обстоятельными, и способ подавления, который был слишком законным. В то время Кальвин находил сочувствие со стороны магистратов, которое было ему приятно, но в то же время позволяло гражданской власти вмешиваться в дела, для решения которых должно было быть достаточно морального влияния Церкви. Все его просьбы были удовлетворены. Вместе с Фарелом он попросил четырех проповедников и двух дьяконов, и они были удовлетворены. Он рассказал, что есть проповедник, хороший человек из Прованса, который хотел бы уехать в Женеву, и ему дали место.[\[537\]](#) Один из самых жестоких политиков, Жанен по прозвищу Колония, большой любитель новых связей, после того, как горячо поддержал Реформацию, с присущей ему импульсивностью погрузился в идеи *спиритуалистов* или анабаптистов, и повсюду произносил дерзкие речи по вопросам веры. Совет попросил его 'не огорчать

проповедников" и добавил серьезные угрозы на случай, если он откажется исправляться.^[538] Другой гражданин, чулочник, которого подозревали в том, что он придерживается тех же взглядов, после увещаний пасторов и магистратов заявил, что его сомнения по поводу крещения исчезли, и дал клятву, говорится в Реестре, "жить так, как мы делаем".^[539] 5 октября Фарел и Кальвин объявили, что они будут проводить вечерю, но "были некоторые, кто держался в стороне, придерживаясь мнений Бенуа и Германа; и другие, кто все еще хранил свои четки, которые являются орудиями идолопоклонства". Вслед за этим совет постановил 'отобрать все четки'. Это было гораздо проще, чем отнять веру, знаком которой были четки.

ВЕЧЕРИНКИ В ЖЕНЕВЕ.

Ничто не могло остановить рвение Кальвина. 30 октября он предстал перед советом и изложил различные жалобы. 'Больница, - сказал он, - очень плохо обставлена, и, как следствие, больные страдают. В Женеве есть христианская школа, и, тем не менее, некоторые дети ходят в школу папства. Наконец, следует опасаться, что между гражданами возникнут разногласия, поскольку, хотя одни дали клятву относительно образа жизни, другие этого не сделали.' Больные, молодежь и мир среди граждан - вот вопросы, которые занимали ум реформатора, темы, вполне достойные его внимания. Совет постановил...Больница должна быть обеспечена; все дети должны быть обязаны ходить в христианскую школу, а не в папистскую; и исповедь должна быть потребована от всех, кто еще не сделал этого'. Этот последний пункт неизбежно должен быть самым трудным. Конфликт вот-вот должен был начаться, и каков был бы его результат? Мы только что видели, что в Женеве существовали две партии, более или менее значительные, которые противопоставили себя евангелической реформации — римские католики и спиритуалисты, или анабаптисты. Но была еще и третья сторона, более респектабельная и, следовательно, более грозная. Женевцы от природы были беспокойными людьми и наслаждались свободой и удовольствиями. Сначала они тепло приняли Реформацию, просто думая, что таким образом они будут избавлены от своего епископа и от тех обычаев, которые им не нравились. Но как только Реформация потребовала христианской веры и жизни, пыл женеццев быстро поубавился. Строгость Кальвина и его коллег охладила неистовый пыл их рвения. Они считали навязанные им предписания обременительными и непомерными. Более того, непокорными были не только веселые ребята, любители удовольствий и распутники, как их называют. Было бы большой ошибкой не признать, что в рядах оппозиции были другие мотивы и другие люди.

Мы уже рассказывали о героической борьбе, которая вернула Женеве ее свободу и независимость.^[540] Мы сделали это не столько из-за их внутреннего интереса, сколько потому, что они оказали мощное влияние, будь то во благо или во зло, на Реформацию. Мы видели, как политическая эмансипация допускала религиозную эмансипацию и благоприятствовала ей. Теперь мы должны рассмотреть препятствия, воздвигнутые теми, кто, отвергая папство, не принял Евангелие. Гугеноты (так, как, вероятно, помнят наши читатели, назывались сторонники союза со Швейцарской Конфедерацией) разделились после прибытия Кальвина. Некоторые из них были дружелюбны к Реформации и поддерживали ее; другие высказывались против него и выступали против его работы. Оппозиция состояла не только из людей самого низкого ранга, вульгарных и распутных. С обеих сторон, в великой национальной партии, были благородные личности, почетные граждане. К сожалению, поскольку государство и Церковь в то время были не только едины, но и сливались друг с другом, эти две партии были одновременно и правыми, и неправыми. Политические гугеноты были правы по отношению к Государству и ошибались по

отношению к Церкви; а евангельские христиане были правы по отношению к Церкви и ошибались по отношению к государству. Чтобы еще больше усугубить путаницу, истинные принципы Церкви и государства были в тот период очень мало поняты. Многие выдающиеся граждане, подвергавшие себя голоду, грабежам и смерти ради обретения свободы, решившие не иметь своим господином ни епископа, ни герцога Савойского, ни короля Франции, ни даже Берна; шедшие в авангарде за политическое освобождение Женевы; теперь отстаивали свое право мирно пользоваться свободой, за которую они так долго боролись. Мы восхищались их героической борьбой. Мы не будем клеймить их в этой новой оппозиции. Политически они были правы. В определенном смысле они были правы и религиозно. Религия Иисуса Христа не будет навязана силой, и она отвергает всякое принуждение. В попытке утвердиться в каком-либо городе она одинаково отвергает вмешательство мученических костров Святой Канцелярии и декреты государственного совета. Иисус Христос сказал: *Хочешь ли ты выздороветь?* Здесь не место для исследования помощи, которую эта воля человека получает свыше: мы просто придерживаемся заявлений Спасителя и говорим, что человек должен чувствовать нужду в Евангелии, а если он этого не хочет, никто не имеет права навязывать ему это. Действовать так, как тогда действовали синдики, означало игнорировать божественную духовность царства Божьего и превращать его в человеческий институт. Другой мотив, возможно, способствовал возникновению оппозиции. Фарель, Кальвин, Куро, Сонье, Фроман, и Матюрен Кордые были иностранцами, французами. Они собрали вокруг себя своих братьев, кузенов и некоторых друзей. Эти иностранцы, казалось, взяли верх в Женеве, и это задело чувства старых граждан. Они хотели, чтобы Женева принадлежала женевам, как Франция принадлежала французам, а Германия - немцам.

ВЕРА ПО ПРИНУЖДЕНИЮ.

Кальвин указал собору 30 октября на опасность, которой подвергалась республика из-за существования в ней двух противоборствующих партий, и было постановлено, что те граждане, которые 29 июля воздержались от присяги в евангелическом исповедании, должны быть призваны сделать это без промедления; и для этой цели было назначено 12 ноября. Кальвин, Фарел и их друзья, которые, несомненно, знали цену добровольного присоединения, делали все, что могли, чтобы побудить противников принять Евангелие всем сердцем и не отделяться от своих сограждан в такой момент. Они с добротой призывали их прислушаться к благой вести о спасении и с любовью призывали их к миру и единению.^[541] Действительно были некоторые неприятные разбирательства. Человек, собирающий десятину (*дизенье*), имея в своем округе двух молодых парней, которые упрямо отказывались откликаться на повестку, официально уведомил их о постановлении совета и призвал их подчиниться ему. Вслед за этим эти двое противников пришли в ярость и напали на него, за что были заключены в тюрьму. Но это был единственный случай подобного рода. Однако доброта произвела не больше эффекта, чем насилие. Напрасно кроткие уговоры слетали с уст министров и их друзей; они отталкивали, вместо того чтобы привлекать.

Наконец наступило 12 ноября. Каждый десятинщик созвал тех из своего квартала, кто еще не принес присягу, и их группами повели в собор Святого Петра, десятин за десятиной. Взгляды людей были прикованы к этим опоздавшим. Их сосчитали, но общее число было невелико. Многие вообще не пришли; "и точно так же из тех, кто жил на улице Аллеман, не пришел ни один".^[542] Это было ударом для друзей Реформации. Улица Аллеманд (немецкой Швейцарии) была населена в основном теми, кто рано провозгласил себя сторонником свободы, а затем и

Реформации и кто придерживался гельветических исповеданий. Когда женевские католики 28 марта 1533 года напали на этот отряд с оружием в руках, именно на улице Аллеман реформаты выстроились в боевой порядок, по пять человек в ряд. Именно там самые набожные люди сказали: "Нет ни единой капли утешения для нас, кроме как в одном Боге". Именно там все воскликнули: "Скорее умру, чем уступлю хоть один шаг".^[543] И теперь из всех, кто жил на той улице, не пришел ни один мужчина! Несомненно, некоторые из них уже поклялись в этом признании. Но, вероятно, были и такие, кто возражал против этой доктрины, и другие, которые, подобно Десклефсу, считали божественные заповеди слишком суровыми для себя, чтобы пообещать их соблюдать. Но что больше всего отталкивало этих гугенотов, так это тот факт, что им приказывали действовать, а они знали, что вольны делать или не делать. Они были полны решимости не сгибаться под этим ярмом. После того как они подверглись всевозможным лишениям ради завоевания своей свободы, они не намеревались, чтобы, когда они обретут ее в государстве, она была отнята у них в Церкви. Возможно, они были более правы, чем предполагали, поскольку вряд ли они полностью понимали этот великий принцип: 'Власть магистрата заканчивается там, где начинается власть совести'. Трудность еще более усугублялась тем обстоятельством, что 'те, кто отказался присягнуть на исповедь, будь то католики или гугеноты, были одними из самых влиятельных людей в городе'. Таковы показания государственного секретаря Розет, которая, несомненно, является свидетелем вне подозрений. Но синдикаты и их совет были расположены уступить не больше, чем их противники. Они считали, что у них было столько же прав навязать этот закон, сколько отдать приказ о военном смотре. В тот же день совет постановил, "что те, кто не желает приносить присягу Реформации, должны уйти и поселиться в каком-нибудь другом месте, где они могут жить по своему усмотрению". Два дня спустя Двести человек подтвердили указ, выразившись несколько прямолинейно, "что они должны покинуть город, поскольку не желают подчиняться".^[544] Лук был туго натянут, и никто не желал его разгибать. Кризис становился все более жестоким; потрясение и катастрофа были неизбежны. Единственный вопрос заключался в том, кто станет жертвами.

ПРОТИВНИКИ ПРИНУЖДЕНИЯ.

Граждане, столь легкомысленно изгнанные советом со своей родной земли, едва могли поверить собственным ушам. Что? они произнесли в Женеве: "и Женева прогонит их?" Решено ли, что они должны оставить свои дома, свои семьи, своих друзей, чтобы пойти и есть хлеб незнакомца? Они громко роптали и стойко противостояли этому странному указу, уверенные в своей силе и численности. "Никакого послушания вообще не было"; никто и не подумал собираться. 'Враждебная банда имела такой характер, что лорды не осмелились выполнить свой собственный указ'. Жалобы и угрозы становились громче день ото дня. Самые влиятельные люди восклицали— 'Нынешние синдикаты были избраны путем тайных сделок и интриг. Они нарушили наши привилегии и покусились на наши свободы. Среди них есть трое или четверо, которые поступают так, как им заблагорассудится, с обычным советом и даже с великим советом. Мы должны забрать правительство республики из рук этих двух советов, и отныне всем должен управлять генеральный совет. Эти джентльмены хотят править нами как принцы, но принцами являемся народ, это мы сами.' Эти могущественные недовольные, среди которых выделялся Де Шапоруж, стремились привлечь на свою сторону даже тех своих друзей, которые уже принесли присягу, и адресовали им самые яростные упреки. Многие из последних были потрясены и пытались оправдаться. Они возложили вину на городского секретаря. Они сделали ему выговор (*непропорциональный*) и обвинили его в том, что он заставил их ругаться,

не зная, что они делают. Некоторые даже из тех, кто поклялся, что "примкнул к повстанцам". Все эти недовольные все больше и больше возбуждали друг друга, и они не думали ни о чем, кроме как о том, чтобы на следующих выборах обеспечить себе место синдиков. Авторитетным актом совета было вызвать революцию.

Послы Берна в то время находились в Женеве по какому-то вопросу юрисдикции, и оппозиционная партия попыталась привлечь их на свою сторону. Это было нетрудно. Кальвин и Фарель придерживались базельского признания, которое также было принято в Берне. Теперь приверженность другому признанию была в их глазах нарушением первой клятвы. Однажды на приеме, на котором присутствовали бернские депутаты вместе с магистратами и знатью Женевы, один из послов громким голосом заявил, что все те, кто присягнул на исповеди Кальвина и Фареля, были лжесвидетелями. Присутствовавший там один из лидеров оппозиции Жан Луллен был в восторге, услышав это, и не преминул опубликовать опрометчивое замечание. Казалось, это означало сдачу дела оппозиции, которая, гордясь тем, что бернцы на ее стороне, считала свою победу обеспеченной. Люди начали проявлять беспокойство; и многие, кого в списках совета называют *мятежниками*, кричали на улицах, что 'все должно быть решено на общем совете'. Эти признаки сопротивления сильно огорчили реформаторов и, как говорит хронист, "странным образом повергли Кальвина (*пурменэ*) в заблуждение'. В стенах Женевы волнение усилилось. День становился все темнее, и, казалось, вот-вот разразится гроза.[\[545\]](#)

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ.

Совет был глубоко тронут. Его членов обвинили в том, что они получили свои места незаконным путем, и было обращено обращение к народу. Действительно, казалось, что генеральному совету было бы необходимо принять решение между ними и их противниками. Поэтому 23 ноября синдикаты созвали Две Сотни для обсуждения этого вопроса. Последние проявили решимость поддержать правительство. Действующие магистраты не должны думать об отставке, заявили они, и не должны придавать такого большого значения этим шумихам. 'Весь этот шум поднят определенными людьми, которые не собираются менять свой образ жизни и которые хотят занять место синдиката'. Тем не менее, все понимали, что отказаться от созыва генерального совета невозможно. Кроме того, необходимо было направить депутацию в Берн для рассмотрения важного дела. Назначенным днем было воскресенье, 25 ноября. Было решено подготовить несколько справедливых постановлений для зачитывания собравшимся людям. Оппозиция стремилась избавиться не только от магистратов, но и от реформаторов. Поэтому то, что произошло на соборе, имеет огромное значение. Это было началом контрреформации.

В назначенный день Двести человек, чтобы придать больше торжественности своему выступлению, собрались в ратуше и оттуда сопровождали синдиков и совет в церковь Святого Петра. Эти магистраты остро ощущали обвинения, которые распространяла против них оппозиция, и, имея чистую совесть, они хотели, чтобы народ сделал выбор между ними и их клеветниками. Следовательно, когда ассамблея была сформирована, от имени синдиков и советов к народу было обращено следующее *предостережение*.

"Великолепные, сдержанные, самые дорогие и почитаемые лорды, —

"Лорды-синдики, которых вы избрали согласно вашему обычаю, а также их обычный совет, состоящий из Шестидесяти и Двухсот членов, чувствуют себя оскорбленными разговорами некоторых частных лиц, которые говорят так, как будто они возглавляют генеральный совет, утверждая, что упомянутые советы были избраны путем интриг и нарушили привилегии; что именно они (оппоненты) являются князьями, и что они желают, чтобы в будущем все решалось на общем совете. Синдики и советы желают узнать у вас, джентльмены, прежде чем они продолжат расследование этого вопроса, разрешаете ли вы это. Вы знаете, были ли ваши магистраты избраны в результате интриг трех или четырех граждан, как это якобы было. Вы знаете, что четыре синдика были выбраны вами на общем совете; и хотя в прошлом обычный совет избирался четырьмя синдиками, эти выборы, начиная с 1530 года, проводятся Советом Двухсот.

ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА.

Избранные таким образом, советы спрашивают вас, не признаете ли вы их своими магистратами, чтобы они могли продолжать осуществлять власть, которую Бог дал им в результате вашего всеобщего избрания. Они готовы понести наказание со всей строгостью закона, если будет установлено, что они виноваты; но если будет иначе, они требуют, чтобы те, кто порочит их, понесли наказание, чтобы Бог не прогневался на нас и не отнял духовное господство и свободу, которые он дал нам через Своего Сына Иисуса Христа. Несомненно, он оказал нам больше благосклонности, чем когда-либо оказывал детям Израиля. Но с нами могло случиться то же, что случилось с римлянами, которые из-за гражданских разногласий такого рода мало-помалу потеряли империю, которую они приобрели над миром, и попали в рабство, в котором они все еще находятся.

‘Мы должны молиться Богу, чтобы он послал нам хорошо обученных и богобоязненных людей для отправления правосудия. Но если мы будем относиться к ним с презрением, то мало-помалу не найдем никого, кто мог бы нам служить. Как же может болеть сердце гражданина, когда, отложив свои личные дела ради служения обществу, он получает в награду порицание тех, кто боится наказания и не желает подчиняться законным властям.

"Тогда приходите, джентльмены, один за другим, мирно высказать свое мнение, *да или нет*, чтобы все могло быть сделано хорошо и упорядоченно, во славу Божью и для нашей собственной великой пользы".^[546]

Можно было бы ожидать, что после этого заявления лидеры оппозиции Де Шапоруж и его сторонники изложат в надлежащей форме свои предполагаемые претензии. Они хранили молчание. Это было признанием того, что их обвинение было необоснованным. Им было бы трудно утверждать, что избрание магистратов произошло из-за интриг нескольких человек в присутствии людей, которые сами провели это избрание свободно и с честью. Более того, до очередного обновления состава совета оставалось всего десять недель, и оппозиция не считала, что им следует так долго снимать маску со своих батарей. Было бы лучше потратить время на подготовку перемен, которые они хотели осуществить. Таким образом, после выступления синдиков наступило долгое молчание. Через некоторое время де Шапоруж поднялся; но вместо того, чтобы говорить как трибун, стремящийся увлечь народ за собой, он сделал замечание по поводу акустики: ‘Мы плохо слышим, - сказал он, - отсюда доносится глухой звук’. Нет никого более глухого, чем те, кто не хочет слышать. Фактически, глава оппозиции сделал вид, что вызов и приглашение совета не достигли его ушей, и что это

оправдывает его выступление с ответом. 'Требуется ли повторное чтение?' - спросил первый синдик; никто этого не требовал. Поскольку лидеры молчали, заговорили самые молодые и буйные из их последователей. Возможность была слишком заманчивой, чтобы не вскрикнуть, и вместо замечательного произведения, которое мы искали, было произведено маленькое произведение. Люди, лишенные культуры и знаний, нападали на главных судей. Один человек, только что вышедший из тюрьмы, бросил в лицо реформаторам самые абсурдные обвинения. В собрании царило оживление, как буря в чайной чашке. Молодые люди вызвали эту первую вспышку возбуждения, которое они проявляют в погоне за удовольствиями и которое легко переносят на общественные дела. Клод Серэ, портной, один из тех, кто в феврале играл в "*Пикка-Порраль*", выступил вперед и подал жалобу на Ами Перрен, которая пользовалась большим уважением. Именно он сопровождал Фареля во время его первой проповеди (в 1534 году) в монастыре Рив. Он не был искренне сторонником Реформации, но все еще был связан с реформаторами. 'Перрен,' сказал Серэ, - сказал, что в Женеве есть предатели, люди, которые плохо отзываются о проповедниках. Он сказал, что Поррал был хорошим человеком. Поскольку Поррал был большим другом Реформации, он был по меньшей мере так же ненавистен этим людям, как Фарел и Кальвин. 'Я ответил ему, - сказал Серэ, - что если бы это было так, у него не было повода приводить Фареля в тюрьму, чтобы проповедовать нам, как будто мы воры, которых следует готовить к смерти'. 'Да,' воскликнул один из тех, кто сидел в тюрьме вместе с Серэ, Жак Патту, - "Да, они привели Фареля в тюрьму, и он сказал нам, что скорее выпьет стакан крови, чем будет пить с нами'. Едва он произнес эти странные слова, как Пьер Бутини вскочил на скамью и закричал: "Порре (друзья Порраля) отняли у нас избирательное право, потому что нас, многих хороших людей, схватили без информации и без истцов". — "Я жалуюсь, — продолжал Патту, — что они дали мне повод без причины". - "Я жалуюсь, - сказал далее Серэ, - "что Клод Бернар сказал мне, что я не пойду слушать проповедь Фареля". - "Пусть теперь говорят другие!" - воскликнул он. Бодишон де ла Мезоннев, раздраженный тем, что Сереза начинает все сначала. Но друзья Сереза закричали: 'А мы, мы заставим Бодишона придержать язык'. Тогда Этьен Дадаз, возобновляя череду жалоб, сказал: "Я жалуюсь, что меня отправили в тюрьму по обвинению в намерении продать город'. — 'Тебе следовало бы замолчать, - сказал синдик Гутаз, ' потому что ты привез из Франции предметы, предназначенные для того, чтобы сделать нас подданными короля'. На что Дадаз ответил: "Это не я их сделал, это месье де Ланжи дал их мне". Это, конечно, не оправдывало его, поскольку Ланжи был министром короля.[547]

ЗАПУТАННЫЕ ЖАЛОБЫ.

Наиболее разумные из лидеров поняли, что они должны положить конец этим бурным жалобам, которые разрушали их интересы. Бывший синдик Жан Филипп, друг свободы и отважный, но в то же время опрометчивый человек, ведущий разгульный образ жизни, начал говорить и, обращаясь к секретарю совета Розе, обвинил его в том, что он заставил принести под присягой признание, которого, по его словам, он не давал. Это был не уход от вопроса, а погружение в него. Это была главная жалоба оппозиции, и вопрос требовал расследования. "Мы поступили дурно, поклявшись в этом", - сказал Жан Луллен. ' Послы Берна сообщили нам, что мы были лжесвидетельствованы. Сам де Шапоруж, который поначалу хранил молчание, разгневавшись на секретаря совета Розе, который заставил принести признание под присягой, обвинил его в том, что он был 'свидетелем Сюзанны' (то есть лжесвидетелем). "Господа, - с чувством сказал почтенный Розе, - я долго служил вам, я не совершал злодеяний и не лжесвидетельствовал; и вот де Шапоруж выставляет меня *свидетелем Сюзанны!*' Шапоруж ответил: "Вы сказали мне, перед синдиком Курте, что у вас совсем нет совести'. Курте ответил: "Я никогда такого не

слышал", и все начали смеяться. Жан Филипп, умный человек, выдвинул предложение, которое, по его мнению, могло удовлетворить оппонентов. Он хотел взять синдикат под опеку. 'Джентльмены,' сказал он, 'было бы долгой задачей выслушать в этом месте всех этих истцов и обеспечить их. Мне кажется, будет лучше, если мы выберем на общем совете двадцать пять человек. Это были двадцать пять суперинтендантов, которых он хотел поставить над синдикатами и советом как представителей народа. 'После этого,' продолжал Филипп, 'эти джентльмены проведут свои Малые и Большие Советы, и истцы будут заслушаны перед всеми'. Естественно, Филипп хотел, чтобы эти двадцать пять человек были на его стороне. Синдикаты поняли и возмутились. 'Значит, вы хотите, - сказали они, - чтобы над нами поставили людей?' Хитрый Филипп не потерял нити. "Нелюди над вами, - сказал он, - а генеральный совет над всеми". Затем, как настоящий трибун, он смело обратился к народу. 'Господа, - сказал он, - разве вы не хотите, чтобы генеральный совет был верховным над всеми?' Мгновенно со всех сторон раздались крики: 'Да, да!' Оппозиции удалось таким образом привлечь народ на свою сторону, дни партии у власти были сочтены. Синдики поспешили прервать его. - А теперь, - сказал синдик Кертет, - давайте поговорим о деле.[548]

Затем им пришло в голову, что генеральный совет должен назначить заместителей для поездки в Берн. Три лидера оппозиции, Жан Филипп, Ами де Шапож и Жан Луллен, были предложены самим советом, который предпочел бы видеть их в Берне, где они могли бы поддержать дело республики, чем в Женеве, где они вели войну с правительством. Но трое противников разгадали уловку. "Что касается меня, - сказал Луллин, - у меня есть оправдание, которое не позволяет мне уйти". 'Я придерживаюсь того, что было решено,' сказал Филипп, - что те, кто начал это дело, должны отправиться туда, чтобы завершить его'. — "Я говорю то же самое", - добавил де Шапоруж. Таким образом, трое заговорщиков (если мы можем дать им такое название) проведут зиму в Женеве, и они не будут там бездельничать.

ЗАЩИТА РЕФОРМАТОРОВ.

Гневные упрёки, опрометчивые обвинения и бурные движения этого совета достигли ушей реформаторов, и отчет причинил им много боли. Поэтому на следующий день, 26 ноября, когда собрался Совет Двухсот, Фарел и Кальвин предстали перед ними. Первый сказал: "Сереа обвиняет меня в том, что я сказал, что вместо того, чтобы пить с ним, я бы выпил стаканного крови. Теперь, что действительно произошло, так это вот что. Когда один из них сказал мне: "Вы не желаете нам добра", я ответил: "Я желаю вам столько зла, что охотно *пролил бы за вас свою кровь*". Затем, переходя к сути: "Я слышал, - продолжал Фарел, - что они называют тех *лжесвидетелями*, которые дали признательные показания под присягой. Если вы внимательно изучите его содержание, то обнаружите, что оно составлено в соответствии со Словом Божьим и приспособлено для объединения людей. Ты не поклялся ни в чем другом, кроме как твердо верить в Бога и соблюдать его заповеди.' Один из членов сказал: 'Это не мы, это депутаты из Берна говорили о лжесвидетельстве'. — "Мы бы очень хотели знать, когда они это сделали", - удивленно ответил Фарель. 'Они говорили об этом за столом, в присутствии людей", - сказали синдики Курте и Луллин. 'Мы предлагаем сохранить это признание ценой наших жизней", - ответили реформаторы. Синдики, начиная опасаться, как бы не возбудился ропот в народе, умоляли проповедников быть осторожными, чтобы это дело закончилось хорошо.

Открытие того, что лорды Берна обвинили их в деле об исповеди, стало очень тяжелым ударом для реформаторов. Если бы этот могущественный город объединился с партией оппозиции,

Реформация оказалась бы в большой опасности. Вскоре они обнаружили, что их опасения не были беспочвенными. Бернцы, которые намеревались действовать так, как если бы они руководили Женевской церковью, написали Фарелю и Кальвину: "Нам стало известно, что вы, Кальвин, написали некоторым французам в Базеле, что ваше исповедание одобрено нашей конгрегацией и что наши проповедники ратифицировали его, что не будет доказано (*ne constet* ras). Напротив, именно вы и Фарел согласились подписать наше признание, сделанное в Базеле, и придерживаться его. Мы поражены, что вы пытаетесь противоречить ему. Мы просим вас воздержаться от этой попытки, иначе мы будем вынуждены прибегнуть к другим средствам правовой защиты".[549]

В Берне предполагалось, что эти две конфессии различаются, хотя на самом деле они были в основе своей одинаковыми; и лорды этого города считали, что если у Женевы будет собственное исповедание, их господство окажется под угрозой. У этого молодого француза, прибывшего сюда всего год назад, была душа, как им казалось, слишком независимая. Он был готов разорвать узы, которые связывали Женеву со швейцарскими церквями. Кальвин понимал, как обстоят дела. Он чувствовал, что необходимо просветить бернцев относительно женевского исповедания, и поэтому немедленно отправился с Фарелем в Берн. Два реформатора заявили совету, что подготовленное ими признание не только не делает их лжесвидетелями, но и подтверждает признание Базеля. В то же время они представили его бернскому сенату. Это тело осмотрели, и было объявлено, что состояние очень хорошее. 'Мы собираемся отправить послов,' заявили бернские лорды, 'и они заявят вашему генеральному совету, что слова, сказанные нашими депутатами, были произнесены не от нашего имени'. Достигнутое удовлетворение было блестящим. Реформаторы добились своего.[550] Они без промедления вернулись в Женеву; и, будучи приняты 10 декабря в обычном совете, они сообщили ему о счастливом исходе своего путешествия.[551] Но в Берне были определенные лица, которые желали, чтобы Женевская церковь была передана в подчинение Бернской. Предполагаемое посольство могло помешать их планам, и они решили предотвратить это. С этой целью они не побоялись даже очернить реформаторов. Они утверждали, что женевские проповедники говорили в своих проповедях, что *все зло* пришло из Германии! (то есть из Немецкой Швейцарии, из Берна). Бернцы изменили свое мнение и написали в Женеву, 'что они не будут посылать послов'.[552]

ИХ ОПРАВДАНИЕ В БЕРНЕ.

Кальвин и Фарель были поражены. Письмо из Берна пришло 13 декабря. Утром 14-го они отправились в совет и попросили, чтобы Двести человек были созваны на вторую половину дня. Перед этим собранием они повторили, что после того, как их выслушали, бернские магистраты заявили, что 'дело (признание) было сделано хорошо'. Что касается обвинения в том, что они сказали, что *все беды исходят от Германии*, они указали, что, поскольку послы вот-вот будут отправлены в Берн, им следует дать указание выяснить, кто именно сообщил о подобных вещах. Совет постановил, что Фарель сам должен отправиться в Берн с послами и провести расследование.[553]

Депутатами Женевы, которым было поручено защищать перед правительством Берна определенные государственные интересы, были Клод Савоя, Мишель Септ, Клод Розе, секретарь совета и отец хрониста; все они были настоящими друзьями реформаторов и волхвов; и Жан Луллен, который, наконец, согласился войти в состав посольства и который был

единственным представителем оппозиции.^[554] Они отправились в Берн вместе с Фарелем; и после того, как последний дал удовлетворительные объяснения, бернские магистраты 22 декабря написали в Женеву, "что они и их проповедники пришли к выводу, что женевское исповедание соответствует воле Божьей и Священному Писанию и, следовательно, соответствует их собственной религии". Они добавили: 'Приведите тогда эти дела в надлежащий порядок. Пусть прекратятся раздоры и пусть будут посрамлены зловещие интриги нечестивых'.^[555]

Позволят ли страсти, которые руководили одной частью женецев, последовать такому доброму совету? Им не пришлось долго ждать ответа на этот вопрос.

ГЛАВА VIII. БЕСПОРЯДКИ В ЖЕНЕВЕ. (январь и февраль 1538 г.)

ВОЛНЕНИЯ В ЖЕНЕВЕ.

Шесть дней спустя, 28 декабря, Фарел и Кальвин предстали перед советом и заявили, что вскоре они приступят к празднованию вечера Господней, и попросили поддержать их в их *наставлениях тем, кто ведет порочную жизнь*.^[556] В призыве жить хорошо не было ничего отвратительного. Если человек живет плохо, долгом становится умолять его жить хорошо. Это прежде всего долг верных пасторов, особенно перед приближением ужина. Но какие нужны были служители, будучи *поддержан* магистратом? Этот запрос превратил религиозный акт в гражданское дело и, таким образом, полностью изменил его природу. Ответ реформаторам был отложен до возвращения делегатов, отправленных в Берн. Этот шаг реформаторов вызвал раздражение у тех, кто предполагал, что они окажутся в числе объектов предостережения. Клод Серэ, у которого был развязан язык, этот источник всех споров, дерзко заявил в присутствии многочисленной компании: "Фарель - плохой человек".^[557] Другие приняли участие вместе с ним в осуждении министров. Они позволяли себе умалять, порочить, произносить резкие речи; они искали во всех направлениях все, что могло быть воспринято неправильно. Сначала это был всего лишь небольшой пожар, но мало-помалу он распространился повсюду. 1 и 2 января (1538 г.) совет был занят этим делом и постановил, что "те, кто распространял оскорбления в адрес проповедников по городу, должны предстать перед лейтенантом по просьбе генерального прокурора". 'Мы увидим, - сказали они, 'кто плохой, и плохие будут наказаны'.^[558] Проповедники не жаловались, но именно их неудачное обращение к собору дало повод для этих оскорблений. Такого волнения, конечно, не возникло бы, если бы каждый пастор в соответствии с заповедью Иисуса Христа — "Пойди и скажи ему о его вине между тобою и им одним" - обращался к тем, кто был достоин порицания, доброжелательно и конфиденциально. Один факт, однако, оправдывает проповедников: они не были вольны действовать иначе, чем они действовали. Государство решительно поставило себя выше Церкви и вмешивалось в дела, которые касались только пасторов. Если бы последний сделал выговор некоторым гражданам без согласия совета, они, несомненно, были бы обязаны сделать выговор самим себе. Вина

прежде всего лежала на магистрате. В течение нескольких лет Женева плавала на волне *Цезаропапии* (управления Церковью государством).^[559]

3 января реформаторы снова предстали перед советом. Они пришли не для того, чтобы жаловаться на оскорбления, которым они подверглись. Они предложили более благородную цель - объединение всех членов Церкви в одной вере и одном милосердии. Они нарисовали яркую картину раздора, который рос день ото дня, и разногласий, разжигаемых в республике мятежными духами; и они показали, что одним из лучших методов применения лекарства было бы не допускать нарушителей спокойствия к ужину. 'Поскольку решено отмечать его в следующее воскресенье,' сказали они, 'мы придерживаемся мнения, что этих людей не следует впускать. По этому вопросу нам хотелось бы узнать мнение совета.'^[560]

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

Это исключение, предложенное сенату, является одним из самых серьезных фактов женевской реформации, и оно поддерживало ажиотаж в городе почти на протяжении целого поколения. В чем же тогда были правы реформаторы, а в чем ошибались они? Общество - это собрание людей, которые, хотя и расходятся во мнениях по некоторым вопросам, находятся в согласии по вопросу, составляющему саму суть их союза. Общество финансистов состоит не из людей, которые ничего не смыслят в денежных делах. На ученый факультет принимаются не необразованные люди. В полк не набирают одноруких людей. Люди, которые ничего не знают по-французски, не избираются в Сорок членов Академии. То же самое происходит и с христианским обществом. Его члены могут отличаться друг от друга во многих отношениях — политическом, литературном, социальном и т.д., — но христианская вера должна руководить ими всеми. Еврей или мусульманин не принадлежит к Церкви Иисуса Христа; а человек, который отвергает факты, доктрины и обязанности христианства, не является христианином. "Птицы одного полета слетаются вместе", - гласит расхожая пословица. Должны ли реформаторы игнорировать такую элементарную истину? В Женеве все еще оставалось несколько римских католиков; были так называемые *спиритуалисты*, многие из которых не верили даже в нематериальность души; было также большое количество граждан, которые не соглашались с верой, изложенной в исповеди, сделанной в соборе Святого Петра. Должна ли такая беспорядочная масса, в которой невозможно понять, где находишься, образовывать Женевскую церковь? Должна ли эта Церковь быть

'De tant d'objets divers le bizarre assemblage?'^[561]

Не напомнило бы ли бы это в таком случае кого-нибудь о неких чудовищах, о которых говорили древние, обладающих строением, противоречащим природе? Реформаторы были правы, когда ответили "Нет". Но в чем они были неправы, так это в требовании от всех граждан принести присягу в соответствии со своим исповеданием. Могли ли они вообразить, что акт, которым Женева порвала с папой, преобразил, как по мановению волшебной палочки, всех женеvцев, так что с этого момента все они искренне уверовали и все должны были исповедоваться устами *Nascitur homo, подходящий Христианину*, сказал Тертуллиан во втором веке. Человек *рождается* мужчиной, но *становится* христианином. Делать вид, что все те, кто принадлежал государству, принадлежали в то же время и Церкви, было иррационально. Издавать указ о том, что те, кто не желает приносить присягу на исповеди, должны покинуть город и отправиться в другое место, было незаконно. Что, изгнать из Женевы людей, которым Женева обязана своей независимостью! Такая чудовищность не могла не привести к

революции. Слияние Церкви и государства в едином обществе является источником тех изъянов, которые в некоторых случаях обезобразили славную работу Реформации. Но как разрешить дилемму? как допустить два противоречивых утверждения? Как исключить и сохранить одновременно?

Ранняя Церковь добилась этого. У него были свои *ἀκροῦμενοι*, *audientes*, слушатели. Вместо того чтобы исключать тех, чья вера еще не сформировалась, она с любовью приглашала их послушать проповедь Слова Божьего. Они присутствовали на службе и участвовали в молитвах, не принимая участия в таинствах вечери Господней, приближаться к которым они робко уклонялись. И когда на их опыте свершился тот великий процесс христианской жизни, о котором говорит святой Павел — *Вера приходит через слушание* — они причастились на священном празднике. Возможно, Женева еще не созрела для такого порядка вещей.^[562]

Совет собрал Двести человек, чтобы обсудить, какой ответ следует дать реформаторам. После сцен, разыгравшихся на совете 25 ноября, синдики стали более робкими. Они боялись того, что могло бы спровоцировать людей и толкнуть их на какие-либо опрометчивые действия, и чувствовали себя менее склонными поддерживать реформаторов. Было зачитано письмо из Берна, в котором одобрялось это признание и содержался призыв к согласию. Троим из членов церкви, которые не дали признательных показаний под присягой — Де Лесклефу, Манлиху и Амо — было предложено поступить так же, как поступили другие. Первые двое принесли требуемую присягу; один Амо отказался. Тогда совет, посчитав, что они зашли достаточно далеко, отказался от меры, которая могла иметь серьезные последствия, и постановил 'никому не отказывать в ужине'.^[563]

Таким образом, магистраты наотрез отказали министрам. Это стало уроком для Кальвина и его друзей. Это решение противоречило их убеждениям; но поскольку они знали, что совет в глубине души дружелюбен к Реформации, они не чувствовали себя обязанными противиться его воле. Они продемонстрировали умеренность, примирение и терпение. Некоторые, возможно, скажут, что они зашли в этих добродетелях слишком далеко. Они уступили. Это не то преступление, в котором их обычно обвиняют. Ужин был отпразднован, и никаких беспорядков не было.

РАССТРОЙСТВА.

Но, хотя причастие прошло чинно, после него возникли проблемы. Оппозиционная партия рассматривала это всеобщее признание как свой триумф; и когда они увидели, что советы больше не прислушиваются к заявлениям министров, их дерзость возросла. Снова были замечены группы мужчин, состоящие из наименее респектабельных слоев населения, разгуливающих по городу с зелеными цветами на шляпах. Они потворствовали актам насилия; они раздражали тех, кто присягнул Реформации; 'они обнажали свои мечи и обращали других в бегство'. Таверны были переполнены этими людьми, которые ели и пили в избытке. Каламбуры и сарказмы сыпались со всех сторон. Даже святыни превращались в посмешище. Точно так же, как святой Павел адресовал свои Послания своим *братьям во Христе*, так и евангельские христиане Реформации давали друг другу этот титул. Остряки заметили это и не преминули посмеяться над этим. "Компания пьяных мужчин, - говорится в "Реестрах" от 16 января, - прошла ночью по городу и по винным лавкам, насмехаясь над проповедниками и говоря друг

другу: "Ты один из братьев во Христе" и другие вещи в том же роде. Эти насмешники, придя на вечерю Господню, на которую все были допущены по приказу Совета, в шутку называли себя *братьями*. Жан д'Орбэ спросил Клода Жаккара: "Ты из братьев во Христе?" и, дав великую клятву, добавил: "Ты расскажешь в этом". Многие люди, встревоженные этим нарушением порядка, с трепетом ждали генерального совета, который должен был состояться пятнадцатью днями позже. 'Там будет много ударов мечом, - говорили они, - так что мы не захотим туда ехать'. Раздор, царивший в Женеве, взволновал также соседние районы страны. Совет Двухсот был глубоко тронут всеми этими сообщениями и полон решимости провести расследование и наказать виновных. Мера, принятая советом для предотвращения беспорядков, была именно той, которая фактически их вызвала.^[564]

Все это сильно огорчало Кальвина, и в то же время ему приходилось переносить и другие горести. Человек мягкого нрава, склонный к созерцательности, на которого постоянно возобновляющаяся борьба, к которой призывали реформатора, производила самое тягостное впечатление, в то время жил с ним в тесной дружбе. Луи дю Тийе, каноник и архидьякон Ангулема, был впервые привлечен к Евангелию живым благочестием Кальвина, за которым он последовал в Швейцарию, Италию и Женеву. Но постепенно между мастером и учеником выросла ощутимая разница. По мнению Дю Тийе, доктрина Церкви была важнейшим вопросом, и восстановление апостольской Церкви должно было стать целью Реформации. 'Давайте протестовать,' сказал он, 'против злоупотреблений Римской церкви, но давайте восстановим католицизм первых веков. Именно там скрыт христианский зародыш; давайте остерегаться останавливать его развитие. Реформация, если только она не хочет разочаровать справедливые надежды, которые она возбудила, должна восстановить в мире единую святую, вселенскую Церковь. Единственный открытый нам путь для выполнения работы, которую христианское государство требует от нас, - это вернуться к началу и восстановить Церковь первых веков. Увы! фатальные разногласия уже угрожают внести раскол в новую Церковь. Пусть рука Божья избавит ее от этого заблуждения и утвердит ее на основании апостолов и отцов Церкви. Реформация не должна, высоко превознося Иисуса Христа, слишком сильно унижать Церковь. Давайте позаботимся о том, чтобы поток, который мы направляем в конюшни, чтобы очистить их, не унес стены и фундамент. Реформа Церкви не должна стать ее уничтожением. Несомненно, Католическая Церковь является столпом истины, и согласие этой Церкви является непогрешимой поддержкой и полной уверенностью в истине'.^[565]

LOUIS DE TILLET.

Кальвин не затруднился ответить своему другу, Старому католику. Он указал ему, что там, где царит ложь, не может быть Церкви; что состояние папства, хотя в нем еще могут сохраняться какие-то остатки истины, было таково, что те, кто отказался от него, не создали раскола. Он добавил, что мы не могли ждать, пока папство реформирует само себя; что все соборы, собиравшиеся в пятнадцатом веке и даже раньше с целью выработки этой реформы, потерпели неудачу. Он настаивал на том, что мы должны вернуться не к католицизму первых пяти или шести веков, а к Евангелию - к священным писаниям апостолов, — в которых истина преподается во всей ее чистоте. Кэлвин отстаивал свой тезис энергично, нет, как он сказал, грубо.^[566] Гонимый от пункта к пункту, колеблясь между доктриной Священного Писания и доктриной соборов и отцов церкви, меланхолический и тоскующий, Дю Тийе тайно покинул Женеву, принял решение вернуться в католическую церковь и сказал об этом Кальвину.

Реформатор написал ему 31 января 1538 года с умеренностью и смирением, но в то же время твердо. "Что огорчает меня больше всего, - сказал он ему, - так это боязнь повредить вам рассудок своей неосторожностью, ибо, признаюсь, в общении с вами я не проявил той скромности, которой был обязан вам. Однако я не могу скрыть от вас, что был очень удивлен, узнав о вашем намерении и причине, которую вы называете в своих письмах ко мне. Это изменение, произведенное так внезапно, показалось очень странным, учитывая постоянство и решительность, которые вы проявили. Присоединиться к тому, что противоречит Церкви, - значит отделиться от нее.'^[567] Это не помешало Дю Тийе снова стать католиком и оставаться им.

ДВЕ СТОРОНЫ.

Однако внимание Кальвина в это время было привлечено и поглощено другими объектами. Волнения, охватившие Женеву, были вызваны не только религиозными доктринами. Оппозиция хотела прийти к власти; и если бы ей это удалось, дни Реформации, по-видимому, были бы сочтены. Лидеры действовали осмотрительно, но они не могли обуздать неугомонность своих приверженцев. В республике были две совершенно разные партии. Один стремился любой ценой вырвать правительство из рук синдиков и советников, которые поддерживали реформаторов, и занять их место; другой хотел назначить магистратов, которые будут упорствовать в том курсе, на который вступил совет. Теперь две стороны стояли лицом к лицу. Атакующая сторона решительно и с большим шумом двинулась на штурм, полная решимости вступить в драку, если потребуется. "Оскорбления и крики множились по всему городу, как ночью, так и днем".^[568] Волнение с каждым днем становилось все сильнее. 'В следующее воскресенье будут назначены члены синдиката, - говорилось в нем. - Начнутся беспорядки; мы должны идти на выборы с оружием в руках'. Один из самых яростных противников, у которого в шляпе был лук-порей, выкрикнул: "Сегодня мы носим *зеленые* левзеи, но в этот день будет много *красных* головок".^[569] Эти симптомы встревожили не только пожилых и больных, но и умеренных мужчин, которые иногда бывают немного робкими. Использование угроз для того, чтобы удержать граждан противоположной партии от голосования, является достаточно распространенной практикой слепой демагогии. Она достигла своего конца. Эти яростные выступления сильно огорчили пасторов. Опасаясь, что прольется кровь, они предстали 1 февраля, за два дня до выборов, перед Советом Двухсот и сделали мудрое (*прекрасное*) замечание. Лейтенант полиции Анриод Дюмолар, один из борцов за свободу, пользовавшийся всеобщим уважением, подтвердил эти опасения 'на основании достоверной информации'. Совет постановил заключить в тюрьму тех, кто угрожал пролить кровь, и принять другие меры с целью предотвращения в назначенный день беспорядков или конфликта.

Но если буйные члены оппозиции теряли свое влияние, более способные люди наносили эффективные удары по порядку вещей, установленному реформаторами и магистратами. Они напомнили о древних привилегиях Женевы и битвах, которые велись в их защиту. Они показали, что сам епископ не требовал от них столь твердой приверженности доктрине и не навязывал им таинств, столь оскорбительных с точки зрения морали. Под предлогом стремления к сохранению свободы эти люди завоевали высокое уважение в народе.^[570] Тем не менее, по их словам, они хотели реформы. Несомненно, они хотели. Но, если мы можем судить по их неприятию исповеди и дисциплины, они хотели реформы без участия веры или закона. Такого не было у Кальвина; и только это в условиях грандиозного кризиса шестнадцатого века и посреди столь многочисленных и разнообразных нападений могло сделать Женеву сильным и

непобедимым городом. Жизненно важные доктрины христианства, которые являются спасением личности, также необходимы для процветания наций. Это доказывается великими примерами. Женева без Евангелия, без Кальвина не завоевала бы симпатии евангельских народов и не обладала бы моральной силой, необходимой для преодоления великих опасностей. Ослабленный, обессиленный и коррумпированный, этот город вскоре потерял бы свою независимость, как это произошло со всеми свободными городами средневековья в Италии и других странах. Они были один за другим вынуждены склоняться под мечом своих соседей и под игом Рима. Свободный народ должен иметь религию высокого качества (*de bon aloi*). Призывать народы выбросить христианство из своей груди, как это сделали некоторые опрометчивые или преступные голоса, - значит призывать их предать смерти свободу, нравственность и процветание. Это значит проповедовать им самоубийство.

ВЫБОРЫ СИНДИКОВ.

Собиралась ли тогда Женева провести над этим суд? Наконец наступило 3 февраля, день выборов. Оппозиция, которая с самого начала была меньшинством, но меньшинством того непреклонного типа, которое обычно побеждает, преуспела в убеждении людей, что, если они хотят сохранить свои свободы, они должны сменить правительство. Генеральный совет собрался в монастырях Святого Петра, и первый синдик сказал после соблюдения обычных формальностей: "Выборы синдиков — дело столь великой важности, что этого будет достаточно, чтобы занять нас сегодня без каких-либо других дел. Пусть каждый мирно отдаст свой голос, и пусть никто не будет настолько опрометчив, чтобы сеять беспорядки ни словом, ни мечом. Любой, кто сделает это, будет отправлен в тюрьму, а впоследствии понесет наказание в соответствии с его заслугами". Двести человек, согласно обычаю, представили восемь имен, и генеральный совет должен был сохранить четырех из них. Под рукой были два секретаря, которые подсчитывали голоса, и вскоре граждане, выходя группа за группой, отдавали свои голоса. Из восьми кандидатов народ выбрал троих, которые поставили себя во главе оппозиции и которых беспристрастность Двухсот человек побудила их выставить вместе с остальными. Этими тремя были Клод Ришарде, который с яростным жестом заявил, что они не заставят его сесть в тюрьму; Жан Филипп, предложивший в генеральном совете назначить двадцать пять граждан для наблюдения за синдиками; и Жан Луллен, обвинивший совет в нарушении привилегий. Этих трех врагов нового порядка вещей называли синдиками. Но их должно быть четверо. Оппозиция предполагала, что четвертым кандидатом также должен быть представитель их партии, но она не нашла другого кандидата в списке совета. Независимо от правила по этому вопросу, они выбрали гражданина, который не был предложен Двумя сотнями, — Де Шапоружа, который сильно скомпрометировал себя горячностью своих речей против реформаторов. 4 и 5 февраля выборы советников в качестве помощников синдиков прошли почти в том же духе.

Победа оппозиции была полной. В этом маленьком городе произошла великая революция. Граждане пришли к решению такого характера, которое должно было вызвать беспорядки и подготовить путь к их гибели. Это вскоре стало очевидным среди низших классов. За выборами последовали, особенно ночью, шумные прогулки, распущенные песни в тавернах, оскорбления и богохульства. В Женеве, как и во Франции, песня была одной из форм оппозиции. Люди пировали, пили и слагали песни в честь своих врагов. Таким образом, эти незаконные подданные добились своего триумфа на свой лад. Но Кальвин и Фарель без колебаний предстали перед советом, в котором заседали их противники, и потребовали подавления этих

беспорядков. Новые синдики были самыми решительными из граждан в том смысле, что выступали против реформаторов; но они были умными людьми и не желали, чтобы зло дошло до крайности. Более того, история дает нам множество примеров изменений, происходящих в отдельных людях в результате прихода к власти. Иногда священнослужителя, яростно выступающего против посягательств римского престола, назначали папой, и он после этого становился самым убежденным папистом. Магистраты с самого начала не желали компрометировать себя, вступая в союз с развратниками; поэтому они распорядились, чтобы правосудие свершилось по требованию пасторов. На улицах раздался звук трубы, и представитель городского совета закричал: "Никто не должен петь непристойные песни, содержащие имена жителей Женевы; никто не должен входить в город без свечи после девяти часов вечера; никто не должен сеять смуту под страхом быть посаженным на хлеб и воду на три дня за первое преступление, на шесть дней за второе и на девять за третье".^[571] Сразу после своего избрания новый совет продемонстрировал умеренность и беспристрастность. Жан-Жак Фарель, брат реформатора, ответивший на угрозы оппозиции о том, что он пойдет вооруженным к генеральному совету, был отправлен в тюрьму советом, сформированным из его собственной партии. После новых выборов Фарел заступился за своего брата, и новый совет на своем заседании 5 февраля освободил его, поскольку, согласно Реестрам, ему уже оставалось три или четыре дня в тюрьме. Буйным парням показалось очень странным, что магистраты, отпустившие брата Фарела на свободу, вознаградили их, людей, которые поставили их на эту должность, запретив петь за их столами, посреди их чаш, которые были для них таким восхитительным занятием. Но, несмотря на эти проявления, революция была не менее глубокой и решительной; и сомнительно, чтобы беспорядки прекратились даже после трубного звука.

МОНШЕНЮ В ЖЕНЕВЕ.

Поведение синдиков по отношению к тем, кто был до них, сразу показало, что они не упускали из виду одну из главных целей своего избрания. Француз, сеньор де Моншеню, находясь в Женеве, распорядился разослать письма трем женевским членам совета, Клоду Ришарде, Клоду Савойе и Мишелю Септу, в которых говорилось, что если женевцы станут подданными короля Франции, он оставит им их обычаи и свободы, укрепит их город и ответит за них в случае нападения. Услышав это, Берн встревожился и предупредил женевцев, чтобы они были настороже. Когда советы собрались, они приказали дать ответ французскому агенту, что Женева больше не будет заниматься подобными проектами, и постановили, что каждый француз, обнаруженный бродящим по территории республики, должен быть выслан. Нелегко было отнестись к письму, которое было написано им, как к преступлению со стороны трех женевцев, тем более что первым, кому оно было адресовано, был Клод Ришарде, тогдашний синдик, яростный враг министров и священников. Тем не менее, они нашли способ использовать эти письма, не принимая во внимание Ришарде. Он, однако, был не только скомпрометирован, как и двое других, получением письма, но против него был один серьезный факт. Моншеню появился ночью с несколькими всадниками у ворот Женевы, а Ришарде, в то время синдик, отправился к ним по их просьбе, приказал открыть большие ворота и ввел французов в город. Моншеню предложил Ришарде поужинать с ним наедине, но тот отказался. Когда впоследствии Клод Савойя призвал его объяснить это обстоятельство в совете, Ришарде заявил, что он думал, что Моншеню направляется с посольством в Германию, чтобы доставить солдат для короля. Если бы это приключение случилось с кем-либо из других женевцев, получивших письмо, например, с Клодом Савойей, чего бы не было сказано? Но Ришарде был

так же невиновен, как и его соотечественники. Женевец не предает свою страну. В остальном он заверил совет, что у него не было иного намерения, кроме как доставить ему удовольствие.

Как бы там ни было, по предложению Монатье, одного из самых жестоких членов партии, находившихся тогда у власти, совет отстранил Клода Савойя и Мишеля Септа от их обязанностей до тех пор, пока это дело не прояснится. Было отмечено, что использовать свое господство для того, чтобы возбудить любое тяжкое дело против своих противников, было традиционной склонностью, которой женевские партии слишком долго потворствовали.^[572] Аналогичным образом трое бывших членов синдиката и член совета были отстранены от должности по обвинениям, выдвинутым людьми сомнительной респектабельности. Таким образом, новое правительство обеспечило себе большинство в Совете Двухсот.^[573] Жалкая победа партийного духа! Все жадно искали жалобы на павших магистратов.

СМЕШЕНИЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА.

Похоже, что Кальвин порицал это действие и, считая его противоречащим справедливости и истине, назвал его делом рук того, кого Священное Писание называет *отцом лжи*. В связи с этим было решено предупредить проповедников, что они не должны вмешиваться в дела магистрата, но проповедовать Евангелие.^[574] Кэлвин глубоко это чувствовал. Разве справедливость не содержится также в Евангелии? Разве служитель не должен требовать ее? В то время большинство женевцев проявляло такую враждебность к реформаторам, что сами бернцы, когда они прибыли в Женеву, чтобы выступить против Моншеню, взялись за их защиту. Фареля обвинили в том, что он сказал в Берне: 'В Женеве идет борьба, потому что одна партия хочет мессы, а другая - Евангелия'. — "Фарель никогда не говорил ничего подобного, - заявили бернцы генеральному совету. - Мы просим вас относиться к нему благосклонно, поскольку он свободно проповедовал Евангелие'. Конечно, Кальвин, Фарел и все пасторы должны подавать пример уважения к властям. Но государство и Церковь были тогда так тесно связаны, что их почти смешивали друг с другом; и поскольку сами магистраты занимались религией на своих советах, неудивительно, что служители говорили о работе советов в своих проповедях. Независимость мирского от духовного была еще далека. Не следует забывать, что для Женевы это была творческая эпоха. Магистраты и реформаторы работали над организацией государства и Церкви. Более того, в этом бизнесе мораль была под вопросом, и неудивительно, что служители Бога думали, что мораль находится в их компетенции. Но магистраты смотрели на этот вопрос в другом свете и не собирались, чтобы кто-то читал им лекцию. Кальвин был скован не только в своей проповеди, но еще больше в исполнении своих пастырских обязанностей. 'В целом, ' писал он Буллингеру 21 февраля, - на нас здесь смотрят скорее как на проповедников, чем как на пасторов. У нас не может быть Церкви, которая устоит, если не будет восстановлена дисциплина апостолов'. Однако он не терял надежды. 'Есть много изменений, которых мы искренне желаем, ' писал он далее своему другу в Цюрих, - но которых можно добиться, только если мы приступим к ним с верой, усердием и настойчивостью. О, если бы между нами наконец установилось чистое и искреннее согласие! Будут ли какие-либо препятствия на пути проведения заседания синода, на котором каждый мог бы предложить то, что, по его мнению, полезно для Церквей?"^[575]

Потеряв всякую надежду на государственные институты, реформатор обратил свое внимание на институты Церкви. Пока у власти были искренние друзья Реформации, Фарель и Кальвин

проявляли дух уступчивости даже в важных вопросах. Когда совет, например, постановил, что в ужине никому нельзя отказывать, они уступили. Но теперь, когда они увидели во главе дел людей, выступавших против порядка в Церкви, они больше не считали своим долгом уступать. Они не позволят государственным властям организовать духовное тело по их желанию. Они будут бороться с представлениями, противоречащими, как они думают, Слову Божьему. Они будут бороться с ними своими молитвами и усилиями, а также своим сопротивлением. Настал момент сказать вместе с Лютером: "Я не могу поступить иначе" (*Ich kann nicht anders*). В таком решении было достаточно, чтобы вызвать бурю. Но другие взрывы, не менее стремительные и дувшие с других сторон, вскоре обрушились на реформаторов.

ГЛАВА IX.

БОРЬБА В БЕРНЕ.—СИНОД В ЛОЗАННЕ. (1538 г.)

Положение дел в Берне изменилось после синода в сентябре 1537 года, на котором Кальвин, появившись на сцене в качестве вестника мира, принес согласие после раздоров. Мегандер, Эразмус Риттер и Рэлликанец жаловались на прогресс *буцеризма*, а их противники жаловались на них как на нарушителей спокойствия. Мегандер, как можно вспомнить, согласился во время заседания синода внести небольшие поправки в свой катехизис. Теперь Буцер сам в своем рвении взялся за эту задачу, и совет, не посоветовавшись с Мегандером, напечатал пересмотренный и дополненный катехизис. Это был поступок одновременно неосмотрительный и не заслуживающий уважения. Бернские лорды привыкли в какой-то степени играть роль автократов. Мегандер был глубоко уязвлен; и, представ перед советом вместе с Эразмусом Риттером, он заявил, что он твердо решил не становиться лютеранином и что, следовательно, он не может допустить исправлений Буцера. Кунц и Себастьян Мейер, с другой стороны, решительно защищали катехизис в редакции страсбургского врача.

БОРЬБА В БЕРНЕ.

Государству, когда оно вмешивается в богословские дискуссии, не хватает необходимого такта, и оно слишком часто находится под влиянием соображений, чуждых религии. Совет ответил учительским тоном, что катехизис соответствует Писанию; и деспотически добавил, что Мегандер и Риттер должны принять его таким, каков он есть, иначе они будут немедленно лишены своих должностей. Риттер, который не нашел в катехизисе ничего, что по сути ставило бы под угрозу христианскую веру, подчинился. Но Мегандер выдвинул более или менее обоснованные возражения. Он был уязвлен в своем *самолюбии* писателя и, наблюдая за стремлением своих противников досадить ему, понял, что его положение в Берне стало шатким. Поэтому он стоял на своем и получил свой *conge*: меру, в которой, однако, они проявили определенное уважение. Был конец 1537 года. Затем он уехал в Цюрих, который принял его с распростертыми объятиями.^[576]

Это решение бернского правительства вызвало большую сенсацию. Цюрих обратился к Берну с резким протестом. Сельские пасторы Бернского кантона громко жаловались на правительство и церковных советников и спрашивали, намерены ли эти джентльмены отречься от

Реформации. 22 января 1538 года в Арау состоялось собрание, на котором было решено сделать представления совету; и декан Арау Цендер, назначенный главой депутации, представил жалобу. 1 февраля было назначено на слушание дела двух противоборствующих сторон. Но в то время как Кунца и его коллег впустили в зал совета и они заняли свои места рядом с президентом, декан и министры стран ждали у двери. Как только они были впущены, Кунц обратился к ним с надменным видом и сделал им выговор громким и строгим голосом. Сельские деканы ответили, что они не хотели, чтобы городские священники управляли ими, как мальчиками - их школьный учитель. Дискуссия разгорелась,^[577] и даже члены совета приняли участие в ссоре.

Теологические мотивы, как мы можем видеть, были не единственной причиной оппозиции, поднятой министрами страны. Кроме того, существовали правила, которые городские священники взяли на себя, и власть, которую совет присвоил себе в Церкви и в силу которой он деспотически лишил Мегандера. Сельская партия не хотела аристократии городского духовенства; городская партия, мирская и клерикальная, понимала это. Поэтому мало-помалу они оба сбавили тон и вместо того, чтобы ссориться, стремились к примирению. Городские депутаты согласились с двумя изменениями в катехизисе, пересмотренном Буцером, и заявили, что сельские депутаты действовали достойно. Последние, со своей стороны, признали, что их коллеги из Берна не утратили веру в Реформацию. Были принесены извинения за резкость, которая была придана дискуссии. Городские священники нанесли визиты приезжим из провинции; они проводили их в дом ректора, первого священнослужителя кантона, который оказал им самый теплый прием; они вместе ели и пили, и, наконец, эти добрые швейцарцы расстались в наилучших отношениях друг с другом.^[578] Сердечное письмо, которое Лютер написал швейцарцам 1 декабря 1537 г.,^[579] еще больше успокоило их умы. Доктрина, изложенная Кальвином на сентябрьском синоде, к которой присоединились Буцер и Капитон, была признана в Берне истинной доктриной. Эразмус Риттер, прежде всего, был искренне предан этому делу. Существовала некоторая надежда найти в нем основу для объединения; и с его помощью мелкие разногласия протестантизма должны были исчезнуть.

ИЗГНАНИЕ МЕГАНДЕРА.

К сожалению, у Лютера всегда были ученики, которые были большими лютеранами, чем он сам. Кунц и Себастьян Мейер были из этого числа. Недовольные признанием Кальвина, которое для них было обременительным ярмом, они стремились сбросить его. К ним присоединился новый священник, только что призванный в Берн; но так как он был наделен тихим, благоразумным и покладистым нравом, он постоянно стремился, хотя и был решительным последователем Лютера, умерить пыл двух своих буйных коллег. Это был Симон Зульцер. Он был незаконнорожденным сыном католического настоятеля Интерлакена и провел свою раннюю юность в Шале и в великолепных Альпах Хасли. Впоследствии Холлер нашел его в парикмахерской, где тот скромно зарабатывал на жизнь; и, обнаружив его большие способности, он рекомендовал его совету. В 1531 году Зульцер стал магистром искусств в Страсбурге. Затем Бернский совет поручил ему руководить созданием школ во всех местах кантона, где их не было. Впоследствии он занялся теологией; отправился в Саксонию с целью установления контактов с Лютером, а по возвращении был назначен профессором теологии в Берне в качестве преемника Мегандера. Шаг за шагом он стал самым влиятельным представителем в Швейцарии системы, нацеленной на союз с немецким реформатором.^[580]

Кунц, преследующий ту же цель, был не только приверженцем традиции, вопреки библейскому духу женевского священника, но и человеком, движимым сильной личной неприязнью. Кэлвин, хотя и не вполне одобрял Мегандера, выразительно указал на боль, которую тот испытывал из-за своего лишения. "Какая потеря для Церкви, - писал он Буцеру, 12 января 1538 года, - и как возрадуются враги Евангелия, когда увидят, что мы начинаем изгонять наших пасторов; и что вместо того, чтобы думать о том, как одолеть могущественных противников, в присутствии которых мы стоим, мы наносим друг другу смертельные раны. Это известие о лишении Мегандера стало для нас таким же сильным ударом, как если бы нам сказали, что большая часть Бернской церкви рухнула.[581] Я признаю, что в его деле было что-то человеческое. Но не лучше ли было бы сохранить такого человека и простить ему эту пустяковую слабость, чем лишать его служения, к бесчестию Бога и его Слова, к великому ущербу для Церкви и с серьезным риском для будущего? Правда, Себастьян Мейер и Кунц остаются; но что может сделать первый, кроме как разрушить дело Евангелия своими сумасбродствами,[582] и вспышками насилия, которым он предается, когда больше не владеет собой? Что касается Кунца, я с трудом доверяю себе, чтобы сказать, кто он такой. Фарел говорит мне, что, когда он недавно имел с ним дело, он никогда не видел более разъяренного зверя. Его выражение лица, жесты, слова и сам цвет лица, по его словам, напоминали ему Фурий.[583] Это правда, что Кальвин написал это другу, Буцеру. Он сказал ему: 'Если я говорю с тобой так откровенно, то это потому, что я знаю, кому пишу'. Но вряд ли Кунцу не следовало слышать от кого-нибудь-то, что Кэлвин думал о нем. Он стал его смертельным врагом и питал такую же ненависть к другим министрам Женевы.[584] Он не упускал ни малейшей возможности выступить против них. Напрасно женевцы пытались показать ему, что они не враги, и умиротворить его своей умеренностью. Ему было приятно назначать министров на бернских территориях, о которых Кальвин высказывался самым суровым образом:[585] и когда компетентные люди были проверены и одобрены в Женеве, он принял их только после того, как они были повторно рассмотрены бернскими классами.[586] Однако Кэлвин знал лучше Кунца. 'Что предвещает такое начало?' - восклицает Кальвин. 'В то время как он воображает, что наносит нам удары плетью, на самом деле он готовит свою собственную гибель. Несомненно, если такова будет воля Божья, он скорее упадет в яму, которую сам же и вырыл, чем продолжит быть причиной столь великих бед для Церкви Христовой".[587]

ОТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА.

Помимо вопроса о лютеранстве, существовал также вопрос об отношениях между церковью и государством, который был предметом разногласий между бернскими и женевскими реформаторами. В Берне магистрат считался, согласно взглядам Цвингли, представителем членов паствы; он был епископом; церковь была Государственной. Кальвин, напротив, который видел во Франции, как государство относилось к Реформации, желал автономии Церкви. На самом деле он не требовал полного отделения Церкви от государства, но он желал, чтобы у каждого из этих двух обществ было свое собственное правительство. Это была цель, к которой он стремился, и Кунц, однажды осознав это, пришел в еще большую ярость. К этим двум вопросам добавился вопрос о поклонении. В этом вопросе, как и в других, Кунц был подражателем Лютера, а Мегандер - подражателем Цвингли. Кальвин не был подражателем ни того, ни другого, но в целом придерживался среднего курса. В отношении богослужения он стремился к предельной простоте. Берн сохранил некоторые католические обычаи. Крестили, как раньше, в баптистерии; в Женеве убрали купель и пользовались простым сосудом. В Берне на ужин употребляли облатки и пресный хлеб; в Женеве - обычный хлеб. В Берне сохранилось

несколько праздников, даже Благовещение Пресвятой Богородицы; в Женеве не отмечался ни один, кроме дня Господня, воскресенья.[\[588\]](#) Фарель, обнаруживший эти обычаи, по крайней мере частично, у водуа, во время визита, который он совершил в те долины в 1532 году, представил их в Женеве, и Кальвин, обнаружив их там, не внес никаких изменений.

Кунц терпеть не мог эту практику и обратил на нее внимание в Берне. Лорды Берна относились к этим различиям с сожалением, либо потому, что они намеревались установить определенное превосходство над Женевской церковью, которая, по их мнению, была в значительной степени обязана им своей реформацией, и потому, что они хотели видеть ее во всех отношениях похожей на их собственную; либо потому, что они боялись, что эти различия снабдят католиков оружием; либо потому, что Церкви кантона Во, казалось, были склонны принять женевский орден, а не бернский, что в глазах этих джентльменов было почти актом восстания. Бернские судебные приставы запретили пасторам водуа своего департамента принимать Кальвина и Фареля на своих собраниях или самим присутствовать на тех, которые проводились в Женеве.[\[589\]](#) Фарелю, который оказывал сигнальные услуги Берну и Во, теперь было запрещено появляться в кантоне, в который, тем не менее, фанатичным 'спиритуалистам' был разрешен свободный вход. Реформатор был возмущен. 'Господь вознаградит Кунца по заслугам', - написал он Фабри. "Да, Господь уничтожит тех, кто продолжает разрушать Церковь".[\[590\]](#) Эти выражения, как нам кажется, больше соответствуют духу Ветхого Завета, чем Нового.

СИНОД В ЛОЗАННЕ.

Магистраты Берна, чтобы установить внешнее единство, которому они придавали большое значение, как это обычно делают политики, решили созвать синод в Лозанне, и 10 марта они написали по этому поводу магистратам Женевы. Совет Двухсот был весьма склонен перенять бернские обычаи в том, что касалось церемоний. Кальвин и Фарель выразили совету желание присутствовать на предлагаемом собрании, было решено направить их, но в то же время связать с ними члена совета Жана Филиппа.

Синод собрался в Лозанне 31 марта. Настрой бернцев был скорее диктаторским, чем примирительным. Лорды Берна действительно просили, чтобы Кальвин и Фарель отправились в Лозанну; но вместо того, чтобы ожидать от ассамблеи работы по примирению, они положительно оговорили в письме совету Женевы, что женевские проповедники должны заранее взять на себя обязательство принять порядок богослужения, установленный в Берне; и что только при этом условии им будет разрешено принимать участие в обсуждениях синода. Если их согласие не было выражено до собрания, они должны быть заслушаны после, и с ними следует обращаться отдельно. Следовательно, женевские реформаторы не были приглашены ни на свободное собрание, ни на свободную дискуссию. Им не было предоставлено никакого другого права, кроме права подчиняться миссии. Бернцы добавили, что мотивом этого странного поступка было стремление не дать своим соседям возможности оклеветать реформатскую религию и способствовать объединению Церквей. Но последняя цель, а через нее и первая, вероятно, была бы достигнута быстрее, если бы мы относились к министрам Женевы в братском, а не деспотическом духе. 'Бернцы,' по словам Розе, 'по прибытии дружелюбно поинтересовались у Фареля и Кальвина, приняли ли они их церемониал'. Реформаторы ответили, 'что этот вопрос вполне заслуживает обсуждения'. В обсуждении им было отказано.[\[591\]](#)

Сенат Берна назначил Кунца одним из председателей синода. С ним были связаны министры Эразмуса Риттера и два члена большого совета, Хубер и Амман. Кунц был одним из тех властных персонажей, которые внушают благоговейный трепет другим людям, ичьему влиянию почти невозможно противостоять. Более того, его коллеги были с ним согласны. Это дело не встретило никаких трудностей. Синод, который открылся 31 марта, единогласно принял обычаи Берна — баптистерии, опресноки на ужине и праздники, в том числе Благовещение Пресвятой Богородицы.

Присутствовали ли Кальвин и Фарел на синоде или нет? Представляется маловероятным, что они захотели бы своим присутствием дать своего рода санкцию собранию, из которого они были фактически исключены. Более того, письмо Берна в Женеву, по-видимому, ясно указывает на то, что, если бы они смиренно не приняли церковные решения магистратов и советов Берна, у них было бы только отдельное слушание. Крайне пристрастный биограф[592] утверждает, что их видели в городе и даже что они 'выходили за его пределы ради удовольствия'. Не было бы большого вреда, если бы они совершили прогулки по окрестным холмам и берегам реки Аар, наслаждаясь красотами швейцарского пейзажа, в ожидании, пока лорды Берна соблаговолят разрешить им поговорить. Но их можно было бы смело обвинить в том, что они не присутствовали на синоде, если бы Бернский орден не запретил им это категорически. Следовательно, история допустила ошибку в том, что, хотя она и упоминает об их отсутствии в синоде, она не сообщила о факте, который оправдывает это, то есть о странном требовании Берна, — серьезном упущении, которое мы хотели бы считать непреднамеренным.[593]

ОТСУТСТВИЕ КАЛЬВИНА И ФАРЕЛА.

Состоялась конференция между Кальвином и Фарелем и делегатами Берна. Женевские священники, хотя и возражали против использования баптистерий и пресного хлеба, не имели намерения вносить раскол из-за таких вещей. Они более твердо придерживались своих взглядов в отношении праздников. 'На каком основании,' спросил Кальвин, - вы будете чтить день обрезания больше, чем день смерти Исккупителя?' На самом деле, Страстная пятница в Берне не отмечалась. Кунц молчал.[594] Кальвин и Фарел хотели, чтобы вопросы такого рода решались не делегатами правительства, а Церковью на ее собраниях. Поэтому они потребовали, чтобы это решение было передано на рассмотрение синода всей Реформатской церкви Швейцарии, который должен был состояться без промедления в Цюрихе. Таким образом, можно было бы избежать любых проявлений принуждения; свобода и порядок уважались бы в равной степени, и Церковь была бы избавлена от многих серьезных разногласий. "Существовало превосходное средство, - писал впоследствии Кальвин цюрихцам, - с помощью которого можно было бы избежать опасности; это было приглашение нас на ваш синод. Но этого мы не смогли добиться.[595]

Когда лорды Берна обнаружили, что их делегаты потерпели неудачу на конференции с женевскими министрами, они решили написать в один и тот же день, 15 апреля, два письма: одно Кальвину и Фарелю, другое совету Женевы, не сомневаясь, что это хитроумное изобретение увенчается успехом. Их два послания были очень похожи. Они настоятельно призвали министров принять решение синода, не дожидаясь ассамблеи в Цюрихе, чтобы две Церкви, объединенные в основах веры, могли также прийти к согласию в вопросах церемониала. И к совету они обратились с мольбами принять то же решение, "в надежде, что

мастера Фарел и Кэлвин, хотя и подняли некоторые трудности, посоветуют, как лучше поступить".[596]

ГЛАВА X.

КОНТРРЕФОРМАЦИЯ ПРЕОБЛАДАЕТ.-КАЛЬВИН И ФАРЕЛЬ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ПРОВОДИТЬ ВЕЧЕРЮ ГОСПОДНЮ.— КАФЕДРА ДЛЯ НИХ ЗАКРЫТА.

(С 15 по 20 апреля 1538 г.)

СОПРОТИВЛЕНИЕ КАЛЬВИНА.

Те самые обстоятельства, которые внушили доверие Берну, были именно теми, которые вызвали сопротивление Кальвина. Эти могущественные и величественные лорды не могли поверить, что столь достойное вмешательство не приведет к покорности; и Кальвин не мог согласиться с тем, что интересы Церкви Христа должны регулироваться магистратом, подобно интересам дорог и солдат. Кроме того, в данном случае речь шла об иностранных магистратах. Их вмешательству гражданин и христианин не могли не воспротивиться в равной степени. Кальвин хотел сохранить принцип религиозной свободы и просил дать ему время прийти к взаимопониманию с другими Церквями. Однако, если письмо министрам не увенчалось успехом, то то, что было направлено в совет, имело такой успех, что не только превзошло надежды бернцев, но и перечеркнуло их желания и поставило преграду на пути их проектов. Синдики, которые были назначены в духе враждебности к реформаторам, и все граждане, которые поставили их у власти, были рады видеть разногласия между Берном, Кальвином и Фарелем. Для них это была настоящая удача, хотя для министров это было печальное событие. Два государства, Берн и Женева, действуя в унисон, вскоре взяли верх над двумя бедными министрами. Кроме того, совет был в это время в дурном расположении духа. Третий проповедник, пожилой и энергичный Куро, оставшийся в Женеве, в одной из своих проповедей обвинил синдикалистов, и было решено объявить ему выговор. В этом вопросе можно с уверенностью полагаться на то, что указано в Регистрах. Неправильно воспринимать, как это сделали некоторые, пародийные и лживые обвинения печально известного клеветника Больсека, который "по примеру Герострата предпочел передать потомству позорное клеймо".[597] Совет запретил Куро проповедовать. Таково было положение вещей, когда пришли письма из Берна. Совет немедленно отдал приказ, чтобы Кальвин и Фарель предстали перед ними в пятницу, 19 апреля. Была Страстная неделя, и этот день был днем Страстей Господних. Это соображение не вызвало колебаний у врагов Реформации. Поскольку святая вечеря должна была состояться через два дня, в пасхальное воскресенье, им не терпелось поскорее приступить к делу. Тогда министры оказались между наковальней и молотом; они должны были подчиниться или пасть, и что бы они ни делали, они были бы ослаблены и опущены. Секретарь зачитал письмо из Берна, и первый синдик объявил реформаторам, что совет полон решимости удовлетворить требование этого города и соблюдать установленные там обычаи в отношении церемоний. Затем он спросил их, будут ли они сами соблюдать их, и попросил их ответить "да" или "Нет". Кальвин и Фарель потребовали времени, необходимого не только, как утверждалось, для размышления по этому вопросу, но также и особенно для того, чтобы вопрос мог быть решен компетентными

органами, швейцарским синодом, который через десять дней (29 апреля) должен был состояться в Цюрихе. Тем временем они просили, чтобы до следующего ужина не вносились никаких изменений. Обращаясь с этой просьбой, Кальвин пообещал себе принять все, что будет предписано этой законной властью. Это было с его стороны большой уступкой. По его библейскому и справедливому суждению, после отделения от Римского католицизма не казалось последовательным сохранять какую-либо часть системы, даже если это всего лишь мелочь, такая как опресноки, баптистерии и праздники. Особенно к одному из последних он испытывал большие возражения. Он знал, что маленькие уступки ведут к большим, и опасался, что Рим поступит в соответствии с пословицей: если вы уступите дюйм, то отнимете локоть. Нет нужды повторять, каким решительным и твердым был Кальвин, и все же из любви к миру и единству он уступал своим противникам то, в чем мог бы справедливо им отказать. Все, о чем он просил, - это чтобы они десять дней подождали решения синодальной власти. Это, конечно, не означало абсолютного Отказа.[598] Все было как раз наоборот, и противникам Кальвина следовало бы скорее удивляться его уступчивости, чем обвинять его в негибком упрямстве. Его просьба была справедливой, и ее следовало удовлетворить. Но они не захотели ее слушать. Было приказано, чтобы ужин был совершен в соответствии с бернскими обычаями; и совет назначил магистратов, которые должны были позаботиться о том, чтобы он был совершен таким образом в церквях Святого Петра, Святого Жерве и Риве. Можно спросить, как получилось, что люди, которые никоим образом не отличались приверженностью к традиционным обрядам, с таким упорством приносили женевский ритуал в жертву бернскому. Беспристрастные судьи заявили: "Совет принял эту резолюцию, чтобы привлечь на свою сторону бернцев и вовлечь их в оппозицию реформаторам".[599] Мы признаем, что это объяснение кажется нам весьма вероятным.

БЕСПОРЯДКИ В ЖЕНЕВЕ.

Это решение было деспотическим и именно в этом качестве соответствовало порядку, который соборы намеревались установить в Женеве, порядку *Сезаропалии*, при котором князь и магистрат, заняв место папы, решают все в Церкви. Негибкость совета, с одной стороны, и твердость реформаторов - с другой, пришли в столкновение, и результатом стало потрясение для людей, которое нарушило их повседневную жизнь и не могло не привести к конфликту. Те, кто составлял низшую часть оппозиции, возбужденные и взбудораженные, начали кричать против сопротивления министров, и они думали, что, если последние не будут послушны по доброй воле, их придется заставить уступить террором и силой. Если бы люди энергично выразили свою волю, если бы они взяли за оружие, заполнили улицы и собрались подобно ревущим волнам перед домами Фареля, Кальвина и Куро, у этих людей, независимо от их силы, не было бы иного выбора, кроме как уступить дорогу этому стремительному потоку. "Вслед за этим, - говорит хронист Розет, 'были совершены великие бесчинства и богохульства. Распутные люди десятками разгуливали по ночному городу, вооруженные аркебузами, которые они разряжали перед домами министров. Они кричали: *Слово Божье!* и после этого, *слово Андрея!* Они пригрозили сбросить их в Рону, если они не придут к какому-либо соглашению с магистратами относительно соответствующих церемоний; и эти разборательства, все открытые и печально известные, остались безнаказанными".[600] Нелегко установить, что означал этот возглас, *слово Андрея*. [601] Клич, *К Роне!* это неизменно звучало в Женеве, когда происходили народные восстания. Фромана приветствовали этим, когда он начал проповедовать там Евангелие; и некоторые женщины сбросили бы его с *моста (du pont en bas)*, если бы группа

мужчин не спасла его. Правда, они не сбросили в Рону всех, кому угрожали; но эти крики не могли не показаться Фарелу и Кальвину скорбным воздаянием за их великие и суровые труды.

ВОЗМУЩЕНИЕ КУРО.

Эти беспорядочные действия имели плачевные последствия. Ни Фарел, ни Кальвин на них не жаловались. Теперь в глубине души у них были интересы более важные, чем их собственные, даже более ценные, чем их жизни. Они не отвечали злом на зло. Но бывший проповедник королевы Наварры, слепой и престарелый Кюро, не был столь терпелив. Он также слышал эти оскорбления. Человек честный и преданный долгу, он в то же время обладал легко ранимым сердцем и умел говорить резкие слова. Ночь с пятницы на субботу, в течение которой в городе раздавались эти крики, не была для него ни приятной, ни мирной. Возможно, он был больше раздражен из-за оскорблений, обрушившихся на Кальвина и Фарела, чем из-за того, что касалось его самого. Огорчение, тревога и гнев не давали ему уснуть. Его кровь была разгорячена, сердце разгневано, воображение разожжено.

‘Je me tourne et m’agite et ne peux nulle part

Trouver que l’insomnie, amère, impatiente,

Qu’un malaise inquiet et qu’une fièvre ardente.’[602]

Состояние бедного старого Куро, по-видимому, описано в этих строках. Для него эти беспорядки были невыносимы, и он сказал, что если люди будут молчать, то даже камни будут громко плакать. Он кричал, и кричал с кафедры. Правда, это было запрещено ему; но неважно, несмотря на запрет людей, он будет проповедовать. Он встал очень рано и отправился в церковь Святого Петра, чтобы отслужить службу в шесть часов утра, без каких-либо других приготовлений, увы! кроме отчаяния и горечи, которые терзали его всю ночь. Характер его проповеди был не таким, как хотелось бы такому чувствительному народу, как женеvцы. Его красноречие чем-то напоминало красноречие монахов, к ордену которых он принадлежал, заключавшееся, по большей части, в шуме и криках.[603] Его ум не был развитым, но у него было яркое воображение, которое оживляло его речь и позволяло наносить сильные удары. Хотя он придерживался более серьезных взглядов, он в какой-то степени разделял недостатки самых выдающихся ораторов предшествующего периода - Барлетты, Майяра и Мено; и иногда он нападал, как это делали они, на пороки своих слушателей с помощью сатиры, иногда тонкой, иногда грубой, но всегда продиктованной добрыми и серьезными намерениями. Теперь он освободит свою совесть. Пусть они посадят его в тюрьму, изгонят или хорошенько избьют; его душа, измученная горем, должна разорвать свои оковы. Несомненно, он произнес несколько превосходных вещей, несколько правдивых и благочестивых слов; но, как бы он ни был взволнован, он позволил себе позволить себе ту несдержанную речь, которая была тогда так распространена. Поскольку его дух все еще был взволнован этими шумными и буйными толпами, собравшимися под окнами реформаторов, из среды которых доносились удвоенные крики, шуточные песни, оскорбления, обвинения и угрозы, он сравнил их с ‘царством лягушек’, которые из недр болот квакают и издают громкий шум. Затем, вспомнив вульгарную фразу, старый француз, едва спасшийся от суровой жизни преследований, спросил женеvцев, на что они жалуются, — на то, что они были “как крысы в соломе”, то есть чувствовали себя очень вольготно, имели все, что могли пожелать, и ни в чем не нуждались.[604] В другом отрывке, усиливаясь и вспоминая образ Навуходоносора с золотой головой и ногами, частично из

железа, частично из глины, хрупкими и разбитыми небольшим камнем, он предсказал синдикам и советам, что, поскольку интриги привели их к власти, они недолго сохранят свою власть. 'У вас, господа из правительства, - сказал он, - ноги из воска'. Эти ноги, по его мнению, скоро растают в лучах их победы и процветания. Это сравнение, имитирующее библейский стиль, не было неподходящим для проповедника, и пророчество, которое оно содержало, не преминуло исполниться. Узнав о том, что этот священник проповедовал вопреки запрету, и узнав о его высказываниях, которые, скорее всего, были искажены, правительство почувствовало, что оно оскорблено, и решило действовать строго. Государственные служащие пришли в дом старика, арестовали и отвезли его в тюрьму. Был канун Пасхи. В то время было принято делать подарки; и это был подарок, который был преподнесен престарелому, благородному, но свободомыслящему священнику и исповеднику Христа, который уже испытал на себе слишком грубое обращение со стороны сторонников папы во Французском королевстве.[605]

ПРОТЕСТУЙТЕ ПРОТИВ ЕГО ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Весть о тюремном заключении Куро быстро распространилась по Женеве и глубоко затронула сторонников Реформации. Пастор в тюрьме! Да, и справедливо, если бы он был виновен в каком-либо обычном преступлении. Но он выполнил то, что считал своим долгом. С христианской кафедры он осудил скандальные выходки, и за это его отправили в тюрьму, в то время как те, кто действительно был в них виновен, были оставлены в покое и остались безнаказанными.[606] Из протокола от 19-го числа явствует, что двое мужчин, входивших в группу, которая пела по ночам и устроила беспорядки в Риве, сами были заключены под стражу. Но место и дата этого дела доказывают, что оно было возбуждено совсем по другому обвинению. Заключение Куро в тюрьму наполнило Кальвина и Фареля печалью, ибо они уважали своего старого и почтенного коллегу и знали, как много он уже выстрадал ради истины. Некоторые члены совета и граждане, дружественные Реформации, решили выразить протест против тюремного заключения своего пастора. Клод Савойя, Мишель Септ, Ламбер, Шатомп, Домейн д'Арлод, Клод и Луи Бернары, Дезерты, Клод Пертемпис и многие другие присоединились к Кальвину и Фарелю, и все они длинной процессией направились к ратуше. Они вошли в зал совета и обнаружили там двоих из четырех синдиков, и это были люди, которые больше всего были настроены против них, Ришарде и де Шапоруж.

Первым заговорил Фарел. Он пожаловался, что они действовали "плохо, нечестиво и несправедливо, посадив Куро в тюрьму", и потребовал собрать Совет Двухсот. Мирянам показалось странным, что их противники не удовлетворились объявлением, подобно Ришарде, что они не пойдут на проповедь, но, по-видимому, намеревались также лишить этого своих сограждан, заключив проповедников в тюрьму. Мысль о том, что синдикат осмелился помешать ему услышать Слово Божье, особенно разозлила Мишеля Септа. 'Они будут проповедовать!' - яростно заявил он. Фарель, вспоминая все, что он сделал и вынес за долгие годы ради этого города Женевы, в освобождение которого он, вероятно, внес большой вклад, чем кто-либо другой, своим учением, своим мужеством, своими молитвами и своими делами, сказал судьям: "Без меня вы не были бы тем, кто вы есть".

Синдикаты ответили, что, поскольку кафедра была запрещена Куро, а он, тем не менее, проповедовал в то самое утро и объявил, что должен продолжать это делать, они не отпустят его на свободу. Магистраты хотели посмотреть, предоставит ли этот инцидент им возможность

достичь цели, которую они поставили перед собой. 'Согласны ли вы, ' сказали они Фарелю и Кальвину, ' подчиниться письмам и постановлениям лордов Берна? В таком случае мы могли бы вернуть вам вашего коллегу'. Эта сделка, которая заключалась в освобождении для них невинного заключенного, если они, со своей стороны, сделают то, что они считали неправильным, показалась министрам постыдной торговлей людьми. 'В таких делах мы поступаем так, как повелевает Бог', - ответили они. Однако они не захотели бросать своего коллегу. Они предложили внести залог, чтобы он мог под эту гарантию выйти на свободу. Это предложение было обычным в подобных случаях, но магистраты отказались принять его, и причина, которую они привели для своего отказа, усугубила суровость судебного акта. "Куро, - сказали они, - не является *гражданином Женевы*, и он заключен в тюрьму за *неуважение к правосудию*'. Члены совета были решительно настроены избавиться от Куро, который оказался менее благоразумным, чем его коллеги. Из подлинных документов явствует, что они даже предложили Кальвину дожидаться решения цюрихского синода по вопросу ритуала, если он согласится, чтобы Куро был лишен должности проповедника. На это Кальвин ответил отказом.^[607] Петиционеры удалились, сильно огорченные суровостью совета по отношению к их другу, а некоторые миряне, особенно Ламберт, громко жаловались, покидая Отель-де-Виль. Они говорили о "*лжесвидетелях*, которые были допрошены; о *предателях* в генеральном совете; и хорошо известно, - сказали они, - кто они такие".^[608]

ПРОВАЛ ВМЕШАТЕЛЬСТВА.

Совет собрался после отъезда реформаторов и их друзей и снова постановил, что Вечеря Господня должна быть совершена на следующий день, в Пасхальное воскресенье, в соответствии с обрядами, установленными в Берне, а не в соответствии с обрядами Женевы; и постановил, что, если служители по-прежнему отказываются ее совершать, им следует запретить проповедовать. Нельзя не удивляться этому решению и тому подлому настрою, который оно демонстрирует со стороны совета. В Женеве были установлены простые и евангельские обычаи: граждан призвали принести в церкви Святого Петра присягу на исповедание веры, которая по своему духу полностью согласуется с этими обычаями; и теперь, в вопросе, который его мало касается, чтобы угодить лордам Берна, которым он мог легко воспротивиться, если бы захотел это сделать, совет решил заставить министров соблюдать церемонию, по сути иудейскую,^[609] даже рискуя увидеть приостановление богослужения и низвержение Церкви. Это очень похоже на предлог, хороший или плохой, которым они воспользовались, чтобы избавиться от реформаторов. Во второй половине дня главный пристав отправился к пасторам, чтобы сообщить им об указе. Он не нашел Фарела, но Кальвин, узнав от офицера, что гражданский судья, не дожидаясь решения цюрихского синода, сам решает этот церковный вопрос, точно так же, как если бы речь шла о военных приказах, которые следует отдавать офицеру, отказался принять приказ. Вслед за этим главный пристав от имени совета запретил его проповедь.^[610]

Что делать? Это был вопрос, который Кальвин задал себе. Он жаждал единства и мира в Женеве. Впоследствии он обратился к самим женевам. 'Мы призываем Бога в свидетели, ' сказал он, ' и вашу собственную совесть в свете его лица, что, пока мы были среди вас, все наши усилия были направлены на сохранение вашего счастливого союза и приятного согласия. Но те, у кого было намерение создать партию самостоятельно, отделились от нас и внесли раскол в вашу Церковь и в ваш город'.^[611] Восклицания Ламберта, когда он вслух говорил о *предателях* и *лжесвидетелях*, достаточно, чтобы показать нам, в каком состоянии находилась Женева в то

время. Конкорд был не более чем прекрасной мечтой. В игру были пущены самые неистовые страсти. Можно было бы сказать, что Бог отдает жителей города на растерзание их собственным сердцам; и это самое страшное наказание, которое он когда-либо применял к людям. На самом деле, нельзя сказать, чтобы эти движения проявлялись одинаково сильно во всех случаях. Низшие классы были взволнованы, как их озеро, когда порывистый северный ветер поднимает волны и яростно швыряет их на скалы, стены и берега. Но среди других классов внешность поддерживалась лучше. Тем не менее, если и оставалась какая-то причина, то слишком часто ею пользовалась только страсть в своих целях.

ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО.

Неразбериха, царившая в Женеве в этот период, засвидетельствована современниками. "Папство действительно было отвергнуто", - говорит Теодор Беза,^[612] 'но многие не отказались вместе с ним от тех многочисленных и позорных беспорядков, которые долгое время процветали в городе, отданном на столько лет каноникам и нечистым священникам. Некоторые из семейств, занимавших самое высокое положение, все еще сохраняли живую старую вражду, возникшую в период войн с Савойей'.^[613] "Беспорядки достигли таких масштабов, что город из-за мятежного характера некоторых граждан разделился на различные партии".^[614] "Ничего не было слышно, - говорит Мишель Розе, - кроме информации (*объяснений*) и ссор между бывшими и нынешними лордами (бывшим и новым советами), одни были зачинщиками, другие следовали по их стопам; все это смешивалось с упреками по поводу добычи, взятой на войне, или унесенных трофеев". из церквей".^[615]

- Не было ничего, кроме замешательства.^[616]

Ни мягкие увещевания, которые были испробованы вначале, ни более строгие выговоры, к которым прибегли впоследствии, не произвели никакого эффекта на нарушителей спокойствия, и им не удалось положить конец их беспорядочным действиям.^[617]

'Я жил здесь,' говорит сам Кальвин, говоря об этом периоде, 'участвовал в странных состязаниях. Однажды вечером перед моей собственной дверью мне в насмешку отдали честь пятьюдесятью или шестьюдесятью выстрелами из аркебуз. Вы можете себе представить, как это должно поражать бедного ученого, каким бы робким я ни был и, признаюсь, всегда был.'^[618]

Таково было меланхоличное состояние Женевы по мнению людей, которые в вопросах фактов и общественных фактов являются самыми уважаемыми авторитетами, каких только может породить история. У нее мало свидетелей, наделенных нравственным мужеством Мишеля Розе, Теодора Безы и Кальвина.^[619]

НЕДОУМЕНИЕ РЕФОРМАТОРОВ.

Реформаторы были в большом замешательстве. Синод в Лозанне, на котором бернцы выступили против заслушивания представителей Женевской церкви, не смог связать последних обязательствами. Их сопротивление введению новых обычаев, которое было предписано советом без ожидания решения цюрихского синода, было законным. Если вопросы такого рода оставляют решению гражданской власти, в естественный порядок вещей инвертируется,

автономия Церкви отрекся; и кто знает, будет ли, в турбулентном демократия, религия не может попасть в руки возбужденный люди, которые, как сказал знаменитый писатель, но издеваясь, взять его, чтобы играть в мяч с ним, и сделать его стремилась вверх, как легко, с ногой как с кулак.'[620] Однако Кальвин не мог не спросить себя, был ли фактический вопрос о принятии пресного хлеба, который евреи ели во время Пасхи, достаточно весомым, чтобы положить конец его служению в Женеве. Он так не думал. 'Если у нас в сердце, - сказал он, - единство и мир, давайте стремиться к единству умов в доктрине, а не слишком скрупулезно настаивать на наиболее точном соответствии той или иной церемонии. Есть некоторые моменты, в которых Господь оставляет нам свободу, чтобы наше назидание было еще большим. Не заботиться об этом назидании и искать вместо него рабского подчинения недостойно христианина'.[621] Таковы были взгляды Кальвина на вопрос о квасном хлебе.

Но вопрос был совсем о другом. Перед реформатором был город, охваченный волнениями и расколом, с его вечеринками, ссорами, ненавистью, насмешками, криками, беспорядками и скандалами. Это тот самый храм, в котором будет отмечаться праздник мира? "Нет, - сказал он, - облик Церкви в настоящее время не таков, как того требует законное управление нашей конторой.[622] Что быни говорили люди, мы не верим, что наше служение должно ограничиваться такими узкими рамками, чтобы после произнесения проповеди нам больше нечего было делать, кроме как отдыхать, как будто мы выполнили свою задачу. Дело не только в этом; дело в том, что мы должны с большей бдительностью заботиться о тех, чья кровь будет потребована от наших рук, если они погибнут из-за нашей небрежности. Эта забота всегда наполняет нас душевным смятением, но когда нам приходится раздавать вечерю Господню, тогда она яростно поглощает и жестоко мучает нас.[623] Хотя вера многих из тех, кто желает принять в нем участие, по нашему мнению, сомнительна и даже вызывает подозрения, мы видим, как все они сломя голову устремляются к священному столу. И можно было бы сказать, что они с жадностью вкушают гнев Божий, вместо того чтобы приобщаться к таинству жизни".[624] У Кальвина, как показывают эти слова, все еще было перед глазами то буйное январское причастие, перед которым собор постановил, что "в ужине *никому не следует отказывать*". Он вспомнил расположение, взгляд, манеры, с которыми многие принимали в этом участие; он все еще чувствовал тяжесть на сердце, которую испытывал, раздавая хлеб жизни таким людям. Теперь все стало еще хуже. Зло, которое тогда проявило себя, разорвав те немногие цепи, которые сдерживали его, теперь вырвалось наружу с насилием. Население было возбуждено, озлоблено, взбунтовалось. Это уже не было просто расточительством отдельных людей; царили всеобщее замешательство, возмущение и неразбериха. Волнение охватывало не только грубые умы; некоторые из наиболее культурных людей переходили все границы. К Женеве можно было бы применить высказывание известного писателя о другом городе: "В этом городе на волю напустился дьявол: на памяти человека не было столь ужасного времени".

НАСИЛИЕ СТОРОН.

Был ли это подходящий момент для празднования праздника мира? По мнению каждого здравомыслящего человека, это было бы абсурдом. Если пир должен проводиться на борту корабля, должно ли это быть именно тогда, когда на судно обрушивается ураганный ветер, когда морские волны вздымаются ввысь, когда те, кто на борту, трясутся и шатаются, как пьяные, поднимаясь к небесам и опускаясь в бездны? Самое ли это время для начала танца и для того, чтобы пассажиры грациозно исполняли размеренные шаги под звуки музыкальных

инструментов? Или кто-нибудь выбрал бы для посещения приятного и гармоничного концерта момент, когда зал охвачен огнем? И все же было предложено в разгар пылающих незаконных страстей силой, по постановлению магистрата, выставить напоказ святыни, что было бы не чем иным, как профанацией.

Нельзя даже сказать, как это обычно говорят, что здесь речь шла об отлучении от церкви. Не подавать ужин сейчас не означало, что его не следует подавать позже. Кальвин дал его. Но для этого не было времени. *Non erat hic locus*. Реформатор действовал с мудростью врача, который не позволит нетерпеливым больным людям отправиться в путешествие по горам; он сделает это позже, когда они восстановят свои силы, но не сейчас. Возможно, среди них найдутся люди, которые никогда не взберутся на скалы, потому что у них никогда не будет на это сил. Но это не имеет ничего общего с теми, кто целостен. Для врача не будет более прекрасного дня, чем тот, когда во главе своей группы он сможет дышать со своими друзьями острым и целебным воздухом высокогорий, который в прежние времена убил бы их. Эту радость, повторим мы еще раз, Кальвин когда-то испытал.

Кальвин и Фарел, все обдумав, приняли такое решение, какого требовали обстоятельства; они не стали бы устраивать ужин на следующий день, который был Днем Пасхи. Приняв эту резолюцию, они довели ее до сведения властей. "Фарел и Кальвин, - говорит Розет, - проинформировали совет, что они не могут организовать ужин *посреди этих разногласий, банд и богохульств, а вокруг них множится распутство*".[625] Таков был четко выраженный их мотив. Но они сделают больше, чем это. Им запретили проповедовать. Что? в этот Пасхальный день двери церквей должны быть закрыты, а кафедры немые! Более того, поскольку они отказались праздновать вечерю, они были обязаны тем, кому Бог доверил их служение, изложить им свои причины. Это было сделано не во вред им, а во благо, и они были обязаны это сделать. Тем не менее, занять кафедру в тот день вопреки запрету правительства, которое было поддержано большинством народа, было бы серьезным испытанием для этих двух людей, оба немощные физически, один из-за своих трудов, а другой по конституции. "Но, - сказал однажды Кальвин, вспоминая высказывание Давида, - хотя *лагерь, армия*, то есть все, что есть ужасного в мире, восстанет против нас, хотя все люди сговорились уничтожить нас, мы не боимся всей их мощи, ибо сила Божья намного больше. Мы не будем полностью свободны от страха; если бы это было так, то скорее от глупости, чем от мужества. Но мы будем держать перед собой щит веры, чтобы наши сердца не ослабели от ужасов, которые окружают нас".[626] Победа, которую туринский двор с помощью Испании и папы римского не смог одержать над сенатом и народом Женевы, эти два слабака пытаются одержать и добиваются. Это был один из самых прекрасных триумфов, которыми может похвастаться дело религиозной свободы, вступившее в конфликт с государственным деспотизмом. Это было нечто большее. Это был христианский героизм, который предпочел исполнение воли Бога изгнанию комфортабельному обиталищу в одной из прекраснейших стран мира, с принесенной в жертву совестью и рабским подчинением цезарю во всем, что касается Бога. Именно в таком виде рассматривали его два главных свидетеля жизни Кальвина. "С тех пор Кальвин, - говорит один из них, - поскольку он был по сути героическим духом, стойко и неуклонно сопротивлялся мятежникам вместе с вышеупомянутым Фарелом".[627]— "Фарел и Кальвин, - говорит другой, - каждый из которых наделен благородным и героическим духом, открыто заявили, что не могут религиозно праздновать вечерю Господню среди граждан, которые так отчаянно расходились друг с другом и так противодействовали любой дисциплине в церкви".[628] Упадок христианских принципов -

единственное возможное объяснение того факта, что некоторые должны были осмелиться судить о них вопреки тому, что было произнесено современниками.

ГЛАВА XI.

КАЛЬВИН И ФАРЕЛЬ ПРОПОВЕДУЮТ, НЕСМОТРЯ НА ЗАПРЕТ СОБОРА. —ОНИ ИЗГНАНЫ ИЗ ЖЕНЕВЫ.

(Пасха 1538 г.)

ПРИБЛИЖЕНИЕ КРИЗИСА.

Кризис приближался. Опасность возрастала. Женева переживала один из тех опасных, но решающих моментов, когда происходят внезапные перемены, к лучшему или к худшему. Население становилось все более возбужденным. Известие о том, что министры не будут отмечать ужин в Женеве, подняло раздражение до высшей степени. Все объяснения были бесполезны; многие люди ничего не хотели слушать; гнев заткнул им уши. Говорят, что вечером на улицах поднялся шум, и банды мятежных людей кричали против министров. Добавляется даже, что маскарад был организован с целью представления пародии на сцены из Евангелия. Мы не уверены, что либертинцы зашли так далеко; но вечером в городе было сильное волнение, что слишком ясно показал следующий день. Эти сцены беспорядков сильно огорчили Кальвина. Когда он обращал свои мысли к прошлому, ему снова представлялись великие горести, которые он уже перенес в Женеве; и он предвидел, что те, которые приближались, будут еще более горькими. Вмешанный в проповедь Слова, в отправление таинств, в поддержание апостольской дисциплины и в организацию Церкви (совет отказался дать свое согласие на разделение города на приходы - меру, которая значительно облегчила бы выполнение пастырских обязанностей и способствовала благу семей), - что ему оставалось делать? "Признаюсь, - писал он, - что первые письма, с помощью которых сенат пытался свернуть мою волю с правильного пути, нанесли мне тяжелый удар.^[629] Я увидел, что таким образом я снова погрузился в страдания, от которых, как я надеялся, меня избавила великая благодать Божья. Когда я принял управление этой Церковью вместе с моим превосходным и преданнейшим коллегой Фарелом, я с чистой совестью занялся поиском средств, с помощью которых ее можно было бы поддерживать; и хотя это было для меня очень трудоемкой обязанностью, я никогда не думал покидать это место. Я считал себя поставленным рукой Бога на пост, с которого я не мог уйти. И тем не менее, если бы я рассказал хотя бы о малейшей части забот, или, скорее, о несчастьях, которые мы были вынуждены терпеть на протяжении целого года, я уверен, что вы сочли бы это невероятным.^[630] Я могу заверить вас, что не проходило дня, когда я десять раз не желал смерти".^[631] Этот канун Пасхи, когда он был готов подвергнуть себя величайшим горестям, воздавая Богу подобающую ему честь, несомненно, был одним из таких дней. Он должен испить чашу народного гнева. Он, робкий ученый, каким, по его словам, он всегда был, теперь должен встретиться лицом к лицу с этими разъяренными людьми. Но одна мысль придавала ему сил: такова воля Божья, и его воля должна быть исполнена.

ПАСХАЛЬНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Наступило Пасхальное воскресенье. С раннего утра в городе царило сильное волнение. И противники, и друзья реформаторов были встревожены, но по-разному. Первым не терпелось узнать, действительно ли они будут проповедовать, несмотря на запрет собора, и услышать, что они, возможно, скажут. Последние также стремились пойти на богослужение либо из чувства благочестия, либо для того, чтобы защитить служителей в случае, если, как некоторые ожидали, в церквях возникнут какие-либо беспорядки. Движения толпы, группы, которые формировались в различных точках, яростные речи, которые время от времени произносились, - все было рассчитано на то, чтобы внушить страх. В робких душах также было внутреннее беспокойство и сердечная боль, неизбежные при столь серьезных обстоятельствах. Мужчины, женщины и дети, рев толпы и сбивчивые голоса людей заполнили улицы. Воображались странные вещи, распространялись зловещие слухи. Видя всеобщее волнение, можно было бы почти сказать, что кого-то собираются вести на казнь. Толпа направлялась к местам казни. Жители правого берега отправились в церковь Святого Жерве, в которой должен был проповедовать Фарель; жители левого берега и верхней части города - в собор Святого Петра, где должен был проповедовать Кальвин. Они входили в двери и заполняли церкви. Друзья реформаторов в основном занимали свои места за кафедрой. Их противники, рассредоточившиеся по всем частям здания и обменивавшиеся друг с другом дерзкими репликами, спрашивали себя, не было ли их долгом помочь магистрату и помешать министрам высказаться. Район на правом берегу был тем, в котором проживало большинство противников министров. Вероятно, кто-то из их самых яростных врагов приехал из других мест, чтобы послушать Фареля, чье присутствие было менее внушительным, чем присутствие Кальвина, и с которым они были более близки. Отважный евангелист в течение нескольких лет не переставал расточать свои силы на благо Женевы, и за это они собирались заплатить ему в этот день. Появился Фарель, взошел на кафедру, и при виде его аудитория пришла в сильное волнение. Однако не было предпринято никаких попыток закрыть ему рот. Проповедь этого популярного оратора в настоящий момент была зрелищем, которое интересовало их не меньше или даже больше, чем любое другое. Когда молитва и гимны закончились, началась беседа. Фарель, с его бесстрашным сердцем, пылким духом, твердыми убеждениями и способностью производить впечатление и увлекать своих слушателей, не скрывал правды. Не останавливаясь на вопросе о хлебе, который, по его словам, был второстепенным вопросом, он говорил о святости вечера. Он сделал людям замечание, как будто они намеревались, по его мнению, осквернить святое причастие", [632] и он заявил, что, чтобы предотвратить такую профанацию, святая вечеря совершаться не будет. Эти слова взволновали все собрание и вызвали у большей части из них негодование. Противники пришли в смятение, друзья встревожились. Воображение было разогрето, гнев вырвался наружу, и послышались крики. *Утром против Фареля в церкви Сен-Жерве были подняты беспорядки.* [633] Но привычкой проповедника было не бояться опасности; и, прежде всего, он не знал страха перед недостойными людьми

Voulaient du Dieu vivant braver la majesté.

БЕСПОРЯДКИ В СЕН-ЖЕРВЕ.

Поэтому он пошел дальше. Его популярное красноречие, его оживленные движения, его образы, так хорошо приспособленные для того, чтобы сделать его идеи более живыми и очевидными, его энергичные жесты, его голос, подобный грому, отзвук которого, по словам Теодора Безы, заставлял трепетать его слушателей, сделали его самым пленительным из ораторов Франции и Швейцарии. Фарель, который обычно говорил экспромтом, не мог не быть

поражен представшим перед ним зрелищем, поскольку прихожане в подобных обстоятельствах всегда реагируют на проповедника. Он стоял перед бушующим морем, вздымающиеся волны которого, казалось, вот-вот поглотят его. Но он чувствовал, что стоит на скале, и он давно научился противостоять буре. Затем он мужественно развернул обвинительный акт. Он изложил те вещи, которые могли бы осквернить вечерю. Он перечислил "те разделения, те банды, те богохульства, те распутства, которые множились и которые не позволяли министрам управлять этим".^[634] Долгое время люди не могли слушать его без восхищения, но в этот момент все было совсем по-другому. Умы людей все больше и больше волновались, сердца бунтовали, вспыхивало сопротивление, раздавались голоса, измененные страстью, и волнение, о котором рассказывает хронист, наполнило церковь Сен-Жерве. Фарел, однако, сохранил преимущество. Его характер и его действия внушали повстанцам благоговейный трепет. Его друзья прикрывали его отъезд, и ему удалось добраться до своего дома целым и невредимым.

Тем временем Кальвин проповедовал в соборе Святого Петра. Что там происходило?

УТРЕННЯЯ ПРОПОВЕДЬ КАЛЬВИНА.

Богослужение, по-видимому, было тихим и достойным; сцены из Сен-Жерве, во всяком случае, здесь не повторялись. Квартал, в котором находился собор, его внушительный и торжественный вид, состав прихожан, магистраты, которые, несомненно, присутствовали в большом количестве, серьезное выражение лица реформатора отчасти объясняют этот этикет. Но характер его речи, спокойной, простой, богатой мыслью, яркой и освещающей все темы, которые он затрагивал, лаконичной, внушающей благоговейный трепет и убедительной, без ярких и популярных вспышек Фарела, несомненно, в значительной степени способствовал этому. Тем не менее Кэлвин ничего не утаил. 'Мы протестуем перед всеми вами,' сказал он, 'что мы не упорствуем в вопросе о хлебе, квасном или преснокислом; это безразличный вопрос, который оставлен на усмотрение Церкви. Если мы отказываемся готовить ужин, то это потому, что мы находимся в большом затруднении, которое толкает нас на такой поступок.' Затем он заговорил о разделениях, бандах людей, богохульствах, распутстве, беспорядках, мерзостях, насмешках над Богом и его Евангелием, смутах и сектах, которые преобладали в городе. "Ибо, - сказал он, - публично и без какого-либо наказания за это были произнесены тысячи насмешливых речей против Слова Божьего, а также против вечери".^[635] Затем он безоговорочно изложил мотивы, которые удерживали его от совершения причастия. Но, похоже, дальше он не пошел. Несомненно, он не раз в своих выступлениях преступал границы умеренности; но, по-видимому, торжественность случая и достоинство кафедры побудили его воздержаться от тех резких фраз, которыми иногда изобилвала его речь. Ему предстояло выполнить трудную задачу. Он был обязан заставить этих людей понять обязательства, налагаемые на них исповеданием христианства. Фактически, у каждого члена общества есть определенные обязанности, которые необходимо выполнять, которые необходимы для самого существования сообщества; точно так же каждый член Церкви обязан вести перед ним назидательную и непорочную жизнь. Христиане образуют всего лишь одно тело, и каждый из его членов заботится о том, чтобы Бог почитался во всех них. Очевидное лицемерие и бесстыдная развращенность любого человека, называющего себя христианином, являются ущербом для всего христианского общества. Единение с Богом несовместимо с состоянием греха; порок и добродетель - это две вещи, которые никогда не сочетаются друг с другом. Рассматривать как мелочь и безразличие непримиримое противостояние, существующее между правдой и ложью, между святостью и распущенностью, так что можно стремиться к тому

или иному без каких-либо оснований для предпочтения, - это деградация человечества и скандал из скандалов. Если такой образ мыслей возобладает, христианская Церковь окажется в состоянии страдания; ее нужно защищать, ее нужно спасти; а Церковь, не желающая, чтобы ее защищали, находилась бы в очень нездоровом состоянии. Более того, и Кальвин часто вспоминал об этом, поддерживать необходимость жизни, соответствующей Слову Божьему, важно даже для человека, чье поведение противоречит его заповедям. На этой необходимости настаивают не для того, чтобы уничтожить, а для того, чтобы спасти его. 'Это делается таким образом,' сказал Кальвин, 'чтобы вернуть его на путь спасения, и Церковь вполне готова принять его как друга. Она не должна проявлять слишком суровую строгость; она не должна доходить строго до крайностей и показывать себя неумолимой, а скорее должна действовать мягко. Если эта умеренность не будет тщательно соблюдаться, есть опасность, что из корректоров мы превратимся в палачей'.^[636]

Таковы были принципы Кальвина. Его речь до нас не дошла, но невозможно предположить, что он говорил не в соответствии со своими глубочайшими убеждениями; и если бы он это сделал, это отчасти объясняло бы то спокойствие, с которым его слушали. Однако он ошибся в одном пункте, и мы не можем полностью признать это. В то время Церковь и государство повсеместно были почти смешаны, так что "государство без колебаний вмешивалось во многие вопросы, которые входили в компетенцию Церкви".^[637] Это имело место, в частности, в Женеве. Из всех реформаторов Кальвин был тем, кто больше всего стремился установить автономию Церкви и, таким образом, определенную независимость двух обществ. Но, как и его современники, он придерживался мнений своего времени и тех, кто ему предшествовал. Элементы иудейской дисциплины с первого века укоренились на почве христианской дисциплины. Реформация, несомненно, произвела повсюду большие изменения в этом положении вещей; но все же было видно, как государство, даже в Женеве, протягивало свою железную руку в гущу христианских обществ с целью поразить виновных. Это грубая и фатальная ошибка, которую каждый истинный христианин должен энергично отбросить от себя. К счастью, в великом конфликте Пасхи 1538 года по этому поводу не могло быть никаких сомнений. Государство тогда на какое-то время было отделено от Церкви, и реформаторы не использовали и не хотели использовать никакого другого оружия, кроме оружия Духа.

ЕГО ВЕЧЕРНЯЯ ПРОПОВЕДЬ.

Если реформатор мог спокойно проповедовать утром, вечером все должно было быть иначе. Самые яростные из его противников считали, что они ему что-то должны, и в своем гневе намеревались вернуть долг. Пока им приходилось иметь дело только с добродушным Фарелем, дела шли довольно хорошо, несмотря на его веселые выходки; но этот молодой человек из Нуайона был духом иного склада, и с тех пор, как он приехал в Женеву, все изменилось. У него был методичный ум и организаторские способности. Разве не он подготовил основной закон Церкви, которому они были обязаны принести присягу в соборе Святого Петра? Он хотел все регулировать, а это было неудобно. Поскольку на Фарела напали, было несправедливо позволить Кэлвину сбежать. Утром в Сен-Жерве поднялся шум; другой поднимется вечером в церкви Святого Франциска в Риве. Именно в этом монастыре Фарель впервые появился за кафедрой 1 марта 1534 года; и там Кальвин должен был проповедовать 21 апреля 1538 года. Квартал, в котором стоял этот монастырь, располагался в нижней части города, недалеко от берега озера, и здесь, вероятно, было менее тихо, чем по соседству с кафедральным собором. Церковь быстро заполнилась, и прибыл Кальвин. Он начал свою проповедь. Зная, что с

Фарелом обращались хуже, чем с ним самим, вполне возможно, что, чтобы не оставлять оснований для упреков самому себе, он сочтет своим долгом сделать больший акцент на своих словах и подчеркнуть определенные вещи, чтобы их заметили и прочувствовали. В остальном, если бы он говорил как ангел, ему бы не удалось избежать суматохи. Умы людей были раздражены; мысль о сопротивлении этому непреклонному человеку овладела многими и привела их в неистовство; они даже взяли свои мечи и пришли в церковь, как на военный парад. Насилие часто поначалу остается тлеющим, безмолвным и не подает никаких признаков. Похоже, что так было и в этом случае; но при каком-то слове, произнесенном проповедником, оно проявило себя внезапным взрывом. Можно было бы сказать, что над этой толпой пронесся штормовой ветер и вызвал в ней страстное движение. В церкви Рив раздавались бурные речи и угрожающие жесты. Это было еще не все. При виде этого оратора, достоинство и сила которого их раздражали, самые яростные обнажили свои мечи, и блеск стали был замечен в святилище мира. Правда, никто не приставлял смертельное острие к горлу оратора. Однако, по-видимому, между друзьями и врагами Реформации произошла борьба, и руки были скрещены; ибо великий магистрат Женевы XVI века Мишель Розе счел своим долгом отметить в своей хронике, что дело обошлось *без кровопролития*.^[638] Синдик Готье тоже смотрит на это счастливое обстоятельство как на *своего рода чудо*. Таким образом, услышав пятьдесят или шестьдесят раз в течение вечера стрельбу из аркебуз по своему собственному дому, реформатор в этот час увидел сверкающие мечи, направленные против него в самом доме Божьем. Лютер и другие реформаторы также подвергались подобным испытаниям, но в их случае они исходили от папы римского и его приверженцев, а не от людей их собственной Церкви. Был ли Кальвин взволнован или он оставался спокойным перед лицом этой вспышки? Мы не знаем. Вероятно, что, будучи внутренне взволнованным, он сохранял внешнее спокойствие. В то время как некоторые из его друзей собрались за кафедрой, чтобы защитить его, к счастью, нашлось несколько умеренных людей, принадлежащих к обеим сторонам, которые приложили все усилия, чтобы восстановить мир, обуздать вспышки страсти и образумить тех возбужденных людей, которые своим насилием бесчестили храм Господень. Постепенно чувства успокоились, речь стала менее яростной, мечи были возвращены в ножны, и буря утихла. Друзья Кальвина сопровождали и доставили его в целостности и сохранности в его жилище, которое находилось неподалеку. "А вечером в Риве, - рассказывает синдик Розет, 'вспыхнули беспорядки против Кальвина. Были обнажены мечи, но все это было подавлено.

БЕСПОРЯДКИ В РИВЕ.

В тот же день, после службы, совет собрался, чтобы обсудить события этого дня. Присутствовали двенадцать членов совета, и они были полны решимости наказать не фракционеров, а реформаторов. Желая, чтобы их решения были приняты высшими властями государства, они постановили, что Совет Двухсот должен собраться на следующий день, а генеральный совет - на следующий день. Вряд ли они могли действовать быстрее.

22 апреля синдикаты изложили факты перед Двумя сотнями, особо остановившись на вопросе о хлебе, хотя министры заявили, что этот вопрос не имеет никакого отношения к их решению. Таким образом, хлеб, по-видимому, использовался просто как предлог. Синдикаты спросили Двести человек, желают ли они перенять ритуал, применявшийся в Берне. Они ответили утвердительно. Мы видели, что доминирующая партия получила большинство в этом совете, и какими средствами они это сделали. Затем синдикаты пожаловались, что служители проповедовали в день Пасхи, хотя магистрат запретил это, и спросили, не следует ли их

отправить в тюрьму. Двести человек и слышать не хотели о тюремном заключении; но с не меньшей суровостью они решили запретить трем священникам, Кальвину, Фарелю и Куро, занимать кафедры в церквях республики и приказать им немедленно покинуть город после назначения их преемников. Примечательно, что, согласно Реестрам собора, не было упомянуто ни об обвинениях в распущенности и богохульстве, которые Фарел и Кальвин выдвинули с кафедры, ни об отказе от проведения ужина, который стал следствием этого. Однако легко понять это молчание. Эти обвинения, несомненно, были самым важным фактом в конфликте, и волхвытраты, опуская их, расправлялись с комаром и проглатывали верблюда. Впоследствии Кальвин сказал, но не в связи с этим особым случаем: "Лицемеры, хотя они без колебаний предаются потворству самым грубым порокам, тем более суровы и скрупулезны в вопросах, которые имеют сравнительно небольшое значение; и хотя они таким образом притворяются, что смиряются перед Богом, они гордо оскорбляют его в лицо".[639] Распущенность и богохульство были очень неприятными темами, и совет вовсе не был склонен останавливаться на них. Кроме того, если бы об этих жалобах заговорили, должно было быть проведено расследование, должны были быть собраны доказательства и вызваны свидетели; и все это было бы очень хлопотно и заняло бы много времени. Даже если бы правительство возбудило дело против пасторов, чтобы наказать их за эти обвинения, очень сомнительно, добились бы они своего, по крайней мере, с точки зрения беспристрастных людей. Гораздо более простым и оперативным планом было настаивать на том единственном факте, что проповедовать служителям было запрещено, и что, тем не менее, они проповедовали. Это не требовало доказательств, поскольку весь город видел и слышал их. Совершенно очевидно, что именно на этом основании они были наказаны. Совет стоял на своем, но, несомненно, это был тот случай, к которому применима поговорка: *Summum jus summa injuria*. [640]

ОТКАЗ В ПРАВОСУДИИ.

Что могло произойти после этих беспорядков, этих бурных сцен и изгнания реформаторов? Узы религии, столь могущественные, чтобы сдерживать преступные желания и поступки, будучи однажды разорваны, не охватит ли несчастный город смятение, и без того столь сильное? Не будет ли поправа евангельская вера? Разве мы не должны найти самих протестантов, готовых присоединиться к мессе с Евангелием? Разве Рим не сговорился бы вновь ввести в Женеве 'старую религию'? Не окажется ли под угрозой сама политическая независимость? Разве враги Реформации не попытались бы заключить какой-нибудь договор с Савойей и разве сам Берн, влиянию которого Кальвин, казалось, был принесен в жертву, не поставил бы под угрозу женевские свободы? Эти опасения, увы, были слишком обоснованны! Кальвин, который так яростно сопротивлялся Фарелю, когда тот настаивал на том, чтобы он поселился в Женеве, теперь не мог решиться покинуть это место. Он хотел остаться там, чтобы изо всех сил бороться с опасностями, которые, как он видел, подстерегали город. 'Мы очень ясно осознали, ' сказал он, ' что в этой экстремальной ситуации безопасность Церкви требует, чтобы она не лишалась своих руководителей. Поэтому мы старались сохранить наше служение, как если бы это была борьба за наше собственное существование'. [641] Кальвин стремился любой ценой предотвратить любой переворот или потрясение в Церкви и государстве. Он чувствовал необходимость просвещать людей, заставлять их понимать важность нравственного поведения, христианской веры и сердечного единения. "Ему казалось, - сказал он, - что гораздо легче поддерживать Церковь в тот момент, когда она была готова пасть, чем восстанавливать ее, когда однажды она уже пала и была почти потеряна". [642] Поэтому он потребовал, и потребовал немедленно, чтобы ему разрешили изложить свои доводы генеральному совету. Он бы все

объяснил, и правая сторона победила. Несправедливо лишать обвиняемого возможности изложить причины своего поведения. Но все было бесполезно. Боялись ли синдикаты, что Кальвин убедит людей, или что люди оскорбят Кальвина? Мы не можем решить этот вопрос. Как бы то ни было, они отказали ему в том, что причиталось ему. Это был отказ в правосудии. Они предпочли осудить его без слушания. Ни его собственные заявления, ни заявления его коллег не принесли никакой пользы. Партийный дух зашел так далеко, что закрыл рот самому красноречивому, самому глубокому, самому образованному, самому искреннему и самому способному человеку своего времени.[643]

На следующий день, 23 апреля, генеральный совет собрался в монастырях Святого Петра, чтобы решить судьбу реформаторов, не выслушав их.

Le pire des états, c'est l'état populaire,—

говорили великие люди семнадцатого века.[644] В девятнадцатом мы думаем иначе. Тем не менее, верно, что люди часто не оправдывают сформированных у них ожиданий и обманывают самих себя. Каждая эпоха представляла ужасные примеры этого. Люди легко поддаются влиянию и сломя голову бросаются по стопам тех, кого они выбрали в проводники. Именно это и произошло в Женеве. Синдики спросили людей, желают ли они употреблять за ужином пресный хлеб, как это было сделано в Берне, 'без дальнейших споров'. Большинство высказалось за пресный хлеб, хотя они, вероятно, не очень четко понимали, что это значит. Затем синдики проинформировали генеральный совет, "что Фарел, Кэлвин и их коллеги отказались подчиниться приказу магистрата; и поинтересовались, уволят их или нет". 'Величайший голос', голос большинства людей, в соответствии с резолюцией Малого и Великого Советов, постановил, что они должны покинуть город в течение следующих трех дней. "Так было приказано, чтобы большее число членов совета победило лучшую часть".[645] Такой курс, принятый в отношении самых выдающихся людей того времени в Женеве, единственных, чьи имена дошли до потомков, и проведенный без их ведома, был одной из тех насильственных мер, к которым иногда прибегают плохие правительства — *государственный переворот*.

ПРИКАЗ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ.

Далее, этот же совет сместил секретаря, который читал статьи реформации. Этим секретарем был Клод Розе, который принял присягу на исповедание веры в знаменитый день 29 июля 1537 года. Изгоняя трех министров, они хотели нанести удар по крайней мере одному мирянину и остановили свой выбор на человеке, который в своем официальном качестве утвердил в Женеве *статьи реформации*. [646]

Был отдан приказ без промедления довести до сведения реформаторов указ народа, и главный пристав был назначен без дальнейших церемоний исполнять эту должность. Этот человек, добравшись до дома Кальвина, сказал ему, что декретом генерального совета ему предписано "больше не проповедовать в городе и уехать в течение следующих трех дней".[647] Реформатор спокойно ответил: "Если бы мы служили людям, нам, конечно, плохо заплатили бы; но, к счастью для нас, мы служим более великому хозяину, который платит слугам даже то, что он им не должен".[648] Билетер подошел к дому Фарела. Его ответ на это объявление был таким: 'Хорошо; это хорошо, это от Бога'. В этих словах реформаторов есть мир, твердость и величие души, которые немедленно поражают тех, кто их читает, которые некоторые историки называли

героическими,[649] и которые никто не имеет права называть притворными.[650] Тем временем совет был занят другими вопросами.

Однако печаль Кальвина была глубока. Чувствуя, насколько велика была Божья благодать к нему, он хотел быть благодарным за это. "Несомненно, - сказал он, - нам была оказана немалая честь в том, что столь могущественный лидер — Иисус Христос - поместил нас в ряды своих слуг. Поэтому мы самые неблагодарные из людей, если не посвящаем себя полностью служению ему".[651] Он посвятил себя этой работе, и голос совести подсказал ему, что он должен дать отчет о каждой потерянной душе. Успехи время от времени радовали его душу. 'Тем не менее, ' сказал он с грустью и тревогой после своего изгнания, ' в городе один за другим происходили мятежи, которые причиняли нам горе и волнения самого разного порядка. И каким бы робким, слабым и бездуховным я ни считал себя по натуре, я, тем не менее, с самого начала должен был противостоять этим стремительным волнам.[652] Я не могу выразить, какая тревога и огорчение наполняли мое сердце днем и ночью; и каждый раз, когда я думаю об этом, я все еще внутренне трепещу'. Тяжким было не только воспоминание о прошлом, но еще больше перспектива будущего; о бедствиях, которые могли обрушиться на Женеву, и о том огромном ущербе, который мог быть нанесен Реформации, если факел, который должен был бросать свои лучи повсюду, на Францию, Италию и другие страны, будет прискорбно потушен. Этого было достаточно, чтобы отягощать самую сильную душу.

25 апреля Куро был освобожден, и, вероятно, на следующий день трое пасторов покинули Женеву.

ПРЕДСКАЗАНИЕ БОНИВАРА. РАДОСТЬ И ГОРЕ.

Так исполнилось пророчество Бонивара, произнесенное десятью годами ранее. Следует помнить, что в 1528 году некоторые женевцы, желавшие Реформации только для того, чтобы избавиться от священников с их пороками и суевериями, заявив настоятелю развращенной церкви Святого Виктора, что они хотят поставить на их место служителей Евангелия, которые провели бы истинную христианскую реформацию, Бонивар ответил им: 'Если вы хотите реформировать других, не должны ли вы в первую очередь реформироваться сами? Животные, питающиеся одним и тем же мясом, естественно, ненавидят друг друга. То же самое происходит и с нами. Мы нецеломудренны; вы тоже. Мы пьяницы; вы такие же. Мы сквернословы, богохульники; вы тоже. Вы хотите прогнать нас, говорите вы, чтобы поставить на наше место лютеранских священников.... Джентльмены, будьте очень осторожны в том, что вы беретесь делать. Согласно их доктрине, мужчине будет запрещено играть в азартные игры и предаваться разврату, и это карается суровым наказанием. Как это тебя огорчит! Ты не получишь их в течение двух лет, прежде чем пожалеешь о нас".[653] Бонивар говорил откровенно и даже грубо, но его слова полностью подтверждают показания и жалобы Кальвина, Фареля и Розета. Все это верно, даже для срока, установленного предыдущим — *а не для двух лет*. Фарел и Кэлвин, несомненно, показали себя в этом бизнесе подверженными человеческим слабостям. Поскольку они оба были людьми с сильным характером, они легко побуждали друг друга к негибкости, к которой были склонны от природы. Сам Кальвин говорит нам, что благоразумный Буцер в более поздний период пожелал, чтобы они не жили вместе, чтобы влияние, которое они оказывали друг на друга, не было пагубным для них самих.[654] Они сами говорили, что могли бы проявить больше мягкости. Но невозможно не признать, что они сделали то, чего требовала

от них верность Евангелию. Вопрос о хлебе был маленьким выпелом, поднятым советами в противовес великому евангелическому знамени, которое мужественно несли Кальвин и Фарел. Два класса сражающихся в этом жарком деле были представителями двух систем, которые не только не имели никакого сходства друг с другом, но и были диаметрально противоположны. Если бы реформаторы уступили, великому делу религии и морали был бы нанесен ущерб, достоинство их служения было бы принижено, а их деятельность по распространению царства Божьего в Женеве была бы затруднена, возможно, стала бы невозможной. Их уступчивость в таком случае была бы не только достойна порицания, но и была бы поставлена в вину. Для них это был вопрос 'быть или не быть'. Они были обязаны стремиться одержать победу; и если им не удавалось победить, то они были обречены страдать как свидетели отвергнутой истины. Они не пренебрегли никакими средствами, чтобы взобраться на цитадель и водрузить на ней свой благородный флаг. Они потерпели неудачу, и им оставалось только отступить, побежденным и все же в действительности победителям; ибо они не отступили ни на шаг в битве и таким образом подготовили день триумфа. Оставив позади город с его суматохой, угрозами, оскорблениями и актами насилия, Фарель и Кальвин отправились в Берн. Это было в конце апреля. Проезжая вдоль берега озера среди прекрасных и умиротворяющих пейзажей природы, они почувствовали огромное облегчение. Вырвавшись из этих узких стен, внутри которых их сердца были разорваны горем и разбиты печалью, они снова вздохнули свободно. Чистый и пронзительный воздух окружал их вместо той тяжелой и густой атмосферы, и это давало им новую жизнь. "Когда, по случаю определенных неприятностей, я был изгнан, — сказал Кальвин, — я не нашел в себе такого великодушия, чтобы не радоваться больше, чем следовало, — что тогда и благодаря этому я был на свободе". [655] Однако в нем не было ни ропота, ни горечи. В разгар этого волнения он усвоил много уроков, особенно уроков самоотречения. "Как только человек начинает стремиться к себе, — говорил он в тот период, — начинаются состязания: истинный принцип действия солдата — отбросить всякую гордыню и полностью положиться на волю своего начальника". [656] Воля его начальника состояла в том, чтобы он покинул Женеву, и он покинул ее, осознав в этой самой зависимости высшую независимость. Раздетый и израненный, как тот человек, который спустился в Иерихон, он чувствовал рядом с собой Господа, который перевязал его раны и полил их маслом и вином. "Давайте вспомним, — сказал он далее, — это заявление Иисуса Христа о том, что никто не может нанести рану одному из своих малышей, если он не считает ее нанесенной самому себе". [657] Затем, взглянув на друзей, к которым они направлялись, он сказал: "Мы обратились к вам, братья, — к вам, которые были поставлены питать церкви Христа под влиянием Святого Духа. Ах, если бы мы сражались под руководством одного и того же государя, против одного и того же врага, в одной и той же войне и в одном лагере, разве это не сильно стимулировало бы нас в наших усилиях достичь согласия и гармонию?" [658] Он не терял мужества даже в отношении Реформации. "Церковь, — сказал он, — не утомлена, не огорчена и не свергнута этой борьбой; напротив, она черпает в них силу, она начинает процветать, она консолидируется благодаря новым веяниям". [659] Таковы, действительно, были плоды, принесенные этим великим испытанием. "События показали, — сказал Теодор Беза, — что провидение Божье назначило эти устроения для того, чтобы его слуга, благодаря разнообразному опыту, мог быть подготовлен к более великим свершениям; и что, в то время как мятежные люди уничтожают себя своим собственным насилием, Женевская церковь может быть очищена от всех пятен". [660]

Бедный слепой Куро не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы последовать за двумя своими коллегами, и поэтому укрылся у Фабри, который был пастором в Тононе, на Женевском озере.

ГЛАВА XII.

ВЕЛИКАЯ НЕРАЗБЕРИХА В ЖЕНЕВЕ. — БЕРНСКИЙ СОВЕТ ПРЕДПРИНИМАЕТ БЕСПЛОДНОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО.

(Конец апреля 1538 г.)

Тем временем друзья Евангелия в Женеве получили очень серьезный удар, который обрушился на них неожиданным образом. Многие были погружены в безмерную скорбь; некоторые потеряли всякую надежду когда-либо увидеть почитание Евангелия в этом беспокойном городе. Одни скорбели молча, другие выражали свое горе вслух. Самые благочестивые из них, несомненно, ожидали от верности Бога восстановления веры, порядка и процветания, к которым они так страстно стремились. Но "все добрые люди, - говорит Беза, - с великой болью видели, как трое их пасторов, повинувшись указу об изгнании", [661] покинули этот город, в который они хотели сделать так много хорошего; и с глазами сожаления или с нежными мыслями они последовали за ними, как будто не могли с ними расстаться.

ВЕЛИКАЯ НЕРАЗБЕРИХА В ЖЕНЕВЕ.

Вульгарные и озорные демонстрации, которыми наиболее незаконная часть населения праздновала свой триумф, еще больше усугубили горе серьезных людей. Замешательство пасторов было поднято на смех и превращено в насмешку. Профессиональные шуты почти все обладают фальшивым и поверхностным остроумием, и в каждой стране идет дождь из насекомых такого рода. [662] В Женеве в них не было недостатка. Мы не знаем, выступали ли они на сцене, но они играли в маскарадах. Были замечены большие группы этих шутов, разгуливающих по улицам, смеющихся, устраивающих драки и беспорядки. Один из них, и это было главное действующее лицо, держал за длинную ручку сковороду для жарки; а в сковороде были фитили для лампы, которые на местном наречии назывались *фареты*. Те, кто окружал знаменосца, восклицали, что у них есть фрикасе из *Фарела* (и его коллег вместе с ним), похожее на цыплят или репу, которую нарезают кусочками и затем готовят в сотейнике. Эти бедняги были внизу справа: министры действительно были сожжены на медленном огне. *Шутки* и сарказмы придавали пикантность этому странному блюду; и в те дни были люди, которые были бы рады видеть, как министры, покинувшие Женеву, 'падают со сковородки в огонь' — из одного состояния раздражения в другое, еще худшее. Оскорбления и насмешки сыпались со всех сторон. 'Шествия такого рода обычно заканчиваются развратом. Граждане получили позволение, - говорит Розет, - заниматься нечистоплотностью, танцами, играми и пьянством'. "Ни о чем не говорилось, кроме маскарадов, галантности, чрезмерного употребления вина и хорошего настроения". [663] Так масса населения отпраздновала уход пасторов. "Нечестивый мучается беззаконием, и замыслил нечестие, и породил ложь".

Что касается членов советов, то они пустили все на самотек. Если они и выпустили какое-либо воззвание с целью подавления этих беспорядков, на это было обращено мало внимания. Кроме того, они не настаивали на том, чтобы им подчинялись. Однако они попытались основать какую-нибудь Церковь. Священник Анри де ла Мар, несмотря на полученный им приказ, не осмелился проповедовать и проводить вечерю в день Пасхи, опасаясь оскорбить Фареля и Кальвина. Но,

как и бывший настоятель францисканцев Жак Бернар, он воздержался от участия в их протесте. Совет возложил на этих двух человек функции трех изгнанных министров. В то же время лордам Берна было предложено прислать министров Маркура и Морана, которые прибыли только после этого. Магистраты также распорядились восстановить купели для крещения, которые были снесены и которые отныне должны были использоваться при крещении детей. Затем они под звуки трубы провозгласили, что каждый должен соответствовать тому, что было предписано относительно вечери, крещения, праздников и т.д. Но Де ла Мар и Бернар не были достаточно могущественными людьми, чтобы занять место Фареля и Кальвина. Они были далеки от того, чтобы пользоваться большим уважением, и часто подвергались критике и даже упрекам со стороны своих слушателей. Поррал особенно громко жаловался на их проповеди. Совет встал на их сторону; и некто Гроли, обвинив Бернарда в том, что он проповедует не в соответствии со Словом Божиим, приговорил критика "молить о пощаде у Бога и закона, *преклонив колени*". Если бы это произошло во времена Кальвина, это было бы настоящей находкой для тех, кто получает удовольствие от клеветы на этого великого человека; но наказание было наложено его противниками на одного из его сторонников. Вопрос, однако, остается все та же; и этот акт обьяСьон в сфере религиозной взгляд был еще более сомнительных, потому что это был поступок из тех самых людей, которые были изгнаны реформаторов за то, что пытался посягать на свою свободу. Были, однако, некоторые дела, улаженные более спокойно. Влиятельный гражданин, бывший синдик Поррал, также раскритиковал проповедников, совет не сделал ничего, кроме как пригрозил ему своим *возмущением*; ему не пришлось *опускаться на колени и молить о пощаде*.

РЕФОРМАТОРЫ В БЕРНЕ.

Изгнание двух великих реформаторов и это плачевное положение вещей, которое радовало людей римской партии, повсюду наполняло печалью друзей Реформации. Они плакали из-за "великой радости фарисеев и врагов святого имени Божьего". Послышались стоны, молитвы и восклицания. "Как получилось, что этот город, который Сын Божий избрал своей обителью и своим святилищем, тем не менее так же глубоко погряз в своих сквернах, как и прежде, как будто на него никогда не падало ни единой капли Божьей благодати?"^[664] Люди думали о Капернауме, который сначала был вознесен на небеса, а затем низвергнут в ад! Кальвин понимал, что причины, приведшие к его изгнанию, поставили под угрозу не только прогресс, но и само существование Реформации. Придя в ужас от грозящей опасности, он был полон решимости сделать все возможное, чтобы предотвратить подобное бедствие.

Où le danger est grand, c'est là que je m'efforce.

Разве Церкви и даже государства Швейцарии не посочувствуют им в их испытаниях? Разве они не помогут им спасти Женеву? Если бы там был восстановлен римский католицизм и если бы таким образом Савойя стала преобладающей, Реформация в Берне и других кантонах оказалась бы под большей или меньшей угрозой, и Пэй-де-Во могло бы вернуться к своим прежним хозяевам. Кальвин, несомненно, мог бы вести более мирную и комфортную жизнь в другом месте, чем в Женеве; но он решил 'расстаться с жизнью' и пожертвовал ею ради Бога и его царства. Этот город, в котором он надеялся поднять знамя Евангелия, мог бы однажды стать крепостью, грозный фронт которой отразил бы объединенные атаки врага. И теперь он должен покинуть его. Он поспешил в Берн, где рассчитывал получить помощь, как это некогда сделали Бертелье и безансонский Гуго, когда им угрожали войска Савойи.

БЕРНСКИЙ СОВЕТ.

Приезд двух реформаторов произвел сенсацию в этом городе. При виде того Фареля, чьи труды во Французской Швейцарии в течение десяти лет увенчивались таким выдающимся успехом; того Кальвина, которого уже приветствовали как духовного учителя; этих двух людей, изгнанных, не имеющих убежища, умы людей были поражены, а сердца тронуты. Сами бернские магистраты не ожидали столь экстремальных мер. Допущенные к совету 27 апреля реформаторы заявили: 'Нас ложно обвинили. Женевцы (*господа де Женева*) выдвинули два обвинения: одно в том, что мы восстали против их приказов, а другое в том, что мы отказались соответствовать церемониям, используемым в Берне. Оба эти обвинения ложны; ибо мы делали все, что могли, чтобы подчиниться им, и никогда прямо не отказывались от такого подчинения, но, с другой стороны, мы скорее заявляли о нашей готовности рассмотреть, каким образом это можно было бы наилучшим образом организовать для назидания церкви. Далее, очевидно, что эти обвинения являются простой маскировкой, поскольку эти джентльмены были готовы согласиться с тем, чтобы это ритуальное дело было отложено до ассамблеи в Цюрихе, при условии, что мы согласимся на лишение нашего коллеги Куро должности проповедника. Но с этим, как противоречащим прямому слову Священного Писания, мы отказались согласиться. В день Пасхи мы протестовали, что если мы не устраиваем вечерю, то это не из-за опресноков, употребление которых само по себе безразлично, а из страха осквернить столь святое таинство, — если только люди не будут настроены лучше. Причина, которую мы привели, заключалась в следующем: беспорядки и мерзости, царящие в это время в городе, а также отвратительные богохульства и насмешки над Богом и его Евангелием, беспорядки, секты и разделения. Публично и без оглашения произносятся тысячи насмешливых речей против Слова Божьего и даже против вечери. И, более того, члены совета все это время отказывали нам в разрешении изложить наши причины; и, не выслушав нас, они настроили против нас как Двести человек, так и весь народ, выдвигая против нас обвинения, которые не соответствуют действительности ни в глазах Бога, ни в глазах людей. Действуя таким образом, они ясно показывают, что ищут только клеветы и скандалов, чтобы опорочить Евангелие. И это факт, что шесть месяцев назад в Лионе и в других местах Франции прошел слух такого рода, что некоторые торговцы хотели продать товары за большие суммы, *подлежащие выплате, когда нас должны будут изгнать!*... Из этого следует, что существуют давние тайные интриги. Точно так же они не довольствуются тем, что навлекают на нас позор, но несколько раз восклицали, что нас следует сбросить в Рону.' Высказавшись таким образом, реформаторы опубликовали мемуары, в которых были изложены те же жалобы.^[665]

Эта речь была суровой; но зло было велико. Бесплезно отрицать это; доказательства слишком убедительны. Весь народ, действительно, не был виновен в этих беспорядках и издевательствах; но тогда случилось, как это слишком часто бывает, что агитаторы взяли верх, а хорошие люди промолчали. Мы также должны обратить внимание на слова Кальвина о том, что он опасался профанации тайны вечери, *если только люди не будут настроены лучше*. Следовательно, Он допускает лучшее расположение людей; он желает этого; и тогда он, безусловно, готов отпраздновать священный праздник. Что касается его утверждения о том, что он и его коллеги *сделали все, что от них зависело*, чтобы повиноваться судьям, он ясно указывает тем самым, что что-то *было не в их власти*; а именно, действовать против своей совести и повеления Бога. Многие в свое время винили их за это; но кто теперь станет упрекать в этом? Самые ярые сторонники союза церкви и государства сами говорят, 'Что никакая государственная власть не должна вмешиваться в религиозные убеждения какого-либо

человека. Если бы такой принцип действительно был задействован в поддержании устоявшейся церкви, меня, вероятно, нашли бы на другой стороне".[666] Ни один человек в наши дни не будет осуждать реформаторов. Поддерживая независимость веры, они делали то, что были обязаны делать.

Бернский совет, который не был охвачен страстями, как женевский, ясно разбирался в этих вопросах и был поражен ощущением опасности, нависшей над их союзниками. Не теряя времени, они в тот же день написали своим 'исключительно хорошим друзьям и верным согражданам': 'Мастера Г. Фарел и Кэлвин сегодня предстали перед нами и подали жалобы, указанные в прилагаемом расписании. Мы выслушали их с глубокой скорбью в сердце, ибо, если все это действительно имело место, это нанесет большое оскорбление и обернется бесчестьем для христианской религии. По этой причине мы искренне просим вас и в братской привязанности увещеваем и требуем от вас уменьшить суровость, с которой вы обращаетесь с Фарелом и Кальвином, из любви к нам и во избежание скандала. То, что мы написали о соответствии в вопросах церемониала, мы написали из любви, а не для того, чтобы каким-либо образом стеснить вас. Но вы должны знать, что беспорядки, существующие в настоящее время в вашем городе, и строгое обращение, которое вы применяете к своим проповедникам, были очень оскорбительны для нас, и что наши враги очень рады этому. Этим вы окажете нам самую желанную услугу".[667] Таково было мнение лордов Берна, которые сами были противниками Кальвина; и они могли иметь на него зуб, особенно в этом вопросе, по поводу пресного хлеба. Но их взгляды были более возвышенными, мудрыми и более глубоко религиозными и политическими, чем взгляды Ришарде и его друзей.

ОТВЕТ ЖЕНЕВСКОГО СОВЕТА.

Получив это письмо, Женевский совет был еще более взволнован, чем Бернский. Гнев, который бушевал его членов и который побудил их изгнать реформаторов, еще не утих; и, как уже было отмечено, их ответ был такого характера, какого и следовало ожидать от людей, находящихся во власти страсти.[668] Они написали в Берн, что считают 'очень странными' жалобы, которые им присылали; что они 'не могут себе представить, как Фарел и Кальвин были настолько смелы, чтобы делать ложные заявления в адрес их превосходительств; что в их городе не было больших разногласий, поскольку в предыдущее воскресенье ужин, согласно их собственному церемониалу, был собран большим количеством людей, единомышленников'. Это сводилось к тому, что пасторы были изгнаны, не выслушав их, их слушатели были запуганы, а партия, выступающая против Евангелия, восторжествовала, единообразие восторжествовало посредством насилия и страха. Это, действительно, обычный результат государственного переворота.

ГЛАВА XIII.

ЦЮРИХСКИЙ СИНОД.—БЕРНСКИЕ ПОСЛЫ ПРОВОДЯТ КАЛЬВИНА ОБРАТНО В ЖЕНЕВУ.—ОН НЕ МОЖЕТ ВЪЕХАТЬ В ГОРОД.

(Конец апреля - конец мая 1538 г.)

ФАРЕЛ И КАЛЬВИН В ЦЮРИХЕ.

Фарел и Кальвин не позволяли себе колебаться из-за упрямства своих врагов. Они были полны решимости сделать все, что в их силах, чтобы спасти Церковь, а также город Женеву от бедствий, которые, по мнению добрых людей в Швейцарии, непременно должны были обрушиться на них. Синод реформатских церквей этой страны, на решение которого они подали апелляцию, сейчас заседал в Цюрихе. Они без промедления отправились туда, чтобы проинформировать ассамблею о важных событиях, произошедших в Женеве, и потребовать ее посредничества. Депутаты Базеля, Берна, Шаффхаузена, Санкт-Галля, Глариса, Мюльхаузена и Бьенна совместно с докторами Цюриха составили ассамблею, которая заседала с 29 апреля по 3 мая. Буцер и Капитон также приехали из Страсбурга, чтобы присутствовать на нем. Основным делом синода был союз с Лютером, который в то время проявлял примирительный настрой. Все члены церкви, за исключением Кунца, бернского депутата, приняли двух изгнанников с истинно христианской сердечностью. Похоже, что Фарел и Кальвин нашли облегчение в этой встрече братьев. Из-за своей жизни в Женеве, постоянно находясь в присутствии жестоких противников, они, вероятно, испытывали своего рода моральное напряжение. Но верноподданническая привязанность швейцарцев позволила их умам раскрыться, а душам раскрыться в лучах милосердия. После рассмотрения вопросов, связанных с *Конкордией* Виттенбергского собора, синод перешел к вопросу об обрядах и постановил, что в отношении них Церкви должны сохранить полную свободу — решение, благоприятное для Кальвина и Фареля. Урегулировав этот вопрос, синод принял во внимание состояние Женевы. Кальвин рассказал о разделениях и бедах, обрушившихся на Церковь, о жалком положении, в которое были доведены добрые христиане, и об опасностях, которым подвергалась Реформация. Он не проявлял упрямства по второстепенным вопросам, но непоколебимую твердость в тех, которые, по его мнению, были необходимы для процветания Женевы. Он с готовностью согласился на использование купелей для крещения, а также, добавил он, на введение "в нашей Церкви пресного хлеба; но, - сказал он, - мы хотим попросить бернцев, чтобы этот хлеб преломляли".[669] Акт *преломления хлеба*, согласно учреждению и практике апостолов, казался ему важным для символа, который был предназначен для увековечения тела Господня, приносимого в жертву. Он был несколько озадачен вопросом о празднествах, но дал свое согласие на четыре из них при условии, что все желающие смогут поработать после службы. Он изо всех сил старался не допустить шума и распушенности, характерных для римского населения во второй половине этих праздничных дней.[670] Он продолжил: 'Если возникнет какая-либо мысль о восстановлении нас в Женеве, мы требуем, прежде всего, чтобы нам позволили очиститься от клеветы, которой нас обвинили. Нас осудили неслыханно, и это, - сказал он, - бесчеловечное, варварское деяние, с которым нельзя мириться.[671] Далее, будет важно установить дисциплину, из-за отсутствия которой все, что мы можем восстановить, вскоре будет свергнуто. Мы требуем, чтобы город был разделен на приходы, ибо никакой порядок в церкви невозможен, если паства не находится рядом со своим пастырем, а пастор - со своей паствой. Мы требуем, чтобы было разрешено своевременное применение отлучения от церкви; и чтобы для этой цели совет избрал в нескольких кварталах города честных и мудрых людей, которым, по общему согласию, следует доверить управление городом. Мы требуем, чтобы в институте пасторов поддерживался законный порядок и чтобы власть магистрата не заменяла возложение рук, которое должны получать служители. Мы требуем более частого совершения ужина; чтобы он совершался, если не по обычаю ранней Церкви, то[672] по

крайней мере раз в месяц. Мы требуем, чтобы к публичной проповеди присоединилось пение псалмов. Наконец, мы требуем, чтобы, поскольку наши собственные горожане приводили в пример страны, подчиняющиеся Берну, в оправдание похотливых песен и танцев,[673] следует умолять бернцев положить конец подобному распутству в их собственных государствах, чтобы наш народ не мог воспользоваться этим для оправдания подобных эксцессов".

ИХ УМЕРЕННОСТЬ.

Вышеприведенные статьи, числом четырнадцать, были написаны рукой Кальвина, но они были зачитаны синоду Буцером.[674] Кальвин и Фарель, вероятно, не желали выдвигать себя слишком вперед и предпочли, чтобы вопрос был решен по существу, независимо от их личных убеждений; и они выбрали наиболее умеренных из богословов того периода в качестве его выразителей. Кальвин был не из тех людей, которые превозносят себя в чувстве собственной праведности; он знал по опыту, что "во многих отношениях мы оскорбляем всех". "Мы знаем, - сказал он впоследствии Фарелю, рассказывая ему о том, что только что произошло, - мы знаем, что наши противники не могут клеветать на нас дальше, чем позволяет Бог, и мы знаем, какую цель Он преследует, разрешая это вообще. Поэтому давайте смиряться; если только мы не решим бороться с Богом, потому что Он смиряет нас;[675] но давайте не перестанем уповать на Него. "Венец гордыни, пьяницы Ефремовы, будут попраны ногами", - сказал пророк (Исаия xxviii. 3). Давайте признаем перед Богом и перед его народом, что в какой-то степени именно из-за нашей некомпетентности, лени, беспечности и ошибок Церковь, вверенная нашему попечению, попала в столь плачевное состояние. Но давайте также сохраним, как это наш долг, нашу собственную невиновность и чистоту по отношению к тем, кто своим обманом, злобой и порочностью, несомненно, стал причиной этого разорения".[676] Кэлвин, обвиняя себя в лени, несомненно, зашел слишком далеко. Но он говорил таким образом не только со своим коллегой; он без колебаний высказал те же взгляды перед синодом. Описывая опасности Женевы, "разрушение, которое, казалось, угрожало" зданию, воздвигнутому Фарелем и им самим, "Мы открыто признаем, - сказал он депутатам швейцарских церквей, собравшимся в Цюрихе, - что в некоторых вещах мы, возможно, были слишком суровы, и по этим вопросам мы готовы прислушаться к голосу разума".[677]

Синод не порицал реформаторов. В нем им, действительно, рекомендовалось использовать "умеренность и христианскую мягкость, необходимые с этим некультурным народом";[678] но он признал, что реформаторы в своих четырнадцати статьях, далеких от проявления упрямства в незначительных вопросах, требовали только того, что справедливо, законно и важно. Это правда, что христианин должен быть назначен служителем не простым постановлением государственного совета, но, после проверки, возложением рук старейшин или пасторов. Это правда, что более частое празднование Вечери Господней соответствовало Слову Божьему. Предметом величайшей деликатности было отлучение от церкви. Но разве женевцы не могли поручить управление им *честным и благоразумным мирянам*, избранным советами, которые сами являются выборным органом? Здравый смысл швейцарцев подсказывал им, что люди, полностью лишённые христианского характера, не должны быть частью христианского общества.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ИХ ДЕЛА.

Похоже, что ни один из присутствовавших на синоде богословов не принимал дело Кальвина так близко к сердцу, как человек, который вместе с Меланхтоном был, пожалуй, самым осторожным из реформаторов, Капитон. Человек от природы мягкого характера, он, тем не менее, проявил мужество, призвав Лютера к умеренности, а впоследствии сделав то же самое в отношении своего коллеги из Страсбурга Матиаса Зелля. Он одобрял курс Фареля и Кальвина; он даже взялся утешать их. 'В вашем изгнании нет ничего постыдного, - сказал он им, - и мы не боимся, что это нанесет ущерб Церкви. Сами ваши враги только упрекают вас в излишнем рвении. К несчастью, нет недостатка в служителях, которые учат Евангелию без дисциплины; которые предпочитают занимать должность, к которой они относятся не более чем как к должности, приносящей прибыль. Это ведет к вседозволенности вместо свободы Христа.[679] Церквям необходима дисциплина. Некоторые люди воображают, что то, что может делать каждый человек, нас не касается; как будто Христос не сказал, что если у человека есть сто овец, и только одна из них заблудилась, он должен отправиться на ее поиски. Что? поскольку авторитет папства был низвергнут, должна ли власть Слова и служения рассматриваться как также упраздненная? Кто-то может сказать: "Я достаточно знаю Евангелие; я умею читать; чего я хочу от вас? Проповедуйте тем, кто желает вас слышать!" Дисциплина - это то, к чему наши Церкви не привыкли, то, что плоть и кровь ненавидят. Должны ли мы тогда удивляться, что вы двое в одиночку не смогли сразу реформировать такой большой город?[680]

Поэтому ассамблея одобрила четырнадцать статей, представленных Кальвином и Фарелем, а затем "объявила причины их изгнания из Женевы незаконными".[681] В глазах этих швейцарских христиан, собравшихся в Цюрихе, эти двое изгнанников были славой Реформации; врачами, которых восхваляли во всех Церквях; двумя главными двигателями великой трансформации, которая совершалась в христианском мире. Честь, долг христиан Швейцарии требовали, чтобы эти благочестивые и прославленные люди, жертвы страстей, враждебных Евангелию, были восстановлены в том положении, в которое поставил их Бог. Поэтому синод направил письмо в Женеву с настоятельной просьбой принять меры для восстановления Церкви, и в частности отозвать пасторов. В то же время суд рекомендовал бернцам, и особенно Кунцу, поддержать эту просьбу; и Кунц принял обвинение. Цюрих также желал что-нибудь предпринять, и Буллингер написал по этому поводу 4 мая губернатору Ватвилля. Затем Фарель и Кальвин вернулись в Берн, настроенные терпеливо и кротко, но в то же время полные надежды.[682]

Человек, с недоброжелательностью которого они уже сталкивались, вскоре должен был нарушить их радость. Кунц, который сначала был пастором в Эрленбахе, внес свой вклад в Реформацию в нижнем Зибентале. Насколько мы можем узнать, он родился в зажиточной семье крестьян тех краев,[683] и сохранил определенную деревенскость и грубоватость. Приверженец энергичного характера, страстно преданный всему, что касалось дела, которое он отстаивал, слепой и несправедливый по отношению к противоположным мнениям, без добрых чувств к своим противникам, он легко поддавался враждебности, зависти и ссорам; и ему иногда было так же трудно ладить с членами своей партии, как терпеть тех, кто принадлежал к другой стороне. Что касается рассматриваемого вопроса, то его враждебность, по его мнению, имела оправдание. Если он горячо возражал против Кальвина и Фареля, то лишь потому, что слабый интерес, который они испытывали к вопросу о пресном хлебе и другим аналогичным вопросам, мог, по его мнению, вызвать раздражение немцев, чьим неумолимым защитником в Швейцарии он был сам. Он, по-видимому, разделял чувства, выраженные Кальвину и Фарелю цюрихским синодом, который был единодушен в их пользу. У него не было желания в присутствии столь

значительного собрания давать волю своей личной ненависти. Но реформаторы ничего не теряли от этой сдержанности. Он ждал их в Берне. Там Кунц будет на своей земле, и пусть противники человеческих традиций остерегаются!

ВРАЖДЕБНОСТЬ КУНЦА.

Кальвин и Фарель, добравшись до Берна, не нашли там Кунца. Им пришлось ждать его восемь дней.^[684] Он был в Нидау, на собрании пасторов, перед которыми, забыв о торжественном обещании, данном им в Цюрихе,^[685] он сказал: "Меня попросили поехать в Женеву, чтобы восстановить этих изгнанников; но я бы гораздо скорее отрекся от своего служения и покинул свою страну, чем помогал этим людям, которые, я знаю, ужасно обращались со мной". Эта задержка, учитывая нынешнее положение двух реформаторов, испытала их терпение. Однако они ждали, убежденные, что вина будет возложена на них, если бизнес потерпит крах из-за их ухода. Когда, наконец, они услышали о приезде Кунца, то отправились к нему домой и застали его в обществе Себастьяна Мейера и Эразмуса Риттера. Там, в своем собственном доме, он позволил себе расслабиться. Он начал с длинных жалоб, а закончил жестокими оскорблениями.^[686] Кэлвин и Фарел, которые не ожидали этой вспышки гнева, восприняли ее, однако, спокойно; поскольку они знали, что если они ответят ему какой-либо резкостью, единственным результатом будет ввергнуть вспыльчивого Кунца в сильный приступ ярости.^[687] Риттер и Мейер присоединились к ним в попытке успокоить его. Когда он немного успокоился, он сказал им: "Я хотел бы знать, просите ли вы меня вмешиваться в ваши дела; ибо я предвижу, что, если все закончится не так, как вы желаете, вы будете винить в этом меня". Они трижды заверили его, что не намерены ничего менять в миссии, которую синод возложил на него и которую он принял. Но они говорили без всякой цели. Кунц, который очень хотел освободиться от этой обязанности, продолжал беспрестанно играть на одной и той же струне. Наконец, измученный своей страстью и утомленный шумом, который он поднял, 'Я сделаю, - сказал он, - то, что я должен сделать". Затем они расстались, договорившись обсудить этот вопрос на следующий день.

ЕГО ГНЕВ.

Итак, на следующий день в назначенный час Кэлвин и Фарел отправились в отель де Вилль. Им пришлось ждать два часа. Затем до них дошли слухи, что у министров слишком много дел в Консistorии, чтобы иметь возможность присутствовать при них. После обеда два женевских реформатора снова явились; и, когда ассамблея приступила к рассмотрению этого вопроса, они были очень удивлены, услышав, что первое, что нужно сделать, - это тщательно изучить четырнадцать статей, уже одобренных цюрихским синодом. Они подавили чувства, которые вызвало в них это унижение, и согласились. В статьях не было ни одного слова, против которого не было бы возражений;^[688] и когда они перешли к вопросу о пресном хлебе, Кунц возвысил голос и, обращаясь к двум реформаторам, сказал: 'Вы своими несвоевременными и страстными нововведениями потревожили все Церкви Германии, которые до тех пор жили в мире'. Кальвин ответил, что не они ввели употребление квасного хлеба; что эта практика существовала в ранней Церкви и что следы ее были обнаружены даже при папстве. Но Кунц ничего не хотел слушать и становился все более и более вспыльчивым.^[689] Его коллеги, желая положить конец этому спору, попросили перейти к третьей статье, которая касалась фестивалей. После этого дела стали намного хуже. Кунц не ограничивался громкими разговорами; он яростно вскочил

из-за стола, и все его тело сотрясало от ярости, так что его коллеги тщетно пытались удержать его.[690] 'Это ложь, - сказал он, - что статьи были одобрены в Цюрихе'. 'По этому вопросу мы апеллируем, ' твердо ответил Кальвин, - к свидетельству всех, кто присутствовал на Синоде'. Когда Кунц немного пришел в себя, он обвинил двух докторов в невыносимом ремесле; статьи, по его словам, были полны исключений. 'Напротив, мы думали, - очень справедливо ответил Кальвин, - что мы проявили искренность, таким образом просто и открыто сделав исключения там, где их следовало бы сделать'. Оба реформатора с глубоким чувством удалились от странной сцены, свидетелями которой они только что стали. Два года спустя Фарель все еще писал своему другу: "Каждый раз, когда воспоминание о Кунце возвращается в мою голову, я преисполняюсь ужаса перед этой Фурией, которая не считалась с Церковью, но которую дьявол довел до безумия ненавистью ко мне".[691] Кунц притворился, что два реформатора хотели уйти и не выполнить обещание, данное в Цюрихе. . Кальвин, напротив, сказал: "Мы готовы скорее сделать что угодно, чем не испробовать все средства для удовлетворения потребностей религии и исполнения нашего долга по отношению к Церкви".[692] Поскольку Кунц и его друзья отказались от своей миссии, некому было взяться за это дело, кроме сената Берна.

Несколько дней спустя Фарел и Кэлвин были приняты этим органом. Представления, которые бернцы должны были сделать в Женеве в соответствии с решениями цюрихского синода, не могли не быть весьма неприятными для тех, кто хотел ввести бернские обряды в этом городе. Должен ли Берн выступать против Берна? Кто-нибудь когда-нибудь слышал о подобном? Ни одно государство добровольно не берет на себя выполнение такой обязанности; и меньше всего государство, которое, подобно Берну, имело репутацию позитивного и непреклонного в своих взглядах. Поэтому совет попытался побудить Кальвина и Фареля отказаться от своих четырнадцати статей, но они отказались это сделать. Затем их попросили удалиться. Когда их отозвали, та же попытка была предпринята снова, трижды, в течение часа.[693] 'Это принадлежит Церкви, ' ответили они, ' устанавливать единообразие законным образом'. Он уже создан, заявили в совете. "Да, - ответили они, - но горсткой мятежников, которые в то же время кричали, что нас нужно сбросить в Рону.[694] Мы полны решимости терпеть все, а не делать вид, что одобряем меры, принятые для обеспечения единообразия'. Фарель и Кальвин не могли ответить иначе: нельзя уступать злу. Бернский совет уступил, продемонстрировав таким образом в данном случае независимость и чувство справедливости, которые были самыми почетными.

ВОЛНЕНИЯ В ЖЕНЕВЕ.

Еще раз созвав реформаторов, совет объявил им, что два посланца от сената должны сопровождать их и что, когда они окажутся в четырех милях от Женевы, Кальвин и Фарель должны остановиться, в то время как бернские лорды продолжат свой путь. Место, названное бернцами, находилось ниже деревни Гентод; возможно, в то время это было на границе. Депутаты Берна должны были потребовать от женевского совета возвращения Фареля и Кальвина; и в случае, если они добьются этого, они должны были проводить их в город и позаботиться о том, чтобы они были восстановлены в своем служении. Фарел и Кальвин утверждали, что, если бы этот курс был избран, они, казалось бы, были бы восстановлены только потому, что признали себя неправыми, чего они не могли сделать. Они также жаловались на то, что ни один министр не входил в состав посольства. Следовательно, совет принял новую резолюцию, согласно которой два реформатора должны были немедленно прибыть в город, а бернские посланники должны были представить народу четырнадцать

статей Цюриха в присутствии Фареля и Кальвина, с тем чтобы, если возникнут какие-либо возражения, последний мог ответить на них без промедления. Затем реформаторы должны изложить свою причину, и, если их оправдание будет принято, они должны быть восстановлены в своих должностях. Два министра, Эразмус Риттер и Вирет, должны были сопровождать их. 'Сейчас мы отправляемся в наше путешествие, ' писал Кальвин Буллингеру. - Да будет угодно Господу, чтобы оно было успешным. Мы надеемся, что он будет направлять нас в наших действиях, и именно от его мудрого распоряжения мы ожидаем успеха".[695] Делегация отправилась в путь, и в Лозанне к ней присоединился Вире.

Тем временем в Женеве стало известно, что Кальвин и Фарель возвращаются под руководством и покровительством делегатов от штата Берн. Эта новость вызвала большое удивление. Что? эти два министра были изгнаны за то, что отказались принять ритуал Берна, и теперь Берн пользуется их благосклонностью и возвращает обратно! Берн высоко оценил величие Реформации и ценность реформаторов. Но были и такие женевцы, которые не могли видеть дальше своих собственных стен и, казалось, совершенно не подозревали о великих переменах, которые обновляли весь христианский мир и самыми выдающимися проводниками которых были Кальвин и Фарель. Подтверждение этой новости вызвало большой переполох в умах людей. Совет решил отказать реформаторам во въезде в город, а самые яростные из их противников решили воспрепятствовать их возвращению силой. На некотором расстоянии от крепостных валов была устроена засада, и двадцать гладиаторов, как называет их Кальвин, были расставлены с оружием в руках у самых ворот города, как будто предполагался отпор враждебным силам.[696] Депутация была не более чем в миле от Женевы, когда их встретил посланец совета.[697] Он вручил послам Берна депешу от совета, в которой было написано: "Чтобы предотвратить скандал, не возвращайте Фарела и Кальвина, поскольку это было бы нарушением указа, принятого сообществом, и его воли".[698] Но их совесть свидетельствовала им, что их дело было благим, и они желали, чтобы это было признано со стороны тех, кого Бог вверил их попечению. Поэтому они были готовы продолжить свое путешествие, не подозревая, что их ждет. Но бернские делегаты, которые, несомненно, были проинформированы посланником о возбужденном состоянии народа, настоятельно призвали их отказаться от этого. 'Мы бы спокойно продолжили наш путь, ' сказал Кальвин своим друзьям, когда услышал о насильственных мерах, принятых, чтобы остановить их, ' если бы делегаты силой не воспротивились нашему намерению; и это спасло нам жизни'. Тот факт, что их жизни были в опасности, засвидетельствованный Кальвином в письме, адресованном Буллингеру через несколько дней после этого события, не может подвергаться сомнению. Правда, более чем три столетия спустя легко выдвинуть противоположные гипотезы; но состояние возбуждения, царящее в Женеве, отнюдь не опровергает свидетельства реформаторов, а подтверждает их.

ПОСОЛЬСТВО БЕРНА.

Два бернских посла в сопровождении Вирета и Риттера прибыли в Женеву одни и были немедленно приняты (23 мая) советом. Они заявили, что депутаты кантонов, которые недавно встретились в Цюрихе, единодушно пришли к мнению, что было бы справедливо позволить Фарелю, Кальвину и Куро вернуться в город, чтобы объяснить и защититься от выдвинутых против них обвинений; и что, если их оправдание будет принято, в их восстановлении на занимаемых должностях не может быть отказано. 'Разве вы не обязаны выразить им эту благодарность, ' сказали они, ' и особенно Фарелю, который претерпел столько труда и страданий на благо этого народа? Короче говоря, разве не необходимо лишить врагов

Реформации повода для ликования, как они радовались бы изгнанию без надежды на возвращение людей, установивших ее в Женеве?’ Совет ответил, что он не может удовлетворить это требование, поскольку министры были высланы по решению Совета ДвухСотен и генерального совета; Малый Совет потребовал только, чтобы они были заключены в тюрьму. Вследствие этого Совет Двухсот был созван на следующий день, 24 мая. Присутствовало совсем немного, всего четырнадцать членов, несомненно, потому, что собрание казалось простой формальностью, и потому, что битва должна была вестись и решаться в генеральном совете. Присутствующие депутаты, среди которых были самые ярые враги реформаторов, постановили, что принятые ранее резолюции должны быть сохранены; а в остальном они направили депутатов Берна в народное собрание.[\[699\]](#)

В воскресенье, 26 мая, состоялся заседание генерального совета граждан. Луи Амман и его коллеги Вирет и Эразмус Риттер выступили в качестве защитников двух изгнанных министров. Первым заговорил Амман. Он показал, какая великая несправедливость была связана с изгнанием этих замечательных людей. Они имели отношение к Фарелю, который по праву был назван апостолом Французской Швейцарии, и к Кальвину, величайшему теологу того времени. Он убедительно просил отозвать их и, согласно правилам справедливости, выслушать их оправдание, поскольку не было ничего необычного в том, что человека осуждали не услышанным. Он напомнил им о выдающихся заслугах Фарела, о трудах и лишениях, которым он подвергся на благо этого народа. Разве не Фарел в 1532 году, стоя посреди совета священников, видел, как они бросились на него и сбили с ног своими ударами, крича: ‘Убейте его! убейте его!’ Один из их слуг разрядил в него свою аркебузу, и его выгнали из города, пригрозив сбросить в Рону. С тех пор каким только невзгодам он не подвергался! Не было ли долгом жителей Женевы засвидетельствовать ему свою благодарность каким-либо иным способом, кроме изгнания? Затем Амман заговорил о радости, которую испытают противники Реформации, подданные папы римского, увидев, что Женева изгоняет своих реформаторов, и он заклинал граждан не давать им такого повода для триумфа и ликования. Следующим заговорил Вирет от своего имени и от имени своего коллеги Риттера; и мы знаем, насколько хорошо мягкое красноречие этого благочестивого пастора было приспособлено для успокоения раздраженных душ. Союз пасторов и серьезность, с которой посол отстаивал интересы реформаторов, не преминули произвести впечатление. Большое собрание всегда восприимчиво к благотворным впечатлениям: в нем есть зараза добра. Сердца были тронуты, и настроение многих изменилось. Депутаты могли предположить, что битва выиграна. Поскольку они не должны были присутствовать на заседаниях генерального совета, они ушли, полные надежды.[\[700\]](#)

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ.

Но Кунц не пожалел усилий, чтобы эта надежда не оправдалась. Оказывается, что Пьер Вандель, один из лидеров партии, враждебной реформаторам, был в Берне. Кунц располагал четырнадцатью статьями, предложенными Кальвином и одобренными в Цюрихе, которые, несомненно, были доверены ему, потому что ведение дела было особенно передано в его руки. Некоторые использованные в них выражения, по-видимому, могли вызвать раздражение жителей Женевы. Кунц передал статьи в руки Ванделя без ведома совета.[\[701\]](#) Вандель был человеком из хорошей семьи и одним из самых яростных противников реформаторов. ‘Я полагаю,’ сказал Бонивар, ‘ что он был одержим демоном еще во чреве своей матери; как сказано о святом Иоанне относительно Святого Духа. Он был ростом не выше веретена, когда

совершил убийство, не своей рукой, а по злему умыслу. Он и еще один человек точно так же убили внебрачного сына каноника. Он был большим повесой, обжорой и пьяницей, в припадках опьянения говорил и действовал опрометчиво. Его отец, в высшей степени респектабельный человек, сотни раз повторял: "Пьер! Pierre! он никогда ничего не будет стоить; и хотел бы Бог, чтобы сразу после своего крещения его швырнули об стену, ибо он навлечет позор на наш дом". Он был очень тщеславен, одевался как дворянин и любил похвастаться (*обычай храбрости*); по этой причине его товарищи называли его *Бобро*.'[702] Вандель очень гордился обладанием четырнадцатью статьями; и когда он встречал на своем пути любого, кто проявлял интерес к изгнанию реформаторов и кто на вопрос, что с ними может случиться, он, по своему обыкновению, хвастливо ответил, не вдаваясь в подробности: "У меня в кармане яд, который их убьет".[703] Послы Берна сами были носителями этих статей, но им было приказано зачитывать их народу только в присутствии Кальвина и Фареля, чтобы у них была возможность сразу же отказаться от пагубных выводов, которые могли быть сделаны из них.[704] Вандель находился на своем посту в генеральном совете. Едва депутаты Берна вышли, как он встал, достал из кармана газету и начал читать статьи Цюриха,[705] как важное доказательство, которое должно вызвать отклонение требования Берна. Прочитав документ, он начал комментировать его, выдвигая недоброжелательные толкования и особенно акцентируя внимание на трех моментах, способных возбудить ненависть к двум реформаторам.[706] "Смотрите, - сказал он, - как, говоря о Женевской церкви, они осмеливаются говорить о *нашей* Церкви, как будто это их собственность. Посмотрите, как, говоря о лордах Берна, они называют их просто бернцами, без почетной формулы,[707] таким образом, с предельным высокомерием выражая презрение к самим принципам. Посмотрите, как они стремятся к тирании, ибо что еще такое отлучение от церкви, как не тираническое господство?" Первые два обвинения были беспочвенными и почти ребяческими; а что касается отлучения от церкви, Кальвин замечает, что генеральный совет Женевы разрешил это 29 июля 1537 года как 'святое и спасительное деяние среди верующих'; и теперь они пришли в ужас от самого этого слова. Постоянно возникал вопрос для обсуждения, не является ли Церковь, подобно любому другому обществу, союзом людей, обладающих определенными общими характеристиками, стремящихся к определенной цели и при определенных условиях, *общностью людей, объединенных сходной христианской верой*,[708] или же это вместилище всего (*un tout y va*); какое из всех определений было бы, безусловно, наиболее противоположным верному слову своего основателя.

PIERRE VANDEL.

Между Ванделем и его друзьями была договоренность, что, когда он читает статьи или комментирует их, они должны поддерживать его своими одобрительными возгласами, чтобы воспламенить умы присутствующих.[709] Этот план удался. Вскоре послышались крики неудовольствия, яростные и удвоенные; можно было подумать, что безобидные статьи были заявлением о самом черном заговоре. Раздражение, проявленное этими сторонниками, заразило все собрание. Хорошо известно, как легко толпа переходит от любого настроения к противоположному. Легкие нескольких страстных мужчин сыграли роль кузнечных мехов, воспламенив все сердца.[710] Искры было достаточно, чтобы разжечь пожар. Пламя перекидывалось с места на место; ничто не могло противостоять ему, по крайней мере внешне; и вскоре собрание было объято пламенем. "Скореесдохну, - кричали они, - чем услышу, как они рассказывают нам о мотивах, которые ими двигали!"[711]

Как только порядок был частично восстановлен, первый синдик Ришарде, человек, как мы знаем, вспыльчивый, поставил на голосование требование бернских послов; или, скорее, избрав менее регулярный, но более хитрый курс, предложил отклонить это требование. 'Пусть все те,' сказал он, - кто желает, чтобы Фарель, Кальвин и Куро не входили в город, поднимут руки'. Секретарь совета сказал, что почти все подняли руки. Этим секретарем был Руффи, который был избран вместо Клода Розе в тот самый день, когда были изгнаны реформаторы. Его пристрастие проявилось в том факте, что он написал в то же время, что четырнадцать статей содержали некоторую неправду; неправду, которую сам страстный Вандель не смог обнаружить. Это была беспричинная ложь, а обвинения такого рода не внушают особого доверия ни к чему, что мог бы сообщить Руффи. После голосования первый синдик потребовал, чтобы те, кто желает, чтобы проповедники были вновь допущены в город и были услышаны, подняли руки. 'Некоторые из них были подняты, - сказал Мишель Розе, - в знак того, что они желают видеть министров'. Секретарь назвал двух или трех из них, среди прочих Шот, в доме которых жил Оливетан, родственник Кальвина; но он добавил: 'и некоторые другие, немногочисленные'. Робкие люди перед грозившей разразиться бурей считали благоразумным хранить молчание; требовалось некоторое мужество, чтобы встретить ее лицом к лицу. На самом деле, при одном виде этих нескольких поднятых рук вспыхнула волна злобы и гнева; они не могли вынести акта независимости, который в то же время для многих был актом уважения к реформаторам и Преобразовательной системе. *Ярость была настолько велика*, говорит Розет, *что первые двое были вынуждены бежать*. Многие преследовали их; некоторые обнажали мечи; другие, "свирепо глядя на них", кричали: "*Убейте их!*" *убейте их!* 'Большинством голосов, - говорят Регистры, - было решено, что проповедников больше не следует пускать в город'. Таким образом, жители Женевы приняли резолюцию, которая, если бы они не раскаялись в ней, помешала бы свету исходить из этого города и поставила бы преграду на пути его величия.^[712]

Таким образом, вопрос был решен. *Alea jacta est*. Могущественная партия, которая в своей борьбе с папой, епископом и принцами Савойскими взяла под свое знамя свободу и истину и превратила Женеву в евангелическую республику, после своей победы, как это часто бывает, рассорилась, и те, кто не желал Евангелия, остались победителями. Но граждане, *немногочисленные*, которые добились того, что их голос был услышан в генеральном совете, были не единственными, кто стремился к христианской республике. Это меньшинство постепенно увеличивалось или, скорее, осмеливалось проявлять себя. Оно оставалось сплоченным, пылким, решительным, активным; и в конечном итоге победа должна была достаться ему.

ГЛАВА XIV. ИЗГНАННЫЕ МИНИСТРЫ И ИХ ПРЕЕМНИКИ. (Конец 1538 г.)

РЕФОРМАТОРЫ НАПРАВИЛИСЬ В БЕРН.

Реформаторы отправились в свое путешествие в Берн. Наконец Кальвин вздохнул свободно, но не без грусти; ибо, хотя он чувствовал себя свободным, словно стоял на бодрящей высоте, он

смотрел на утонувшую в равнинах Женеву. Выполняя священный долг, он предпринял последнее усилие. Ему это не удалось. "Из эксперимента, который мы только что провели, - сказал он, - явствует, что на нас повлиял не просто беспочвенный страх, когда, несмотря на давление (в Цюрихе) со стороны Церкви, мы, тем не менее, лишь с большой неохотой согласились вновь войти в этот лабиринт. Теперь мы избавились от этого. Мы выполнили желание всех благочестивых людей, хотя и безрезультатно, за исключением, возможно, того, что сделали зло вдвое или втрое хуже, чем оно было раньше.^[713] Сатана ликовал в Женеве и во всей Франции по случаю нашего первого изгнания; но этот отказ принять нас немало усилил его самонадеянность и самонадеянность его членов. Невероятно, с каким безрассудством и дерзостью нечестивые люди предаются сейчас всевозможным порокам; с каким бесстыдством они оскорбляют слуг Христа; с какой жестокостью они насмеваются над Евангелием. Это бедствие, которое для нас действительно очень болезненно...."Впоследствии, обращаясь к Буллингеру и всем служителям Цюриха, он сказал им: "Молите Господа с нами, горячо возлюбленные братья, ревностной молитвой, чтобы он очень скоро воскрес".^[714] Возможно, что сообщения, дошедшие до Кальвина, были немного преувеличены и что его собственные фразы могли быть немного резкими; но нет никаких сомнений в том, что состояние Женевы в то время было чрезвычайно критическим. *"Не было ничего, кроме смятения"*, - говорит Розет. - Горожане предались распущенности, танцам, играм и пьянству. Палец был направлен на тех, кто скорбел по поводу этих событий; они были людьми отмеченными и ненавидимыми. Никакая проповедь не могла быть плодотворной посреди такого смятения".^[715] Синдик Готье, человек, который был прежде всего защитником правительства и который порицал Кальвина за то, что он не признавал, что самой основой любого общества являются подчинение и послушание, обязанности перед гражданским судьей, которые так же обязательны для пасторов, как и для других людей, после изучения того, были ли жалобы Кальвина справедливыми, вынес следующее предложение: "Кальвин был прав, поскольку он ссылался на распущенных людей". жизни своих противников и их любви к распущенности и независимости; но он, безусловно, ошибался, если считал их врагами Бога за то, что они хотели соблюдать четыре главных праздника и ввести употребление пресного хлеба".^[716] Это также наше собственное мнение.

КАЛЬВИН И ФАРЕЛЬ В БЕРНЕ.

Добравшись до Берна, Кальвин и Фарель застали своих друзей в большом изумлении от того, что произошло. Последний сказал им, что, если их не ждут в Женеве, они должны оставаться в Берне. "С вашей стороны было бы непростительно, - добавили они, - отказаться от такого призыва".^[717] Быть в Берне с Кунцем означало бы обресть их жизни на вечные разногласия. Они спешили уйти. Однако им не терпелось выразить свою благодарность сенату за его отношение к ним, и с этой целью они попросили аудиенции. Слушания были перенесены на следующий день. Помня обо всех задержках своего недавнего пребывания, опасаясь, как бы их не осаждали требованиями, которым они не могли уступить, и полагая, что они выполнили свой долг перед советом, обратившись с просьбой, они отбыли в Базель. Они не добрались до города, не столкнувшись по пути с опасностью. Им пришлось переправляться через реку, предположительно Аар, и одного из них чуть не унесло быстрым течением, которое раздулось из-за дождя. "Однако, - писал Кальвин Вирету, - река была к нам более милосердна, чем люди. Последний решил, вопреки всякому праву и здравому смыслу, принудить нас предпринять это путешествие, даже если бы оно было пешим; но Господь в своем сострадании сохранил нас от всякого зла". Из постскриптума к тому же письму следует, что Фарел и Кэлвин пересекли реку

верхом. Неизвестно, кто из двоих чудом избежал утопления. Они прибыли в Базель, насквозь промокшие под дождем и полумертвые от усталости.

В Базеле Кальвин нашел ценного друга, Гринеуса. Уже во время пребывания двух реформаторов в Берне он написал им— ‘Я надеюсь, что своей христианской кротостью и смирением вы победите всех своих противников и отнимете у врагов Евангелия всякий повод клеветать на вас. О, если бы глаза, которые сейчас сверкают огнем сатаны, были опущены, и страсть, которой люди воспаляются против вашего служения, была бы утолена! [\[718\]](#) Трудитесь, трудитесь, мои возлюбленные братья, самые благородные и святые сердца (*optima ac sanctissima pectora*); будьте готовы к конфликту, облаченные во всеоружие христианской войны, готовые и желающие, особенно в это время, когда преобладает беззаконие, вести нас вперед с героической верностью. Давайте посвятим себя работе Господа с непобедимыми сердцами. Ненависть тех, кто в ходе этого процесса показывает себя достойными ненависти, не победит. Со своей стороны, мы из тех, кто может молиться за наших врагов, гораздо больше поддерживать и обнимать их. Пусть бессмысленные суждения людей, пусть глупый и напрасный страх перед общественным мнением ни в малейшей степени не беспокоят вас. Правьте и защищайте эту Церковь, которая угрожает падением, своим мужеством и настойчивостью. Какую славную функцию вы будете выполнять! Какой твердой и реальной будет похвала, которую вы заслужите, если, полностью забыв о себе в этом деле, будете думать только об Иисусе Христе!"

ИХ ПРИЕМ.

Мы можем себе представить, с какой любовью Гриней и его друзья приняли двух братьев, изгнанных за благородную верность, которую они проявили. Гриней уже приглашал реформатора, когда тот был еще в Женеве, отправиться к нему домой, а не сгибаться под ярмом, которое хотели надеть на него его враги. "Мы радостно приветствуем тебя, - сказал он впоследствии Кальвину, - как нашего брата в Господе, и мы принимаем тебя как выдающееся украшение нашей Церкви". [\[719\]](#) Поэтому Кальвин поселился с Гринеусом в Базеле, где ему было оказано самое братское гостеприимство. Фарел поселился в доме знаменитого печатника Опорина.

Кальвин и Фарел перенесли свое великое испытание с большим терпением и кротостью, прощая своих врагов и молясь за них, а также стараясь избегать всего, что могло бы стать поводом для огорчения их братьев. Вирету очень хотелось увидеть их и разделить их невзгоды. ‘Ты хорошо знаешь, - ответил ему Кальвин, - что в данный момент для нас не может быть большего счастья, чем недолгая беседа с тобой. Но опасность, которой подвергнет тебя путешествие, сдерживает наше желание: ты получишь от этого больше ненависти, чем мы обрадуемся’. Так Кальвин думал о своих друзьях, прежде чем о себе. Однако, похоже, Вирет действительно видел его в Базеле. [\[720\]](#) Несомненно, это было сделано в более поздний период. Кальвин стремился избегать всего, что могло привести к бесполезному спору. ‘Я прошу тебя, мой дорогой брат, - сказал он Фарелу, - приложи усилия в эти тяжелые времена, чтобы сохранить все, что можно вынести. Наши братья не должны так упрямо спорить о простых церемониях. Давайте будем свободны, но давайте будем рабами согласия и мира". [\[721\]](#) "Больше всего на свете я желаю, - сказал он ему далее, - чтобы мы не вызывали новых ссор и не были поводом для каких-либо раздоров".

В то же время, тем не менее, одной из первых вещей, которые реформаторы сделали по прибытии в Базель, было дать отчет о том, что с ними произошло, своим собратьям в Цюрихе и Страсбурге. Действительно, их враги не переставали преследовать их со своими обвинениями; и те, кто вынудил их покинуть Женеву, кричали, что они раскольники, забывая, что они сами вынудили двух реформаторов отделиться от их Церкви. Такова партийная логика. Поэтому Кальвин, Фарель и их друзья сочли целесообразным провести собрание, на котором должны присутствовать делегаты из Цюриха, Берна, Базеля, Страсбурга и одного из этих городов (*вместо суда*) (вероятно, Женевы), и на котором должно быть "объявлено, что они должным образом и добросовестно исполняли свои обязанности".^[722] Однако они не настаивали на этом. Они знали, что их судья находится на небесах. "Я ничего не могу сделать, - сказал Кэлвин, - но поручаю решение проблемы великому врачу, который один может позаботиться о ней и придать ей форму".^[723]

ПРИЗЫВЫ И КОЛЕБАНИЯ.

Если Кальвин посвятил себя Богу в том, что касается его прошлого, то он сделал то же самое и в том, что касается его будущего. 'Я удаляюсь в Базель,' говорит он в том же письме, 'ожидаю, что Господь сделает со мной'. В звонках не было недостатка. Они хотели удержать его в Базеле. Туссен желал, чтобы он поселился в Лозанне или в кантоне Берн, чтобы там он мог служить примером решительности и преданности. Другие сочли своим долгом рекомендовать его герцогу Вюртембургскому.^[724] Но Страсбург, похоже, был подходящим местом для выбора. Уже в ноябре 1536 года Буцер, восхищенный только что появившимся *Учреждением*, попросил об интервью с Кальвином. "Мы пойдем туда, куда вы пожелаете, с целью обсудить с вами все учение Христа".^[725] Впоследствии они виделись в Берне и Цюрихе. Буцер и Капито, теперь, когда они знали, что он на свободе и остается в Базеле, не преминули настоять на том, чтобы он приехал к ним. В начале июля он отправился в Страсбург. "Два главных министра этого города так настойчиво умоляли меня приехать, - писал он 10 числа того же месяца, - что, чтобы удовлетворить их, я предпринял поездку сюда".^[726] В то время ему казалось маловероятным, что он поселится там. Ужасные конфликты, через которые он прошел в Женеве, заставили его с тревогой отнестись к предложению принять новое министерство. Он вернулся к своим прилежным проектам. 'Больше всего на свете я уклоняюсь, - сказал он, - от повторного вступления в должность, с которой меня освободили, учитывая, в какие затруднения я был вовлечен с тех пор, как впервые приступил к ней'. Он добавляет: "Есть и другие причины, которые я могу объяснить только из уст в уста". Что это было? Несомненно, слишком сговорчивая теология врачей того города. Базель был его любимым городом. Он вернулся туда, сказав: "Страсбургцы не виноваты, что я не их гость, но у них и без меня достаточно забот". Однако он мог бы найти веские причины принять их приглашение, поскольку его бедность была настолько велика, что он счел необходимым продать "часть своих книг" для своего содержания.^[727]

Мольбы страсбургцев, тем не менее, стали более настоятельными. Они написали Гринеусу, чтобы он сделал все возможное, чтобы убедить Кальвина поселиться в Страсбурге: только они предпочли бы, чтобы он приехал без Фарела, потому что они боялись, что, если два француза будут вместе, немцам будет слишком трудно склонить их к своим взглядам. Такого же мнения придерживался и Гринеи. Полностью отказаться от Фареля было слишком большой жертвой для Кальвина. Он снова отклонил предложение, сославшись в качестве причины на выдвинутое ему условие не брать Фарела с собой.^[728] 'Я жду твоего совета', - писал Кальвин своему другу;

и, движимый самой теплой привязанностью к этому мужу Божьему, он добавляет: "О, если бы я мог сейчас прилететь к тебе! Меня удерживают только самые сильные мотивы".

Фареля в тот момент не было в Базеле, и ему не суждено было туда вернуться. Весть о преследованиях, обрушившихся на него, о его изгнании и его страданиях опечалила жителей Невшателя и возродила в их сердцах былую любовь к человеку, от которого они научились основам веры. Совет Шестидесяти, представители города, воззвав к Господу, сообщили классу служителей о своем желании пригласить Фарела стать их пастором.[729] Должность была, как мы увидим, фактически вакантной. Два члена совета и два члена класса отправились в Базель. 'Приезжай, ' сказали они ему, - и заверши здание, фундамент которого ты заложил'. Фарел, как и Кальвин, не мог решиться взять на себя пастырскую обязанность, но предпочел посвятить себя учебе.[730] Наконец, ободренный своими друзьями, умоляемый именем Господа и 'убежденный в этом с большой серьезностью немецкими церквами', он согласился; но это было при условии, что он введет в Церкви порядок, предписанный Священным Писанием. Приняв однажды решение, он внезапно отправился в Невшатель, примерно в конце июля, "со своей обычной быстротой", - говорит Кэлвин.[731] С тех пор Фарел и Кальвин были разлучены; но это отдаление друг от друга ни в какой степени не повлияло ни на союз их сердец, ни на твердость их характеров, что бы ни думали умеренные жители Страсбурга.

ФАРЕЛ ПОЗВОНИЛ В НЕВШАТЕЛЬ.

Последние еще раз повторили свой призыв. Разве должность священника, предоставленная Кальвину Церковью такого высокого положения, как Страсбургская, не была бы блестящим оправданием, которое заставило бы замолчать злые языки? Какую хорошую услугу он не мог бы там оказать! Империя нуждалась в способных богословах, и, возможно, страсбургцы хотели, чтобы он поселился среди них в качестве противовеса могущественной личности и авторитету Лютера. Как бы то ни было, его друзья на берегах Рейна не могли смириться с мыслью, что столь могущественный слуга Божий "должен довольствоваться тем, что живет на пенсии, не занимая никаких государственных должностей";[732] и поскольку он по-прежнему отказывался, они предприняли шаги, чтобы побудить женеццев отозвать реформатора. Если он не приедет в Страсбург, пусть едет в Женеву. Похоже, что этот поступок оказал некоторое влияние на Кальвина. Он скорее уехал бы куда угодно, чем вернулся в город своих печалей. Страсбургцы, обнаружив, что он несколько уступает, снова пошли в наступление. 'Этот превосходный слуга Христа, Мартин Буцер, - говорит Кальвин, - обратившись ко мне с увещанием и протестом, подобными тому, с которым ранее выступил Фарель, позвал меня в другое место. Встревоженный случаем с Джоной, который он изложил мне, я все еще оставался в кабинете учителя".[733] Поэтому Кальвин отправился в Страсбург в сентябре и начал проповедовать в хоре доминиканской церкви французским беженцам в городе, с которыми были связаны другие люди, некоторые из которых понимали, а другие не понимали язык, но все они желали увидеть лицо и услышать голос знаменитого изгнанника. Говорят, что этих беженцев было полторы тысячи человек.

Не успел Кальвин обосноваться в Страсбурге, как услышал, что его коллега, слепой старик Куро, который "доблестно сражался в Париже за истину", [734] сначала удалился в Тонон, а затем был призван пастором в Орбе, 4 октября покинул эту жизнь и ушел к Богу. Это был ужасный удар для его любящего сердца. Он написал Фарелю— 'Я так потрясен смертью Куро, что мое горе переходит все границы. Ни одно из моих повседневных занятий больше не способно

сосредоточить мое внимание, и я постоянно возвращаюсь к одной и той же мысли. На смену дневным стенаниям и мукам приходят более ужасные ночные мучения".[735] Эту столь неожиданную смерть приписали отравлению. Подозрения такого рода были очень распространены и в те несчастливые времена слишком часто оправдывались. Кэлвин отверг эту мысль, но помимо его воли она постоянно рисовалась в его воображении.[736] Тем не менее, он попытался утешить себя и восстановить свое мужество и мужество Фарела. 'Все свидетельствуют, - сказал он ему, - своим горем и сожалениями, как высоко они ценили его мужество и прямоту, и это большое утешение. Ради нас, кого Господь оставляет на время в этом мире, давайте держаться пути, которым он шел, пока мы не завершим наш путь. С какими бы трудностями нам ни пришлось столкнуться, они не помешают нам войти в тот покой, который даже сейчас является его уделом.' 'Когда мы доберемся туда, - сказал он в другой раз, - будет известно, с чьей стороны была опрометчивость или ошибка. В этот суд я обращаюсь с апелляцией на приговор всех мудрых. Там ангелы Божьи засвидетельствуют, кто такие раскольники".[737] Он добавляет: "Только давайте твердо стоять на достигнутой нами высоте, которая господствует над полем битвы, пока не явится царство Христа, в настоящее время скрытое".

Таким образом, каждый из трех пасторов, изгнанных из Женевы, нашел свое место; и место старого слепого священника было лучшим.

НОВЫЕ ПАСТОРЫ В ЖЕНЕВЕ.

Это было незадолго до того, как женеvцы учредили институты, против которых возражали реформаторы. Было постановлено восстановить разрушенные купели для крещения и крестить в них детей, отмечать четыре праздника и соблюдать согласованные церемонии. В Троицкое воскресенье, которое в этом году выпало на начало июня, в Женеве было только два пастора, Анри де ла Мар и Жак Бернар, оба женеvцы. Предстояло отслужить вечерю Господню, и для этой цели в каждой церкви требовалось по два служителя. Совет назначил двух своих членов действовать вместо них, одного в соборе Святого Петра, другого в соборе Святого Жерве.

Правительство приложило все усилия, чтобы найти замену двум изгнанникам. Штаты Берн и Невшатель уступили ему Жана Морана, пастора из Калли,[738] на берегу Женевского озера, и Антуана Маркура из Лиона, пастора из Невшателя, которые были установлены примерно в конце июня. Совет постановил выделить им, учитывая их возраст и многодетность семей, триста женеvских флоринов;[739] у двух женеvцев было по двести пятьдесят флоринов у каждого. Мы познакомились с Маркуром в синоде Лозанны. Он опубликовал несколько трактатов о Евхаристии, о мессе; ему также приписывались знаменитые плакаты 1534 года, которые, по мнению Флоримона Реймона, были работой Фареля. Губернатор и советы Невшателя, отправляя Маркура в отставку и отправляя в Женеву, заявили 18 июня, 'что они всегда считали его человеком мира, который желал и в меру своих сил поддерживал мир и общественное спокойствие'. Этот персонаж вряд ли похож на автора "*Плакатов*", одного из самых жестоких произведений шестнадцатого века, которое было объявлено римскими католиками[740] наполненным "отвратительными богохульствами и ужасными угрозами в адрес короля", и которое привело к тому кровавому преследованию со стороны Валуа и бурбонов, о котором реформатский Христиане были жертвами на протяжении более чем двух столетий. Однако мы должны признать, что миролюбивые люди не всегда последовательны. Похоже, Маркур был не таким уж мирным человеком, как говорили жители Невшателя; по крайней мере, если мы

буквально понимаем то, что говорит Кальвин. 'Как будут вести себя наши преемники,' писал он 4 августа Фарелу, - это вопрос, по которому мы можем составить мнение из их первых слушаний. Своим раздражительным характером они разрушают все обещания мира и, похоже, полагают, что лучшее, что они могут сделать, - это разнести в клочья как публично, так и в частном порядке репутацию, которой мы пользовались, и вызвать к нам как можно большую ненависть".[741] Кальвин особенно суров, возможно, даже чересчур, по отношению к двум женевским министрам. Однако была, доля правды в последнем штрихе картины, которую он нарисовал о них для Буллингера: 'Они оба очень невежественны, и когда они открывают рты, это значит, что они бредят. Это не мешает им проявлять непомерную гордыню'.[742]

ОБВИНЕНИЯ.

Эти слова Кальвина довольно резкие. Это, несомненно, объясняется его недавним горем. Впоследствии он выражался более сдержанно. Его сторонники в Женеве сделали то же самое. В то время как самые мудрые люди все еще хранили мир, самые жестокие не щадили своих противников. Обе партии были очень недоброжелательны друг к другу, и некоторые из тех, кто принадлежал к ним, отбросили всякую сдержанность как в своих поступках, так и в своих словах. Распущенные люди из числа врагов реформаторов торжествовали над изгнанными министрами, оскорбляли слуг Божьих, смеялись над Евангелием и предавались нечистоте, танцам, играм и пьянству. Ни о чем не говорилось, кроме маскарадов, галантности и излишеств, а церковные службы превратились в позор Реформации.' С другой стороны, самые ярые приверженцы Кальвина и Фареля не проявляли милосердия к мирянам и церковным руководителям, под руководством которых происходили все эти события. Они называли новых пасторов *волками*, а магистратов *неправедными*. Уходя с проповеди, они роптали, и их дурное настроение не скупилось на критику. "Евангелие, которое проповедуется в настоящее время, - сказал Ричард после одной из служб, - это только *Евангелие на двадцать дней*'. Он не сомневался, что по истечении этого времени новые проповедники будут уволены. За это его отправили в тюрьму. 'Нынешние синдикаты, - сказал другой, - ни на что не годны, кроме как возвращать в город похотливых мужчин и женщин'. За это высказывание он был изгнан из города на год.[743] 'В Женеве поют мессу, - говорили многие, - и люди, любящие Евангелие, изгнаны из города'. Эти обвинения были распространены в Швейцарии и сильно встревожили сторонников реформ.

Никто не чувствовал этих упреков острее, чем пасторы, ибо они знали, что все они отшатнулись от самих себя. 17 сентября все они, два женевца и два иностранца, предстали перед советом. 'Клеветники, - сказали они, - распространяют в кантонах слухи, которые наносят серьезный ущерб Евангелию'. Они просили, чтобы двое из них могли получить отпуск, чтобы поехать и опровергнуть клевету, которая нанесла удар по чести города. Просьба была удовлетворена. Маркур и Моран отправились в Берн и предстали перед собранием пасторов, в котором Кунц не мог не поддержать их. Фактически на этой встрече было решено, 'что те, кто восстал против лиц, находящихся у власти в Женеве, были хуже, чем злые люди, предатели и евреи'. Бернские пасторы довели это заявление до сведения совета, который удовлетворился решением, что, если какие-либо клеветники из Женевы появятся в Берне, информация должна быть передана магистратам этого города. Очевидно, что светские власти находились под влиянием страсти в меньшей степени, чем церковники. Похоже даже, что Бернский собор не выразил

безоговорочного доверия отчету женевских служителей, поскольку один из них был немедленно отправлен в Женеву, чтобы собственными глазами увидеть, каково реальное состояние Женевской церкви.

Жалобы, поданные как в Женеве, так и в других местах, были вполне обоснованными. Это подтверждается действиями магистратов, которые, хотя и были враждебны реформаторам, понимали, что их собственная честь требует от них не допускать распушенности. Совершенно несомненно, что люди 'разгуливали по ночам по улицам, издавая крики и распевая непристойные песни'; что "азартные игры, распутство, посещение таверн и пьянство' были обычными преступлениями; ибо декрет от 19 июля впервые запретил их под страхом штрафа в шестьдесят су; и, поскольку зло продолжалось, 20 августа и 22 октября были приняты другие решения аналогичного характера. Несомненно, что, как говорили в Швейцарии, некоторые граждане отправились на мессу, поскольку в соответствии с нетерпимыми обычаями того времени им было приказано 'покинуть город'. Считалось, что соборы были такими же противниками религиозной свободы, как и Кальвин. Возможно, они зашли даже дальше, чем зашел бы он, ибо 20 августа они приказали священникам, которые все еще находились на женевской земле, отправиться на проповедь, если они хотят там остаться.

ПИСЬМО КАЛЬВИНА ЖЕНЕВЦАМ.

Кальвин в Страсбурге внимательно наблюдал за тем, что происходило в Женеве. Он слышал, что определенное количество женевцев верно придерживались пути, по которому они пошли под его руководством. Некоторые из его приверженцев довольно громко кричали, но большинство вели спокойный образ жизни, а наиболее решительные из последних проявляли свое несогласие не иначе, как отказываясь от формы богослужения, которую они считали не соответствующей принципам Евангелия. Кальвин не писал им в течение первых месяцев своего изгнания. Он не хотел подвергать себя обвинению в попытке привлечь их к себе. Но он остро чувствовал, что испытания, выпавшие на долю его друзей в Женеве, проистекали из их пассивности в следовании Слову Божьему и что лекарство для них заключалось в смирении перед Богом и ожидании от Него лекарства. 'Однако привязанность, которую он всегда питал к ним', не позволила ему дольше хранить молчание, и 1 октября он написал им письмо, примечательное тем миролюбивым, сдержанным, милосердным и возвышенным духом, которым оно дышало. Он адресовал это послание не всем женевцам, а тем, кто принял в свои сердца семя божественного Слова и кто все еще был глубоко потрясен ударом, нанесенным им наказанием их пастора. Он назвал их своими братьями, *реликвиями рассеяния Женевской церкви*. Он говорил о любви, которую питал к ним. 'Я не могу удержаться, чтобы не написать вам, - сказал он, - чтобы заверить вас в той привязанности, которую я всегда питаю к вам. Наша совесть полностью убеждена перед Богом, что именно по его призванию мы когда-то были связаны с вами, и не во власти людей должно быть разорвать такую связь.' Он умоляет их забыть самих себя и свои страдания, забыть даже враждебность своих противников. 'Если мы теряем время в борьбе с людьми, - сказал он, 'думая только о том, чтобы отомстить и получить возмещение за нанесенный ими ущерб, сомнительно, сможем ли мы победить их, но несомненно, что мы будем побеждены дьяволом. Если, напротив, мы будем сопротивляться уловкам этого духовного врага, тогда можно не опасаться, что мы не выйдем победителями. Отбросьте всякую дурную привязанность, будьте ведомы только ревностью к Богу, управляемы его Духом и правилом его Слова'. Кальвин пошел дальше. Он показал себя суровым по отношению к своим друзьям. 'Вам легко оправдываться перед людьми, но ваша совесть будет

отягощена перед Богом'. Он сам делал то, чего требовал от других. 'Я не сомневаюсь,' сказал он, 'что Бог смирил нас, чтобы познакомить с нашим невежеством, нашей неосторожностью и другими нашими немощами, о которых я, со своей стороны, полностью сознавал и в которых я без колебаний исповедуюсь перед Церковью. Однако,' добавляет он, 'мы добросовестно исполняли свой долг. Господь сделает так, что наша невинность воссияет подобно утренней звезде, а наша праведность засияет подобно солнцу'. Но он старается главным образом утешить верующих Женевы. 'Не унывай из-за того, что Господу было угодно смирить тебя на время, ибо он поднимает смиренных из праха и забирает бедных с навозной кучи. Он дает манну радости тем, кто находится в слезах; он возвращает свет тем, кто сидит во тьме, и он возвращает к жизни тех, кто ходит в тени смерти. Тогда наберитесь мужества и терпеливо переносите наказание Его руки до того времени, когда он явит вам свою благодать".[744]

Невозможно не признать мудрость и христианское милосердие, которые оставили свой отпечаток на этом письме. Это действительно говорит пастор. Кальвин был настолько далек от вменяемой ему чрезмерной строгости, что в то же время написал Фарелю— 'Если мы находим в какой-либо Церкви служение Слова и таинств, лучше не отделяться от нее. Неправильно даже делать это на том основании, что некоторые доктрины не преподаются в ней чисто; ибо вряд ли существует Церковь, которая не сохранила бы некоторых следов своего бывшего невежества. Для нас достаточно, если доктрина, на которой основана Церковь, занимает в ней свое место и сохраняет его".[745]

Кальвин считал, что есть некоторые доктрины фундаментальные и жизненно важные, необходимые для спасения; но он признавал, что есть и другие, по которым допустимы различия.

ПИСЬМО ФАРЕЛЯ ЖЕНЕВЦАМ.

Фарель также написал христианам Женевы. Он сделал это еще до Кальвина, в июне, в августе и снова в ноябре. Он выразил им свою глубокую печаль. Он был бы рад оказаться 'так далеко, чтобы ничего не слышать о жалком распаде и рассеянии Церкви'. Он стремится 'изгнать из своего сердца боль, труды, которые он предпринял для этого города; ибо ничто так не пронзает сердце, как неблагодарность; видеть зло, воздаваемое за добро, ненависть за любовь, смерть и позор вместо добытой жизни и чести'. Он довольствуется тем, что молится за город и благодарит за это всех, кто способен оказать ему хоть какую-то помощь. Между тем он не может не видеть несчастного положения, в котором находятся его собственные друзья и все верующие Женевы, лишенные своих пасторов, и быть свидетелем торжества их врагов. Он в значительной степени разделяет их беды; они - его единственное испытание. 'Я был бы слишком счастлив,' писал он им, 'если бы вы не были так несчастны'. Но в то же время он призывает их к христианскому милосердию и сам свидетельствует об этом. 'Не лелейте в своих сердцах злобы,' сказал он своей бывшей пастве, 'никаких корней горечи, никакого гнева. Не упрекайте ни того, ни другого человека, но пусть каждый упрекает себя: возлагайте всю вину на себя и говорите о других только хорошее. Пусть святая воля Бога будет вашим правилом, а не бедняк (естественный человек) и то, что в нем есть'. Он не стесняется упрекать своих друзей. 'Вы не повиновались Богу полностью, но останавливались и отклонялись то в одну, то в другую сторону". Затем Он искренне призывает их к покаянию. 'Вы, великие и малые, мужчины и женщины, смиренно предайтесь Богу со всей серьезностью и любовью, умоляя его о милости и моля его отвратить от вас свой гнев. Да, бросьтесь пред ним с рыданиями и пролитыми слезами, с постом и молитвой, подобно царю Ниневии и его народу. Плачьте, рыдайте, возвысьте свои голоса, чтобы ваш крик, исходящий из глубин этого ужасного бедствия, достиг ушей Бога".[746]

Так говорили Фарел и Кальвин.

ГЛАВА XV. СТРАСБУРГ И ЖЕНЕВА. (Конец 1538-1539 гг.)

КАЛЬВИН В СТРАСБУРГЕ.

Тем временем Кальвин, несмотря на меланхолию, вызванную воспоминаниями о его недавних трудностях, был счастлив в Страсбурге. Этот город, в котором, как в общем центре, встретились влияния Германии, Швейцарии и Франции, считался, после Виттенберга, самым важным очагом Реформации. В ту эпоху она называлась *Антиохией* в память о том, какой была Антиохия в апостольскую эпоху. Впоследствии некоторые называли его *Новым Иерусалимом*, отчасти потому, что это была "хозяйка дома человека, который дал свое имя кальвинизму".^[747] Ко времени прибытия Кальвина Страсбург уже был домом для нескольких выдающихся людей — Капито, Буцера, Хедио, Нигера, Матиаса Зелля и других, которые сияли в его церкви подобно драгоценным и прозрачным камням.^[748] 'Какой благодарностью мы обязаны вам, - написали они Фарелу, - за то, что вы передали нам Кальвина!' Он был для них сокровищем. Ему очень нравилось их общество, и это пребывание должно было пойти ему на пользу. Привязанность Страсбурга к нему не только залечила раны, нанесенные враждебностью Женевы, но и его уму предстояло получить еще большее развитие. Маленький город на берегу озера Леман представлял собой узкую платформу, по которой передвигаться было нелегко. Но, достигнув Страсбурга, Кальвин ступил на обширную территорию Германии, в которой жило так много выдающихся людей, в которой шевелилось так много глубоких мыслей и в которой Реформация уже провела так много битв и одержала так много побед. Были, правда, некоторые противоположные учения, но ознакомиться с ними было необходимо. Более того, Страсбург был местом, где доктрины сопоставлялись одна с другой и где предпринималась работа, призванная примирить их. В Женеве Кальвин мог бы занять место наблюдателя, пытающегося с помощью подзорной трубы различить действие, происходящее на большом расстоянии. Но теперь он оказался в гуще сражения, научился распознавать слабых и сильных и стал одним из сражающихся или, по крайней мере, одним из участников переговоров. Его горизонт расширился, его интеллект в этой обширной сфере расширился бы, его идеи получили бы развитие, выросли бы, созрели и двигались с большей свободой. Он попал бы под влияние, которому не подвергался в Женеве и которое способствовало бы формированию великого богослова. Охватывая одним взглядом все царство Божье, он знакомился с его различными областями. Ветры, дующие из столь многих и неблагоприятных регионов, приносили ему новые вести. Несомненно, иногда случались штормовые порывы, достаточно мощные, чтобы свергнуть сильнейшего, но часто также чистый и животворящий воздух, способный освятить его христианскую энергию.

Теологический и христианский кружок, в который он вошел в Страсбурге, во многом симпатизировал ему. Как и все врачи этого города, он был убежден, что необходимо не заикливаться на пустяковых разногласиях, а рассматривать христианство в его великих фактах, в его великих доктринах, в новой жизни, которую оно создает, в великом целом, с которым были согласны все реформаторы. Все те, кто занял свою позицию на одной скале, Иисусе Христе,

независимо от того, были ли они немного выше или немного ниже, должны, по его мнению, взяться за руки. Кальвин и страсбургские богословы испытывали отвращение к теологическим тонкостям и схоластической терминологии, под которыми скрывалось живое учение о Евангелии, особенно о вечере. "Могу ли я на самом деле верить, что принимаю на святой вечере тело и кровь Господа, *substantialiter, essentialiter, realiter, naturaliter, præsentialiter, localiter, corporaliter*, количественный, качественный, повсеместный, плотский? Дьявол принес нам все эти термины из бездны ада. Христос просто сказал: *Cum esset caro Mea*. Если бы все эти фантастические выражения были необходимы, он, несомненно, использовал бы их." Кальвин, как и Зелл, автор приведенного выше отрывка, нашел в этой куче уточняющих терминов массу мусора и путаницы. Было, однако, одно различие между врачами из Страсбурга и доктором из Женевы. Буцер и Капито были готовы заключить союз путем компромисса, возможно, используя фразы в двойном смысле. Женевский орел, парящий в вышних областях, призывал христиан иметь только одну мысль, созерцая одно и то же солнце и привязываясь к одной и той же истине.^[749]

ЕГО ДУХОВНЫЕ РАДОСТИ.

Другое счастье ожидало Кальвина в Страсбурге. Его величайшие страдания в Женеве были вызваны этим государством-церковью, этим народом-церковью, тем бесформенным сообществом, которое включало в себя всю нацию, верующих и неверующих, праведников и распутников. На его месте в Страсбурге он нашел нескольких христиан, изгнанных за свою веру, очищенных испытанием, как золотом, которые отказались от всего ради Христа, от своей праведности и своей жизни. Масса исповедующих христианство в Женеве как бы душила его. Теперь в Страсбурге он был среди братьев и сестер, и почти все они принадлежали к его собственной стране, Франции. Он вздохнул свободно. Евангельский порядок, установленный апостолами, преобладал в его Церкви.^[750] Он проповедовал четыре раза в неделю. Раз в неделю он встречался со своими старейшинами и дьяконами для изучения Священного Писания и молитвы; и некоторые из этих друзей-мирян, щедро одаренных Богом, вскоре получили право занять место своего пастора в случае его отсутствия и назидать своих братьев. Первая вечеря была отпразднована в сентябре, и она повторялась каждый месяц. Как велика для Кальвина разница между той трапезой в Женеве, на которую приходили люди, которые пили, играли в азартные игры, ссорились и распевали непристойные песни, и которых, несмотря на все это, он был вынужден допустить к причастию тела и крови Икупителя, и этим братским ужином в Страсбурге, совершаемым в компании благочестивых христиан, гонимых за праведность, чьи имена были написаны на небесах и которые с преданностью приблизились к Господу как члены его семьи! Кальвин уделял все свое внимание исцелению душ. Если были какие-то христиане, недостаточно знакомые с учением о спасении, он наставлял их; если кто-то был укоренен собственной совестью, повержен и находился в бедственном положении, он утешал и ободрял их; если кто-то сбивался с пути праведности, он наставлял их. Он, конечно, столкнулся с некоторым сопротивлением, особенно со стороны молодежи; но он стоял на своем. Хотя он требовал чистой веры и жизни, он протестовал против тирании, применяемой священниками при тайной исповеди, и заявлял, что ни один человек не имеет права связывать совесть своих братьев. Таким образом, он видел, как его паства процветает изо дня в день под его руководством.^[751] "Именно в Страсбурге была организована первая Церковь, которая служила образцом для других", - говорит Реймонд. Замечательное обращение отличало его

первые дни. Герман Льежский, который участвовал в дискуссии с Кальвином в Женеве, был обращен им и присоединился к его Церкви. Он принял доктрины, которые Кальвин нашел в Священном Писании, о свободе воли, божественности и человечности Христа, возрождении и крещении. Он сомневался только в предопределении. Кроме того, Кальвин одержал и другие победы.

ВИД НА ВЕЧЕРЮ ГОСПОДНЮ.

Теперь он был не только пастором, но и учителем. В начале 1539 года Капитон, пораженный его способностями к богословскому преподаванию, умолял его соединить эту должность с его пастырством. Хотя ему и не хотелось этого делать, из-за ощущения сложности этого служения он, в конце концов, согласился. Каждый день он проповедовал в церкви Святого Николая, в которой обучал студентов академии. Толкование Священного Писания было для него основой богословской науки, и для своего изложения он выбрал две богатейшие книги Нового Завета — Евангелие от Святого Иоанна и Послание к Римлянам. Его план состоял в том, чтобы выяснить значение священного писания и изложить его с легкостью, "краткостью, которая не влекла бы за собой неясностей"; и с этой целью "он приложил все усилия, чтобы упорядочить и соразмерить свой стиль".^[752] По его мнению, Послание к Римлянам было " путем к пониманию всего Писания". Некоторые врачи посетили эти лекции и выразили свое глубокое восхищение.^[753] Он не довольствовался тем, что был одновременно пастором и профессором, он также усердно работал в своем кабинете. Он пересмотрел свое *Учреждение* и подготовил второе издание; он переработал свой *Катехизис*; он сочинил трактат о Вечере, копию которого послал Лютеру. Кальвин, подобно Цвингли, рассматривал хлеб и вино как знаки, как залого того, что Христос дает верующему свое распятое тело и свою пролитую кровь; иными словами, сообщает ему искупительную силу своей смерти. Он учил, что верующий получает тело и кровь верою, которая является *уста́ми души*, а не устами тела. Но он отличался от цюрихского реформатора тем, что видел в вечере таинственный союз с прославленной личностью Христа. "Не зря, - сказал он, - хлеб называется телом, поскольку он не только *представляет* его, но и *представляет* его нам. Следовательно, мы действительно должны принять на вечере тело и кровь Иисуса Христа, поскольку Господь предлагает нам на ней приобщение того и другого. Если бы Бог дал нам только хлеб и вино, оставив позади духовную истину, разве не было бы так, что он установил эту тайну на вымышленных основаниях?"^[754] Этот союз осуществляется с нашей стороны верой, а со стороны Бога - его тайной и чудесной силой. Дух Божий является связующим звеном этого участия; вот почему оно называется духовным. Когда Лютер начинал свой курс, он, казалось, говорил, что хлеб - это тело Христово. Се Казалось, что Колумпадий и Цвингли не оставили на вечере ничего, кроме голых знаков, лишенных своей духовной сущности. Таким образом, Лютер потерпел неудачу на своей стороне, Цвингли и Колампадий - на своей. Тем не менее, давайте не будем забывать о благодати, которую Господь даровал всем им, и о благах, которые он даровал нам с их помощью".^[755]

Лютер признал, что учение Кальвина выходит за рамки учения Цвингли, и выразил восторг, который оно ему доставило. Еще в октябре 1539 года саксонский реформатор написал Буцеру: "С уважением приветствуйте Джона Кальвина, книгу которого я прочел с особым удовольствием".^[756] Поскольку трактат о Вечере появился только в 1541 году, *Учреждением*, должно быть, является книга, о которой идет речь, в которой уже было изложено учение о Евхаристии. Когда реформатор Германии прочитал небольшой трактат, на который мы только

что ссылались, он сказал: "Ах, если бы швейцарцы сделали то же самое, мы бы сейчас жили в мире, а не ссорились".[757]

В дополнение к другим своим трудам Кальвин посещал богословские диспуты в университетах, иногда даже председательствовал на них. Он проводил конференции с римско-католическими врачами, на которых защищал евангелическое богословие; таким образом, он приобрел такую высокую известность, что множество студентов и даже ученых людей приехали из Франции в Страсбург, чтобы послушать его.[758]

Этот человек, уже занимавший столь важное положение, в то же время находился в самых скромных обстоятельствах. К другим его испытаниям добавилась бедность. Он получал от издателей своих произведений лишь очень низкое вознаграждение. Он не считал, что имеет какое-либо право требовать вознаграждения от государства или даже от Церкви; но он не отказался бы от него, если бы оно было предложено ему спонтанно. В то время он жил на небольшую сумму, полученную частично от отцовского наследства, а частично от продажи своей библиотеки и другого различного имущества. Но этого было далеко не достаточно, чтобы удовлетворить его потребности, и иногда плата за жилье приводила его в замешательство. Он писал Фарелу: "Я вынужден жить за свой счет, если только не пожелаю стать обузой для своих братьев; и моя нужда сейчас настолько велика, что *у меня нет ни фартинга*".[759] Видите ли, мне не так-то легко заботиться о своем здоровье, как вы с такой добротой советуете мне делать". Впоследствии Кэлвин получал жалованье, но слишком маленькое, чтобы его хватало даже на его скромные нужды.

СМЕРТЬ ОЛИВЕТАНА.

Как раз в то время, когда Кальвин обретал новых друзей в Страсбурге, он потерял некоторых из своих самых старых и любимых людей. Мы видели его горе, когда он услышал о смерти Куро. В начале января 1539 года он получил письмо от Франчески Буцирони, жены врача Синапи, наставницы детей герцогини Феррарской, в котором сообщалось, что в этом городе только что скончался его двоюродный брат Оливетан, один из первых евангелистов Женевы и переводчик французской версии Библии. Боль Кальвина от этой новости усилилась после сообщения о том, что его друг, находясь в Риме, принял яд и от этого умер. В тот период это было предположение, которое обычно выдвигалось для объяснения неожиданных смертей. Вероятность того, что это правда, невелика. Кальвин не говорит об этом. Он довольствуется тем, что называет Оливетана *нашим другом*, и добавляет, что естественная скорбь, которую он испытывает, должна быть его извинением перед корреспондентами за свои короткие и бессвязные письма.[760] У немногих мужчин было так много друзей, как у Кэлвина. Это была необычная дружба; она всегда казалась глубокой и неизменной.

Но мысли Кальвина в это время были заняты привязанностью другого рода. Он верил, что те, кто получил новую жизнь от Христа, призваны любить всех тех, кто получил ту же благодать; 'любить их с той простой привязанностью, с той естественной склонностью, с которой родственники любят друг друга'. Однако ему требовалась не исключительная любовь. "Повелевая нам начать с любви к верующим, Господь ведет нас дальше, посредством своего рода ученичества, к любви ко всем людям без исключения".[761] Но союз и согласие между детьми Божьими были великой потребностью его сердца. В письме Буллингеру (12 марта 1539 г.) он сказал— 'Сатана, который замышляет разрушение царства Христа, сеет раздор между нами. Давайте же все

придем к сердечному согласию друг с другом, и пусть то же самое будет со всеми Церквями. Я заключаю вас в свои объятия, желаю вам всего хорошего".[762]

Благодаря этой сердечной благотворительности Кальвин сохранял неукротимое мужество. Капито был склонен смотреть на темные стороны вещей: черные мысли часто витали вокруг него и завладевали его воображением. Тщетно его вера пыталась рассеять тьму; мрачные предчувствия одолевали его, и на его лице часто читалось глухое страдание. Однажды он заявил перед Богом и людьми, что Церковь погибнет, если не прибудет срочная помощь. Впоследствии, когда он обнаружил, что положение вещей не улучшается, он молился Богу, чтобы он умер.[763] С Кальвином было иначе. 'Ах, ' сказал он, - Господь благословит нас, хотя все должно быть против нас. Поэтому давайте испробуем все средства; и если мы не найдем ни одного действенного, давайте, тем не менее, будем упорствовать до тех пор, пока в нас есть хоть капля жизни".[764] Именно эта неоспоримая стойкость сделала Кальвина великим реформатором.

ДЕСПОТИЗМ В ЖЕНЕВЕ.

Вера Кальвина не должна была обмануть его. Но мало кто высказался в его пользу в Женеве на генеральном совете 26 мая 1538 года. Меньшинство, которое придерживалось Реформации, сначала ушло в уединение и замолчало. Высказались только самые активные люди, которые не всегда были самыми мудрыми. Но постепенно появились более компетентные влиятельные люди, которые признали и объединились друг с другом и предприняли совместные действия. Правительственная партия мало обращала на них внимания; и поскольку мастер Гийом, как они называли Фареля, был, по общему мнению, главой евангелистов, они обычно называли их, пожимая плечами, *Гильеминами*, и у них не было ни малейшего подозрения, что эти люди когда-нибудь придут в себя. Совет, который был мало расположен уважать свободу личности, возможно, даже меньше, чем Кальвин и Фарел, приказал всем главам семей посещать воскресную проповедь. Этот приказ был особенно направлен против друзей реформаторов и их отказа выслушать министров, занявших место последних и которые, чтобы угодить магистрату, открыто осуждали своих предшественников.

Фарель и Кальвин основали в Женеве не только Церковь, но и школу; и некоторые из их лучших друзей, Сонье и Матюрен Кордые, были одними из самых выдающихся мастеров. Это учреждение, естественно, оставалось верным своим основателям, и поведение правительства по отношению к нему показало, что они рассматривали его как решительно противоположное их взглядам. Совет не намеревался позволять своим подчиненным проявлять враждебность по отношению к его плану управления церковными делами. Однако, хотя они, возможно, и боялись дезорганизовать школу, они решили, пощадив с самого начала ведущих людей, преподавать им урок, энергично привлекая к ответственности одного или двух их младших учителей.

Впоследствии, 10 сентября, Эйнард и Гаспар предстали перед советом, который подал жалобу на то, что они публично порицали *проповедников*, и поинтересовался у них, где они получали ужин на Пасху и Троицу. Они ответили, что нигде не принимали причастия, потому что святой Павел повелевал, *чтобы каждый человек исследовал себя*, и что они не чувствовали себя в нужном расположении духа. Они, без сомнения, не желали принимать хлеб и вино, которые являются причащением тела и крови Спасителя, из рук пасторов, которых они считали

недостойными. Совет приказал им покинуть город через три дня. Наложив таким образом дисциплинарные взыскания на скромных младших учителей, они стали ждать Рождества.

Дела к тому времени обстояли гораздо хуже. Многие иностранцы, в основном беженцы, не ужинали. Их приговорили покинуть город, дав им только десять дней на то, чтобы привести в порядок свои дела. Члены совета и другие женеvцы, виновные в том же проступке, были вынуждены извиниться и пообещать "с этого времени жить так, как принято в городе". Все это не обошлось без оживленных препирательств, и в результате спора, который произошел на улице в ночь на 30 декабря 1538 года, один человек был убит и многие ранены.^[765] Самые разъяренные из непокорных, думая оправдать свое поведение нападением на оседлых священников, называли их неверующими, искажающими Священное Писание и папистами, которые пытались обмануть народ. Пасторы, которые, конечно, не обладали достаточными способностями, чтобы занять место выдающихся врачей, изгнанных советом, но которые по большей части старались делать столько добра, сколько позволяли их моральные и интеллектуальные качества, были сильно раздосадованы, пожаловались совету и пожелали уйти и освободить место для других, более квалифицированных, чем они сами. "Эти упреки," сказали они, "нам очень тяжело выносить". Совет заверил их, что намерен оставить их в силе и примирить их с их обвинителями.

РЕГЕНТЫ КОЛЛЕДЖА.

После этого второго дисциплинарного акта, или, скорее, в то же самое время, совет предпринял третий, еще более серьезного характера. В их глазах колледж все еще был крепостью, в которой окопался кальвинизм с намерением противостоять нападениям своих противников. Магистрат решил дать регентам возможность заявить о себе и, если они окажут сопротивление, изгнать их. Присоединиться к министрам, сменившим Фареля и Кальвина, устроить с ними ужин, совершить поступок, от которого отказались эти великие доктора, — таково было требование, с которым магистрат обратился к Сонье, ректору колледжа, и к трем регентам, Матюрену Кордые, Вотье и Виндосу. Для них было бы непросто принять участие в ужине; но быть в числе тех, кто его устраивал, после всех имевших место разногласий, разве это не было "поводом для преткновения" для многих и не выступлением против тех почитаемых людей, отсутствие которых они оплакивали? Поэтому эти четыре профессора заявили совету, что их совесть не позволяет им делать то, что требуется. Магистратам следовало бы сообразить, что этот акт не входит в компетенцию регентов, и что они не должны делать ничего, что могло бы, лишив коллегию способных людей, которые ею руководили, возможно, привести к ее разорению. Но Ришарде и его друзья были деспотами, которые не собирались допускать никакого сопротивления своей воле. На следующий день после Рождества они приказали ректору и трем регентам покинуть Женеву в течение трех дней. Сонье был встревожен. У него было очень многочисленное хозяйство. В его доме жило много мальчиков из хороших семей из Базеля, Берна, Цюриха, Бьенна и других городов; у него была маленькая дочь с хрупким здоровьем, которую он был вынужден взять с собой в разгар зимы. На следующий день, 27 декабря, он предстал перед Советом Двухсот, изложил обстоятельства, о которых мы только что рассказали, напомнил им, что он гражданин города, и показал им, что принятое ими решение может привести к разрушению колледжа, который был необходим женеvской молодежи. В конце концов, он не мог сделать необходимые приготовления за такое короткое время. Этот последний пункт был единственным, на который Великий Совет обратил какое-либо внимание. Оно подтвердило решение Малого Совета, но предоставило регентам пятнадцать дней на то, чтобы действовать в

соответствии с ним. Поэтому он должен уехать. Сонье и его коллеги пошли тем же путем, что и Кальвин и Фарел. Матюрен Кордье, получивший знания о Евангелии от знаменитого Робера Этьена, посвятил свою жизнь задаче "воспитания молодежи в благочестии и нравственности, культивирования в них чистого и элегантного стиля и любви к литературе"; написал несколько важных произведений;^[766] и, как было сказано, был одной из тех античных душ, которые всегда предпочитают общественное благо своему собственному. собственный интерес. Потеря такого человека была невосполнимой, но не окончательной. Совет искал замену этим людям; но они были вынуждены признать, что найти их было нелегко. Первый кандидат, предложивший себя, был отвергнут, потому что он был немцем. Второй, Клод Вигье, избил одного из своих учеников так жестоко, что пошла кровь. Республиканские магистраты 1538 года поставили подчинение своим произвольным приказам выше реальных интересов школ и народа.^[767] Кэлвин, казалось, сожалел о курсе, выбранном Сонье. Он умолял Фарела сделать все, что в его силах, чтобы предотвратить распространение раскола и неразберихи и побудить братьев больше не отказываться от обрядов, принятых советом.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ДРУЗЕЙ КАЛЬВИНА.

Когда этот вопрос был решен, совет предпринял еще одну кампанию. Среди сторонников Кальвина и Реформации было несколько выдающихся людей, чье подчинение было очень желанным. Суровость, которая только что была проявлена по отношению к ученым, могла бы побудить этих граждан уступить завоевателям. Особенно два бывших синдика, Поррал и Пертемпс, которые больше смотрели на прискорбные события, сопровождавшие правительственное назначение ужина, чем на сам ужин, еще не смогли заставить себя санкционировать заслуживающие порицания действия (изгнание их горячо любимых пасторов), приняв участие в церемониях, осужденных их друзьями. Они, правда, получили письмо от Кальвина, в котором призывалось 'иметь только ревность к Богу, умеренную его Духом и управляемую его Словом'. Но когда приближалось Рождество и на ужин должны были подавать пресный хлеб, они колебались, что им делать; и так как они сомневались, то воздержались. Совет не был склонен решать этот вопрос о совести примирительным образом. 9 января 1539 года появился Поррал, и совет спросил его, будет ли он соблюдать постановления, касающиеся ужина, сначала ответил довольно расплывчато; а когда его попросили ответить более внятно, он сказал, не вдаваясь в вопрос о постановлениях: "Если Богу будет угодно, я готов принять участие в ужине, *предварительно осмотрев себя*". Пертемпс говорил о том же самом.^[768]

Друзья Кальвина знали, что реформатор был огорчен беспорядками, царившими в Женеве и приведшими город в самое печальное состояние. "Ничто не причиняет мне большей печали, - писал он своим друзьям, - чем ссоры и споры, которые вы ведете с министрами, сменившими нас. Едва ли есть надежда на улучшение, пока существуют ссоры и разлад. Итак, отверните свои умы и сердца от людей и прилепитесь исключительно к Искупителю." Кальвин не одобрял отказа своих друзей от причастия на том основании, что оно совершается с пресным хлебом, и он серьезно предостерег их не нарушать мир по этому несущественному вопросу.^[769]

Совет на этом не остановился. Все еще оставались некоторые видные граждане, от которых они хотели избавиться. Клод Савойя, бывший первый синдик, проявивший столько любви к Женеве и даже столько героизма, был другом реформаторов и осудил совет. 6 сентября 1538 года он был посажен в тюрьму по совершенно надуманному обвинению. Он отказался отвечать судьям,

которых считал своими личными врагами. Совет обсудил, не следует ли применить пытки к этому великому гражданину. Но честные люди восстали против этой идеи; и совет, не имея против него ничего, кроме необоснованных предположений, удовлетворился тем, что отнял у него все должности, лишил его всех прав и превратил город в его тюрьму. Савойя сбежал, отправился в Берн и из этого города объявил синдикатам, что отказывается от женевского гражданства. Жан Гулаз, который в 1532 году вывесил на стенах города *великое прощение Иисуса Христа* в противовес индульгенциям папы римского,^[770] проинформировал совет, что он также отказался от гражданства, попросил их освободить его от присяги и удалился. Пока совет обсуждал его просьбу, он счел разумным покинуть территорию. Совет, получив информацию об этом, приказал начать преследование. Его настигли на мосту Арве и отправили в тюрьму. Мишель Розе говорит по поводу этих различных судебных преследований: "Одним словом, те, кто изгнал министров, не упускали случая полностью сместить своих сторонников".^[771]

ПОДАВЛЕНИЕ РАССТРОЙСТВ.

Однако в правительстве только что произошло улучшение. 9 февраля 1539 года на общем собрании народа, которое должно было избрать синдиков года, не был выбран ни один из граждан, сыгравших роль в изгнании Кальвина и его друзей. Новые магистраты были избраны из умеренной партии, и один из них, Антуан Чикканд, был прикреплен к реформатору. Менее респектабельный класс людей, казалось, не знал об этих переменах, и они странным образом отпраздновали вступление в должность новых магистратов. Это было время Карнавала, Пасха в том году приходилась на 6 апреля; и хотя Женева больше не стремилась к религии папства, этот класс жителей все еще продолжал свои празднества и увеселения. Их развлечения были многочисленными, бурлескными и даже непристойными. 'Там были ряженные, разврат, непристойные песни, танцы и богохульства. Некоторые ходили голышом по городу с литаврами и свирелями', - рассказывает современник.^[772] Были ли эти беспорядочные действия частью римско-католической реакции, которая тогда привлекала внимание? Мы этого не утверждаем. Как бы то ни было, пасторы пожаловались совету, и последний распорядился провести расследование, особенно в отношении тех, кто ходил по улицам ночью без одежды. Из расследования следовало, что "все те, кто это сделал, были молоды и имели в виду не что иное, как проявление юношеского безрассудства". Совет 'выразил протест' правонарушителям; и некоторые женщины, которые 'танцевали под песни', были посажены в тюрьму на один день, а затем подверглись суровому порицанию со стороны синдика. Три дня спустя совет издал указ, который предписывал людям "благоговейно слушать Слово Божье по воскресеньям и вести себя в соответствии с ним; не ругаться и не богохульствовать, не играть на золото или серебро"; и запрещал им "разгуливать по городу после девяти часов без свечей, танцевать на любых танцах, кроме свадеб, петь любые непристойные песни, переодеваться или баловаться масками или ряжеными".

В то время, когда в правительство республики были призваны судьи, более благосклонные к Кальвину, открылась дверь с другой стороны, которая открыла реформатору новый мир - Германию с ее врачами и ее принцами. Кальвин жил на берегах Рейна в то время, когда император созывал частые и важные собрания, на которых присутствовали князья либо лично, либо их делегаты, и на которых они обсуждали глубочайшие вопросы теологии с таким же рвением, с каким дипломаты в конгрессе обсуждают интересы своих соответствующих правительств. С 1535 по 1539 год протестантизм набирал силу; он совершил много завоеваний в

Северной Германии и, казалось, был близок к решающей победе. Католики начинали падать духом, и последовательные конгрессы, на которых они требовали от протестантов прийти к соглашению с ними, вполне могли привести к тому, что их можно было назвать ослабленной армией, которая желала только благоприятных условий для спуска своего флага. Кальвин зорко наблюдал за этим удивительным процессом. В своих письмах он постоянно утверждал, что на карту поставлено существование не одной Церкви (Женевской), а всех Церквей. Были моменты, когда ему казалось, что он увидел проблеск торжества Евангелия в Европе; в другое время его охватывало сильное уныние. Внутри него происходил конфликт. Его природная робость заставляла его избегать участия в германских собраниях, но его вера и рвение к царству Божьему заставляли его страстно желать принять в них участие.

КОНФЕРЕНЦИЯ ВО ФРАНКФУРТЕ.

Карл V. после заключения мира с Франциском I. созвал во Франкфурте на февраль 1539 года конференцию евангелических и римско-католических богословов, которые должны были попытаться найти основу для соглашения. Мы должны уделять наше внимание не всей работе, проделанной на немецких ассамблеях, которые посещал Кальвин, а только тому, что касается его лично. Депутаты от Страсбурга отправились во Франкфурт, но молодой французский врач не сопровождал их. Он удовлетворился тем, что искренне поблагодарил за поддержку преследуемых протестантов. Но вскоре после этого, получив письмо от Буцера, в котором тот сообщал, что считает невозможным что-либо сделать для своих единоверцев, и услышав в то же время, что Меланхтон присутствует на конференциях, его духовная серьезность преодолела робость его натуры. Его охватило сильное желание поехать во Франкфурт и поговорить с другом Лютера о религии и делах Церкви. На следующий день он в большой спешке отправился в путь. Во Франкфурте он познакомился с некоторыми из самых выдающихся деятелей Реформации. Здесь были благочестивый Иоанн Фридрих, курфюрст Саксонии; молодой Морис Саксонский, который однажды оказался столь грозным для Карла V. Знаменитый ландграф Филипп Гессенский, герцог Люнебургский, и многие другие принцы, знакомство с которыми не могло быть безразличным для молодого реформатора. Несколько из этих молодых принцев сопровождало большое количество рыцарей и солдат, и все они казались полными мужества для защиты Евангелия. Кальвин в длинных письмах к Фарелу давал отчет обо всем, что он видел и думал. У него сложилось самое справедливое представление о протестантском вопросе в Германии, о настроениях князей, о политике Карла V. И о различных обсуждаемых вопросах. Но там был один человек, общества которого он жаждал больше, чем общества всех принцев. Пребывание Кальвина во Франкфурте особенно отмечено беседами, которые он вел с Меланхтоном "на многие темы".^[773] Некоторые из самых влиятельных людей Реформации в Швейцарии и Франции не были хорошо информированы относительно мнений этого знаменитого врача. Кальвин хотел иметь возможность с уверенностью свидетельствовать им. Великой идеей французского врача было достижение согласия между всеми евангельскими христианами. Он был убежден, что это было необходимо не только ради послушания заповедям Иисуса Христа, но и для дальнейшего содействия торжеству евангелического дела. Он желал объединения не только различных партий в Германии, но и Германии и Швейцарии. Теперь Меланхтон казался ему наиболее подходящим человеком для достижения согласия между протестантами. Не успели эти два великих врача встретиться и обменяться самыми добрыми приветствиями, как Кэлвин задал вопрос. Он сообщил Меланхтону несколько статей, в которых его взгляд на ужин был изложен таким образом, чтобы положить конец разногласиям. "Между вами и мной нет места для споров, - немедленно заявил Меланхтон. - Я принимаю ваши

статьи".[774] Это доставило Кэлвину огромное удовольствие. Однако вскоре это было нарушено. "Но, - продолжал друг Лютера, - я должен признаться вам, что среди нас есть такие, кто требует чего-то более материального, и это так упрямо, чтобы не сказать так деспотично,[775] что я долгое время подвергался опасности, потому что они знают, что я отличаюсь от них в этом вопросе. Я не верю, что твердое соглашение достижимо. Но я желаю, чтобы мы соблюдали настоящее соглашение, такое, какое оно есть, до тех пор, пока Господь не приведет нас тем или другим путем к единению в истине'. Кальвин, совершенно удовлетворенный, поспешил написать Фарелю: "Не питайте больше никаких сомнений относительно него, но считайте, что он придерживается в целом тех же взглядов, что и мы". Фарел и Кальвин нашли в Меланхтоне важного союзника.

КАЛЬВИН И МЕЛАНХТОН.

Был еще один вопрос, по которому Кальвин желал выяснить мнение Меланхтона; это был вопрос дисциплины. По этому вопросу он не был полностью удовлетворен. Едва он упомянул об этом, как его спутник начал, как и другие, по словам Кальвина, сетовать на его отсутствие в Церкви. 'Ах, - сказал Кальвин, ' легче оплакивать плачевное состояние Церкви в этом отношении, чем менять его. А между тем, сколько существует примеров, которые должны воодушевить нас в поисках средства от этого зла! Не так давно хороший и образованный человек, который не мог взять на себя смелость терпеть порок, был с позором изгнан из Ульма, в то время как его коллеги дали ему самые почетные рекомендации. Новости, поступающие из Аугсбурга, не лучше. Когда-нибудь люди станут забавляться смещением своих пасторов и отправкой их в изгнание.' "Мы находимся в эпицентре такой бури, - сказал Меланхтон, - что не можем сделать ничего лучшего, как на короткое время уступить попутному ветру.[776] Мы можем надеяться, что, когда внешние враги дадут нам больше покоя, мы сможем приложить усилия к устранению внутреннего зла".

Эти беседы Кальвина и Меланхтона были очень привлекательны для них обоих. Мы можем себе представить, насколько интересным был этот обмен мнениями между двумя самыми выдающимися умами того времени. Их речь была простой, глубокой и естественной. Они хорошо слушали и хорошо отвечали. Кальвин говорил с большой свободой, хотя и без догматизма. Богослужебные церемонии в лютеранских церквях, пение на латыни, изображения и другие вещи, столь же заслуживающие порицания, были среди тех тем, которые были ему по сердцу. "Я должен откровенно признаться вам, - сказал он Меланхтону, - что эта избыточность церемоний причиняет мне боль; мне кажется, что формы, которых вы придерживаетесь, недалеко ушли от иудаизма".[777] Кальвин, изложив свои доводы, сказал: "Я не буду спорить с вами по этому вопросу", - сказал Меланхтон. - "Я признаю, что среди нас слишком много этих бессмысленных или, во всяком случае, определенно излишних ритуалов.[778] Но это было необходимо уступить канонистам, которые проявляют себя очень упрямыми в отношении этого. В остальном, в Саксонии нет места, которое было бы менее перегружено ими, чем Виттенберг, и даже там большая часть этого фарша будет выброшена за борт. Лютер так же не одобряет церемонии, которые он был вынужден соблюдать, как и вашу скупость в отношении них ". Кальвин, пересказывая этот разговор Фарелю, добавляет: "Буцер не может смириться с тем, что ради этих ничтожных внешних обрядов мы должны разлучаться с Лютером; и я тоже считаю, что они не являются законными причинами разделения".[779] Из всех этих бесед Кальвин извлек убеждение в полной искренности Меланхтона, и он стремился донести это до тех, кто в этом сомневался.

ГЕНРИХ VIII. И МЕЛАНХТОН.

Генрих VIII. в это время требовал, чтобы к нему было направлено новое посольство и чтобы Меланхтон был его членом. Принцы не были склонны поручать эту миссию этому врачу, так как опасались, что он может из-за отсутствия твердости характера пойти на неосторожные уступки королю.^[780] Кальвин свободно высказал Меланхтону свое мнение по этому вопросу. "Я торжественно клянусь вам, - ответил тот, - что для этого страха нет никаких оснований". 'Я полагаюсь на него не меньше, чем на Буцера', - написал Кэлвин Фарелю. 'Когда дело доходит до обращения с теми, кто требует, чтобы к ним относились с некоторой снисходительностью, Буцер воодушевляется таким рвением к распространению Евангелия, что, довольствуясь получением самых важных вещей, он, возможно, иногда чересчур готов отказаться от тех, на которые он смотрит как на второстепенные и которые, несмотря ни на что, имеют свой вес'. Далее, мнение Кальвина о Генрихе VIII сформировалось. И он не скрывал этого. "Этот принц, - сказал он, - едва ли мудр наполовину.^[781] Он запрещает брак священников и епископов не только под страхом лишения их должностей, но и суровых наказаний помимо этого. Он поддерживает ежедневные мессы и семь таинств. Таким образом, у него есть изуродованное Евангелие, половина его оторвана, и Церковь, все еще полная нелепостей.^[782] Недавно он опубликовал новый указ, которым он пытается удержать людей от чтения Библии; и чтобы показать вам, что это не просто легкомыслие, но что он серьезно подходит к этому вопросу, недавно он приказал сжечь хорошего и мудрого человека за то, что он отрицал плотское присутствие Христа в хлебе.'^[783] Впоследствии Кальвин говорит: "Хуже всего то, что король не терпит ничего, кроме того, что он санкционировал своей собственной властью. Таким образом, будет так, что Христос не принесет им никакой пользы, если только царь не захочет позволить ему это. Господь накажет такое высокомерие каким-нибудь заметным наказанием".^[784]

Во Франкфурте было решено провести еще одну ассамблею в течение лета. Вскоре после своего прибытия в этот город Меланхтон увидел во сне большую картину, на которой была изображена фигура Христа на кресте, а вокруг него души, облаченные в белое. Выборщики империи, неся знаки своего достоинства, приближались к нему в обычном порядке. Следующим за ними шел осел, покрытый льняной попоной, тащивший за собой на веревке императора и папу, как будто он собирался проводить их к этому собранию блаженных.^[785] 'Я думаю, - сказал Миконий, находившийся тогда во Франкфурте, - что это германский осел, на котором император и папа до сих пор ездили верхом и с которым так жестоко обращались'. Добрый Меланхтон был очень увлечен мыслью привести ко Христу всех германских князей и даже императора и папу римского; и, по-видимому, в своем великом смирении он представил себя во сне в образе осла. Лютер в своем ответе решительно считает, что это был двуногий осел.^[786] Как бы то ни было, собрание во Франкфурте, похоже, никого не привело к распятию, и уж тем более ни папу, ни императора. Потребовалась бы не одна веревка, чтобы затащить их туда. Кальвин не стал дожидаться окончания коллоквиума, чтобы вернуться в Страсбург.

ГЛАВА XVI. ОТНОШЕНИЯ КАЛЬВИНА С САДОЛЕТО. (1539 г.)

ВСТРЕЧА ПРЕЛАТОВ В ЛИОНЕ.

Рим, тем временем, не был безразличен к тому, что происходило в Женеве. Между папством и Реформацией были действия и реакция, которые держали обоих в постоянном волнении. Когда однажды началась католическая реакция, она, не довольствуясь простым сопротивлением, как предполагалось, перешла в наступление. Сторонники папы, все еще довольно многочисленные в Женеве, сообщили епископу де ла Бом о том, что произошло в городе; и он, который, как и все обездоленные князья, всегда ожидал восстановления на своей епископской кафедре, сладость которой он помнил лучше, чем горечь, связался с папой. Последний подарил Ла Бому кардинальскую шапку в надежде, что это достоинство может стать приманкой, чтобы заставить женевцев еще раз подставиться под жульничество своего епископа. Затем он пригласил прелатов, которые были ближайшими соседями Женевы, поддержать дело своего коллеги. Епископы Лиона, Безансона, Лозанны, Вены, Турина, Лангра и Карпантра встретились с епископом Женевы в первом из этих городов. "Паства, - говорили они, - теперь лишена своих пасторов, столь выдающихся людей, и мы должны воспользоваться случаем, чтобы спасти ее от Реформации".^[787] Многие женевские католики эмигрировали в Лион, и они не жалели усилий, чтобы добиться реставрации прелата. Пьер де ла Бом обратился к своим коллегам с просьбой 'восстановить его епархию'. Кардинал Турнонский, печально известный гонитель воуду и внедривший иезуитов во Францию, который в то время был архиепископом Лионским, был председателем собрания. Таким образом, у него появилась возможность удовлетворить свою неугасимую страсть к *кальвинистам*. Жан Филипп, главный автор "изгнания Кальвина", встречался с Турноном в лионской церкви и вел с ним интриги.^[788] Возможно, это дело имело бы бурный конец, если бы там не присутствовал человек, отличающийся от архиепископа. Это был кардинал Садолето, который, будучи епископом Карпантраса, города в Дофине, граничащего с Савойей, казалось, из-за своего соседнего положения был обязан уделять больше внимания Женеве. Он был связан с Бембо, секретарем Льва X., был большим любителем классики, философии и искусства и, по словам Безы, обладал большим красноречием, но использовал его для затушевывания истинного света.^[789] Он очень сожалел о том, что Реформация, по-видимому, взяла верх над Возрождением. Однако он был более либерального склада ума, чем обычно были приверженцы папы римского. Он любил Меланхтона. Он считал, что было бы неправильно обращаться к женевцу властным тоном учителя, с догматическими аргументами школы или с нетерпимостью инквизиторов, а скорее в вежливом стиле. Поэтому Садолето было поручено написать письмо женевцам, в котором он должен был мягко пригласить их вернуться в лоно Церкви. То, что ухищрения и усилия папы римского, епископа де ла Бом, кардинала Турнонского и его коллег были изложены только в письме, было довольно слабым выводом.

Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus.

ПИСЬМО САДОЛЕТО В ЖЕНЕВУ.

Но они, вероятно, поняли, что бессильны сделать больше. Кардинал-епископ надеялся расположить к себе женевцев, 'улещивая их красивыми словами, чтобы отвратить от Иисуса

Христа, - говорит современник, - и обвиняя служителей, которых Бог использовал для реформирования города".[790] 26 марта его посланник Жан Дюран из Карпантра был допущен в зал совета и передал послание, адресованное его епископом своим *возлюбленным братьям* синдикам, советам и гражданам Женева. О конференции в Лионе не было ни слова. 'Святому Духу и мне было приятно написать вам. Причина в том, что, находясь в Карпантресе, я слышал сообщения, касающиеся вас, которые отчасти огорчают меня, а отчасти вселяют надежду'. Зная, как соблазнительна лесть, он пишет самый красивый панегирик в Женеве. 'Я люблю благородный облик вашего города, порядок и форму вашей республики, выдающиеся качества граждан и, прежде всего, ту исключительную человечность, которую вы проявляете по отношению ко всем иностранным людям и нациям'. Но рядом с этой лестной картиной он спешит поместить портрет реформаторов, не столь приятный ему. 'Некоторые коварные люди, враги христианского союза и мира, посеяли в вашем городе семена раздора. Я слышу с одной стороны плач, вздохи и стенания нашей святой Церкви. С другой стороны, я понимаю, что эти новаторы не только губительны для душ, но и в высокой степени пагубны для общественных и частных дел'. Далее он сам провозглашает себя почти евангелистом. Он превозносит Слово Божье, которое, по его словам, 'не запутывает умы в сложных процессах рассуждения; но небесная привязанность сердца, приходящая ему на помощь, с ясностью открывается нашему пониманию'. Он превозносит дело Христа, 'который пожелал стать нашим спасением, претерпев смерть во плоти и впоследствии возобновив бессмертную жизнь'. Он даже превозносит оправдание верой, *только верой*, которую проклинают все римские полемисты. "Это вечное спасение приходит к нам, - сказал он, - только по вере в Бога и в Иисуса Христа. Когда я говорю *только верой*, я не имею в виду, что милосердие и долг христианина обходятся без этого.' Садолето, несомненно, был искренен в этих профессиях. Как известно, он принадлежал к небольшой группе людей, слабо склонных к Евангелию, которых в то время поддерживало папство в надежде, что они станут средством возвращения протестантов. Но он должен был хорошо знать, что доктрина реформаторов, далекая от отказа от долга и милосердия, утверждала их, делала возможными и в то же время необходимыми.

Завоевав таким образом, как он думал, своих слушателей, кардинал-епископ начал состязание. 'Потеря души, ' сказал он, - это величайшее зло, возможное для человека, и наш долг - позаботиться о нем, насколько это в наших силах. Среди волн нашей жизни мы нуждаемся в каком-нибудь средстве спасения от столкновения со скалами и потери судна. Это то, что католическая церковь обеспечивала на протяжении полутора тысяч лет, в то время как эти хитрые люди только начали свои нововведения против вечной власти Церкви двадцать пять лет назад.' Затем следует прекрасный риторический выпад, которому не хватает ничего, кроме правды и основательности. 'Вот в чем дело, ' сказал он. ' вот в чем разделяются пути, одна дорога ведет к жизни, другая - к вечной смерти. Каждый человек, как католик, так и протестант, приходит своей дорогой к судилищу верховного Судьи, чтобы там было рассмотрено его дело".

Католики прекрасно справляются, но когда приходит очередь евангелистов, с ними все обстоит совсем иначе. Садолето тщательно следит за тем, чтобы не допустить появления простых верующих, и привлекает к суду только 'одного из зачинщиков этих разногласий'. Он не называет ни Лютера, ни Кальвина, но очевидно, что он выводит на сцену одного из них, вероятно, последнего. Получив разрешение говорить, реформатор начинает так: 'О владыка Бог! когда я подумал о том, насколько почти повсеместно испорчена мораль духовенства, я справедливо возмутился против них; и когда я подумал также, сколько времени я потратил на изучение теологии и гуманитарных наук и что, тем не менее, я не достиг в Церкви того ранга,

которого заслуживали мои труды, в то время как другие люди, стоявшие ниже меня, были возведены в ранг почестей и благодеяний, я побудил большую часть людей презирать постановления Церкви. Я утверждал, что епископы Рима ложно узурпировали титул викариев Христа; и, получив благодаря этой репутации ученого и мудрого человека известность среди народов, я вызвал множество мятежей и расколов в Церкви".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПИСЬМА.

Садолето, заставив реформатора говорить таким образом, снова обращается к женецам и говорит им: 'Как же тогда получится, братья, кого я хочу видеть соединившимся со мной?' Результат этого двойного явления неизбежен, и покровитель всего этого зла, 'отстаивающий свою позицию по своим делам, презирующий генеральные собрания епископов, расчлняющий единственную супругу Христа и разрывающий на куски одеяние Господа, может только вечно оплакивать свои страдания, скрежеща зубами даже на самого себя'. Следовательно, кардинал-епископ призывает своих братьев из Женевы, после того как рассеял весь туман заблуждения, пребывать в союзе с нашей святой матерью-Церковью.[\[791\]](#)

Рассуждения Садолето потерпели неудачу в своей основе. Он смешал Реформацию шестнадцатого века с так называемыми реформами предыдущих столетий. Эти попытки, достаточно многочисленные, были направлены против морали духовенства и злоупотреблений Церкви, не нападая на доктрину, и они потерпели неудачу. Но истинная Реформация направила свои усилия против ложных доктрин Рима, чтобы поставить на место евангельское учение. 'Это взяло быка за рога', как говорит Лютер, и свалило его с ног. Либеральные католики вообразили, что если бы с самого начала был принят такой курс, как у Садолето, то ход Реформации был бы совершенно иным.[\[792\]](#) Но они ошибаются, как ошибался епископ Карпантрасский, который, нанося удары по врагу в воздухе, не попадал ни во что, кроме воздуха.

Совет, заслушав письмо, с большой радостью принял комплименты, высказанные Женеве, искренне поблагодарил посланца кардинала и поручил ему передать, что полный ответ должен быть отправлен в надлежащее время. Это было необходимо, поскольку сторонники папы в Женеве превозносили послание кардинала до небес и охотно распространяли его во всех направлениях. Но никто не мог ответить на этот вопрос. Пасторы, назначенные правительством, были недостаточно сильны, чтобы отважиться на борьбу с Садолето. Сам Моран, которого совет попросил взяться за это дело, был некомпетентен. Все те, кто в какой-либо степени придерживался Реформации, были в состоянии тревоги, ибо понимали, что молчание при таком положении вещей неизбежно стало бы большим бедствием для Женевы.[\[793\]](#)

Именно 26 марта письмо, в котором Садолето призывал женецев отказаться от Реформации, было доставлено в совет, и 27-го этот орган решил ответить на него в надлежащее время и в нужном месте. 28-го несколько граждан предстали перед советом; один из них, Франсуа Шамнуа, потребовал от их имени, чтобы исповедание веры Реформации, принесенное в соборе Святого Петра 29 июля 1537 года, было изъято у бывшего официального секретаря как противоречащее их свободам; и чтобы они сами были освобождены от присяги, которую они дали этому исповеданию.[\[794\]](#) Существует настолько тесная и очевидная связь между предложением Садолето и этим поступком граждан, причем одно с такой точностью следовало

за другим, что очень трудно не предположить, что письмо епископа оказало большое влияние на реквизицию Серны и его друзей. Аудиенция, данная советом заместителю кардинала, и предложение, с которым он выступил, были делом столь значительным и вызывали такой волнующий интерес, что слух об этом не мог не распространиться немедленно в этом городе, где люди так привычно спрашивали: "Какие новости? О чем говорят? Что происходит?"

НЕМЕДЛЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.

Среди граждан, сопровождавших Серну туда, могли быть и такие, кто не принадлежал к католической партии и просто воспользовался возможностью избавиться от обременительного для них исповедания веры. Но неудивительно, что некоторые римские писатели рассматривали требование Серны как следствие письма Садолето. Майкл Розет, сын Клода, не без основания отмечает в своих Хрониках, что на следующий день после получения в Женеве послания кардинала горожане *протестовали* против статей. Он даже добавляет: "От соседей поступило предупреждение о группе вооруженных людей, готовящихся к нападению противника, и о том, что у них была договоренность с партией в городе". Эта мера не оказалась безуспешной. Клод Розе принял присягу граждан 29 июля, и в его руках все еще хранились оригиналы знаменитых статей. Совет отдал ему приказ доставить их. Каким бы серьезным шагом это ни было, нельзя сказать, что от веры отказались вместе с символами веры. Многие никогда не придерживались этой веры, а те, кто придерживался ее, придерживались до сих пор. Тем не менее, отказ от основополагающего документа евангелической реформации, безусловно, был важным шагом навстречу Риму.^[795]

Вскоре стало ясно, что следует думать о *христианском милосердии и привязанности, тронутой двойной жалостью и состраданием*, в чем заверил Садолето. В тот самый месяц, который последовал за вручением его письма, выдающийся женевец Куртет, кастелян Шомона на горе Вуаш, отправился в Анси, который находился недалеко; и во время своего пребывания, 17 апреля, в своей гостинице беседовал с сельским народом о Боге и его Евангелии.^[796] Среди присутствующих был Моншеню, который, раздосадованный провалом своего плана по передаче Женевы Франциску I., продолжал испытывать по этому поводу много горечи; и, скорее из досады, чем из ненависти к Реформации, осудил женецкого гражданина и настроил против него духовенство. Куртет был схвачен и сожжен заживо.

Другой женевец, Жан Ламбер, брат советника, некоторое время находился в заключении в Савоие по аналогичному обвинению. Через неделю после казни Курте общественное место Шамбери было заполнено такой толпой, какая всегда бывает после ужасного зрелища насильственной смерти. Ламберта привезли туда около трех часов дня. Он был румяным и сильным молодым человеком, и они водили его взад и вперед, чтобы показать людям. "Это один из фанатиков Женевы", - говорили люди, когда он проходил мимо, произнося другие речи в том же роде. Его отвели к фасаду замка, где был воздвигнут костер. Хозяин хотел, чтобы он сделал какое-нибудь признание, но Ламберт не открывал рта. "Отрежьте ему язык, если он не будет говорить", - варварски крикнул разъяренный хозяин палачу. Священники, стоявшие вокруг своей жертвы, охотно заставили бы его прочесть "Аве Мария", но мученик отказался это делать. Затем, обращаясь к Отцу небесному, он произнес вслух молитву Господню. Это раззадорило священников и монахов, которые закричали зрителям: "Не молитесь за этого проклятого пса, ибо он проклят всеми дьяволами". "Ламберт умер, - говорится в одном из рассказов, - за свою

веру в Бога и без всякого суда'. Если слова Садолето были нежными, то поступки его единоверцев были суровыми.[797]

ОТВЕТ КАЛЬВИНА САДОЛЕТО.

Письмо епископа Карпантраса не могло остаться неизвестным Кальвину; на самом деле оно было передано ему в апреле Зульцером, пастором из Берна. Реформатор прочитал его, и его первым побуждением было подумать, стоит ли на него отвечать. Но, предвидя зло, которое это письмо может навлечь на Женеву, "забыв все обиды, которые он получил", [798] и уступив мольбам своих страсбургских друзей, он взялся за выполнение задания. 'Это займет меня на шесть дней', - написал он Фарелу. Письмо Кальвина датировано 1 сентября 1539 года.[799] Это важный документ как из-за света, который он проливает на характер и творчество Кальвина, так и потому, что необходимо знать, каким образом был парирован удар, нанесенный Римом тогда Реформации. Можно сказать, что это письмо было могучим голосом, который вернул Женеву к истинному Евангелию.[800] В нем бросаются в глаза два чувства по отношению к Садолето. Кальвин, обращаясь к одному из самых выдающихся и просвещенных людей католической церкви, будет говорить с ним с уважением и даже с похвалой, но в то же время не скроет от него возмущения, вызванного его нападениями.

"Твоя превосходная образованность, - говорит он в начале своего письма, - твоя восхитительная элегантность речи заслуженно вызвали к тебе высокое уважение истинных приверженцев светской литературы, и мне чрезвычайно больно быть вынужденным этой жалобой запятнать твою добрую славу. Я бы никогда не взялся за эту задачу, если бы меня не вынудили к этому.... Никто не может предположить, что я мог бы отказаться от дела без большой трусости и презрения к своему служению.

'Совсем недавно ты написал письмо совету и народу Женевы, и, не желая проявлять суровость по отношению к тем, в ком ты нуждался для достижения своего дела, ты попытался мягкими словами обойти их. Затем ты выступил стремительно и, так сказать, на полной скорости, чтобы обрушить свою силу на тех, кто, согласно твоим словам, втянул этот бедный город в беду своими изощренными попытками. Я хотел бы, чтобы ты знал, Садолето, что я один из тех, против кого ты выступаешь; и хотя в настоящее время я освобожден от управления Женевской церковью, это не мешает мне питать к ней отеческую любовь.

Что касается тебя, Садолето, иностранца, который до сих пор вообще не был знаком с жителями Женевы, то ты заявляешь, что внезапно почувствовал к ним исключительную любовь и доброжелательность, которые, тем не менее, так и не принесли никаких плодов. Ты, который прошел свое ученичество при Римском дворе, этом мастерском месте всех ухищрений и хитростей, который был не только воспитан, так сказать, в объятиях папы Климента, но, более того, сделан кардиналом, у тебя, несомненно, есть много недостатков, которые вызывают подозрения. Долг пасторов - вести послушные души прямо ко Христу; но твоя главная цель - передать их во власть папы Римского.

'Чтобы бросить на нас подозрение, ты несправедливо обвиняешь нас (ибо ты хорошо знаешь обратное) в том, что мы хотели только удовлетворить наше честолюбие и алчность. Несомненно, что если бы я учитывал свою личную выгоду, я бы никогда не отделился от вашей фракции. И кто осмелился бы выдвинуть подобные обвинения против Фарела, который, будучи выходцем из благородного дома, не нуждался в помощи у других? Разве наш кратчайший путь к богатству и

почестям не заключался в том, чтобы с самого начала принять условия, которые вы нам предложили? За какую цену ваш папа тогда купил бы молчание многих людей и за сколько он все еще покупал бы его сегодня? Разве мы не требовали, чтобы после того, как мы выделили слугам столько, сколько соответствовало их положению, богатство Церкви, поглощенное этими безднами, было распределено среди бедных, как в первоначальной Церкви? Нашей единственной мыслью было расширение царства Божьего посредством нашей малости и смирения; и пытаться убедить людей в обратном - вещь, совершенно неподобающая Садолето, человеку с такой высокой репутацией знатока, благоразумного и серьезного человека.

ХРИСТИАНСКАЯ ДРЕВНОСТЬ.

‘Жители Женевы, выбравшись из трясины заблуждения, в которое они были погружены, вернулись к учению Евангелия, и это ты называешь отказом от истины Божьей! Они вышли из-под папского подчинения и тирании, чтобы иметь лучшее церковное управление, и это, как ты говоришь, настоящее отделение от Церкви! Конечно, Садолето, я остановлю тебя на пути. Где на твоей стороне Слово Божье, которое является признаком истинной Церкви? Если человек принадлежит к Божьей армии, он должен быть готов к битве. Видите, враг совсем рядом; он приближается, он сражается, и он действительно враг настолько хорошо подготовленный, что никакая земная сила не может противостоять ему. Какие доспехи сможет надеть этот бедный христианин, чтобы спастись от сокрушения? Это Слово Божье. Душа, лишенная Слова Божьего, совершенно беззащитная передается дьяволу на заклятие. Следовательно, первой попыткой врага будет отобрать у сражающегося меч Иисуса Христа. Папа, как и “иллюминаты”, высокомерно хвастается обладанием Духом. Но отделять его от Слова - значит оскорблять Святого Духа.

‘Как тебе известно, Садолето, мы более близки к согласию с древностью, чем вы, наши противники, и мы не просим ничего иного, кроме как увидеть восстановленным тот древний облик Церкви, который был разорван на куски и почти уничтожен папой и его фракцией. И, не говоря уже о состоянии Церкви, созданной апостолами (что, однако, мы обязаны принять), подумайте, какой она была у греков во времена Златоуста и Василия, и у латинян во времена Киприана, Амвросия и Августина, а затем созерцайте руины, которые являются всем, что вам сейчас осталось. Ты обнаружишь такую же большую разницу между ними, как между Церковью, процветавшей при Давиде, и Церковью, впавшей во всевозможные суеверия при Седекии. Назовешь ли ты этого человека врагом древности, который, полный рвения к древнему благочестию, жаждет восстановить в их первоначальной великолепии то, что ныне испорчено? По какому праву нас обвиняет в подрыве древней дисциплины та самая партия, которая их отменила?

‘Разве ты не помнишь, что в то время, когда начал появляться наш народ, в школах не преподавали ничего, кроме чистой софистики, настолько запутанной и извращенной, что схоластическую теологию вполне можно было бы назвать разновидностью тайной магии? Не было таких проповедей, из которых глупые старухи не узнавали бы больше снов, чем они могли бы рассказать за месяц у собственного очага. Первая часть была посвящена неясным школьным вопросам, чтобы вызвать удивление бедняков, а вторая - веселым историям или забавным рассуждениям, чтобы пробудить в их сердцах радость. Но как только наши проповедники подняли свое знамя, тени рассеялись, и ваши проповедники, наученные ими и

вынужденные стыдом и ропотом народа, были вынуждены последовать их примеру, хотя в них все еще сохранились следы этих старых безумств.

Ты касаешься оправдания верой. Но этот пункт, который занимает первостепенное место в нашей религии, был стерт тобой из памяти людей. Ты утверждаешь, что мы не принимаем во внимание добрые дела. Если ты заглянешь в мой катехизис, то при первом же слове ты замолчишь, как будто пораженный. Мы, правда, отрицаем, что они могут принести какую-либо пользу в оправдании человека, даже на волосок, ибо Писание не дает нам никакой надежды, кроме как на одну лишь благодать Божью. Но хотя мы отрицаем ценность дел для оправдания человека, мы приписываем им ценность в жизни праведных, ибо Христос пришел *создать народ, ревностный к добрым делам.*'

Мы пропускаем прекрасные отрывки, в которых Кальвин говорит о вечере, исповеди, призывании святых, чистилище, служении и Церкви, и переходим к моменту, когда он вспоминает, что Садолето назвал его и его братьев 'преступниками перед Божьим судом'. Он принимает этот вызов.

ЗАЩИТА КАЛЬВИНА.

'Мы наостряем уши, - сказал он, - при звуке трубы, который прах умерших услышит в глубинах своих могил'. И затем, не только от своего имени, но и от имени всех реформаторов, Кальвин говорит Богу: —

'Я всегда обращался к твоему суду, Господь, с жалобами, которыми Меня преследовали на земле, и с той же уверенностью я предстаю сейчас перед тобой, зная, что в твоих суждениях преобладает истина. Они обвинили меня в очень тяжких преступлениях и в ереси. Но, во-первых, что я сделал? Видя, что, не считаясь с твоими Словами, они оскорбляли простых людей и глумились над ними, не знаю каким бредом, я осмелился противоречить их конституциям. Твоему Христу действительно поклонялись как Богу, но он был практически лишен чести; ибо, лишенный своей добродетели и силы, он был потерян из виду в толпе святых, как будто был всего лишь одним из общей массы. Не было никого, кто полагался бы только на Его праведность; и если кто-либо, наслаждаясь твоей любящей добротой и праведностью твоего Сына, возымел верную надежду на спасение, то это было, по их словам, опрометчивой самонадеянностью и глупым высокомерием. Затем, о Господь, ты осветил меня своим Словом, как факелом, чтобы показать мне, насколько пагубны эти вещи; и ты коснулся моего сердца до такой степени, что я могу испытывать к ним отвращение.

'Они обвинили меня в расколе. Но следует ли считать предателем того человека, который, увидев, что солдаты покидают строй, забыв о своем командире, битве и данной ими присяге, рассеиваются, бродят взад и вперед, поднимает знамя, призывает их обратно и снова выстраивает в боевой порядок? Чтобы вернуть их из таких странствий, Я пустил по ветру не чужой флаг, но то благородное знамя, которому мы должны следовать, если хотим быть зачисленными в число твоего народа. Но те, чьим долгом было поддерживать солдат в хорошем порядке и кто, напротив, ввел их в заблуждение, наложили на меня руки, и конфликт был настолько яростным, что привел к распаду союза. Но на чьей стороне вина? Теперь тебе, Господи, говорить и решать.

'Если бы я хотел поддерживать мир с теми, кто хвастается тем, что является первым в Церкви, я мог бы приобрести его только отказом от истины. Я счел своим долгом подвергнуться всем

опасностям мира, а не опуститься до столь отвратительного соглашения. Но я не думаю, что, находясь в состоянии войны с этими великими, я расхожусь с твоей Церковью. Твой Сын и твои апостолы предсказали, что будут хищные волки даже среди тех, кто выдавал себя за пасторов. Обязан ли я был тогда протянуть им руку помощи? Пророки не были раскольниками из-за своей борьбы со священниками. Со своей стороны, подтвержденный их примером, я так настойчиво следовал своему курсу, что ни их угрозы, ни их доносы ни в малейшей степени не поразили меня.

Последовали волнения, но поскольку они были вызваны не мной, их не следует приписывать мне. Ты хорошо знаешь, Господь, что у меня не было никакой другой цели, кроме этой, чтобы по твоему Слову все споры были прекращены. Ты знаешь, что я не возражал, даже рискуя своей жизнью, против восстановления мира в Церкви. Но что сделали наши противники? Разве они не бежали внезапно и яростно на костер, на виселицу, под меч? Разве они не возбуждали в людях всех рангов одинаковую ярость?... Следовательно, случилось так, что такая война была разожжена. И что бы ты ни думал, я свободен от всякого страха, поскольку мы предстаем перед твоим судилищем, где сходятся воедино справедливость и истина".

ЕГО ПЕРВАЯ ВЕРА.

В этот момент Кальвин рассказывает о своем обращении. Это важная часть его защиты, и мы не можем ее опустить. Он все еще обращается к Верховному Судье: —

Что касается меня,^[801] Господь, я исповедовал христианскую веру так, как я учился ей с юности.

В то время было очень мало людей, которым было поручено постижение этой божественной и тайной философии, и именно у них нужно было искать оракулов. Но они не очень хорошо научили меня ни поклонению твоей божественности, ни твердой надежде на спасение, ни обязательству христианской жизни. Чтобы получить твою милость, они не нашли иного средства, кроме как искупить наши грехи и стереть твою память о них нашими добрыми делами. Они сказали, что ты был строгим судьей, сурово мстящим за беззакония; они указали, каким ужасным должен быть твой вид, и повелели нам обратиться к святым, чтобы через их заступничество ты стал благосклонен к нам. Но когда я сделал все это, и хотя в какой-то степени я полагался на них, я был очень далек от того, чтобы иметь спокойную и доверчивую совесть. Каждый раз, когда я погружался в себя или возносил свое сердце к тебе, мной овладевал такой сильный ужас, что не было ни очищения, ни удовлетворения, которые могли бы исцелить меня. Чем внимательнее я обдумывал свой случай, тем острее становились уколы, терзавшие мою совесть: у меня не оставалось ни утешения, ни утешения.

Поскольку мне не предложили ничего лучшего, я продолжил начатый курс, когда возникла совершенно иная форма учения, не имевшая целью отвлечь нас от христианского исповедания, но проследить его до его истинного источника и восстановить его в чистоте, очищенным от всякой скверны. Оскорбленный этим новшеством, я не стал его слушать; и признаюсь, что с самого начала я мужественно сопротивлялся ему. Одна вещь особенно мешала мне поверить этим людям; это было благоговение перед Церковью.

Но после того, как я иногда соглашался получать наставления, я понял, что страх увидеть уменьшение величия Церкви был напрасным. Эти люди показали, что существует большая разница между оставлением Церкви и исправлением пороков, которыми она была осквернена; и что если они свободно высказывались против Папы Римского, считавшегося наместником Христа и главой Церкви, они делали это потому, что эти титулы были всего лишь пустыми ужасами, которые не должны были ослеплять глаза верующих; что папа достиг такого величия только тогда, когда невежество угнетало мир подобно глубокому сну; что он избрал себя по своей собственной власти и единственной воле, и что мы не были обязаны терпеть тиранию, которой он подвергался. Он угнетал народы, если мы желали, чтобы царство Христа оставалось среди нас во всей своей полноте; что, когда было воздвигнуто это княжество, подлинный порядок Церкви был полностью утрачен, ключи (церковный порядок) были нечестиво подделаны, христианская свобода подавлена, а царство Христа полностью свергнуто.

‘Когда я начал обнаруживать, в каком болоте ошибок я погряз и со сколькими пятнами я был опозорен, отчаянно встревоженный и растерянный при виде страданий, в которые я впал, и осознанием приближающейся вечной смерти, я со слезами и стонами осудил свой прежний образ жизни и не считал ничего более необходимым для себя, чем посвятить себя твоему. Что же тогда остается мне делать, мне бедному и несчастному, кроме как предложить тебе в свое оправдание смиренную мольбу не приписывать мне столь ужасное оставление и отчуждение от твоего Слова, от которого ты однажды спас меня своей чудесной добротой?’

НАСТОЯЩИЕ РАСКОЛЬНИКИ.

Закончив свое выступление перед судьей, Кальвин возвращается к Садолето и говорит: “Теперь, если тебе так кажется, сравни это обращение с тем, которое ты вложил в уста своего подзащитного, чья защита основывается только на том, что он постоянно придерживался религии, которая была передана ему его предками и предшественниками. Без тени сомнения, его спасение находится в большой опасности, ибо на том же основании евреи, турки и сарацины избежали бы Божьего суда. Тогда трибунал будет готов принять не власть людей, а отстаивать истину Божью. Тогда у ваших врачей не будет под рукой возможности без риска продавать свои поддельные драгоценности и злоупотреблять совестью своими трюками и изобретениями. Они останутся такими, какие они есть, и они падут по суду Божьему, который зависит не от народной благосклонности, а от его неизменной справедливости.

“Хотя во всем твоём письме ты относишься к нам слишком по-человечески, тем не менее, в последнем пункте ты в самых простых выражениях вменяешь нам самое чудовищное из всех преступлений, а именно то, что *мы рассеяли и разорвали на куски супругу Иисуса Христа*. Что? будет ли супруга Иисуса Христа разорвана на куски теми, кто желает представить ее Христу как непорочную девственницу, и кто, найдя ее запятнанной многими пятнами, вернет ее к обещанной вере? Разве чистота Церкви не была разрушена странными доктринами, опозорена бесчисленными суевериями, запятнана поклонением образам? Действительно, из-за того, что мы не потерпели, чтобы священное место упокоения и брачный чертог Христа были таким образом осквернены вами, нас обвиняют в расчленении его супруги. Именно вы были виновны в этой рваной ране, и не только по отношению к Церкви, но и по отношению к самому Иисусу Христу, которого вы с таким ужасом разрезали на куски. Где целостность Христа, когда слава его праведности, его святости, его мудрости передается другим?

Я признаю, что с тех пор, как Евангелие появилось заново, возникли большие конфликты. Но вина за это лежит не на нас. Мы просим мира, с которым будет процветать царство Христа; но вы судите так, что все, что приобретено для Христа, потеряно для вас. Молись Господу, Садолето, чтобы ты и твой народ раз и навсегда поняли, что в церкви нет других уз, кроме Христа, Господа нашего, который уводит нас от мирской суеты, чтобы поместить в общество Своего тела, чтобы его единственным Словом и Его Духом мы могли быть объединены в одном сердце и одной мысли!

"Страсбург, 1 сентября 1539 года".

Это письмо находило отклик везде, где обсуждался великий вопрос эпохи, и производило глубокое впечатление. В нем были импульс, сила, свобода и жизнь, которые люди не привыкли находить в трудах римских врачей. Лютер очень обрадовался ей и вскоре после ее публикации послал Кальвину 'почтительное' приветствие. В то же время, пораженный римской самонадеянностью Садолето, он добавил с оттенком ехидства: "Я бы хотел, чтобы Садолето верил, что Бог - Творец людей даже за пределами Италии".^[802] Он выразил свою радость по поводу того, что Бог воздвиг таких людей, как Кальвин, и, далекий от того, чтобы смотреть на него как на антагониста, он увидел в нем врача, который продолжит то, что он сам начал против Антихриста, и с Божьей помощью завершит это.

ДЕЙСТВИЕ ОТВЕТА В ЖЕНЕВЕ.

Но именно в Женеве письмо Кальвина произвело глубокое впечатление. Уважение, которое он оказывал Садолето, располагало людей в его пользу; а красноречие его речи, тот дар души, которым он обладал, сделали его повелителем умов людей. В его мыслях и выражениях было тесное соответствие с настроениями большого числа его читателей. Более того, невозможно было прочесть эти два письма, не заметив, что молодой врач-евангелист избил римского кардинала. И потом, разве дело, во имя которого Кальвин дал бой, не было делом Женевы? Разве поражение Садолето, а следовательно, и его избирателей, папы римского и Лионской конференции, не было величайшей услугой, которую можно было оказать республике? И, наконец, разве этот человек, которого они изгнали, не говорил о городе, который изгнал его, с отеческой любовью? Разве он не сказал в своем письме: "Я не могу отвлечь свое внимание от Женевской церкви; я не могу любить ее меньше и считать менее дорогой, чем моя собственная душа.... Подумай, какой глупостью было бы не принимать близко к сердцу гибель тех, за чьей защитой я обязан следить день и ночь.

Садолето не мог скрыть от себя силу полученного удара и не осмелился ответить. Сам генерал был избит, штаб разошелся. О Лионской конференции больше ничего не говорилось, и епископ де ла Бом вскоре исчез со сцен этого мира. Одновременно с ответом Кальвину Садолето он написал в Невшатель, Лозанну и Женеву. Он призвал жителей последнего города к покаянию перед Богом, к терпению по отношению к нечестивым и к миру со своими пасторами; и прежде всего он увещевал их взывать к Богу.^[803] Женева утвердилась в своей любви к делу, которое так хорошо защищалось от нападок одного из самых выдающихся ораторов эпохи, и ворота города, недавно закрытые перед реформатором, снова начали открываться.

В то время Кальвин имел дело с другим католическим врачом, гораздо менее ценным, чем Садолето, Кароли. Этот человек не стоит того, чтобы долго заикливаться на чем-либо, что его

касается. Поскольку ему не удалось снискать благосклонности папы римского или кардинала Турнона, он внес еще одно изменение и снова повернулся к реформаторам. Фарель принял его с большой добротой, поверил в его обещания и заключил с ним мир. Кароли приехал в Страсбург. Буцер, такой же добрый по натуре, как и Фарел, тем не менее попросил Кальвина указать на все недостатки авантюриста. Реформатор отказался это сделать, полагая, что это не приведет к хорошему результату; но он предложил надменному доктору сердечно признаться в том, что он согрешил. Вместо этого Кальвину было вручено письмо, в котором Кароли писал, 'что он оставляет на суд Господа преступления, которые были совершены против него самого и которые побудили его покинуть Евангелическую церковь'. Реформатор был возмущен. 'Это так взбудоражило мою желчь, - сказал он, - что я выпустил ее с горечью. Я заявил, что скорее умру, чем подпишу подобную бумагу'. Однако он немного уступил своим друзьям и сказал, что рассмотрит этот вопрос более тщательно, прежде чем дать решительный ответ. Едва он вернулся в свой собственный дом, как с ним случился необычайный пароксизм. 'Я не мог найти утешения, ' сказал он Фарелу, ' кроме как во вздохах и слезах; и что огорчало меня больше всего, так это то обстоятельство, что ты был причиной всего этого несчастья. Вам не следовало снова принимать его в наше общение до тех пор, пока он торжественно не признался в своем проступке и не заявил, что раскаивается в нем. Но теперь, когда вы приняли его, не позволяйте, по крайней мере, вашим людям оскорблять его'.^[804] Однако вскоре друзья Кальвина в Страсбурге и сам Фарел признали, что были слишком снисходительны. Кароли, обнаружив, что церкви Невшателя и Страсбурга отказались выполнить просьбы, с которыми он к ним обращался, удалился в Мец. Оттуда он написал Кальвину письмо, в котором предлагал помириться с ним, если тот получит для него пособие. Казалось, он хотел внушить ему благоговейный страх упреками и пустой бравадой. Кальвин спросил его, как получилось, что он хвастался перед противниками Христа в Меце, что готов обличить в ереси реформатора и его друзей. Он добавил, что не смог найти для него церковь, о которой он просил, во-первых, потому, что в его распоряжении таковой не было, а во-вторых, потому, что он не мог этого сделать, пока они не пришли к согласию относительно доктрин. 'Серьезно обратитесь к Господу, ' сказал он ему, - и тогда вы сможете вернуться к нам с той дружбой и братским согласием, которые мы с Фарелом готовы в таком случае продемонстрировать вам'. Кароли не принял этот дружеский совет. Он вернулся в Рим и умер там в больнице от нужды и, как говорят, от страшных болезней.^[805]

ГЛАВА XVII.

КАТОЛИЦИЗМ В ЖЕНЕВЕ.—ЖЕНИТЬБА КАЛЬВИНА В СТРАСБУРГЕ.

(Конец 1539-1540 гг.)

РЕЗУЛЬТАТЫ ПИСЬМА КАЛЬВИНА.

Результаты письма Кальвина кардиналу Садолето и, возможно, в какой-то степени его отношений с Кароли, не замедлили проявиться. С этого момента у католиков было мало надежды восстановить господство в Женеве. Некоторые из них и раньше мечтали об этом. "В это время, - рассказывает хронист Розет, - священники *подняли рог*, объявляя мессу".^[806]

Считалось, что некоторые священники, удалившиеся в монастыри Савойи, получили приказ вернуться на территорию республики с целью восстановления римского богослужения. Возможно, это было так; но все, что следует из заявления Розета, - это то, что некоторые священники, жившие либо в городе, либо в деревне, начали в это время пренебрегать запретами собора и служить мессу. Магистрат решил воспротивиться этому возрождению католицизма, и вполне вероятно, что отчасти это было следствием письма Кальвина. Священников, которые действительно предпринимали активные действия, было, несомненно, немного; но совет принял общую меру и приказал, чтобы все католические священнослужители, находившиеся на их территории, предстали перед ними 23 декабря (1539). Далее было приказано, чтобы все те, кто утверждал, что месса хороша, и не мог поддерживать это утверждение после совещания с пасторами, были отправлены туда, где поется месса (*ла оу на ла шанте*). "Спокойствие и безопасность государства, - говорит историк, - не позволяли им терпеть какую-либо иную религию, кроме той, которая была установлена евангелической реформацией".[807] Тридцать три священника в большой тревоге появились в Ратуше, и они не оказали должного уважения своему учению. Мысль о том, что, если они заявят, что месса была хорошей, они будут изгнаны, несомненно, способствовала тому, что они не захотели ее посещать. Каждого из них допросили, и ниже приведены их ответы. 'Томас Жено!' воскликнул секретарь. Священник ответил: "*Месса отвратительна*". Восемь его соратников дали такой же чистый и простой ответ. Другие также заявили, что они против этого акта поклонения, но добавили несколько слов. Когда позвонили Ами Мессье, она сказала: "Я хочу жить и умереть с господами" (членами совета); 'Я не изучала, но я считаю мессу порочной.' Жан Котан: 'Это не имеет никакой ценности'. Гийом Веллес: 'Я никогда в это не верил'. Дон Пропозити (Прево): 'Хорошо, если господа считают это хорошим; плохо, если господа считают это плохим. В остальном я не клерк, и наконец... это безнравственно'. Большого уважения к магистрату проявить было невозможно. Дон Амичи и его брат: "К благоволению господ". Дух компромисса не мог продолжаться дальше. Священник Рамель: 'Это безнравственно; иначе я не женился бы'. Клод де Лольм: 'Безнравственно.' Жан Югонье: 'Я бы не женился, если бы верил, что это хорошо'. Гийом Маршан и Морис де ла Рю: 'Месса ничего не стоит, как и те, кто хочет ее поддерживать'. Луи Бернар и Т. Кольер: 'Нечестивый'. Некоторые из них подчеркивали свое осуждение более решительно. Жак л'Ост: 'Черт возьми, это все, на что оно годится'. Жан Луи Николя: "Это отвратительно". Жан Сорель: "Это отвратительно для всего мира и порочно".

СВЯЩЕННИКИ ПЕРЕД СОБОРОМ.

Другие не были столь легкомысленны и не были столь готовы без смущения или принуждения отречься от своей прежней веры. Гийом Манилье сказал: "Ни хорошо, ни плохо". Родэ Вилланель сказал: 'По совести говоря, я не могу поклясться, но я отношусь к этому так же, как и господа'. Жан Волланд: 'Я неопытный человек и несведущ в этом вопросе. Поскольку ученые расходятся во мнениях по этому поводу, я не могу судить'. Томас Вендель: 'Я не знаю'. Пьер Боти: 'Увы! Я не мог бы сказать, хорошо это или плохо, но я не служил мессу с тех пор, как это было запрещено.' Антуан Аллио сделал свои оговорки, и они были неплохими: "Я отрекаюсь от этого, спасая *Отца* и *Кредо*, Послание и Евангелие'. Один Этьен де ла Мезоннев выразил христианское чувство: 'Месса должна быть безнравственной, ибо Иисус Христос совершил истинное искупление'. Только один из них полностью отказался от осуждения мессы, и все же он сделал это благоразумно. Пьер Папаз сказал: "Я никогда не называл это порочным".[808]

Это были странные заявления, и совет, который ожидал, что клерки окажутся непреклонными, был чрезвычайно удивлен, услышав их. Это был полный крах. Сравните всех этих священников, лишенных веры и принципов, с реформаторами, людьми столь благородными и отважными, и легко увидеть, на чьей стороне должна быть победа. Едва ли был хоть один из клерков, Папаз, которого можно было заподозрить в желании восстановить католицизм. Это правда, что десять из тех, кто был вызван, не явились; вероятно, те, кто был причиной вызова советом. Эти люди, несомненно, покинули территорию без промедления и не дожидаясь приказа сделать это.

Был, однако, один человек, который проявлял характер гораздо более благородный, но он был непрофессионалом. На самих скамьях совета, членом которого он был, в то время сидел 'папист с большим влиянием и репутацией', - говорит Розет. Это был бывший синдик Балард.

Президент, не желая выказывать никакого уважения к людям, предложил ему также объявить, хороша была месса или плоха. 'Если бы я, Балард, - ответил он, - точно знал, что месса была хорошей или плохой, мне не нужно было бы настаивать, чтобы сказать это, но поскольку я не знаю наверняка, я не должен судить опрометчиво, и ты не должен советовать мне делать это. Я твердо решил верить во все догматы нашей веры точно так же, как в них верит город. Я желаю, чтобы мое тело было объединено с телом города,^[809] как и подобает лояльному гражданину. Вы спрашиваете меня, хороша ли месса или плоха; я отвечаю, что я верю в Святого Духа, в святую Вселенскую Церковь, и поскольку они верят в это, я верю в это".

БЫВШИЙ СИНДИК БАЛАРД.

Этот ответ, который Балард дал в письменном виде, не удовлетворил совет, который снова попросил его сказать, была ли месса плохой, да или нет. "Я хочу жить по Евангелию, - ответил он, - и верить в Святого Духа и Вселенскую Церковь, и я не могу ответить на то, чего я не знаю". Этот ответ вызвал большой переполох. Члены совета были шокированы и возмущены тем, что один из их членов упрямо отказывается делать заявление, с которым выступили сами некоторые священники, и сомневается в том, что утверждал совет. Было решено, что Балард должен быть исключен из совета, и что он и его семья должны быть вынуждены покинуть город и его территории в течение десяти дней. Билетер передал ему этот указ. На следующий день Балард предстал перед Советом Двухсот, указ требовал подтверждения этим органом. Приговор произвел на него некоторый эффект. Он сказал: "Поскольку оба совета желают, чтобы я сказал, что месса плохая, я говорю, что месса плохая". Затем, словно желая успокоить свою совесть, он добавил: 'А что касается меня, то я поступаю еще хуже, если опрометчиво сужу о том, чего не знаю. Поэтому я взываю к Богу о милосердии и отрекаюсь от сатаны и всех его дел.' По сути, вторая речь Баларда была опровержением первой, поскольку он добавил, что не знает, что он только что утверждал. Ответ был несколько двусмысленным. Но кто мог бы без волнения услышать крик "Боже, помилуй меня!", который немедленно издал честный синдик?

На следующий день (26 декабря) Балард должен был появиться еще раз. Теперь он сложил оружие и сказал просто и категорично, что месса была плохой. После этого он вернулся на свое место в совете. Поэтому он поступил так же, как поступили священники, только после того, как несколько раз повторил ранее, что не может утверждать то, что утверждает сейчас. Его оправдание заключается в том, что, без сомнения, этого заявления требовали политические интересы. Но правда слишком ценна, чтобы приносить ее в жертву политическим интересам.

Если дело католицизма шло на убыль, то дело реформатора поднималось. В марте 1540 года его друзья написали ему, что теперь он может вернуться в Женеву. Но он дрожал при мысли о том,

что снова отправится в это беспокойное море. "Я предпочел бы сто раз умереть в другом месте, - писал он Фарелю, - чем возложить себя на этот крест, на котором мне пришлось бы нести смерть тысячу раз в день.[810] Всеми силами противодействуйте проектам тех, кто будет стремиться вернуть меня в Женеву." Два месяца спустя Вире, страстно желавший, чтобы Кальвин вернулся к выполнению задания, важность которого он чувствовал, придумал предлог, чтобы вернуть его в Женеву, и, выразив беспокойство о здоровье своего друга, который действительно страдал от сильных головных болей, заклинал его приехать в Женеву, поскольку здешний воздух, вероятно, придаст ему сил. 'Я не мог удержаться от улыбки,' ответил ему Кэлвин, 'прочитав этот отрывок твоего письма. Ты хочешь, чтобы я поехал в Женеву ради того, чтобы быть в добром здравии; почему бы вместо этого не сказать: "Повесься на виселице"? Лучше погибнуть раз и навсегда, чем снова оказаться в том месте, где меня будут подвергать непрерывным пыткам.[811] Если ты желаешь мне добра, мой дорогой Вирет, умоляю, не делай этого предложения снова".

ДОМАШНИЕ ПРОБЛЕМЫ КЭЛВИНА.

Следует сказать, что в этот период Кальвин был занят совсем другим делом. Сейчас ему было двадцать девять лет, и он подумывал о женитьбе. Его дом оставлял желать лучшего. Его служанка была глупой, вспыльчивой женщиной, склонной к оскорблениям и не щадившей ни своего хозяина, ни тех, кто приходил к нему. Однажды она так дерзко заговорила с братом Кэлвина, что Энтони, не в силах этого вынести, спокойно вышел из дома, без гнева, но заявил, что больше не войдет в него, пока там находится эта женщина. Кэлвин был очень опечален этим, и служанка, заметив его, сказала: "Что ж, я тоже ухожу", - и оставила его.[812] Предполагалось, что натура Кальвина влекла его скорее к отношениям дружбы с братьями, учеными и коллегами, такими как Фарел, Вирет, Гриней, Беза и другие, чем к супружеской жизни. Если он и выступал против безбрачия, то не спешил отказываться от него; более того, он даже хвастался этим, говоря: 'Люди не обвинят меня в том, что я напал на Рим, как греки осаждали Трою, ради женщины'. Несомненно, желая жениться, он прежде всего имел в виду эти слова с первых страниц Библии: *Нехорошо человеку быть одному; Я найду ему помощницу, которая встретит его*. Он хотел, как он сам сказал, освободиться от мелких житейских забот до конца, чтобы иметь возможность лучше посвятить себя служению Господу.[813] Его друзья, похоже, в это время больше, чем он, занимались поиском ему партнера, и их целью, по-видимому, было избавить его таким образом от надоедливого ведения домашнего хозяйства, к которому он испытывал мало удовольствия. Но все, что мы знаем о чувствах Кальвина и о его жизни с женой, ясно показывает, что он видел в браке нечто гораздо более высокое, чем ведение домашнего хозяйства. 'Это противоречит природе,' сказал он, 'что кто-то не должен любить свою жену, ибо Бог предопределил брак для того, чтобы из двоих мог получиться один, единая личность; результат, к которому, безусловно, не может привести никакой другой союз. Когда Моисей говорит, что мужчина оставит отца и мать и прилепится к своей жене, он показывает, что мужчина должен предпочесть брак любому другому союзу, как самому святому из всех.'[814] Было сказано, что Кальвин совершил *разумный брак*. Это кажется мне сомнительным, и все указывает, по крайней мере, на то, что, будучи однажды женатым, он испытывал искреннюю привязанность к своей жене. В нем был высокий интеллект, возвышенный гений, но также и та любовь к близким, те сердечные привязанности, которые дополняют великого человека.

Уже в феврале 1539 года друзья Кальвина в Страсбурге пожелали ему жениться. Он сам написал Фарелу, что леди прибудет вскоре после Пасхи, и выразил желание видеть его присутствующим, чтобы благословить союз. Этот брак не состоялся. Может быть, это потому, что Кэлвин не нашел в этой неизвестной леди тех качеств, которые искал? Это представляется вероятным из того обстоятельства, что два или три месяца спустя пылкий и энергичный Фарель, все еще неженатый, хотя и намного старше своего друга, сделав ему еще одно предложение, молодой врач рассказал ему, какие добродетели он хотел бы найти в жене. "Я не принадлежу, - сказал он, - к тому типу безумных любовников, которые, однажды сраженные красотой женщины, готовы в то же время безрассудно восхищаться ее недостатками. [815] Единственная красота, которая очаровывает меня в женщине, - это целомудрие, скромность, покорность, экономность, терпение и склонность заботиться о здоровье своего мужа. Если тогда ты думаешь, что та, о ком ты говоришь, обладает этими качествами, продолжай в том же духе; но если ты так не думаешь, не говори больше об этом". Фактически, больше об этом ничего сказано не было. Фарелу не повезло.

БРАЧНЫЕ ПРОЕКТЫ.

Среди знакомых Кальвина в Страсбурге был немецкий патриций, или дворянин, очень набожный человек, который испытывал самую теплую привязанность к Кальвину и признавал его великим человеком. Ему пришла в голову мысль женить Кальвина на его сестре; и его жена, которая также была самого высокого мнения о реформаторе, поддержала своего мужа всем своим влиянием. Юная леди, по словам самого Кэлвина, была выше его по положению, и мало кто из мужчин отверг бы столь лестное предложение. Но богатое приданое не привлекло реформатора, каким бы бедным он ни был. Действительно, сам блеск матча заставил его заколебаться. Молодая девушка, которая, вероятно, не была набожной, как ее брат, была больше поражена невзрачной внешностью Кальвина, чем его высокими качествами, и ни в коем случае не стремилась уступать желаниям своего брата. Кальвин понял это. Он боялся, что благородная дева не так-то легко забудет о своем звании и образовании. Он был также очень чувствителен к другому вопросу. Богатая молодая леди не понимала по-французски. В этих обстоятельствах он увидел способ сбежать, не обидев брата и невестку, и сказал ее брату, который, по-видимому, был склонен чрезмерно давить на него в этом вопросе, что прежде всего он требует, чтобы молодая леди взяла на себя обязательство выучить французский язык. Она попросила дать ей время подумать над этим. План провалился, и Кэлвин, стремясь положить конец домогательствам брата, подумал о другой особе, о которой много говорили, но чьи качества, по-видимому, не соответствовали ее высокой репутации. Кальвин, безусловно, хотел жениться, но это должна быть христианка. Он часто думал об этом. Во время одной из поездок, которую он совершил в Германию по религиозным делам, сидя однажды за столом с несколькими друзьями, одним из которых был Меланхтон, молодой французский врач был мечтательным и отсутствующим. "Наш теолог, - сказал друг Лютера, - очевидно, подумывает о женитьбе". [816] Трудности, с которыми он столкнулся при поиске такой жены, какую он желал, говорят в его пользу и показывают, насколько высоко он ценил моральные качества. Однако он был опечален и огорчен этим. Он спрашивал себя, не лучше ли было бы отказаться от всякой мысли о женитьбе. Этот человек, которому принято приписывать такое сухое, такое черствое сердце, показывает нам самими своими страданиями, которые вскоре сменились великой радостью, какое богатство истинных чувств и нежной привязанности таилось в его сердце. Но именно в тот момент, когда он почти отчаялся, он нашел то, к чему стремился.

IDELETTE DE BURE.

В то время в Страсбурге жила на покое благочестивая, серьезная и добродетельная женщина, которую уважали все, кто ее знал, и особенно Буцер; по словам Теодора Безы, это была самая отборная женщина.[817] Она была родом из Льежа, и ее звали Иделетт де Буре. Ламбер де Буре, вероятно, один из ее родственников, был изгнан из Льежа в 1533 году вместе с шестью другими гражданами за то, что они исповедовали Евангелие.[818] Известно, что Льеж был одним из тех городов Нидерландов, в которых пробуждение было наиболее примечательным. Иделетт была вдовой. Ее муж, Жан Стордер, был в числе тех, кто называл себя спиритуалистами. Буцер, по-видимому, познакомил Кэлвина с семьей в надежде, несомненно, просветить Стордера. Кальвин провел с ним частные беседы, и бельгиец был обращен к истинному Евангелию благодаря служению реформатора. Иделетт, вероятно, также был обращен в то же время. Подобная перемена произошла и со многими их единоверцами. "Он имел счастье обратить к вере *очень большое количество людей, которые были направлены к нему со всех сторон*", [819] и среди прочих бывший аббат по имени Поль Вольс, которому Эразм посвятил в 1518 году своего *шевалье Кретьена*, и который был священником в Страсбурге. Иделетта уделяла своим детям все внимание самой нежной матери и в то же время утешала тех, кто был в беде. Кальвин заметил в ней глубоко укоренившуюся веру, привязанность, полную преданности, и христианское мужество, которое позволило ей встретить лицом к лицу все опасности, которым в то время подвергало ее исповедание Иисуса Христа. Эта выдающаяся женщина, как называет ее Теодор Беза, была именно такой, какой ее хотел видеть Кальвин. К сожалению, ей, как и Кальвину, не хватало одного — крепкого здоровья. Но душа Иделетты процветала, и реформатор попросил ее руки.

Бракосочетание было отпраздновано примерно в конце августа 1540 года с определенной торжественностью. Друзья Кальвина, а их было много, засвидетельствовали ему свою симпатию. Некоторые депутаты даже приехали из Невшателя, чтобы присутствовать на свадьбе. Друзья жениха во Франции также приняли участие в этом мероприятии. 'Известие о твоей женитьбе, ' писал один из его старых сокурсников по Буржскому университету, - было для нас очень приятным. Поскольку ты, согласно своему желанию, нашел честную и верную жену, наделенную теми добродетелями, которым ты придаешь такое большое значение, мы надеемся, что этот союз станет для тебя источником счастья.' Так оно и было. С самого начала своей супружеской жизни Кальвин чувствовал себя счастливым, имея верную спутницу, которая служила вместе с ним Господу, любила своего мужа и стремилась сделать его жизнь мирной и приятной. Счастье, которым Кальвин наслаждался в то время, Иделетт дарила ему до последнего. Он все больше и больше ценил сокровище, вверенное ему Богом. Он назвал Иделетт "превосходной спутницей моей жизни, [820] всегда верной помощницей в моем служении". 'Никогда, - добавляет он, - она не чинила мне ни малейшего препятствия'. Величие ее души приводило его в восхищение. [821] Он хорошо понял это изречение из Библии, что мудрая женщина - венец для своего мужа, и что *тот, кто находит жену, находит добро и обретает благоволение Господа*.

Катрин фон Бора и Иделетт де Буре, жены двух великих реформаторов, выдающиеся женщины, чьи фамилии почти похожи, не были похожи ни лицом, ни характером. Была также заметная разница в том, как их мужья отзывались о них. Кэтрин часто упоминается в письмах Лютера к его друзьям, часто, правда, с оттенком лукавства. Иногда он называет ее *gerp Kame*. Кальвин, напротив, редко говорит об Иделетт. Действительно, мы можем сказать, что Кальвином в его

письмах, как и в его жизни, всегда руководила одна суверенная мысль, которой все остальные должны были подчиниться: дело Божье, слава Иисуса Христа - вот цель его жизни. Все, что касалось его простого личного существования и его домашних обстоятельств, было затмлено Иисусом Христом, этим солнцем праведности, которое он с удовольствием созерцал и превозносил. Однако этому факту есть другое объяснение. Что Кэлвин больше всего ценил в Иделетт, так это "скрытого человека сердца, неподкупность кроткого и тихого духа", ее скромность. 'Ничто так не идет женщинам, как кроткий и мирный дух, - сказал он. - мы знаем, что это за создание - смелая и упрямая женщина, которая из гордости, тщеславия и распутства любит покрасоваться. Счастлива женщина, которая скромно одевается, которая не шатается по улицам, а ведет хозяйство из любви к мужу и детям.' Кэлвин был счастлив и испытывал уважение к скромности и смирению, которые он нашел в Иделетт, и думал о том, чтобы говорить о ней в своих письмах, не больше, чем о том, чтобы видеть ее разгуливающей по улицам.

СОБРАНИЕ В ХАГЕНАУ.

Счастливый как в этом христианском союзе, так и в сфере деятельности, которая открывалась перед ним в Страсбурге и в Германии, Кальвин меньше, чем когда-либо, думал о возвращении в Женеву. На самом деле его сношения с Германией стали более частыми. В июне 1540 года, в соответствии с решением, принятым во Франкфурте, в Хагенау в Эльзасе было проведено новое собрание, на котором врачи двух партий должны были найти надежную основу для соглашения. Протестантские князья, вызванные слишком поздно, не присутствовали, но прибыли их посланцы и богословы. Кальвин поехал, 'чтобы отдохнуть', - говорит он, как бы для расслабления. Он был рад видеть, что протестантские врачи 'полностью объединились'. Они провели несколько консультаций между собой о том, как установить дисциплину в Церкви. Несомненно, это было сделано по наущению Кальвина. 'Это будет,' сказал он, 'самым важным предметом для нашего рассмотрения'. Поскольку отсутствовали Лютер, Меланхтон и другие врачи, а также принцы, ничего не было сделано; "но каждый обещал приложить все усилия до конца, чтобы на какой-нибудь встрече этому было уделено внимание". Крузигер, коллега Лютера и Меланхтона, присутствовавший в Хагенау, был поражен знаниями и деятельностью Кальвина. Фактически, ничто из того, что касалось евангелического дела, не ускользало от него. Он отчетливо понимал уловки политиков. "Наши противники, - сказал он, - желают расширить свой союз и ослабить наш, но Бог предотвратит это несчастье. Наши друзья стремятся к расширению царства Христа и не уступят. Некоторые католики не желают ничего, кроме войны, и папа распорядился выделить 300 000 дукатов, чтобы начать ее. "Император, - думает он, - ничего так не хотел бы, как сокрушить вооруженные силы Германии, чтобы подчинить ее с большей легкостью. Но, с одной стороны, император настолько вовлечен в это дело, что не осмеливается начать войну, а с другой - все избиратели хотят, чтобы все было тихо улажено. Если Кальвин и не был особенно доволен папой, то архиепископами он был доволен. Следующий отрывок достаточно поразителен для цитирования: 'Архиепископы Майнца и Трева любят мир и свободы страны, и они думают, что были бы потеряны, если бы император подчинил нас'. Это показывает в Кальвине справедливый нрав, человека, свободного от предрассудков.^[822] "Архиепископ Кельнский не из худших, - говорит он, - ибо он знает, что Церковь должна быть реформирована, и ясно видит, что мы выше в отношении истины".

ГЛАВА XVIII. ЖЕНЕВА.—РАЗНОГЛАСИЯ И СУРОВОСТЬ. (1540.)

В то же самое время, когда репутация Кальвина росла в других странах, мнение, сложившееся в Женеве о людях, вынудивших его покинуть город, с каждым днем становилось все более неблагоприятным, и вскоре общественное мнение было полностью противоположно им. "Пришло время, - говорит Теодор Беза, - когда Господь решил сжалиться над Женевской церковью".[823]

БЕРН И ЖЕНЕВА.

Когда в 1536 году бернцы отбили войска Савойи и обеспечили независимость Женевы, между этими двумя государствами было заключено соглашение о пяти или шести деревнях, принадлежащих приорату Святого Виктора, последним приором которого был Бонивар. Женева заявила о суверенитете и уступила *Берну права древнего обычая*, которые принадлежали Савойе. Поскольку договор был недостаточно ясен, бернцы претендовали на прерогативы, которые женефцы оспаривали у них. Следовательно, 6 марта 1539 года Женевский собор направил в Берн Ами де Шапоруца, Жана Луллена и Монатона, всех троих противников Кальвина. Первые двое действительно были синдиками в 1538 году и как таковые возглавили изгнание реформаторов. Они должны были урегулировать спорные вопросы, но 'не посягая на привилегии города или на мирный договор 1536 года'. Эти делегаты подписали в Берне 30 марта договор, состоящий из двадцати одной статьи, 'большая часть из которых, - говорит синдик Готье, придерживающийся умеренных взглядов, ' были унижительными для женефцев и лишали их прав на эти территории'. Фактически, первая статья договора гласила: "Нам, жителям Берна, полностью принадлежит верховная власть, то есть *суверенитет* над людьми и товарами'. Трое женефцев были гораздо менее умными политиками, чем бернцы, и мы предпочитаем приписывать их ошибку низкому дипломатическому мастерству, а не государственной измене. По возвращении в Женеву они просто доложили совету, "что они хорошо выполнили свою работу (*avaient bien besogne*) и что заключенный контракт вскоре будет доставлен в Берн'. Было странно, что эти полномочные представители не только не представили договор, но еще более не высказали *живым голосом* то, что он содержал. "Поскольку они пренебрегли полученными приказами, - говорит Готье, - они боялись полностью разориться, если дадут точный отчет о своем руководстве, и надеялись, отложив дело, стереть воспоминания о том, что могло быть преступным в их действиях".[824] Они считали среди членов совета многих своих родственников и друзей. Их слову поверили. Эти три члена совета, подписавшие статьи, были, следовательно, названы *Артикулянтами*; и люди, приняв слово, почти такое же по звучанию и более знакомое им, назвали их *Артишоками* (Artichokes). Это обозначение было распространено на всю партию, выступавшую против Кальвина, которая в то время находилась у власти.[825]

Примерно два месяца спустя бернский *байи* (Де Тиз) подвергнул пыткам человека, принадлежащего к поместьям Сен- Виктор, совет Женевы подал жалобу на это, и *байи* немедленно оправдал себя, апеллируя от них к договору, заключенному в Берне. Женевские магистраты, которые не были знакомы с ним, послали Монатона раздобыть его. Он вернул его, но оно было на немецком! Документ был возвращен для перевода на французский; и когда статьи были наконец зачитаны в совете, многие роптали и говорили, что большинство из этих

пунктов противоречат правам и прерогативам города. Трое депутатов оправдывали себя, утверждая, что этот документ не был тем, который они подписали. Это заявление было засчитано. Совет заявил, что он не принимает документ, и постановил, что трое *выступающих* должны вернуться в Берн, чтобы потребовать объяснений. Но напрасно оба совета умоляли и даже приказывали Луллину уехать; он заявил, что скорее уедет из города, чем согласится быть делегатом в Берне. У него были личные причины не возражать против этой миссии. Трое других известных людей были связаны с Де Шапоружем и Монатоном. Два *артикулянта* заявили бернцам, что они не слышали статей, изложенных в таких выражениях. Но бернцы ответили, что это подлинный договор, и что они обратятся к Женевскому совету перед судьями, которым поручено расследовать трудности, существующие между двумя городами, чтобы заставить его подписать и скрепить договор печатью. Ламбер, один из депутатов, сопровождавших Монатона и Де Шапоружа в Берн, услышал в разговоре с некоторыми жителями города, что во время составления статей Жан Луллен согласился со статьями на немецком языке и добился их передачи своим коллегам, не объяснив им по-французски, что в них содержится. Из этого следует вывод, что Жан Луллен, единственный из троих, кто знал немецкий, оставался ответственным. Однако двум другим, следует признать, все еще вменяется в вину невероятная легкомысленность. 6 апреля депутаты выступили со своим отчетом перед советом.

ССОРА ИЗ-ЗА ДОГОВОРА.

Бернцы, уверенные в своей правоте, продолжали отстаивать свои суверенные права и получали удовольствие от того, что различными способами раздражали женевцев. Они даже довели свою недоброжелательность до жестокости. Двое убийц, подданных Сен-Виктора, были приговорены женевскими магистратами к обезглавливанию, бернский *байи* заменил дыбу и отправил в Женеву счет палача для оплаты. Недовольство правительственной партией росло день ото дня. Люди говорили, что Бернский мирный договор был актом государственной измены. Возможно ли, что после разрушения религии изгнанием Фареля и Кальвина та же самая партия разрушит и государство, пожертвовав его самыми драгоценными правами? Некоторые пошли еще дальше. Бонне, член Двухсот, воскликнул: 'Совет намерен передать город лордам Берна'. За эту опрометчивую речь он был посажен в тюрьму.^[826] Но это усилило преобладающее раздражение. Многие члены "Двухсот", среди которых был Клод Бонна, заявили этому совету, что они никогда не допустят, чтобы статьи, составленные в Берне, получили печать республики. На карту было поставлено сохранение чести Женевы, ее превосходства и справедливости ее дела, возможно, самого ее существования. Друзья Кальвина заявили, что могущественный город Берн не должен топтать ногами их страну. Оппозиция правительству стала настолько сильной, что на заседании 25 августа все члены Двухсот единодушно воскликнули: 'Мы не подчинимся этим статьям, учитывая, что они противоречат нашим свободам, нашим привилегиям и нашим добрым обычаям'.^[827]

Бернцы, раздраженные постоянными отказами Женевы, объявили в начале января 1540 года, что, имея подлинный документ, они вызывают своих женевских союзников в Лозанну на 29-е число месяца, чтобы дело могли решить судьи, по двое от каждого города. 21-го числа Женева назначила Де ла Рива и Гербеля отправиться в Лозанну с пятью помощниками. 25-го генеральный совет отклонил договор, запретил депутатам принимать судебное решение и приказал им сказать бернцам, что люди *скорее подожгут город, чем примут статьи*. Дела становились все хуже и хуже. Берн был непреклонен. 26-го, в девять часов вечера, женевец Беген на полной скорости прибыл из Лозанны с важными депешами. Генеральный совет,

собравшийся на следующий день, был ими очень взволнован. Из-за них были арестованы трое *артикулянтов*, и Бегену было поручено проинформировать бернцев. Но последние приказали своим судьям продолжать, и женевцы были осуждены за нежелание скрепить договор и оплатить издержки. Серьезность ситуации наконец поняли в Женеве. В тот самый день, 27 января, когда в Лозанне было вынесено решение, генеральный совет, внезапно созванный ударом большого колокола в час ночи, постановил, что депутаты должны заседать в качестве судей. Но когда пришло это известие, приговор уже был вынесен. Они обошлись без женевцев.

ВОЗМУЩЕНИЕ В ЖЕНЕВЕ.

Велико было смятение в Женеве. В воскресенье, 1 февраля, было решено прекратить все разногласия дома всеобщим примирением, в знак чего граждане взяли друг друга за руки. Шапоруж, Луллен и Монатон были отпущены на свободу под залог, а Жан Филипп был назначен капитан-генералом. Этот внутренний мир, вызванный войной, которой им угрожали извне, был торжественно отмечен народным шествием под бой барабана через весь город. Министры настаивали на назначении дня молитвы, чтобы отпраздновать и подтвердить примирение. Но этот мир не был укоренен в глубине их сердец. 'Тем не менее, - говорит Розет, 'люди все еще слышали разговоры о нескольких драках в городе', и сын генерал-капитана убил горожанина. Наиболее жестокие люди, когда они увидели, какой опасности подвергает их измена или бездумность *выступающих*, воскликнули: "Отрубите им головы, упакуйте всех троих в один сундук и отправьте в Берн".[828]

"Тем временем, - говорит современный биограф, - Господь собирался исполнить свой суд в Женеве, прямо наказав тех, кто, будучи синдиками, был причиной изгнания Фареля и Кальвина".[829] Советники Де Ватвиль, Де Дисбах и Де Граффенрид, депутаты Берна, 16 апреля заявили Двумстам, что бернцы ничего так не желали, как доставить удовольствие Женеве, и что, не пользуясь приговором, вынесенным в Лозанне, они предложили обсудить это дело заново. Генеральный совет, созванный 25 апреля для решения этого вопроса, не нашел способа прийти к взаимопониманию. Эти бесконечные споры с Берном (на урегулирование вопроса ушли годы) вызвали гнев женевцев против *артикулянтов*, которые были их причиной. Они считали этих людей более виновными, чем они были на самом деле. Собрание находилось в сильном возбуждении. Были сформированы группы, и вспыхнули вспышки гнева. 'Правосудие! правосудие над предателями!' - кричали они. Они потребовали, чтобы перед любым обсуждением эти депутаты были снова заключены в тюрьму. Трое виновных сами присутствовали на совете. Капитан-генерал Жан Филипп, подойдя к ним, шепотом посоветовал им немедленно выходить и спасаться бегством. Малый Совет приказал немедленно заключить их под стражу. Они подписали обязательство явиться по первому требованию; но, охваченные страхом, они переоделись и в большой спешке покинули город, нарушив тем самым данное ими обещание. Когда лейтенант отправился по домам, чтобы арестовать их, они исчезли. Новость сразу же была доведена до генерального совета. 'Пусть звуком трубы призовут их явиться, - сказал горожанин, - и пусть на их домах будут прикреплены печати'. 'Да! да!' - закричал народ. - "Да будет так!" Народное собрание было распущено, огромная толпа горожан окружила ратушу и громкими голосами требовала справедливости. Общественный глашатай, обходивший улицы, призвал трех депутатов явиться через три часа, в противном случае они будут немедленно привлечены к суду. Бернцы выразили совету свое удивление по поводу того, что эта цитата была сделана без единого слова, сказанного им по этому поводу; 'Ах!' - последовал ответ. 'Если мы будем медлить с выполнением решения генерального совета, народ обрушится на нас!' Общее

раздражение в то же время распространилось и на пасторов, занявших место Фарела и Кальвина. Эти люди были встревожены этим, и 30 апреля, представ перед советом, они сделали заявление о тех упреках, которыми их осыпали, и потребовали их увольнения. Отвернувшись от реформаторов, люди теперь снова обращались к ним. "В то время, - говорит Розет, - бедная женщина, иностранка, ходила по городу и плакала: "Что Бог хранит, то хорошо хранит".[830]

Поскольку трое беглецов были вызваны под звуки трубы в течение трех дней подряд и не явились, генеральный солиситор предъявил им обвинение по семидесяти четырем пунктам. Тридцать два свидетеля дали свои показания; и 5 июня Де Шапоруж, Луллен и Монатон были заочно приговорены к обезглавливанию как фальсификаторы и мятежники, которые были причиной и могли снова стать причиной большого зла для государства. В шестнадцатом веке к смертной казни прибегали с готовностью, но обвиняемый бежал, а от приговора до казни было еще далеко.

JEAN PHILIPPE.

Партия, которая была благосклонна к трем *ораторам* и враждебна реформаторам, продолжала существовать в Женеве, и ее главой был способный человек, генерал-капитан Жан Филипп, который был синдиком в 1538 году вместе с Жаном Лулленом и Ами де Шапоруж. Эти трое людей вместе с неистовым Ришарде, как мы видели, добились изгнания Фареля и Кальвина и, причинив много вреда Церкви, без колебаний вовлекли государство в самые жестокие затруднения. Жан Филипп своим насилием был близок к тому, чтобы еще больше усугубить беды в городе. 'Человек богатый и не скупой, - говорит Бонивар, - он был очень щедр к своим товарищам, особенно по оружию; и это сделало его всеобщим любимцем. Человек отважный на действия, он не был осмотрителен в своих проектах и рисковал своей личностью не больше, чем кошельком. Неосмотрительный и дерзкий, поспешающий поверить, медлительный не поверить, но как только какой-нибудь дерзкий парень из тех, кого он считал пригодными для битвы, докладывал ему, он верил в это. И его было трудно вывести из заблуждения, потому что он не был способен оценить здравую причину; и это заставляло его совершать много опрометчивых поступков.' Таков был человек, имевший в своем распоряжении партию, которая после того, как стала верховной в Женеве, только что подверглась столь суровой проверке. Жан Филипп не мог без раздражения наблюдать за приведением приговора в исполнение в отношении своих коллег; и он понимал, что результатом этого должно было стать крушение всей его партии, если только ему не удастся остановить течение народного потока, который теперь неся в противоположном им направлении. Недовольный и ропщущий на тех, кто вынудил Луллена и Де Шапоружа бежать, он был охвачен самыми горькими предчувствиями. После вынесения приговора Филипп и его сторонники "объединились, - говорит Бонивар, - и ждали возможности отомстить и восстановить *троих* в их прежних почестях. Их партия, наперекор своим оппонентам, устраивала банкеты в общественных местах. После всего этого грома должны были начаться дождь, град и выпадать молнии, чтобы небо очистилось.' Буря действительно не преминула разразиться.

БУНТ.

В это время в Женеве наблюдался феномен, характерный почти для всех наций; победители разделились между собой. Партия, которая в 1538 году изгнала реформаторов, разделилась на две части. Чем более пылкие умы были настроены довести свою победу до крайности, тем более осмотрительные, с другой стороны, замедляли свой темп и сдерживали свои страсти. Пылкие

молодые люди Женевы были раздражены, увидев лидеров, под началом которых они сражались, приговоренными к смерти и скрывающимися от правосудия. На следующий день после их осуждения, в воскресенье, 16 июня, многие женефцы, согласно обычаю, собрались на равнине Плейнпале, расположенной у городских ворот, и упражнялись в стрельбе из лука. Некоторые из них, встретив Жана Филиппа и его друзей, кричали им: 'Артишоки!' Не следует забывать, что это было популярное прозвище, данное *артикулянтам*. Это маленькое словечко принесло много вреда. 'Язык,' говорит Кальвин, 'увлекает человека и уносит его вперед подобно наводнению, подобно тому, как дикие необъезженные лошади несутся на колеснице с такой силой и быстротой, что ничто не может остановить это'. Вот что сейчас произошло в Женеве. Это прозвище сильно раздосадовало капитан-генерала, и он поклялся отомстить. 'Нас триста человек, которые однажды восстанут и перережут сухожилия стольким евангелистам и лютеранам, что это никогда не будет забыто'. Это высказывание было приписано ему, но впоследствии он опроверг его. Генерал-капитан, вернувшись из Плейнпале, отправился поужинать с несколькими своими друзьями в отеле *л'Анж*; в то время как другие его приверженцы ели и выпивали за его счет в отеле *дю Броше*. Некоторые из них, выйдя из-за стола, встретили на мосту через Рону граждан противоположной стороны. 'Между ними не было сказано ничего, кроме грубых слов,' - говорит Бонивар, - за исключением Жана Филиппа, который схватил алебарду и, словно сошел с ума, не отличая друга от врага, наносил удары направо и налево и ранил двух или трех человек'. Затем этот свирепый партизан пересек Рону, чтобы направиться в Сен-Жерве, где жило большинство его знакомых соратников. Он созвал их и собрал вместе, что было серьезным поступком для генерал-капитана, и, пройдя с ними по мосту, достиг площади Ла Фустери. Там он обнаружил большое количество своих противников. Начался конфликт. Жан Филипп нанес другие удары. 'Острием своей алебарды он ранил некоего Жана д'Абера в грудь,' - рассказывает Бонивар, - так серьезно, что его пришлось отнести к нему домой'. Некий Жан де Лесклеф вместе со своим сторонником нанес удар по голове Эми Перрен, 'гражданину,' - говорит Бонивар, - который любил роскошно одеваться и хорошо жить и который в то время принадлежал к партии честных людей'. Клод Женевский, друг Перрена, выстрелил из пистолета в Лесклева, и пуля, попавшая в область сердца, убила его. Капитан-генерал, получив отпор, удалился в свой собственный дом со своими приверженцами, которые продолжали стрелять из аркебуз изнутри. Филиппинский синдик, желая утихомирить беспорядки, был ранен этими людьми, и слуга одного из них, высунувший голову в окно, также был ранен. Многие считали, что капитан-генерал организовал заговор с целью свержения правительства, которое только что осудило его друзей. Трудно решить. Мы можем, однако, предположить, что это был скорее бунт, чем заговор.[831]

В девять часов вечера того же дня совет созвал двести человек и приказал охранять городские ворота, чтобы предотвратить бегство преступников. На следующий день, в *пять* утра, Совет Двухсот провел заседание, отдал приказ, чтобы граждане собрались с оружием в руках перед городским домом, чтобы поддержать свои решения, и приказал судебным исполнителям отправиться в дом генерал-капитана, чтобы арестовать его и всех, кто должен быть с ним. Но Жан Филипп, прекрасно понимая, что положение главнокомандующего женефским ополчением, поднявшего открытый вооруженный мятеж против правительства, было очень серьезным, покинул свой дом, спасся по крышам и таким образом добрался до гостиницы *Тур Персе*, принадлежавшей брату Луллина. Поскольку агенты совета не нашли его ни дома, ни где-либо еще, по городу под звуки трубы было объявлено, что всякий, кто может знать, где он находится, должен сообщить об этом. Неизвестно от кого магистрат был проинформирован о

том, что капитан-генерал скрывался в *Тур-Персе*. 'Все сразу же бросились туда,' рассказывает Бонивар. 'потом они искали Филиппа от подвала до чердака, и наконец его нашли лежащим в конюшне под сеном'. Они немедленно отвели его к синдикам, которые ждали его у двери. Они приказали стражникам схватить его и доставить в *Evêché* (тюрьму). Но это было сделано с большим трудом, ибо это было все, что могли сделать стражники с их алебардами и синдики с их батоными, чтобы помешать людям убить его своими руками. "Здесь мы можем видеть пример, - добавляет шильонский узник, - того доверия, которое мы должны оказывать народу".[832]

СУД НАД ЖАНОМ ФИЛИППОМ.

Свидетели были заслушаны, и Жан Филипп прошел допрос по поводу преступных деяний, в которых его обвиняли. Эти деяния были доказаны, и он признался в них. Весь город был взбудоражен. Люди громко взывали к справедливости и говорили, что они приведут в исполнение приговор убийцам, если трибуналы не смогут этого сделать. Сами проповедники призывали молиться и вершить правосудие".[833] Произошла сцена, одновременно жалкая и ужасная, которая еще больше подняла всеобщее возбуждение. Жан д'Абер, изнемогший от ран, 'его жена приказала перенести тело своего мужа на скамейке к фасаду городского дома и сопровождала его, не переставая кричать: "Правосудие!" правосудие! правосудие! плачет и бьет себя.[834] Ее дети были вокруг нее, плача и вопя, как и она. Мертвое тело, особенно тело мужа и отца, окруженное теми, кто его любил, всегда имеет огромную силу трогать сердце. Генеральный солиситор представил свой обвинительный акт. В нем говорилось, что Жан Филипп "всегда считался мятежным человеком, который привык собирать вокруг себя всех мятежных духов; что он собрал их в предыдущее воскресенье, подняв оружие против города Женевы; что для осуществления своих кровавых намерений он разместил вооруженных людей в своем доме; что он был убийцей и добровольным убийцей, его руки были обагрены кровью; что от полноты своего сердца он произнес эти слова или что-то подобное им: "Я убью столько людей, что буду пресыщен". Генеральный солиситор пришел к выводу, что совет должен немедленно вершить правосудие, 'как бесстыдное и шумное разбирательство и ужасные предприятия, и таким же образом, как в случаях государственной измены'. Приговор был вынесен синдиком Этьеном де Шапоружем, племянником одного из беглецов. Филипп был приговорен 'к отсечению головы от плеч до тех пор, пока душа не отделится от тела'. Казнь состоялась в тот же день. Де Шапоруж, после оглашения приговора, самудалился с заседания совета, и один или двое других также удалились.

Таким образом, из четырех синдигов, издавших указ об изгнании Фарела и Кальвина, двое были осуждены как фальсификаторы и мятежники, а третий только что был казнен как подстрекатель к мятежу и убийству. Оставался четвертый из них, Ришарде. Он объединил силу с насмешкой и иронически сказал Кальвину, изгоняя его: 'Ворота города достаточно широки, чтобы ты мог выйти'. Поскольку он принимал участие в подстрекательстве Жана Филиппа к мятежу, он испугался и хотел скрыться. Не желая выходить через городские ворота, какими бы широкими они ни были, из страха быть узнанным и арестованным, "он спустился через окно в городских стенах, - говорит Розет, - разбился (*se creva*), потому что был тяжелым, и после этого прожил недолго". "Поскольку он был очень толстым, - говорит Готье, - веревка оборвалась, и падение привело к ушибу, от которого он вскоре скончался".[835]

Вряд ли возможно не быть пораженным судьбой этих четырех человек. Греки придумали идею богини Немезиды, на которую возложена обязанность свергать наглое процветание и мстить за

преступления, которая прокладывает себе путь по воздуху, окруженная змеями, снабженная факелами и вершащая ужасную месть. 'Мы не можем обойти вниманием, ' говорит Розет, - замечательный суд Божий над четырьмя синдиками 1538 года, которые, будучи избраны народом как противники религии реформации, которой присягнули, изгнали министров и обратили в бегство их друзей. Два года спустя, в один и тот же год, в июне месяце, все четверо по наущению самих людей пришли в смятение и разорение из-за своих преступлений". [836] История едва ли может представить более яркую иллюстрацию истины, провозглашенной великим поэтом: "Наказание, хотя и неубедительное, редко не настигает виновных".

ПУТИ БОЖЬИ.

Однако, по нашему мнению, *артикулянты*, хотя и были обвинены в небрежности и некомпетентности, не были виновны в предательстве. С другой стороны, несправедливо приписывать друзьям Фарела и Кальвина какие-то одиозные поступки, в которых они были совершенно невиновны. Утверждалось, что на третий день после казни Жана Филиппа наиболее религиозные люди 'публично отпраздновали свою победу пиром в ратуше'. Потребовались бы веские доказательства, чтобы установить факт, столь подходящий для того, чтобы вызвать у благородных людей отвращение и возмущение; но не известно ни одного документа, в котором он упоминается. [837] Однако мы обязаны сказать, что приговор современников был более суровым, чем наш собственный. "Эти люди, - говорит Теодор Беза, - были выброшены, как мерзкие отбросы, и город снова начал просить вернуть ему Кальвина и Фарела". [838] Все шло в процессе подготовки к их возвращению к нему. В результате только что нанесенных ударов в совете образовалось несколько вакансий, и были назначены люди, дружественные Реформации, и с этого времени их партия составляла большинство. Дальновидный ум Кальвина предсказал, что господство его противников будет недолгим, и его слово исполнилось.

Пути Божьи глубоки и таинственны. Двумя годами ранее работа реформатора, по-видимому, остановилась в Женеве. Его победоносные враги высоко подняли головы в генеральном совете; их власть казалась непобедимой, и те немногие граждане, которые осмелились заявить, что они на стороне изгнанных министров, подверглись угрозам и преследованиям и были вынуждены замолчать или бежать из своей страны. Реформаторы скитались, как изгнанники, по кантонам Швейцарии, не зная, где искать убежища. Но время шло, и положение вещей изменилось. Авторы запрета пали под тяжестью своих ошибок и, в свою очередь, были объявлены вне закона. Женева устала от лидеров, лишенных разума, и отвергла их. Не в силах больше противостоять сгущающимся вокруг него опасностям, город вскоре вспомнит и примет как освободителей мужчин, которых она прогнала как врагов своей свободы. Кальвин, со своей стороны, обрел в изгнании не слабость, а силу. Бог перенес его на более обширную сцену, где расширился его горизонт. Его мысль возвысилась, его душа окрепла и очистилась. Он видел Германию и сыграл немалую роль в ее великих собраниях; он поддерживал связь с Меланхтоном и установил связь между немецкой реформацией и реформацией швейцарских кантонов и Франции. Различия между двумя великими движениями стали меньше; духовное единение укрепилось. С обеих сторон ощущалось взаимное влияние. В следующем томе мы увидим, как Кальвин возвращается на свой пост более великим и сильным человеком, в большей степени владеющим собой, не менее твердым и не менее решительным, чтобы снова взяться за свою задачу и довести ее до счастливого конца.

КОНЕЦ ШЕСТОГО ТОМА.

БРОДВЕЙ, 530, НЬЮ-ЙОРК,

Ноябрь 1876 года.

Компания "РОБЕРТ КАРТЕР И БРАТЬЯ"

НОВЫЕ КНИГИ.

Сорок лет в Турецкой империи.

Мемуары преподобного Уильяма Гуделла, доктора философии, покойного миссионера в Константинополе. Э. Д. Г. Прайм, D.D. 2.50

Доктор Гуделл был первым американским миссионером в Константинополе, его жена - первой американской леди, когда-либо посетившей турецкую столицу, и они оба оставались на этом посту, занимаясь полезным трудом, пока в преклонном возрасте не вернулись в эту страну, чтобы умереть среди своих сородичей. Этот том в значительной степени автобиографичен и составлен на основе писем и дневника доктора Гуделла, содержащих также его личные воспоминания, написанные в последний год его жизни. Он был неподражаем как автор писем, и все, что выходило из-под его пера, было отмечено духовностью, особенно удачным использованием языка Священных Писаний и остроумием, которое оживляло его разговоры и писания до дня его смерти.

Автобиография и мемуары доктора Гатри.

2 тома, 12 мин. 3,00; Дешевое издание, в 1 томе 2,00

“Его истории, которые придают повествованию блеск и изюминку и приветствуют нас почти на каждой странице, сплетаются воедино в удивительно наглядную картину шотландской жизни”.
—Журнал *Harper's Magazine*.

Жизнь и труды Томаса Гатри, доктора философии

10 томов. В коробке. (Тома продаются отдельно). 15.00

"История реформации" Д'Обинье.

Во ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА. Том 7. 2.00

"История реформации" Д'Обинье.

Во ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА. 7 томов. 14.00

"История реформации" Д'Обинье.

5 томов. в 1. 8 об., 3,00; в 5 об., 12 об. 6,00

Не прибегая к насилию над исторической правдой, он, кажется, наделяет историю всеми прелестями романтики и с энтузиазмом и мастерством поэта зарисовывает на исторических страницах свои увлекательные и жизнеподобные картины.

Жизнь и творчество Хью Миллера.

Новое издание, очень аккуратное. 12 т., 12 м.	18.00
СЛЕДЫ ТВОРЦА	1.50
СТАРЫЙ КРАСНЫЙ ПЕСЧАНИК	1.50
ШКОЛЫ И ШКОЛЬНЫЕ УЧИТЕЛЯ	1.50
СВИДЕТЕЛЬСТВА СКАЛ	1.50
КРУИЗ НА "БЕТСИ"	1.50
ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОБ АНГЛИИ	1.50
ПОПУЛЯРНАЯ ГЕОЛОГИЯ	1.50
РАССКАЗЫ И ЗАРИСОВКИ	1.50
ЭССЕ. ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ	1.50
ГЛАВЕНСТВО ХРИСТА	1.50
ЖИЗНЬ И ПИСЬМА. 2 тома.	3.00

“В геологических работах Хью Миллера есть свежесть концепции, глубина мысли и чистота чувств, редко встречающиеся в работах такого характера”. —*Профессор Агассис.*

Жизнь и письма Хью Миллера.

Питер Бейн. 2 тома. 3.00

Мистер Бейн ведет увлеченного читателя за собой через весь период, лист за листом раскрывая историю жизни, несомненно, одной из самых интересных, поразительных и полезных в этом столетии.

Автор книги “Широкий, необъятный мир”.

МАЛЕНЬКИЙ ЛАГЕРЬ На ИГЛ-ХИЛЛ	1.25
УИЛЛОУ-БРУК	1.25
СКИПЕТРЫ И КОРОНЫ	1.25
ФЛАГ ПЕРЕМИРИЯ	1.25
ХЛЕБ И АПЕЛЬСИНЫ	1.25
НИАГАРСКИЕ ПОРОГИ	1.25

Серия "Говори и делай".

Содержит вышеупомянутые 6 томов. о молитве Господней. В аккуратной коробке 7,50

“Каждое новое художественное произведение этого одаренного автора мы принимаем с сердечностью, поскольку знаем, что оно станет дополнением к тому чистому, возвышающему и

восхитительному классу книг, которые мы, возможно, любим как домашнюю литературу нашей страны. Она пишет для the home circle". —*Нью-Йоркский обозреватель*.

Того же автора:

История малых начинаний. В 4 т. В коробке	5.00
Прогулки из Рая	1.50
Дом Израиля	1.50
Старый шлем	2.25
Мельбурн Хаус	2.00

Санта-Клаус Элси.

Мисс Джоанна Х. Мэтьюз, автор "Книг Бесси". 1.25

Девочки мисс Эштон.

Автор: мисс Джоанна Х. Мэтьюз. Включает "Подарок Фанни на день рождения", "Новые ученые", "Любимица Розали", "Визит Элеоноры", "Эксперимент Мейбл Уолтон" и "Санта-Клаус Элси". 6 томов. В коробке 7.50

Того же автора:

Книги Бесси. 6 томов.	7.50
"Цветочки". 6 об.	3.60
Маленьких солнечных зайчиков. 6 томов.	6,00
Книг о Китти и Лулу. 6 томов.	6.00

"Дети в рассказах мисс Мэтьюз совершенно естественны. Они попадают в неприятности и выпутываются из них. Они говорят приятные вещи, и острые, и забавные, но все время детские. Они иллюстрируют правильное и неправильное, но в любом случае таким образом, чтобы привлечь к первому". — *Олбани Экспресс*.

Дерзай делать правильные серии.

Мисс Джулия А. Мэтьюз. 5 томов. 5.50

"Мальчики мисс Джулии А. Мэтьюз настолько живые и бодрые, насколько можно было бы пожелать, время от времени проказничают, как и большинство мальчиков, но при этом откровенны и мужественны и не стыдятся 'признаться', когда обнаруживают свою вину". — *Очаг и Дом*.

Замок Кулинг, или рыцарь былых времен.

Автор: Агнес Гиберн. 16 минут. 1.50

Того же автора:

Эйми; Повесть о Джеймсе II.	1.50
-----------------------------	------

Дневная звезда; или Евангельские истории	1.25
Дом викария	1.25
Флосс Сильверторн	1.25

Странный.

Миссис А. М. Митчелл Пейн. 16то. 1.25

Того же автора:

Доверие Кассира 1,00

Родз Корнер 1,25

Фред и Джини: Как они узнали о Боге.

Дженни М. Дринкуотер. 16то. 1.25

Того же автора:

Только Нед 1.25

Не Только Хлеб 1.25

Дом священника в Брентфорде.

Автор книги "Побеждай и надевай". 16то. 1.25

Того же автора:

КТО ПОБЕДИЛ? 1.25

Серия "МАГИСТРАЛЬ" МЕЙБЛ ХАЗАРД 1.25

ДВЕРИ НАРУЖУ" 1.25

"Побеждай и носи". В 6 т. 7.50

Рассказы о Зеленых горах. 5 томов. 6.00 Серия "

Выступы". 6 томов. 7.50

Полеты бабочки. 3 тома. 2.25

Имоджен; сказка.

Автор: Эмили Сара Холт. 1.50

Того же автора:

Изолт Барри. 16то. 1.50

Робин Трмейн. 12 час. 1.50

Колодец в пустыне. 16 утра. 1.25

Эшлифф-Холл. 16то. 1.25

Verena. 12 утра. 1.50
Белая роза Лэнгли. 12 утра. 1.50

Разум и Слова Иисуса, Верного Обещателя, Утренние и Ночные Стражи.

Дж. Р. Макдафф, Д.Д.Н. "Все в одном томе". Издание Red Line. Красиво переплетенный в ткань, позолоченный 1.50

Того же автора:

Шаги Святого Павла	1.50
Семейные молитвы	1.25
Воспоминания о Геннисарете	1.50
Воспоминания о Вифании	1.00
Лук в облаках	0.50
Виноград Эшола	1.00
Закаты на еврейских горах	1.50
Мысли о Боге	0.50
Пророк Огня	1.50
Благовония для алтаря	1.00
Пастух и его стадо	1.50
Олень и водные ручьи	1.00
Воспоминания об Елеонской горе	2.00
Полдень в Сихаре	1.50
Воспоминания о Патмосе	2.00
Св . Павел в Риме	1.25
Рассказы о воинах-судьях	1.00
Утешайте, утешайте	1.50
Целебные воды Израиля	1.25
Врата молитвы	1.00
Золотой закат	0.35
Расщелины Скалы	1.50

Путешествие пилигрима.

Двадцать фотографий во всю страницу. В красивых тканевых переплетах. Позолоченный и черный, 4 т. 2.00

“Картеры оказали хорошую услугу делу детской литературы, опубликовав ”Путешествие пилигрима" в стиле, более привлекательном для мальчиков и девочек, чем любое другое издание для широкой публики". — *Christian Observer*.

Медсестры для нуждающихся.

От L. N. R. 1.25

Золотая цепь.

Мисс Марш 0.90

Четыре года в Ашанти.

Автор: Рамсейер и Куне 1.75

Двенадцать месяцев на Мадагаскаре.

Автор: доктор Малленс 1.75

Младшие братья и сестры.

Автор: Маршалл. 16то. 1.25

Новые книги А. Л. О. Е..

ЭДЕМ В АНГЛИИ. 16 мин., 1.25; 18 мин. 0.75

ФЕЯ ФРИСКЕТ 0.75

МАЛЕНЬКАЯ СЛУЖАНКА 0.75

ИСПАНСКИЙ КАВАЛЕР 0.75

Элис Невилл и Риверсдейл.

Автор К. Э. Боуэн. 4 иллюстрации 1.25

Все об Иисусе.

Преподобный Александр Диксон. 12 утра. 2.00

“Я прочел это с восторгом, который вспоминает каждый читатель "Путешествия пилигрима". По сравнению с современной литературой того времени это вызывает чувство, сродни чувству человека, который переходит с бесплодного песка в зелень и благоухание весеннего сада, когда каждая лилия и роза еще тронуты утренней росой и радуются раннему солнечному свету”.—От судьи Джона К. Портера.

Эта книга была переиздана в Англии по серьезной просьбе мистера Муди, который перед расставанием раздал друзьям в Великобритании около 100 экземпляров, на каждом из которых был его автограф.

Природа и Библия.

Автор: Дж. У. Доусон, доктор юридических наук, директор Университета Макгилла, Монреаль, Канада. С десятью иллюстрациями во всю страницу. 1,75

“В нем содержатся хорошо обдуманые мнения того, кто изучает природу, а также священные летописи. Рассмотренные вопросы представляют интерес для очень многих, как в религиозном, так и в научном мире”. —Пресвитерианин.

Дом, погруженный в Тень, и Свет за Его Пределами.

Преподобный Э. Х. Бикерстет, автор книги “Вчера, сегодня и вовеки”. 1.50

Того же автора:

Вчера, Сегодня и навсегда.

12-тиражное издание, мор., 5,00; полная позолота, 3,00; ткань 2,00

Дешевое издание, 16-тиражное 1,25

Риф и другие притчи.

Преподобный Э. Х. Бикерстет. 16 иллюстраций. 1.25

Доктор Уильямс о молитве Господней.

12мо. 1.25

Доктор Уильямс о религиозном прогрессе.

12мо. 1.25

Страдающий Спаситель.

Ф. В. Круммахер 1.50

Работы Джеймса Гамильтона, доктора философии

Включает в себя “Царственного проповедника”, “Елеонскую гору”, “Жемчужину притч”, 5.00
“Лампу и фонарь”, “Великую биографию”, “Арфу на ивах”, “Галилейское озеро”,
“Эмблемы Эдема” и “Жизнь всерьез”. В 4 красивых мундирах 16 млн. томов.

Утро Земли, или Размышления о Книге Бытия.

Преподобный Гораций Бонар, доктор философии 2.00

Разорванная Вуаль.

Автор: доктор Бонар 1.25

Следуйте за Агнцем, или Советы обращенным.

Автор: доктор Бонар 0.40

*** Дешевая библиотека СС Картерса. № 1.**

Пятьдесят об. в чистой ткани. В деревянном футляре. Нетто 20,00

*** 50-томная библиотека С.С. Картерса. № 2.**

Нетто 20,00

Эти пятьдесят избранных томов для библиотеки Субботней школы или "Домашнего круга" напечатаны на хорошей бумаге и очень аккуратно переплетены в тонкую светло-коричневую ткань. Они содержат в общей сложности 12 350 страниц и помещены в деревянный футляр.

СНОСКИ:

[1] Святое мнение сторонника всеобщего насилия, ut... ячейка в коммутационном храме". — Бьюкенен, *англ. шотландец. История.*, lib. iv. 35 Rex.

[2] 'Nullus est Papa'. (Уолтер Бауэр, lib. xv. с. 20.) Нокс, *История. из ссылки.*, i. 498.

[3] "Павел Кроуар в священном писании и во всех библиографических подсказках и упражнениях".—*Scoti-Chronicon*, том ii. стр. 495.

[4] Нокс, *История. из ссылки.*, i. 6.

[5] 'Sacerdotem domi habebat, qui ipsi et familiæ Novum Testamentum lingua vernacula prælegebat.'—(*Regi Scotorum Jacobo V.*, Alexander Alesius.) Подкачки нет.

[6] "Terroribus monachorum non nihil perturbatus".— (*Regi Scotorum Jacobo V.*, Александр Алезиус.)

[7] "Король в утробе матери, этиам оживает, сложный организм страдает".—*Там же.*

[8]

В кои-то веки орел оказался добычей,

В свое неохраемое гнездо шотландская ласка

Приходит тайком и так сосет ее королевские яйца.

—Шекспир, *Ч. V.*, Акт i. sc. 2.

[9] 'Гепатоцитоз, мышечная недостаточность Гавини, арсем валидо президентского сообщества'.—Бьюкенен, библиотека. xiii, 106 Кор.

[10] Бьюкенен, *там же.* Спотсвуд, *историк. Шотландской церкви.* Лондон, 1677, стр. 61, 62.

[11] Нокс, Бьюкенен, Фокс, Спотсвуд, Маккри.

[12] Алезиус рассказывает эту историю в своем *комментарии 'Посвященная эпистола'. in Johannem.* Bayle, in the article Alesius, says, 'Il avait été préservé de la mort, par miracle, dans sa jeunesse.'

[13] "Региональное семейство Гамильтоний, принадлежащее к роду сангвиников".—*Без икон.* Таково мнение Пинкертон, Маккри и других авторов. Другие полагают, что сэр Патрик Гамильтон (из Кинкавила) был побочным сыном лорда Гамильтона. Но в хартии от апреля 1498

года он назван *братом-немцем* Джеймса лорда Гамильтона, старшего сына своего отца, что, по-видимому, явно означает, что он не был сводным братом по отцовской линии; а в хартии от января 1513 года он отличается от другого Гамильтона, *побочного* сына того же лорда. Это последнее обстоятельство, несомненно, послужило поводом для *qui pro quo*.

[14] Питскотти, *история Шотландии*. Коллекция Лиланда. Лоример, Патрик Гамильтон.

[15] Надпись, которую искали и нашли в *Acta rectoria* Парижского университета профессором Россье Сент-Илером по просьбе профессора Лоримера, доказывает, что Гамильтон учился в Париже.

[16] 'Мой прадед гудешир и отец служили предшественникам вашей светлости, и некоторые из них перекрасились в соответствии с их стандартами'.—Джон Нокс, *привет. реформации*, под редакцией Д. Лэйнга, ii. стр. 323.

[17] Не на университет Сент-Эндрюса, как предполагалось ранее. 'Это название встречается ... в 1522 году.... Ему было семнадцать лет". — Мак-Крий, *Жизнь Нокса*, Примечание Б.

[18] "Крамольный факс, волитарет арматус".—Бьюкенен.

[19]

'.... В ту, беата Галлия,

Salve, bonarum blanda nutrix artium,' &c.

—Buchanan *Poemata*. Adventus in Galliam.

[20] 'Potes hunc tyrannum occidere.' —майор, *Сентенция*., fol. 139.

[21] 'Reges legitimos ab initio creavimus, leges et nobis et illis æquas imposuimus.'—*De Jure Regni apud Scotos*, p. 24.

[22] "Юная гениальность и необычайная эрудиция". —Бьюкенен, *шотландец. История.*, стр. 494.

[23] от Маргариты к Генриху VIII.—*Государственные документы*, iv. стр. 17.

[24] *Государственные документы*, стр. 51, 52, 70, 71.—'Олбани отплыл, вероятно, 31 мая". — *Там же.*, стр. 77.

[25] *Acta parl. Шотландец.*, том ii. стр. 255.—*Государственные документы*, том iv. стр. 387.

[26] "Молодой король не может сам написать английскую букву".—*Государственные документы*, iv. стр. 368.

[27] "Они всегда придерживаются противоположного мнения".—*Там же.*, iv. стр. 362.

[28] "Может уничтожить короля, моего сына и меня".—*Там же.*, iv. стр. 81, 169, 188, 227, 237.

[29] "Ваши мольбы могут быть направлены за нас к Его Святости".—Маргарет Вулси, *Государственные документы*, iv. стр. 452.

[30] *Государственные документы*, iv. стр. 457-458.—Скотт, *История Шотландии*, i. глава xxv.—Линдси, *Хроники*.

[31] "Я внезапно направился туда, думая, что устрою из них хороший пожар". — МИСС Коттон, Гальба Б., vi. фол. 4.

[32] *Государственные документы*, iv. стр. 561.

[33] "Большая часть города Сент—Эндрюс".—Коттон, МИСС Калиг. ii. 77.

[34] 'Оспаривание, придерживание и поддержка различных ересей Мартина Лютера'. — Приговор, вынесенный Гамильтону. Фокс, *Деяния*, iv. стр. 560.

[35] *Некоторые статьи, проповедуемые им (там же.)* Ясно, что эти статьи проповедовались еще в 1527 году, до того, как Гамильтон покинул Шотландию. В предложении говорится: "Верная инквизиция совершается в *прошедшем Великом посту*". Это говорит о *прошедшем* Великом посте. Теперь предложение относилось к прошлому февралю. Великий пост 1528 года едва начался. Кроме того, в предложении говорится, что Гамильтон, после проповеди, *перешел из королевства в другие части*; что решает вопрос.

[36] Лютер, *Еп. к Галатам*.

[37] См. "Приговор П. Гамильтону".—Фокс, *Акты*, iv. стр. 560.

[38] Фокс, *Деяния*, iv. стр. 560.

[39] 'Unicus et pietatis et literarum vindex.'—Регистры Марбургского университета, 1527 г. н.э.

[40] "Для установления либеральных дисциплин".—*Там же*.

[41] "Конференция и фамильярность".—Фокс, *Деяния*, iv. стр. 558.

[42] *Парадокса Ламберти*, в Шульте, *Евангельские летописи*.

[43] "Cautelæ impiæ".—Баум, *Ламберт д'Авиньон*, стр. 152.

[44] 'Р. Гамильтон из графства Линлитгоу (в котором расположен Кинкавил), шотландец, магистр искусств Парижа.' Эти три имени все еще можно увидеть в реестрах под номерами 37, 38, 39.

[45] 'Из иллюстраций Гамильтоновой семьи, вопрос о высшем царстве Шотландии и о проксимальном соединении королевств'. Баум, *Ламберт д'Авиньон*, стр. 152.

[46] "Prorsus arbitrarer me extinctum iri".—Лютер, *Ерр.* iv. стр. 187.

[47] "Ut non deserat peccatorem suum".—*Там же*.

[48] "Viel ein *aerger* Buch wider das Papsthum".—Заявление Йонаса.

[49] "Ганс Люфт не хочет умирать".—Лютер, *Ерр.* iv. стр. 189.

[50] "Истечение срока действия в брахии меа гери".—Лютер, *Ерр.* iv. стр. 189.

[51] "В больнице для душевнобольных".—*Там же*.

- [52] "Глагол чистой традиции".—*Там же*.
- [53] "Мне повезло с консулом". —Посвящение Ламберти, *Толкования Апокалипсиса*.
- [54] Patrick's *Places*.—Фокс, *Деяния*, iv. стр. 566.
- [55] *Там же*., и Нокс, *История ссылки.*, i. стр. 25.
- [56] "Утверждение доктрины аксиомы".—Ламберт, *Посвящение, Апокалиптические толкования*.
- [57] Фрайт, *Для читателя*. Фокс, *Деяния*, iv. стр. 563.
- [58] Заметки о местах. Фокс, *Там же*. стр. 572.
- [59] *Там же*. стр. 573.
- [60] 'Plerique sacerdotum, novitatis nomine offensi, contenderunt Novum Testamentum nuper a Martino Luthero fuisse scriptum.'—Buchanan, *Hist.*, lib. xv. p. 534.
- [61] Patrick's *Places* в "Фокс", "*Деяния*", iv. стр. 565.
- [62] "Чтобы засвидетельствовать истину, он искал все средства".—Фокс, *Деяния*, iv. стр. 563.
- [63] Нокс, *История. из ссылки.*, изд. Водров, стр. 15.
- [64] "К чему многие прислушались". — *История Спотсвуда.*, стр. 62.
- [65] "Самые разные люди".—*Там же*.
- [66] "Он не пощадил, чтобы показать ошибки, проникшие в христианскую религию" и с.—*Там же*.
- [67] "К югу от дома Кинкавиллов, в квартале Крейг".—Хартия от 3 сентября 1507 г. —Лоримерс *Гамильтон*.
- [68] "У него были большие последователи". —Спотсвуд *История.*, стр. 62.
- [69] См. Фокс, *Деяния и памятники*, iv. стр. 570, 571.
- [70] "Папа зувидер тун" ман солля и др. —Лютеровский *Тишреден*, с. 43.
- [71] "Пауло анте мортем дуксит нобилем вирджином погибшим".—Алезиус, *Псалом Liber*. 1554.
- [72] Единственный автор, который упомянул об этом до нас, - профессор Лоример в своих *Мемуарах*, 1857.
- [73] "Заколдованный враг Иисуса Христа".—Нокс, *История. из ссылки.*, i. стр. 15.
- [74] Шотландские *достойные*, стр. 12.
- [75] 'Prædixit etiam se brevi moriturum, cum adhuc apud suos esset.'—Alesius, *Liber Psalm*.
- [76] Alesius.

[77] *О Законе и Евангелии*. Фокс, *Деяния*, iv. стр. 575, 576.

[78] "Настоящая опера без лицевого преимущества для человека, только для человека бонусный факт для настоящей оперы".—Алезиус, *Псалом Liber*.

[79] Бейл, *Диктант. критик.*; арт. 'Alesius.'

[80] "Опровержения утверждений Лютери, cum applausu theologorum".—Алезиус, *Псалом Liber*.

[81] "Доктрина сентенциарум".—Алезиус, *Псалом Liber*.

[82] "Истинный пример ожидания от меня, даже несмотря на ipsius коллоквиум, без ошибок и согласия".—Алезиус, *Псалом Liber*.

[83] "Вопрос о секте Аквината, имитирующей эрудицию среди населения".—Бьюкенен, lib. xiv. an. 1527.

[84] "Эрат эним в ее спокойной природе".—Алезиус, *Псалом Liber*.

[85] Нокс, Алезиус, Спотсвуд, *Достойные шотландцы*.

[86] "Документ и диспут о палате в академических кругах, плюс минус люди".—Алезиус, в *Псалме*.

[87] 'Metu cognatorum ejus.'—Ламберт, *Апокалипсис*.

[88] "Закон сам по себе".—Лесли, *De Rebus Gestis*, и с. р. 421.

[89] "Они уговаривали короля совершить паломничество к Святому Дутаку".—Нокс, *Реформа.*, i. стр. 16.

[90] Факт этого путешествия оспаривался, несмотря на свидетельства Нокса, Спотсвуда и других. Но в письме Ангуса Вулси от 30 марта 1528 года говорится, что король в то время находился в *северной стране*, на окраине своего королевства. Это доказательство является решающим.

[91] "Упражнение брата Патриция дюксиссе".—Ламберт, *Псалом Liber*.

[92] "Искусственная вентиляция".—*Там же*.

[93] 'Aliquot millia convripserunt equitum.'—*Там же*. Это число, несомненно, преувеличено.

[94] "Очень ранним утром".—Фокс, *Деяния*, iv. стр. 559. Последний день февраля.—Нокс, *История. из ссылки.*, i. 18 и 511. Горди Кэл. Марций.—Ламберт, в "*Йохане*". *Апокалипсис. в "Посвящении"*.

[95] Спотсвуд, *История. шотландской церкви*, стр. 63.

[96] Спотсвуд, *История. шотландской церкви*, стр. 63.

[97] Макри, *Жизнь Мелвилла*, примечание D, стр. 416.

[98] "Окончание второй миссии к югу от ночи в госпитале епископа, где обитает обсидиан".—Алезиус, *Псалом Liber*.

[99] "Очевидный процесс и маленький вопрос для нас важен".—Алезиус, *Псалом свободы*.

[100] "Без разрешения суда".—*Там же*.

[101] Автор во время визита, который он нанес в Сент-Эндрюс в 1845 году, изучал на месте упомянутые здесь места, имея в качестве гида по прекрасным древностям Сент-Эндрюса историка Шотландской церкви доктора Хетерингтона.

[102] "Прояви свое эго, зритель трагедии".—Алезиус, *Псалом Liber*.

[103] "На манер других придворных во всех видах распущенного разгула".—Нокс, *История.*, i. Приложение. стр. 505.

[104] Она относится к этому стиху (Пс. xxxvii. 3) что Алезиус в своей *Книге Псалмов* рассказывает о суде над Гамильтоном.

[105] "Jusserunt episcopi et theologi ut ei conviciaretur et vocaret eum hereticum".—Алезиус, *Псалом Liber*.

[106] Питтскотти, *История Шотландии*, стр. 133, 134.

[107] "Мой брат, не чувствующий по—человечески".—Алезиус, *Псалом Liber*.

[108] "Решение суда по совести иллиуса".—*Там же*.

[109] "Красный дом, инцидент во френезине".—*Там же*. Buchanan adds, lib. xiv. ad an. 1527, 'Nunquam ex eo die compos mentis fuit.'

[110] Полностью предложение приведено в Фох, *Деяния*, iv. стр. 560.

[111] 'Conclusus inter aliquot millia armatorum.'—Алезиус, *Псалом свободы*.

[112] 'Cum ipse adhuc in mensa sederet, jubet vocari præfectum et quærit utrum omnia parata sint.'—Alesius, *Liber Psalm*.

[113] "Задержание правого, надлежащего местоблюстителя".—*Там же*.

[114] "Christi cruceus cunctis vitæ commodis anteposita".—Без *икон*.

[115] "Viso palo, ad quam alligandus erat, aperit caput, suscipiensque in cœlum, orat."—Алезиус, *Псалом Liber*.

[116] Нокс, *История. из ссылки.*, стр. 17. Спотсвуд, стр. 63.

[117] Питтскотти, Лоример.

[118] Питтскотти, Лоример.

[119] "Ты, си вера дочерей, выведи цифру хуц, уби тотус ардео".—Алезиус, *Псалом Liber*.

[120] Нокс, *История.*, i. p. 18.

[121] 'Insania conflictatus mortem obiit'.—Бьюкенен, библиотека xiv. an. 1527.—'Ut in phrenesin incidenterit, et non long post mortuus sit.' Alesius, *Lib. Псалом*.

[122] Ученый мистер Дэвид Лэйнг нашел запись об этом в отчетах Казначейства.— Смотрите его приложение к *истории Нокса. из Ссылки.*, i. стр. 515.

[123] "Commendat matrem amicis".—Алезиус, *Псалом свободы*.

[124] "Cum jam scissus per medium ignita catena ferrea".—*Там же*.

[125] "Erexit tres digitos, aliis duobus combustis".—Алезиус, *Псалом свободы*.

[126] "B igne, ab hora xii. usque ad vi., vespere, sedit ustulatus magisquam combustus."—*Ibid.*

[127] "Реакция Алеся на улику".

[128] Теодор Беза, *Айкон*.

[129] Эти стихи, относящиеся к Гамильтону, встречаются в стихотворении *De Coronis Martyrum in Scotia*, написанном Джоном Джонстоном, рукопись которого хранится в библиотеке адвокатов в Эдинбурге. [Примечание переводчика.]

[130] "Лампа накаливания" и т.д.—Алезиус, *Шотландский реги*.

[131] Нокс, *История. из ссылки.*, i. стр. 36.

[132] Письма врачей Лувена врачам Шотландии.—Фокс, *Деяния*, iv. стр. 561. Нокс, *История.*, i. 512.

[133] "Послание знатным лордам Шотландии".—Нокс, *История.*, i. Приложение. 3, стр. 544.

[134] *Там же*. стр. 503.

[135] *Государственные документы*, iv стр. 499.

[136] "Священная арка".—Алезиус, *Regi contra Cochlaeum*.

[137] 'Vim religionis, inspectis fontibus, cognoscant.'—*Там же*.

[138] Бейл, *Диктант. критик.*; арт. 'Alesius.'

[139] "Во мне есть железо, я исповедую, низы дуо каноничи, мы оба отступаем, железо является средством предотвращения". —Алезиус, *Regi adv. Улитка*.

[140] "Ита ут коллапс, аликвамя джакерем экзанимис".—Алезиус, *Regi adv. Улитка*.

[141] "Nisi locus fuisset infectus pestilentia".—*Там же*.

[142] "Эго в латринам куамдам индуктор".—*Там же*.

[143] "После того, как я лишусь крова в отхожем месте".—Алезиус, *Regi adv. Улитка*.

[144] "Лавари и последние вести".—*Там же*.

[145] "Поздравляю меня с ара авелли и в уборных рапи".—Алезиус, *Regi adv. Улитка*.

[146] "Неизбежный исход, низшая fuga михи консулам".—Алезиус, *Regi adv. Cochlaeum*.

- [147] "Влияние Максимо долоре на философию Мира и отечество, суть проблемы". —*Там же*.
- [148] "Отечество как нихиль дульций есть благо для института природы".—*Там же*.
- [149] "Экклезия, братство пио, истинная родина, за исключением места зарождения". —
Алезиус, *Regi adv. Улитка*.
- [150] "Cum lacrymantes inter nos vale dixissemus".—*Там же*.
- [151] Комментарий. о *Деяниях*, хх. 37.
- [152] 'Медиа-джем ночью в плотном тенебрисе solus iter aggredior'.—Комментарий. о *Деяниях*, хх. 37.
- [153] "Острейшее отечество и познанная пустыня".—*Там же*.
- [154] "Fiducia Christi sustentabar".—*Там же*.
- [155] "Равняется миссии на мое будущее".—*Там же*.
- [156] 'Я считаю, что homo germanus admodum исключен, meque sibi дополняет'—Комментарий. в *Деяниях*, хх. 37. Слово *germanus* в этом отрывке, несомненно, означает *немец*, а не *родственник*, как некоторые предполагали.
- [157] 'Oleum misericordia, ниси в вазе fiduciae ponis.'—Комментарий. о *Деяниях*, хх. 37.
- [158] Alesius, *De Traditionibus Apostolicis*, in dedicatione.
- [159] "Первобытный итог Галлии или мира".—Алезиус, *Regi adv. Episcop.*
- [160] "Тяжелое заключение эрла Аргайлла, небольшое изгнание эрла Мюррея и лорда Максвелла" и т. Д.—От Нортумберленда до Генриха VIII., *Государственные документы*, iv. стр. 598.
- [161] "Эрл Ботвелл в ночи и трое других".—*Государственные документы*, iv. стр. 597.
- [162] "Короновать вашу светлость в городе Эдинбурге в сжатые сроки".—*Государственные документы*, iv. стр. 574, 29 сентября 1531 г.
- [163] "Чтобы мы могли законно называть себя *принцем Англии* и герцогом Йоркским".—*Государственные документы*, iv. стр. 599.
- [164] "Дерзкого и отважного духа".—Спотсвуд, стр. 63.
- [165] Нокс, *История. из Ссылки.*, стр. 45, 46.
- [166] "Этот плотский принц, который полностью отдался грязным похотям плоти".—Нокс, *История. из Ссылки.*, стр. 48.
- [167] *Там же*. стр. 48-52.
- [168] Колдервуд, i.

- [169] MS., Библиотека адвокатов.— *Криминология Питкэрна. Судебные процессы*, i. стр. 161.
- [170] 'Нравы правящего отряда, приносящего жертву свободе?' (*Alesii Epistola contra Decretum quoddam Episcoporum in Scotia.*) На этом письме нет названия ни его издателя, ни места, где оно было напечатано. В конце стоит только Anno MDXXXIII.
- [171] "Популяции Павла в этнических убеждениях".—*Послание Алеся против декрета епископата Шотландии*.
- [172] Этот трактат в форме письма озаглавлен "*Как использовать laicis legere Novi Testamenti libros lingua vernacula?*"—Ex Dresda. Дата рождения: июнь 1533 года.
- [173] *Государственные документы*, iv. стр. 608-611.
- [174] Фокс, *Деяния*, iv. стр. 579.
- [175] Андерсон, *Библейские анналы*, ii. стр. 443, примечание.
- [176] "С намерением, чтобы все жители Форфара увидели огонь" и т.д. —Фокс, *Деяния*, iv. стр. 579.
- [177] Фокс, *Деяния*, iv. стр. 579.
- [178] Нокс, *История. из ссылки.*, i. стр. 59. "*Достойные шотландцы*", стр. 20.
- [179] "Услышав их, он внезапно пришел в восторг или вдохновение". —Шотландцы *Достойные*, стр. 20.
- [180] "Он бросился на колени, протянул руки". и т.д. —*Достойные шотландцы*.
- [181] Спотсвуд, стр. 66.
- [182] Фокс, *Деяния*, iv. стр. 579. *Достойные шотландцы*, стр. 16.
- [183] *Государственные документы*, v. стр. 1-6. Эти инструкции, у которых нет даты, относятся ко второй половине 1534 года, и они исправлены рукой Кромвелля, которым они, вероятно, также были составлены. [Инструкции занимают пять печатных страниц в кварто.—*Переводчик*.]
- [184] "Король Генрих VIII. королю Якову V." — *Государственные документы*, т. 7.
- [185] 'Аудитория - только он сам'. Письмо Маргариты Генриху VIII. и Кромвелю.—*Там же*. стр. 10-12.
- [186] *Государственные документы*, стр. 14. Письма Оттерберна Кромвелю. Смотрите также заметку, взятую из *Дневника*.
- [187] *Государственные документы*, т. 52, стр. 19.
- [188] *Государственные документы*, v. стр. 18-20.
- [189] *История Колдервуда. Достойные шотландцы*, стр. 21.
- [190] *Там же*.

[191] Эти и другие подробности Эндрю сообщил священнику Джону Дэвидсону, который включил их в свою *Историю шотландских мучеников*. — *Достойные шотландцы*.

[192] 'Стойко'. *Деяния Фокса*, т. 622.

[193] [Или *portass*, *портативный* требник, или небольшой молитвенник.—*Переводчик*.]

[194] *Поступки Фокса. Достойные шотландцы*, стр. 22.

[195] Письмо Ангуса сэру Г. Дугласу.

[196] *Государственные документы*, v. p. 38.

[197] Смотрите Письмо королевы-матери Генриху VIII.—*Государственные документы*.

[198] Говард и Барлоу Генриху VIII. —*Государственные документы*, стр. 46, 48.

[199] *Неопубликованные письма Маргариты Ангулемской*, стр. 349.

[200] Письма Сатчилла лорду—адмиралу.—*Государственные документы*, v. стр. 59.

[201] 'Образовательная дисциплина Sub amitæ reginæ Navarra'.—Бьюкенен, lib. xiv. н.э., 1537. См. также *Неопубликованные письма королевы Наваррской*, стр. 77.

[202]

Regia eram conjux, et regia filia, neptis

Regia, spe et votis regia mater eram ... etc.

Бьюкенен, *Опера*, стр. 81.

[203] "Рекс, ид квод эвенит, из—за того, что происходит истина, в глазах людей возникают предположения".—Бьюкенен, библиотека xiv.

[204] Кирктон, *Подлинная история Церкви Шотландии*, стр. 7.

[205] "Большая часть проповеди заключалась в восхвалении Богатства римской власти". — *Государственные документы*, v. стр. 154.

[206] "Самого порочного принца, которого мы призовем, ибо он не пощадил ни маниса виффа, ни мадин ни после своей женитьбы, ни до". —Нокс, *ссылка в Шотландии, сочинения*, 1846, i. стр. 66.

[207] "Его великая машина врачевания, законное животное, суеверие, неприятный лабораторный факт".—Бьюкенен, библиотека xiv. an. 1535.

[208] Спотсвуд, *Церковь Шотландии*, стр. 67.

[209] *Уголовные процессы*. Андерсон, *Библейские анналы*, стр. 498.

[210] От Норфолка до Кромвеля, 29 марта 1539 г. —*Государственные документы*, v. стр. 154.

[211] "Ежедневно ко мне приходят некоторые джентльмены и несколько клерков". — *Государственные документы*, v. стр. 154.

[212] Там же.

[213] "Народ веррея семпилла понимал это как преастиса и фарисея ..." —Нокс, *ссылка в Шотландии*, i. стр. 62

[214] "Потому что они были на свадьбе у священника".—Фокс, *Деяния*, ст. 623.

[215] "1—й Марс 1539 года, обвинение в еретичестве и пожаре".—*Археология*, ххii. стр. 7.
"Последний день февраля".-Нокс, *ссылка в Шотландии*, стр. 63.

[216] Андерсон, *"Анналы английской Библии"*, ii. 500, 501.

[217] 'Eorum combustio apud Edinburgh rege presente.'—*Археология*, ххii. стр. 7.

[218] "Подозрение в лютеранстве сопутствует смерти, квинке кремати".—Бьюкенен, *Шотландский журнал*, стр. 309.

[219] Lord Treasurer's Accounts.

[220] "Sopitis custodibus".—*Счета*.

[221] "На кубики фенестрама эвасерата".

[222] Нокс, *ссылка в Шотландии*, стр. 71.

[223] Нокс, *ссылка в Шотландии*, стр. 71.

[224] Там же. стр. 63.

[225] "Некто брат Джером, хорошо образованный человек, лежит в язвах". —*Государственные документы*, v. стр. 141.

[226] Шотландские достойнейшие, стр. 24.

[227] Нокс, *ссылка*, стр. 65. Спотсвуд, стр. 67. Петри, *История Церкви*, стр. 180.

[228] "Ибо многие из его приспешников были пенсионерами при священниках".—Нокс, *ссылка в Шотландии*, стр. 67.

[229] *Государственные документы*, v. р. 174.

[230] *Государственные документы*, v. р. 170.

[231] *Государственные документы*, v. р. 170.

[232] Спотсвуд, стр. 70. Петри, стр. 180.

[233] *Государственные документы*, v. р. 177.

[234] "Rex provisus jam hæredibus de sua приветствует безопасность".—Бьюкенен, стр. 510.

[235] *Государственные документы*, v. р. 178.

[236] Нокс, *ссылка*, стр. 82. Трудно сказать, что именно означает это словоджефвеллис. В другой рукописи есть джореллис; в другой - джеффелс; и в четвертой - иезуиты. Последнее показание

маловероятно. Иезуиты были подтверждены папой всего год назад, и их имя еще не стало порицательным термином.

[237] В *государственных документах*, v. стр. 125, содержится письмо от него лорду Кромвелю на политическую тему, предполагающее, что Генрих VIII. следовало бы подарить его племяннику молодого льва в знак его дружбы. "Он видел одного *молодого льва* во Фландрисе". Король Шотландии пожелал этого, и Скотт подумал, что его желание должно быть исполнено.

[238] Нокс, *судья в Шотландии*, стр. 69. Спотсвуд, стр. 71.

[239] "J. Гамильтоний остается строго в настоящем времени".—Бьюкенен, стр. 512.

[240] *Государственные документы*, v. стр. 188-190.

[241] *Государственные документы*, v. р. 168.

[242] *Государственные документы*, v. стр. 168.

[243] "Распространение права на любовь и благосклонность со стороны человека".—Бьюкенен, стр. 516.

[244] *Государственные документы*, v. р. 198.

[245] "Животный регион большого размера, агрессивный".—Бьюкенен, *ред. шотландец. История.*, стр. 510. Д. де Фо, *Церковь Шотландии*, стр. 9. Спотсвуд, *История.*, стр. 70, 71. Петри, *История.*, стр. 181. Нокс, *Ссылка*, стр. 77.

[246] Нокс, *ссылка*, стр. 77.

[247] "Кеси не адео мульты, плюрими надписью".—Бьюкенен, стр. 512.

[248] Нокс, *ссылка*, стр. 78.

[249] *Государственные документы*, v. стр. 207, 209.

[250] Нокс, *ссылка*, стр. 81.

[251] Sadler's *Papers*, i. р. 94. Knox, *Ref.*, стр. 81.,

[252] Нокс, *ссылка*, стр. 86.

[253] Нокс, *ссылка*, стр. 89.

[254] Нокс, *ссылка*, стр. 86.

[255] "Примерно 500 лошадей по—английски в propinquis collibus cernerentur".—Бьюкенен, стр. 513.

[256] Нокс, *ссылка*, стр. 87.

[257] Содержит Scotis latronibus capti et Anglis divenditi.'—Бьюкенен, стр. 513.

[258] Нокс, *ссылка*, стр. 88.

[259] Там же.

- [260] 'Публичное зрелище в соответствии с обычными традициями'.—Бьюкенен, стр. 516. Их имена и судьба указаны в *Государственных документах*, т. с. 232-235.
- [261] Лесли говорит, что это было в Карлавероке, но Нокс, стр. 89, и Питскотти, стр. 174, говорят "Лохмабен", что, как мне кажется, установлено.
- [262] Нокс, *ссылка*, стр. 89.
- [263] *Государственные документы*, v. стр. 225-228.
- [264] Спотсвуд, стр. 71. Нокс, *ссылка*, стр. 91.
- [265] "Царство в этатистской флоре, не там морбо, где вымирал террорист vi".—Бьюкенен, стр. 515.
- [266] 'Imminere videbatur tempestas quantam vix ulla proximorum sæculorum memoria ... meminisset.'—Buchanan, p. 515.
- [267] "Многочисленные аргументы в пользу того, чтобы судить о различных разногласиях".—*Там же*.
- [268] 'Minime turbidus, ex amita cardinalis natus', —Бьюкенен, стр. 515.
- [269] "Многие утверждают, что рука мертвеца была сделана для подписи пустого места".—Нокс, *Ссылка.*, стр. 92. 'Conducto Balfurious sacrificulo mercenario falsum testamentum subjectit'.—Бьюкенен, стр. 515. Сэдлер, *Документы*, i. стр. 38. Лесли, *История.*, стр. 169.
- [270] *Государственные документы*, v. стр. 238, 240. Нокс, *Ссылка*, стр. 32, 94.
- [271] Спотсвуд, стр. 71. Бьюкенен, Нокс.
- [272] *Государственные документы*, v. p. 250.
- [273] Нокс, *ссылка*, стр. 95. Спотсвуд, стр. 72. МакКри, *Жизнь Нокса*, стр. 21. Правка. 1855.
- [274] *Государственные документы*, v. p. 242.
- [275] 'Кардинальный кардинал, не признающий себя виновным в обструкции и чужом вмешательстве, ни в чьем отцовстве'.—Бьюкенен, стр. 517. Нам кажется, что Бьюкенен, хотя и является современником и выдающимся историком, здесь ошибается. Он относит это выступление кардинала в парламенте к марту, в то время как очевидно, что оно состоялось самое позднее 26 января.
- [276] "Общее всеобщее согласие кардинала в cubiculum seorsum seclusus est."—Бьюкенен, *там же*.
- [277] *Государственные документы*, т. п. 242 н.
- [278] Кэлвин, *Вред. de Matth.*, xii. 29.
- [279] *Государственные документы*, v. 249.
- [280] *Государственные документы*, v. 249.

[281] *Государственные документы*, в. стр. 262-264. Ангус вызывает Лайл.

[282] "Брак упомянутой королевы и заключение того же договора их упомянутыми послами". — Там же.

[283] Нокс, *История. из Ссылки.*, стр. 98.

[284] Нокс, *История. из Ссылки.*, стр. 99.

[285] Там же., стр. 100. Спотсвуд, стр. 72. Петри, *Церковная история.*, стр. 182.

[286] Нокс, *ссылка*, стр. 100.

[287] 'Родственник Р. Садлериуса, английский легат, бракосочетание и публичный процесс прокурора'.—Бьюкенен, с. 517.

[288] "С его гулками ругательствами и всеми другими средствами, которые он должен быть в состоянии воспроизвести".—*Государственные документы*, в. стр. 286.

[289] Нокс, *ссылка*, стр. 103.

[290] "Гамильтон, аббас Воробьиный и Дэвид Панитариус'.—Buchanan, lib. xv. anno 1543. 'Дэвид Пэнтер'. — Спотсвуд. "Дэвид Пэнтейр".—Нокс.

[291] "Большое значение имело то, что их присутствие должно было быть удобным для церкви Божьей", —Нокс, *ссылка.*, стр. 105.

[292] Нокс, *ссылка*, стр. 107.

[293] Нокс, *ссылка*, стр. 107.

[294] Спотсвуд. Нокс пишет "Баллантайн".

[295] *Государственные документы*, т. с. 242. Спотсвуд, стр. 73. В издании "Нокса" Лэйнга в примечании, стр. 97, говорится: 'Он, наконец, получил разрешение отправиться в свой собственный замок Сент-Эндрюс под охраной Джорджа, пятого лорда Ситона'. Но в тексте Нокса, стр. 57, говорится: "Был помещен сначала в Далкит, а затем в Сеатоун".

[296] "Он обратил внимание не на них, а на новые мнения о ереси".—*Государственные документы*, в. 322.

[297] "Кардинал не переставал общаться с теми из толпы, кого он мог привлечь в свою фракцию".—Нокс, *Ссылка.*, стр. 108.

[298] 'Неминуемая гибель папской церкви нам'.—Бьюкенен, стр. 518.

[299] *Государственные документы*, т. 321. Эдинб. 20 июля 1543 года.

[300] 'Крамольный акт сам по себе приводит к возбуждению кардинала'.—Бьюкенен, стр. 518. Спотсвуд, стр. 73.

[301] 'Vi publici furoris abreptus.'—Бьюкенен, стр. 519.

- [302] "Прямая кишка, множественная регенерация, это профектус".—*Там же*.
- [303] *Государственные документы*, v. p. 323.
- [304] Нокс, *ссылка*, стр. 109.
- [305] "О позорном флагитии в минусах и вульгарных выражениях, без проплаты, sed в эде Францисканорума, ... sententiam suam prorex mutavit".—Бьюкенен, стр. 521.
- [306] "Он получил отпущение грехов, отказался от исповедания Иисуса Христа, его святого Евангелиста".—Нокс, *Ссылка.*, стр. 109.
- [307] *Государственные документы*, т. 333. 8 сентября 1543 года.
- [308] "В то время наша королева была раздавлена" —Нокс, *Ссылка*, стр. 109.
- [309] *Государственные документы*, v. 335, 351. Бьюкенен, стр. 524. *Библейские анналы*, ii. 529. Нокс, *Ссылка*, стр. 110.
- [310] Фокс, *Деяния*, ст. 623.
- [311] "Их конференции и собрания для слушания и толкования Священного Писания" —*Там же*. стр. 624.
- [312] "Некоторые священники ели и пили в домах этих честных людей, которым они были очень благодарны". —*Там же*. стр. 625.
- [313] 'Вариант копии сладострастия, ультра всеохватывающий мир роскоши, буйный'.—М. Кламенгис, *Ер.* 35.
- [314] Фокс, *Деяния*, ст. 624.
- [315] "Низи секундум ипсий пие матрис диспенсацион".—Бернард де Бустис, францисканец, *Проповеди*, 1500.
- [316] Фокс, *Деяния*, ст. 624.
- [317] "Женщины, которые вопреки природе проявили к нему крайнюю жестокость".—Фокс, *Деяния*, v. стр. 623.
- [318] *Там же*. v. p. 623.
- [319] Фокс, *Деяния*, ст. 624.
- [320] "Пророчествовал о разорении и чуме, обрушившихся на кардинала".—*Там же*. v. p. 625.
- [321] Нокс, *ссылка*, стр. 118. Фокс, *Деяния*, v. стр. 623-625. Спотсвуд, стр. 74, 75.
- [322] Нокс, *ссылка*, стр. 119. Спотсвуд, стр. 76.
- [323] Нокс, *ссылка*, стр. 119.
- [324] Нокс, *ссылка*, стр. 119.

- [325] 'Город, охваченный огнем ... multos pagos arcesque nonnullas et villas hominum nobilium ferro flammaque vestarunt.'—Бьюкенен, с. 525.
- [326] *Государственные документы*, v. стр. 361-366.
- [327] Аккаунт Эмери Тайлни.—Фокс, *Акты*, ст. 626.
- [328] Нокс, *ссылка*, стр. 127. *Достойные шотландцы*, стр. 28. Спотсвуд, стр. 76.
- [329] Или Лейфноррис. См. Примечание Лэйнга, Нокс, *ссылка*, стр. 127.
- [330] *Там же*.
- [331] Нокс, *ссылка*., стр. 44. *Достойные шотландцы*, р. 20. *Hist.*, стр. 129.,
- [332] Нокс, *ссылка*, стр. 130.
- [333] Нокс, *ссылка*, стр. 131.
- [334] Нокс, *ссылка*, стр. 131.
- [335] *Там же*. *Достойные шотландцы*, стр. 29, 30. Спотсвуд, стр. 77.
- [336] Нокс, *ссылка*, стр. 133. В некоторых рукописях читаем 'копстоун', 'кипстоун' — "keerestone". Спотсвуд, стр. 77.
- [337] Нокс, *ссылка*, стр. 134. *Достойные шотландцы*, стр. 31.
- [338] Нокс, *ссылка*, стр. 135. *Достойные шотландцы*, стр. 31.
- [339] Это первый раз, когда Нокс говорит о себе в своей истории (стр. 137).
- [340] Нокс, *ссылка*, стр. 138. *Достойные шотландцы*. Спотсвуд.
- [341] Нокс, *ссылка*, стр. 143. *Дневник событий*, стр. 41. Спотсвуд, стр. 78.
- [342] Нокс, *ссылка*, стр. 143. Спотсвуд, стр. 79.
- [343] Нокс, *ссылка*, стр. 144. Бьюкенен, стр. 556. Спотсвуд, стр. 79. Фокс, *Деяния*, ст. 626. *Достойные шотландцы*, стр. 33.
- [344] Fox. В шотландском "*Worthies*", стр. 34, имя написано "Уинрам". У Бьюкенена 'Винирамус'. В Ноксе - "Уинрэм".
- [345] Фокс, *Деяния*, ст. 627.
- [346] Фокс, *Деяния*, v стр. 628. Нокс, *Ссылка*, стр. 152.
- [347] Нокс, *ссылка*, стр. 154.
- [348] Фокс, *Деяния*, ст. 630.
- [349] "Ему нужен инструмент, с помощью которого он связывает или ослабляет, то есть Слово Божье".—Фокс, *Деяния*, ст. 631.

[350] Фокс, *Деяния*, ст. 633.

[351] 'Nulla iudicii aut liberæ disceptationis ibi forma fuit: accusator enim ... cum summa verborum acerbitate detonabat.'—Buchanan, p. 538. Спотсвуд, стр. 80, 81.

[352] 'Non videri équum ut pertinax hereticus ... ullis ecclesiæ beneficiis frueretur.'—Buchanan, p. 538.

[353] Шотландские *достойные*, стр. 35, 36. "Все во имя добра и в духе Христова тела, всего общества".—Бьюкенен, стр. 539.

[354] 'Fenestra ... tapetibus, stragulis sericis et pulvinis ornabatur.'—Бьюкенен, стр. 559.

[355] Фокс, *Деяния*, стр. 635.

[356] "Несмотря на то, что этот суперпредприниматель презирует, внутри паукоза умирают без позора джейкобиты, как высокомерные кубинцы".—Бьюкенен, стр. 540.

[357] 'Великий грех из-за хара су либинини мактарет'.—Бьюкенен, с. 540.

[358] 'Domi cum scortis volutetur; foris in cæde innoxiorum et sanguine hæreticorum debaccharetur.'—*Ibid.*

[359] "Discesserunt utrimque animis infensissimis".—Бьюкенен, стр. 541.

[360] 'Леслиус предстал перед судом повторно, нетерпимый к кардиналам-супербиотикам и их разоблачению; легкие ошибки в случае колдовства'.—Бьюкенен, стр. 541. Нокс, *Ссылка*, стр. 172, 173.

[361] 'Cardinalis arcem suam in usum belli communiebat.'—Бьюкенен, стр. 542.

[362] Нокс, *ссылка*, стр. 74.

[363] "Это как знак полусомны, свидетельствующий о воскрешении мертвого человека при его смерти". —Бьюкенен, xv. стр. 545.

[364] Нокс, *ссылка*, стр. 177.

[365] Числа, глава xxxv.

[366] Нокс, *ссылка*, стр. 177.

[367] 'Cadaver exanimatum oculis omnium exponunt, in illo ipso loco unde ipse non multo ante Georgii [Wishart] supplicium tam lætus spectaverat.'—Buchanan, p. 542.

[368] Спотсвуд, стр. 84.

[369] Спотсвуд, стр. 88. Последний день июля. Нокс, *Ссылка*, стр. 205. Бьюкенен относит взятие замка или капитуляцию к августу 1547 года. 'Hæc in mensem Augusti anni MDXLVII. inciderunt,' p. 543.

[370] Melville's *Diary*, стр. 276-278. Макри, *Эндрю Мелвилл*, ii. стр. 66.

[371] Вторая учебная книга.

[372] Бакл, *История цивилизации*, глава xvi.

[373] См. тома i и ii. из второй серии: *Реформация во времена Кальвина*.

[374] Эту мысль автору высказал выдающийся писатель, которому мы обязаны замечательной историей *Французской революции*, опубликованной несколько лет назад.

[375] 'Особый момент галликанской либелли ноздреватой редакции когитабама'. Письмо Франсуа Даниэлю; Лозанна, 13 октября 1536 г. Библ. de Berne. Кальвин, *Опера*, эдид. Theol. Серебро. том x. стр. 63. Самое раннее известное издание *Учреждения* на французском языке датировано 1540 годом.

[376] "*Жизнь Кальвина*", стр. 29. Парижское издание 1864 года. В латинском издании, говоря о должности проповедника, говорится: "Nos autem primum recusavit".

[377] *Комментарий. sur les Psaumes*, vol. i. p. ix. Париж, 1859.

[378] *Французская литература Кальвина* (Ж. Бонне), i. стр. 270. Защитнику Англии.

[379] *Французская литература Кальвина*, ii. стр. 30.

[380] Реестры Женевского совета, 4 сентября 1536 г.

[381] *Французские письма Кальвина* лордам Берна, ii. стр. 29.

[382] *Кретьенский институт*, iv. глава 12.

[383] "Исте Галлус".—Реестры Собора, 5 сентября 1536г.

[384] Реестры Совета, сентябрь. 8. Церковь Сен-Жермен, где собрался Совет, находится недалеко от отеля Hôtel de Ville.

[385] Ruchat, iv. стр. 138.

[386] *Воспоминания о Пьерфлере*, стр. 152. Ручат, iv. с. 130-160.

[387] Ruchat, iv. стр. 142.

[388] Г-жа Пино. Ручат, iv. с. 158.

[389] Ruchat, iv. стр. 504.

[390] *Там же*. стр. 366.

[391] Указы лордов Берна. *Pièces justificatives* of Ruchat, iv. p. 500, note 2.

[392] "Капитан молодой".

[393] Письмо Кальвина Ф. Даниэлю, Лозанна, 13 октября 1536 г. — Бернская библиотека. Кальвин, Указ. соч., стр. 63.

[394] Акты судебного разбирательства в Лозанне. *Mémoire de Pierrefleur*, p. 161. Ручат, iv. с. 179, 505.

[395] Акты этого диспута составляют красивый рукописный том in folio, хранящийся в библиотеке Берна. Автор, работавший там в 1859 году, заметил этот том среди других. Впоследствии профессор Гауссен, у которого за несколько лет до этого была скопирована большая часть этого текста, подарил автору копию. Таким образом, это повествование составлено на основе оригинального текста.

[396] *Авойер* - титул первого магистрата Бернской республики. *Байлифы* были заместителями губернаторов бернских владений.

[397] Акты оспаривания. Бернский г-н, фолиант XVIII.

[398] Акты судебного разбирательства, fol. xxi. и xxv.

[399] Акты судебного разбирательства в Лозанне, fol. lxix.

[400] Акты судебного разбирательства в Лозанне, fol. lxxv. и xcii.

[401] Издание Erasmus. 1528.

[402] Некоторые авторы называют его также "Коуди" или "Кэнди"; Ручат пишет "Танди".

[403] Акты, fol. xcii.-clxix.

[404] "Римская курия не является предметом спора с ланой".

[405] Акты, fol. clxxxix., схс.

[406] Не Геркулес против дуэтов.

[407] Acts, fol. ccxix.-ccxxi. и cclxi.-cclxiii.

[408] Акты, fol. cclxxiii., cclxxiv., cclxxix.

[409] "Вопрос солиуса папы, общие принципы развития" и т.д.—*Dictatus Papæ*, Ep. ii. стр. 55.

[410] *Кретьенский институт*, iv. глава 6, 7, 8.

[411] Акты спора, fol. ccxxviii.

[412] Акты, fol. cclxxvii.

[413] Дискурс Фареля начинается в fol. cclxxxv. Бернской рукописи и заканчивается в ccci.; Ruchat, iv. стр. 361.

[414] РУКОПИСЬ из Лозанны, стр. 516. Ручат, iv. с. 379.

[415] Роллин.

[416] Кельвин.

[417] Акты рассмотрения спора, fol. ccxiii., ccxiv.

[418] Деяния, xix. 27.

[419] *Воспоминания о Пьерфлере*, стр. 168. Ручат, iv. с. 380.

- [420] *Содержит пояснения. Ручат, iv. с. 520.*
- [421] Письмо принца Субиза Ф. де Луа.—*Отрывки из оправданий де Руча, iv. стр. 508.*
- [422] Эрминьяр, *Переписка, iv. стр. 107.*
- [423] Эрминьяр, *Переписка, iv. стр. 94.*
- [424] "По неосторожности волшебника Вирет нострум, Берната и Лозанны". —*Там же. стр. 109.*
- [425] *Воспоминания о Пьерфлере, стр. 110. Ручат, iv. с. 385. Le Chroniqueur. Эрминьяр.*
- [426] Ruchat, iv. стр. 374.
- [427] СР. из Лутри, стр. 77. Ручат, iv. стр. 377.
- [428] Эрминьяр, iv. стр. 62, 92. "Ручат", iv. стр. 365, 411.
- [429] Письмо Фарела судебному приставу Наэгуэли от 14 ноября 1536 г. Эрминьяр, iv. стр. 102.
- [430] 'Зло в сепулькрисе египетском сепелири, куам манна эдере, колонна дирижаблей в эремо'.—Библ. de Neuchâtel. Эрминьяр, iv. стр. 109.
- [431] Эрминьяр, iv. стр. 112. *Calv. Opp. x. стр. 70.*
- [432] 'Вакх вере nobis преститит вель Мартем'.—Фарель Фабри, 6 декабря, Библ. de Neuchâtel. Эрминьяр, iv. стр. 122.
- [433] Эдикт лордов Берна, Ручат, iv. стр. 378. *Prov. xxii. 6.*
- [434] Постановления о реформации лордов Берна, Ручат, iv. стр. 522.
- [435] *Воспоминания о Пьерфлере, стр. 166.*
- [436] 'Отправить по факсу Dominus ut ex omnium cordibus idolatria corruiat'. — Письмо Кальвина Франсуа Даниэлю. Нагрудник. de Berne. Эрминьяр, *Переписка, iv. стр. 89. Calv. Opp. x. стр. 63.*
- [437] "Братья Женевы и в вичинии Христа аннунцианта".—*Calv. Opp. x. стр. 71. Эрминьяр, iv. стр. 105.*
- [438] Кальв. *Opp. x. стр. 67. Эрминьяр, iv. стр. 119.*
- [439] "*Жизнь Кальвина*", на французском, стр. 29, редакция 1864 года. Существуют три жизнеописания Кальвина, которые вплоть до настоящего времени обычно приписываются Теодору Безе. Первая (на французском языке), опубликованная в 1564 году, в год смерти Кальвина, полностью является работой Безы. Вторая, тоже на французском, но более обширная, чем первая, датирована 1565 годом. По сути, это книга Безы, но была опубликована с дополнениями Николасом Колладоном, который сначала был пастором в Вандевре, затем, в 1562 году, в Женеве, стал ректором в 1564 году и сменил Кальвина в 1566 году на кафедре теологии. Это жизнеописание Кальвина было переиздано в Париже в 1864 году, и процитированный нами отрывок находится в нем, стр. 29. Наконец, Теодор Беза в 1575 году приложил к Письмам Кальвина Жизнеописание, написанное на латыни. Работа Колладона, возможно, богаче фактами, хотя работа Безы превосходит его в других отношениях.

[440] Послание Дж. Садолето и Ответ Кальвина. Женева, 1860 год.

[441] Письмо Кальвина от 13 октября (Бернская библиотека). Кальв. *Опр.* х. стр. 63. Письмо совета Страсбурга Совету Базеля, 4 ноября 1536 г. Эрминьяр, iv. стр. 95. Говорят, что Кальвин намеревался посетить Базель, чтобы привести в порядок его дела. Наша гипотеза, как нам кажется, больше согласуется с буквой.

[442] Буффон.

[443] Прощание Кальвина. Tronchin MS. Coll. J. Bonnet: *Lettres Françaises de Calvin*, ii. p. 574.

[444] "После отвращения к папизму, вербуйте добродетель и падайте ниц".—Calv. *Опр.* v. стр. 319.

[445] "Jam vero confessionem non sine ratione adjungendam curavimus".—Calv. *Опр.* v. стр. 319.

[446] Кэлвин, *Комментарий. от Луки*, xxiv. стр. 45.

[447] Calv. *Опр.* v. 43.

[448] Версия, выполненная самим Кэлвином. *Против.* v. стр. 317-362.

[449] *Опр.* v. 323.

[450] *Жизнь Кальвина*, стр. 30. Париж, 1864.

[451] Кальвин о Джеймсе, глава 6.

[452] "*Жизнь Кальвина*", стр. 29. Париж, 1864.

[453] "В словах эдиты есть христианская доктрина Кальвино, формула куда велути".—*Житие Кальвини*, 1575, рассказано Безой.

[454] Смотрите это признание на латыни, Calv. *Опр.* v. стр. 357; и на французском, в *отрывках оправданий* Габереля, i. стр. 120. Ручат, iv. с. 111.

[455] "Jam vero confessionem solemni jurejurando ab universo populo editam adjungimus".—Calv. *Опр.* v. стр. 319.

[456] Реестры Совета, 10 ноября 1536г.

[457] Реестры Совета, 16 января 1537г.

[458] Архив Женевы. Pièces hist., 1170. Габерель, i. стр. 102. Кальв. *Опр.* х. стр. 6.

[459] Реестры Совета, 16 января 1537г.

[460] Реестры Совета, 16 января 1537г.

[461] Реестры Совета, 30 января 1537г.

[462] Смотрите Реестры от 5, 6 и 9 февраля 1537 г. вместе с замечаниями Флурнуа, приложенными к одному экземпляру Реестров, стр. 1019.

[463] Больсек, *Жизнь Кальвина*, vii.

[464] Розет, *Хроника. de Genève*, iv. ch. 9.

[465] Реестры Совета, 13 марта.

[466] *Там же.* из упомянутых дней.

[467] "Видеозапись инициации Сына эгре ферре в требованиях формулы признания".—Calv. *Opp.* стр. 11. Изд. женевского принца. 1575.

[468] "Декуриатный созыв плебса в исповедальне истама джурарета".—Calv. *Opp.* (Страс. бр.), т. с. 320.

[469] Зарегистрирован 29 июля. Розет, *Хроника. de Genève*, iv. ch. 9.

[470] "В правовом деле не второстепенное значение для плебисцита, как в указе сената о прилежании".—Calv. *Opp.* v. стр. 320.

[471] Регистрируется, сентябрь. 19. Roget, *Peuple de Genève*, p. 43.

[472] Посвящение *Элитету о тайне* (1549). Кальвин вовлекает Вирета в эту дружбу.

[473] Saunier, *Ordre et manière d'enseigner en la ville de Genève*, 1538; reprinted by E. A. Bétant, 1866.

[474] *Там же.*

[475] Зарегистрирован 1 мая 1537 года.

[476] Шесть экю равны 18 франкам (около 15 шиллингов).

[477] [Французская версия Библии, носящая имя Пьера Робера Оливетана, одного из реформаторов, была опубликована в Невшателе в 1535 году. — *Переводчик.*]

[478] *Смотрите* Списки названных дней. Поскольку были назначены разные даты, мы добавляем, что наши взяты из Реестров. Мы только делаем это замечание, которое, как мы признаем, не имеет большого значения, чтобы никто не заподозрил в этом деле какой-либо обман.

[479] Сонье, *Порядок и маньери* др.

[480] Фроман, *Женевские вести*, стр. 239.

[481] *История. о реформе. во времена Кальвина*, iii. книга 4, гл. 8.

[482] *Хроника Розе*, книга iv. глава 4.

[483] Зарегистрирован 9 марта.

[484] Кальв. *Opp.* v. p. 176.

[485] *Там же.* стр. 179 и 180.

[486] Зарегистрирован 13 марта.

[487] Там же. 14 марта.

[488] See 'Briève instruction pour armer tous bons fidèles,' etc.—Calv. *Opp.* vi. pp. 49-112; and 'Contre la secte phantastique et furieuse des Libertins qui se nomment Spirituels.'—*Ibid.* pp. 149-248.

[489] Beza, *Vita Calvini*. Жизнь Кальвина (на французском), стр. 31. Париж, 1864.

[490] "Жизнь Кальвина", Беза-Колладон, стр. 31.

[491] Иоганн Кальвин, Кампшульте, i. стр. 295.

[492] "Изменить главные и промежуточные турбины церкви".—Беза, *Vita Calv.*, 1575. стр. 5.

[493] Том v. книга ix. главы 3 и 4.

[494] "По вениссету, несомненно, сохранились следы терпитудного воздействия".—Beza, стр. 5.

[495] Письмо Кальвина Мегандеру, вероятно, от марта 1537 г. —Библиотека Женевы. Кальв. *Opp.* x. стр. 85. Эрминьяр, iv. стр. 187.

[496] Эрминьяр, iv. стр. 187.

[497] "Послание Каролуса экклезиам католикам" ... *semper orare ut resurgant, vitamque futuri seculi corpora defunctorum consequantur.*—Megander to Bullinger, Mar. 8, 1537. Кальв. *Opp.* x. стр. 89.

[498] Ruchat, v. стр. 21. Calv. *Opp.* стр. 89.

[499] *Ви де Кальвин*, Беза-Колладон, стр. 31.

[500] Ручат, *История. де ла Реф.* v. стр. 22.—Письмо Кальвина Мегандеру. Кальв. *Opp.* x. стр. 85.

[501] "Пессимистическая ошибка сервера Испании подтверждена".—Calv. *Opp.* x. стр. 103.

[502] "Кто знает, когда мы вернемся в ментем венерит".—от Кальвина к Гринейусу. Кальв. *Указ. соч.* x. стр. 108.

[503] "In simplicissima Dei unitate, et Scriptura et ipsa pietatis experientia, Deum patrem, ejus Filium et Spiritum nobis ostendunt".—Calv. *Opp.* v. стр. 337 и x. стр. 83.

[504] Лютер, *Кирхенпостиль* (Вальх, xi в.) *Тринитат*.

[505] 'Ii quibus tam pietas cordi erat (the opponents of Arius and Sabellius) affirmarunt vere immo Deo tres personas subsistere, seu (quod idem erat) in Dei unitate subsistere *personarum trinitatem*.'—Calv. *Opp.* i. p. 61. Afterwards, Calvin said, 'Christus ut quatenus Deus est, sit unus cum patre Deus ejusdem *naturæ* seu *substantiæ* seu *essentiæ*, non aliter quam persona distinctus.'—*Ibid.* p. 61.

[506] Кэлвин—Мегандеру.—Ruchat, v. стр. 25.

[507] Письма Кальвина к Мегандеру и Гринейусу.—Ручат, *Привет. де ла Réf.* v. pp. 22, 23.

[508] Кэлвин - Мегандеру.

[509] Кэлвин - Мегандеру.

[510] 'Quam ob causam Calvinus Bernam veniens obnixe petit ut synodus cogeretur, quod abnegatum est homini usque post Paschatis.'—Fueslin, *Epp. Ref. Eccl. Гельвет.* стр. 173.

[511] Кэлвин, *Opp.* х. стр. 95.

[512] Кальвин - Гриней, *Opp.* х. стр. 106.

[513] Реестры Совета Женевы, 5 и 11 мая. Флорин был чуть меньше половины франка.

[514] Синод собрался не в марте, как было сказано (Кампшульте, *Иоганн Кальвин*, i. стр. 296), а двумя месяцами позже. См. предыдущее примечание.

[515] "Как юрисконсульт проводит немпе и сакко паратиор".—Кальвин, *Epp.* х. стр. 107.

[516] Апостольский, Никейский и так называемый афанасианский символы веры.—Ruchat, v. стр. 25.

[517] Матфей vii. 6.

[518] Ruchat, v. стр. 27, 28.

[519] "Единственно, что касается отца Бога, право выбора для потенции в illum competit."—Calv. *Opp.* х. стр. 107.

[520] "Tantum nolebamus hoc tyrannidis exemplum in ecclesiam induci, ut is hereticus haberetur qui non ad alterius præscriptum loceretur".—Кальв. *Opp.* х. стр. 120.

[521] Nos in Dei unius fidem jurasse, non Athanasii, cujus symbolum nulla unquam legitima ecclesia approbasset.'—Женевец бернским министрам. Госпожа из Женевы, февраль 1537 года. Кальв. *Против.* х. с. 83. Ручат, В. с. 24-30.

[522] 'Тотум иллам саккум ностра опровержение так называемого эксгаузима'.—от Кальвина к Гринейусу. Кальв. *Opp.* х. стр. 107.

[523] Кампшульте, *Иоганн Кальвин*, i. стр. 296.

[524] "Квантовые переговоры без фактических последствий для Галли илли " ... мятежу'. — Мегандер Буллингеру, 8 марта 1537 г. Кальв. *Opp.* х. стр. 89.

[525] Реестры Собора, 24 мая 1537г.

[526] Подлинные Акты Бернского собора можно найти в Ruchat, v. стр. 39. Calvin, *Opp.* х. стр. 105.

[527] 'Ne abjiciamus eum ab ecclesia, aut tanquam de fide male sentientem notemus.'—Formula Concordiæ de Trinitate. Берн, сентябрь 1537 г. Ручат, v. стр. 501.

[528] "Человек - это фигура природы, Подобие олим Цвингли'. —Краткое послание. ad Neobulum, 2 февраля 1538 г. Лютер, *Против.* Walch, xvii. p. 2602. Hunderhagen-Beylage, ii.

[529] Конфликт Хундерхагена, стр. 65. Кирхгофер, Б. Халлер, стр. 219.

[530] Buceri Epist. ad Lutherum, 19 января 1537 г. Конфликт в Хундер-Хагене, стр. 72.

[531] Конфликт в Хундерхагене, стр. 73, 79.

[532] 'Ви ич мой Муж з Страсбург йеццт сиех'. - Оригинальные протоколы класса Бругга. Конфликт Хундерхагена, стр. 83.

[533] Декарт, *Ответы на недавние возражения*. Nicole, *Essais de Morale*.

[534] "Vitam spiritualem, quam nobis Christus largitur non in eo duntaxat".—Calv. *Opp.* ix. стр. 711. Ручат, v. стр. 502. Генри Бейладж, 5.

[535] Некогда ощутить господство Христа в священном храме пред местным жителем".— Кальвин, *Opp.* ix. стр. 711.

[536] Формула Согласия. Берн, 22 сентября 1537 г. Конфликт в Хундерхагене, стр. 90.

[537] Реестры Собора, 3 июля и 1 сентября 1537г.

[538] Реестры Совета, 27 июля.

[539] Там же. 11 сентября.

[540] Посмотреть *Историю. из ссылки.*, вторая серия, том i, книга 1; том ii, книга 3; том iii. книга 5.

[541] "*Критика первого наставления*"...—Беза, *Вита Кальвини*, стр. 5.

[542] Реестр Совета, 12 ноября.

[543] Смотрите вторую серию, том iii. книга V. глава 5.

[544] Зарегистрирован 12 и 15 ноября 1537 года. Розет, *Хроника Женевы*, книга iv. глава 10.

[545] Розет, *Хроника. de Genève*, book iv. ch. 10. *Vie de Calvin*, p. 34, Gautier, *Hist. MS. de Genève*, book v.

[546] Зарегистрирован 25 ноября.

[547] Роже, *народ Женевы*, i. p. 51.

[548] Зарегистрирован 25 ноября 1537 года. *Fragments historiques de Grenus. Допрос Ф. Рокко*, того же числа. Готье и др.

[549] Архивы Берна. Roget, *Peuple de Genève*, p. 57.

[550] ... exultabam, et quis de successu tam bonæ causæ dubitasset?'—Calvin to Bucer, Jan. 12, 1538. Кальвин, *Против*. x. стр. 137.

[551] Зарегистрирован 10 декабря 1537 года.

[552] Зарегистрирован 14 декабря 1537 г.

[553] Там же.

[554] Зарегистрирован 15 декабря 1537 г.

[555] Архивы Женевы. *Pièces historiques*, No. 1162. Оригинал, по словам М. Ройсса (Calv. *Opp.* стр. 133), датирован 28 декабря. На одной копии стоит дата 22 декабря. —[Редактор.]

[556] Регистры дня.

[557] Зарегистрирован 1 января 1538 г.

[558] Там же. 1 и 2 января.

[559] Roget, *L'Église et l'État de Genève du vivant de Calvin*.

[560] Регистры, 3 января. Готье, *История г-жи де Женев*, книга vi.

[561] Расин.

[562] Этот порядок действует в Соединенных Штатах Америки. В каждой пастве проводится различие между церковью, состоящей из причастников, и конгрегацией, состоящей из всех тех, кто, имея религиозные убеждения, принимает участие во всех богослужениях, кроме вечери. Церковь регулярно пополняется из прихожан; и эти две организации, объединенные благотворительностью, вместе вносят свой вклад в нужды паствы. [Это утверждение в равной степени верно и для православных раскольниковских церквей Великобритании.—Переводчик.]

[563] Зарегистрирован 3 и 4 января 1538 года.

[564] Регистры, 16 января. *Хроника г-жи де Розе*, книга iv. глава 10.

[565] Письма Кальвина и Тилле, опубликованные пастором Кротте. стр. 38 и др.

[566] *Французская литература*, i. p. 2. Cal. Указ., x. p. 147.

[567] *Французская литература*, i. стр. 1-7.

[568] Розет, *Хроника г-жи де Женев*, книга iv. глава 12.

[569] Зарегистрирован 1 февраля.

[570] Розет, *Хроника г-жи де Женев*, книга iv. глава 10.

[571] Зарегистрирован 12 февраля 1538 г.

[572] Роже, *Народ Женевы*, стр. 72.

[573] Зарегистрирован 15 февраля и далее. *Хроника г-жи де Розе*, книга iv. глава 14.

[574] Зарегистрирован 11 марта. *Хроника г-жи де Розе*, книга iv. глава 14.

[575] Кальвин Буллингеру, 21 февраля 1538 г. (Архив Цюриха). Кальв. *Опр.* x. стр. 153.

[576] Акты главы II. de Brugg. Stettler, *Berner Chronik*. Хундерхаген, Конфликт, стр. 91.

[577] 'In summa hierum zanggten wir ein gut wyl.'—*Actes originaux de la Classe de Brugg*. Хундерхаген, Конфликт, стр. 101.

[578] 'Die praedikanten von der Statt assend mit uns,' etc.—*Ibid.* p. 103.

[579] Лютер, *Эпп.* v. стр. 83.

- [580] Кирхгофер, Б. Халлер, стр. 203. Иселин, *История. Словарь*. Хундерхаген, Конфликт, стр. 105. Hagenbach, *Gesch. d. ersten Baseler Conf.* p. 90.
- [581] 'Quo nuntio perinde percussi fuimus, ac si Bernensem ecclesiam majore ex parte collapsam audissemus'—Calvin to Bucer. Генри, Бейлаге, 6, стр. 36. Кальв. *Opp.* x. стр. 138.
- [582] "Кто виноват в том, что алиуд потест, кто виноват в обратном Евангелии пуритан?" —Генри, Бейлаге, стр. 39. Calv. *Opp.* x. стр. 140.
- [583] 'Vultus, gestus, verba, цвет ipse furias, ut inquit, spirabant.'—Calv. *Opp.* x, стр. 141.
- [584] 'Нет ее с большой буквы'.—Cal. *Указ.* x. стр. 141.
- [585] 'Quos ad verbi ministerium erigit, dignos esse judicamus, qui in patibulum tollantur.'—*Ibid.*
- [586] 'Bonos viros, qui a nobis probati sunt, non audet coöptare, nisi a tota ejus regionis cui destinantur classe, sint explorati.'—*Ibid.*
- [587] См. *J. Calvins Leben*, Пол Генри, доктор технических наук, пастор в Берлине, том i. Bevlage, 6, стр. 40.
- [588] Розет, *Хроника г-жи де Женев*, книга iv. глава 16.
- [589] 'Omnibus ministris qui vicinis ecclesiis præsunt interdictum fuit ne quid haberent negotii nobiscum aut ullo modo communicarent.'—Calvin to Bucer, Jan. 12. Calv. *Opp.* x. p. 144.
- [590] 'Отредактировал Dominus Cunzeno juxta id quod meritus est. Qui perdere pergunt ecclesiam, perdat eos Dominus.'—Farel's Letter to Fabri, Jan. 14, 1538. Кальв. *Opp.* x. стр. 145.
- [591] Rozet, *Chron. MS. de Genève*, iv. ch. 16. Roget, *Peuple de Genève*, p. 82.
- [592] Bolsec, главал. viii.
- [593] Кампшульте, *Иоганн Кальвин*, i. стр. 310. Roget, *Peuple de Genève*, i. p. 83.
- [594] "Обрезание по закону плюс почетный знак смерти Христа?" ... Скрывающий суть дела". — Кальвин-Халлеру, *Err. et Responsa*, стр. 102. Конфликт Хундерхагена, стр. 132.
- [595] 'Optimum erat remedium quo periculo obviaretur, si ad vestrum synodum fuisset vocati. Impetrari non potuit.'—Calv. ad Tigur. Статистика., 31 марта 1541 г. Архивы Цюриха.
- [596] Реестры дня. *Chron. MS. de Rozet*, book iv. ch. 13. Roget, *Peuple de Genève*, pp. 84, 85.
- [597] *Протестантская Франция*, М. Хааг; статья Bolsec.
- [598] Новости дня.
- [599] 'Um die Berner zu gewinnen und ernstlich in die Opposition gegen jene (Calvin und Farel) zu verflechten.'—Hunderhagen, *Conflikte*, p. 133.
- [600] *Хроника Розета*, книга iv. глава 17.
- [601] Возможно, это была отсылка к Эндрю Бенуа, одному из основателей секты спиритуалистов в Женеве. См. стр. 299 этого тома.—[Редактор].

[602] Шенье, *Элег.* xxiii.

[603] Валла, *Противоядие.* в "Поджиуме", книга iii. стр. 357.

[604] Таково значение приведенного выше выражения, которое было неправильно понято некоторыми авторами, принявшими его за грубое оскорбление.—See *Dict. de l'Académie*. Kampschulte, i. p. 310.

[605] Розе, *Хроника г-жи де Женевы*, книга iv. глава 17. Готье, *История*, ср. книгу vi.

[606] Rozet, *ibid.*

[607] Архив Женевы. *Pièces historiques*, No. 2101. Кальв. *Опр.* x. стр. 189.

[608] Новости дня. Готье, *История г-жи де Женевы*, книга vi.

[609] "Семь дней ешьте пресный хлеб". Исх. xii. 15.

[610] Реестры Совета, 20 апреля 1538г.

[611] Кальвин в Женевской церкви, 8 октября 1538 г.—*Архив Женевы*. Кальв. *Опр.* x. стр. 251.

[612] 'Papatus ejuratus; sed extrusa simul a plerisque non fuerant indigna multa flagitia, quæ in ea urbe canonicis et impuro illi clero tot annos addicta diu viguerant.'—Beza, *J. Calv. Vita*.

[613] "Ветер между квазидвухлетними примариями враждебности, восприимчивость к белло Сабаудико, выполнение упражнений".—*Там же*.

[614] 'Cum eo usque malum processisset ut civitas privatorum quorundam factione, in diversas partes scinderetur.'—*Ibid.*

[615] Розет, *Хроника г-жи де Женев*, книга iv. глава 15.

[616] *Там же*.

[617] "Критика лени в первую очередь предостерегает, приводит к серьезному противодействию рефрактерному инкременту, толлендису, как ни в чем не бывало".—Беза, *Дж. Кальв. Vita*.

[618] Прощание Кальвина с женевскими министрами.—Bonnet, *Lettres françaises*, ii. p. 575.

[619] Мишель Розе, сын Клода Розе, который в то время был секретарем совета и редактором журнала Register, был членом Совета Женевы почти шестьдесят лет. Он четырнадцать раз избирался синдиком и был направлен с тридцатью четырьмя миссиями в Швейцарию, Францию и Германию, а также в Турин. Он заключил несколько важных договоров со стороны Женевы. В то время, о котором мы говорим, он был очень молод, но поскольку его отец сыграл там определенную роль, позволившую ему ознакомиться со всем, что происходило, никто не мог быть лучше Мишеля осведомлен о фактах того периода. Если в *Хрониках* есть какие-то штрихи, которых нет в Реестрах Совета, это ни в коей мере не умаляет его полномочий. Есть некоторые детали, которые совет не желает и не должен включать в свои Реестры. Излишне говорить о Теодоре Безе, который был единогласно избран представлять протестантов на знаменитом

коллоквиуме в Пуасси и в честь которого после его смерти поэты всех наций сочинили стихи на латыни, греческом и иврите числом пятьдесят четыре.

[620] Рабле.

[621] 'Доктрина животного мира потия призывает нас к единству, как царей, так и не согласующихся с духом моросия'. Indignissimum est enim ut in quibus libertatem Dominus reliquit ... servilem præterita ædificatione conformitatem quæramus.'—*Catechismus, sive Christ, relig. institutio, J. Calvino auctore, Basileæ, anno MDXXXVIII. Calv. Opp. v. стр. 322.*—Кальвин напечатал это сочинение в тот год, когда он покинул Женеву; и не после, а перед его отъездом; *mense Martis*. См. также *Жизнь де Кальвина* (Без-Колладон), р. 30. Париж, 1864.

[622] 'Nondum ea exstare nobis videbatur ecclesiæ facies quam legitima muneris nostri administratio requireret.'—*Ibid.* p. 319.

[623] 'Tunc vero acerrime urebat et discruciat, quoties distribuenda erat Domini Cœna.'—*Ibid.* p. 319.

[624] 'Omnes tamen promiscue irrumpebant; et illi quidam iram Dei vorabant potius quam vitæ sacramentum participabant.'—*Calv. Opp. v.*

[625] Розет, *Хроника г-жи де Женев*, iv. глава 18.

[626] Кальвин *сюр ле Псом* xxvii. 3.

[627] Без-Колладон, *Жизнь Кальвина*, стр. 34.

[628] "Великий героический дух предков, Фареллус и Кальвин" ... aperte testarentur....'—Beza, *Calvini Vita*.

[629] 'Я не левитирую через силу'. —Кальвин цюрихским пасторам. Приди Кэл. Июнь. Генри. Кэлвин, i. Приложение. стр. 82.

[630] 'Incredibile vobis futurum scio si minimam partem vobis referam molestiarum, vel potius miseriarum, quæ toto anno devorandæ nobis fuerunt.'—Calvin, i. App. p. 82.

[631] "Нулевая потеря жизни без смертного приговора".—*Там же*.

[632] Розет, *Хроника г-жи де Женев*, iv. глава 16. Воспоминания Фареля и Кальвина лордам Берна. Кальв. *Opp.* x. стр. 188. Roget, *Peuple de Genève*, p. 92.

[633] Rozet.

[634] Розет, *Хроника г-жи де Женев*, книга iv. глава 18.

[635] *Мемуары* Фареля и Кальвина "Владыкам Берна".—Кальв. *Opp.* x. стр. 189.

[636] Кальвин, *Кретьенский институт*, книга iv. глава 12, параграфы 9 и 10.

[637] Roget, *L'église et l'état à Genève du temps de Calvin*, p. 5.

[638] Розет, *Хроника г-жи де Женев*, книга iv. глава 18.

[639] Кэлвин, *Комментарий. sur Saint Matthieu*, xxiii. 24.

[640] Реестры Советов, 2 апреля. *Хроника г-жи де Розе*, книга iv. глава 18.

[641] 'Pro retinendo nostro ministerio non minus laboravimus quam si de capitibus nostris certamen fuisset'.—Кальвин Пасторам Цюриха. Прид. Кал. Июнь.

[642] "Облегчение тум фюиссе, субсидия labanti ecclesiae, наказание за восстановление". — Кальвин пасторам Цюриха.

[643] Eoque rem perducunt, *frustra* sese Calvino, cum ejusdem sententiæ collegis, ad reddendam omnium rationem offerente.'—Beza, *Vita Calvini*.

[644] Корнель и Боссюэ.

[645] Без-Колладон, *Жизнь Кальвина*, стр. 35. Беза говорит то же самое в своей латинской жизни: *Majore parte meliorem superante*.

[646] Розет, *Хроника г-жи де Женев*, книга iv, глава 18. Зарегистрирован 23 апреля.

[647] Регистрируется, *там же*.

[648] Регистры, латинское Жизнеописание Кальвина Безы, французское жизнеописание Розе в его Хрониках, впоследствии синдик Готье в его Истории, сообщают об этом ответе с незначительными вариациями.

[649] Ruchat, v. p. 66. Trechsel, i. p. 171 и др.

[650] 'Шейнбар, Кампшульте, Дж. Кальвин, стр. 313.

[651] 'За неблагодарную сумму, низший нос и божественный итог'.—Кальвин, Сводное Евангелие Христа. religionem colentibus, 1538, *Opp.* x. p. 321.

[652] Кальвин, *Краткое изложение Псалмов*, стр. ix.

[653] См. *Историю. о реформе*. 2 серия, том ii. книга iii. глава 6, и Бонивар, *Авис по преобразованиям различных форм*, стр. 149-151.

[654] 'Старательный кавендум моне, не имеющий одновременного сопряжения'.—Кальвин Фарелю, 4 августа 1538 г. (Библ. de Genève). Кальв. *Opp.* x. стр. 23.

[655] *Обзор литературы*, стр. ix.

[656] "Всеобщее хранение, решение арбитражного суда".—Calv. *Opp.* v. стр. 321.

[657] 'Advertamus ad id quod Christus clamat: non posse servis suis vulnus imprimi, quin ipse sibi inflictum imputet.'—*Ibid.*

[658] "Ad vos specialiter sermonem convertimus, О братья" и т.д.—Calv. *Opp.* v. стр. 321.

[659] "Sed vigescit potius, florescit, novisque incrementis confirmatur".—*Там же*. стр. 322.

[660] "Участник крамольного процесса, ипсорум, побуждающий к подрывной деятельности" и т.д.—Beza, *Calvini Vita*.

[661] 'Tum vero magno cum bonorum omnium dolore tres illi edicto parentes.'—Beza, *Calvini Vita*.

[662] Лабрюйер.

[663] Розе, *Хроника г-жи де Женевы*, книга iv. глава 22, Готье, *История г-жи де Женевы*, книга vi. Spon, ii. стр. 26.

[664] Розет, *Хроника г-жи де Женев*, книга iv. глава 18. Реестры Совета, 7, 10, 16 мая и т.д. Рукопись Готье, книга vi.

[665] Мемуары хранятся в архиве Женевы, *Исторические материалы*, № 1201.—Calv. *Opp.* x. стр. 190.

[666] Эти слова были произнесены в Лондоне, в Палате общин, 9 мая 1871 года сэром Раунделлом Палмером (лордом Селборном), который произнес самую замечательную речь против предложения об отделении Церкви от государства.

[667] Архив Женевы. *Исторические материалы*, № 1201.—Кальв. *Opp.* x. стр. 188.

[668] Кирхгофер, *Жизненные пути*, стр. 244.

[669] 'Cupimus a Bernatibus impetratum ut *fractionem panis* nobiscum accipiant' (Articuli ipsa manu Calvinii scripti, Conventu Tigurino proposito).—Calv. *Opp.* x. стр. 190. *Смотри* Матфея. xxvi. 26; Луки xxiv. 30; 1 Кор. x. 16; xi. 24; Деяния xx. 7.

[670] "Не укрощать фенестрама, если у него проблемы с сердцем, если у него проблемы с сердцем, если у него проблемы с сердцем".—Calv. *Opp.* x. стр. 190.

[671] "Варвары уничтожают бесчеловечных животных!" —Calv. *Opp.* x. стр. 190.

[672] 'Ежедневно единодушно пребывая в храме и преломля хлеб от дома к дому'. — Деяния ii. 46. 'Ut frequentior cœnæ usus restituatur; si non secundum veteris ecclesiæ consuetudinem, at *saltem singulis quibusque mensibus semel*.'—*Ibid.*

[673] 'Любовь к сладострастию и непристойным кантилениям хореи ... e sua ditione tales spurcitas eliminant.'—Calv. *Opp.* x. p. 190.

[674] *Там же*. стр. 204.

[675] 'Унижение вследствие того, что мы не склонны к бесчеловечному обращению'. — Кальвин-Фарелю, Базель, 4 августа 1538 г. *Библия. de Genève*.—Calv. *Opp.* x. p. 229.

[676] Кальвин—Фарелю, Страсбург, сентябрь 1538 г.—*Там же*. стр. 246.

[677] 'Dass sie in etlicher Dingen hatten vielleicht zu streng gewesen, und erklärten sich gern weisen zu lassen.'—Abschied des Tages zu Zurich gehalten. Kirchhofer, *Farel's Leben*, i. p. 244.

[678] 'Bey diesem unerbauten Volk christliche Sanftmüthigkeit.'—*Ibid.*

[679] "Как избавиться от пагубного влияния фруктозы, как избавиться от лицензии в защиту христианской свободы".—Calv. *Opp.* стр. 226. Капито вызывает Фарела.

[680] "Вопрос вос дуо семьей равно городскому реформированию без потенции".—Calv. *Opp.* x. стр. 227.

[681] Rozet, *Chron. MS. de Genève*, iv. ch. 20.

[682] Фарел и Кэлвин к Буллингеру; середина. Июнь 1538 года. Кальв. *Opp.* x. стр. 20.

[683] Хундешаген, Конфликт, стр. 70.

[684] "Октаво в конце концов умер, после того, как Бернам аппулерамус, Кунценум и его восприняли".—Кальвин Буллингеру, июнь 1538 г.; Генри, Бейлаге, стр. 48. Calv. *Opp.* x. стр. 203.

[685] "Данные fides ecclesiae Christi solenniter".—*Там же.* стр. 53. Calv. *Opp.* x. стр. 207.

[686] "Изгнание злых духов — это долгие объяснения, аргумент в пользу грависсимас контумелиас". -*Там же.* стр. 49. Calv. *Opp.* стр. 203.

[687] "Безумие в экстремальных условиях рабства".—*Там же.*

[688] "Недействительный учебный план, не связанный с судебным разбирательством".—Calv. *Opp.* x. стр. 204.

[689] "При аускультативном обследовании отсутствует рациональное объяснение смерти круделиуса земпера дебачари".—Calv. *Opp.* x. стр. 204.

[690] "За ненужностью; в полном объеме, ни в коем случае не буйствует, но вводит эти вещества в сетчатку человека коллегиально, без посылки".—Calv. *Opp.* x. стр. 50. Calv. *Opp.* x. стр. 204.

[691] Фарелу Кальвину, 6 сентября 1540 г.

[692] Кэлвин - Буллинджеру. Берн, 28 мая 1538 г. —Архив Цюриха. Кальвин, x. с. 201.

[693] 'По поводу отмены санкций'.—Кальвин Бучеру. Генри, Бейлаге, стр. 51. Кальв. *Opp.* x. стр. 205.

[694] "Осенью воспламеняется малочисленный мятеж, который был декретирован, и в Родане практикуют, чтобы не опозориться".—Calv. *Opp.* x. стр. 205.

[695] Кальвин - Буллингеру, Берн, 20 мая 1538 г. Calv. *Opp.* x. стр. 201.

[696] "Конституировать не процессуальные действия, связанные с личными обстоятельствами; в случае, если ворота открыты, учитывать силы гладиаторов".—Кальвин-Буцеру; Генри, Бейлаге, стр. 52. Calv. *Opp.* x. стр. 206.

[697] "Варенье на миллион из—за аберраматизма, с очевидным исходом от нунция и запретом проникновения". -*Там же.* Несомненно, имеется в виду римская миля, которая составляла около 1614 ярдов (1472 метра, или около полутора километров). На таком расстоянии от Женевы гонец встретил депутацию в Сешероне, где раньше находился отель "Англетер", недалеко от загородных поместий Бартоломи и Паккар. Согласно первому соглашению, реформаторы должны были остановиться на расстоянии около четырех миль (или около шести километров), вероятно, недалеко от дороги под названием дю Соги, ведущей в Жанто.

[698] Зарегистрирован 22 мая.

[699] Новости дня. *История г-жи де Женев*, Готье, книга vi.

- [700] 'Tanta gravitate Ludovicus Ammanus, alter legatus et Viretus, qui Erasmi ac suo nomine loquebatur, causam tractarunt ut *flecti multitudinis animi ad æquitatem* viderentur.'—Calvin to Bullinger. Кальв. *Opp.* х. стр. 206. Анри, стр. 52. Готье, ср. книгу vi. Kirchhofer, *Leben Farels*, p. 249.
- [701] "Кланкулум илос подчиняется".—Кальвин Буллингеру, Генри, стр. 52. *Calv. Opp.* х. стр. 207.
- [702] Бонивар, *Древняя и новая полиция Женевы*, Памятная записка. v. стр. 414.
- [703] "Венделиус илль апуд прославляет множество людей в том, как эффективно использовать вену благородных леталей ферре".—Кальвин-Буллингеру, Генри, стр. 52. *Calv. Opp.* х. стр. 207.
- [704] 'Ne antequam ipsi adessemus.'—*Calv. Opp.* х. стр. 207.
- [705] 'Illis egressis, unus ex præsidibus senatus articulos nostros recitare cœpit.'—*Ibid.*
- [706] "Ad conflandum nobis odium".—*Там же.*
- [707] Самые ужасные, самые могущественные, высокие и величественные лорды и т.д. Формула, использованная при обращении к совету.
- [708] Смотрите *Диктант Академии. французский языки* определение церкви на всех языках.
- [709] "Это собрание, это сольный концерт, воспламеняющий чувства плебса".—от Кальвина до Буллингера, Генри, стр. 52, *Calv. Opp.* х. p. 206.
- [710] "Значение того, что произошло с флабеллой, в качестве акцента во всеобщем рабстве".—*Там же.*
- [711] "Potius moriendum quam ut и reddendam rationem audiremus".—Кальвин- Буллингеру, Генри, стр. 52. *Calv. Opp.* х. стр. 206.
- [712] Зарегистрирован 26 июня. Rozet, *Chron. MS. de Genève*. Gautier, *Hist. MS. de Genève*.
- [713] "Сила Ниси в том, что она дупло, а не трипло малум, как антея, детерминирует рецидив".—Кальвин-Буллингеру, Генри, стр. 53. *Calv. Opp.* х. 207.
- [714] "Совершенно зрелый изгнанник".—Кальвин-Буллингеру, Генри, стр. 54 *Calv. Opp.* х. 208.
- [715] *Хроника г-жи де Женев*, книга iv. главы 15, 22, 26.
- [716] Готье, *История г-жи де Женев*, книга vi.
- [717] 'Никто не виноват в том, что вениамин достойный, там только призвание абнурема'.—Кальвин Вирету. *Библия. de Genève*. Кальв. *Opp.* х. стр. 202.
- [718] 'О сцинтиллиантах сатанинского зрения и accensum studium в веструме служения смерти'.—Гриней Кальвину и Фарелю. Кальвин, *Эпп.* х. 196.
- [719] "Об эксимио монументо Экклезиастической завершенности".—Гриней Кальвину, 1540.
- [720] "Клаудио Ферео кем мекум видисти Базилии".—Кальвин, *Еpp.* стр. 25, март 1541, изд. 1575.

- [721] "Служение миру и согласию".—Кальвин, *Ерр.* 11. *Опр.* х. 276.
- [722] Кальвин Вирету, Базель, 14 июня 1538 г. *Библия. de Genève.*
- [723] *Французская литература*, i. p. 9.
- [724] Жан Цвик Буллинджеру, 17 мая 1538г.
- [725] "Почитание полевок" и т.д.—Кальвин, *Ерр.* стр. 6. *Опр.* х. 67.
- [726] Бонне, *Французские письма Кальвина*, i. p. 9.
- [727] Бонне, *Французские письма Кальвина*, стр. 10.
- [728] 'Де интегро оправдывает себя, может быть, навсегда, без потерь'.—Кальвин-Фарелу, Генри. Кальв. *Опр.* х. стр. 236.
- [729] 'Classis neocomensis ad ecclesias vicinas'. 29 Апреля 1541 года.
- [730] "Лицет вальде рефрагати симус'.—Farel. Pastoribus Tigur. 30 Апреля 1541 года.
- [731] "Уединенный праздник".—Кальвин Фарелю, 4 августа 1538 г. (*Библ. de Genève*). Кальв. *Опр.* х. 228.
- [732] Кальвин, *Краткое изложение Псалмов.*
- [733] *Тамже.*
- [734] "Укреплять Лютецию в защиту депуньяссета".—Беза, *Вита Кальвини.*
- [735] "Смерть от мучительного эксципианта aserbiores noctis cruciatus".—Кальвин. *Ерр.* стр. 10. *Опр.* х. 273.
- [736] "Подозрение ни к чему не обязывает местоблюстителя".—*Там же.*
- [737] *Французская литература*, i. p. 23.
- [738] Кальвин, *Опр.* х. 266.
- [739] Значительно меньше ста пятидесяти франков, что эквивалентно более чем двум тысячам франков по нынешним временам; или около восьмидесяти фунтов стерлингов.
- [740] Майбург, *История кальвинизма*, книга первая.
- [741] Кальвин - Фарелу. 4 Августа 1538 г. *Библ. de Genève.* Кальв. *Опр.* х. стр. 228.
- [742] Роже, *Народ Женевы*, стр. 117.
- [743] Реестры Совета. Розет, *Хроника. de Genève.* Gautier, *Hist. MS. de Genève.* Roget, *Peuple de Genève*, etc.
- [744] *Французская литература*, i. стр. 11. См. также Rozet, *Хроника. de Genève*, iv. ch. 26.
- [745] Кэлвин, *Опр.* х. стр. 275.

[746] *Архив Женевы*. Письма Фареля от 19 июня, 7 августа и 8 ноября. Roget, *Peuple de Genève*, p. 136. Кальвин, *Против*. х. стр. 210.

[747] Ф. Реймон, *Наиссанс де л'Хереси*, книга vii. глава i.

[748] 'Quibus tamquam lucidis gemmis, illa tua ecclesia fulgebat.'—Beza, *Vita Calvini*, p. 6.

[749] Bochrich, *Mittheilungen aus der Gesch. der Ev. Kirch des Elsass*, iii, p. 133.

[750] "Gallicam ecclesiam, constituta ecclesiastica disciplina plantavit".—Беза, *Вита Кальвини*, стр. 6. Calv. *Opp.* х. стр. 288.

[751] Письма Кальвина к Фарелю, 1538 г. и др. (*Библ. de Genève*.) Кальв. *Opp.* х. стр. 273. Реймонд, в *Лос-Анджелесе*

[752] Послание Кальвина к Грин-Эусу, добавленное к Комментарию. в послании к римлянам.

[753] "Theologiam illic docuit magno cum doctorum omnium applausu".—Беза, *Вита Кальвини*, стр. 6.

[754] *Де ла Сень*. Calv. *Opp.* v. стр. 439, 440.

[755] Calv. *Opp.* v. стр. 458-460.

[756] "Приветствие штурму и Иоганну Кальвинскому, благочестивому кворуму единственного сладострастного закона".—Лютер, *Епп.* v. стр. 211. Кальв. *Opp.* х. 402.

[757] 'Гельвеции - это те же лица, что и мир в споре о вак'. Ту же мысль высказали несколько церквей. (Mecklenburg, Churpfälz, Württemberg, Pommern, etc., Kirchenordnungen.)

[758] 'Quod ex Gallia multi propter Calvinum accesserunt studiosi adolescentes atque etiam litterati viri.'—Sturm, *Antipapp.* vi. p. 21.

[759] "Ea enim mea nunc est conditio, ut *assem* a me numerare nequeam".—Calv. *Epp.* edit. от 1575 г., стр. 12. *Opp.* х. 332.

[760] Кальвин - Фарелю. (*Библ. de Genève*.) *Opp.* х. 315.

[761] Кальвин к Римлянам xii. 10; 1 Иоанна v. 1.

[762] Кальвин-Буллинггеру, Страсбург, 12 марта. (*Библ. de Genève*.)

[763] "Чего не видно при вскрытии".—Calv. *Opp.* х. стр. 331.

[764] "Пергам тамен уске до последнего духа".—Кальв. *Епп.*, март 1539г.

[765] Письмо Кальвина Фарелю, 4 августа 1538 г. Кальв. *Opp.* х. 229. Списки Собора от 10 сентября, 28 ноября и 26, 27 и 31 декабря. Розет, *Хроника. de Genève*, book iv. ch. 24. Gautier, *Hist. MS. de Genève*, book vi. p. 332. Роже, *История*. стр. 123, 124.

[766] Смотрите их названия, *Протестантская Франция*, vii, стр. 60.

- [767] Реестры Совета, 23 и 27 декабря 1538 г. Розет, iv. 26. Роже, стр. 140. Кальв. *Opp.* х. стр. 275.
- [768] Зарегистрирован 24 и 27 декабря и 8 и 9 января. Розе, Готье, *источник. цит. по.*
- [769] Calv. *Opp.* х. стр. 354. Письмо Женевской церкви от 24 июня 1539 года. 'Nisi Calvinus serio monuisset ne ob istud ᾧδιόφορον litem moverent.'—Beza, *Calvini Vita*, p. 6.
- [770] Смотрите вторую серию, том ii. книга iii. глава 15.
- [771] Книга iv. глава 28. Готье, книга vi. Реестры дня.
- [772] Розет, *Хроника. de Genève*, book iv. ch. 27.
- [773] "Коллоквиум Филиппо фуит михи по нескольким ребусам".—Calv. *Epp.*, март 1539. *Opp.* х. стр. 331.
- [774] "Иис является причиной разногласий по поводу согласия". —*Там же.*
- [775] "Требуется ликвидность крассия; по крайней мере, танта первичная, не дицам тираннид".—*Там же.*
- [776] "Ut in tanta tempestate ventis adversis aliquantum abscondamur".—Calv. *Epp.*, март 1539. *Opp.* х. стр. 331.
- [777] "Формам, не требующим прокурорства в иудаизме".—*Epp.*, апрель 1539 г. *Opp.* х. стр. 340.
- [778] "Nimis в избытии присутствует в ritibus illis, но не в полной уверенности, что это сверхвакуум".—*Там же.*
- [779] "Некий здравомыслящий юстас, суть причины разногласий".—*Epp.*, апрель 1539 г. *Opp.* х. стр. 340.
- [780] "Как смягчить вину перед подозреваемыми".—*Там же.* стр. 328.
- [781] "Король лисица димидия ex parte sapit".—*Epp.*, апрель 1539 г. *Opp.* х. стр. 340.
- [782] 'Habet mutilum et semilacerum Evangelium, ecclesiam vero multis adhuc nugis refertam.'—*Ibid.*
- [783] Джон Ламберт.
- [784] На Фарела, 21 июня 1540 г.
- [785] 'Post hoc vexit asinus quidam ... qui fune quodam post se trahebat Cæsarem et Papam.'—*Corp. Реформа.* iii. с. 640.
- [786] "Asinum stantem duobus pedibus".—Лютер, *Epp.* v. стр. 172.
- [787] 'Observata ejus temporis occasione, destitutum tantis pastoribus, gregem facile se intercepturum arbitratus.'—Beza, *Vita Calvinii*, p. 6.
- [788] Зарегистрирован 7 июня 1540 г.

[789] 'Sadoletus magna eloquentia homo sed qua imprimis ad opprimendam veritatis lucem abutetur.'—Beza, *Vita Calvini*, p. 6.

[790] Без-Колладон, *Жизнь Кальвина*, стр. 38.

[791] Смотрите "Послание Садоleti Женевцам".—*Опера Кальвини*, v. стр. 365-384. Мы цитируем французское издание, вышедшее в Женеве в 1860 году.

[792] Кампшульте, *Иоганн Кальвин*, стр. 353.

[793] "Великий человек в вечном проклятии".—Беза, *Вита Кальвини*, стр. 6.

[794] Зарегистрирован 27, 28 марта и т.д. Розет, *Хроника*. CP. книгу iv. гл. 28. Роже, стр. 147.

[795] Новости дня. Розет, *Хроника*. CP. книгу iv. гл. 28. Готье.

[796] Роже, i. стр. 163.

[797] Зарегистрирован 29 апреля 1539 года. Доложите лордам Берна. Rozet. Габерель.

[798] "Омниум облитюрум".—Беза, *Вита Кальвини*, стр. 6.

[799] Без-Колладон, *Жизнь Кальвина*, стр. 39.

[800] Оригинал этого письма на латыни. См. *Calv. Opp.* v. стр. 385-416. Кальвин перевел его на французский в 1540 году. Женевское издание 1860 года.

[801] Кальвин вкладывает этот отрывок в уста любого из реформированных, предстающего перед верховным трибуналом: "Не следует ли мне руководствоваться указаниями ностра эдокти, а также тем, кто не знает причин доступа, и не нужно ли искать ответ на вопрос, что делать с делом защиты?" : Эго" и т.д. Но нет никаких сомнений в том, что он рассказывает свою собственную историю.—Редактор.

[802] "Садолето оптарем и кредерет Того, кто создал человека, этимом за пределами Италии".—Лютер, *Err.* v. стр. 211. *Опера Кальвини*, x. стр. 402.

[803] 'Ad tolerantiam adversus improbos ... et ad Dei invocationem imprimis exhortetur.'—Beza, *Vita Calvini*, p. 7.

[804] Письма Кальвина к Фарелю, сентябрь 1539, 8 октября 1539 и 10 апреля 1540. Кальв. *Opp.* x. стр. 374-401.

[805] Ручать, *История. de la Réform.* v. p. 134.

[806] Розет, *Хроника*, книга iv. глава xxxiii. Готье, *Hist. MS.* vi. стр. 356, говорит: 'Были некоторые бывшие священники, которые посещали определенные дома и чьи действия вызывали большие подозрения.' Мы цитируем копию, отредактированную самим Готье, которая принадлежит члену его семьи.

[807] Готье, *История*. CP. iv. стр. 356.

[808] Зарегистрирован 15 и 22 сентября 1589 года. Розе, *Хроника*. CP. книга iv. глава xxxiii. Готье, книга vi. стр. 356, 357. Gaberel, *Pièces Justificatives*. Roget, *Peuple de Genève*, p. 157.

[809] Готье, интерпретируя эту речь, заставляет его сказать: "Я не горжусь тем, что выделяю секту".

[810] 'Sed centum potius aliæ mortes quam ilia crux, in qua millies quotidie pereundum esset'.— Кальвин-Фарелю, Страсбург, 29 марта 1540 г. *Opp.* ix. стр. 259.

[811] 'Почему не потий и не крест?' — Кальвин Вирету, Страсбург, 19 мая 1540 г. *Библия. de Genève.*

[812] Кальвин-Фарелю, Страсбург, октябрь 1540 г. *Библия. de Genève.*

[813] "При многократной экспедиции возможно домино".—Calv. *Opp.* ix. Bonnet, *Récits du seizième Siècle*, p. 81.

[814] Кальвин в *Ефесе*. ст. 28-33.

[815] "Не суммируйся из—за врожденного генеза, не будь причиной экзоскуляризации, не будь формой смерти".-Calv. *Opp.* x. стр. 348.

[816] "Воспоминания о Филиппах" *о тех, кто погибает*'. —Фонтаниус Кальвину, январь 1541. Bonnet, *Récits*.

[817] "Лектиссима фемина", —Беза, *Вита Кальвини*, стр. 13.

[818] *Бюллетень французского протестантизма.*

[819] Беза-Колладон, *Жизнь Кальвина*, стр. 4.

[820] "Оптимальная жизнь общества". —Кальвин Вирету, 7 апреля 1549 г. *Еpp.* издание 1575 г., стр. 84.

[821] 'Fida quidem ministerii mei adjutrix fuit. Ab ea ne minimum quidem impedimentum unquam sensi.... Hæc animi magnitudo,' etc.—*Ibid.*

[822] *Французские письма Кальвина*, т. 28, к Дю Тайи, июль 1540г.

[823] "Адвенерат иллюд темпус кво конституционный Дом Женевской церкви мизерери".—Беза, *Вита Кальвини*, стр. 7.

[824] Готье, *История г-жи де Женев*, книга vi. стр. 341.

[825] Розет, *Хроника. CP.* книгу iv. гл. xxix. Готье, *История. CP.* книгу vi. Реестры Собора.

[826] Зарегистрирован 9, 24 и 25 июля, 5 и 6 августа. Розет, книга iv. глава xxxi. Готье.

[827] Новости дня.

[828] Розет, *Хроника.* книга IV. глава xxxv. Регистры. Готье.

[829] Беза-Колладон, *Жизнь Кальвина*, стр. 44.

[830] Регистрируется. Розе, Готье, Роже.

[831] *Хроника. де Розе*, книга iv. глава xxxix. Готье, Показания свидетелей. Роже.

[832] Бонивар, *Древняя и новая полиция Женевы*, стр. 48-51. Розет, *Хроника*, ср. главу xxxix. Готье, *хист. СР*.

[833] Розет, *Хроника*, ср. книгу iv. гл. xl.

[834] Бонивар, *Древняя и новая полиция Женевы*, стр. 51. Смотрите также Реестры, Готье, Обвинительный акт.

[835] Готье, *История. СР*. книгу vi. стр. 393. Розет, *Хроника г-жи де Женев*, книга iv. глава xli.

[836] Розет, *Хроника г-жи де Женев*, книга iv, глава xli.

[837] 'Zwei Tage später hielten die Sieger (die Frömmen) in dem Rathhaus ein öffentliches Freudenmahl.'—Kampschulte, *Johann Calvin*, p. 303. Этот *Фройденмал* - басня, которую немецкий писатель слишком охотно принял.

[838] "Его великая пенка, выброшенная из желудка, чивитас Фареллум суум и Кальвинум, требующая немедленного обращения".—Беза, *Вита Кальвини*, стр. 7.

Примечание переписчика:

1. Очевидные орфографические, пунктуационные и типографские ошибки были исправлены автоматически.
2. Несбалансированные кавычки были исправлены, когда изменение было очевидным, и в остальном оставлены несбалансированными.